Священное Писание

в толкованиях святителя

Иоанна Златоуста

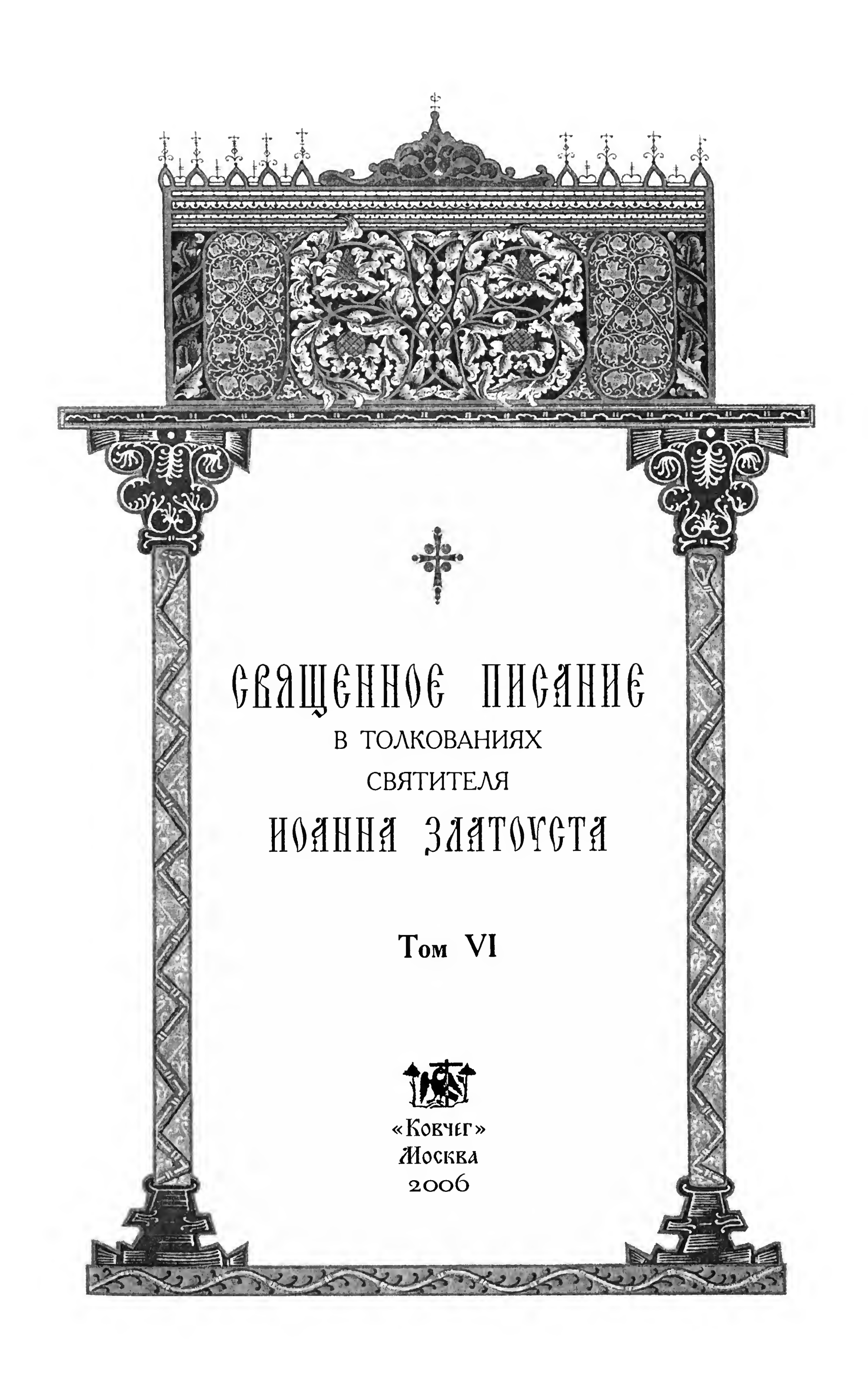
Том VI

Деяния св. Апостолов

Послание ап. Павла Колоссянам

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, я́коже све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Златоу́сте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бо́га
спасти́ся душа́м на́шим.



Священное Писание
в толкованиях святителя
Иоанна Златоуста

Том VI

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том VI. Беседы на Деяния апостольские. Толкование на Послание к колоссянам. — М.: «Ковчег», 2006. — 800 с.

ISBN 5-98317-089-9

Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 50,0 п. л. Усл. печ. л. 32,25.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2580

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

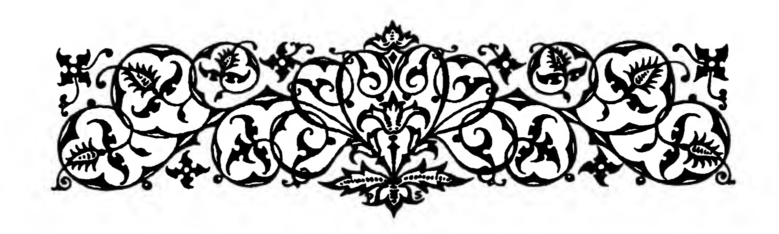
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА ДЕЯНИЯ АПОСТОЛЬСКИЕ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ



БЕСЕДЫ НА ДЕЯНИЯ АПОСТОЛЬСКИЕ*

БЕСЕДА I

Первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити, даже до дне, в он же заповедав апостолом Духом Святым, ихже избра, вознесеся (Деян. I, 1, 2)

1. Многие не знают даже и того, что эта книга существует, — (не знают) ни самой книги, ни того, кто ее написал и составил. Поэтому-то в особенности я и решился заняться этим произведением, чтобы и научить незнающих, и не допустить, чтобы такое сокровище таилось и оставалось в неизвестности. Эта книга может принести нам пользы не меньше самого Евангелия: такого исполнена она любомудрия, такой чистоты догматов и такого обилия чудес, в особенности совершенных Духом Святым. Не будем же оставлять ее без внимания, но станем тщательно исследовать. Здесь можно видеть исполнение на деле тех пророчеств, какие Христос возвещает в евангелиях, истину, сияющую в самих событиях, и большую в учениках перемену к лучшему, произведенную в них Духом Святым. Христос говорил ученикам: всяк *веруяй в мя, дела, яже аз творю, и той сотворит, и болша сих сотворит* (Ин. XIV, 12), и предска-

---

* Настоящие беседы произнесены святителем в Константинополе в 400 или 401 году.

зывал им, что они *пред владыки и цари ведени будут,* что их станут бить на *соборищах их* (Мф. X, 17, 18), что они подвергнутся жесточайшим мукам и над всем восторжествуют, и что *евангелие проповестся* во всем мире (Мф. XXIV, 14): все это, равно как и еще большее другое, что Он говорил, обращаясь с учениками, представляется в этой книге исполнившимся со всей точностью. Здесь же увидишь и то, как сами апостолы как бы на крыльях обтекали землю и море, как они, боязливые и немудрые, вдруг сделались иными людьми, стали презирать богатство, сделались нечувствительны к славе, недоступны ни гневу, ни вожделению, и оказались решительно выше всего; (увидишь), что они имели великое единомыслие, и что между ними никогда уже не было, как прежде, ни зависти, ни спора о первенстве, а напротив, в них водворилась всякая совершенная добродетель, и в особенности начала сиять любовь, о которой и (Христос) много заповедовал им словами: *о семь разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35). Можно также найти здесь и догматы, которые, если бы не было этой книги, никому не были бы так хорошо известны; да и то, что составляет основание нашего спасения, — как по отношению к жизни, так и по отношению к догматам, — было бы темно и неясно. Но преимущественно здесь описываются деяния Павла, более всех потрудившегося. Это потому, что составителем книги был его ученик, блаженный Лука, которого добродетель можно усмотреть как из многого другого, так в особенности из того, что он неразлучно пребывал с учителем и постоянно за ним следовал. Так, когда Димас и Гермоген оставили Павла, и один пошел в Галатию, а другой в Далматию, — послушай, что апостол говорит о нем: *Лука един есть со мною* (2 Тим. IV, 10). И в послании к Коринфянам о нем же говорит: *егоже похвала во евангелии по всем*

церквам (2 Кор. VIII, 18). Также, когда повествует, что (Христос) *явися Кифе,* потом двенадцати, и говорит: по благовествованию, *еже приясте* (1 Кор. XV, 1, 3), – то разумеет евангелие Луки. Поэтому не погрешит тот, кто ему припишет это творение; а когда я говорю: ему, разумею – Христа. Если же кто скажет: почему же (Лука) не все описал, оставаясь с Павлом до конца? – то я отвечу, что и этого достаточно было для тех, кто хотел быть внимательным, что (апостолы) всегда заняты были делами нужнейшими и что главная забота их состояла не в том, чтобы писать книги, так как они многое сообщили и посредством неписанного предания.

Таким образом все, что заключается в этой книге, достойно удивления, но в особенности – то снисхождение апостолов, которое внушал им Дух Святой, приготовляя их на служение слову о домостроительстве спасения. Поэтому-то, сообщив столько о Христе, они немногое сказали о божестве Его, а больше говорили о Его человечестве, страдании, воскресении и вознесении. Теперь им прежде всего нужно было удостоверить в том, что Он воскрес и вознесся на небеса. Поэтому, как и сам Христос преимущественнее всего старался доказать, что Он пришел от Отца, так и Лука (в особенности доказывает), что Он воскрес и вознесся, и отошел к Отцу, и от Него пришел. Если не верили этому прежде, то тем более теперь, когда присоединилось воскресение и вознесение, все учение (о Христе) казалось иудеям невероятным. Потому-то постепенно и мало-помалу возводит их к высшему. А в Афинах Павел назвал Его даже просто человеком (Деян. XVII, 31), не сказав ничего больше, и – поступил правильно. Ведь, если (иудеи) часто покушались побить камнями самого Христа, когда Он говорил о равенстве Своем с Отцом, и называли Его за то богохульником, то они едва ли бы приняли слово об этом

от рыбарей, и особенно тогда, когда уже предшествовал крест.

2. Но зачем говорить об иудеях, когда и сами ученики, внимая высшим догматам, тогда часто смущались и соблазнялись? Поэтому Христос и говорил: много *имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. XVI, 12). Если же не могли они, несмотря на то, что столько времени обращались с Ним, были участниками стольких таин и видели столько чудес, – то как могли люди, только что отставшие от капищ, идолов и жертвоприношений, от кошек и крокодилов (таково именно было языческое богопочтение) и от прочих скверн, тотчас принять высокие речи о догматах? Да и сами иудеи, которых ежедневно учит и которым внушает закон: *слыши, Израилю, Господь Бог твой Господь един есть,* и кроме Его нет другого (Втор. VI, 4), которые видели Христа пригвожденным к древу крестному, которые даже сами и распяли, и погребли Его, но не видели воскресшим, – иудеи, слыша, что Он-то и есть Бог и что Он равен (Отцу), не должны ли были скорее всех отступить и удалиться? Потому-то (апостолы) постепенно и мало-помалу возводят их к понятиям высшим и, с одной стороны, выказывают великое снисхождение, а с другой – пользуются обильнейшей благодатью Духа и именем (Христа) творят чудеса еще большие, нежели какие Он сам сотворил, чтобы посредством того и другого воздвигнуть лежащих долу и удостоверить слово о воскресении. Настоящая книга и содержит в себе по преимуществу это, именно доказательства воскресения, так как уверовавшему в последнее уже легко было принять и все остальное. Итак, вот в чем говоря вообще, преимущественно состоит содержание и вся цель этой книги. Послушаем же теперь самое ее вступление. *Первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити* (ст. 1). Для чего (Лука) напоминает Феофилу о Еванге-

лии? Чтобы показать свою точность, так как в начале той книги он говорит: *изволися и мне, последовавшу выше вся испытно, поряду писати тебе* (Лк. I, 3), и не довольствуется своим только свидетельством, но все возводит к апостолам, говоря: *якоже предаша нам иже испервa самовидцы и слуги бывшии Словесе* (ст. 2). Поэтому-то, сделав достоверным свое слово там, он и не нуждается здесь в новом удостоверении, так как однажды приобрел уже себе доверие (Феофила) и тем произведением показал ему свою точность и истинность. А кто был достоин веры и кому действительно верили, когда он писал то, что слышал, тому тем справедливее верить, когда он излагает не то, что принял от других, но что сам видел и слышал. Если, говорит, ты принял (мое повествование) о Христе, то тем больше (примешь повествование) об апостолах. Что же? Разве то его произведение (Евангелие) есть только (обыкновенная) история, и слово его не причастно Духа? Отнюдь нет. Почему? Потому, что то, что передали ему *иже испервa самовидцы и слуги, бывшии Словесе,* было от Духа. Но почему же он не сказал: *якоже предаша нам* удостоившиеся Духа Святого, но: *иже испервa самовидцы бывшии?* Потому, что это, то есть знание от самовидцев, всего более придает достоверность (повествованию), а то для людей неразумных показалось бы даже гордостью и хвастовством. Потому-то и Иоанн так говорил: аз *видех и свидетельствовах, яко сей есть Сын Божий* (Ин. I, 34). Да и Христос также говорит Никодиму, когда тот был еще груб: *еже вемы, глаголем, и еже видехом, свидетельствуем, и свидетельства нашего* никто не приемлет (Ин. III, 11). И опять, доказывая, что о многом можно свидетельствовать, основываясь и на данных зрения, Он говорил ученикам: и *вы свидетельствуете о* Мне, *яко искони со мною есте* (Ин. XV, 27). И сами апостолы часто так говорят: свидетели мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему (Деян. II, 32). А Петр впо-

следствии, чтобы уверить в воскресении, говорил: *иже с ним ядохом и пихом* (Деян. X, 41). Вообще (иудеи и язычники) скорее принимали свидетельство людей, которые обращались (с Христом), – потому что были еще очень далеки от познания Духа. Поэтому и Иоанн в своем Евангелии, повествуя о крови и воде, говорит, что он сам это видел (Ин. XIX, 35), выставляя им свое видение, как самое достоверное свидетельство. Конечно, внушения Духа несомненнее (свидетельства) зрения, но – не у неверных. А что Лука был причастен Духа, это видно из многого: из знамений, которые теперь совершаются, из того, что в то время и простые люди получали Духа Святого, из свидетельства Павла, который говорит о нем: *егоже похвала во евангелии* (2 Кор. VIII, 18), наконец из того, что он был удостоен рукоположения, так как Павел, сказав эти слова, прибавил: *но и освящен от церквей с нами ходити, со благодатию сею, служимою нами* (ст. 19).

3. И смотри, как он далек от хвастовства. Не говорит: первое евангелие, которое я благовестил, но *первое убо слово сотворих,* – считая наименование евангелия слишком высоким для себя. Апостол (Павел) именно за евангелие и прославляет его, говоря: *егоже похвала во евангелии;* но сам он смиренно говорит: *первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити.* Не просто говорит: *о всех,* но – (о всем) от начала до конца: *даже до дне,* говорит, *в онъ же вознесеся.* Но ведь Иоанн разъясняет, что невозможно было описать всего, и чтобы раскрыть это, говорит: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему миру вместити* (прибавляет) *пишемых книг* (Ин. XXI, 25). Как же, скажешь, Лука говорит о всем? Но он не сказал: все, а: *о всех,* а это значит тоже, что – вообще и сокращенно; или иначе: он говорит обо всем, что особенно важно и нужно. Далее показывает, в чем именно состоит это все.

Яже начат Иисус творити же и учити, – чем указывает на Его чудеса и учение, а также и да то, что Он учил самим делом. Заметь еще и то, как человеколюбива апостольская душа его, если и для одного человека он столько потрудился, что написал целое евангелие: *да разумеши*, говорит, *о них же научился еси словесех, утверждение* (Лк. I, 4), – так как он слышал слова Христа: *несть воля* Отца моего, *да погибнет един от малых сих* (Мф. XVIII, 14). Но почему он составил не одну книгу, между тем как посылал к одному Феофилу, а разделил ее на две части? Для ясности, а также и для того, чтобы дать слушателю возможность отдохнуть; притом же, эти писания различны и по самому содержанию. Но смотри, как Христос делами придавал достоверность Своим словам. Он наставлял в кротости и – говорил: *научатеся от мене, яко кроток есть и смирен сердцем* (Мф. XI, 29). Учил быть нестяжательными и показывал это самими делами: *Сын человеческий*, говорил Он, *не имать, где главы подклонити* (Мф. VIII, 20). Опять, заповедовал любить врагов, и наставлял этому, молясь на кресте за распинателей. Говорил: *хотящему судитися с тобою и ризу твою взяти отпусти ему и срачицу* (Мф. V, 40), а сам отдал не только Свои одежды, но и кровь. Так повелел Он поступать и ученикам. Поэтому и Павел говорил: *якоже имате образ нас* (Флп. III, 17). В самом деле, нет ничего бесполезнее учителя, который любомудрствует только на словах. Это свойственно не учителю, а лицемеру. Потому апостолы прежде учили жизнью, а потом словами; да им даже и не нужны были слова, потому что громко говорили их дела. Не ошибется также и тот, кто самое страдание Христа назовет действием: ведь через страдание Он сотворил великое и чудное дело – разрушил смерть и совершил все прочее. *Даже до дне, в оньже заповедав апостолом Духом Святым, их же избра, вознесеся* (ст. 2). *Заповедав духом,* то есть сказав им слова духовные,

(в которых не было) ничего человеческого. Или так надобно понимать эти слова, или же так, что Он заповедал им по внушению Духа. Видишь, как еще уничиженно (Лука) выражается о Христе? Так и сам Христос говорил о Себе: *аще ли же аз о Дусе Божии изгоню бесы* (Мф. XII, 28), – так как и Дух Святой действовал в том храме. Что же Он заповедал? *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. XXVIII, 19–20). Великую для апостолов похвалу составляет то, что им поручено было такое дело, то есть спасение вселенной, что им вверены были слова, исполненные Духа, – как на это и указывает (Лука), когда говорит: *Духом Святым,* разумея (слова Христовы): *глаголы, яже аз глаголах вам, Дух суть* (Ин. VI, 63). А говорит он это для того, чтобы возбудить в слушателе желание – узнать заповеди, и чтобы сделать апостолов заслуживающими доверия, так как они будут возвещать слова Духа и заповеди Христовы. *Заповедав,* – говорит он, – *вознесеся.* Не сказал (Лука): восшел, потому что все еще говорит о Нем, как о человеке. Итак, Христос учил учеников и после воскресения, но никто не изложил нам с подробностью всего, что произошло в то время. Более же других повествуют об этом Иоанн и писатель настоящей книги, но всего никто не рассказал ясно, – потому что все заботились о другом. Узнали же мы об этом от апостолов, так как они, что слышали, то и сообщили. *Пред нимиже и постави себе жива* (ст. 3). Сказав сначала о вознесении, говорит теперь и о воскресении. После того, как сказал: *вознесеся,* – чтобы ты не подумал, что Он вознесен был другими, – прибавил: *пред нимиже и постави себе жива.* Ведь, если Он сам совершил дело большее, то тем более мог совершить меньшее.

4. Видишь, как незаметно (повествователь) привсевает эти великие догматы? *Денми четыредесятми являлся*

им (ст. 3). В то время Христос уже не постоянно был с апостолами, – не так, как до воскресения. Заметь, не сказал: четыредесять дней: но: *денми четыредесятми,* так как Христос являлся и опять скрывался. Для чего же так? Чтобы возвысить мысли учеников и не допустить их обращаться с Ним по-прежнему. И не без причины Он делал это, но потому, что тщательно заботился об устроении двух вещей, – о том, чтобы поверили воскресению, и чтобы, наконец, думали о Нем выше, чем о простом человеке. Хотя эти (два дела) были противоположны одно другому, – так как, для уверения в воскресении надлежало случиться многому человеческому, а для убеждения в том (что Он выше человека) – напротив, – тем не менее, однако, и то, и другое произошло в надлежащее время. Почему же Он явился не всем, а только апостолам? Потому, что народу, не знавшему неизреченного таинства, Он показался бы привидением. Если и сами ученики сначала не верили, приходили в смущение и нуждались в прикосновении рукой и в общении трапезы, то чего естественно следовало ожидать от народа? Потому-то воскресение неопровержимо и доказывается чудесами, чтобы оно было несомненным не только для тогдашних людей, но и для всех последующих родов. Что у первых происходило оттого, что они видели чудеса, то у всех последующих должно было происходить от веры. Поэтому отсюда мы заимствуем доказательства и против неверных. В самом деле, если Он не воскрес, но остается умершим, то каким образом апостолы совершали знамения Его именем? Или они не совершали знамений? В таком случае, каким образом возник наш (христианский) род? Этого неверные, конечно, уже не станут отвергать и не будут спорить против того, что видят; а потому, когда они говорят, что знамений не было, то тем еще больше бесчестят сами себя. В самом деле, то было бы величай-

шее чудо, если бы без чудес вся вселенная прибегла (ко Христу), будучи уловлена двенадцатью бедными и неучеными людьми. Не множеством богатства, не мудростью слов, не другим чем-нибудь подобным победили рыбари, так что поневоле должно признать, что в них была сила божественная, так как невероятно, чтобы сила человеческая когда-либо могла столько сделать. Поэтому-то и сам (Христос) оставался (на земле) после воскресения сорок дней, давая видеть Себя в течение продолжительного времени, чтобы (ученики) не сочли видимого привидением. Да и этим Он не удовольствовался, но присовокупил еще и трапезу, о чем далее и говорит (Лука): с *ними же и ядый* (ст. 4). Это всегда и сами апостолы считали доказательством воскресения, говоря: *иже с ним ядохом и пихом* (Деян. X, 41). А что́ Христос делал во время Своих явлений, это показано в последующих словах: *являйся им и глаголя яже о царствии Божии* (ст. 3). А так как апостолы были опечалены и устрашены тем, что уже совершилось, а между тем им надлежало выступить на великие подвиги, то Он, ободряя их словами о будущем, *повеле им от Иерусалима не отлучатися, но ждати обетования Отча* (ст. 4). Сначала, когда они еще боялись и страшились, Он извел их в Галилею, чтобы они без страха могли выслушать слова Его. Потом, когда они выслушали и провели с Ним сорок дней, – *повеле от Иерусалима не отлучатися.* Для чего так? Как воинам, намеревающимся напасть на неприятеля, никто не позволит выступить прежде, чем они вооружатся; как коням не позволят выбежать на ристалища прежде, чем у них будет возница, – так и им (Господь) не дозволял выступить на борьбу прежде сошествия Святого Духа, чтобы множество (врагов) легко не одолело и не пленило их. И не только поэтому (повелевает не отлучаться от Иерусалима), но и потому, что там многие имели уверовать. К тому же, чтобы не

говорил кто-нибудь, что они, оставив своих *знаемых,* пошли хвалиться к иноземцам, — для этого они перед теми самыми людьми, которые умертвили (Христа), представляют доказательства Его воскресения, — перед теми самыми, которые распяли и погребли Его, в том самом городе, в котором дерзновенно совершено было это беззаконное дело, так что через это заграждены были уста и всем иноземцам. В самом деле, если сами распявшие Его явятся в числе уверовавших, то, очевидно, это будет явным знаком и креста, и беззакония поступка (иудеев), и великим доказательством воскресения. А чтобы ученики не говорили: как мы, когда нас так мало и мы так ничтожны, в состоянии будем жить среди такого множества людей нечестивых и дышащих убийством? — смотри, как Он избавляет их от этого страха словами: *но ждати обетования Отча, еже слышасте от мене* (ст. 4). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, когда Он говорил: *уне есть вам, да аз иду: аще до не иду аз, Утешитель не приидет к вам* (Ин. XVI, 7). И опять: *аз умолю Отца, и иного Утешителя* пошлет *вам, да будет с вами* (Ин. XIV, 16).

5. Но почему (Дух Святой) пришел не тогда, как Христос был еще (на земле), и не тотчас после Его отшествия, но, между тем, как Христос вознесся в сороковой день, Дух Святой пришел, *егда скончавашася дние пятдесятницы* (Деян. II, 1)? И каким образом, когда Духа еще не было, Христос говорил: *приимите Дух Свят* (Ин. XX, 22)? Это для того, чтобы приготовить учеников и сделать их способными к Его принятию. Ведь если Даниил пришел в изнеможение от того, что должен был увидеть ангела (Дан. VIII, 17), то тем больше (изнемогли бы) они, имевшие принять столь великую благодать. Или в таком смысле нужно понимать эти слова, или же так, что Христос сказал о будущем, как уже о совершившемся, подобно тому, как говорил:

наступайте *на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию* (Лк. X, 19). Но почему же Дух Святой не тотчас тогда пришел? Апостолы должны были воспламениться желанием этого события, и тогда уже получить благодать. Поэтому Дух Святой пришел тогда, когда Христос отошел. А если бы Он пришел в то время, когда (Христос) был еще (на земле), – в них не было бы такого ожидания. По той же причине Он пришел и не тотчас после вознесения Христова, но спустя восемь или девять дней. Так и мы тогда особенно обращаемся к Богу, когда бываем поставлены в какую-нибудь нужду. Поэтому и Иоанн тогда в особенности посылает учеников ко Христу, когда они должны были нуждаться в Иисусе, так как сам он был уже в темнице. А с другой стороны, надлежало, чтобы сначала наше естество явилось на небесах, и вполне совершилось примирение, а потом бы уже и пришел Дух, и (ученики) исполнились бы чистой радости. Если бы по пришествии Духа Святого Христос удалился, а Дух Святой пребыл (на земле), то в этом не было бы для них столько утешения, так как они были очень привязаны ко Христу, – почему Он и говорил, утешая их: *уне есть вам, да аз иду* (Ин. XVI, 7). Поэтому Он и отлагает на несколько дней (ниспослание Святого Духа), чтобы они, немного испытав печаль и почувствовав, как я сказал, нужду, насладились полной и чистой радостью. А если бы Дух был меньше Его, то этого утешения было бы недостаточно. Да и как бы Он мог говорит: *уне есть вам?* Для этого и предоставлена Духу Святому большая часть учения, чтобы не сочли Его меньшим. Заметь, в какую необходимость – быть в Иерусалиме – Христос поставил учеников тем, что обещал даровать там Духа. Чтобы они опять не разбежались после Его вознесения, – этим ожиданием, как бы некоторыми узами, Он, всех их там удерживает. Сказав же: *ждати обетования Отча, еже слышасте от мене,*

прибавил: *яко Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым не по мнозех сих днех* (ст. 5). Здесь, наконец, Он показывает различие между Собой и Иоанном, и уже не прикровенно, как прежде. Прежде Он очень затенил Свою речь, сказав: *мний во царствии небеснем болий его есть* (Мф. XI, 11); но теперь говорит гораздо яснее: *Иоанн крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым.* Уже не приводит самого свидетельства его (Мф. III, 11, 12), но только указывает на его лицо и тем самым напоминает о том, что было им сказано, и показывает, что они стали уже выше Иоанна, так как и сами они имели крестить Духом. И не сказал: вас же Я крещу Духом Святым, но: *имате, креститися,* – научая нас смиренномудрию. А что именно Он крестил, это уже очевидно было из свидетельства Иоанна, который сказал: *той вы крестит Духом Святым и огнем* (Лк. III, 16), – почему Христос и упомянул о нем одном. Итак, Евангелия повествуют о том, что сделал и сказал Христос, а деяния – о том, что сказал и сделал другой Утешитель. Конечно, Дух Святой многое совершал и прежде, подобно тому, как Христос действует и ныне, как (действовал) прежде; но прежде – через храм, а теперь – через апостолов. Тогда Он вошел в девственную утробу и образовал (в ней) храм, а теперь – в души апостольские; тогда (нисшел) в виде голубя, а теперь – в виде огня. Почему так? Там показывал кротость, а здесь строгость, и напоминая благовременно о суде. Когда надлежало простить грехи, нужна была великая кротость; а как скоро мы получили этот дар, – время уже суда и испытания. Но почему Христос говорит: *имате креститися,* когда в горнице не было воды? Потому что более главное (в крещении) есть Дух, через Которого действует и вода. Подобным образом и о самом Христе говорится, что Он был помазан, хотя Он никогда не был помазан елеем, а получил Святого Духа.

Впрочем, можно найти, что они были крещены и водой, и (крещены) в различные времена. У нас то и другое (крещение, то есть водой и Духом) бывает вместе, а тогда (было) раздельно. В начале они крещены были от Иоанна, – и это неудивительно. Ведь, если блудницы и мытари шли к тому крещению, то тем скорее (пришли) те, которые после этого должны были креститься Духом Святым. Потом, чтобы они не говорили: «это все еще только обещание», – так как Он и прежде много говорил об этом, – и чтобы не подумали, что это действие неосуществимое, – Он отклоняет их от такого предположения словами: *не по мнозех сих днех.* Когда именно, этого не объявила чтобы они всегда бодрствовали; сказал, что будет скоро, чтобы они не ослабели, однако, не присоединил, когда именно, чтобы всегда были бдительны. И не этим только уверяет их, то есть не краткостью только времени, но и словами: *обетование, еже слышасте от мене* (ст. 4). Его слова значат: не теперь только Я сказал вам, но уже и прежде обещал это, – что непременно и исполню. Итак, зачем же ты удивляешься тому, что Он не сказал дня кончины (мира), когда и этого дня, столь близкого, не восхотел объявить? И это Он сделал вполне естественно, – чтобы они всегда бодрствовали, ожидали и заботились.

6. Невозможно, поистине невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствует. Разве не знаешь, что говорит Илия своему ученику? *Аще узриша мя веземлема, будет ти тако* (4 Цар. II, 10), – то есть будет тебе то, чего ты просишь. И Христос всегда говорил приходящим к Нему: веруешь ли? – потому что, если мы не освоимся с тем, что даруется, то не будем сильно чувствовать и благодеяния. Так и на Павла не тотчас сошла благодать, но наперед прошло три дня, в которые он оставался слепым, томился страхом и приготовлялся. Как те, которые окрашивают багряницу, сначала

некоторыми другими веществами подготовляют материю, назначаемую для окраски, чтобы цвет вышел не линючий, так и здесь Бог сначала приготовляет бодрственную душу, и тогда уже изливает благодать. Поэтому-то и не тотчас Он послал Духа, но в пятьдесятницу.

Если же кто станет говорить: почему и мы не крестим в это время? – то я отвечу, что благодать и в пятьдесятницу, и ныне – одна и та же; но ум теперь бывает возвышеннее, потому что предуготовляется постом. Да и время пятьдесятницы имеет также не несообразное с этим некоторое значение. Какое же именно? Отцы наши считали крещение достаточной уздой для злого вожделения и великим уроком – жить целомудренно и во время самого веселья. Поэтому, как бы вкушая с самим Христом и участвуя в Его трапезе, не станем ничего делать просто, но пребудем в постах, молитвах и в великом воздержании. Если тот, кто хочет получить мирское начальство, приготовляет себе, все необходимое для жизни и, чтобы достигнуть какого-либо достоинства, тратит деньги, не жалеет времени, переносит бесчисленные труды, то чего достойны мы, когда с таким нерадением приступаем к царству небесному, не заботимся о нем прежде, чем получим, и нерадим, когда получим? А оттого мы и бываем нерадивы после получения, что не были бдительны до получения. Поэтому-то многие тотчас после получения и возвратились на *свою блевотину* (2 Пет. II, 22), сделались худшими и навлекли на себя тягчайшее наказание. Они освободились от прежних грехов, но потому-то особенно и прогневали Судью, что, и освободившись от такого недуга, не исправились, но потерпели то, чем Христос угрожал расслабленному, говоря: *се здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. V, 14), и что Он предсказывал об иудеях, показывая, что они неисцельно пострадают за свою неблагодарность: *аще не бых при-*

шел и глаголал им, греха не быша имели (Ин. XV, 22). Так грехи, совершаемые после (крещения), делаются вдвое и вчетверо тяжелее. Почему? Потому что, сподобившись чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель (крещения) нисколько не облегчает для нас наказания. Заметь: имел ли кто тяжкие грехи (до крещения), совершил ли, например, убийство, или прелюбодеяние, или сделал что-нибудь другое, еще более тяжкое, – все это отпускается через купель крещения. В самом деле, нет, подлинно нет никакого греха и нечестия, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это – божественная благодать. Но, если кто опять впал в прелюбодеяние и совершил убийство, то, хотя прежнее прелюбодеяние разрешено и то убийство отпущено, и уже не вспоминается, так как *нераскаянна дарования и звание Божие* (Рим. XI, 29), – тем не менее за эти грехи, совершенные после крещения, мы подвергаемся такому же наказанию, как если бы и прежние были приняты во внимание, и даже гораздо большему. Это уже не просто грех, но грех двойной и тройной. А что за эти грехи (ожидает) большее осуждение, – послушай, что говорит Павел: *отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, и Духа благодати укоривый* (Евр. X, 28, 29)?

Может быть, я многих отвлек теперь от принятия крещения? Но я сказал это не с этой целью, а для того, чтобы принявшие (крещение) пребывали в целомудрии: и усиленно вели честную жизнь. Но я боюсь, скажет кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принял бы и стал бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь (не сохранить)? А так (без крещения) отойти не боишься? Бог, скажешь, человеколюбив?

Потому-то и прими крещение, что Он человеколюбив и помогает нам. Но ты, когда нужно бы позаботиться (о крещении), не представляешь себе этого человеколюбия; а когда хочешь отложить его, тогда о нем вспоминаешь, между тем, как это человеколюбие имеет место в первом случае, и к нам оно будет проявлено в особенности тогда, когда и со своей стороны привнесем, что следует. Кто во всем положился на Бога, тот, если и согрешит, как то свойственно человеку, после крещения, через покаяние сподобится человеколюбия; а кто, как бы мудрствуя о человеколюбии Божием, отойдет (отсюда) чуждым благодати, тот подвергнется неизбежному наказанию. Зачем же ты поступаешь так против своего спасения? Невозможно, совершенно невозможно, как я, по крайней мере, думаю, чтобы человек, который отлагает (крещение), обольщая себя такими надеждами, совершил что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страх и прикрываешься неизвестностью будущего? Почему не переменяешь этого страха на труд и старание, чтобы стать великим и достойным удивления? Что лучше – бояться или трудиться? Если бы кто-нибудь посадил тебя без всякого дела в разваливающемся доме и сказал: «ожидай, что может упасть на твою голову потолок, так как он уже гнил (может быть, он упадет, а может быть, и не упадет); если же ты не хочешь этого, то трудись и живи в здании более безопасном», – то что бы ты предпочел? Праздность ли ту, соединенную со страхом, или этот труд, – с уверенностью в безопасности? Поступай же так точно и теперь. Неизвестное будущее – это как бы некоторый истлевший дом, всегда угрожающий падением; а этот труд, соединенный с утомлением, обещает безопасность.

7. Итак, не дай Бог, чтобы мы подверглись столь великому несчастью – грешить после купели. Но, если

бы и случилось что-нибудь подобное, то и при таких обстоятельствах не будем отчаиваться. Бог человеколюбив и предоставил нам много путей к получению прощения и после (крещения). И как те, которые грешат после купели, по этой самой причине наказываются больше оглашенных, так и те, которые знают, что есть врачество покаяния и не хотят им воспользоваться подвергнутся тягчайшему наказанию, потому что чем больше умножается человеколюбие Божие, тем больше усиливается и наказание, если мы должным образом не воспользуемся им. Что ты говоришь, человек? Ты был исполнен такого множества зол, ты был без всякой надежды на спасение, — и внезапно сделался другом (Божиим) и возведен на высшую почесть, не за свои подвиги, но по дару Божию. Ты опять возвратился к прежним постыдным делам, за что и заслуживал бы тяжкого наказания; но Господь и при этом не отвратился от тебя, а дал бесчисленные средства ко спасение, через которые (опять) можешь сделаться Его другом. Так (поступает) Бог, а ты и при этом не хочешь потрудиться? Какого же, наконец, ты будешь достоин прощения? И несправедливо ли будут смеяться над тобой язычники, как над каким-нибудь трутнем, живущим попусту и напрасно? Если ваше любомудрие, скажут они, имеет силу, то объясните, что значит это множество непосвященных? Прекрасны и вожделенны таинства, но пусть никто не принимает крещения, когда уже разлучается с душой. Тогда — время не таинств, но завещаний; а время таинств — здравое состояние ума и целомудрие души. Скажи мне: если никто не решится написать завещание, находясь в таком состоянии, а если и напишет, то этим даст возможность впоследствии опровергнуть его, — почему и начинают завещания вот этими словами: «я, при жизни, находясь в полном и здравом разуме, делаю распоряжение

о своем имуществе», — то как возможно тому, кто потерял сознание, быть правильно посвященным в таинства? Если мирские законы не позволяют составлять завещания о житейских вещах человеку, не вполне владеющему разумом, — не позволяют, несмотря на то, что он здесь распорядился бы своим имуществом, то как ты, наставляемый (в учении) о небесном царствии и о тех неизреченных благах, в состоянии будешь ясно все узнать, когда от болезни часто теряешь и рассудок? Да и как ты скажешь Христу, спогребаясь с Ним, те слова, когда ты уже отходишь? Ведь и в делах, и в словах надобно выказывать к Нему расположение. А ты делаешь тоже, как если бы кто захотел записаться в число воинов, когда война уже оканчивается, или как если бы борец стал снимать с себя платье, когда бывшие на зрелище уже встали. Ты берешь оружие не для того, чтобы тотчас отступить, но чтобы, взяв, одержать победу над противником. Пусть никто не считает слова об этом неблаговременными потому, что теперь не четыредесятница. О том-то я и сокрушаюсь, что вы наблюдаете время в подобных делах. Ведь евнух тот (Деян. VIII, 27), несмотря на то, что был варваром, что путешествовал и находился среди большой дороги, — не рассуждал о времени. Так точно (поступил) и темничный страж (Деян. XVI, 29), хотя находился среди узников, видел учителя избитым и связанным, и полагал, что он еще останется в темнице. А теперь многие, несмотря на то, что живут не в темнице и не в пути находятся, отлагают (свое крещение), и отлагают до последнего издыхания.

8. Итак, если ты еще сомневаешься в том, что Христос есть Бог, то стой вне (церкви), не слушай божественных слов и не считай себя в числе оглашенных. Если же не сомневаешься и ясно знаешь это, то зачем медлишь? Зачем уклоняешься и откладываешь? Боюсь,

говоришь, как бы не согрешить. А не боишься того, что страшнее, — как бы не отойти туда со столь тяжким бременем? Ведь не все равно — не принять благодати предлагаемой и, решившись жить добродетельно, погрешить. Скажи мне: если станут обвинять тебя, зачем ты не приступил (к крещению), почему не жил добродетельно, — что ты скажешь? Там ты еще можешь, пожалуй, сослаться на тяжесть заповедей и добродетели; но здесь нет ничего такого, здесь — благодать, даром дающая свободу. Но ты боишься, как бы не согрешить? Говори это после крещения, тогда имей этот страх, — для того, чтобы сохранить дерзновение, которое ты получил, а не для того, чтобы уклоняться от такого дара. А то, до крещения ты благочестив, после же крещения — легкомыслен. Но ты ожидаешь времени четыредесятницы? Для чего? Разве то время имеет что-нибудь особенное? Апостолы не в пасху удостоились благодати, но в другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысяч, равно как Корнилий, евнух и очень многие другие. Итак, не будем выжидать времени, чтобы через медленность и отлагательство не лишиться столь великих благ и не отойти без них. Как, подумайте вы, я скорблю всякий раз, как слышу, что кто-нибудь отошел отсюда, не будучи посвящен в таинства, и всякий раз, как представляю себе те нестерпимые муки и неизбежное наказание! Как опять я сокрушаюсь, когда вижу других, дошедших до последнего издыхания, но и тем не вразумляющихся! Потому-то и происходит многое, недостойное этого дара. Следовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться венками, когда кто-нибудь посвящается в таинства; а (у нас) жена больного, когда услышит, что врач присоветовал это, сокрушается и плачет, как о каком-нибудь несчастье; везде в доме вопли и стенания, как бы по осужденным,

отводимым на казнь. Да, в свою очередь, и сам больной тогда в особенности печалится; а если выздоровеет, то еще больше сокрушается, как будто ему сделали великое зло. Так как он не был приготовлен к добродетели, то ленится и уклоняется от следующих затем подвигов. Видишь, какие козни устрояет диавол, какому (подвергает) стыду, какому посмеянию? Освободимся же от этого посмеяния! Будем жить, как Христос заповедал! Не для того Он дал крещение, чтобы мы, приняв его, отошли (в вечность), но чтобы, пожив, показали плоды. Как скажешь: «приноси плоды» тому, кто уже отходит, кто уже отсечен? Не слышал ли, что *плод духовный есть любы, радость, мир* (Гал. V, 21)? Как же происходит противное? Жена стоит в слезах, когда бы следовало радоваться; дети рыдают, когда бы нужно было веселиться; сам больной лежит мрачен, в страхе и смущении, когда бы должно было торжествовать: он в сильной печали от мысли о сиротстве детей, о вдовстве жены, о запустении дома. Так ли, скажи мне, приступают к таинствам? Так ли приобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлет указ об освобождении узников из темницы, то бывает веселье и радость; а когда Бог посылает с небес Духа Святого и прощает не денежные недоимки, но все вообще грехи, то вы все плачете и сокрушаетесь? Что это за несообразность? Не говорю еще о том, что и на мертвых была изливаема вода, и на землю была повергаема святыня; но не мы в этом виноваты, а люди безрассудные. Поэтому умоляю вас, — оставим все, обратимся к себе самим и со всей ревностью приступим ко крещению, чтобы, показав и в настоящей жизни великую ревность, получить и будущее дерзновение, которого и да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Они же убо сошедшеся вопрошаху его, глаголюще: Господи, аще в лето сие устрояеши царство Израилево (Деян. I, 6)?

1. Ученики, намереваясь о чем-нибудь спросить (Господа), приступают к Нему все вместе, – и это делают для того, чтобы самой многочисленностью своей склонить Его к ответу. Они знали, что прежние слова Его – *о дни том никтоже весть* (Мф. XXIV, 36) – сказаны были Им для отклонения от Себя вопроса, – не по незнанию, но по нежеланию отвечать. Поэтому-то опять приступают к Нему и спрашивают; а они не спросили бы, если бы действительно были убеждены (в Его незнании). Так как они услышали, что получат Духа Святого, то хотели узнать (то время), как уже достойные того и готовые избавиться (от бед). Они не хотели повергнуть себя в опасности, но насладиться покоем, так как немаловажно было то, что уже с ними случилось, а напротив, они находились в крайней опасности. Поэтому-то, ничего не сказав Ему о Духе, они спрашивают: *Господи, аще в лето сие устрояеши царствие Исраилево?* Не сказали: когда? но: не ныне ли? – так желали они узнать этот день. Поэтому-то и приступают с великой почтительностью. А мне кажется, что они не совсем ясно и понимали, что такое было это царствие, так как еще не были научены Духом. И не сказали: когда это будет? – но что? *Аще в лето сие устрояеши царствие Исраилево?* – как будто оно уже разрушилось. Так спрашивали они потому, что все еще привязаны были к предметам чувственным, хотя и не в такой мере, в какой прежде. Они еще не сделались лучшими; впрочем, о Христе думали уже выше. А так как они возвысились, то и Он беседует с ними возвышеннее; уже не говорит им, что *о дни том* даже и Сын не знает (Мк. XIII, 32), – но что? *Несть ваше*

разумети времена и лета, яже Отец положи во своей власти (ст. 7). Слишком многого, говорит, домогаетесь, – хотя, впрочем, они знали уже и то, что было гораздо важнее. А чтобы ты точно понял это, – смотри, сколь многое я перечислю. Скажи мне, что важнее того, что им было открыто? Они узнали, что Христос есть Сын Божий, и что Бог имеет Сына равночестного; узнали, что будет воскресение; узнали, что Христос вознесся и воссел одесную Отца. Узнали и то, что еще изумительнее этого, – что плоть сидит горе и что ей поклоняются ангелы. Узнали, что Господь опять придет судить весь мир и что тогда и они сядут судьями двенадцати колен Израилевых; узнали, что иудеи отвержены, а что вместо них войдут в царствие Божие язычники. Знать, что это будет, – дело великое; а постигнуть, что кто-нибудь или когда-нибудь будет царствовать, – в этом нет ничего великого. Павел узнал то, чего *не леть есть человеку глаголати* (2 Кор. XII, 4), узнал все, что предшествовало этому миру. Что труднее узнать: начало или конец? Очевидно, – первое. А это узнал Моисей и, исчисляя годы, показывает, когда (это было) и за сколько времени. Знал это и Соломон, почему и говорил: *помяну яже от века* (Притч. VIII, 21). Итак, что (то время) близко, об этом впоследствии узнали и апостолы, как и Павел говорит: *Господь близ, ни о чем же пецытеся* (Флп. IV, 5–6); но тогда еще не знали, хотя им и были указаны признаки. И Христос, как (прежде) сказал: *не по мнозех сих днех* (ст. 5), но точно не обозначил времени, желая, чтобы они бодрствовали, так поступает и теперь. С другой стороны, и они здесь спрашивают не о кончине (мира), но о царствии, почему и говорили: *аще в лето сие устрояеши царствие Исраилево?* Но Он и этого не открыл им. А о конце (мира) они также спрашивали Его еще прежде этого; но тогда Он отвечал им с большей суровостью, чтобы они не думали, что освобождение их близ-

ко, и подверг их опасностям, а теперь не так, но — с большей кротостью. И чтобы (слова Его) не показались им обидными и только отговоркой, — послушай, как Он тотчас обещает даровать им то, чему они обрадовались бы, — и именно, Он прибавил: *но приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидетели в Иерусалиме* же, *и во всей Иудеи и Самарии, и даже до последних земли* (ст. 8). Затем, чтобы они снова не стали спрашивать Его, Он тотчас вознесся. Поэтому, как там Он омрачил их страхом и тем, что сказал: не знаю, так и здесь — тем, что после этих слов вознесся. Они имели сильное желание знать об этом и не отступили бы (от Христа), а между тем было весьма нужно, чтобы они не узнали. Скажи мне: чему больше не веруют язычники, — тому ли, что будет кончина, или тому, что Бог соделался человеком, произошел из утробы Девы и явился к людям с плотью? Не последнему ли? Без сомнения, так скажешь и ты. Но я стыжусь постоянно говорить об этом, как о каком-нибудь безразличном предмете. А чтобы они в свою очередь не сказали: для чего Ты так высоко ценишь это дело, — Он говорит: *яже Отец положи во своей власти*. Но ведь власть Отца и власть Его одна и та же, как это видно из того, что Он говорит: *якоже Отец воскрешает мертвыя и живит, тако и Сын ихже хощет живит* (Ин. V, 21). Если там, где должно действовать, Он действует с той же властью, как и Отец, то ужели там, где надобно знать, Он знает не с той же властью? Воскрешать мертвых, — очевидно, дело гораздо большее, чем узнать тот день. Если же Он совершает со властью дело важнейшее, то не гораздо ли скорее — дело другое, менее значительное?

2. Но, чтобы сделать это для вас понятным, я объясню примером. Подобно тому, как мы, когда видим, что дитя плачет и постоянно просит у нас какой-нибудь ненужной ему вещи, подальше спрятав эту вещь, пока-

зываем пустые руки и говорим: видишь, у нас нет, — так и Христос поступил с апостолами. Но то дитя, хотя мы и не показываем (просимой вещи), продолжает плакать, зная, что его обманули. Тогда мы оставляем его и уходим, говоря: меня зовет такой-то, а ему даем взамен просимого что-нибудь другое, чтобы отвлечь его от избранной им вещи, причем хвалим эту свою вещь больше той, и, дав ее, удаляемся. Так поступил и Христос. Ученики просили; Он сказал, что у Него нет, и на первый раз даже устрашил их. Когда же они снова стали просить, Он опять сказал, что у Него нет, но только теперь не устрашает их, а показав то, что сделал, высказывает и благовидную причину, именно: *Отец положи во своей власти.* Что же? Ты не знаешь того, что принадлежит Отцу? Его самого знаешь, а того, что принадлежит Ему, не знаешь? Ты сам сказал: *ни Отца кто знает, токмо Сын* (Мф. XI, 27). Притом (сказано): *Дух вся испытует, и глубины Божия* (1 Кор. II, 10); а Ты и этого не знаешь? Отнюдь нет. Он сказал это не для того, чтобы мы так подумали; Он показывает Себя незнающим, чтобы отвлечь учеников от неуместного вопроса. Снова спросить они побоялись, чтобы не услышать: ужели *и вы неразумливи есте* (Мк. VII, 18)? — потому что теперь они страшились Его гораздо больше, нежели прежде. *Но приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы.* Как там Он отвечал не на то, о чем спрашивали, — потому что дело учителя — учить не тому, что хочет знать ученик, а тому, что полезно для него, — так и теперь предсказывает то, что им нужно было знать, чтобы не бояться. Они были еще немощны, и, чтобы внушить им дерзновение, Он ободрил их души и прикрыл трудности. Так как Он скоро уже должен был оставить их, то, беседуя с ними, не говорит прямо ничего скорбного; но как? К словам скорбным присоединяет похвалу, как бы говоря: не бойтесь, потому что вы *приимете силу нашедшу Свя-*

тому Духу на вы, и будете ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудеи, и Самарии. Прежде Он сказал: *на путь язык не идите, и во град самарянский не внидите* (Мф. X, 6), а теперь хочет, чтобы они проповедовали *во всей Иудеи и Самарии;* поэтому, чего тогда не сказал, то теперь присовокупил, говоря: *и далее до последних земли.* И после того, как сказал им о том, что всего страшнее, – чтобы они опять не стали спрашивать Его, – *зрящим им взятся, и облак подъят его от очию их* (ст. 9). Видишь ли, что они проповедали и исполнили евангелие? Поистине, великое дело Он даровал им! Где, говорит, вы боялись, в Иерусалиме, там сначала проповедуйте, а потом – *даже до последних земли.* Затем опять удостоверение в сказанном: *зрящим им*, говорит (писатель), *взятся.* Они не видели, когда Он воскрес, но видели, когда Он *взятся,* так как и здесь зрение могло постигнуть не все. Воскресения они увидели конец, но не видели начала; а вознесения увидели начало, но не видели конца. Излишне было видеть начало воскресения, когда присутствовал сам возвещавший его, и когда гроб показывал, что Его там нет; а что последовало за вознесением, то надобно было узнать из слова. Так как глаза не могли проникнуть в высоту и показать, вознесся ли Он точно на небо, или – только как бы на небо, то смотри, что совершается. Что это был именно Иисус, они знали из того, что Он беседовал с ними, – так как зрением, по дальности расстояния, они не могли уже распознавать Его; а что Он взимается на небо, это уже объяснили им сами ангелы. Смотри, как устраивается, чтобы не все известно было от Духа, но (нечто) – и от зрения. Для чего же *облак подъят его?* И это служит знаком, что Он вознесся на небо. Не огонь, не колесница огненная, как было с Илией, но *облак подъят его;* а это было символом неба. Так и пророк говорит: *полагали облаки на восхождение свое* (Пс. CIII, 3), – хотя это сказано об Отце. Поэтому выра-

жение: «на облаке» значит: на символе божественной силы, так как на облаке нигде не представляется никакая другая сила. Послушай опять, что говорит другой пророк: *Господь седит на облаце легце* (Ис. XIX, 1).

3. Это случилось тогда, когда вопрос касался предмета важного, когда ученики были очень внимательны к тому, что говорилось, когда они были возбуждены и не дремали. И на горе (синайской), когда Моисей вошел в мрак (Исх. XXIV, 15), облако было также ради Христа, а не ради Моисея. (Христос) не сказал только: Я отхожу, чтобы ученики опять не стали сетовать; но вместе с тем сказал: Я посылаю Духа. А что Он отходил на небо, это они видели своими глазами. О, какого видения удостоились они! *И егда*, сказано, *взирающе бяху на небо идущу ему, и се мужа два стаста пред ними во одежди беле, иже и рекоста: мужие галилейстии, что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо* (ст. 10, 11). Употребляют слово указательное: *сей*, говорят, *вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте его идуща на небо* (ст. 11). Опять светлый образ! Некие ангелы, облекшись в человеческий образ, внезапно предстали и говорят: *мужии галилейстии*. Потому самому, что сказали: *мужие галилейстии*, они уже казались ученикам достойными веры. А если бы не это было их целью, то к чему бы им нужно было указывать ученикам на их отечество, им известное? И самым видом своим они привлекли к себе учеников и показывали, что они – с неба. Почему же не сам Христос говорит это ученикам, но ангелы? Он сам обо всем беседовал с ними прежде, так что через ангелов только напоминает им то, что они уже слышали. И не сказали (ангелы): кого вы видели вознесенным, но: кого видели *идуща на небо*, – чтобы показать, что Его вознесение есть восшествие; а плоти свойственно быть вознесенной. Поэтому говорят: *вознесыйся от вас, такожде приидет*, – не послан

будет, но *приидет.* Где же меньшинство (Сына)? *Облак подъят его.* Прекрасно, – так как Он сам восшел на облако, почему восшедший есть Тот же самый, Который и нисшел (Еф. IV, 10). Но ты смотри, как одно говорится применительно к их мыслям, а другое – сообразно с достоинством Божиим. Впрочем, и ум смотревших теперь возвысился; Господь даровал им немалое познание второго пришествия. Слова: *такожде приидет* означают то, что Он придет с телом, – так как это они желали услышать, и что опять придет на суд таким же образом, – на облаке. *И се,* сказано, *мужа два стаста.* Почему сказано: *мужа?* Потому, что (ангелы) приняли совершенный образ мужей, чтобы (ученики) не испугались. *Иже и рекоста: что стоите, зряще на небо?* Такими словами они и обнаруживают приветливость, и не позволяют им тотчас же ожидать Его возвращения. Что важнее, о том они говорят, а о менее важном умалчивают. Что Он *такожде приидет,* и что Его должно ожидать с неба, это говорят; а когда, о том умалчивают. Таким образом они отвлекли учеников от того зрелища и обратили их к своей речи, чтобы ученики, не имея уже возможности видеть Христа, не подумали, что Он не вознесся, но остановились мыслью на их словах. Если и прежде ученики говорили: *камо идеши* (Ин. XIII, 36), то тем больше сказали бы теперь. *Аще в лето сие устрояеши царствие Исраилево?* Столько знали они Его кротость, что и после страданий спрашивают Его: *аще устрояеши?* Правда, Он уже прежде сказал им: *услышати имате брани и слышания бранем, но не тогда есть кончина,* и Иерусалим еще не будет пленен (Мф. XXIV, 6); но теперь они спрашивают о царствии, а не о кончине. Впрочем, после воскресения Он уже непродолжительное простирает к ним слово. Они спрашивают, полагая, что и сами. окажутся в славе, если это сбудется; но Он не объявил, устроит ли (это царство), или нет. Для чего им нужно

было знать о том? Поэтому-то, убоявшись, они уже не сказали: *что есть знамение твоего пришествия и кончины века* (Мф. XXIV, 3)? но: *аще устрояеши царствие Исраилево*? Они думали, что оно уже открылось; между тем, Он и в притчах показал, что оно не близко; и когда спросили Его, то отвечал не на вопрос, а следующее: *приимете силу нашедшу Святому Духу на вы.* Смотри: не сказал, что (Дух) будет послан, но: *нашедшу,* – чтобы показать Его равночестность. Как же ты, духоборец, дерзаешь называть Его тварью? *И будете ми свидетели.* Сделал намек на вознесение, — или лучше, и теперь снова напомнил им о том, о чем они уже слышали раньше. Уже было показано, что Он восшел на небо. *Облак и мрак,* сказано, *под ногама его* (Пс. XCVI, 2; XVII, 10); а это и значат слова: *облак подъят его,* то есть Владыку неба. Как колесница царская указывает царя, так и к Нему послана была царская колесница, чтобы ученики не говорили ничего скорбного и не потерпели того же, что Елисей, растерзав ризу, когда учитель его вознесся. Что же говорят (ангелы)? *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет.* Притом (сказано): се *мужа два стаста пред ними.* Так и следовало, потому что *при устех двою свидетелей станет всяк глагол* (2 Кор. XIII, 1). Так именно они и говорят. *Во одежди,* сказано, *беле.* Как прежде при гробе (жены) уже видели ангела в *ризах блещащихся* (Лк. XXIV, 4), который и возвестил им то, о чем они думали, так и свидетелем вознесения Христова является ангел. Впрочем, об этом, как и о воскресении, многократно предсказывали и пророки.

4. Ангелы везде являются вестниками, например, при рождестве Христовом, опять при (благовещении) Марии, как и при воскресении; так точно — и при вознесении; да и при втором пришествии ангелы явятся предтечами. Так как они сказали: *сей Иисус, вознесыйся от вас,* то, чтобы не привести учеников в недоумение, —

присовокупили: *такожде приидет.* Ученики несколько успокоились, услышав, что Он опять придет, и придет так же, и не будет недоступен. Не без причины поставлено и слово: *от вас,* но оно показывает любовь Христа к ученикам, их избрание, и то, что Он не оставит тех, кого избрал. Таким образом о воскресении свидетельствовал сам Христос, так как после рождества, или лучше, и до рождества всего удивительнее было то, что Он воскресил сам Себя: *разорите,* говорил Он, *церковь сию и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19); а о будущем пришествии свидетельствуют ангелы, говоря: *такожде приидет.* Итак, если кто желает увидеть Христа, если кто скорбит, что не видел Его, тот, услышав об Его будущем пришествии, пусть ведет совершенную жизнь, и тогда непременно увидит Его, и не обманется в надежде. Он придет с большей славой, но также на облаке, также с телом; и гораздо удивительнее увидеть Его сходящим с неба, чем восходящим от земли. Что Он придет, ангелы сказали; но — для чего, этого не присовокупили. Это служит подтверждением воскресения, потому что если Он с телом вознесся, то тем более с телом воскрес. Где неверующие воскресению? Кто они, скажи мне? Язычники или христиане? Я не знаю, или лучше, я вполне знаю. Это — язычники, неверующие в самое создание твари. Это именно их дело — не допускать, что Бог творит что-нибудь из ничего, и не признавать, что Он воскресит погребенное. Но они стыдятся, что не признают силы Божией, и отсюда, во избежание упрека за это, говорят: не потому мы это говорим, но потому, что нет нужды в теле. Поистине благовременно сказать: *юрод юродивая изречет* (Ис. XXXII, 6). Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Бог творит из ничего? Но, если Он творит из чего-либо существующего, то чем различается от людей?

Но откуда, говорят, зло? Ужели же потому, что не знаешь, откуда зло, ты должен привносить другое зло — в познании зла? Здесь две несообразности: первая — та, что ты дерзаешь говорит так; ведь если ты не признаешь, что Бог творил существующее из ничего, то тем более не узнаешь, откуда зло; а вторая — та, что, говоря так, ты вводишь зло нерожденное. Подумай, как худо — желать найти источник зла, но, не узнав его, привнести еще другой! Ищи, откуда зло, и не хули Бога. Но как, скажешь, я хулю? Что ты говоришь? Разве ты не хулишь, когда вводишь нерожденное зло, когда допускаешь, что оно равномощно Богу, что оно имеет такую же силу, что оно нерожденно? Смотри, что говорит Павел: *невидимая бо его от создания мира творенми помышляема видима суть* (Рим. I, 20); а диавол, напротив, сказал, что то и другое из вещества, чтобы мы ниоткуда уже не познали Бога. Что труднее, скажи мне: злое ли, по естеству сделать прекрасным (если только оно существует: говорю сообразно с вашим мнением, потому что нельзя сделать ничего, по естеству злого, содействующим добру), или — сотворить из ничего? Что легче — говорю о качестве — ввести ли несуществующее качество, или существующее превратить в противоположное ему? Что легче — несуществующий дом построить, или дом разоренный вновь перестроить? Очевидно, — первое. Но это (по вашему мнению) невозможно. Следовательно, как невозможно это, так невозможно и то, то есть — превращать что-нибудь в противоположное ему.

5. Скажи мне: что труднее — приготовить ли миро, или заставить грязь производить действия мира? Что из двух удобоисполнимее, скажи мне (мы подчиняем Бога нашим умозаключениям, но это не мы — нет, а вы): устроить ли глаза, или сделать, чтобы слепой, оставаясь слепым, видел, был острее зрячего, пользовал-

ся слепотой для того, чтобы видеть, и глухотой, чтобы слышать? Мне кажется, первое. Значит, что труднее, то, скажи мне, предоставляешь ты Богу, а что легче, того – нет? Но что я говорю об этом? И сами души, по их мнению, происходят из существа Божия. Но смотри, сколько (в их учении) нечестивого и бессмысленного. Во-первых, желая показать, что зло от Бога, они вводят другое зло, более нечестивое, чем это: говорят, что зло современно Богу, и что Бог нисколько не старше его, – дерзая таким образом приписывать и злу столь великое преимущество. Во-вторых, говорят, что зло и бессмертно, потому что нерожденное не погибает. Видите, какая хула? Отсюда необходимо (следует) или то, что от Бога ничто не произошло, или то, что и Бога нет. В-третьих, этим, как я уже сказал, они противоречат и сами себе и воздвигают на себя еще больший гнев Божий. В-четвертых, веществу, которое не может само по себе существовать, они приписывают такую великую силу. В-пятых, говорят, что причиной благости Божией было зло, и что без него Благой не был бы Благим. В-шестых, они преграждают для нас пути к богопознанию. В-седьмых, Бога низводят в людей, в растения и деревья. Ведь если наша душа из существа Божия, а при переселении она переходит и в тыквы, и в дыни, и в луковицы, то, следовательно, существо Божие будет и в тыквах. Если мы скажем, что Дух Святой образовал храм в Деве, – они смеются; если скажем, что Он обитал в храме духовном, – опять смеются; а сами не стыдятся низводить существо Божие в тыквы, дыни, в мух, гусениц и ослов, изобретая некоторый новый образ идолослужения. «Но не луковица (говоришь) в Боге, а Бог в луковице, – да не будет луковица Богом». Отчего ты не допускаешь переселения Бога в тела? «Низко», говоришь. В таком случае еще более низко то (что ты говоришь). «Нет, не низко». Так ли? По крайней мере,

у нас, — если бы это было, — поистине низко. Видите ли скопище нечестия? Но почему не хотят они, чтобы тело воскресло? Что они скажут? Что тело — зло? Откуда же, скажи, мне, знаешь ты Бога? Откуда имеешь познание о сущем? Каким образом и философ бывает философом, если тело нисколько ему не содействует? Повреди чувства и узнай что-нибудь из того, что нужно знать. Что было бы несмысленнее души, если бы она с самого начала имела поврежденные чувства? Если повреждение одного только члена, то есть мозга, бывает для нее совершенно пагубно, то к чему она будет годна, если и другие будут повреждены? Покажи мне душу без тела. Разве не слышишь, что говорят врачи: постигшая болезнь совершенно омрачает душу? Долго ли вы не повеситесь? Скажи мне: тело из вещества? Хорошо. Поэтому следовало бы ненавидеть его. Зачем же ты питаешь его, зачем греешь? Тебе бы поэтому должно было умертвить себя; должно было бы освободить себя из узилища. Притом еще (говорят): Бог не может победить вещества, если не смешается с ним; Он не может повелевать ему, доколе не будет вместе с ним и не распространится по всему его составу. Какое бессилие! И царь все делает, давая повеления; а Бог не может повелевать злом? Вообще же, если бы вещество не было причастно какому-нибудь добру, — оно не могло бы существовать. Ведь зло, по своей природе не может существовать, если не будет соединено с каким-нибудь добром; поэтому, если бы оно раньше не было смешано с добром, то давно бы погибло, — таково уже свойство зла. Пусть кто-нибудь будет сластолюбив и пусть нисколько не сдерживает себя: проживет ли он десять дней? Пусть будет кто разбойником, бессовестным в отношении ко всем, даже и в отношении к другим разбойникам: останется ли он жив? Пусть будет кто бесстыдным вором, который, не краснея, публично ворует: сохранит ли такой

свою жизнь? Зло не может существовать само по себе, если не будет в нем, хотя немного, чего-нибудь доброго; следовательно, по их учению, оно получило свое начало от Бога. Пусть будет город, населенный людьми злыми: может ли он существовать? И пусть эти люди будут злы не для добрых только, но и для себя самих: очевидно, (такому городу) невозможно существовать. Поистине, *глаголющеся быти мудри объюродеша* (Рим. I, 22). Если тело – зло, то и все без различия видимое – и вода, и земля, и солнце, и воздух – также зло, потому что и воздух – тело, хотя не плотное и не твердое. Поэтому благовременно сказать: *поведаша мне законопреступницы глумления* (Пс. CXVIII, 85). Но не будем внимать им; напротив, заградим от них слух. Есть, подлинно есть воскресение тел. Это показывает гроб в Иерусалиме; это (показывает) древо, к которому Христос был привязан, когда был бичуем. *С ним*, говорили (о Христе апостолы), *ядохом и пихом* (Деян. X, 41). Будем же веровать воскресению и поступать достойно его, чтобы сподобиться и будущих благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Тогда возвратишася апостолы во Иерусалим от горы, нарицаемые Елеон, яже есть близ Иерусалима, субботы имущия путь (Деян. I, 12)

1. *Тогда возвратишася*. Когда же – *тогда?* Когда выслушали (слова ангелов). Ученики вообще не перенесли бы (разлуки с Господом), если б им не было обещано, что Он придет в другой раз. И мне кажется, что это случилось в субботу: иначе писатель не обозначил бы таким образом расстояния, не сказал бы: *от горы, нари-*

цаемыя Елеон, яже есть близ Иерусалима, субботы имущия путь, – если бы не в день субботний прошли они определенное для этого дня пространство пути. *И егда внидоша, взыдоша на горницу, идеже бяху пребывающе* (ст. 13). Значит, уже в Иерусалиме они оставались после воскресения. *Петр же,* сказано, *и Иаков, и Иоанн.* Уже упоминаются не один Иоанн с братом, но и Андрей с Петром: *Филипп и Фома, Варфоломей и Матвей, Иаков Алфеов и Симон Зилот, и Иуда Иаковль.* Не без причины упомянул поименно об учениках: так как один из них сделался предателем, другой отрекся, третий не поверил, то он показывает, что, кроме одного предателя, все были целы. *Сии вси бяху терпяше единодушно в молитве и молении с женами* (ст. 14). Прекрасно! Молитва – сильное оружие среди искушений. Этому, с одной стороны, они уже были достаточно научены самим Учителем, а с другой – к тому же их располагало и настоящее искушение: потому они и восходят на горницу, что сильно боялись Иудеев. *С женами,* – говорит (писатель), так как (в евангелии) он сказал что они следовали за Христом. *И Мариею, материею Иисусовою, и с братиею его.* Но как же (Иоанн) говорит, что тогда ученик *поят ю во своясиʔ* После того, как Христос снова собрал учеников, и она была опять с ними. *С братиею его,* – говорит о тех, которые прежде не верили Христу. *И во дни тыя, востав Петр посреде ученик, рече* (ст. 15). Петр всегда первый начинает говорить, частью по живости своего характера, а частью потому, что Христос вверил ему Свое стадо и он был первым в лике (апостолов). *Бе же имен народа вкупе яко сто и двадесять: мужие братие, подобаше скончатися писанию сему,. еже предрече Дух Святый* (ст. 16). Почему он не от своего только лица просил Христа дать ему кого-нибудь вместо Иуды? Или почему апостолы (все вместе) не делают выбора сами собой? Петр сделался теперь лучше, чем был прежде: так можно ответить на

первый вопрос. Что же касается до того, почему не просто, а посредством откровения они просят восполнить свое собрание, — на это я укажу две причины: первая — та, что они заняты были другим делом; а другая — та, что это служило наибольшим доказательством, что Христос пребывал с ними. Он, и отсутствуя (видимым образом), сам избрал так же точно, как и тогда, когда был с ними: а это служило для них немаловажным утешением. Но смотри, как Петр все делает с общего согласия и не распоряжается ничем самовольно и как начальник. И он не сказал просто так: «на место Иуды мы избираем такого-то»; но, чтобы успокоить учеников относительно совершившегося, посмотри, как начинает свою речь. Это событие, действительно, произвело в них немалое недоумение; и в этом нет ничего удивительного: если и теперь многие рассуждают о нем, то что естественно следовало говорить им тогда? *Мужие*, говорит он, *братие*. Если Господь назвал их братиями, то тем приличнее было такое обращение Петру, потому-то он и восклицает так в присутствии всех. Вот достоинство церкви и ангельское ее состояние! Никто тогда не был отделен от других, ни мужчина, ни женщина. И мне желательно, чтобы таковы были церкви и теперь. Никто тогда не заботился о чем-либо житейском, никто не беспокоился о доме. Вот как полезны искушения! Вот какое благо — напасти! *Подобаше скончатися писанию сему, еже предрече Дух Святый*. Постоянно утешает их пророчеством. Так при всяком случае поступает и Христос. Таким же точно образом и Петр показывает, что в этом событии нет ничего странного, но что оно уже было предсказано. *Подобаше*, говорит он, *скончатися писанию сему, еже предтече Дух Святый усты Давидовыми*. Не говорит: сказал Давид, но: Дух через него, Вот заметь уже в самом начале книги, каким пользуется он учением. Видишь ли, я не напрасно ска-

зал в начале настоящего произведения, что эта книга (изображает) устроение Духа. *Еже предрече Дух Святый усты Давидовыми.* Смотри, как усвояет себе пророка и выставляет на вид его изречение, зная, что для них будет полезно то, что это изречение принадлежит Давиду, а не другому пророку. *О Иуде, бывшем вожди.* Заметь и здесь любомудрие этого человека: он не поносит и на бесчестит (Иуду), не говорит, что он был злодей и самый ужасный злодей, но просто поясняет, что произошло. Не называет даже его и предателем, а старается, сколько это было для него возможно, сложить вину на других. Впрочем, и тех не сильно обвиняет: *бывшем*, говорит, *вожди емшим Иисуса.* И прежде, чем указал место, где находится это изречение Давида, напоминает об участи, постигшей Иуду, чтобы через настоящее удостоверить и в будущем и показать, что (Иуда) уже получил наказание. *Яко причтен бе с нами и приял бяше жребий службы сея. Сей убо стяжа село от мзды неправедныя* (ст. 17, 18). Изображает нрав (Иуды) и неприметно обнаруживает (его) вину, достойную наказания. Не говорит: «Иудеи (стяжали)», но: «он стяжал село». И так как люди с слабой душой смотрят не столько на будущее, сколько на настоящее, — он рассказывает о наказании, постигшем его в настоящей жизни. *И ниц быв проседеся посреде.* Прекрасно поступил, остановив свою речь не на преступлении Иуды, а на постигшем его наказании. *И излился вся утроба его.* Это служило для них утешением. *И разумно бысть всем живущим во Иерусалиме, яко нарещися селу тому своим их языком Акелдама, еже есть село крове* (ст. 19).

2. Иудеи дали такое название селу не ради села, а ради Иуды; а Петр перенес его на самое село и в свидетели привел самих врагов. И тем, что сказал: «назвали», и тем, что присовокупил: *своим их языком,* – он, действительно, хочет это выразить. Затем, указав сна-

чала на событие, он прилично приводит пророчество и говорит: *пишется бо в книге, псаломстей: да будет двор их пуст и да не будет живущаго в нем* (ст. 20; Пс. LXVIII, 26). Это (говорится) о селе и о доме. *И епископство его да приимет ин,* то есть начальство, священство. Следовательно, не по моей мысли это совершается, а по воле Того, Кто это предрек. Чтобы не показалось, будто он берется за дело слишком великое, за такое, какое совершал Христос, – он в свидетели привел пророка. *Подобает убо,* говорит, *от сходившихся с вами мужей во всякое лето* (ст. 21). Зачем он советуется с ними? Чтобы это дело не сделалось предметом спора, чтобы между ними не вышло распри. Ведь если это случилось с самими (апостолами), то тем скорее (могло случиться) с теми людьми. Этого он всегда избегает; потому и говорил в самом начале: *мужие братие,* нужно избрать из нас. Он предоставляет это дело на суд большинства, а через то и избираемых выставляет достопочтенными, и от себя отклоняет вражду со стороны других, так как подобные дела всегда порождают большое зло. И вот, что надобно так поступить, (избрать), этому в свидетели он приводит пророка; а из каких лиц надобно (сделать выбор), это он объясняет сам, говоря: *от сходившихся с нами во всякое лето.* Если бы он сказал: надобно, чтобы это были люди способные, – он оскорбил бы остальных; а теперь он дело предоставил времени, сказав не просто: *сошедшихся,* но: *во всякое лето, в неже вниде и изъиде в нас Господь Иисус, начен от крещения Иоаннова даже до дне, в онь же вознесеся от нас, свидетелю воскресения его быти с нами единому от сих* (ст. 21, 22). Для чего это? Чтобы лик (апостольский) не оставался неполным. Что же? Разве самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но он этого не делает, чтобы не показаться пристрастным; а с другой стороны, – он не получил еще и Святого Духа. *И поставиша,* сказано, *два, Иосифа, нарицаемаго*

Варсаву, иже наречен бысть Иуст, и Матфия (ст. 23). Не сам Петр поставил их, но – все; а мнение подал он, показав, впрочем, что и оно принадлежит не ему, а издревле уже (возвещено) в пророчестве, так что он был лишь толкователь, а не наставник. *Иосифа, порицаемого Варсаву, иже наречен бысть Иуст.* Писатель поставил и то и другое название, быть может, потому, что (у Иосифа) были соименники, так как и между апостолами было много соименников, например: Иаков Зеведеев и Иаков Алфеев, Симон Петр и Симон Зилот, Иуда Иаковлев и Иуда Искариотский. С другой стороны, это название могло быть дано ему и вследствие перемены жизни, а, может быть, и по его желанию. *И поставите два, Иосифа, нарицаемаго Варсаву, иже наречен бысть Иуст, и Матфия. И помолившеся, реша: ты, Господи, сердцеведче всех, покажи, егоже избрал еси от сею двою единаго, прияти жребий служения сего и апостольства, из негоже испаде Иуда, ити в место свое* (ст. 23–25). Прилично упоминают о преступлении Иуды и тем показывают, что ищут свидетеля не для того, чтоб увеличивать число (апостолов), но для того, чтобы не дать ему уменьшиться. *И даша жребия има,* так как Святого Духа еще не было с ними, и *паде жребий на Матфия, и причтен бысть ко единонадесяти апостолом* (ст. 26). *Тогда,* сказано, *возвратишася во Иерусалим от горы, нарицаемыя Елеон, яже есть близ Иерусалима, субботы имущия путь* (ст. 12). Так говорит (писатель), желая показать, что они не дальний предпринимают путь, чтобы не подвергнуться какой-либо опасности, так как они все еще трепетали и боялись. *И егда внидоша, взыдоша на горницу* (ст. 13). Они не смели появиться в городе и не напрасно взошли на горницу, но затем, чтобы нелегко было захватить их врасплох. *И бяху терпяще единодушно в молитве* (ст. 14). Видишь ли, как они бодрствовали, *терпяще в молитве,* и притом, *терпяще единодушно,* как бы одной душой? В этих словах

заключается свидетельство о том и другом. Иосифа, может быть, уже не было в живых; поэтому о нем (здесь) и не упоминается. Невозможно, чтобы этот человек, который прежде всех уверовал (во Христа), не был верующим теперь, когда и братья уверовали. Поэтому-то, конечно, нигде и не видно, чтобы он когда-либо смотрел на Христа, как на (простого) человека, между тем как Мать говорила: *се отец твой и аз боляще искахом тебе* (Лк. II, 48). Итак он познал Его прежде всех; а братьям Христос говорил: *не может мир ненавидети вас, мене же ненавидит* (Ин. VII, 7). Посмотри и на скромность Иакова: он принял епископство в Иерусалиме, и однако — в настоящем случае не говорит ничего. Заметь также глубокое смирение и остальных учеников: они уступают ему престол и не спорят уже между собой, так что та Церковь была, как бы на небе; в ней не было ничего житейского; она блистала не стенами и не мрамором, но ревностью лиц, ее составлявших. *Яко сто и двадесять,* сказано, было их. В том числе, вероятно, были семьдесят учеников, которых избрал сам Христос, а равно и другие из числа ревностнейших по вере, например Иосиф и Матфий; были и многие жены, которые следовали за Ним и всегда были вместе.

3. Такова заботливость наставника! Он первый поставил учителя. Не сказал: достаточно и нас, — так он был чужд всякого тщеславия, и стремился лишь к одной цели, хотя и не одинаковое со всеми имел значение. Впрочем, это было совершенно естественно по причине добродетели этого человека, а также и потому, что в то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненных. Отсюда происходило, что и те, кого избирали, не гордились, потому что были призываемы на опасности; и те, кто не был избран, не скорбели, потому что не считали этого для себя бесчестьем. Но теперь уже бывает не так, а совершенно напротив.

Смотри: их было сто двадцать человек, а из всего этого множества он требует (чтобы они избрали) одного, — и (требует) справедливо. Он первый распоряжается в этом деле, так как ему вверены все. Ведь ему сказал Христос: *и ты некогда обращеся, утверди братию твою* (Лк. XXII, 32). *Яко причтен бе*, говорит, *с нами;* а потому надобно назначить другого, чтобы он сделался свидетелем на место Иуды. И смотри, как он подражает своему Учителю: всюду рассуждает на основании Писания и отнюдь ничего не говорит о Христе, что Он часто это предсказывал. Не указывает и на те места Писания, где упоминается о предательстве Иуды, например: *уста грешнича и уста льстивого на мя отверзошася* (Пс. CVIII, 2); но приводит только то место, где упомянуто об его наказании, так как теперь только об этом и полезно было им узнать. Здесь опять особенно видно человеколюбие Господа. *Яко причтен бе*, говорит, *с нами и приял бяше жребий службы сея*. Везде называет его жребием и тем показывает, что здесь все — дело благодати Божией и дело избрания, — и вместе напоминает им о временах древних, выражая мысль, что Бог сделал его своим жребием так же, как и левитов. Затем, продолжая говорит о нем, замечает, что награда за его предательство сделалась торжественной вестницей и его наказания. *Стяжа*, говорит, *село от мзды неправедныя*. Заметь, как это событие совершилось по устроению Божию. *Неправедныя*. Много неправд; но никогда не было ничего неправеднее этой неправды; это — по преимуществу дело неправедное. И это сделалось известным не одним лишь современникам, но и всем жившим после того. Иудеи невольно, сами того не зная, дали название (селу), подобно тому, как и Каиафа предрек, не зная сам о том. Бог побудил их назвать его по-еврейски: Акелдама. Отсюда уже можно было предусматривать и те бедствия, какие имели постигнуть иудеев. Далее по-

казывает, что отчасти уже сбылось предсказание, которое говорит: *добро было бы ему, аще не бы родился человек той* (Мф. XXVI, 24). Это же самое можно приложить и к иудеям, потому что, если бывший вождь (подвергся такой участи), то еще с большей справедливостью (должны были испытать ее) эти люди. Но (Петр) пока еще не говорит ничего такого. Затем, чтобы показать, что (это поле) по всей справедливости названо Акелдама, он приводит изречение пророка: *да будет двор его пуст.* И что, в самом деле, может быть пустыннее села, обращенного в кладбище? И это село естественно может быть названо *его селом.* Кто внес следующую за него плату, тот справедливо и должен считаться господином этого великого запустения, хотя бы и другие купили его. Это запустение, – если внимательно вникнуть в дело, – служит уже началом иудейского запустения. Известно, что иудеи губили себя голодом и многих умертвили, и что город их обратился в кладбище для чужестранцев, для воинов: им не позволяли погребать (умерших), потому что их считали недостойными даже погребения. *Подобает убо,* говорит, *от сходившихся с нами мужей.* Смотри, – он хочет, чтобы это были очевидные свидетели. Хотя и имел придти к ним Дух Святой при всем том, на это дело была обращена крайняя заботливость. *От сходившихся с нами мужей,* говорит, *во всяко лето, в неже вниде и изыде в нас Господь Иисус.* Этим показывает, что они жили вместе с Ним, а не просто только находились при Нем, как Его ученики. Действительно, и с самого начала тогда многие следовали за ним. Смотри, как на это указывает (Иоанн), когда говорит: *бе един от обоих, слышавших от Иоанна и шедших* за Иисусом (Ин. I, 40). *Во всяко,* говорит, *лето, в неже вниде и изыде в нас Господь Иисус, начен от крещения Иоаннова.* Прекрасно; так как, что было прежде этого, о том никто не знал через научение, но узнали от Святого Духа. *Даже до дне,* говорит,

в оньже вознесеся от нас, свидетелю воскресения его быти с нами единому от сих (ст. 22). Не сказал: *свидетелю* остального, но: *свидетелю* одного только *воскресения*, потому что тот (свидетель) был достовернее, кто мог сказать, что Тот самый воскрес, Кто ел, пил, был распят. Не надобно было свидетеля ни для того, что было прежде, ни для того, что было после, ни для чудес: вопрос заключался именно в воскресении, так как то было явно и всеми признано, а воскресение произошло тайно и только им одним было известно. И они не говорят: нам сказали ангелы, но: мы видели. Откуда это ясно? Из того, что мы творим чудеса. Поэтому тогда-то особенно им и следовало быть достоверными. *И поставиша*, говорит (писатель), *два*. Зачем не больше? Чтобы не увеличивать между ними уныния, и не распространять этого дела на многих. И не без причины он ставит (Матфия) после (Иосифа), но этим показывает, что, кто пользуется почтением у людей, тот часто бывает меньшим перед Богом. И все вместе молятся таким образом: *Ты, Господи, сердцеведче всех, покажи* (ст. 24). Ты, говорят, а не мы. Благовременно призывают и Сердцеведца: надлежало, чтобы Он сделал избрание, а не посторонние люди. Так они были уверены, что одному непременно следовало быть избранным. И не сказали: избери; но: *покажи*, говорят, избранного, *егоже избрал еси;* они знали, что у Бога все наперед определено. *От сею двою единаго прияти жребий служения сего и апостольства* (ст. 24, 25), — потому что было и другое служение. *И даша жребия има* (ст. 26). Они еще не считали себя достойными того, чтобы самим сделать выбор; поэтому и хотят узнать посредством какого-нибудь знака.

4. С другой стороны, если там, где не было ни молитвы, ни достойных людей, жребий имел столь великую силу, потому что был следствием справедливого, по отношению к Ионе, решения, то гораздо более здесь,

где нужно было восполнить лик, восстановить чин (апостольский). И другой (Иосиф) не опечалился (тем, что не был избран): иначе апостолы сказали бы об этом, так как они не скрывали своих недостатков. Ведь и о самих даже первоверховных апостолах они не преминули заметить, что иногда они были недовольны; и это не однажды, но и дважды, и даже чаще. Будем же и мы подражать им. Слово мое относится не ко всем еще, а к тем лишь, кто домогается власти. Если ты веришь, что выбор делается Богом, то не негодуй: иначе ты Им бываешь недоволен, против Него раздражаешься, потому что Он избрал. Если же, несмотря на Его избрание, ты дерзаешь огорчаться, то ты поступаешь так же, как Каин. Ему надлежало бы одобрить (приговор Божий), а он из-за того, что жертве брата сделано предпочтение, опечалился; вознегодовал, когда бы следовало умилиться. Но, впрочем, не об этом речь, а о том, что Бог знает, как лучше устроять дела. Часто бывает, что по характеру, например, ты скромнее, но не соответствуешь цели. Опять, – жизнь твоя безукоризненна и характер у тебя благородный, но не это только нужно в Церкви. А притом, и пригоден бывает один к одному, а другой к другому. Разве не видишь, как много об этом сказано в Священном Писании?

Но я скажу, отчего это дело сделалось предметом домогательств: причина – в том, что мы домогаемся его, не как обязанности управлять другими и заботиться о братиях, а как чести и покойной жизни. А если бы ты знал, что епископ должен принадлежать всем и носить тяготы всех, что остальным, когда они гневаются, прощают, а ему – никогда, что прочих, если они согрешат, охотно извиняют, а его – нет, – ты не добивался бы этого начальства, не стремился бы к нему. Епископ подлежит приговору всякого, суду всех – и мудрых, и неразумных; каждый день, каждую ночь он изнуряется в

заботах; у него много недоброжелателей, много завистников. Не говори мне о тех, которые во всем угождают, которые хотят спать, которые идут на это дело, как на покой, — не о них речь, но о тех, которые бдят о душах ваших, которые спасение подчиненных предпочитают своему собственному. Скажи мне: если тот кто имеет десятерых детей, которые подвластны ему и всегда живут вместе с ним, принужден бывает непрестанно о них заботиться, — то каким следует быть тому, у кого так много лиц, не подчиненных ему, не живущих вместе с ним, но свободно располагающих собой? За то, скажешь, он пользуется честью. Какой честью? Самые последние нищие поносят его на площади. Так зачем же он не заставляет их замолчать? Хорошо; но ведь это уж не дело епископа. И опять, не подавай он всякому, — и тем, кто (проводит время) в праздности, и тем, кто трудится, — тысячи упреков со всех сторон; никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать (мирских) начальников боятся; а этих (епископов) — нет, потому что страх Божий у таких людей не имеет никакой силы. А что сказать касательно заботы о слове и об учении? О трудности при рукоположениях? Или, быть может, я уж крайне немощен, жалок и ничтожен, или дело обстоит действительно так, как я говорю. Душа священника ничем не отличается от корабля, обуреваемого волнами; со всех сторон она уязвляется от друзей, от врагов, от своих, от чужих. Не вселенной ли управляет царь, между тем как епископ — одним только городом? Но заботы последнего настолько же больше, насколько воздымающееся и беснующееся море различается от речной воды, приводимой в движение лишь ветром. Отчего бы это так? Оттого, что там много помощников, и все делается по закону и по указу; а здесь нет ничего такого, и нельзя приказать по своему усмотрению. Но, если будешь действовать сильно, прослывешь жесто-

ким; а если не сильно, — холодным. Надобно совмещать и то, и другое, так, чтобы и не быть в пренебрежении, и не заслужить ненависти. С другой стороны, и сами дела здесь особенно трудны. Как многих (епископ) вынужден бывает огорчать, волей или неволей! Как со многими вынужден бывает поступать сурово, хотел бы того, или не хотел! Говорю не иначе, а именно так; как думаю и чувствую. Не думаю, чтобы в среде священников было много спасающихся; напротив — гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души. У епископа много нужд, которые заставляют его выходить из своего дома; ему нужны тысячи глаз со всех сторон. Не видишь ли, как много нужно иметь ему? Он должен быть учительным, терпеливым, твердо держаться *вернаго словесе по учению* (Тим. III, 2; Тит. I, 7 и др.). А как это трудно! И тогда, когда прочие грешат, — вина падает на него. Не говоря ни о чем другом, скажу только, что, если только и один кто отойдет (из этой жизни) без посвящения в таинства, — не ниспровергнет ли это всего его спасения? Ведь погибель и одной души составляет такую потерю, которой не может выразить никакое слово. Если спасение ее имеет такую цену, что и Сын Божий сделался для этого человеком и столько претерпел, то подумай, какое наказание повлечет за собой ее погибель! Если тот, через кого гибнет другой, достоин в настоящей жизни смерти, то гораздо больше — там. Не говори мне: согрешил пресвитер или диакон, — вина всех их падает на главу рукоположивших. Укажу еще на нечто другое: случится кому-нибудь из людей нехороших быть принятым в клир, — является недоумение: какое надобно принять решение касательно его прежних грехов? Здесь две пропасти: следует и его не оставить без наказания, и остальным не подать соблазна. Так надобно ли его извергнуть? Но в настоящее время нет повода. Или оста-

вить его без наказания? Да, скажешь, потому что виноват рукоположивший. Так что же? Не нужно, по крайней мере, рукополагать его и возводить в другую степень? Но тогда для всех будет ясно, что он — какой-то дурной человек, и, следовательно, отсюда опять произойдет соблазн. Или возвести его на высшую степень? Но это гораздо хуже.

5. Итак, если бы все стремились к архиерейству, как к обязанности заботиться о других, то никто не решился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за ним так же точно, как за мирскими должностями. Из-за того, чтобы быть в славе, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаем перед очами Божиими. И что пользы в почести? Как ясно доказано, что она — ничто! Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну, противопоставь отчет, какой там нужно дать, противопоставь покойную жизнь, противопоставь степень наказания. Если ты согрешишь просто, как человек, ты не потерпишь ничего подобного; если же согрешишь, будучи священником, — ты погиб. Подумай, сколько перенес, сколько любомудрствовал, сколько доброго выказал в себе Моисей; и, однако, за то, что сделал один только грех, потерпел строгое наказание. И справедливо, — потому что это соединено было с вредом для остальных. Итак, он наказан был с особенной строгостью не потому только, что его грех был явный, но и потому, что был грех священника. А ведь неодинаковому подвергаемся мы наказанию за грехи явные и за грехи тайные. Грех один и тот же, но вред от него не одинаков, или лучше сказать — и грех не одинаков, потому что не все равно — грешить тайно и незаметно, и грешить явно. А епископу нельзя грешить тайно. Хорошо уже и то, если он свободен от упреков, когда не грешит; а уж нечего говорить о том, когда он грешит. Рассердится ли он, посмеется ли, захочет ли

дать себе отдых сном, – является много насмешников, много соблазняющихся, много законодателей, много таких, которые припоминают прежних (епископов) и охуждают настоящего; и это делают, не потому, что хотят похвалить тех, – нет, – вспоминают о прежних епископах и пресвитерах только для того, чтобы уязвить этого. Приятна, говорят, война для тех, кто не испытал ее. Это же прилично сказать и теперь; или лучше, мы так и говорим, пока не вступили в подвиг; а как скоро вступим, мы не бываем даже известны народу. Теперь у нас уже нет борьбы с теми, кто угнетает бедных; мы не берем на себя труда ратовать за свое стадо, но, подобно тем пастырям, о которых упоминается у Иезекииля (XXXIV, 2), мы лишь закалаем и едим. Кто из нас выказывает такую же заботливость о стаде Христовом, какую имел Иаков о стадах Лавана? Кто может похвалиться чем-нибудь таким, что могло бы равняться перенесению ночного холода? Не называй мне всенощных бдений наравне с этой великой заботливостью. Нет, теперь все совсем иначе. Начальники округов и местные правители не пользуются такой большой честью, какой – начальствующий в Церкви. Войдет ли он в царский дворец, – кому первое место? Будет ли у женщин, или в знатных домах, – никому другому нет большего перед ним почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не для того, чтобы вас пристыдить, а для того, чтобы удержать вас от этой страсти. С какого ты будешь совестью, если ты домогался (этого сана) или сам собой, или через кого-нибудь другого? Какими глазами будешь смотреть на того, кто был твоим сообщником? Какое будешь иметь оправдание? Кто (принял этот сан) по неволе, по принуждению, против желания, тот имеет еще некоторое оправдание; хотя и ему по большей части отказывают в прощении, но все же он имеет некоторое извинение. Подумай, чему

подвергся Симон? Что нужды, что ты не даешь серебра, но, взамен серебра, льстишь и употребляешь разного рода происки и хитрости? *Сребро твое с тобою да будет в погибель* (Деян. VIII, 20), — сказано было ему; и этим людям также будет сказано: домогательство ваше да будет с вами в погибель за то, что вы вздумали приобрести дар Божий происками человеческими. Но таких нет никого? О, если б и не было! Ведь я вовсе и не желаю, чтобы слова мои относились к вам; и теперь только по ходу речи мне пришлось сказать об этом. Да когда я говорю и против любостяжания, слова мои также не относятся к вам, и даже ни к одному из вас. Дай Бог, чтобы мы понапрасну приготовляли лекарства. И желания врачей точно таковы же: не другого чего они хотят, а именно того, чтобы, после значительного их труда лекарства были брошены даром. Того же и мы желаем, то есть чтобы наши слова говорились просто — на воздух, так, чтобы оставались только словами. Я готов снести все, лишь бы не быть поставленным в необходимость говорить об этом. Впрочем, если угодно, мы и замолчим; только пусть наше молчание будет безопасно: я и не думаю, чтобы кто-либо, как бы ни был он тщеславен, захотел говорить без всякой надобности и только для того, чтобы себя выказать. Мы предоставим вам учить; учение делами — это более важное учение. И лучшие врачи, несмотря на то, что недуг больных приносит им доходы, желают, чтобы их друзья были здоровы; так и я хочу, чтобы все вы были здоровы. Я не желаю, чтобы меня хвалили, а вас осуждали. Я желал бы, если возможно, самим взором выказать ту любовь, какую питаю к вам: тогда уже никто не стал бы упрекать меня ни в чем, если бы даже слово мое было и слишком жестко. Что говорится между друзьями, то легко переносится, хотя бы тут было что-нибудь и обидное, — потому что *достовернее суть язвы друга,*

нежели вольная лобзания врага (Притч. XXVII, 6). Для меня нет ничего дороже вас, — не дороже даже и этот свет. Тысячи раз я желал бы сам лишиться зрения, если бы только через это можно было обратить ваши души, — так спасение ваше для меня приятнее самого света. Да и что мне пользы от лучей солнечных, когда скорбь из-за вас наводит глубокий мрак на мои очи? Свет тогда хорош, когда он является во время радости; а для скорбной души он кажется даже тягостным. А что я не лгу, — в этом не дай Бог когда-нибудь убедиться на опыте! Но, впрочем, если бы случилось, что кто-нибудь из вас грешит, — придите ко мне спящему: пусть я погибну, если я не похожу на расслабленных, если не похожу на исступленных; тогда, по словам пророка, и *свет очию моею, и той несть со мною* (Пс. XXXVII, 11). Какая для вас надежда, когда вы не показываете успехов? А если вы заслуживаете похвалу, какая возможна печаль? Мне кажется, я летаю (от радости), когда услышу о вас что-нибудь хорошее. *Исполните мою радость* (Флп. II, 2). Об этом только я прошу вас, потому что я желаю вам успеха. А я со всеми буду спорить относительно того, что люблю вас, что я сроднился с вами, что вы для меня все — и отец, и мать, и братья, и дети. Так не подумайте же, что хоть что-нибудь говорится мной по неприязненности к вам; нет, — (я говорю) для вашего исправления. *Брат*, говорит Писание, *от брата помогаем яко град тверд* (Притч. XVIII, 19). Итак, не пренебрегите моими словами. Ведь и я не отказываюсь слушать вас; нет, я хотел бы, чтобы вы исправляли меня, хотел бы учиться у вас. Ведь мы все братья, и один у нас Наставник, но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались. Так не пренебрегите же моими словами, но да будем делать все во славу Бога, так как Ему слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

И егда скончавашася дние пятьдесятницы, беша вси апостоли единодушно вкупе. И бысть внезапу с небесе шум (Деян. II, 1, 2)

1. Что это за пятьдесятница? Это — время, когда нужно было серпом срезать жатву, когда надобно было собирать плоды. Видел образ? Смотри, в свою очередь, и на самую истину. Когда надобно было пустить в дело серп слова, когда нужно было собирать жатву, — тогда, как изощренный серп, прилетает Дух. Послушай, в самом деле, что говорит Христос: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (Ин. IV, 35); и еще: *жатва многа, делателей же мало* (Лк. X, 2). Итак, Христос сам первый наложил серп; Он вознес на небеса начатки плодов, восприяв наше естество; потому-то Он и называет это жатвой. *Егда скончавашася,* сказано, *дние пятьдесятницы,* то есть не прежде пятьдесятницы, но около самой, так сказать, пятьдесятницы. Надлежало, чтобы и это совершилось также во время праздника, чтобы те, которые присутствовали при кресте Христовом, увидели и это событие. *И бысть внезапу с небесе шум.* Почему это событие не совершилось без всяких чувственных явлений? Потому, что, если и при этом иудеи говорили, *яко вином исполнени суть,* то чего не сказали бы, если бы ничего такого не случилось? И не просто произошел шум, но — *с небесе.* А своей внезапностью он возбудил учеников. *И исполни весь дом.* Это показывает великую стремительность Духа. Заметь: здесь все были собраны, для того; чтобы и присутствующие уверовали, и ученики оказались достойными. И не только это (говорит Лука), но присовокупляет и то, что гораздо поразительнее: *и явишася*, говорит, *им разделени языцы, яко огнени* (ст. 3). Прекрасно везде прибавлено: *яко,* чтобы о Духе ты не подумал ничего чувственного:

яко огнени, сказано, и: *якоже дыханию.* Значит, это был не ветер, обыкновенно разливающийся в воздухе. Когда Иоанну нужно было узнать Святого Духа, – Он сошел на главу Христову в виде голубя; а теперь, когда надлежало обратиться всему народу, Он является в виде огня. *Седе же на едином коемждо их,* то есть остановился, почил: сесть значит утвердиться, остаться на месте. Что же? На одних лишь двенадцать учеников сошел (Святой Дух), а не на остальных? Нет, – Он сошел и на всех сто двадцать человек. Петр не без основания привел свидетельство пророка, говоря: *и будет в последния дни, глаголет Господь Бог, излию от Духа моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша, и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сония видят* (ст. 17). И заметь: так было, чтобы не только поразить их, но и исполнить благодати; поэтому и (сказано): *Духом Святым и огнем* (Мф. III, 11). *И исполнишася,* прибавляется далее, *вси Духа Свята, и начата глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати* (ст. 4). Прежде всякого другого знамения получают они именно это, так как оно было необыкновенно, и не было нужды в другом знамении. *Седе,* сказано, *на едином коемждо их,* – следовательно, и на том, кто не был избран; потому-то он уже и не скорбит, что не избран подобно Матфию. Сказано: *и исполнишася вси.* Не просто приняли благодать Духа, но исполнились. *И начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати.* Не сказал бы: *вси,* хотя тут были и апостолы, если бы и остальные не участвовали. С другой стороны, сказав о них прежде отдельно и поименно, он и теперь не сказал бы о них наряду с прочими. Если там, где нужно было сказать только, что тут апостолы, он упоминает о них отдельно, то тем больше (упомянул бы) здесь.

Но заметь, прошу тебя, как Дух приходит именно тогда, когда они пребывают в молитве, когда имеют

любовь. А снова: *яко огнени* напомнили им и о другом видении, потому что, как огонь, Он явился и в купине. *Якоже Дух даяше им провещавати;* их слова, действительно, были провещаниями. Сказано: *бяху же во Иерусалиме живущии иудеи, мужие благоговейнии* (ст. 5). Что они были благоговейны, свидетельством тому служит именно то, что они тут жили. Каким образом? Принадлежа к столь многим народам и оставив свое отечество, свои дома, своих родственников, они жили тут. *Бяху же,* сказано, *в Иерусалиме живущии иудеи, мужие благоговейнии от всего языка, иже под небесем. Бывшу же гласу сему, снидеся народ и смятеся* (ст. 5, 6). Так как это событие случилось в доме, то, естественно, сбежались находившиеся вне дома. *Смятеся народ.* Что значит: *смятеся?* Смутился, удивился. Затем (писатель), разъясняя, чему удивлялись, прибавляет: *яко слышаху един кийждо их своим языком глаголющих их.* Итак, собрался народ *и друг ко другу* говорили: *не се ли вси сии суть глаголющии Галилеане* (ст. 6–7)? Тотчас же обратили взоры на апостолов. *И како,* говорят, *мы слышим кийждо свой язык наш, в немже родихомся, Парфяне, и Мидяне, и Эламите, и живущии в Месопотамии, в Иудеи же и Каппадокии, в Понте, и во Асии; во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии, яже при Киринии, и приходящие Римляне, Иудеи же и пришельцы, Критяне* и *Аравляне, слышим глаголющих их нашими языки величия Божия? Ужасахуся же вси и недоумевахуся друг ко другу глаголюще: что убо хощет сие быти* (ст. 8–12)? Видишь, как они стремятся от востока к западу? *Инии же ругающеся глаголаху, яко вином исполнени суть* (ст. 13).

2. Какое безумие! Какая великая злоба! Теперь было вовсе не время для молодого вина, потому что была пятьдесятница. И что еще хуже, — в то время, как все признают (чудо), и римляне, и пришельцы, и, может быть, даже те, которые распяли (Господа), — они и после всего этого говорят, *яко вином исполнени суть.* Но

возвратимся к тому, что сказано выше. *Исполни дом.* Бурное дыхание было как бы купелью водной; а огонь служит знаком именно обилия и силы. Этого никогда не случалось с пророками; так было только теперь — с апостолами; а с пророками — иначе. Например, Иезекиилю дается свиток книжный, и он съедает то, что должен был говорить: и *бысть*, говорит он, *во устех* его, *яко мед сладок* (Иез. III, 3). Или еще: рука Божия касается языка другого пророка (Иер. I, 9). А здесь (все делает) сам Дух Святой и таким образом является равночестным Отцу и Сыну. Опять и в другом месте (пророк) говорит: *рыдание, и жалость, и горе* (Иез. II, 10). Пророкам естественно (подавалась благодать) в виде книги: для них еще нужны были образы; притом, они имели дело с одним только народом, с людьми своими, а апостолы — с целой вселенной, с людьми, которых никогда не знали. Елисей получает благодать через посредство милоти; другой, как например Давид, посредством елея; Моисей же призывается посредством горящей купины; но здесь — не так, а самый огонь *седе* на апостолах. Почему огонь не наполнил дома? Потому что это поразило бы их ужасом. Впрочем, из слов (писателя) видно, что это так и было; обрати только внимание не на эти слова: и *явишася им разделени языцы,* а на другие: *яко огнени.* Такое множество огня может объять пламенем огромный лес. И прекрасно сказано: *разделени;* ведь они были от одного корня, — чтобы ты узнал, что это — сила, посланная Утешителем. Но смотри: и апостолы сначала показали себя достойными, и тогда уже сподобились Духа. Так и Давид: как поступал он, когда еще находился при стадах, так же точно вел себя и после победы и после торжества, чтобы показать свою простую веру. Посмотри опять на Моисея: и он (сначала) презирает царские палаты, а спустя сорок лет получает управление народом; или — на Самуила, воспитывав-

шегося в храме; или — на Елисея, покинувшего все; или опять — на Иезекииля. А что действительно так было (и с апостолами), это ясно из последующего: они именно оставили все, что было у них. Поэтому они тогда получают Святого Духа, когда обнаружили свою добродетель. Они узнали и человеческую немощь из того, что испытали: узнали, что не напрасно совершены ими эти подвиги. Равным образом и Саул сначала имел о себе свидетельство, что он — хорош, и потом уже получил Святого Духа. Но никто, даже и больший из пророков — Моисей, не получил так, как апостолы. Моисей, когда нужно было другим сделаться духовными, сам претерпевал уменьшение; а здесь — не так. Напротив, как огонь, сколько бы кто ни захотел зажечь от него светильников, нисколько не уменьшается, так произошло тогда и с апостолами. Посредством огня показывалось не только обилие благодати, а и каждый получил (неиссякаемый) источник Духа, как и сам (Христос) сказал, что верующие в Него будут иметь источник воды, текущей в живот вечный (Ин. IV, 14). И это весьма естественно, — потому что они шли не говорить с фараоном, а сражаться с диаволом. И, что более удивительно: будучи посылаемы, они нисколько не противоречили, и не сказали, что они худогласны и косноязычны, — в этом вразумил их Моисей, — не сказали, что они слишком молоды, — в этом умудрил их Иеремия. Хотя они слышали много страшного, и гораздо больше, чем те (пророки), однако, боялись противоречить. Отсюда видно, что это были ангелы света и высших дел служители. Пророкам никто не является с неба, потому что они еще заботятся о том, что на земле; но после того, как человек восшел на высоту, — и Святой Дух сходит с высоты: *якоже носиму*, сказано, *дыханию бурну*. Это показывает, что им ничто не в состоянии будет противиться, но что они разве-

ют, как прах, своих противников. *И исполни* весь дом. Дом служил символом мира. *Седе же на едином коемждо их, и снидеся народ и смятеся.* Видишь благочестие этих людей, — как они не тотчас произносят приговор, но недоумевают? А те неразумные произносят приговор, говоря: *яко вином исполнени суть.* Так как по закону можно было им три раза в год являться в храме, то тут жили благочестивые люди от всех народов. Заметь из настоящего случая, как писатель не льстит им: не сказал, что они подали свой голос, — но что? *Бывшу гласу сему, снидеся народа и смятеся.* Это и естественно; они думали, что настоящее событие грозит им гибелью за то, что они дерзнули сделать против Христа. А с другой стороны, и совесть потрясала их души, так как убийство было еще, так сказать, у них в руках, и все их пугало. *Не се ли*, говорят, *все сии суть глаголющии Галилеане?* Хорошо это сказано; значит, они признавали это. И до такой степени поразил их этот шум, что сюда собрались люди из большей части вселенной. Между тем, для самих апостолов это служило подкреплением; они не знали, что значило говорить по-парфянски, а теперь от этих людей узнавали. А о народах им враждебных, — критянах, аравитянах, египтянах, персах, — писатель упоминает для того, чтобы показать, что они одолеют их всех.

3. Так как иудеи были в то время и в плену, то, вероятно, вместе с ними тогда явились сюда и многие из язычников; а с другой стороны, и слух о догматах в это время уже распространился между народами, а потому многие и из них присутствовали здесь, по воспоминанию о том, что слышали. Таким образом свидетельство со всех сторон было непререкаемое, — со стороны граждан, со стороны иноземцев, со стороны пришельцев. *Слышим глаголющих их нашими языки величия Божия.* Они не просто говорили, но говорили нечто дивное; и пото-

му справедливо эти люди недоумевали, так как никогда еще не было ничего подобного. Заметь рассудительность этих людей: они изумлялись и недоумевали, говоря: *что хощет сие быти? Инии же ругающеся глаголаху, яко вином исполнени суть* (ст. 12, 13). Какое бесстыдство, если они из-за этого смеялись! И что же, впрочем, тут удивительного, если и о самом Господе, когда Он изгонял бесов, они говорят, что Он *беса имать?* Где господствует наглость, там заботятся лишь о том одном, чтобы что-нибудь сказать; не о том, чтобы сказать что-нибудь разумное, а — лишь бы что-нибудь сказать. *Вином исполнени суть.* Верно, так, — потому что люди, окруженные столькими опасностями, трепещущие за самую жизнь, находящиеся в такой печали, смеют говорить подобное! И смотри: так как это было невероятно, то, чтобы ввести в заблуждение слушателей и показать, что (апостолы) действительно пьяны, — все приписывают качеству (напитка) и говорят: *вином исполнени суть. Став же Петр со единонадесятми, воздвиже глас свой и рече им.* Там ты видишь его попечительность, а здесь мужество. Пусть они удивлялись, пусть они были поражены; но и при этом не удивительно ли было, что человек неученый и простой мог подать голос среди такого множества народа? Если и тогда, когда говоришь между своими, приходишь в смущение, то тем больше — когда говоришь между врагами, между людьми, дышащими убийством. А что (апостолы) не пьяны, это сейчас же сделалось очевидным из их голоса, потому что они не пришли, подобно одержимым, в исступление, и не были лишены свободы владеть собой. Но что значит: *со единонадесятми?* Это значит, что они защищались общим голосом: Петр служил устами всех, а прочие одиннадцать (учеников) предстояли, подтверждая его слова своим свидетельством. *Воздвиже глас свой,* то есть заговорил с великим дерзновением.

А поступает он так для того, чтобы познали благодать Духа. В самом деле, прежде он не вынес вопроса ничтожной служанки, а теперь среди толпы народной, когда все дышат убийством, говорит с таким дерзновением! Это было несомненным свидетельством воскресения, потому что он поступает с такой смелостью среди людей, которые смеялись и глумились над таким великим событием. Подумай, сколько нужно наглости, сколько нечестия, сколько бесстыдства, чтобы необыкновенный дар языков считать делом опьянения! Но все это нисколько не смутило апостолов и не отняло у них смелости, хотя они и слышали эти насмешки. С пришествием Духа они уже изменились и стали выше всего плотского, – потому что, где является Дух Святой, там и бренные становятся золотыми. Посмотри, например, прошу тебя, на Петра и узнай в нем того человека – боязливого, неразумного, как и Христос сказал: *еще ли и вы, без разума есте* (Мф. XV, 16), – человека, который после известного своего дивного исповедания назван был сатаной (Мф. XVI, 23). Обрати также внимание и на единодушие апостолов: они уступают ему говорить к народу потому что не следовало говорить всем. *И воздвиже,* сказано, *глас свой* и стал говорить к ним с великим дерзновением. Вот что значит сделаться мужем духовным! Сделаем же и мы себя достойными вышней благодати, и тогда все для нас будет легко. Как огненный человек, попав в солому, не потерпит никакого вреда, а напротив, сам причинит вред, потому что сам нисколько не страдает, а стебли, которые приражаются к нему, губят сами себя, так было и теперь. Или лучше: как человек, у которого в руках огонь, смело вступает в борьбу с тем, кто несет на себе сено, так точно и апостолы выступали против этих людей с большим мужеством. И какой, в самом деле, вред причинила им эта многочисленная толпа? Скажи мне: не боролись ли они

с нищетой и голодом? Не сражались ли с бесчестием и дурной славой? Ведь их считали за обманщиков. Не подвергались ли они насмешкам и ругательствам со стороны присутствующих? Ведь на них обрушилось и то и другое: одни смеялись над ними, а другие и ругались. Не были ли они подвержены ярости и неистовству целых городов, восстаниям и злоумышлениям? Не угрожали ли им огонь, и железо, и звери? Не со всех ли сторон предстояла им борьба с бесчисленными врагами? Не в таком ли они были состоянии, как будто бы видели эти бедствия во сне или на картине? И что же? Не истощили ли они ярости врагов? Не поставили ли их самих в затруднение? Не были ли эти люди больше всех одержимы и гневом, и страхом? Не были ли они в беспокойстве, в боязни и трепете? В самом деле, послушай, что говорят они: *хощете навести на ны кровь человека сего* (Деян. V, 28).

И, что удивительно, — апостолы, совершенно безоружные, ополчались против вооруженных, против начальников, имевших власть над ними; неопытные, неискусные в слове и совершенно простые, они противостояли и вели борьбу с искусниками, обманщиками, с толпой софистов, риторов, философов, перегнивших в академии и в школе перипатетиков. И тот, кто прежде упражнялся лишь около озер, одолел их так точно, как будто бы вел борьбу с безгласными рыбами; да, он победил их так, как истый рыболов — безгласных рыб. И Платон, который так много бредил — умолк; а этот говорит, и не перед своими только, а и перед парфянами, перед мидянами, перед эламитянами, и в Индии, и повсюду на земле даже до последних пределов вселенной. Где ныне гордость Греции? Где слава Афин? Где бред философов? Галилеянин, вифсаидянин, простолюдин, победил их всех. Не стыдно ли вам, скажите мне, при одном имени той страны, которая была оте-

чеством вашего победителя? А если вы услышите и имя его, и узнаете, что его звали Кифа, – вам будет еще стыднее. Вот то-то именно и погубило вас, что вы считаете это для себя унизительным, что вы находите всю славу в красноречии, а не искусство в даре слова считаете позором. Не по тому пути вы шли, по какому следовало идти; но вы оставили царский путь – удобный и ровный, и пошли по пути неровному, крутому и трудному. Потому-то вы и не достигли царствия небесного.

4. Но почему же, скажешь, Христос действовал не через Платона и не через Пифагора? Потому, что душа Петра была гораздо способнее к любомудрию, чем душа тех людей. Те были настоящие дети, которые всюду увлекались пустой славой; а Петр был муж любомудрый и способный к принятию благодати. А если ты смеешься, когда слышишь это, – в том нет ничего удивительного. Ведь и иудеи тогда также смеялись и говорили, будто апостолы напились молодого вина. Но после, когда потерпели те тяжкие и самые жестокие бедствия, когда увидели, что город гибнет, что огонь разливается и стены падают на землю, когда увидели и те разные неистовства, которых никто не может изобразить словом, – тогда уже больше не смеялись. Так и вы тогда не будете смеяться, когда наступит время суда, когда будет возжжен огонь геенны. Но для чего я говорю о будущем? Хочешь ли, я покажу, каков Петр и каков Платон? Исследуем пока, если угодно, их нравы и посмотрим, чем занимался тот и другой. Этот последний употребил все время жизни на занятия предметами бесполезными и пустыми. В самом деле, какая польза знать, что душа философа становится мухой? Подлинно (душа Платонова) – муха; не в муху превратилась, но муха вошла в душу, обитавшую в Платоне. Что это за пустословие! Откуда могло прийти в голову – говорить подобный

вздор? Это был человек полный насмешливости и всем завидовавший. Он как будто бы старался о том, чтобы ни от себя не произвести, ни от другого не позаимствовать ничего полезного; таким образом от другого он заимствовал переселение душ, а сам представил учение о гражданском обществе, где предписал гнуснейшие правила. Пусть, говорит он, жены будут общие, пусть обнаженные девицы борются на глазах любовников, пусть будут общими и отцы, и рождающиеся дети. Не выше ли это всякого безумия? Но таков Платон со своим учением. Здесь же не природа делает отцов общими, а любомудрие Петра. Что же касается до учения (Платонова), то оно даже уничтожало (общих отцов), потому что оно ничего другого не производило, кроме того, что настоящего отца почти не знали, а ненастоящего признавали отцом. Платон поверг душу в какое-то опьянение и в грязь. Пусть все, говорит он, без всякого опасения пользуются женщинами. Потому я не стану разбирать учения поэтов, чтобы не сказали, будто я занимаюсь баснями; но я поговорю о других баснях, которые гораздо смешнее этих. Сказали ль где-нибудь поэты какую-либо подобную нелепость? А тот, кто почитался главой философов, облекает женщин даже в оружие, в шлемы и поножи, и утверждает, что род человеческий ничем не разнится от собак. Так как между собаками, говорит он, и самка и самец имеют одинаковое участие в делах, то пусть и женщины также принимают участие во всем, и пусть все перевернется вверх дном. Диавол всегда старался через посредство этих людей доказать, что наш род не имеет никакого преимущества перед бессловесными животными. В самом деле, некоторые из них дошли до такого суемудрия, что утверждали, будто и между бессловесными животными есть разумные. И смотри, как разнообразно диавол неистовствовал в их душах. Главные между ними говорили,

будто наша душа переходит и в мух, и в собак, и в животных; а их преемники, устыдившись этого, впали в другую гнусность, приписали животным всякое разумное знание и постоянно доказывали, что существа, созданные для нас, по достоинству выше нас. И не это только говорят они, но и то, будто у животных есть предведение и благочестие. Ворон, говорят они, знает Бога, равно как и ворона; и они имеют дары пророчества и предвещают будущее; есть, говорят, у животных правосудие, есть общество, есть законы, и собака между ними, по мнению Платона, завистлива. Вы, может быть, не верите словам моим? Это и естественно, потому что вы воспитаны в здравых догматах: кто вскормлен этой пищей, тот не может поверить, что есть человек, который с удовольствием поедает нечистоты. А между тем, когда говоришь им, что все это басни и совершенное безумие, – они отвечают: вы не поняли. Да никогда и не захотим понимать столь смешного вашего учения. Да, очень смешного! Ведь не нужно глубокого ума для того, чтобы постигнуть, что значит все это нечестье и эта путаница. Уж не по вороньи ли, безумные, говорите вы, как делают мальчики? Поистине, вы настоящие дети, как и те! Но Петр не сказал ничего подобного; напротив, он подал голос, который, как обильный свет, просиявший в каком-нибудь темном месте, рассеял мрак вселенной. А как кроток, как скромен его нрав! Как он стоял выше всякой пустой славы! Как он имел в виду лишь одно небо и был чужд хвастовства, несмотря на то, что даже воскрешал мертвых! Случись кому-нибудь из этих неразумных людей совершить что-нибудь подобное, хотя бы даже только призрачно, не тотчас ли он стал бы требовать себе жертвенника и храма, не захотел ли бы быть в числе богов? Ведь и теперь, когда нет ничего такого, они всегда мечтают об этом. Что, в самом деле, значат у них Афина и

Аполлон и Гера? Это у них – роды духов. Есть у них и царь, который хотел умереть для того, чтобы его почитали равным Богу. Но апостолы (поступают) не так, а совершенно наоборот. Послушай, что говорят они при исцелении хромого: *мужие Израильтяне, что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12); и в другом месте: *и мы подобострастни есмы вам человецы* (XIV, 15). Но там – великое хвастовство, великая гордость; все – только для почестей от людей и ничего – для любомудия. А когда что-либо происходит для славы, тогда все бывает низко: пусть человек имеет все, но не владеет этим (презрением славы), – он совершенно чужд любомудрия и одержим сильнейшей и гнуснейшей страстью. Презрение славы может научить всему доброму и изгнать из души всякую губительную страсть. Поэтому убеждаю и вас – проявлять великую ревность о том, чтобы исторгнуть эту страсть с корнем; иначе и нет возможности благоугодить Богу и снискать благоволение перед этим неусыпным оком. Итак, будем всячески стараться о том, чтобы снискать себе небесную помощь, чтобы не испытать и настоящих горестей, и сподобиться будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Мужие Иудейстии, и живущии во Иерусалиме вси, сие вам разумно да будет, и внушите глаголы моя (Деян. II, 14)

1. Здесь апостол обращает свою речь к тем, которых выше называл иноземцами; говорит, по-видимому, только к ним, а между тем исправляет и тех, которые

смеялись. А что некоторые смеялись, это было устроено (Богом) для того, чтобы (Петр) начал говорить в защиту (апостолов) и, защищая их, научил других. Итак, эти люди считали для себя великой похвалой и то, что они жили в Иерусалиме. *Сие вам*, говорит, *разумно да будет, и внушите глаголы моя.* Этим пока возбуждает их внимание, а далее начинает уже защищать. *Не бо, якоже вы непщуете, сии пияни суть* (ст. 15). Видишь, как скромна его защита? Хотя он имел на своей стороне большую часть народа, однако говорит с ними весьма кротко; и сперва опровергает их лукавое предположение, а затем уже приступает к защите. Потому-то он и не сказал: как вы говорите, издеваясь и смеясь над нами; но: *яко же вы, непщуете,* – желая показать, что они говорят это неумышленно, и приписывая это скорее их неведению, нежели злому умыслу. *Не бо, тоже вы непщуете, сии пияни суть: есть бо час третий дне.* К чему он говорит это? Разве нельзя быть пьяным и в третьем часу? Конечно, можно; но он не хотел долго на этом останавливаться, так как (апостолы) были совсем не в таком положении, как говорили в насмешку эти люди. Отсюда, следовательно, мы научаемся, что без нужды не надобно много говорить. А с другой стороны, и дальнейшие слова его служат этому подтверждением. Теперь речь его обращается уже вообще ко всем. *Но сие есть реченое пророком Иоилем: и будешь в последния дни, глаголет Господь* Бог (ст. 16, 17). Пока нигде еще (не видно) имени Христа, и обетование это – не Его обетование, а – Отца. Заметь благоразумие (апостола). Он не опустил (этого обстоятельства) и не стал тотчас же говорить о том, что касается собственно Христа, – именно, что Он обещал это после Своего распятия: иначе, если бы он сказал так, то все бы испортил. Но ведь этого, скажешь, было бы достаточно для доказательства Его божества. Так, – когда этому веруют, пока же о том только была еще забота,

чтобы этому поверили; а когда не веруют, то следствием этого было бы то, что их побили бы камнями. *Излию от Духа моего на всяку плоть.* Подает и им благие надежды, если только они сами того захотят. И не допускает их до мысли, что это лишь преимущество апостолов, — так как отсюда возникло бы неудовольствие, — и таким образом устраняет зависть. *И прорекут*, говорит, *сынове ваши.* Не вам, говорит, принадлежит это великое дело и не вам эта похвала; к вашим детям перешла благодать. Детьми называет себя вместе с прочими апостолами, а их — отцами. *И юноши ваши видения узрят и старцы ваши сония видят: ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излию от Духа моего, и прорекут* (ст. 17, 18). Продолжает показывать, что апостолы снискали благоволение (Божие), так как удостоились Святого Духа, а те — нет, потому что распяли Христа. Так и Христос, желая укротить их гнев, говорил: *сынове ваши о ком изгонят бесы* (Мф. XII, 27)? Не сказал: Мои ученики, так как показалось бы, что Он льстит Себе. Равным образом, и Петр не сказал, что они не пьяны, но что они говорят по внушению Духа, и не просто (сказал это), а прибегнул к пророку и, оградившись им, говорит с совершенной уверенностью. Таким образом от обвинения он освободил их сам, а касательно благодати приводит в свидетели пророка. *Излию от Духа моего на всяку плоть.* Так сказано потому, что на одних благодать изливалась во сне, а на других наяву. Ведь и во сне пророки имели видения и получали откровения. Затем (апостол) продолжает пророчество, которое заключает в себе нечто и страшное. *И дам*, говорит, *чудеса на небеси горе и знамения на земли низу* (ст. 19). Этими словами намекает и на будущий суд, и на разрушение Иерусалима. *Кровь, и огнь, и курение дыма.* Смотри, как изобразил разрушение. *Солнце преложится во тьму и луна в кровь* (ст. 20). Это он сказал применительно к положению страждущих. Впро-

чем, рассказывают, что много такого и действительно было на небе, как свидетельствует Иосиф (Флавий). В то же время (апостол) этим и устрашил их, напомнив им о бывшем мраке и заставив ожидать того, что будет. *Прежде даже не приити дню Господню великому и просвещенному.* Если теперь, говорит, вы грешите безнаказанно, так еще не считайте себя в безопасности. Ведь это начало некоторого великого и тяжкого дня. Видишь ли, как он потряс и поколебал их душу, и смех обратил в оправдание? В самом деле, если это начало того дня, то необходимо следует, что им угрожала величайшая опасность. Что же? Продолжает ли он говорить о том, что наводило страх? Нет. А что? Он снова дает им отдохнуть и говорит: *и будет всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется* (ст. 21). Это сказано о Христе, как говорит Павел (Рим. X, 13); однако Петр не решается высказать этого ясно. Но возвратимся к тому, что сказано выше. Прекрасно восстает Петр против смеющихся и издевающихся, говоря: *сие вам* всем *известно да будет и внушите глаголы моя.* А вначале он говорил: *мужие Иудейстии,* называя, как мне кажется, Иудеями тех, которые жили в Иудее. Предложим, если угодно, и самые слова Евангелия, чтобы ты узнал, каким вдруг сделался Петр. Вышла, говорит (евангелист), рабыня, *глаголющи: и ты был со Иисусом Назореом;* а он отвечал: *не вем человека;* и когда снова спросили его, – *начать ротитися и клятися* (Мф. XXVI, 69–74).

2. А здесь смотри, с каким говорит он дерзновением, с какой великой свободой, Он не похвалил тех, которые сказали: *слышим глаголющих их нашими языки величия Божия;* а напротив, наряду с другими отягощает и их своими словами, желая сделать их более ревностными и представить свое слово чуждым лести. Это и всегда прекрасно наблюдать, так, чтобы при снисходительности слово было чуждо всякой лести, равно как и вся-

кого оскорбления, что́ – нелегко. Не без причины также устроено и то, что это совершилось в третьем часу: когда показывается блеск света, тогда люди еще не заняты бывают хлопотами об обеде, тогда – ясный день, тогда все на площади. Видишь ли слово, исполненное свободы? *И внушите глаголы моя.* Сказав это, Петр ничего не прибавил (от себя), а присовокупил: *сие есть реченое пророком Иоилем: и будет в последния дни.* Этим показывает, что уже близка и кончина. Оттого-то слова: *в последния дни* имеют некоторую особенную выразительность. Затем, чтобы не подумали, будто это дело касается только сынов, он присовокупляет: и *старцы ваши сония видят.* Заметь порядок: сначала сыны, как и Давид говорит: *вместо отец твоих быша сынове твои* (Пс. XLIV, 17); и в свой очередь, Малахия: *иже устроит сердце* отцов к чадам (Мал. IV, 6). *И на рабы моя, и на рабыни моя.* И это – знак добродетели, – потому что мы стали рабами Божиими, освободившись от греха. Да обилен и дар, когда дарование переходит и на другой пол и не ограничивается одним или двумя лицами, как было в древности, например – Девворой и Олданой. И не сказал (Петр), что это – Дух Святой, и не истолковал слов пророка, но привел лишь одно пророчество, предоставив ему говорить самому за себя. Ничего пока не говорит он и об Иуде, потому что всем было известно, какая казнь его постигла. Но он молчит, зная, что ничто на них так сильно не действует, как то, когда беседуют с ними на основании пророчества; это сильнее даже самих дел. Когда Христос творил чудеса, Ему часто противоречили; а когда Христос привел им следующие слова из пророчества: *рече Господь Господеви моему: седи одесную мене* (Пс. CIX, 1), – они умолкли, так что не могли уже сказать Ему в ответ ни одного слова. Да и во многих местах Он напоминает им Писания, – например, когда говорит: *аще сих рече боги, к нимже бысть слово Божие*

(Ин. X, 35), а лучше – это всякому можно встретить везде. Потому-то и Петр здесь говорит: *излию от Духа моего на всяку плоть*, то есть на народы; но еще не раскрывает и не объясняет (пророчества), потому что это не было полезно. Так точно неясны и эти слова: *дам знамения на небеси горе* потому что своей неясностью они еще больше устрашали их. Если бы он объяснил им, – он более вооружил бы их против себя. Потому-то он и обходит его, как будто бы оно было ясно, желая внушить такое понятие. Конечно, после он объясняет им, когда беседует с ними о воскресении, когда приготовил их к тому своим словом. Потому он охотно и обходит (это пророчество), что благодеяния не в силах были привлечь их: этого никогда не было. Ведь тогда никто не спасся; а, теперь верные спаслись при Веспасиане. Вот это и означают слова (Спасителя): *и аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть* (Мф. XXIV, 22). Что было более тяжко, то случилось наперед, так как сначала жители были взяты в плен, и тогда город был разрушен и сожжен.

Затем (Петр) останавливается на иносказании, чтобы ближе представить перед взорами слушателей разорение и плен. *Солнце превратится в тьму и луна в кровь*. Что значит выражение: луна превратится в кровь? Мне кажется, он означает через это чрезмерность кровопролития и намеренно говорит так, чтобы внушить им великий страх. *И будет всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется. Всяк*, говорит, будет ли то священник (хотя этого еще не высказывает), или раб, или свободный, потому что о *Христе Иисусе несть мужеский пол, ни женский, несть раб, ни свобод* (Гал. III, 28). И справедливо: это различие, действительно, имеет место лишь здесь, где все – тень. Если в царских чертогах нет ни благородного, ни неблагородного, но всякого обозначают его дела; если и в искусствах каждый ценится по

своему произведению, то тем больше — в том состоянии. *Всяк, иже аще призовет. Призовет* не просто, — потому что *не всяк*, говорит (Христос), *глаголяй ми Господи, Господи* (Мф. VII, 21), — но призовет с усердием, при хорошей жизни, с должным дерзновением. Таким образом, слово его пока еще не тягостно, так как он вводит речь о вере, хотя не скрывает и страха наказания. Почему? Потому что показывает, что есть спасение в призывании.

3. Что ты говоришь, скажи мне? Вспоминаешь о спасении после распятия? Потерпи немного. Человеколюбие Божие велико; и то самое, что Господь их призывает, доказывает Его божественность не меньше воскресения, не меньше чудес. Ведь в чем выражается чрезвычайная благость, то по преимуществу и свойственно Богу. Потому-то и говорит (Христос): *никто же благ токмо един Бог* (Лк. XVIII, 19). Но эту благость не станем обращать для себя в повод к беспечности, потому что Он и наказывает, как Бог. Так вот и это сделал. Тот самый, кто сказал: *иже аще призовет имя Господне, спасется,* — говорю о том, что совершилось над Иерусалимом, — о том тягчайшем наказании. Об этом я желаю сказать вам немного слов, которые будут полезны вам и для обличения маркионитов, и многих других еретиков. Так как они утверждают, что Христос — Бог благой, а тот (который наказывает) — злой, то посмотрим, кто это сделал. Кто же это сделал? Злой ли в отмщение за Него? Не может быть; иначе как же он будет чужд Ему? Или добрый? Но (из Писания) оказывается, что это совершил и Отец, и Сын. Касательно Отца, это видно из многих мест, например, где говорится, что Он посылает в виноградник Свои воинства, а касательно Сына — из слов: *обаче враги моя оны, иже не восхотеша мене, да царь бых был над ними, приведите семо и изсецыте предо мною* (Лк. XIX, 27). А с другой стороны, и сам

Христос говорит о предстоящих скорбях, которые, по своей жестокости, превосходят все, что только когда-либо было сделано, и сам же возвестил о них. Хочешь ли послушать, что было? Их пронзали рожнами. Может ли быть зрелище более ужасное? Или хочешь, я расскажу о страданиях женщины, – о том печальном событии, которое выше всякого бедствия? Или сказать о голоде и заразе? Я опускаю, что еще ужаснее этого. Тогда люди не признавали природы, не признавали закона, зверей превзошли жестокостью; и все это совершилось вследствие необходимостей войны, потому что так угодно было Богу и Христу. На это прилично будет указывать и маркионитам, и тем, которые не верят геенне: этого будет довольно, чтобы обуздать их бесстыдство. Эти бедствия не ужаснее ли тех зол, какие были в Вавилоне? Этот голод не гораздо ли невыносимее тогдашнего? Об этом и сам Христос сказал так: *будет скорбь, яковаже не бысть, ниже имать быти* (Мф. XXIV, 21). Как же некоторые говорят, будто Христос простил им грех? Может быть, этот вопрос считается обыкновенным; но вы в состоянии разрешить его. Никто нигде не может указать вымысла подобного тому, что было на самом деле. И если бы писавший это был христианин, – слова его еще могли бы быть подозрительными; если же это иудей, и иудей самый ревностный, явившийся уже после евангелия, то эти события не должны ли быть достоверны для всех? Ведь ты всюду увидишь, как он превозносит все иудейское. Итак, и геенна есть, и Бог благ. Не ужаснулись ли вы, услышав о тех страданиях? Но страдания здешние – ничто в сравнении с тем, что будет там. Я опять вынужден казаться вам неприятным, тягостным и несносным. Но что мне делать? Я на то и поставлен. Как строгий воспитатель, по самой обязанности своей, неизбежно навлекает на себя ненависть воспитанников, так точно и мы. Иначе, не странно ли будет, если люди, назна-

ченные царями на какую-нибудь должность, будут исполнять данные им приказания, хотя бы они были и неприятны, а мы, для избежания упреков с вашей стороны, станем пренебрегать обязанностью, на которую поставлены?

У всякого свой долг: из вас многие обязаны иметь сострадание и человеколюбие, быть любезными и ласковыми с теми, кому вы оказываете благодеяние; а мы, со своей стороны, для пользы тех, кому служим, являемся тягостными, жестокими, несносными и неприятными, так как мы приносим пользу не тем, чем нравимся, а тем, чем уязвляем. Таков и врач. Но он еще не слишком неприятен, потому что он сейчас же дает чувствовать пользу своего искусства; а мы — в будущем. Таков и судья: он тягостен для преступников и мятежников. Таков и законодатель: он неприятен тем, которые должны подчиняться его законам. Но не таков тот, кто призывает к удовольствиям, кто устрояет общественные празднества и торжества, кто увенчивает народ; нет, эти люди нравятся, потому что увеселяют города разнообразными зрелищами, не жалея расходов и издержек. Потому-то получившие от них удовольствие и награждают их со своей стороны похвалами, занавесами, множеством светильников, венками, ветвями, блистательной одеждой. Между тем больные, лишь только увидят врача, становятся печальны и унылы. Равным образом и мятежники, как скоро увидят судью, приходят в уныние, а не радуются и не торжествуют, разве когда и сам тот перейдет на их сторону. Теперь посмотрим, кто всего больше приносит пользы городам, — те ли, которые устраивают эти празднества, эти пиршества, роскошные обеды и разнообразные увеселения, или те, которые, отвергнув все это, приносят с собой палку и бичи, приводят палачей и страшных воинов, произносят грозные слова, делают строгие выговоры, наводят печаль и

разгоняют палкой народ на площади. Посмотрим, говорю, на которой стороне бывает выгода. Ведь этими последними тяготятся, а тех очень любят. Что же бывает от тех, которые увеселяют народ? Одно пустое удовольствие, которое остается лишь до вечера, а на следующий день пропадает, — бесчинный смех, неприличные и невоздержные слова. А что от этих? Опасение, воздержность, скромность в образе мыслей, кротость души, удаление от беспечности, обуздание внутренних страстей, ограждение себя от тех, которые извне вторгаются. Благодаря этим, каждый из нас владеет своим имуществом, а через те празднества мы теряем его, и, притом, с вредом для себя, — теряем не потому, что к нам вторглись разбойники, но потому, что, к нашему же удовольствию, нас грабит тщеславие. Всякий видит, как этот грабитель выносит все его имущество, и этим наслаждается. Вот нового рода грабеж, заставляющий веселиться тех, кто ему подвергается!

4. Но там нет ничего подобного; там мы ограждены Богом, как общим Отцом, от всего видимого и невидимого: *внемлите*, говорит Он, *милостыни вашея не творити пред человеки* (Мф. VI, 1). Там душа научается избегать неправды. Ведь неправда заключается не в одной только преступной жадности к деньгам, но и в том, когда мы даем чреву пищи больше, чем нужно, и в наслаждении удовольствиями преступаем свойственную им меру и доходим до неистовства. Там душа научается целомудрию, а здесь — распутству. Ведь распутство состоит не в совокуплении только с женщиной, но и в том, если мы смотрим бесстыдными глазами. Там научается кротости, а здесь — надменности: *вся ми леть суть*, говорит (апостол), *но не вся на пользу* (1 Кор. VI, 12); там — благопристойности, здесь — бесстыдству. Умалчиваю уже о том, что бывает на зрелищах; здесь даже нет и никакого удовольствия, а скорее — печаль. Укажите мне по про-

шествии одного дня праздничного и на тех, которые несли издержки (по устройству праздника), и на тех, кого увеселяли зрелищами, — и мы увидим, что все они унылы, а особенно тот, кто тратил деньги. Это и естественно. В предшествующий день он забавлял простолюдина, и простолюдин, действительно, был счастлив и наслаждался большим удовольствием, потому что его радовала блистательная одежда; но он не мог ею пользоваться всегда и оттого скорбел и снедался печалью, когда видел, что ее с него снимают. Что же касается того, кто тратился, то, по-видимому, и счастье его было мало в сравнении с счастьем первого. Потому-то на следующий день они меняются друг с другом, и бóльшее недовольство достается на долю последнего. Если же в делах людских то, что радует, имеет в себе столько неприятного, а что тягостно — приносит такую пользу, то тем больше — в делах духовных. Потому-то никто не жалуется на законы, напротив, все считают их общеполезными, так как не со стороны пришедшие иноземцы и не враги постановили их, но сами же граждане, надзиратели, попечители. И это считается знаком благоденствия и благожелательства, когда постановлены законы, несмотря на то, что законы наполнены наказаниями, и нельзя найти закона без наказания. Не странно ли после этого, если людей, излагающих те законы, будете называть спасителями, благодетелями, заступниками, а нас будете считать какими-то жестокими людьми и несносными, хотя мы говорим о законах Божиих? Ведь, когда беседуем мы о геенне мы приводим те самые законы. И как светские законодатели излагают законы об убийствах, покражах, о браках и о всем подобном, так и мы приводим законы о наказаниях, законы, которые постановил не человек, но сам единородный Сын Божий. Безжалостный, говорит Он, да потерпит наказание; это именно означает притча (о должнике)

(Мф. XVIII, 23–35); злопамятный да подвергнется крайнему мучению; гневающийся понапрасну да будет ввержен в огонь; злословящий да потерпит казнь в геенне.

Если же вам думается, что вы слышите законы странные, — не смущайтесь. Зачем было бы и приходить Христу, если бы Он не имел постановить законы необыкновенные? Ведь то уже известно нам, что убийцу и прелюбодея надобно наказывать; следовательно, если бы мы должны были услышать то же самое, то какая была бы нужда в небесном Учителе? Потому-то Он не говорит: прелюбодей да будет наказан, но — тот, кто смотрит бесстыдными глазами, и присовокупляет также и то, где и когда он подвергнется наказанию. И не на досках и не на столпах изобразил Он Свои законы; и не столпы медные поставил Он, и не на них начертал письмена; нет, Он воздвиг для нас двенадцать душ апостольских и на них Духом Святым написал эти письмена. И мы, по всей справедливости, читаем их вам. Если у иудеев это было законно, чтобы никто не мог отговариваться незнанием, то тем больше у нас. Если же кто скажет: я не слушаю и не буду отвечать перед судом, то за это подвергнется особенно большому наказанию. В самом деле, если бы никто не учил, то еще можно было бы этим отговариваться; но если есть учителя, то — уже нельзя. Посмотри, как Христос отнимает у иудеев это извинение, когда говорит: *аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели* (Ин. XV, 22). Опять и Павел (говорит): *но глаголю: еда не слышаша? Но паче во всю землю изыде вещание их* (Рим. X, 18). Тогда бывает прощение, когда никто не говорит; но когда сидит надзиратель и имеет это своей обязанностью, тогда уже нет прощения. А между тем, Христос не того хотел, чтобы мы только смотрели на эти столпы, но — чтобы и сами были столпами. А так как мы сделали себя недостойными этих письмен, то будем, по крайней мере,

смотреть на эти столпы. Как столпы другим угрожают, а сами не подлежат ответственности, равно как и сами законы, — так точно и блаженные апостолы. И смотри: не на одном месте стоит такой столп, но везде распространены эти письмена. Пойдешь ли в Индию, — ты услышишь о них; пойдешь ли в Испанию или до самых крайних пределов земли, — не встретишь никого, кто бы не слыхал о них, разве по собственному своему нерадению. Так не сердитесь же, а будьте внимательны к тому, что здесь говорится, чтобы вы были в состоянии приняться за дела добродетели и получить вечные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Мужие Израильстии, послушайте словес сих (Деян. II, 22)

1. Не из лести это сказано (апостолом): но, так как выше он сильно обличил иудеев, то теперь делает им послабление и благовременно напоминает о Давиде. Он опять начинает вступлением, чтобы они не пришли в смятение, так как он намерен был напомнить им об Иисусе. До сих пор они были спокойны, потому что слушали пророка; но имя Иисуса тотчас вооружило бы их. И не сказал: поверьте, но: *послушайте,* – что было нетягостно. И заметь, как он ничего не говорит высокого, а начинает свою речь с крайне уничиженного. *Иисуса,* говорит, *Назорея,* — сейчас же упоминает об отечестве, которое считалось презренным. И ничего пока еще не говорит о Нем великого, даже и того, что иной сказал бы о пророке. *Иисуса,* говорит, *Назорея, мужа, от Бога извествованна в вас.* Заметь, как много зна-

чило сказать, что он послан от Бога. Это всегда и везде старались доказать и сам (Христос), и Иоанн, и апостолы. Послушай, например, что говорит Иоанн: *той мне рече: над негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на нем, той есть* (Ин. I, 33). А сам Христос даже и по преимуществу внушает это, говоря: *не о себе приидох, но той мя посла* (VIII, 42). Да и везде в Писании об этом преимущественная забота. Потому-то и этот святой вождь в блаженном лике, приверженец Христов, пламенный ученик, которому вверены были ключи небес, который принял духовное откровение, смирил их страхом, показал, что (апостолы) сподобились великих даров, и сделал их достоверными, а тогда уже беседует и о Иисусе. Ах, как он осмелился среди убийц сказать, что Он воскрес! Впрочем не тотчас говорит: Он воскрес, а сначала: Он пришел к вам от Бога. Это же видно из того, что Он сделал. И не говорит: Он (сделал), а: Бог через Него, – для того, чтобы скромностью лучше привлечь их, причем их же самих призывает в свидетели и говорит: *мужа, от Бога извествованна в вас силами, и чудесы, и знамении, яже сотвори тем Бог посреде вас, якоже и сами весте* (ст. 22). Потом, когда дошел до того их ужасного преступления, – смотри, как старается освободить их от вины. Ведь, несмотря на то, что это было предопределено, все же они были душегубцы. *Сего*, говорит он, *нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше, руками беззаконных пригвоздше, убисте* (ст. 23). Говорит почти теми же самыми словами, как и Иосиф, который также говорил своим братьям: не бойтесь; не вы меня продали, но Бог меня послал сюда (Быт. XLV, 5). А так как он сказал, что на это была воля Божия, то, чтобы не сказали: значит, мы хорошо поступили, – он предупреждает эту мысль тем, что присовокупил: *руками беззаконных пригвоздше, убисте.* Здесь намекает на Иуду и вместе с тем показывает им, что они не

в силах были бы это сделать, если бы Бог не попустил и сам не предал Его. Это и значит слово: *предана*. Таким образом всю вину слагает на голову Иуды предателя, так как он предал Его лобзанием. Или это означают слова: *руками беззаконных*, или он говорит здесь о воинах; выражая такую мысль: не просто вы убили Его, а через посредство беззаконных людей. Заметь, как повсюду (апостолы) заботятся о том, чтобы прежде всего были признаны Его страдания. Что же касается до воскресения, — так как это было дело великое, — (Петр) до времени прикрывает его и уже потом выставляет на вид. Страдания, именно крест и смерть, были всеми признаны, а воскресение еще нет; потому-то он и говорит о нем после, присовокупляя: *егоже Бог воскреси, разрешив болезни смертныя, якоже не бяше мощно держиму быти ему от нея* (ст. 24). Здесь он указал на нечто великое и высокое. Слова: *не бяше мощно* — показывают, что Христос сам и позволил (смерти) удержать Себя, и что самая смерть, держа Его, мучилась как бы болезнями рождения и тяжко страдала. Известно, что болезнью смертной Писание повсюду обыкновенно называет опасность. Вместе с тем здесь выражается мысль, что Он воскрес так, что больше уже не умрет. Или словами: *яко не бяше мощно держиму быти ему от нея* — (апостол) показывает, что воскресение Христово было не таково, как воскресение прочих людей. Затем прежде, чем в уме их могла родиться какая-нибудь мысль, он выставил им Давида, отстраняющего всякий помысл человеческий. *Давид бо*, говорит, *глаголет о нем* (ст. 25). И смотри, какое опять уничиженное свидетельство! Для того он и привел его сначала, сказав то, что более уничиженно, чтобы показать, что смерть (Христова) не была событием горестным. *Предзрех*, говорит, *Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Яко не оставиши души моея во аде* (ст. 25, 27). Затем, докончив свиде-

тельство пророческое, присовокупляет: *мужие братие* (ст. 29). Когда намерен говорить что-нибудь особенно важное, всегда употребляет такое вступление, чтобы тем возбудить их внимание и привлечь в себе. *Достоит*, говорит, *рещи с дерзновением к вам о патриарсе Давиде* (ст. 29). Какая великая скромность! Так он всегда снисходит, когда это было безвредно. Потому и не сказал: это сказано о Христе, а не о Давиде; напротив, весьма благоразумно выказывает глубокое уважение к блаженному Давиду, чтобы тем тронуть их, и о том, что всеми признано, говорит так, как будто это было дерзко сказать, стараясь расположить их в свою пользу теми похвалами (Давиду), какие незаметно вводит в свою речь. Потому и не просто говорит: *о Давиде*, но: *о патриарсе Давиде. Яко и умре, и погребен бысть*. Не говорит пока: и не воскрес; но другим образом сейчас же высказывает и это, говоря: *и гроб его есть в нас даже до дне сего* (ст. 29). Теперь он доказал то, что желал; но и после этого не перешел еще ко Христу, а снова говорит с похвалой о Давиде: *пророк убо сый и ведый, яко клятвою клятся ему Бог* (ст. 30).

2. Так говорит он с той целью, чтобы они, по крайней мере, хоть из уважения к Давиду и к его роду, приняли слово о воскресении, — так как будто бы в противном случае пострадает пророчество и их честь. *И ведый*, говорит, *яко клятвою клятся ему Бог* (ст. 30). Не сказал просто: обещал, но, что было сильнее: *клятвою клятся от плода чресл его по плоти воздвигнути Христа и посадити его на престоле его* (ст. 30). Смотри, как опять указал на высокую истину. Так как он смягчил их своими словами, то смело предлагает это изречение пророка и беседует о воскресении. *Яко не оставися душа его во аде, ни плоть его виде истления* (ст. 31). Это опять удивительно; отсюда видно, что воскресение (Христово) не было похоже на воскресение прочих людей. Смерть держала

Его и в то же время не сделала того, что ей свойственно делать. Таким образом о грехе (иудеев) Петр прикровенно сказал, а о наказании ничего не присовокупил; показал, что они умертвили (Христа), и вслед затем переходит к знамению Божию. Но, когда доказано, что умерщвленный был праведник и друг Божий, то, хотя бы ты и умолчал о наказании, грешник сам себя осудит еще больше, чем ты. Итак, (Петр) все приписывает Отцу, для того, чтобы они приняли его слова. Затем приводит из пророчества выражение: *невозможно.* Поэтому, посмотрим снова на то, что сказано выше. *Иисуса,* говорит (Петр), *Назорea, мужа, от Бога извествованна в вас,* то есть человека, о котором не может быть никакого сомнения, но за которого говорят дела. Так и Никодим говорил: *никтоже может знамений сих творити, яже ты твориши* (Ин. III, 2). *Силами,* говорит, *и чудесы, и знамении, яже сотвори тем Бог посреде вас* (ст. 22; гл. 2 Деян.); значит, не тайно, если – *посреде.* Сначала говорит о том, что им известно, и потом уже переходит к неизвестному. Затем словами: *советом Божиим* – показывает, что не они могли (это сделать), но что это было делом премудрости и смотрения Божия, так как было от Бога. И что было для них неприятно, то он прошел скоро. Апостолы везде старались показать, что (Христос) умер. Хотя бы вы, говорит (Петр), стали отрицать, – они засвидетельствуют. А Кто привел в затруднение самую смерть, тот, конечно, гораздо больше бед мог причинить тем, которые Его распяли. Однако, Петр не говорит ничего такого, например: Он мог вас умертвить, а просто только дает им понять это. Между тем, из этих слов узнаем и мы, что значит то, что смерть держала Его. Кто мучится тем, что держит что-нибудь, тот уже не держит и не действует, а страдает и старается скорее бросить (что держит). Прекрасно также сказал (Петр): *Давид бо глаголет о нем,* – чтобы ты не отнес этих слов к самому про-

року. Видишь ли, как он, наконец, объясняет и разоблачает пророчество, показывая, каким образом Христос воссел на престоле Своем? Ведь царство духовное — на небесах. Заметь, как вместе с воскресением он указал и на царство, сказав, что (Христос) воскрес. (Далее) показывает, что пророк был поставлен в необходимость (говорить так), потому что это было пророчество о Христе. Почему же он не сказал: о царстве Его, но: о *воскресении его* (ст. 31)? Это было слишком высоко (для них). Но как Он воссел на престоле? Будучи царем над иудеями. А если — над иудеями, то тем больше над теми, которые Его распяли. *Ни плоть его*, говорит, *виде истления* (ст. 31). Это, по-видимому, меньше воскресения, но на самом деле это — одно и то же. *Сего Иисуса воскреси Бог.* Смотри, как (всегда) не иначе называет Его. *Емуже вси мы есмы свидетели. Десницею убо Божиею вознесеся* (ст. 32, 33). Опять обращается к Отцу, хотя довольно было и того, что сказал уже прежде; но он знал, насколько это важно. Здесь он намекнул и на вознесение, и на то, что Христос пребывает на небесах; но ясно и этого не высказывает. *И обетование Святого Духа прием* (ст. 33). Смотри: вначале сказал, что не Христос послал Его (Святого Духа), но Отец; а когда напомнил им об Его чудесах и о том, как поступили с Ним иудеи, когда сказал о воскресении, то уже смело начинает говорить и об этом и опять их самих приводит в свидетели, ссылаясь на то и другое их чувство (то есть, на зрение и слух — ст. 33). И о воскресении упоминает часто, а об их преступлении только однажды, чтобы не быть для них тягостным. *И обетование*, говорит, *Святаго Духа* прием. Это опять — (истина) великая; и я думаю, что он говорит теперь о том обетовании, которое было до страдания. Смотри, как, наконец, все это он усвояет Христу, делая это очень незаметно. В самом деле, если Он излил (Святого Духа), то, очевидно, о Нем сказал пророк

выше: *в последния дни излию от Духа моего на рабы моя и на рабыни моя, и дам чудеса на небеси горе* (ст. 17 и след.). Смотри, какие (истины) он незаметно влагает в свои слова! Но так как это было дело великое, то он опять прикрывает его, сказав, что Христос принял от Отца. Он сказал об оказанных Им благодеяниях и о чудесах; сказал, что Он – Царь и что Он пришел к ним; сказал, что Он дает Святого Духа. Но ведь что бы кто ни сказал, – все будет напрасно, если он не будет иметь в виду пользы. Подобно Петру поступает и Иоанн, когда говорит: *той вы крестит Духом Святым* (Мф. III, 11). Вместе с тем (Петр) показывает, что крест не только не умалил Христа, а напротив, еще более прославил Его, так как, что издревле Бог обещал Ему, то теперь даровал. Или иначе: Петр говорит здесь о том обетовании, которое Он нам дал. Таким образом Он наперед уже знал о будущем обетовании и после креста даровал нам еще большее. *И излия.* Здесь (апостол) показывает Его достоинство, равно как и то, что Он не просто (даровал Духа), но – в изобилии. Отсюда, чтобы сделать и это (достоинство) очевидным, – присовокупляет дальнейшие слова. Сказав о даровании Святого Духа, он теперь уже смело беседует и о вознесении (Христовом) на небеса, и не просто, но опять приводит свидетеля и напоминает о том самом лице, на которое и Христос указывал. *Не бо Давид*, говорит, *взыде на небеса* (ст. 34).

3. Здесь (апостол) говорит уже без стеснения, одушевляясь тем, что сказал выше; уже не говорит: *достоит рещи* (ст. 29) или что-нибудь подобное; но говорит ясно: *рече Господь Господеви моему: седи одесную мене, дондеже положу враги твоя подножие ног твоих* (ст. 34, 35). А если Он – Господь Давида, то тем более – их. *Седи одесную мене.* Этим высказал все. *Дондеже положу враги твоя подножие ног твоих.* Этими словами возбудил в них великий страх, подобно тому, как и вначале показал, как Бог поступает

со Своими друзьями, и как — с врагами. А чтобы они лучше ему поверили, он опять власть приписывает Отцу. И так как он сказал истину высокую, то теперь опять низводит слово свое к уничиженному. *Твердо убо да уразумеет,* говорит, *весь дом Израилев* (ст. 36), то есть не сомневайтесь и не возражайте. А затем говорит уже со властью: *яко и Господа* самого *и Христа Бог сотворил есть* (ст. 36). Это он припомнил из псалма Давидова (Пс. II, 2). Ему следовало бы сказать: *твердо убо да уразумеет весь дом Израилев,* что Он седит одесную; но так как то было слишком высоко, то он, оставив это, приводит другое, что гораздо уничиженнее, — говорит: *сотворил есть,* то есть поставил. Следовательно, он здесь ничего не говорит о существе, но все об этом предмете (то есть о воплощении). *Сего Иисуса, его же вы распясте* (ст. 36). Прекрасно этим заключил свое слово, чтобы через то потрясти их ум. Сначала показал, как велико это преступление, и потом уже открыто сказал о нем, чтобы лучше представить его важность и преклонить их страхом. Ведь люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и друзья Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не говорил ни о царстве, ни о геенне.

Вот это значит любить Христа; это значит не быть наемником, не смотреть (на благочестивую жизнь), как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся, как бы купцы, приобрести царство небесное? Так много нам обещано, а мы и при всем том не слушаем? С чем сравнить такую неприязнь? Люди, одержимые безумной страстью к деньгам, кого бы ни встретили, врагов ли, или рабов, или самых злых своих противников, самых негодных людей, — если

только надеются получить через них деньги, — решаются на все, и льстят, и услуживают, и становятся рабами, и считают их самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить от них: надежда получить деньги производит то, что они ни о чем таком не думают. А царство не имеет того значения у нас, какое имеют деньги; или лучше, — не имеет и ничтожной доли того значения. Между тем, и обещано оно не каким-нибудь обыкновенным лицом, а Тем, Кто несравненно выше и самого царства. Если же и обещано царство, и дает его сам Бог, то, очевидно, уже много значит и получить его от такого лица. А теперь, между тем, происходит то же, как если бы царя, который, после бесчисленного множества других благодеяний, хочет сделать (нас) своими наследниками и сонаследниками собственного своего сына, мы стали презирать; а начальнику разбойников, который был причиной весьма многих бед и для нас, и для наших родителей, который сам исполнен бесчисленного зла и посрамил и нашу славу, и наше спасение, — стали кланяться, если он покажет нам хотя один овол. Бог обещает нам царство, и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну, и мы чтим его! То — Бог, а это — диавол! Но посмотрим на самую разность их заповедей. Ведь, если бы даже ничего этого не было, — если бы, то есть то не был Бог, а это — диавол, если бы первый не уготовлял нам царства, а последний — геенны, — самого свойства их заповедей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с первым? Что же заповедует тот и другой? Один — то, что покрывает нас стыдом, а другой — то, что делает нас славными; один — то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, другой — то, что доставляет великую отраду. В самом деле, посмотри: один говорит: *научитеся от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим*

(Мф. XI, 29); а другой говорит: будь жесток и суров, гневлив и раздражителен, будь лучше зверем, чем человеком. Посмотрим же, что полезнее, что благотворнее. Но не это только (имей в виду), а помысли о том, что один из них диавол. Тогда в особенности обнаружится то (что полезнее), да и торжество будет больше. Ведь не тот заботлив, кто дает повеления легкие, а кто заповедует полезное. И отцы дают приказания тягостные, равно как и господа своим слугам; но потому-то именно одни из них — отцы, а другие — господа; а поработители и губители заповедуют все противное.

Впрочем, что (заповеди Божии) доставляют и удовольствие, это ясно из следующего. Каково, по твоему мнению, состояние человека раздражительного, и человека незлобивого и кроткого? Не правда ли, что душа последнего похожа на некоторое уединенное место, где царствует великая тишина, а душа первого — на шумную площадь, где страшный крик, где погонщики верблюдов, лошаков, ослов кричат изо всей силы на проходящих, чтобы их не задавить? Или еще, не походит ли душа последнего на середину городов, где сильный шум то с той стороны от серебряников, то с другой — от медников, и где одни обижают, а другие терпят обиду? А душа первого похожа на некоторую вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч (солнца), откуда льются прозрачные струи потоков и где встречаешь множество прелестных цветов, как на весенних лугах и в садах, красующихся растениями, цветами и струящимися ручейками. Если здесь и бывает какой звук, то это — звук приятный, доставляющий большое удовольствие тому, кто его слышит. Здесь или певчие птицы сидят вверху на ветвях деревьев, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспевают какой-то один концерт; или тихий ветер, слегка касаясь ветвей дерев, часто производит звуки, похожие на звук флейты или на крик лебедя;

или луг, покрытый розами и лилиями, которые склоняются друг к другу и отливают синевой, представляет как бы синее море в минуту легкого волнения. Одним словом, здесь всякому можно найти много подобий: когда посмотришь на розы, — подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фиалки, — подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лилии, — подумаешь, что видишь небо. И не зрением только наслаждаешься здесь при виде такого зрелища, но и самим телом. Здесь человек по преимуществу находит для себя отраду и отдых, так что скорее считает себя на небе, чем на земле.

4. Есть здесь и другой звук, — когда вода непринужденно катится с вершины по расселинам и, слегка ударяясь о встречающиеся камешки, тихо журчит и такую разливает сладость по нашим членам, что скоро и сон, от которого невольно опускаются члены, нисходит на глаза наши. Вы с удовольствием слушали мой рассказ и, может быть, даже пленялись пустынной местностью? А ведь душа великодушного человека еще несравненно приятнее, чем эта пустынная местность. И я не с тем коснулся этого подобия, чтобы описать вам луг, или чтобы похвалить это красноречием, но, чтобы вы, увидев из описания, как велико наслаждение людей великодушных, — увидев, что и обращение с человеком великодушным доставляет несравненно больше и удовольствия, и пользы, чем жизнь в подобных местностях, старались подражать таким людям. В самом деле, если от такой души не выходит и дыхание бурное, но одни кроткие и приветливые слова, истинно подобные тихому веянию легкого ветра, одни убеждения, в которых нет ничего грубого, а напротив слышится нечто похожее на пение птиц, то не правда ли, что это лучше? Веяние слова ведь уж не на тело падает, а оживляет души. Не так скоро врач, какое бы он ни прилагал ста-

рание, освободить больного от горячки, как человек великодушный дуновением слов своих охлаждает человека и раздражительного, и пламенеющего гневом. Но что я говорю о враче? И раскаленное железо, опущенное в воду, так скоро не потеряет своей теплоты, как человек вспыльчивый, если встретится с душой терпеливой. Но как певчие птицы на рынке не имеют почти никакой цены, так точно и наши убеждения считаются пустыми словами у людей раздражительных. Итак, кротость приятнее, чем гнев и ярость. Но не это только (нужно иметь в виду), но и то, что одно заповедано диаволом, а другое – Богом. Видите, – я не напрасно сказал, что, если бы то не был диавол и Бог, самые заповеди были бы уже достаточны для того, чтобы отвлечь нас (от диавола).

Человек кроткий и сам себе приятен, и остальным полезен; а гневливый – и сам себе неприятен, и прочим вреден. Действительно, ничего нет хуже человека гневливого, ничего нет тягостнее; ничего несноснее, ничего постыднее; равно как и наоборот, – нет ничего приятнее человека, который не умеет гневаться. Лучше жить со зверем, чем с таким человеком: зверя только раз укротишь, и уж он навсегда остается таким, каким его приучили быть; а этого, сколько ни укрощай, он опять ожесточается, потому что только на один раз смирится. Как отличен ясный и светлый день от времени ненастного и крайне печального, так и душа человека гневающегося от души человека кроткого. Но мы теперь еще не будем рассматривать тот вред, который происходит (от людей раздражительных) для остальных, а посмотрим на вред, какой они причиняют самим себе. Конечно, и то уже немаловажный вред, если мы сделаем какое-либо зло другому; но на это мы пока не будем обращать внимания. Какой палач может истерзать до такой степени бока? Какие раскаленные

рожны могут так исколоть тело? Какое сумасшествие может настолько лишить нас здравого смысла, сколько (лишают) гнев и бешенство? Я знаю многих, которые сделались больными от гнева; и жестокие горячки всего более бывают от гнева. А если (эти страсти) так вредны для тела, то подумай, (как вредны) для души. Не бери в соображение того, что ты этого не видишь; но подумай, что если и то, что воспринимает зло, терпит такой вред, — какой же вред получит то, что его рождает? Многие (от гнева) потеряли глаза, многие впали в самую тяжкую болезнь. Между тем, человек великодушный легко перенесет все. Но, несмотря на то, что (диавол) дает нам такие тягостные повеления и в награду за то предлагает геенну, несмотря на то, что он — диавол и враг нашего спасения, все же мы больше слушаем его, чем Христа, хотя Христос — наш Спаситель и благодетель, и предлагает нам такие заповеди, которые и приятнее, и полезнее, и благотворнее, которые приносят величайшую пользу и нам, и тем, кто с нами живет. Нет ничего хуже гнева, возлюбленный; нет ничего хуже неуместной раздражительности. Гнев не терпит дальнего отлагательства; это — бурная страсть. Часто случается, что в гневе иной скажет такое слово, для вознаграждения которого нужна целая жизнь: или совершит такое дело, которое ниспровергнет всю его жизнь. Ведь то-то и ужасно, что в короткое время, через один поступок, через одно даже слово, (эта страсть) часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды. Поэтому умоляю вас, употребите все меры к тому, чтобы обуздывать этого зверя. Это я сказал о кротости и гневе. Но, если кто станет рассуждать и об остальных (качествах), например, о любостяжании и презрении богатства, о распутстве и целомудрии, о зависти и добродушии, и сравнит их одно с другим, — тот узнает, что и здесь есть различие. Видели вы, как ясно

из одних только заповедей открывается, что один — Бог, а другой — диавол? Будем же повиноваться Богу и не станем ввергать себя в бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняет душу, чтобы сподобиться вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Слышавше же слова сии, умилишася сердцем, и реша к Петру и прочим апостолом: что сотворим, мужие братие (Деян. II, 27)?

1. Видишь ли, какое великое благо — кротость? Она больше жестокости уязвляет сердца наши и причиняет рану более чувствительную. Как тот, кто наносит удар телам затверделым, производит ощущение не столь сильное, а кто наперед смягчит их и сделает нежными, тот поражает сильнее, так точно и здесь — прежде надобно смягчить, и тогда уже поразить. Смягчает же не гнев, и не сильное обвинение, и не порицания, но кротость: гнев еще увеличивает ожесточение, а кротость уничтожает. Итак, если хочешь тронуть кого-либо обидевшего тебя, обращайся к нему с большой кротостью. Вот смотри, и здесь что делает (кротость). Петр кротко напомнил иудеям об их преступлениях и ничего более не прибавил; сказал о даре Божием, указал на благодать, как на свидетельство о минувших событиях, и еще далее простер слово. Иудеи устыдились кротости Петра, потому что он с людьми, распявшими его Владыку и замышлявшими убийство против самих (апостолов), беседовал, как отец и заботливый учитель. Они не просто убедились, но и осудили самих себя, — пришли в

сознание того, что сделали. Это потому, что он не дал им увлечься гневом и не допустил их разума до омрачения, но своим смиренномудрием рассеял, как некоторый мрак, их негодование, и тогда уже выставил на вид их преступление. Ведь так обыкновенно бывает: когда мы скажем, что нас обидели, обидевшие стараются доказать, что они не обижали; а когда скажем, что нас не обидели, но скорее мы сами обидели, – те поступают напротив. Поэтому, если хочешь привести обидевшего в затруднение, – не обвиняй его, но вступись за него, и он сам будет обвинять себя: род человеческий любит спорить. Так сделал Петр. Он не осудил (иудеев) со всей силой, а напротив, постарался еще с возможной кротостью почти защитить их и потому тронул их душу. Откуда же видно, что они умилились? Из их слов. Что именно говорят они? *Что сотворим, мужие братие?* Тех, которых называли обманщиками, теперь называют братьями, не столько для того, чтобы сравнить себя с ними, сколько для того, чтобы расположить их к любви и попечению. А с другой стороны, так как апостолы удостоили их этого названия, то они и говорят: *что сотворим?* Не сказали тотчас: итак, покаемся; но предали себя на их волю. Как человек, застигнутый кораблекрушением или болезнью, увидя кормчего или врача, все предоставляет ему и во всем слушается его, – так и они признались, что находятся в крайнем положении и не имеют даже надежды на спасение. И смотри: не сказали они: как мы спасемся, но: *что сотворим?* Что же Петр? Здесь опять, хотя спрошены были все (апостолы), отвечает Петр. *Покайтеся,* говорит он, *и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа* (ст. 38). И еще не говорит: уверуйте, но: *да крестится кийждо вас,* – потому что веру они получали в крещении. Потом показывает и пользу (крещения): *во оставление грехов, и приимете дар Святаго Духа* (ст. 38). Если вы получите дар, если креще-

нием дается *оставление* (грехов), то зачем медлите? Потом, чтобы сделать свое слово убедительным, присовокупил: *вам бо есть обетование* (ст. 39). И здесь разумеет то же обетование, о котором говорил и выше. *И чадом вашим.* Значит, более велик дар, когда у них есть и наследники благ. *И всем далним:* если дальним, то тем более вам — близким. *Елики аще призовет Господь Бог наш* (ст. 39). Смотри, когда говорит: *далним!* Тогда, когда они были уже расположены к нему и осудили себя; ведь душа, когда осудит себя, уже не может завидовать. *И иными словесы множайшими засвидетельствоваше и моляше их, глаголя* (ст. 40). Смотри, как везде (писатель) говорит кратко, как далек честолюбия и хвастовства. *Засвидетельствоваше,* говорит, *и моляше, глаголя.* Вот совершенное учение, внушающее и страх и любовь! *Спаситеся,* говорит (Петр), *от рода строптиваго сего* (ст. 40). Ничего не говорит о будущем, но — о настоящем, чем люди всего более и руководятся; и показывает, что проповедь освобождает и от настоящих, и от будущих зол. *Иже убо любезно прияша слово его, крестишася: и приложишася в день той душ яко три тысящи* (ст. 41). Как думаешь, во сколько раз больше знамения это одушевило апостолов? *Бяху же терпяще* единодушно *во учении апостол и во общении* (ст. 42). Две добродетели: и то, что терпели, и то, что — единодушно. *Во учении,* говорит, *апостол,* для того, чтобы показать, что и после апостолы учили их долгое время. *И во общении и в преломлении хлеба и в молитве.* Все, говорит, делали вместе, все — с терпением. *Бысть же на всякой души страх* уверовавших: *многа бо чудеса и знамения апостолы быша* (ст. 43). Это и естественно. Они уже не презирали их, как каких-нибудь простых людей, и внимали уже не тому, что видели, но ум их очистился. А как выше Петр говорил весьма многое, излагал обетования и показывал будущее, то они справедливо поражены были страхом; свидетельством же тому, что гово-

рил он, служили чудеса. Как у Христа – прежде знамения, потом учение, затем чудеса, так и теперь. *Вси же веровавшия бяху вкупе, и имяху вся обща* (ст. 44). Смотри, какой тотчас успех: не в молитвах только общение и не в учении, но и в жизни. *И стяжания и имения продаяху, и раздаяху* их *всем, его же аще кто требоваше* (ст. 45). Смотри, какой страх появился у них. *И раздаяху* их. Это сказал, чтобы показать, как они распоряжались имуществом. *Его же аще кто требоваше.* Не просто (раздавали), как у язычников философы, из которых одни оставили землю, а другие много золота бросили в море: это было не презрением к деньгам, но глупостью и безумием. Диавол всегда и везде старался оклеветать создания Божии, как будто нельзя хорошо пользоваться имуществом. *По вся же дни терпяще единодушно в церкви* (ст. 46). Здесь указывает на то, каким образом они принимали учение.

2. Заметь, как иудеи ничего другого не делали, ни малого, ни великого, а только пребывали в храме. Так как они сделались ревностнее, то и к месту имели больше благоговения; и апостолы пока еще не отвлекли их, чтобы не причинить им вреда. *И ломяще по домом хлеб, приимаху пищу в радости и в простоте сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всех людей* (ст. 46, 47). Когда говорит: *хлеб,* то, мне кажется, указывает здесь и на пост, и на строгую жизнь, – так как они принимали пищу, а не предавались роскоши. Отсюда пойми, возлюбленный, что не роскошь, но пища приносит наслаждение и что роскошествующие (живут) в печали, а не роскошествующие – в радости. Видишь ли, что слова Петра приводили и к этому – к воздержанию в жизни? Так-то не может быть радости, если нет *простоты.* Почему же, скажешь, они имели *благодать у всех людей?* По своим делам, по своей милостыне. Так не смотри же на то, что архиереи восстали на них по зависти и ненависти,

но — на то, что они имели *благодать у людей. Господь же прилагаше по вся дни, церкви, спасающаяся* (ст. 47). *Вси же веровавшии бяху вкупе.* Так везде прекрасно — единомыслие. *И иньми словесы засвидательствоваше.* Это сказал (апостол), показывая, что недостаточно было сказанного; или еще: прежние слова были сказаны для того, чтобы привести к вере, а эти показывали, что должен делать верующий. И не сказал: о кресте, но: *во имя Иисуса Христа да крестится кийждо вас.* Не напоминает им постоянно о кресте, чтобы не показалось, будто он поносит их; но просто говорит: *покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов.* В здешних судах закон относится иначе; но в (деле) проповеди грешник спасется тогда, когда сознается в грехах. Смотри, как Петр не пропустил того, что более важно; но, сказав сначала о благодати, присовокупил потом и это: *приимете дар Святаго Духа.* И слово его было достоверно потому, что сами (апостолы) получили (Духа). Сначала говорит о том, что легко и что подает великий дар, и потом уже ведет к жизни, зная, что для них поводом к ревности будет то, что они уже вкусили столько благ. А так как слушатель желал узнать, что составляло сущность его очень многих слов, — он присоединяет и это, показывая, что это — дар Святого Духа. Таким образом те, которые приняли слово его, одобрили сказанное им, хотя слова его и были исполнены страха, и после одобрения приступают к крещению. Но посмотрим, что сказано выше. *Бяху терпяще во учении.* Из этого видно, что не один день, и не два, и не три, но в течение многих дней они учились, так как перешли к другому образу жизни. *И бысть на всякой души страх.* Если *на всякой,* то — и на неуверовавших. Вероятно, они чувствовали страх, видя столь внезапное обращение, а может быть, (это происходило) и от знамений. Не сказал (Лука): вместе, но — *единодушно,* потому что можно

кому-либо быть и вместе, но не единодушно, разделяясь в мыслях. *И словесы моляше.* И здесь не излагает учения, заботясь о краткости слова, хотя отсюда можно видеть, что (апостолы) питали их, как детей, духовной пищей, и вот они вдруг сделались ангелами. *И раздаяху, его же аще кто требоваше.* Они видели, что духовные блага общи и что никто не имеет больше другого, – и потому скоро пришли к мысли разделить между всеми и свое имущество. *Вси же веровавшии бяху вкупе.* А что не по месту они были *вкупе,* видно из следующих затем слов: *и имяху вся обща. Вси же,* говорит; а не так, что один имел, а другой нет. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своим. Отсюда исторгнут был корень зол, и своими делами они показали, что слышали (слово проповеди). Говорил же (апостол) вот что: *спаситеся от рода строптиваго сего. И приложишася в день той* душ *яко три тысящи* (ст. 40–41). Так как их было теперь три тысячи, то (апостолы) уже извели их вон, и они с дерзновением уже великим ежедневно приходили в храм и пребывали в нем. Так точно, немного после, поступают и Петр с Иоанном, потому что они еще не отвергали ничего иудейского; да и самое почтение к месту переходило к Владыке храма. Видел ли ты успех благочестия? Отказывались от имущества и радовались, и велика была радость, потому что приобретенные блага были больше. Никто не поносил, никто не завидовал, никто не враждовал; не было гордости, не было презрения; все, как дети, принимали наставления, все были настроены, как новорожденные. Но зачем я говорю в темном образе? Помните, как все были скромны, когда Бог поколебал наш город? В таком же точно состоянии: находились тогда они: не было коварных, не было лукавых. Вот что значит страх, вот что значит скорбь! Не было холодного слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезе. Никто не думал, что

есть свое; никто (не думал), что есть чужое, хотя это и кажется загадкой. Не считали чужим того, что принадлежало братьям, — так как то было Господне; не считали и своим, но — принадлежащим братьям. Ни бедный не стыдился, ни богатый не гордился: вот что значит — радоваться! И тот считал себя облагодетельствованным и чувствовал, что он больше пользуется благодеяниями, и эти находили в том свою славу; и все были сильно привязаны друг к другу. Ведь случается, что при раздаянии имущества бывает и обида, и гордость, и скорбь; поэтому апостол и говорил: *не от скорби, ни от нужды* (2 Кор. IX, 7). Смотри, как многое (Лука) прославляет в них: искреннюю веру, правую жизнь, постоянство в слушании, в молитвах, в простоте, в радости.

3. Две (вещи) могли повергнуть их в печаль: пост и раздаяние имущества. Но они радовались и тому, и другому. Кто же людей с такими чувствами не полюбил бы, как общих отцов? Никакого зла не замышляли они друг против друга и все предоставляли благодати Божией. Не было страха между ними, несмотря на то, что они находились среди опасностей. Но всю их добродетель, гораздо высшую и презрения к имуществу, и поста, и постоянства в молитвах, (апостол) выразил (словом): *в простоте.* Таким-то образом они неукоризненно хвалили Бога; или лучше: в этом-то и состоит хвала Богу. Но смотри, как они тотчас же получают здесь и награду: то, что они имели *благодать у людей,* показывает, что они были любимы и были достойны любви. Да и кто не изумился бы, кто не подивился бы человеку, простому нравом? Или кто не привязался бы к тому, в ком нет ничего коварного? Кому другому, как не этим, принадлежит спасение? Кому, как не им — великие блага? Не пастыри ли первые услышали евангелие? Не Иосиф ли, этот простой человек — чтобы подозрение в прелюбодеянии не устрашило его и не побудило сде-

лать какое-либо зло? Не простых ли поселян избрал (Господь в апостолы)? Сказано ведь: *душа благословенна всякая простая* (Притч. XI, 25). И опять: *иже ходит просто, ходит надеяся* (X, 9). Так, скажешь, но надобно и благоразумие. Да что же иное и простота как не благоразумие? Ведь когда не подозреваешь ничего злого, тогда не можешь и замышлять зла. Когда ничем не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятным. Обидел ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветал ли? Ты ничего не потерпел. Позавидовал ли тебе? И от этого ты нисколько не пострадал. Простота есть некоторый путь к любомудрию. Никто так не прекрасен душой, как человек простой. Как по отношению к телу человек печальный, унылый и угрюмый, хотя бы он был и красив собой, теряет много красоты, а беззаботный и кротко улыбающийся увеличивает красоту, так точно и по отношение к душе. Угрюмый, хотя бы имел тысячи добрых дел, отнимает у них всю красоту; а открытый и простой – напротив. Такого человека можно безопасно сделать и другом, а если он станет врагом, с ним (не опасно) примириться. Не нужны для такого (человека) ни стражи и караулы, ни узы и оковы; он и сам будет пользоваться великим спокойствием, и все живущие с ним. Что же, скажешь, если такой человек попадет в общество дурных людей? Бог, повелевший нам быть простыми, прострет ему руку. Что проще Давида? Что лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем? Что ж (сказать) об Иосифе? Не в простоте ли сердца пришел он к госпоже своей, а та не имела ли злого намерения? И однако, скажи мне, потерпел ли он какой-либо вред? Что проще Авеля? Что коварнее Каина? И тот же, опять, Иосиф не просто ли обращался с своими братьями? Не потому ли он прославился, что все говорил с доверчивостью, между тем как братья принимали со злым умыслом? Он рассказал о сновидениях, сказал и в другой

раз, и не остерегался. И он же опять пошел к ним отнести пищу, и нисколько не остерегался, полагаясь во всем на Бога. Но чем больше они поступали с ним, как с врагом, тем больше он обходился с ними, как с братьями. Бог мог и не допустить, чтобы он впал (в руки братьев), но допустил для того, чтобы показать чудо и то, что, хотя они и поступят с ним, как враги, он будет выше их. Таким образом, если (простой человек) и получает рану, то получает не от себя, а от другого.

Лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому. Таким образом он враг самому себе. Душа такого человека всегда полна печали, в то время, как мысли его всегда угрюмы. Если он должен выслушать или сказать что-нибудь, то все делает с нареканиями, всех обвиняет. Дружба и согласие очень далеки от таких людей; у них ссоры, вражда и неприятности; такие люди и себя подозревают. Им даже и сон неприятен, равно как и ничто другое. Если же они имеют жену, — о! тогда они становятся всем врагами и неприятелями: бесконечная ревность, постоянный страх! Лукавый потому так и называется, что он находится в труде. Так и Писание всегда называет лукавство трудом, когда, например, говорит: *под языком его труд и болезнь* (Пс. IX, 28); и еще в другом месте: *и множае их труд и болезнь* (Пс. LXXXIX, 10). Если же кто удивляется, почему вначале (христиане) были такими, а теперь уже не таковы, — тот пусть узнает, что причиной тому была скорбь, учительница любомудрия, мать благочестия. Когда было раздаяние имущества, тогда не было и лукавства. Так, скажешь; но об этом именно я и спрашиваю: отчего теперь такое лукавство? Отчего эти три и пять тысяч вдруг решились избрать добродетель, и таким образом все сделались любомудрыми, а теперь едва находится один? Отчего тогда так были они согласны? Что сделало их ревностными и возбужденны-

ми? Что неожиданно воспламенило их? Это — потому, что они приступили с великим благоговением; потому, что (тогда) не было почестей, как теперь; потому, что они переселились мыслью в будущее и не ожидали ничего настоящего. Душе воспламененной свойственно жить в скорбях: это считали они христианством, — они, но не мы; а мы теперь ищем здесь покойной жизни. Поэтому нам и не достигнуть, хотя бы и следовало, тех (добродетелей). *Что сотворим?* — спрашивали они, считая себя в отчаянном положении. Вы же, напротив: что сделаем? — говорите, — хвастаясь перед присутствующими и много думая о себе. Они делали то, что следовало делать, а мы поступаем напротив. Они обвинили себя, отчаялись в своем спасении; поэтому и сделались такими. Они оценили, какой великий дар получили.

4. Как же вам быть такими, когда вы все делаете не так, как они, а напротив? Они, как скоро услышали, тотчас крестились. Не сказали этих холодных слов, которые мы теперь говорим, и не думали об отсрочке, хотя выслушали еще не все оправдания, а только это: *спаситеся от рода сего*. Они не стали из-за этого медлить, но приняли эти слова, и что приняли, доказали делами и показали, каковы они были. Они, лишь только вступили в борьбу, тотчас сняли с себя одежды; а мы, вступая, хотим бороться в одеждах. Поэтому противник наш не имеет нужды в трудах, и мы, запутавшись в своих (одеждах), часто падаем. Мы делаем так же, как если бы кто, увидев настоящего борца, запыленного, черного, обнаженного, покрытого грязью и от пыли, и от солнца, и облитого маслом, потом и грязью, вышел сразиться с ним, а сам, между тем, издавал бы запах благовонных мазей, надел бы на себя шелковые одежды и золотую обувь, платье, ниспадающее до пят, и золотые украшения на голову. Такой человек не только будет препятствовать себе, но и, обращая всю свою заботу на то,

чтобы не замарать и не разорвать одежд, тотчас падет от первого натиска и, чего боялся, то сейчас потерпит, будучи поражен в главные части тела. Наступило время борьбы, – а ты одеваешься в шелковые одежды? Время упражнения, время состязания, – а ты украшаешь себя, как на торжестве? Как же остаться тебе победителем? Не смотри на внешнее, но на внутреннее: ведь заботами о внешнем, как тяжкими узами, душа отовсюду связывается, так что мы не можем ни поднять руки, ни устремиться на врага, и делаемся слабыми и изнеженными. Хорошо было бы, если бы мы, и освободившись от всего (этого), могли победить ту нечистую силу. Поэтому и Христос, – так как недовольно отвергнуть только имущество, – смотри, что говорит: *елика имаши, продаждь и даждь нищим: и ходи вслед мене* (Мк. X, 21). Если же и тогда, когда оставим имущество, мы еще не безопасны, но имеем нужду в некотором другом упражнении и в неусыпных трудах, – то тем более, владея (имуществом), не сделаем ничего великого, но будем осмеяны и зрителями, и самим духом злобы. Ведь если бы даже не было диавола, если бы и никто не ратовал против нас, – и в таком случае бесчисленные пути отовсюду ведут сребролюбца в геенну. Где же теперь говорящие: зачем сотворен диавол? Вот здесь диавол ничего не делает, но все (делаем) мы. И пусть бы говорили это живущие в горах, – те, которые, по целомудрию, по презрению к богатству и по пренебрежению остальных благ, тысячи раз решились бы оставить отца, и дома, и поля, и жену, и детей. Но они-то всего более и не говорят этого, а говорят те, которым никогда бы не следовало говорить. Там, поистине, борьба с диаволом: а сюда не следует и вводить его. Но это сребролюбие, скажешь, внушает диавол. Убегай же от него и не принимай его, человек! Ведь если ты увидишь, что кто-нибудь из-за какой-либо ограды выбрасывает нечистоту и что

(другой), видя, как его обливают, стоит и все принимает на свою голову, – ты не только не пожалеешь о нем, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что он справедливо страдает. Да и всякий скажет ему: не будь безумен, и не столько будет обвинять того, кто бросает, сколько того, кто принимает. Между тем, ты знаешь, что сребролюбие – от диавола; знаешь, что оно – причина бесчисленных зол; видишь, что диавол бросает, как грязь, нечистые и постыдные помыслы, – и, с обнаженной головой принимая нечистоту его, ты не думаешь о том, между тем как следовало бы, посторонившись несколько, освободиться от всего этого. Как тот, если бы посторонился, избавился бы от грязи, так и ты не принимай подобных помыслов, и избегай греха, отвергни пожелание. Да как же, скажешь, мне отвергнуть? Если бы ты был язычником и ценил бы только настоящее, – может быть, это было бы весьма трудно, хотя и язычники делали это. Но ты – человек, ожидающий неба и того, что на небесах, – и говоришь: как отвергнуть? Если бы я говорил противное, тогда бы следовало затрудняться. Если бы я говорил: пожелай денег, ты мог бы сказать: как мне пожелать денег, когда я вижу такие (блага)? Скажи мне: если бы в то время, когда лежат перед тобой золото и драгоценные камни, я говорил тебе: пожелай олова, – разве не было бы затруднения? Ты, конечно, сказал бы: как могу я (желать этого)? А если бы я говорил: не пожелай, – это было бы легче. Не удивляюсь тем, которые пренебрегают (деньгами), но (удивляюсь) тем, которые не пренебрегают. Это – признак души, исполненной крайней лености, – души, ничем не отличающейся от мух и комаров, привязанной к земле, валяющейся в грязи, не представляющей себе ничего великого. Что ты говоришь? Хочешь наследовать жизнь вечную, и говоришь: как буду презирать для нее настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хо-

чешь получить одежду царскую, и говоришь: как презреть рубище? Ожидаешь, что тебя введут в дом царя, и говоришь: как презреть настоящую бедную хижину? Подлинно, мы виновны во всем, потому что не хотим сколько-нибудь возбудить себя. Все же, которые хотели, поступали, как должно, и делали это с большой ревностью и легкостью. Дай Бог, чтоб и вы, послушавшись нашего увещания, исправились и стали ревностными подражателями поживших добродетельно, — по благодати и человеколюбию единородного Его Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Вкупе же Петр и Иоанн восхождаста во святилище на молитву в час девятый (Деян. III, 1)

1. Везде являются Петр и Иоанн в великом между собой согласии. Иоанну Петр подает знак (на вечери); вместе идут они ко гробу; об Иоанне (Петр) говорит Христу: *сей же что* (Ин. XXI, 21)? Прочие знамения опустил писатель этой книги, а о том, которое произвело великий ужас и всех поразило, говорит. И заметь опять, что (апостолы) шли собственно не для того, чтобы совершить это (чудо): так они были свободны от честолюбия и подражали своему Учителю. Зачем же они шли в храм? Разве они жили еще по-иудейски? Нет; однако, этот поступок их сопровождался пользой. Опять происходит чудо, которое и их утверждает, и остальных привлекает, — чудо, какого они еще не совершали. Болезнь (хромого) происходила от природы и превышала врачебное искусство. Уже более сорока лет он прожил в хромоте, как говорится далее, и во все это время никто не исцелил его. Ведь вы знаете, что те

(болезни) особенно трудны, которые бывают от рождения. Болезнь была столь ужасная, что (хромой) не мог даже доставать себе необходимую пищу. И он был всем известен как по месту, так и по болезни. А как (совершилось чудо), – слушай. *И некий муж,* сказано, *хром от чрева матере своея сый носим бываше, егоже полагаху по вся дни пред дверми церковными, рекомыми красными, просити милостыни от входящих в церковь* (ст. 2). Следовательно, он желал получить милостыню и не знал, кто были – Петр и Иоанн. *Иже видев Петра и Иоанна хотящия внити в церковь, прошаше милостыни. Воззрев же Петр нань со Иоанном, рече: воззри на ны* (ст. III, 4). Он слышит это, но и при этом не встает, а все еще продолжает просить. Такова бедность: когда и отказываются дать, она настаивает и понуждает. Устыдимся же мы, так поспешно удаляющиеся при просьбах! Смотри, какую кротость тотчас выказал Петр, сказав: *воззри на ны.* Так самый внешний вид их обнаруживал их душевное свойство. *Он же прилежаше им, мня нечто от них прияти. Рече же Петр: сребра и злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю* (ст. 5, 6). Не сказал: я дам тебе то, что гораздо лучше серебра; но что? – *Во имя Иисуса Христа Назорея, востани и ходи. И емь его за десную руку, воздвиже* (ст. 6, 7). Так поступал и Христос. Часто Он исцелял словом, часто делом, а часто простирал и руку, где были более слабые в вере, – чтобы не подумали, что (чудо) совершалось само собой. *И емь его за десную руку, воздвиже.* Этим показал воскресение, так как это было образом воскресения. *Абие же утвердистеся его плесне и глезне. И вскочив ста, и хождаше* (ст. 7, 8). Может быть он испытывал себя и много раз пробовал, действительно ли это сделалось? Ноги у него были слабы, но не отняты; а некоторые говорят, что он и не умел ходить. *И вниде с ними в церковь, ходя* (ст. 8). Поистине, это достойно удивления! Не они ведут его за собой, но он сам следует за ними и тем, что следует,

показывает благодетелей, а тем, что, вскочив, хвалит Бога, прославляет не их, но Бога, через них действовавшего. Так благодарен был этот человек! Но посмотрим, что сказано было выше. *Восхождаста на молитву в час девятый.* Может быть, в это время приносили и полагали хромого (при храме) потому, что теперь особенно много людей входило в храм. А чтобы кто не подумал, что его приносили для чего-нибудь другого, а не для получения (милостыни), — смотри, как (писатель) ясно представил это словами: *егоже полагаху просити милостыни от входящих в церковь.* Для того упоминает и о месте, чтобы представить доказательство на то, о чем пишет. Почему же, скажешь, не привели его (хромого) ко Христу? Может быть, сидевшие при храме были люди неверующие, так как они не привели его и к апостолам, хотя видели, что они входят (в храм) и уже сотворили столько чудес. *Прошаше,* говорит, *милостыни.* Может быть, по виду, он принял их за людей благочестивых, а потому и *прилежаше им.*

Но смотри, как Иоанн везде молчит, а Петр отвечает и за него. *Сребра,* говорит, и *злата несть у мене.* Не сказал: не имею при себе, как мы говорим; но — совсем не имею. Что же хромой? Ужели (говорит) презираешь мою просьбу? Нет, отвечает (Петр); но из того, что я имею, то и возьми. Видишь ли, как Петр чужд надменности, как он не тщеславится даже перед тем, кто получает от него благодеяние? И вот (его) слово и рука сделали все. Таковы-то были и хромавшие иудеи! В то время, как надлежало просить здоровья, — они лежат на земле, и лучше просят денег. Для того они и сидели при храме, чтобы собирать деньги. Что же Петр? Он не презрел (хромого); он не стал искать человека богатого, и не сказал: если не над таким человеком совершится чудо, то не будет ничего великого; не ожидал от него никакой почести и не в чьем-либо присутствии исце-

лил его, так как этот человек был при входе, а не внутри храма, где находился народ. Ничего такого Петр не искал и, когда вошел (в храм), не объявил (чуда), но одним только видом своим он расположил хромого к просьбе. И удивительно, что хромой быстро уверовал. Ведь освободившиеся от продолжительных болезней с трудом верят даже самому зрению. И получив исцеление, хромой находился уже с апостолами и благодарил Бога. *И вниде,* сказано, *с ними в церковь, ходя и скача и хваля Бога.*

2. Смотри, как он не остается в покое, частью от удовольствия, а частью для того, чтобы заградить уста иудеям. А мне кажется, что он скакал и для того, чтобы не подумали, будто он притворяется, так как это уже не могло быть делом притворства. В самом деле, если прежде он не мог даже просто ходить, несмотря на то, что его принуждал (к тому) голод, – иначе он не захотел бы делить милостыню с носившими его, если бы сам мог ходить, – то тем более (не мог скакать) тогда. Да и к чему он стал бы притворяться в пользу тех, которые не подали милостыни? Нет, это был человек благодарный и по выздоровлении. Итак, и то, и другое обстоятельство являет его верным, – и его благодарность, и то, что с ним случилось. Не всем, конечно, он представлялся известным, почему и старались узнать, кто он. *И видеша его,* сказано, *вси людие ходяща и хваляща Бога: знаху же его, яко сей бяше, иже милостыни ради седяше при красных дверех церковных* (ст. 9, 10). И хорошо сказано: узнавали, так как после того, что случилось с ним, можно было и не узнать его. Это выражение мы обыкновенно употребляем о тех, кого едва узнаем. Итак, следовало поверить тому, что имя Христово отпускает грехи, если оно совершает и такие дела. *Держащуся же исцелевшему Петра и Иоанна, притекоша вси людие в притвор, нарицаемый Соломонов, ужасни* (ст. 11). По благорас-

положению и любви к ним, (хромой) не разлучался с ними, а может быть, и благодарил и прославлял их. *И притекоша,* сказано, *вси людие. Видев же* их *Петр, отвещаваше* (ст. 12). Опять Петр и действует, и проповедует. Прежде возбудило иудеев к слушанью чудо (огненных) языков, а теперь – это. И тогда Петр начал речь с их обвинений, а теперь – с их тайной мысли. Посмотрим же, чем эта проповедь отличается от той и что имеет общего с ней. Та была в доме, когда никто еще не присоединился (к апостолам) и когда они ничего еще не совершили, а эта – когда все удивлялись, когда подле стоял исцеленный, когда никто не сомневался, как в то время, в которое говорили, *яко вином исполнени суть* (Деян. II, 13). И тогда Петр говорил, находясь вместе со всеми апостолами; а теперь – с одним Иоанном: он уже не боится и говорит сильнее.

Такова-то добродетель: получив начало, она идет вперед и нигде не останавливается. Смотри же, как (Промыслом) устроено было и то, что чудо произошло при храме, чтобы и другие стали дерзновенны. Не в сокровенном каком-либо месте совершают его или не тайно; но также – и не внутри храма, где было много народа. Почему же, скажешь, этому поверили? Потому, что сам исцеленный возвещал о благодеянии. А он, конечно, не стал бы лгать и не пришел бы к каким-либо посторонним людям. Итак, апостолы или потому совершили там чудо, что то место было пространное, или потому, что то было место отделенное. И заметь, как это случилось. Пришли они по одному поводу, а делают другое. Так и Корнилий, постясь, молился об одном, а видит другое. До сих пор они везде называют Христа Назореем: *во имя Иисуса Христа Назорея,* говорит (Петр), *возстани и ходи,* потому что пока еще они только заботились о том, чтобы уверовали в Него. Но не будем утомляться началом рассказа, а напротив, если бы кто, ска-

зав о каком-либо великом деле, остановился, – станем снова повторять начало. Если так всегда будем поступать, то скоро придем к концу, скоро станем на вершине, потому что от усердия, как говорят, родится усердие, а от лености – леность. Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда – идти и гораздо далее. И как огонь, чем больше объемлет дров, тем сильнее становится, так и ревность, чем больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей. Скажу пример. Есть в нас, подобно терниям, клятвопреступление, ложь, лицемерие, коварство, обман, злословие, насмешки, смехотворство, срамословие, кощунство; с другой стороны – любостяжание, грабительство, несправедливость, клевета, наветы; далее – похоть злая, нечистота, сладострастие, блуд, прелюбодеяние; а также – зависть, ревность, гнев, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобных пороков. Если мы исправимся от первых, то мы уже исправимся не только от них, но через них – и от следующих за ними, потому что наша душа приобретает от того большие силы к уничтожению их. Например, если тот, кто часто клянется, оставит эту диавольскую привычку, то в нем не только исправится этот порок, но появится и другого рода благоговение. Мне кажется, никто из не клянущихся не захочет легко сделать какое-либо другое зло, но устыдится той добродетели, которой он уже достиг. Как носящий прекрасную одежду стыдится валяться в грязи, так точно – и он. А отсюда он придет к тому, что не будет ни сердиться, ни драться, ни браниться. Так, если только однажды будет сделано и малое доброе дело, то уже будет сделано все. Часто, впрочем, случается и противное: поступив однажды хорошо, мы по лености опять впадаем в прежние пороки, так что от этого и самое исправление

становится даже невозможным. Например, мы положили себе закон не клясться; в течение трех или даже четырех дней мы исполняли его; но потом встретилась какая-либо нужда – и мы расточили всю собранную прибыль. Тогда мы впадаем в беспечность и отчаяние, так что даже не хотим снова коснуться того же. И это естественно. Кто построит себе какое-либо здание и потом увидит, что его строение обрушилось, тот с меньшим старанием приступает вновь к строению. Но и в этом случае не следует быть беспечным, а напротив, надобно опять употреблять все старание.

3. Итак, положим себе ежедневные законы и начнем пока с легкого. Отсечем от уст своих частую клятву, обуздаем язык, – пусть никто не клянется Богом. Не требует это издержек, не требует труда, не требует продолжительного обучения: достаточно захотеть и – все окончено, потому что это – дело привычки. Да, прошу и умоляю, приложим к этому старание. Скажи мне: если бы я велел (вам) внести (за меня) деньги, – не с готовностью ли каждый из вас принес бы по мере сил своих? Если бы вы увидели меня в крайней опасности, не отдали бы вы даже часть своего тела, если бы можно было отнять ее? И теперь я в опасности, и в большой, так что, если бы я был в темнице, или получил тысячи ударов, или находился в рудниках, – и тогда я не скорбел бы более. Простирите же руку помощи. Подумайте, как велика опасность, когда вы не можете сделать и этого крайне малого дела: называю его весьма малым по труду, какого оно требует. Что скажу тогда в ответ на обвинения? Отчего не обличил? Отчего не повелел? Отчего не положил закона? Отчего не удержал непослушных? Недостаточно будет, если я скажу: я увещевал. А надобно было, сказано будет мне, употребить и более сильное порицание. Ведь увещевал и Илий, – но не дай Бог сравнивать вас с детьми его! И он увещевал, и он говорил: *ни, чада, не твори-*

те тако, не добры слухи, яже аз слышу о вас (1 Цар. II, 24); а между тем, Писание далее говорит, что он не вразумлял сыновей своих (1 Цар. III, 13), и говорит так потому, что он вразумлял не строго и не с укоризной. Не странно ли, что в иудейских синагогах законы имеют такую силу, хотя все заповедует тот, кто учит, а здесь мы в таком пренебрежении и презрении? Не о своей славе забочусь я (моя слава – ваша добрая жизнь); но – о вашем спасении. Каждый день мы вопием, возглашаем вслух вам, и, между тем, как никто не слушает, мы не выказываем никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неуместное и большое снисхождение не дать нам ответа в день будущего суда. Поэтому громким и ясным голосом объявляю всем и умоляю, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие *от неприязни* (Мф. V, 37), – а это и есть клятва, – не переступали за порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления. Не говори мне: меня заставляет необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке. Знаю, что многие будут смеяться над нами, но лучше нам быть осмеянными теперь, чем плакать тогда. Да и смеяться будут люди безумные; в самом деле, скажи мне, кто с здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь? Если же и будут смеяться, то такие люди станут смеяться не над нами, а над Христом. Вы ужаснулись этих слов? Я вполне верю этому. Ведь, если бы я ввел этот закон, то смех относился бы ко мне; если же есть другой Законодатель, то осмеяние переходит на Него. Некогда и плевали на Христа, и били Его по ланите, и заушали: так и теперь Он терпит это, и нет здесь ничего несообразного. Поэтому-то уготована геенна, поэтому – червь нескончаемый.

Вот я опять говорю и свидетельствую. Пусть, кто хочет, смеется; пусть, кто хочет, издевается: на то мы

поставлены, чтобы над нами смеялись и издевались, и чтобы мы все претерпели. Мы *отреби миру,* по слову блаженного Павла (1 Кор. IV, 13). Если кто не желает исполнить этого приказания, то я настоящим словом, как бы некоторой трубой, запрещаю такому человеку переступать за порог церковный, хотя бы то был начальник, хотя бы сам носящий диадему. Или отнимите у меня эту власть, или, если я остаюсь с ней, не окружайте меня опасностями. Я не могу восходить на этот престол, не совершая (ничего) великого. А если это невозможно, то лучше стоять внизу, потому что нет ничего хуже начальника, который не приносит подчиненным никакой пользы. Постарайтесь же еще, прошу вас, и будьте внимательны; или лучше сказать: станем стараться вместе, и тогда непременно будет какая-либо польза. Поститесь, молите Бога, а вместе с вами (будем молиться) и мы, чтобы Он уничтожил в нас эту гибельную привычку. Великое дело – сделаться учителями вселенной; немало значит, когда везде услышат, что в этом городе никто не клянется. Если это будет, то вы получите награду не только за свои подвиги, но и за попечение о братьях: вы сделаетесь тем же для вселенной, чем я теперь для вас. Тогда, наверно, и другие поревнуют вам, и вы поистине будете светильником, стоящим на свещнице. И это, скажешь, все? Нет, это не все, но это начало прочих (добродетелей). Кто не клянется, тот волей или неволей, из стыда или боязни, но непременно придет и к другим делам благочестия.

Но многие, скажешь, не согласятся и отступят? Но лучше один творящий волю Господню, нежели тысячи беззаконных (Сир. XVI, 3). Оттого-то все ниспровержено, все в крайнем беспорядке, что мы, как на зрелищах, ищем множества людей, а не множества людей добрых. Какую пользу, скажи мне, может принести тебе толпа народа? Хочешь ли знать, что народ составляют свя-

тые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни тысяч и одного святого: посмотрим, кто сделает больше? Иисус Навин вышел на брань и один сделал все; и таким образом остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но — множеством людей добрых: ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногие были добрыми. Не видите ли, что лучше иметь один драгоценный камень, нежели тысячи мелких монет? Не видите ли, что лучше иметь здоровый глаз, нежели, потеряв его, отяготить себя тучностью тела? Не видите ли, что лучше иметь одну овцу здоровую, нежели тысячи шелудивых? Не видите ли, что лучше немного детей добрых, чем много дурных? Не видите ли, что в царстве — немногие, а в геенне — многие? Что мне от множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорее вред для прочих. Ведь это то же, как если бы кто, при возможности иметь или десять здоровых, или тысячи больных, привел эти тысячи к тем десяти. Большинство, когда они не делают ничего доброго, не принесут нам ничего другого, кроме наказания там и бесславия здесь. Ведь никто не скажет, что нас много, но (всякий) будет порицать за то, что мы бесполезны. Так именно (язычники) всегда говорят нам, когда слышат от нас, что нас много: много вас, — говорят, — да худых. Вот я опять запрещаю и громким голосом возвещаю вам: пусть никто не считает этого шуткой. Я удалю и не допущу непослушных. И пока я буду сидеть на этом престоле, — я не откажусь ни от одного из прав его. Если кто низвергнет меня, я буду уже невинен. А пока я подлежу ответственности, до тех пор не могу пренебрегать, не ради собственного наказания, но ради вашего спасения, так

как я пламенно желаю вам спасения. Об этом я терзаюсь и болезную. Но послушайтесь меня, чтобы и здесь, и в будущем (веке) вы получили великую награду, и мы (все) вместе насладились вечными благами, по благодати и человеколюбию единородного Сына Божия, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Видев же Петр, отвещеваше к людем: мужие Исраилтяне, что чудитеся о сем, или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити (Деян. III, 12)?

1. В настоящей речи больше смелости (чем в прежней). Это – не потому, чтобы прежде (апостол) боялся, но потому, что те люди – насмешники и ругатели – не снесли бы (подобной смелости). Поэтому-то, начиная ту речь, он тотчас же и возбуждает их внимание предисловием, говоря: *сие вам разумно да будет, и внушите глаголы моя* (Деян. II, 14). А здесь ему нет нужды в таком приготовлении. Эти люди не были беспечны; чудо сделало всех их внимательными, – почему они и были объяты страхом и ужасом. Поэтому-то апостол и не имел нужды начинать (здесь) с того же, но (начал) с другого, чем всего более и расположил их к себе, отклонив от себя то мнение, какое они себе составили. Ведь ничто так не полезно и не приятно для слушателей, как то, если говорящий не только не говорит о себе ничего великого̀, но даже уничтожает и мысль о том. Таким-то образом (апостолы) больше прославили себя тем, что презрели славу и показали, что то было дело не человеческое, а Божие, и что они также, наравне с другими, должны удивляться, а не служить предметом

удивления. Видишь ли, как (Петр), будучи чужд честолюбия, отвергает от себя славу? Так поступали и древние. Например, Даниил говорил: *и мне не премудростию сущею во мне* (Дан. II, 30). И еще Иосиф: *еда не Богом изъявление их есть* (Быт. XL, 8)? И Давид: *егда прихождаше лев или медведица,* во имя Господа я разрывал их руками (1 Цар. XVII, 34, 35). Так теперь и апостолы: *что взираете на ны, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити?* И это, говорят, принадлежит не нам, потому что не своим достоинством привлекли мы на себя благодать Божию. Бог *Авраамов и* Бог *Исааков и* Бог *Иаковль, Бог отец наших* (ст. 13). Смотри, как часто обращается к предкам, чтобы не подумали, будто он вводит какое-нибудь новое учение: и там он упомянул о патриархе Давиде, и здесь – об Аврааме и других патриархах. *Прослави отрока своего Иисуса* (ст. 13). Опять (говорит) смиренно, как в предисловии. Затем уже останавливается на их преступлении и ясно выставляет на вид то, что они сделали, а не прикрывает, как прежде. Поступает же так для того, чтобы лучше привлечь их, потому что, чем больше показывал, что они виновны, тем больше достигал этого. *Прослави*, говорит, *отрока своего Иисуса, его же вы предасте и отвергостеся его пред лицем Пилатовым, суждшу оному пустити.* Два обвинения: и то, что Пилат хотел отпустить, и то, что, когда он пожелал, вы не захотели. *Вы, же Святаго и Праведного отвергостеся, и испросисте мужа убийцу дати вам. Начальника же жизни убисте: его же Бог воскреси от мертвых, ему же мы свидетели есмы* (ст. 14, 15). Он как бы так говорил: вместо Его вы просили о разбойнике. Представил их поступок в самом страшном виде. Так как они были уже в его власти, то он и поражает их сильно. *Начальника же*, говорит, *жизни.* Этим приготовляет веру в воскресение. *Его же Бог воскреси от мертвых.* Чтобы не сказал кто-нибудь: откуда это видно? – для этого он ссылается теперь уже

не на пророков, а на самого себя, потому что уже заслуживал веру. Прежде, сказав, что (Христос) воскрес, он привел в свидетели Давида, а теперь, сказав тоже, (сослался на) лик апостольский: *ему же*, говорит, *мы свидетели есмы. И о вере имене его, сего, его же видите и знаете, утверди имя его, и вера, яже его ради, даде ему всю целость сию пред всеми вами* (ст. 16). Стараясь доказать это событие, тотчас упоминает и о чуде: *пред всеми*, говорит, *вами*. Так как он сильно укорил их и показал, что Распятый воскрес, то опять смягчает свою речь, давая им возможность покаяться, и говорит: *и ныне, братие, вем яко по неведению* сие *сотвористе, якоже и князи ваши* (ст. 17). *По неведению сотвористе:* это – одно оправдание; а другое: *якоже и князи ваши*. Что Иосиф говорил братьям: *посла мя Бог пред вами* (Быт. XLV, 5), или лучше, что сам он прежде сказал кратко: *нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше* (Деян. II, 23), – то же самое говорит теперь пространнее. *Бог же, яже предвозвести усты всех пророк своих пострадати Христу, исполни тако* (ст. 18). Доказав, что это произошло по воле Божией, вместе с тем уже показывает, что это не их дело. А словами: *яже предвозвести* намекает на те слова, которыми они поносили (Христа) при кресте, когда говорили: *да избавит его, аще хощет ему. Рече бо, яко Божий есмь Сын. Упова на Бога. Да снидет ныне со креста* (Мф. XXVII, 43, 42). Ужели же то – пустые слова, безумные? Нет, но тому надлежало быть, и этому свидетели пророки. Следовательно, Он не по немощи Своей не сошел (с креста), но по Своей силе. Таким образом (апостол) представляет это, как оправдание для иудеев, для того, чтобы и они приняли (слова его). *Исполни*, говорит, *тако*. Видишь ли, как все приписывает Богу? *Покайтеся убо*, говорит, *и обратитеся;* не говорит: от грехов ваших, но: *да очиститеся от грех ваших* (ст. 19), чем показывает то же самое. Потом говорит и о пользе: *яко да приидут времена прохладна от лица*

Господня (ст. 20). Этим показывает, что они несчастны и удручены многими бедствиями. Потому-то он и сказал так, зная, что это слово вполне сообразно с состоянием человека, страждущего и ищущего утешения.

2. И смотри, как он мало-помалу идет вперед. В первой речи он незаметно указал на воскресение и сидение на небе, а здесь ясно (говорит) и о Его пришествии. *И послет пронареченнаго Христа Иисуса* (ст. 20). *Его же подобает небеси убо прияти*, то есть необходимо, *даже до лет устроения всех* (ст. 21). Почему не приходит теперь, — причина очевидна. *Яже*, говорит, *глагола Бог усты святых своих пророк от века* (ст. 21). *Моисей убо ко отцем рече: яко пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш от братии вашея, яко мене: того послушайте по всему, елика аще речет к вам* (ст. 22). Там упомянул о Давиде, а здесь о Моисее. *Всех*, говорит, *яже глагола Бог.* Не говорит: *яже глагола Христос*, но: *яже глагола Бог*, чтобы прикровенной речью лучше привлечь их мало-помалу к вере. Затем обращается к тому, что достоверно, и говорит: *пророка вам воздвигнет Господь Бог от братии вашея, яко мене: того послушайте по всему* (ст. 22). Далее (указывает) и великое наказание. *Будет же*, говорит, всяко *душа, яже аще не послушает пророка онаго, потребится от людей. И вси же пророцы от Самуила и иже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия* (ст. 23, 24). Здесь кстати сказал о погибели. Обращаясь (всегда) к пророкам, — когда говорит что-нибудь великое, — он представил (здесь) свидетельство, в котором содержится и то и другое. Так сказал и там: *дондеже положу враги твоя подножие ног твоих* (Пс. CIX, 1). И удивительно, что в одном месте (говорится) о том и другом — и о подчинении, и о преслушании, и о наказании. *Якоже*, говорит, мене. Итак, чего вы боитесь? *Вы, есте сынове пророк* (ст. 25). Следовательно, вам они говорили и все было для вас. А так как, по своему преступлению, они считали себя отчужденны-

ми, — ведь неестественно думать, чтобы Тот, Кого они распяли, стал заботиться о них, как о своих, — то (апостол) показывает, что и то, и это согласно с пророчеством. *Вы есте*, говорит, *сынове пророк и завета, егоже завеща Бог ко отцем вашим, глаголя ко Аврааму: и о семени твоем возблагословятся вся отечествия земная* (ст. 25). *Вам первее*, говорит, *Бог воздвигий Отрока своего посла его* (ст. 26). Значит, и к другим; но прежде — к вам, распявшим Его. *Благословяща вас во еже отвратитися вам комуждо от злоб* (ст. 26). Но посмотрим тщательнее на то, что выше прочитано. Сначала (апостол) внушает, что не они сделали чудо, сказав: *что чудитеся?* А чтобы не дать возможности сомневаться в словах своих и чтобы сделать их более достоверными, — предупреждает суд этих людей. *На ны*, говорит, *что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом?* Если это беспокоит и смущает вас, то поймите кто сделал это, и не ужасайтесь. И смотри, как всегда безбоязненно порицает их, когда прибегает к Богу и говорит, что все — от Него. Поэтому и выше говорил: *мужа от Бога извествованна в вас* (Деян. II, 22). И везде напоминает им об их злодеянии, чтобы и показать чудо, и подтвердить воскресение. А здесь присоединил и нечто другое. Не называет уже (Христа) Назореем, но — как? *Бог*, говорит, *отец наших прослави Отрока своего Иисуса.*

Заметь и скромность его: не обвинил их и не сказал тотчас: *и ныне* веруйте, — вот человек, сорок лет бывали хромым, встал о имени Иисуса Христа. Не сказал так, — потому что через это сделал бы их еще более упорными; но сначала хвалит их за то, что они дивились случившемуся. И опять дает им название от (имени) предка. И не говорит: Иисус исцелил хромого, — хотя, действительно, Он исцелил его. А чтобы не говорили: как это возможно, чтобы (Бог) прославлял законопреступника? — для этого напоминает им о суде перед Пила-

том, показывая, что, если бы они захотели быть внимательными, то (узнали бы, что) Он – не законопреступник: иначе Пилат не пожелал бы освободить Его. И не сказал: когда тот хотел, но: *суждшу оному пустити,* – то есть вы просили отпустить того, кто убивал других, а Того, который оживотворяет убитых, – не захотели. А чтобы они еще не сказали: как теперь прославляет Его Тот, Кто тогда не помог Ему? – приводит пророков, свидетельствующих, что тому надлежало быть. Затем, чтобы они не подумали, что оправданием для них служит определение Божие, – прежде всего упрекает их. Да и то, что они отреклись (от Христа) перед лицом Пилата, когда тот хотел освободить Его, не было делом случайным. Вам невозможно отречься от этого, потому что вас обвиняет тот, кого вы испросили вместо Его. Таким образом и в этом было великое смотрение (Божие). Здесь (апостол) показывает их бесстыдство и наглость, так как язычник, который, притом, видел Его тогда лишь в первый раз, освобождал Его, хотя ничего великого о Нем не слышал; а они, воспитанные среди чудес, поступили напротив. А что он по справедливости решил освободить Его, а не по милости делал это, – послушай, что говорит он в другом месте: *есть обычай вам, да единаго отпущу: хощете ли убо, да отпущу вам его* (Ин. XVIII, 39; Мф. XXVII, 15)? *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся.* Не сказал: предали, но везде – *отвергостеся.* И справедливо, потому что так и говорили они: *не имамы царя, токмо кесаря* (Ин. XIX, 15). И не сказал: вы не просили невинного; не (сказал) только: *отвергостеся,* но и – *убисте.* Пока они были в ослеплении, он не сказал им ничего такого; а когда души их были в особенности потрясены и когда они могли уже чувствовать, тогда поражает их с большой силой. Как мы людям пьяным не говорим ничего, а когда они отрезвятся и очнутся от опьянения, тогда укоряем их, так точно и Петр. Когда

они могли понимать его слова, тогда уже он изощряет язык и исчисляет многие их преступления, именно, что они предали Того, Кого Бог прославил, что от Того, Которого Пилат освобождал, они отреклись перед лицом его, (Христу) предпочли разбойника.

3. Смотри опять, как прикровенно говорит об Его силе, показывая, что Он сам Себя воздвиг (из мертвых). Как в прежней проповеди говорил: *якоже не бяше мощно держиму быти ему от нея* (Деян. II, 24), так и здесь говорит: *начальника же жизни убисте.* Следовательно, не от другого лица Он получил жизнь. Как начальником злобы должен быть тот, кто родил злобу, а начальником человекоубийства – тот, кто первый ввел последнее, так точно и начальник жизни – Тот, Кто имеет жизнь от самого Себя. *Егоже,* говорит, *Бог воскреси.* Сказав это, присовокупил: *и о вере имене его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вера, яже его ради, даде ему всю целость сию.* Но, если все сделала вера в Него, потому что (хромой) уверовал в Него, то отчего (апостол) не сказал: именем, но: *о имени!* Оттого, что еще не осмеливались сказать: вера в Него. А чтобы выражение: *его ради* не было унизительно, он присоединил: *и имя его утверди сего.* И сначала сказав это, он затем говорит: *и вера, яже его ради, даде ему всю целость сию.* Смотри, как он показывает, что и те слова сказал по снисхождению к ним. Действительно, чье имя воздвигло хромого, ничем не отличного от мертвого, Тот не имел нужды в другом для своего воскресения. Заметь, как везде указывает на их свидетельство. Так выше говорил: *якоже и сами весте;* и: *посреде вас* (Деян. II, 22); и опять: *егоже видите и знаете пред всеми вами* (III, 16). Хотя они не знали, что (хромой) стоит здрав о имени Христа, но знали то, что он был хром. Да и сами сделавшие это исповедовали, что он укрепился не их силой, но Христовой. А если бы это было не так и если бы они не были действительно уве-

рены в том, что (Христос) воскрес, то не захотели бы славу мертвого поставить выше своей, и особенно тогда, когда иудеи смотрели на них (как на виновников чуда). Затем апостол тотчас успокоил устрашенные их души, назвав их братьями и сказав: *мужие братие*! Там он ничего не говорил о себе, но только о Христе: *твердо убо, да разумеет*, говорил он, *весь дом Исраилев* (Деян. II, 36); здесь же предлагает и увещание. Там ожидал, что иудеи скажут, а здесь, когда уже так многое (апостолы) сделали, – знал, что они были способнее к принятию слов его. Без сомнения, и то, что сказано выше, происходило не от неведения. Ведь они просили о разбойнике, не приняли Того, Кого (Пилат) решил освободить, захотели даже убить Его: какое же тут неведение? Но, несмотря на все это, он дает им возможность отречься и раскаяться в том, что они сделали, даже представляет за них и благовидное оправдание и говорит: что вы убили невинного, это вы знали, а что (убили) Начальника жизни, – этого, может быть, не знали. И таким образом не их только оправдывает от преступлений, но и главных виновников зла. А если бы он обратил речь в обвинение, он сделал бы их более упорными. Ведь когда обвиняют кого-нибудь, совершившего что-либо ужасное, то он, пытаясь оправдываться, становится упрямее. И не говорит уже: вы распяли, убили, но: *сотвористе*, чем ведет их к прощению. Если те (сделали) по неведению, то тем более эти; если тем прощается, то гораздо скорее этим. Но удивительно, что он, сказав и выше, и здесь, – там: *нарекованным советом и проразумением*, а здесь: *предвозвести всем Христа*, – нигде не приводит свидетельства, потому что каждое из последних вместе с сильными обвинениями возвещает и о наказании преступников. *И дам*, сказано, *лукавыя вместо погребения его, и богатыя вместо смерти его* (Ис. LIII, 9). И опять: *яже*, говорит, *предвозвести усты всех пророк пострадати ему*,

исполни тако. Этим показывает важность определения, так как все говорили это, а не один только. Значит, хотя это сделано по неведению, но совершилось не против воли Божией.

Смотри, какова премудрость Божия, когда и злодеяния других направляет к тому, чему следует быть! *Исполни.* Чтобы не подумали, что еще остается что-нибудь, он присовокупил это (слово), показывая, что совершилось все, что (Христу) надлежало претерпеть. Но не подумайте, что вам для оправдания достаточно того, что об этом сказали пророки, и что вы сделали это по неведению. Впрочем, он говорит не так, а с большой кротостью: *покайтеся убо.* Для чего? – *Да очиститеся от грех ваших.* Не говорю о том, на что вы дерзнули при кресте, – то было, может быть, по неведению; но – да очистятся другие ваши грехи. Потом прибавляет: *яко да приидут* вам *времена прохладна.* Здесь прикровенно беседует о воскресении, так как то, поистине, времена отрады, которых желал и Павел, когда говорил: *и мы, сущии в теле семь, воздыхаем отягчаеми* (2 Кор. V, 4). Затем, показывая, что Христос – виновник времен отрады, говорит: *и послет пронареченнаго вам Христа Иисуса.* Не сказал: загладится грех ваш, но: *грехи,* намекая и на тот (грех). *И послет.* Сказав это, он не говорит, откуда (пошлет), но только прибавляет: *егоже подобает небеси убо прияти.* Еще только *прияти.* Отчего же он не сказал: которого небо приняло? Это потому, что он, беседуя, сказал как бы о временах древних: так, говорит, было определено, так было положено. О вечном же были Его еще не говорит, но останавливается на домостроительстве нашего спасения и говорит: *Моисей убо ко отцем рече: яко пророка вам воздвигнет Господь.* Таким образом сначала сказал: *даже до лет устроения всех, яже глагола Бог усты всех святых своих пророк от века,* – и затем, наконец, вводит самого Христа. Ведь, если Он многое предсказал и

Его надобно слушать, то не погрешит тот, кто скажет, что это сказали пророки.

4. С другой стороны (апостол) желает показать, что то же самое предсказали и пророки. И если кто тщательно вникнет, тот найдет, что и в Ветхом (Завете) сказано об этом, хотя неясно, так что в этом нет ничего особенно нового. *Пронареченнаго.* Этим и устрашает их, так как многому остается еще быть. Как же он говорил: *исполни* то, что надлежало (Христу) претерпеть? Сказал: *исполни,* а не: исполнилось, — показывая, что (Бог) исполнил то, что надлежало (Христу) претерпеть, но еще не исполнил того, чему следует быть потом. *Пророка вам воздвигнет Господь Бог от братии вашея, яко мене.* Говорит то, что особенно привлекало их. Видишь ли, как он вместе сеет и низкое, и высокое? В самом деле, и низко и высоко, — если имеющий взойти на небеса подобен Моисею; впрочем, в то время это и было (делом) великим. Ведь к Моисею не идут уже эти слова: *и будет всяк,* кто не послушает, *потребится.* Да он сказал весьма многое и другое, из чего видно, что (Христос) не подобен Моисею. Таким образом он коснулся великого свидетельства. *Бог,* говорит, *воздвигнет Его от братии вашея.* И сам Моисей грозил тем, которые не слушали его. Все это имело силу привлекать их. *И вси же,* говорит, *пророцы от Самуила.* Не захотел выводить каждого (пророка) отдельно, чтобы не сделать речи слишком длинной; но, упомянув о важнейшем свидетельстве Моисеевом, опустил свидетельства прочих. *Вы есте,* говорит, *сынове пророк и завета, егоже завеща Бог.* Вы, говорит, сыны, то есть наследники завета. Чтобы они не подумали, что получают это по милости Петра, — показывает, что это издревле должно было принадлежать им, чтобы они лучше поверили, что это угодно и Богу. *Вам первее,* говорит, *Бог воздвигий Отрока своего посла.* Не просто сказал: к вам послал От-

рока Своего, но именно: по воскресении, после того, как Он был распят. Чтобы не думали, что Сын даровал это, а Отец – нет, для этого присовокупил: *благословяща вас*. Если Он брат ваш и благословляет вас, то это и есть обещание, то есть вы не только имеете участие в этих (благах), но Он хочет, чтобы и для остальных вы стали их виновниками. Итак, не считайте себя отринутыми и отверженными. *Во еже обратится*, говорит, *комуждо от злоб*. Вот в каком случае Он благословляет вас, а не просто. Какое же тут благословение? – Великое. Обращения от грехов недостаточно и для того, чтобы разрешить их. Если же этого недостаточно было и для разрешения (грехов), то как могло это дать благословение? Ведь кто поступил несправедливо, тот получает прощение в своих грехах, но еще не благословляется. А выражение: яко мене, если не принять его в смысле законоположения, ни в каком другом значении не будет иметь основания. *Того*, говорит, *послушайте*. И не просто, но как? *Будет же, всяка душа, яже не послушает пророка онаго, потребится от людей*. Когда показал, что они согрешили, когда даровал им прощение и обещал блага, тогда показывает, что и Моисей говорит то же. Но что за последовательность – сказать: *даже до лет устроения*, и затем приводит Моисея, который заповедует слушать все, что скажет Христос, – и притом не просто, но со страшной угрозой? (Последовательность) строгая. Апостол показывает, что и поэтому они должны повиноваться Христу. Что значит: *сынове пророк и завета*? Значит – наследники, преемники. Итак, если вы сыны, то зачем вы к своему относитесь, как к чужому? Конечно, вы совершили достойное осуждения; но, несмотря на это, вы можете получить прощение. Сказав таким образом, он вслед затем справедливо уже говорит: *вам посла Бог Отрока своего благословяща вас*. Не сказал: спасающего, но – что важнее – *благословяща*, показывая, что Рас-

пятый благословляет распявших. Будем же и мы подражать Ему! Отвергнем от себя убийственное и враждебное расположение души. Недостаточно не мстить (это было и в Ветхом Завете); но будем делать все для обидевших нас, как для искренних друзей, как бы для себя самих. Мы – подражатели, мы – ученики Того, Который по распятии употребляет все меры для (спасения) распявших и посылает (к ним) апостолов. Да притом, мы часто страдаем и справедливо, а Его (подвергли страданиям) не только несправедливо, но и нечестиво: иудеи распяли Благодетеля, Того, Кто ничем (их) не обидел. За что? – скажи мне. Из-за славы ли? Но Он выставлял их достойными уважения. Каким образом? *На Моисеов седалищи*, говорил Он, *седоша книжиницы и фарисеи: вся убо, елика аще рекут вам* творить, *творите: по делом же их не творите* (Мф. XXIII, 2, 3). И опять в другом месте: *шед покажися иереови* (Мф. VIII, 4). В то время, как мог погубить их, Он спасает. Станем же подражать Ему, и пусть никто не будет чьим-либо врагом, никто – неприятелем, разве только – диавольским.

5. Немало способствует этому и то, если мы не клянемся и не гневаемся. Когда мы не будем гневаться, – не будем иметь и врага. Отними у человека клятву, – и ты отнял крылья у гнева, погасил всю ярость. Клятва – это как бы ветер для гнева. Распусти паруса: парус ни к чему не служит, когда нет ветра. Итак, если мы не будем кричать и клясться, – мы отнимем всю силу у гнева. Если же вы не верите этому, то сделайте опыт, и тогда узнаете, что это действительно так. Положи гневливому закон никогда не клясться, и тебе не будет нужды говорить ему о кротости. В этом случае все будет успешно: вы не станете нарушать клятв, да и совсем не будете клясться. Не знаете ли, в какие несообразности впадаете вы от этого? Вы сами на себя налагаете узы и (сами же) всеми средствами стараетесь о том, чтобы

освободить от них свою душу, как будто бы это было какое-либо неизбежное зло. Но так как вы не можете (сделать этого), то уже по необходимости проводите жизнь в скорби и распрях и предаетесь гневу. А между тем, все это бывает без нужды и напрасно. Итак, грози, предписывай, делай все – без клятвы. Тогда можно, если хочешь, отменить и сказанное, и сделанное. Вот сегодня (мне) необходимо беседовать с вами более кротко. Так как вы послушались (слов моих), то и сделались гораздо лучше. Итак, скажем, если угодно, отчего появилась клятва и для чего она допущена. Рассказав о первоначальном ее происхождении, о том, когда она возникла, и как, и от кого, мы этим рассказом возблагодарим вас за послушание. Тому, кто поступает, как должно, необходимо и любомудрствовать; а кто еще не (таков), тот недостоин и слушать (наше) слово. Авраам и бывшие с ним заключили много договоров, заклали жертвы, сделали приношения, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззакония, когда все пришло в крайний беспорядок, когда (люди) склонились к идолослужению, вот тогда-то, – тогда, когда они уже оказались недостойными веры, стали призывать Бога в свидетели, представляя как бы верного поручителя в том, что говорили. Ведь клятва в этом и состоит, – в поручительстве, – потому что уже не доверяют честности. Следовательно, она прежде всего служит обвинением тому, кто клянется, если ему не верят без поручителя и, притом, без поручителя великого, потому что от великого недоверия происходит то, что требуют в свидетели не человека, но Бога. Во-вторых, столько же виновен бывает и тот, кто принимает клятву, если он, споря об условиях, влечет Бога в поручительство и говорит, что не поверит, если не будет иметь Его (поручительства). Какая чрезвычайная бесчувственность! Какое поругание! Ты – червь, земля,

пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть (поручителем). Скажи мне: если бы в то время, как ваши слуги спорят между собой и не доверяют друг другу, один из рабов сказал, что он не поверит до тех пор, пока не будет иметь поручителем общего господина, то не получил бы он тысячи ударов и не узнал ли бы, что господином надобно пользоваться для других дел, а не для этого? Что я говорю о рабе (и господине)? Если бы даже он избрал (и другого) почтенного человека, то не счел ли бы тот такой выбор позором для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! В таком случае не принуждай и Бога, когда и между людьми бывает так, что, если кто скажет: я представлю такого-то в поручители, ты не берешь на себя (этого поручительства). Что же, скажешь, ужели мне потерять то, что я дал? Не говорю этого; но (утверждаю), что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающий (к клятве) еще неизбежнее, чем тот, кто клянется, подвергнется наказанию, равно как и тот, кто клянется, когда никто не требует. И, — что особенно тягостно, — каждый клянется из-за одного овола, из-за малой выгоды, из-за несправедливости. Это (я говорю о тех случаях), когда не будет клятвопреступления; если же последует клятвопреступление, то все окажется в крайнем беспорядке, и виной всего будет и тот, кто принял, и тот, кто дал (клятву). Но иногда бывает, скажешь, нечто неизвестное? А ты предусматривай это и не делай ничего легкомысленно; если же делаешь что-либо легкомысленно, то сам с себя и взыскивай за вред. Лучше так потерпеть вред, чем как-нибудь иначе. Скажи мне, когда ты требуешь от человека клятвы, — чего ты ожидаешь? Того ли, что он нарушит клятву? Но это крайнее безумие, потому что наказание обратится на твою голову. Лучше тебе потерять деньги, чем тому погибнуть. Для чего дела-

ешь это во вред себе и в оскорбление Бога? Это свойственно душе зверской и человеку нечестивому. Но я (скажешь) надеюсь, что он не нарушит клятвы? В таком случае поверь ему и без клятвы. Но многие, скажешь, без клятвы решались на обман, а после клятвы – нет. Обманываешься, человек! Кто привык красть и обижать ближнего, часто решается попрать и клятву. Кто благоговеет перед клятвой, тот тем более побоится нанести обиду. Но он сделает это поневоле? В таком случае он достоин прощения. Но что я говорю об этих клятвах, оставляя клятвы, (бывающие) на рынке? Там ты не можешь сказать ничего подобного, потому что из-за десяти оволов бывают клятвы и клятвопреступления. Так как не падает с неба молния, так как не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь (при себе) Бога. Для чего же? Чтобы получить несколько огородной зелени, чтобы (взять) башмаки. Из-за нескольких серебряных монет ты призываешь Его во свидетельство. Но если мы не подвергаемся наказанию, то не будем думать, что и не грешим. Это происходит от человеколюбия Божия, а не от нашей добродетели. Клянись своим сыном, клянись самим собой; скажи: пусть палач приступит к бокам моим. Но ты (этого) боишься. Так ужели Бог бесчестнее боков твоих? Ужели Он ничтожнее головы твоей? Скажи: пусть я ослепну! Но Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже и собственной головой; а мы до того не щадим славы Божией, что всюду привлекаем Его. Разве не знаете, что такое – Бог и какими устами надобно призывать Его? Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем; а между тем, имя досточтимое, которое выше всякого имени, – имя, чудное по всей земле, слыша которое, трепещут демоны, – мы всюду произносим безрассудно.

6. О, привычка! От нее-то произошло то, что (это имя) пренебрегается. Ведь, если бы ты заставил когонибудь поклясться святым домом, — ты, без сомнения, считал бы это за страшную клятву. А отчего это кажется столь страшным, как не оттого, что ту (клятву) мы употребляем без разбора, а эту — нет? Иначе не следовало ли содрогаться, при произнесении имени Божия? У иудеев это имя было столь священно, что его писали на дощечках, и никому не позволялось носить эти буквы, кроме одного только первосвященника; а мы теперь везде произносим это имя, как обыкновенное. Если и просто называть Бога не всем дозволено, то, скажи мне, какая дерзость, какое безумие — призывать Его во свидетельство? Ведь, если бы и все надлежало бросить, — не следовало ли бы охотно согласиться на то? Вот я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающие на площади, а всех, которые не слушаются, приведите ко мне. Вот, в вашем присутствии, я заповедаю тем, которые отделены на служение молитвенным домам, внушаю им и объявляю, что никому не дозволяется клясться безрассудно, а лучше сказать — и как бы то ни было. Итак, ведите ко мне (клянущегося), кто бы он ни был, — потому что и это должно доходить до нас, как будто бы вы были малые дети. Но не дай Бог, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имеете нужду чемунибудь учиться. Осмелишься ли ты, не будучи посвящен в тайны, прикоснуться к священной трапезе? Но, что еще хуже, — ты, посвященный в тайны, дерзаешь прикасаться к священной трапезе, которой и не всем священникам позволено касаться, — и таким образом клянешься! Ты не коснешься, по выходе (из дома), и головы дитяти, а касаешься трапезы, — и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мне таких (людей)! Я произведу суд и отпущу обоих с радостью. Делайте, что хотите: я полагаю закон — отнюдь не клясться. Какая надежда спасе-

ния, когда мы все так унижаем? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принес им в жертву свою душу? Приобретаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушил ли клятву (тот, кого ты обязал ею)? Ты погубил и его, и себя. Не нарушил? И в этом случае ты погубил его, принудив его преступить заповедь. Удалим от души эту болезнь. Прежде всего будем гнать ее с рынка, из лавок и из всех прочих торговых заведений. Нам будет от этого больше прибыли. Не подумайте, что от нарушения божественных законов житейские дела идут лучше. Но мне, скажешь, не верят? Действительно, мне случалось иногда слышать от некоторых и это, что если я не произнесу тысячи клятв, то мне не верят. Ты сам причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всем было известно, что ты не клянешься, то поверь словам моим, что ты сделал бы только знак, и тебе поверили бы больше, чем тем, которые употребляют тысячи клятв. Вот, скажи мне, кому вы больше верите: мне ли, хотя я не клянусь, или тем, которые клянутся? Но ты, — скажете вы, — начальник и епископ? Что же, если я докажу, что не поэтому только (верите мне)? Отвечайте мне со всей искренностью, прошу вас: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положение? Отнюдь нет. Видишь ли, что не поэтому (верите мне)? Да и какую, скажи мне, приобретаешь ты, наконец, выгоду? Павел терпел голод; решись и ты лучше терпеть голод, чем преступить какую-либо из заповедей Божиих. Отчего ты так неверен? Ужели тогда, как ты решишься все сделать и претерпеть для того, чтобы не клясться, — Бог не вознаградит тебя? Ведь Он каждый день питает клятвопреступников и (людей) часто клянущихся: ужели предаст голоду тебя за то, что ты послушал Его? Пусть все знают, что из собирающихся в эту церковь никто не клянется! Пусть мы будем

известны и этим, а не верой только! Пусть будет это нашим отличием от язычников и от всех (людей)! Пусть примем печать с небес, чтобы нам везде являться как бы царским стадом! Пусть тотчас же узнают нас, как варваров, по речам и языку, и пусть отличаемся этим от варваров, подобно знающим по-гречески! Скажи мне: по чему узнают так называемых попугаев? Не по тому ли, что они говорят по-человечески? Так пусть же и нас узнают по тому, что мы говорим, как апостолы, говорим, как ангелы. Если кто скажет: поклянись, то пусть услышит, что Христос заповедал не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродетель. Это – некоторая дверь к благочестию, путь, ведущий к благоговейному любомудрию, это – некоторого рода училище. Будем соблюдать это, чтобы сподобиться и настоящих и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Глаголющим же им к людем, наидоша на них священницы и воевода церковный (Деян. IV, 1)

1. Еще не отдохнули (апостолы) от прежних искушений, а уже тотчас впали в другие. И смотри, как это устрояется. Сначала они были осмеяны все вместе: это – немалое искушение; а потом сами верховные впадают в опасности. Но эти два (события) произошли не сряду одно за другим и не просто; а сначала (апостолы) прославились в речах, потом сделали великое чудо, и затем уже, по допущению Божию, с дерзновением вступают в борьбу. Ты же заметь, прошу тебя, как те, которые при Христе искали предателя, теперь уже сами

налагают руки, сделавшись после креста более дерзкими и более бесстыдными. Так-то грех, пока только еще рождается, бывает несколько стыдлив; но когда совершится, тогда делает бесстыднейшими тех, которые совершают его. Но для чего же приходит и воевода? Ведь сказано: *наидоша на них священницы и воевода церковный*. Для того, чтобы опять представить государственным преступлением то, что происходило, и наказать за это, не как за (дело) частное: так везде они стараются поступать. *Жаляще си, за еже учити им люди* (ст. 2). Они досадовали не только на то, что (апостолы) учили, но и на то, что говорили, что (Христос) не только сам воскрес, но что и мы воскреснем через Него. *За еже учити им*, сказано, люди, *и возвещати о Иисусе воскресение мертвых* (ст. 2). Воскресение Его было так действенно, что и для других Он сделался виновником воскресения. *И возложиша на них руки, и положиша их в соблюдение до утрия: бе бо вечер уже* (ст. 3). О, бесстыдство! Еще прежней кровью были исполнены их руки, а они тем не удовольствовались, но снова наложили их, чтобы обагрить другой кровью. Или, может быть, они и боялись, так как учеников было уже много, и поэтому явился вместе с ними воевода: *бе бо*, сказано, *вечер уже*. Итак, они это делали и стерегли (апостолов), желая ослабить их, а апостолам эта отсрочка времени придавала более смелости. И смотри, кто подвергается задержанию: это – верховные из апостолов, которые таким образом и для прочих послужили указанием, чтобы они впредь не искали друг друга и не домогались быть вместе. *Мнози же от слышавших слово вероваша: и бысть число мужей яко тысящ пять* (ст. 4).

Что это значит? Разве они видели (апостолов) в славе? Не видели ль, напротив, что их связали? Как же уверовали? Видишь ли явную силу (Божию)? Ведь и тем, которые уже уверовали, надлежало бы сделаться (от этого) немощнее, но они не сделались. Речь Петра глу-

боко бросила семена и тронула их душу. А те (священники и саддукеи) гневались потому, что нисколько не убоялись их и за ничто считали настоящие бедствия. Если Распятый, говорили они, делает такие (чудеса) и если Он воздвиг хромого, то мы не боимся и их. Итак, и это было делом Промысла Божия. Поэтому уверовавших было теперь больше, чем прежде. Вот этого (священники с саддукеями) и боялись, и потому-то в их глазах и связали апостолов, чтобы и на них навести больший страх; но случилось совсем не то, чего они хотели. Поэтому-то они и допрашивают апостолов не при них, но отдельно, чтобы слушатели не получили пользы от их дерзновения. *Бысть же на утрие собратися князем их и старцем и книжником во Иерусалим, и Анне архиерею и Каиафе и Иоанну и Александру, и елицы беша от рода архиерейска* (ст. 5–6). Опять сходятся вместе, – а в числе прочих зол было и то, что уже не соблюдались постановления закона. Опять придают собранию вид суда, чтобы обвинить их неправедным судом. *И поставльше их посреде, вопрошаху: коею силою, или коим именем сотвористе сие вы* (ст. 7)? Но они уж знали (это), потому что досадовали, как сказано, на то, что (апостолы) проповедуют в Иисусе воскресение. Поэтому-то именно они и задержали их. Для чего же спрашивают? Они ожидали, что (апостолы), убоясь множества, отрекутся, и думали, что этим все исправят. И заметь, что они говорят: *коим именем сотвористе сие вы? Тогда Петр исполнився Духа Свята, рече к ним* (ст. 8). Припомни же теперь слова Христовы и то, как сбылось, что Он говорил: *егда же приведут вы на соборища, не пецытеся, како или что речете: Дух бо Отца вашего* будет *глаголяй в вас* (Лк. XII, 11; ср. Мф. X, 19). Следовательно, они уже пользовались великим содействием Божиим. Что же именно говорит (Петр), – послушай. *Князи людстии и старцы Исраилевы* (ст. 8). Заметь любомудрие мужа: будучи исполнен дерзновения, Он не

произносит ничего оскорбительного, но говорит почтительно: *князи людстии и старцы Исраилевы, аще мы днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся, разумно буди всем, вам и всем людем Исраилевым* (ст. 9–10). С великим мужеством напал на них с самого начала и уязвил их; а притом и напомнил им о прежнем, так как они судят их за благодеяние. Он как бы так говорил: за это, конечно, всего более надлежало бы увенчать нас и провозгласить благодетелями, а между тем нас судят за благодеяние человеку немощному, небогатому, немогущественному и неславному. Кто мог бы позавидовать (нам) в этом?

2. Много тягостного заключают в себе слова (Петра); но из них видно, что иудеи сами навязывались на зло. *Яко во имя Иисуса Христа Назорея* (ст. 10). Что особенно опечалило их, то (апостол) и прибавляет. Вот это именно и значили слова Христовы: *еже во уши слышите, проповедите на кровех* (Мф. X, 27). *Яко во имя Иисуса Христа Назорея, егоже вы распясте, егоже Бог воскреси от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав* (ст. 10). Не подумайте, говорит, что мы скрываем Его отечество или страдание. *Егоже вы распясте, егоже Бог воскреси от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав.* Опять — страдание, опять — воскресение. *Сей есть камень укоренный от вас зиждущих, бывый во главу угла* (ст. 11). Напомнил им и о слове, которого достаточно было, чтоб устрашить их, так как сказано: *падый на камени сем сокрушится: а на немже падет сотрыет и* (Мф. XXI, 44). *И несть ни о едином же ином спасения* (ст. 11). Какие, думаешь, раны получили они от этих слов? *Несть бо иного имени под небесем, данного в человецех, о немже подобает спастися нам* (ст. 12). Здесь возвещается и (нечто) возвышенное. Когда не было нужды чего-либо достигнуть, а надлежало только показать дерзновение, тогда (апостол) не щадит, потому что не боялся поразить их. И не сказал просто: через

другого, но: *несть ни о едином же ином спасения,* – этим показывая, что Он может спасти нас, а в то же время желая и устрашить их. *Видяще же Петрово дерзновение и Иоанново, и разумевше, яко человека не книжна еста и проста, дивляхуся: знаху же их, яко со* Иисусом *беста* (ст. 13). Но каким же, скажешь, образом люди неученые победили красноречием и их, и первосвященников? Это – потому, что не они говорили, а через них – благодать Духа. *Видяще же исцелевшего человека с нима стояща, ничтоже имяху противу рещи* (ст. 14). Велика смелость этого человека, как видно из того, что он не оставил апостолов в самом суде. Следовательно, если бы они сказали, что (дело) не так было, он обличил бы их.

Повелевше же има вон из сонмища изыти, стязахуся друг со другом, глаголюще: что сотворим человекома сима (ст. 15–16)? Видишь, как они недоумевают и как опять все делают по страху человеческому. Как при Христе они не могли ни опровергнуть, ни скрыть событий, а напротив, от их противодействия вера еще более возрастала, – так точно и теперь. *Что сотворим?* Какое безумие, если они думали устрашить тех, которые уже вкусили подвигов, особенно же, если они, не будучи в состоянии ничего (сделать) сначала, надеялись сделать что-либо после такого красноречия! Чем больше они хотели препятствовать, тем дела шли вперед успешнее. *Яко убо нарочитое знамение бысть има, всем живущим во Иерусалиме яве, и не можем отврещися. Но да не более прострется в людех, прещением да запретим има ктому не глаголати о имени сем ни единому от человек. И призвавше их заповедаша има отнюдь не провещавати, ниже учити о имени Иисусове* (ст. 16–18). Заметь и бесстыдство их, и любомудрие апостолов. *Петр же,* сказано, *и Иоанн отвещавше к ним реста: аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Не можем мы, яже видехом и слышахом, не глаголати. Они же призапрещше има, пустиша я, ничтоже об-*

ретше, како мучити их, людей ради (ст. 19–21). Знамения заградили им уста, и они уже не позволили апостолам окончить слово, но весьма оскорбительно прервали их во время самой речи. *Яко вси прославляху Бога о бывшем. Лет бо бяше множае четыредесяти человек той, на немже бысть чудо сие исцеления* (ст. 21, 22). Но посмотрим снова на то, что сказано выше. *Что сотворим человекома сима?* Прежде они все делали для славы человеческой; а теперь присоединилась и другая (забота), именно о том, чтобы не сочли их убийцами, как после и говорили они: *хощете навести на ны кровь человека сего* (Деян. V, 28). *Прещением да запретим има ктому не глаголати о имени сем ни единому от человек.* Какое безумие! Убежденные, что (Христос) воскрес, и имея в этом доказательство Его божества, они надеялись своими кознями утаить того, Кто не был удержан смертью. Что сравнится с этим безумием? И не удивляйся, что они опять замышляют дело несбыточное. Таково уж свойство злобы: она ни на что не смотрит, но всюду производит смятение. Будучи посрамляемы, они поступают так, как будто бы введены были в обман: так обыкновенно бывает с теми, которые, не достигнув чего-либо, подвергаются посмеянию. Но ведь (апостолы) для того везде и говорили, что Бог воздвиг (Иисуса) и что о имени Иисуса хромой стоит здоровым, чтобы показать, что Иисус воскрес. А с другой стороны, и сами они признавали воскресение: хотя в пустом и ребяческом виде, но все же – признавали; а теперь не верят и находятся в смущении, советуясь, что делать с апостолами. Да уже одно только то, что они говорили с такой смелостью, недостаточно ли было для убеждения – ничего не делать с ними? Почему ты не веришь, скажи мне, иудей? Ведь надлежало внимать происшедшему чуду и словам (апостолов), а не злобе толпы. Но почему же (иудеи) не предают их римлянам? Потому что уже были ненавистны для них

тем, что сделали с Христом. Таким образом они больше вредили сами себе, откладывая их обвинение. С Христом (было) не так; но схватив Его среди ночи, они тотчас же повели Его на суд и не откладывали, сильно боясь народа. А с апостолами не смели поступить так: не ведут их и к Пилату, боясь и опасаясь за прежнее, чтобы и за то не обвинили их. *Бысть же на утрие собратися князем их и старцем и книжником во Иерусалим.*

3. Опять собрание в Иерусалиме и проливается там кровь. Не устыдились и города. (Тут были), сказано, Анна и Каиафа. Петр не перенес (некогда) и вопроса служанки Каиафы и отрекся, тогда как другой был задержан; а теперь, явившись среди их, смотри, как говорит: *аще мы истязуемы есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся, разумно буди всем вам.* А они говорят: *коим именем сотвористе сие?* Зачем же не называешь этого (имени), но скрываешь? *Коим именем сотвористе сие вы?* Но ведь (Петр) говорил: не мы сделали это. Заметь благоразумие. Не сказал тотчас: мы сделали именем Иисуса, но как? *Во имя его сей стоит пред вами здрав.* Не говорит также: сделался здоров от нас. И опять: *аще мы истязуемы есмы о благодеянии человека немощна.* Укоряет их, как людей, всегда осуждающих за благодеяния, и напоминает о прежнем, именно — что они стремятся к убийствам, и не только обнаруживают это, а еще и обвиняют за благодеяния. Видишь ли, как тяжки и слова (Петра)? (Апостолы) уже упражнялись в этом и стали, наконец, неустрашимы. Здесь (Петр) показывает им, что они сами против воли проповедуют Христа, что они сами, судя и исследуя, распространяют учение (о Нем). *Егоже вы распясте.* О, какая смелость! *Егоже Бог воскреси от мертвых.* А это — знак еще большего дерзновения. Слова его значат вот что: не подумайте, что мы скрываем (что-нибудь) позорное; нет, мы не только не скрываем, а напротив, говорим с дерзновением. Так

говорит (апостол) и тем почти порицает их, и не просто, но и останавливается на том, говоря: *сей есть камень укоренный от вас зиждущих.* Затем, показывая, что они поступили так с камнем драгоценным, прибавляет: *бывый во главу угла,* то есть камень по природе драгоценный и неподдельный, он пренебрежен вами. Так-то чудо сообщило им великую смелость. Но ты заметь, как они, когда надобно учить, приводят много пророчеств, а когда нужно говорить с дерзновением, представляют лишь свое мнение. *Несть* бо, говорит (апостол), иного *имени под небесем данного в человецех, о немже подобает спастися нам,* потому что всем людям, а не им одним, дано было это имя. И в свидетели этому он приводит их самих. Так как они говорили: *коим именем сотвористе сие?* – то отвечает: *во имя Христа,* – другого имени нет. Как же вы спрашиваете? Так это везде очевидно! *Несть бо,* говорит, *иного имени под небесем, о немже подобает спастися нам.* Это – слова души, презирающей настоящую жизнь, как это видно из той великой смелости, с какой они произносятся. Отсюда явно, что и в то время, когда говорил о Христе уничиженно, (говорил) не из боязни, но по снисхождению. А так как теперь было удобное время, то он говорит столь возвышенно, что этим самым устрашил даже и всех слушателей. Вот и другое доказательство, не меньшее прежнего. *Знаху же их,* сказано, *яко со Иисусом беста.* Не без цели евангелист поместил эти слова, но – чтобы показать и то, где они были (с Иисусом), то есть при страдании. Действительно, они одни только были тогда с Христом, и тогда их видели смиренными, униженными. Вот почему особенно и удивляла (священников) эта внезапная перемена; ведь и там были Анна и Каиафа с клевретами, и перед ними предстояли и апостолы. Теперь же они были изумлены их чрезвычайной смелостью, так как не словами только показывали, что не заботятся о том, что их

судят за такие дела и что им угрожает крайняя опасность, но и видом, и голосом, и взором, и всем вообще выказывали перед народом смелость в то время, как говорили. А удивлялись (священники), может быть, потому, что (апостолы) были люди и неученые и простые, так как можно быть кому-либо неученым и, однако, не быть еще простым, или быть простым и, тем не менее, не неученым. Этим (писатель) показывает, что (в апостолах) соединилось то и другое. *Разумевше*, сказано. Из чего? Из того, что они говорили. Немного (Петр) произносит слов, но самим выражением и составом речи показывает смелость. И (священники) обвинили бы апостолов, если бы не было с ними этого человека (хромого). *Знаху же их*, сказано, *яко со Иисусом беста.* Отсюда они приходили к убеждению, что научились этому от Иисуса и что они все делали, как Его ученики. И самое чудо и знамение издавало не менее громкий голос, чем голос апостолов: оно-то именно больше всего и заградило им уста. *Аще праведно есть*, говорят, *пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите.* Когда страх уменьшился, — так как заповедать (не говорить о Иисусе) не что другое значило, как отпустить их, — тогда и говорят с большой кротостью: так они далеки были от дерзости. *Яко нарочитое знамение бысть, не можем отврещися.* Следовательно, они отреклись бы, если бы оно было не таково, если бы не было свидетельства многих. А оно, действительно, было известно всем. Но такова-то злоба, — дерзка и нагла! *Прещением да запретим.* Что вы говорите? Ужели вы надеетесь угрозой остановить проповедь? Так везде начальство трудно и неудобно! Вы убили Учителя и не остановили (проповеди), ужели же теперь своими угрозами надеетесь удержать нас от нее? Узы не заставили нас говорить с меньшим дерзновением, и вы ли заставите, когда мы считаем за ничто и угрозы ваши? *Аще праведно есть*, говорят, *пред Богом вас*

послушати паче, нежели Бога? Здесь вместо Христа именуют Бога. Видишь ли, как теперь сбылось то, что (Христос) сказал им: *се аз посылаю вас яко овцы посреде волков: не убойтеся* их (Мф. X, 16, 31)?

4. Затем опять подтверждают воскресение, присовокупив эти слова: *не можем мы, яже видехом и слышахом, не глаголати.* Итак, мы — достоверные свидетели; а вы, присовокупляя угрозы к угрозам, напрасно опять грозите. Им, конечно, надлежало бы обратиться вследствие чуда, за которое народ прославлял Бога; а они грозят даже убийством: так они противились Богу! *Они же призапрещше, пустиша я.* Через это (апостолы) сделались более славными и более знаменитыми. *Сила моя,* сказано, *в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9); и это они уже засвидетельствовали, противостав всему. Что значит: *не можем мы, яже видехом и слышахом, не глаголати?* Это значит: если ложны наши слова, — обличи, а если истинны, то зачем препятствуешь? Таково-то любомудрие! Те в затруднении, а эти в радости; те исполнены великого стыда, а эти все делают с дерзновением; те в страхе, а эти безбоязненны. Кто в самом деле, скажи мне, боялся? Те ли, которые говорили: *да не более прострется в людех,* или те, которые говорили: *не можем, яже видехом и слышахом, не глаголати?* Эти — и в удовольствии, и в дерзновении, и в величайшей радости; те — в печали, в стыде, в страхе, потому что боялись народа. Эти что хотели, то и сказали; а те не сделали того, чего хотели. Кто был в узах и опасностях? Не эти ли по преимуществу?

Итак, будем держаться добродетели! Пусть слова эти будут не для удовольствия только и какого-либо утешения! Здесь не театр, возлюбленный, не место играющих на цитре или представляющих трагедии, где плодом бывает только наслаждение, так что прошел день — и наслаждение исчезло. И пусть бы только было наслаждение и не было другого вреда вместе с наслажде-

нием. Но, ведь, каждый идет оттуда домой, как из какого-нибудь зараженного места, усвоив себе многое из того, что бывает там. Так юноша, взяв оттуда некоторые звуки диавольских песней, какие только мог удержать в памяти, часто поет их дома, а старик, как более степенный, хотя не делает этого, но помнит все слова, какие там говорились. Отсюда же вы уходите ни с чем. Не стыдно ли это? Мы положили закон, или лучше – не мы положили, нет, так как сказано: *не зовите* учителя *на земли* (Мф. XXIII, 8–9), – Христос положил закон, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мне, сделалось с этим законом? Я не перестану говорить об этом, *да не како паки пришед,* по словам апостола, *не пощажду* (2 Кор. XIII, 2). Подумали ли вы об этом? Позаботились ли? Было ли у вас какое-нибудь старание? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочем было ли или нет, мы опять станем говорить те же слова, чтобы вы имели о том попечение; а если вы уже позаботились, то – чтобы опять исполняли это постояннее, да и остальных склоняли к тому. Откуда же должно начать нам слово? Хотите ли – с Ветхого Завета? Но стыдно нам, что мы не соблюдаем даже того, что в Ветхом Завете и что надлежало бы нам превзойти. Ведь нам следовало бы слушать не об этом, – это предписания иудейской бедности, – а о (заповедях) совершенных, как например: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповедь, смейся над всем земным, пусть не будет у тебя ничего общего с настоящей жизнью. Если кто обидит тебя, – окажи ему благодеяние; если обманет, – заплати благословением; если будет поносить, – окажи почтение. Будь выше всего. Вот о чем и о подобном нам следовало бы слушать.

А мы теперь говорим о клятве! Это то же, как если бы кто человека, который должен любомудрствовать, отвлек от учителей мудрости и заставил его читать еще по складам и (разбирать) буквы. Подумай, какой стыд

для человека, имеющего длинную бороду, носящего палку и плащ, идти вместе с детьми к учителям и учиться тому же, чему они учатся! Не крайне ли смешно это? Но мы еще смешнее, потому что не столько различия между философией и азбукой, сколько между иудейским образом жизни и нашим: (здесь столько различия), сколько между ангелами и людьми. Скажи мне: если бы кто низвел ангела с неба и велел ему стоять здесь и слушать наши слова, как будто бы ему необходимо было поучаться в них, — не стыдно ли и не смешно ли было бы это? Если же смешно только еще учиться этому, то, скажи мне, какое осуждение, какой стыд — даже не внимать этому? И в самом деле, как не стыдно, что христиане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однако, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Так станем же сегодня говорить вам из Ветхого Завета. Что же говорит он? — *Заклинанию не обучай уст своих, и клятися именем святым не навыкай* (Сир. XXIII, 8–9). Почему? *Яко же бо раб истязуем часто, от ран не умалится, такожде и кленыйся* (Сир. XXIII, 10).

5. Заметь благоразумие этого мудреца. Не сказал: *заклинанию не обучай* мысли своей, но: *уст своих;* он знал, что все зависит от уст и легко исправляется. Это, наконец, обращается в невольную привычку, подобно тому, как многие, входя в бани, вместе с тем, как переступают дверь, кладут на себе (крестное) знамение. Это обыкновенно делает рука по привычке, когда даже никто не приказывает. Опять, и при возжении светильника, часто рука творит знамение, между тем как мысль обращена на что-нибудь другое. Так точно и уста говорят не от души, но по привычке, и все заключается в языке. *И клятися,* сказано, *именем святым не навыкай. Яко же бо раб истязуем часто, от ран не умалится, такожде и кленыйся.* Не клятвопреступление осуждается здесь, но клятва,

и за нее полагается наказание. Следовательно, клясться – грех. Такова, поистине, душа (клянущегося): много на ней ран, много язв. Но ты не видишь? В том-то и беда! Между тем, ты мог бы видеть, если бы захотел, потому что Бог дал тебе глаза. Такими глазами смотрел пророк, когда говорил: *возсмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего* (Пс. XXXVII, 6). Мы презрели Бога, возненавидели благое имя, попрали Христа, оставили стыд, – никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь, если ты кого любишь, ты встаешь и при его имени; а Бога часто призываешь так, как бы Он был ничто. Призови Его, когда благотворишь врагу; призови Его для спасения своей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневляешь Его. Призови Его, как призвал Стефан. Что говорил он? *Господи, не постави им греха сего* (Деян. VII, 60). Призови Его, как призвала жена Елканова, со слезами, с плачем, с молитвой. Этого я не запрещаю, напротив, к этому особенно побуждаю. Призови Его, как призвал Моисей, когда взывал, молясь за тех, которые гнали его. Ведь, если бы ты безрассудно стал упоминать о каком-нибудь почтенном человеке, это было бы поношением; а упоминая в своих речах о Боге не только безрассудно, но и неуместно, считаешь это за ничто? Какого же был бы ты не достоин наказания? Я не запрещаю иметь Бога непрестанно в мыслях, – напротив, об этом и прошу и этого желаю, но не против воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы нам великие блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и в тех обстоятельствах, в каких нужно. Почему, скажи мне, при апостолах было столько чудес, а в наше время их нет, хотя Бог тот же и имя то же? Это потому, что оно не одинаково (употребляется нами). Каким образом? Так, что они призывали Его только в тех случаях, о которых я сказал, а мы призываем не в этих, а

в других. Если же тебе не верят, и ты поэтому клянешься, то говори: поверь, и даже, если хочешь, поклянись самим собой. Я говорю это не потому, чтобы хотел давать законы противные закону Христову, – отнюдь нет: сказано: *буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни* (Мф. V, 37); но по снисхождению к вам, чтобы больше побудить вас к этому и отвлечь от той ужасной привычки. Сколько людей, снискавших себе славу в прочих делах, погибло от этой привычки? Хотите ли узнать, почему древним позволялось клясться (нарушать клятву ведь и им было недозволено)? Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вам оставаться при тех же законах, какими водились люди немощные? Ведь и теперь, если я приму язычника, я не тотчас заповедую ему это, но сначала убеждаю его познать Христа. Но, если верующий и познавший Его и слышавший о Нем станет требовать себе такого же снисхождения, какое оказывается язычнику, – что пользы в этом, какая прибыль? Но сильна привычка, и тебе трудно оставить ее? Если так велика сила привычки, то перемени эту привычку на другую. Да как, скажешь, это возможно? Я часто уже говорил об этом и теперь скажу то же. Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют; напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь, если ты наденешь платье наизнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно; а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься, скажи мне, когда другой вразумляет тебя? Ты терпишь раба, который наряжает тебя в одежду и надевает на тебя обувь; а того, кто украшает душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безумие? Пусть будет и раб учителем в этом, пусть будет и дитя, и жена, и друг, и родственник, и сосед. Как зверь, когда его отовсюду

гонят, не может убежать, так и тот, кто имеет стольких стражей и стольких порицателей и кого отовсюду поражают, не может не быть осторожен. В первый день это будет для него тяжело, равно и во второй и в третий, а потом будет легче, а после четвертого дня это не будет для него и делом. Сделайте опыт, если не верите. Позаботьтесь, прошу вас. Немаловажен этот грех, немаловажно и исправление от него; напротив, важно и то, и другое, — и зло, и добро. Но дай Бог, чтобы было добро, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Отпущена же бывша приидоста к своим, и возвестиста, елика к нима архиереи и старцы реша (Деян. IV, 23)

1. Не из тщеславия рассказывают об этом, — как это возможно? — но здесь свидетельствуют они о явлении благодати Христовой. Поэтому, что первосвященники и старейшины сказали им, то они пересказывают; а свои (слова), хотя опускают, однако, и при этом случае являют еще большее дерзновение. Посмотри, как они опять прибегли к истинной помощи, к непреоборимому Поборнику, и опять единодушно и со тщанием, потому что молитва (их) не просто совершается. *Они же слышавше, единодушно воздвигоша глас к Богу и рекоша* (ст. 24). Смотри, как мудры молитвы их. Когда они просили показать им достойного апостольства, тогда взывали: *ты, Господи, сердцеведче всех, покажи* (Деян. I, 24), — потому что там нужно было предвидение; а здесь, когда надлежало заградить уста противникам, говорят о владычестве. Потому и начали так: *Владыко, Боже, сотворивый*

небо и землю, и море, и вся, яже в них: иже усты Давида отрока твоего рекл еси: вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным? Предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа его (ст. 24–26). Они приводят пророчество, как бы требуя от Бога обещанного и вместе утешая себя тем, что враги все замышляют тщетно. Таким образом, слова их значат: приведи все это к концу и покажи, что они замыслили тщетное. *Собрашася бо воистину во граде сем на святого отрока твоего Иисуса, егоже помазал еси, Ирод же и Понтийский Пилат, с языки и людми Исраилевыми, сотворити, елика рука твоя и совет твой преднарече быти. И ныне, Господи, призри на прещения их* (ст. 27–29). Видишь ли любомудрие и то, как они не ропщут здесь? Они подробно не перечисляют угроз, а говорят только, что им угрожали, – потому что писатель говорит сокращенно. И смотри: не сказали они: сокруши их, низложи их, – но что? *И даждь рабом твоим со всяким дерзновением глаголати слово твое* (ст. 29). Так научимся молиться и мы. Правда, кто не исполнился бы гнева, попав к людям, ищущим его смерти и дышащим такими угрозами? И какого не исполнился бы он негодования? Но не (так поступают) эти святые. *Внегда руку твою простреmu во исцеление, и знамением и чудесем бывати именем святым отрока твоего Иисуса* (ст. 30). Если именем Его будут совершаться чудеса, то велико будет дерзновение, говорят они. *И помолившимся им, подвижеся место, идеже бяху собрани* (ст. 31). Это было знаком того, что они услышаны, и – посещения Божия. *И исполнишася вси Духа Свята* (ст. 31). Что значит: *исполнишася?* Значит – воспламенились Духом, и возгорелся в них этот дар. *И глаголаху слово Божие со дерзновением* (ст. 31). *Народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (ст. 32). Видишь ли, как вместе с благодатью Божией они отличались и своими (добродетелями)? Да и везде должно примечать, что вместе с благодатью Бо-

жией они проявляли и свои (добродетели), как и Петр сказал: *сребра и злата несть у мене* (Деян. III, 6). Впрочем, что сказал выше, в словах: *вси бяху вкупе* (Деян. II, 44), то же самое опять выражает и здесь словами: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина.* Сказав же, что они были услышаны, он говорит потом и об их добродетели, так как намеревается приступить к повествованию о Сапфире и Анании. Потому, желая показать их преступление, он и говорит сначала о добродетели прочих. Но скажи мне: любовь ли родила нестяжание, или нестяжание — любовь? Мне кажется, любовь — нестяжание, которое укрепляло ее еще более. Послушай же, что говорит (писатель); у всех *бе сердце и душа едина.* Вот сердце и душа — одно. *И ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща* (ст. 32). *И велиею силою воздаяху свидетельство апостоли воскресению Господа Иисуса Христа* (ст. 33). Выражает, что им как бы вверено было это (свидетельство), или говорит о нем, как о долге; то есть: они с дерзновением преподавали всем свидетельство о царствии. *Благодать же бе велия на всех их. Не бяше бо нищ ни един в них* (ст. 33, 34). Как в доме родительском все сыновья имеют равную честь, в таком же положении были и они, и нельзя было сказать, что они питали других; они питались своим; только удивительно то, что, отказавшись от своего, они питались так, что, казалось, они питаются уже не своим, а общим. *Елицы бо господие селом или домовом бяху, продающе приношаху цены продаемых, и полагаху при ногах апостол: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше* (ст. 34, 35). Из великого уважения к апостолам они полагали не в руки, а к ногам их. *Иосиа же, нареченный Варнава от апостол, еже есть сказаемо, сын утешения* (ст. 36). Это, мне кажется, не тот, который (поставлен был) вместе с Матфием; тот назывался и Иосией, и Варсавой, а потом прозван был и Иустом, а этот был прозван от апостолов Варнавой —

сыном утешения. И самое имя, кажется мне, получил от добродетели, к которой был способен и расположен. *Левит, Кипрянин родом, имея село, продав принесе цену, и положи пред ногами апостол* (ст. 36, 37),

2. Заметь здесь, как (писатель) указывает на ослабление закона, когда говорит: *Левит, Кипрянин родом.* Значит, уже и в переселении были левиты. Но обратимся к вышесказанному: *отпущена же бывша*, говорит, *приидоста к своим, и возвестиста, елика к нима архиереи и старцы реша.* Смотри, (какое) смирение и любомудрие апостолов. Они не пошли везде хвастать и говорить, как они отвечали священникам, и при рассказе не тщеславились, но, придя, просто возвещают то, что слышали от старейшин. Отсюда мы узнаем, что они не подвергали сами себя искушениям, но мужественно переносили те, которые были им причиняемы. Иной кто-нибудь, надеясь на помощь народа, может быть, стал бы порицать и наговорил бы тысячу неприятностей. А эти любомудрые – не так, но во всем кротко и смиренно. Они *же*, говорит, *слышавше, единодушно воздвигоша глас к Богу.* Возвысили глас от радости и великого усердия. Такие именно молитвы и бывают успешны, – молитвы, исполненные любомудрия, совершаемые о таких (предметах), со стороны таких (людей), в таких обстоятельствах и таким образом; а все прочие недостойны и нечисты. Смотри, как они не говорят ничего лишнего, но – только о силе Господа; или лучше, как Христос говорил иудеям: *аще же аз о Дусе Божии* глаголю (Мф. XII, 28), так и они говорят: *Духом Святым.* Вот и Спаситель говорит *о Дусе.* А что говорят они послушай. *Владыко Боже, иже усты Давида отрока твоего рекл еси: вскую шаташася языцы?* В Писании обычно говорится об одном, как о многих. Смысл же слов их следующий: не сами они (иудеи) превозмогли, но Ты соделал все, попустив это и приведя к концу; как благоискусный и пре-

мудрый, устроивший и с самими врагами по воле Своей; здесь указывают они на благоискусство и премудрость Его в том, что, хотя те сошлись с убийственным намерением, как враги и противники, но делали то, чего Ты, однако, хотел, *елика рука твоя и совет твой преднарече быти.* Что значит: *рука твоя?* Здесь, мне кажется, рукой называет как силу, так и совет. Тебе довольно, говорит, только захотеть, потому что никто не предопределяет силой. Итак выражение: *яже рука твоя* значит: чтó Ты повелел. Или это говорит, или — что (Господь) совершил Своей рукой. Поэтому, как тогда они замыслили тщетное, так и теперь, говорят, сделай, чтобы они замыслили тщетное. *И даждь рабом твоим,* то есть, чтобы угрозы их не исполнились на деле. Говорили же они так не потому, чтобы сами опасались претерпеть что-нибудь тяжкое, но (заботясь) о проповеди. Не сказали: и избавь нас от опасностей, но что? *И даждь рабом твоим со всяким дерзновением глаголати слово твое.* Ты сам, приведший к концу то, приведи и это. *Егоже помазал еси*, говорят. Смотри, как и в молитве они разделяют (с Ним) страдание и все относят к Нему и называют Его виновником дерзновения. Видишь ли, как они всего просят для Бога и ничего для собственной славы и любочестия? А что касается их самих, то обещают, что они не устрашатся; просят также и о знамениях. *Внегда*, говорят, *руку твою простерти во исцеление, и знамением и чудесем бывати.* И прекрасно, потому что без этого, сколь бы великую они ни проявили ревность, все делали бы напрасно. Господь склонился на прошение их и, поколебав место, показал, что Он присутствует при их молитве. *И помолившимся им*, говорит, *подвижеся место.* А что ради этого именно произошло, послушай, что говорит пророк: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). И еще: *от лица Господня подвижеся земля, от лица Бога Иаковля* (Пс. CXIII, 7). Бог делает

это как для большего страха, так и для того, чтобы внушить апостолам бодрость после прежних угроз и чтобы расположить их к большему дерзновению. Тогда было начало (проповеди), и потому они имели нужду в видимом знамении для того, чтобы быть более уверенными, а после никогда этого не бывало. Итак, они получили много утешения от молитвы.

Естественно они испрашивают и благодати знамений, потому что не иным чем, как знамениями, они могли доказать, что (Христос) воскрес. И не безопасности своей только просили они, но и того, чтобы им не постыдиться, а говорить с дерзновением. Поколебалось место, — и это еще более утвердило их. А это иногда бывает знаком гнева, иногда посещения и промышления, теперь же гнева. Во время спасительного страдания (землетрясение) произошло чудно и сверхъестественно: тогда поколебалась вся земля. И сам Спаситель говорил: тогда *будут глади, и пагубы, и труси по местом* (Мф. XXIV, 7). И здесь, с одной стороны, это было знаком гнева на тех (иудеев), а их (апостолов) исполнило Духа. Смотри, как и апостолы после молитвы исполняются Духа: *благодать же бе велия*, говорит, на *всех их. Не бяше бо нищ ни един в них.* Видишь, как велика сила этой добродетели (общения имений), если она была нужна и там. Действительно, она — виновница благ, и об ней-то упоминает он здесь в другой раз, внушая всем нестяжательность; говоря выше: *и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти,* здесь говорит: *не бяше нищ ни един в них* (ст. 34).

3. А что это происходило не от знамений только, но и от их желания, показывают Сапфира и Анания. Не словом только, но и силой они засвидетельствовали о воскресении, как и Павел говорит: *и проповедь моя не в препретельных человеческия премудрости словесех, но в явлении Духа и силы* (1 Кор. II, 4). И не просто: силой, но —

велиею силою. И хорошо сказал: *благодать бе на всех,* потому что благодать – в том, что никто не был беден, то есть от великого усердия дающих никто не был в бедности. Не часть одну они давали, а другую оставляли у себя; и (отдавая) все, не (считали) за свое. Они изгнали из среды себя неравенство и жили в большом изобилии; притом делали это с великой честью. Так они не смели отдавать в руки (апостолов) и не с надменностью отдавали, но приносили к ногам их и предоставляли им быть распорядителями и делали их господами, так что издержки делались уже как из общего (имения), а не как из своего. Это предохраняло их и от тщеславия. Если бы так было и теперь, то мы жили бы с большей приятностью – и богатые, и бедные. Как бедным, так и богатым было бы приятно. И, если угодно, мы изобразим это, по крайней мере, словом, если не хотите (показать) делом, и от того уже получим удовольствие. Правда, это весьма ясно и из того, что было тогда, так как продающие не делались бедными, но и бедных делали богатыми.

Но изобразим теперь это словом: пусть все продадут все, что имеют, и принесут на середину, – только словом говорю; никто не смущайся – ни богатый, ни бедный. Сколько, думаете, было бы собрано золота? Я полагаю, – с точностью сказать нельзя, – что если бы все мужчины и все женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имения, и жилища (не говорю о рабах – их тогда не было, быть может, отпускали их на волю), то, вероятно, собралось бы тысяча тысяч литров золота или лучше сказать даже два и три раза столько. Скажите, в самом деле, сколько теперь вообще жителей в нашем городе? Сколько, думаете вы, в нем христиан? Думаете ли, что сто тысяч, а прочие язычники и иудеи? Сколько же тысяч золота было бы собрано? А как велико число бедных? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысяч. И чтобы кормить их каждый день,

много ли было бы нужно? При общем содержании и за общим столом, конечно, не потребовалось бы больших издержек. Что же, скажут, мы будем делать, когда истратим свои средства? Ужели ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состояния? Не в тысячи ли раз больше была бы благодать Божия? Не изливалась ли бы благодать Божия обильно? И что же? Не сделали бы мы землю небом? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось с такой славой, и никто из них не жаловался на бедность, — то не тем ли более в таком множестве? Даже и из внешних (нехристиан) кто не сделал бы приношения? А чтобы видеть, что разделение сопряжено с убытками и производит бедность, представим себе дом, в котором десять человек детей, жена и муж: она, положим, прядет пряжу, а он получает доходы отвне. Скажи же мне, когда больше издержат они, вместе ли питаясь и живя в одном доме, или разделившись? Очевидно, что разделившись; если десятеро детей захотят разделиться, то понадобится десять домов, десять трапез, десять слуг и по стольку же прочих принадлежностей. И там, где много рабов, не для того ли все они имеют общий стол, чтобы меньше было издержек? Разделение всегда производит убыток, а единомыслие и согласие — прибыль. Так живут теперь в монастырях, как (жили) некогда верные. И умер ли кто с голода? Напротив, кто не был удовлетворен с большим изобилием? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься в неизмеримое и беспредельное море. Но, если бы мы сделали опыт, тогда отважились бы на это дело. И какая была бы благодать? Если тогда, когда не было верных, кроме лишь трех и пяти тысяч, когда все по вселенной были врагами (веры), когда ниоткуда не ожидали утешения, они столь смело приступили к этому делу, то не тем ли более это возможно теперь, когда, по благодати Божией, везде по вселен-

ной (находятся) верные? И остался ли бы тогда кто язычником? Я, по крайней мере, думаю, никто: таким образом мы всех склонили бы и привлекли бы к себе. Впрочем, если пойдем этим путем, то, уповаю на Бога, будет и это. Только послушайтесь меня, и устроим дела таким порядком; и если Бог продлит жизнь, то, я уверен, мы скоро будем вести такой образ жизни.

4. Между тем, исполняйте и твердо храните закон о клятве: сохранивший пусть обнаруживает несохранившего, пусть увещевает и сильно обличает его. Срок близок (см. Беседу 8); я исследую дело и уличенного отлучу и не допущу (в церковь). Но дай Бог, чтобы ни одного такого не нашлось между нами, но чтобы все в точности сохранили это духовное условие! Как на войне по условному знаку узнают и своих и чужих, так пусть будет и теперь, — ведь и мы теперь на войне, — чтобы и нам узнавать своих братий. А каким благом для нас может быть этот знак и здесь, и в чужой стране! Каким оружием против козней диавола! Уста, не употребляющие клятвы, скоро и Бога преклонят в молитвах, и диаволу нанесут тяжкую рану. Уста, не употребляющие клятвы, не будут и поносить. Как бы из некоторого дома, извлеки этот огонь из языка и извергни вон. Дай языку отдохнуть несколько и сделай язву менее заразительной. Об этом умоляю вас, чтобы я мог преподать вам и другое наставление; а до тех пор, пока это еще не исполнено, я не смею перейти к чему-либо другому. Исполняйте это в точности; восчувствуйте наперед эту добродетель; а потом я предложу вам и другие правила, лучше же сказать, не я, но сам Христос. Насадите в душе вашей это доброе (древо), — и вы мало-помалу сделаетесь раем Божиим, гораздо лучшим первобытного рая, так как нет у нас ни змия, ни древа смертоносного, ни другого чего-нибудь тому подобного. Глубоко вкорените в себе этот навык. Если так будет, то не вы только,

предстоящие здесь, получите пользу, но и все, живущие во вселенной; и не они только, но и те, которые будут жить после нас. Так, добрая привычка, вкоренившаяся и сохраняемая всеми, передается в отдаленные времена, и никакое время не будет в состоянии истребить ее. Если некто, собиравший дрова в субботу, был побит камнями (Числ. XV, 35), то делающий гораздо хуже того собирания и собирающий бремя грехов (а таково множество клятв) чему не подвергнется, чего не потерпит? Вы получите от Бога великую помощь, когда это дело будет у вас исполнено. Если я скажу: не оскорбляй, ты (в оправдание свое) тотчас представишь гнев. Если скажу: не завидуй, ты назовешь другую причину. Но здесь не можешь сказать ничего такого. Поэтому я начал с легкого, так как и во всех искусствах делают то же самое. Кто переходит к труднейшему, тот сначала уже изучил более легкое. Вы узнаете, как это легко, когда, исполнив это по благодати Божией, получите и другое правило. Доставьте мне дерзновение и перед язычниками, и перед иудеями, и прежде всего – перед Богом. Умоляю вас той любовью, теми болезнями рождения, с которыми я родил вас. *Чадца моя!* А что далее – *имиже паки болезную,* – не прибавлю. Не скажу и следующего: *дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. IV, 19), – так как я верую, что Христос уже изобразился в вас. Но скажу вам другое: *братия моя возлюбленная и вожделенная, радосте и венче мой* (Флп. VI, 1)! Поверьте мне, что не скажу иначе. Если бы кто-нибудь возложил теперь на голову мою тысячи царских венцов, украшенных драгоценными камнями, то я не обрадовался бы столько, сколько радуюсь о вашем преуспеянии; даже и царь, я думаю, не радуется так, как я о вас. И что я говорю? Если бы (царь) возвратился, победив все враждебные ему народы, и, кроме обычного венца, получил еще другие венцы и другие отличия в знак победы, то и он, я думаю, не

радовался бы своим трофеям так, как я о вашем преуспеянии. Как будто у меня на голове тысячи венцов, — так я радуюсь; и естественно. Если вы по благодати Божией сохраните этот навык, то вы победите тысячи врагов, гораздо лютейших, чем тот; вы поборете и преодолеете лукавых и злых демонов, не мечом, но языком и волей. И смотрите, сколько будет сделано, если только вы сделаете это. Вы истребите, во-первых, дурную привычку; во-вторых — злой помысл, от которого все зло, то есть мысль, будто это дело безразличное и нисколько не вредное; в-третьих — гнев; в-четвертых — любостяжание: все это ведь производит клятва. А вместе с тем вы получите великое расположение и к прочим добрым делам. Как дети, изучая буквы, не их только изучают, но через них мало-помалу научаются чтению, так точно и вы. Вас уже не прельстит злой помысл и не будете говорить, что это безразлично; уже не будете произносить (клятвы) по привычке; против всего этого будете стоять мужественно, чтобы, во всем исполнив божественную добродетель, сподобиться вам и вечных благ, — по благодати и человеколюбию единородного Сына Божия, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Иосиа же нареченный Варнава от апостол, еже есть сказаемо, сын утешения, Левит, Кипрянин родом, имея село, продав принесе цену, и положи пред ногами апостол (Деян. IV, 36, 37)

1. Теперь (писатель) намеревается повествовать об Анании с Сапфирой и, желая показать, что этот человек совершил тягчайший грех, наперед упоминает о том, который поступил, как должно. И когда столь мно-

гие поступали также, когда была такая благодать, такие знамения, он (Анания) при всем этом не исправился; но, будучи однажды ослеплен любостяжанием, навлек погибель на свою голову. *Имея село,* – так сказал (писатель), выражая, что больше ничего у него и не было, – *продав принесе цену, и положи пред ногами апостол. Муж же некий Ананиа именем, с Сапфирою женою своею, продаде село, и утаи от цены, сведущей и жене его, и принес часть некую, пред ногами апостол положи* (V, 1, 2). Важно то, что грех (совершен) по согласию, и никто другой не знал о случившемся. Откуда пришло (на мысль) этому несчастному и жалкому сделать это? *Рече же Петр: Анание, почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому, и утаити от цены села* (V, 3)? Смотри – и теперь совершилось великое знамение и притом гораздо большее того прежнего. *Сущее тебе, не твое ли бе, и проданное не в твоей ли власти бяше* (ст. 4)? То есть, разве была какая-либо необходимость и принуждение? Разве мы привлекаем вас невольно? *Что яко положил еси в сердце твоем вещь сию? Не человеком солгал еси, но Богу. Слышав же Ананиа словеса сия, пад издше* (ст. 4–5). Видишь ли, чем это знамение больше (прежнего)? Тем, что (Анания) лишается жизни, и что (Петр) узнает сокровенное в мыслях и совершенное втайне. *И бысть страх велик на всех слышащих сия. Вставше же юноши взяша его, и изнесше погребоша. Бысть же яко трем часом минувшым, и жена его не ведущи бывшего вниде. Отвещав же ей Петр: рцы ми, аще на толице село отдаста* (ст. 6–8)? Он хотел спасти ее, – так как муж был виновником греха, – и потому, может быть, дает ей время к оправданию и возможность к покаянию. Поэтому и говорит: *рцы ми, аще на толице село отдаста? Она же рече: ей, на толице* (ст. 8). *Петр же рече к ней: что яко согласистася искусити Духа Святаго? Се ноги погребших мужа твоего при дверех, и изнесут тя. Паде же абие пред ногама его, и издше: вшедше же юноши обретоша ю мертву, и*

изнесше погребоша близ мужа ее. И бысть страх велик на всей церкви, и на всех слыщащих сия (ст. 9—11). После этого страшного чуда (апостолы) совершали много знамений, а что именно, послушай. *Руками же апостольскими быша знамения и чудеса в людех многа. И бяху единодушно вси в притворе Соломони; от прочих же никтоже смеяше прилеплятися им, но величаху их людие* (ст. 12, 13). Справедливо. Ведь Петр уже внушал страх, наказывая и обличая сокровенное в мыслях. К нему больше и прилеплялись, как по причине чуда, так и по причине первой, второй и третьей проповеди, — потому, что он совершил и первое чудо, и второе, и настоящее, которое мне кажется не просто одним только, но сугубым: первое — то, что он изобличил сокровенное в мыслях, а второе — то, то что повелением лишил жизни. *Паче же*, говорит, *прилагахуся верующии Господеви, множество мужей же и жен, яко и на стогны износити недужныя, и полагати на постелях и на одрех, да грядущу Петру поне сень его осенит некоего от них* (ст. 14, 15). При Христе этого не происходило, откуда и можно видеть, что теперь на деле исполнилось сказанное Им. Что же именно? *Веруяй с мя, дела, яже аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. XIV, 12). *Схождашеся же и множество от окрестных градов во Иерусалим, приносяще недужныя и страждущия от дух нечистых, иже исцелевахуся вси* (ст. 16).

Заметь, прошу, как вся жизнь их слагается из противоположностей. Так, прежде была скорбь по причине вознесения Христа, потом радость по причине сошествия Духа; опять скорбь от поносивших, потом радость от верных и от чуда; снова скорбь, когда задержали их, потом радость после оправдания. И здесь опять и радость; и скорбь. Радость, потому что прославились и от Бога получили откровения; скорбь, потому что лишили жизни своих. Снова радость оттого, что сделались известными, и снова скорбь из-за первосвященника. И это

везде можно замечать, подобно тому, как можно видеть это и на древних (святых мужах). Но обратимся к вышесказанному. Продавали, говорится, и *приношаху цены, и полагаху при ногах апостол.* Смотри, возлюбленный, как они не апостолам поручали продавать, а сами продавали и цену им отдавали. Но не так Анания: он удерживает у себя нечто от цены проданного поля, потому и наказывается, как сделавший нехорошо и обличенный в похищении своего. Это замечание касается и нынешних священников, и даже весьма сильно. А так как и жена его соглашалась на его поступок, то (апостол) подвергает суду и ее.

2. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что он поступил с ней слишком жестоко. Что говоришь ты? Какая жестокость, скажи мне? Если некто, собиравший дрова в субботу, был .побит камнями (Числ. XV, 32–36), то тем более святотатец: ведь эти деньги были уже священные. И подлинно, кто решился продать свое и отдать, а потом удержал у себя, тот святотатец. Если же взявший из своего – святотатец, то гораздо более – взявший из чужого. Поэтому не подумайте, что, если теперь не бывает этого, если наказание не следует тотчас, то будто и остается без наказания. Видишь ли, как он обвиняется в том, что, сделав свои деньги священными, потом взял их? Разве не мог ты, говорит, продав, пользоваться ими, как своими? Разве кто препятствовал тебе? Почему берешь их после того, как обещал (отдать)? Вот как с самого начала диавол действовал среди столь великих знамений: и чудес, или лучше, как тот (Анания) был ослеплен им. Подобное нечто случилось и в Ветхом Завете, когда сын Хармии уличен был в том, что похитил посвященное Богу; ты, однако, знаешь, каким наказанием окончилось и тогда это дело (Нав. VII, 1–26). Так, возлюбленный, святотатство – очень тяжко и исполнено великого неразумия. Мы, говорит, не принуж-

дали тебя ни продавать, ни отдавать деньги после продажи; ты решился на это по собственной воле. Для чего же ты украл из священных денег? *Почто*, говорит, *исполни сатана сердце* твое? А если сатана сделал это, то почему осуждается он? Он виновен в том, что воспринял действие сатаны и исполнил. Но следовало, скажут, исправить его. Нет, он не исправился бы, потому что, кто видел такие (чудеса) и не получил от них пользы, тот тем более не получил бы пользы от чего-нибудь другого. Итак, нельзя было оставить это дело без внимания, но надлежало отсечь (виновного), как гнилой член, чтобы не заразилось все тело. Теперь и он получил пользу, как не преуспевающий более во зле, и прочие сделались более ревностными; а тогда случилось бы напротив. Поэтому (апостол) сначала обличает и показывает, что это дело не укрылось от него, а потом и осуждает. Для чего, говорит, ты сделал это? Ты хотел удержать у себя? Надобно было удержать сначала и не давать обещания. А теперь, взяв после посвящения Богу, ты сделал тяжкое святотатство. Кто берет принадлежащее другим, тот берет, может быть, из желания чужого; но тебе можно было удержать свое. Для чего же ты сделал их священными и потом взял? Ты сделал это по великому неразумию. Это непростительно, неизвинительно.

Пусть же никто не соблазняется, если и теперь есть некоторые святотатцы. Если они были тогда, то тем более теперь, когда так много зол. Но обличим их перед всеми, чтобы и прочие имели страх. Иуда был святотатец, но это не соблазнило учеников. Видишь ли, сколько зол производит страсть к деньгам? *И бысть*, говорит, *страх велик* на *всех слышащих сия*. Тот был наказан, и другие получили пользу. Итак, не без цели это устрояется; прежде, хотя бывали другие чудеса, однако не было такого страха. Так истинно изречение: *знаем есть Господь судьбы творяй* (Пс. IX, 17). Так было и при кивоте: Оза был

наказан, и других объял страх. Но там устрашенный царь отринул кивот; а здесь они делаются более внимательными. Видишь: Петр не призывал ее, но ждал, пока она сама придет; и из прочих никто не осмелился рассказать о случившемся. Это – страх перед учителем, это – почтение и послушание учеников. *Трем часам минувшим* – и жена не узнала, и никто из присутствовавших не сказал об этом, хотя довольно было времени для того, чтобы разнеслась весть о том. Но они были в страхе. Об этом и писатель с изумлением говорит, что *не ведущи бывшаго вниде.* Отсюда уже можно было уразуметь, что он знал сокровенное. Почему он, не спросив никого, спрашивает вас? Не потому ли, конечно, что он знал? Но крайнее ослепление не позволило ей избавиться от осуждения, и она отвечала с великой дерзостью, думая, что говорит с (простым) человеком. Важно то, что они впали в грех по одному умыслу или как бы по некоторому соглашению. *Что яко согласистася между собою,* говорит, *искусити Духа Святого? Се ноги погребших мужа твоего при дверех, и изнесут тя.* Прежде внушает, что она согрешила, а потом показывает, что она справедливо подвергнется одинаковой участи с мужем, так как и она согрешила в том же. И как, скажешь, *паде абие пред ногама его, и издше?* Это потому, что она стояла близко. Таким образом сами они навлекли на себя наказание. Кто же не ужаснулся бы? Кто не убоялся бы апостола? Кто не удивился бы? *И бяху,* говорит, *единодушно вси в притворе Соломони.* Отсюда видно, что они пребывали не в доме, а в храме; также – что они уже не остерегались прикасаться к нечистым, но просто прикасались к мертвым. И смотри, как к своим они были строги, а в отношении к чужим не употребляли этой власти. *Паче же,* говорит, *прилагахуся верующии Господеви, множество мужей же и жен: яко и на стогны износити недужныя, и полагати на постелях и на одрех, да грядущу Петру поне сень его осенит некоего от них* (ст. 14, 15).

3. Велика вера приходивших, даже больше, чем при Христе! Отчего же это произошло? Оттого, что Христос предвозвестил, сказав: *веруяй в мя, дела, яже аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. XIV, 12). Они оставались там и не обходили (городов и весей), а между тем, все приносили к ним больных своих на постелях и одрах, и всюду они являли чудеса: на уверовавших, на исцеленных, на наказанном, в дерзновении перед теми (иудеями), в самой добродетели серьезно уверовавших, — все это происходило не от знамений только одних. Хотя они, по смирению, приписывают все не себе, говоря, что они делают это именем Христовым, но и жизнь, и добродетель их производили это. И смотри: (писатель) не говорит здесь о числе уверовавших, предоставляя судить о нем самому слушателю; так верующие возросли до бесчисленного множества. С тем вместе и воскресение (Христово) возвещалось более. *Никтоже смеяше прилеплятися им, но величаху их людие* (ст. 13). Говорит это, выражая, что они уже не были презираемы, как прежде, и что в короткое время и в одно мгновение совершено столь многое рыбарем и простым человеком.

Итак, земля была уже небом, по (их) жизни, по дерзновению, по чудесам и по всему; и они, как ангелы, были предметом удивления, потому что нисколько не взирали ни на насмешки, ни на угрозы, ни на опасности. И не поэтому только, но и потому, что, как весьма человеколюбивые и попечительные, они помогали одним деньгами, а другим — врачеванием тел. *Почто исполни сатана сердце твое!* Петр как бы оправдывает себя, приступая к наказанию его, но вместе вразумляет и прочих. Так как случившееся могло показаться весьма тяжким, то он производит страшный суд и над ним, и над его женой. И если бы он не подверг их обоих, непростительно согрешивших, такому суду, то какое отсюда не произошло бы пренебрежение к (делам) Божи-

им? А что именно потому (он так сделал), видно из того, что он не тотчас приступил к наказанию, а наперед обнаружил их грех. Потому-то никто не плакал, никто не рыдал, но все убоялись. И неудивительно, что, когда вера их распространялась, то и знамений было больше, и великий страх был между своими, — потому что не столько беспокоит нас постороннее, сколько свое. Так, если и мы будем соединены друг с другом, то никто не станет восставать против нас; а если будем разделяться друг от друга, то, наоборот, все будут нападать на нас. Оттого и они были смелы и с дерзновением выходили на торжища посреди врагов, и одерживали победу; и исполнялось сказанное: *господствуй посреде врагов твоих* (Пс. CIX, 2); тем большую силу (их) доказывало то, что они делали это, будучи задерживаемы и связываемы. Итак, если только солгавшие потерпели такое наказание, то чего не потерпят те, которые нарушают клятвы? Или лучше: если жена, сказавшая только: *ей, на толице,* подверглась такому наказанию и не избежала (его), то подумайте, какого наказания достойны вы, клянущиеся и нарушающие клятвы? Благовременно показать теперь и из Ветхого Завета тяжесть клятвопреступления. *Серп*, говорит (пророк), *летящ в широту десяти лактей* (Зах. V, 1, 2). Выражение: *летящ* означает чрезвычайную скорость наказания, следующего за клятвами; а то, что он был *десяти лактей в широту* и (двадцати) в длину, означает тяжесть и величину зол; то, что он летел с неба, значит, что определение исходит от вышнего судилища; а то, что он имел вид серпа, — неизбежность наказания. Как серп, вонзившись в шею, не прежде может быть извлечен из нее, как вместе с отсекаемой головой, так и наказание, постигающее клянущихся, бывает страшно и не прежде отступает от них, как окончив свое дело. Если же мы избегаем наказания, употребляя клятвы, то не будем на это полагаться; это

бывает к нашему же несчастью. Что вы думаете? Что многие после Анании и Сапфиры дерзали делать то же самое и не подверглись тому же наказанию? Почему, скажете вы, они не подверглись? Не потому, чтобы это прощено им было, но потому, что они соблюдаются для большего наказания.

4. Итак, много согрешающие должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказание их увеличивается от безнаказанности и долготерпения Божия. Поэтому будем смотреть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрешили ли мы? Если же грешим и не наказываемся, то нам следует трепетать еще более. Скажи мне: если бы ты имел какого-либо раба и только угрожал бы ему, а не бил его, то когда он больше боялся бы, когда убегал бы, когда решился бы на бегство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожал? Потому-то и мы внушаем не угрожать постоянно друг другу, чтобы страхом не смутить слишком душу, чтобы этим не мучить ее больше, чем ранами. В одном случае наказание бывает временное, а в другом — постоянное. Поэтому, если никто не страдает теперь от этого серпа, не смотри на то, но подумай, делаются ли такие дела? Многое и теперь делается такое, что было во времена потопа; но потопа нет, потому что предстоит геенна и мучение. Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная. Многие дерзнули сделать то же, что фараон, но не подверглись одинаковому с ним наказанию, не потоплены в Чермном море, потому что их ожидает море бездны, где наказание не будет сопровождаться бесчувствием и не окончится смертью, но где они будут мучиться, более и более подвергаясь наказанию, жжению и удушению. Многие дерзнули грешить подобно израильтянам, но змеи не угрызали их, потому что их

ожидает червь нескончаемый. Многие дерзнули делать то же, что Гиезий, но не были поражены проказой, потому что вместо проказы им предстоит быть рассеченными пополам и подвергнуться одной участи с лицемерами (Мф. XXIV, 51). Многие клялись и нарушали клятвы, но; если они и избежали (наказания), не будем полагаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов. Да и здесь, может быть, они испытают и не избегнут (наказания), если не тотчас, то при других грехах, так что наказание будет более тяжким. И мы ведь часто, по поводу малых (проступков), воздаем вполне и за великие. Итак, когда заметишь, что с тобой случилось что-нибудь, вспомни этот грех свой. Так именно было с сыновьями Иакова. Помните братьев Иосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это от них зависело; обманули и опечалили старца, – и ничего не потерпели. Но, спустя много лет, они подверглись крайней опасности и вспомнили об этом грехе. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорят: *ей, во гресех бо есмы брата ради нашего* (Быт. XLII, 21). Так точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грехе, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частые клятвы и клятвопреступления пали на мою голову. Таким образом исповедуйся, потому что и они исповедались и спаслись. Что из того, если не тотчас постигает наказание? Ведь и Ахав за Навуфея также не тотчас по преступлении потерпел то, что после испытал. Для чего же это бывает? Бог дает тебе время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Он посылает, наконец, наказание. Видели вы, что потерпели солгавшие? Отсюда поймите, чему подвергнутся и нарушающие клятвы, поймите и перестаньте. Кто клянется, тот не может не нарушать клятвы волей или неволей; а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы

может сделать все и навлечь на нас всецелое наказание. Поэтому, умоляю вас, будем внимательны к самим себе, чтобы, избегнув наказания здесь, удостоиться милости от Бога, по благодати и щедротам единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Востав же архиерей и вси, иже с ним, сущая ересь саддукейская, исполнишася зависти и возложиша руки своя на апостолы и послаша их в соблюдение общее (Деян. V, 17, 18)

1. Нет ничего бесстыднее и дерзостнее злобы. По опыту узнав мужество апостолов из того, что сделали с ними прежде, (архиерей и саддукеи), несмотря на то, опять нападают и все вместе восстают на них. Что значит: *востав же архиерей и вси, иже с ним!* Значит: восстал против них, будучи возбужден случившимся. *И возложиша руки своя на апостолы и послаша их в соблюдение общее.* Теперь сильнее нападают на них; впрочем, не тотчас подвергли их суду, ожидая, что они станут более спокойными. Из чего видно, что нападали на них сильнее? Из того, что послали их в общественную темницу. Апостолы снова подвергаются опасностям, и снова получают помощь от Бога; а каким образом — послушай далее: *ангел же Господень нощию отверзе двери темницы, извед же их, рече: идите и ставше глаголите в церкви людем вся глаголы, жизни сея* (ст. 19, 20). Это совершилось и в утешение их (апостолов), и в пользу и назидание тех (иудеев). И смотри, — что бывало при Христе, то совершалось и теперь. Самого совершения чудес Он, конечно, не попускает видеть им (иудеям), а то, из чего они могли бы удостовериться, предоставляет им. Например, при вос-

кресении Своем Он не попустил им видеть, как Он воскрес, потому что они были недостойны видеть воскресение, но показывает это делами Своими. Также и во время претворения воды в вино возлежавшие за столом не видели, потому что были упоены вином, и судить о том Он предоставляет другим. Так именно и здесь. Как были выводимы апостолы, они не видят; а доказательства, которыми могли удостовериться в случившемся, они увидели. Почему же (ангел) вывел их ночью? Потому, что в таком случае им могли поверить более, нежели в другом; в другом случае не стали бы и спрашивать их об этом; да тогда и сами они не поверили бы. Так было и в древние времена, например, при Навуходоносоре. Он увидел отроков в печи восхвалявших Бога, и тогда изумился (Дан. III, 91). Поэтому и саддукеям надлежало сначала спросить апостолов: как вы вышли? – а они, как будто ничего не было, обращаются к апостолам с таким вопросом: *не запрещением ли запретихом вам не учити* (ст. 28)? Смотри, как о всем они узнают от других, – (от тех, которые) видели темницу тщательно запертой и стражу стоящую перед дверьми. *Слышавше же, внидоша по утреннице в церковь и учаху. Пришед же архиерей и иже с ним, созваша собор и вся старцы от сынов Исраилевых, и послаша во узилище привести их. Слуги же шедше не обретоша их в темнице: возвращшежеся возвестиша, глаголюще, яко темницу убо обретохом заключену со всяким утверждением и блюстители стоящие пред дверми, отверзше же внутрь ни единаго обретохом* (ст. 21–23). Двоякое было ограждение, как при гробе (Христовом), – печать и люди. Смотри, как они враждовали против Бога! Скажите мне: свойственно ли людям то, что случилось с ними? Кто провел их сквозь запертые двери? Как прошли они при стоящих перед дверьми стражах? Подлинно, слова их – (слова) безумных и упившихся вином. Тех, кого не удержали ни темница, ни узы, ни запертые двери, тех они

надеялись преодолеть, поступая подобно неразумным детям. Сами слуги их по этому поводу приходят и рассказывают о случившемся, чтобы опровергнуть всякое их оправдание. Видишь ли различные знамения за знамениями, одни происходящие от них (апостолов), другие имеющие отношения к ним, – последние даже более славные? Хорошо и то, что не вдруг было донесено об этом начальникам (иудейским); но сперва они были в недоумении, для того, чтобы, узнав все, уразумели действие силы божественной. *Якоже слышаша словеса сия архиерей же и воевода церковный и первосвященницы, недоумевахуся о них, что убо будет сие. Пришед же некто возвести им, глаголя, яко се мужие, ихже всадисте в темницу, суть в церкви стояще и учаще люди. Тогда шед воевода со слугами приведе их не с нуждею: бояхуся бо людей, да не камением побиют их* (ст. 24–26). О, безумие! *Бояхуся*, говорится, *людей*. Что пользы приносил им народ? Надлежало бояться Бога, Который постоянно исторгает из рук их апостолов, как птенцов; а они более боятся народа. *И вопроси их архиерей, глаголя: не запрещением ли запретихом вам не учити о имени сем? И се исполнисте Иерусалим учением вашим, и хощете навести на ны кровь человека сего* (ст. 27, 28). Что же апостолы? Они опять беседуют с теми кротко, хотя могли бы сказать: «кто вы, повелевающие вопреки Богу?» Но они что? Опять в виде увещания и совета и весьма скромно отвечают: *отвещав же Петр и апостоли реша: повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (ст. 29). Великое любомудрие (в словах их) и такое, что отсюда обнаруживается и вражда тех против Бога. *Бог отец наших воздвиже Иисуса, егоже вы убисте повесивше на древе. Сего Бог Началника и Спаса возвыси десницею* своего *дати покаяние Исраилеви и оставление грехов* (ст. 30, 31). *Егоже вы убисте*, говорит, *Бог воздвиже*. И смотри, как они опять все относят к Отцу, чтобы Сын не считался чуждым Отцу. *И возвыси*,

говорит, *десницею своею.* Этим указывается не на одно только воскресение, но и на возвышение, то есть на вознесение. *Дати покаяние Исраилеви.*

2. Вот и еще приобретение, еще учение, высказанное в виде защиты! *И мы, есмы того свидетели глагол сих.* Какое великое дерзновение! Затем для большей достоверности слов своих (Петр) прибавил: и *Дух Святый, егоже даде Бог повинующимся ему* (ст. 32). Видишь, как апостолы представляют в свидетели не себя только, но и Духа? Они не сказали: *егоже даде* нам, но: *повинующимся,* и свое являя смирение, и показывая величие Духа, и выражая, что и тем (иудеям) можно получить Его. Заметь, как они были поучаемы и делами и словами, но не внимали; за то и постигнет их праведное осуждение. Бог для того и попустил вести апостолов на суд, чтобы и те получили назидание, если бы захотели научиться, и апостолы явили дерзновение. *Они же слышавше распынихуся, и совещаша убити их* (ст. 33). Заметь крайнюю их злобу! Надлежало ужаснуться того, что они услышали; а они *распыхахуся и совещаша* без всякой вины *убити.* Впрочем, нужно повторить прочитанное выше: *ангел же Господень нощию отверзе двери темницы, извед же их рече: идите* и *ставше глаголите в церкви людем вся глаголы жизни сея* (ст. 19, 20). *Извед;* не сам он отводит их, но отпускает; так и из этого открывается неустрашимость их, что они сами ночью вошли в храм и учили. Когда бы их выпустили стражи, как те думали, то они, если бы только согласились выйти, обратились бы в бегство, а когда бы те их изгнали, то они не явились бы в храм, а удалились бы. Это понятно для всякого здравомыслящего. *Не запрещением ли,* говорят, *запретихом вам?* Так; если они дали слово послушаться вас, то вы справедливо обвиняете; если же они еще прежде отказались от этого, то излишни обвинения, излишни и запрещения. Вот непоследовательность и крайняя бессмысленность об-

винений! Далее апостолы хотят показать убийственные намерения иудеев, действовавших здесь не за правду, но желавших отомстить за себя. Потому и отвечают им не резко, – ведь они были учители, – хотя иной, привлекши на свою сторону весь город и получив такую благодать, чего не сказал бы и не выказал ли бы слишком многого? Но апостолы не так; они не гневались, но сожалели и плакали об них, и имели в виду, как бы отклонить их от заблуждения и ярости. Они даже не говорят им: сами судите (Деян. IV, 19); но так говорят: *его же* Бог *воздвиже,* выражая этим, что все это происходит по воле Божией. Не сказали: не говорили ль мы вам прежде: *не можем, яже видехом и слышахом не глаголати* (Деян. IV, 20)? – потому что они не тщеславны; но опять говорят об одном и том же, о кресте, о воскресении. Впрочем, они не говорят, почему (Христос) распят, – то есть, что распят за нас; но (только) намекают на это, и притом еще неясно, желая возбудить в них страх. Скажи мне, есть ли здесь сколько-нибудь искусственного красноречия? Нисколько! Так без приготовления они возвещали евангелие жизни! Сказав: *возвыси,* (Петр) говорит и о том, с какой целью (это сделано); *дати покаяние,* прибавляет, *Исраилеви и оставление грехов.* Но скажут: это казалось еще невероятным. Что ты говоришь? Как невероятно то, чему не могли противоречить ни начальники, ни народ, и отчего одним заграждались уста, а другие получали назидание? *И мы,* говорит, *свидетели глагол сих.* Чего? Того, что (Христос) возвестил отпущение и покаяние, так как воскресение (Его) уже признано было несомненным. А что Он дарует отпущение, тому свидетели мы и Дух Святой, который не снизошел бы, если бы не были сначала отпущены грехи, так что это несомненный знак. Ты же, окаянный, слышишь об отпущении грехов и о том, что (Христос) не требует тебя на суд, и хочешь умертвить

(проповедников)? Не есть ли это дело величайшей злобы? Нужно было или обличить их, если они говорили неправду, или поверить им, если нельзя (обличить); если же не было желания уверовать, то (по крайней мере) не умерщвлять. За что в самом деле было умерщвлять их? Но они (иудеи) от ярости даже и не разобрали дела. Смотри, как здесь (апостолы), упомянув о злодеянии (иудеев), говорят об отпущении, показывая тем, что совершенное ими достойно смерти, но даруемое подается им, как раскаивающимся. Да и как иначе можно было кому-нибудь убедить их, если не сказав, что они еще могут исправиться? А какова злоба! Они возбуждают против апостолов саддукеев, которые особенно заблуждались касательно воскресения. Но злоба нисколько не принесла им пользы. Однако, может быть, кто-нибудь скажет: какой человек, пользуясь тем, что (имели) апостолы, не сделался бы великим? Но заметь, прежде, нежели они получили благодать, как они единодушно пребывали в молитве и возлагали надежду на силу свыше! И ты, возлюбленный, надеешься получить царствие небесное; но имеешь ли терпение? И ты получил Духа; но испытываешь ли то же и подвергаешься ли тем же опасностям? Они раньше, чем успокоились от прежних бедствий, снова подверглись другим. И то самое, что они не возгордились, не тщеславились — как прекрасно! А что говорили с кротостью — не есть ли это весьма полезное дело? Подлинно, не все это было делом благодати, но здесь много видно и их собственного усердия. Ведь и то, что в них сеяли дары благодати, было плодом их ревности.

3. Посмотри и в самом начале, как был попечителен Петр, как он бодрствовал и заботился, как верующие оставляли имения, ничего не имели собственного, пребывали в молитве, проявляли единомыслие, постились. Скажи мне: это было действием какой бла-

годати? Оттого-то и произошло, что обличили их (иудеев) сами их слуги, которые, как при Христе посланные говорили: *николиже тако есть глаголал человек, яко сей человек* (Ин. VII, 46), тоже возвратившись, возвестили, что видели. Заметь также здесь кротость апостолов, как они не противоречат, – и притворство первосвященника. Он говорит им с видом скромности, как будто чего боится, и готов скорее воспретить, нежели умертвить, так как этого он и не мог сделать. А между тем возбуждает всех и представляет им как бы крайнюю опасность: *хощете*, говорит, *навести на ны кровь человека сего* (ст. 28). Ужели еще он кажется тебе (простым) человеком? Сказал это потому, что считал необходимым сделать им побуждение. А Петр, посмотри, что говорит: *сего Бог Началника и Спаса возвыси десницею своею дати покаяние Исраилеви и оставление грехов* (ст. 31). Он здесь умалчивает о язычниках, чтобы не подать повода (к умерщвлению). *И совещаша*, говорит (писатель), *убити их* (ст. 33). Заметь: они опять в недоумении и в печали, а те (апостолы) спокойны, благодушествуют и радуются. И не просто были печальны, но *распыхахуся*. Это значит: худо себя чувствовать и покушаться на зло, – как можно видеть и здесь. Апостолы были в узах, предстояли перед судилищем, а судьи были в недоумении и великом затруднении. И как бьющий по алмазу сам себе наносит удар, точно так и они. Они видели, что не только не уменьшается дерзновение апостолов, но что проповедь еще более усиливается, что они неустрашимы в слове, и между тем не подают никакого повода (к умерщвлению их). Будем, возлюбленные, подражать им и мы, будем неустрашимы при всех бедствиях. Нет ничего ужасного для того, кто боится Бога, но для не боящихся есть бедствия. Кто через добродетель становится выше страстей и на временные блага смотрит, как на тень, тот от чего потерпит бедствие? Чего будет бояться? Или что

станет считать бедствием? Прибегнем же и мы к этой непоколебимой скале! Если бы кто-нибудь устроил для нас город и оградил его стеной, или лучше — если бы поселил нас на такую землю, где никто нас не беспокоил бы, и там доставлял бы нам изобилие во всем так, чтобы нам не нужно было ни с кем иметь никакого дела, то и он не дал бы нам такого спокойствия, какое ныне Христос. Пусть будет, если тебе угодно, этот город медный, огражденный со всех сторон твердой и неразрушимой стеной; пусть никто из неприятелей не нападает на него; пусть он будет иметь землю богатую и тучную, изобиловать и всеми остальными благами; пусть граждане его будут кротки и ласковы, и ни одного в нем злодея, ни вора, ни хищника, ни клеветника, ни судилища, но одни простые и мирные отношения, но в этом городе жили бы мы: и тогда мы не могли бы жить спокойно. Отчего? Оттого, что по необходимости возникнут у нас разногласия с прислугой, с женой, с детьми, и будут причиной многих неприятностей. Но здесь не было ничего такого; не было никакой причины к печали и неприятностям.

Но, что удивительно, — то самое, что, кажется, причиняет неприятности, было (для апостолов) источником всякой радости и веселья. Скажи мне: о чем им было печалиться, о чем скорбеть? Хочешь — представим кого-нибудь для сравнения. Пусть кто-нибудь из вельмож обладает большим богатством, живет в столице, никаких не имеет хлопот, только веселится, только в этом проводит время, и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставим ему Петра в узах и, если угодно, среди бесчисленных бедствий: и тогда мы найдем, что (Петр) имеет больше радости, — потому что если от избытка радости он и в узах радуется, то представь, как велика радость! Как облеченные великой властью не чувствуют бедствий,

сколько бы их ни случилось, но продолжают радоваться, – так и апостолы по причине самих бедствий еще более радовались. Нельзя, поистине нельзя выразить словом того удовольствия, какое случается испытывать страждущим за Христа. Они радуются более среди бедствий, нежели во время благоденствия. Если кто возлюбил Христа, – тот понимает, что я говорю. Но что? Могли ли они для собственной безопасности избегать бедствий? Кто, скажи мне, и владея несметным богатством, мог бы избежать великих опасностей, имея дело со столь многими народами для преобразования государства? А они все совершали, как будто по царскому повелению, а лучше сказать, даже гораздо удобнее. Ведь не столько (сделало бы) царское повеление, сколько сделали все их слова, потому что царское повеление налагает необходимость (повиноваться), а они (обращали) людей по их желанию, по доброй их воле и по чувству великой благодарности. Какой царский указ убедил бы отказаться от всего имения и самой жизни, оставить дом, отечество, родных и собственную безопасность? А внушения рыбарей и скинотворцев произвели это, и оттого они радовались, были могущественнее и сильнее всех. Да, скажут, оттого, что они творили знамения. Но уверовавшие в числе трех и пяти тысяч, скажи мне, какие творили знамения, а между тем и они жили в великой радости? Точно так, и это потому, что уничтожена была причина всех неприятностей – владение имуществом; а оно-то, оно бывает виной войн, несогласия, скорби, печали и всех зол; оно делает жизнь тягостной и более прискорбной. И гораздо больше причин к неприятностям найдешь у богатых, нежели у бедных. Если кому кажется это неверным, то лишь по его мнению, а не по существу дела. Если же и богатые имеют некоторые удовольствия, то и это нисколько неудивительно, потому что и пораженные че-

соткой ощущают великое удовольствие. Богатые нисколько не отличаются от них, и душа их такова же, как видно из следующего: их мучают заботы, и однако они охотно предаются им из-за временного удовольствия. Но те, которые избавились от забот, здравствуют и благодушествуют.

4. Что приятнее, скажи мне, что безопаснее: заботиться ли об одном хлебе и одежде, или о множестве рабов и свободных, о себе же не заботиться? Как тот печется о себе самом, так и ты — обо всем, что навлек на свою голову. Отчего же, скажут, избегают бедности? Оттого же, отчего многие удаляются и прочих благ, — не потому, чтобы эти блага сами по себе были достойны отвержения, а потому, что на опыте они представляются трудными. Так и бедность не сама по себе отвергается, но потому, что трудна на опыте, так что, если кто может ее перенести, тот не откажется от нее. Почему не гнушались ее апостолы? Почему многие избирают ее и не только не гнушаются, но еще и прибегают к ней? Ведь то, что поистине достойно отвержения, не избирается, исключая одних безумных.

Если же из людей любомудрые и высокие прибегают к ней, как к некоему безопасному и безболезненному убежищу, то вовсе неудивительно, что прочим она не кажется такой. Богатый, по моему мнению, есть не что иное, как город, не огражденный стенами, построенный в поле и со всех сторон привлекающий к себе неприятелей; а бедность есть безопасная крепость, огражденная большой медной стеной и недоступная. Но бывает, скажут, совсем напротив, потому что бедных часто влекут в судилище, их обижают и подвергают тяжким бедствиям. Нет, не просто бедных, но бедных, желающих быть богатыми. Да я не о них и говорю, а о тех, которые хотят жить в бедности. Скажи мне, отчего никто не влечет в судилище живущих в горах? Если

бедность притеснять легко, то всего скорее надлежало бы предавать суду их, насколько они всех беднее. Отчего никто не влечет в судилище нищих? Отчего никто не притесняет их и не клевещет? Не оттого ли, что они находятся в более безопасном месте? А как многим это кажется невыносимым, то есть быть в бедности и просить милостыню! В самом деле, скажи мне, хорошо ли просить милостыню? Хорошо еще, если есть люди сострадательные и милосердые, если есть, кто бы стал подавать. Всякий знает, что такая жизнь чужда забот и безопасна. Впрочем, я не это хвалю, – да не будет! – но убеждаю не добиваться богатства. Скажи мне в самом деле, кого я назову более блаженными: тех ли, кто близок к добродетели, или тех, кто далек от нее? Без сомнения, близких. Но кто из них способнее усвоить что-либо полезное и отличаться любомудрием, – тот, или этот? Всякому ясно, что тот. Если же не веришь, то послушай. Пусть приведут с площади кого-нибудь из нищих, и пусть он будет слеп, хром, увечен; а другой кто-либо пусть будет красив на вид, крепок телом и вполне здоров, богат, знатен по происхождению и с великой властью. Приведем их в училище любомудрия и посмотрим, кто из них лучше усвоит предметы учения? Предложим первую заповедь: будь *кроток* и *смирен*, так повелел Христос (Мф. XI, 29). Кто из них будет в состоянии лучше выполнить это, тот или этот? *Блажени плачущии.* Кто будет более внимателен к этому изречению? *Блажени кротцыи.* Кто лучше выслушает? *Блажени чистии сердцем, блажени алчущии и жаждущии правды, блажени изгнани правды ради* (Мф. V, 4–11). Кто из них скорее примет все это? И если хочешь, приложим все это к каждому из них. Не всегда ли гордится и надмевается один из них; а другой, напротив, не всегда ли бывает кроток и смиренномудр? Конечно, так. У внешних (язычников) есть на этот предмет такое изречение:

Эпиктет – раб, по телу увечен, по бедности Ир, но друг (богов) бессмертных*. Таков бедный; но душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного. Очевидно, что душа первого способнее к любомудрию, нежели последнего. Но вы хотите узнать, что приятнее; о том именно, как я вижу, многие заботятся, какая жизнь приятнее? И в этом не должно быть сомнения; кто здоровее, тот и (живет) в большем удовольствии. А кто, скажи мне, более способен к исполнению правила, которое я хочу внушить, то есть закона о клятве, бедный или богатый? Кто скорее будет клясться, тот ли, кто гневается на слуг, имеет сношение с бесчисленным множеством (людей), или кто просит только о хлебе или одной одежде? Последний даже не имеет и нужды в клятвах, если захочет, но всю жизнь проводит без забот. Или лучше сказать: всякий, научившийся не клясться, часто будет презирать и богатство и может увидеть как от этого блага открываются все пути к добродетели, – все, ведущие к кротости, к презрению богатства, к благочестию, к спокойствию души, к сокрушению.

Поэтому не будем беспечны, возлюбленные, но снова приложим большое усердие: исправившиеся – к тому, чтобы сохранить себя исправными, чтобы как-нибудь не отступить и не возвратиться вспять; а остающиеся еще позади – чтобы восстать и постараться восполнить недостающее. Между тем исправившиеся, простирая руки к еще не достигшим этого, как бы к плавающим в море, пусть примут их в пристань, чуждую клятв. Не клясться – это пристань поистине безопасная, пристань, в которой не утопают от поднимающихся ветров.

* Эпиктет – греческий философ. Ир – собственное имя нищего у Гомера.

Хотя бы вспыхнул гнев, вражда, ненависть, или что-нибудь подобное, душа остается в безопасности, так что не произнесет ничего такого, чего не должно произносить, потому что она не подчинила себя ни нужде, ни закону. Посмотри, что сделал из-за клятвы Ирод: он отсек главу Предтечи. *Клятвы ради*, говорит (Писание), *и за возлежающих с ним не восхоте отрещи ей* (Мк. VI, 26). Что претерпели колена (израильские) из-за клятвы касательно колена Вениаминова (Суд. XXI, 1–10)? Что потерпел из-за клятвы Саул (2 Цар. XXI, 2)? Он нарушил клятву, а Ирод совершил дело хуже клятвопреступления – убийство. Ты знаешь также, что потерпел Иисус (Навин) из-за клятвы касательно гаваонитян (Нав. IX, 15). Клятва, поистине, есть сеть сатанинская. Расторгнем же эти узы и устроим себя так, чтобы нам легко было воздерживаться от нее. Освободимся от этой сети сатанинской; убоимся заповеди Господа, приучим себя к лучшему, чтобы, простираясь вперед и исполнив эту и прочие заповеди, нам сподобиться благ, обещанных любящим Его, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Востав же некий на сонмищи фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, честен всем людем, повеле вне мало что человеком быти (Деян. V, 34)

1. Этот Гамалиил был учителем Павла и достойно удивления, как он, будучи так благоразумен и, притом, законоучитель, еще не уверовал. Не может быть, чтобы он остался совершенно неверовавшим, как видно и из слов его, в которых он предлагает свой совет. *Повеле*, говорит (писатель), *вне мало что человеком творити.* По-

смотри и на благоразумие его речи, и на то, как он тотчас привел их в страх. Чтобы не навлечь на себя подозрения в согласии с теми (апостолами), он обращается как бы к единомыслящим с ним, и выражается не слишком резко, но говорит им, как бы опьяневшим от ярости, так: *мужие Исраилтяне, внимайте себе о человецех сих, что хощете сотворити* (ст. 35). Не поступайте, говорит, просто и как попало. *Пред сими бо денми воста Февда, глаголя быти велика некоего себе, ему же прилепишася числом мужей яко четыреста, иже убиен бысть, и вси, елицы повинушася ему, разыдошася и быша ни во чтоже* (ст. 36). Вразумляет их примерами, — именно, чтобы успокоить их, указывает на (человека), увлекшего за собой очень многих. Прежде указания на примеры, он говорит: *внимайте себе;* а после указания выражает свое мнение так: *и ныне глаголю вам, отступите от человек сих. Посем воста Иуда Галилеанин во дни написания, и отвлече люди доволны в след себе, и той погибе, и вси, елицы послушаша его, рассыпашася. И ныне глаголю вам: отступите от человек сих и оставите их: яко аще будет от человек совет сей или дело сие, разорится, аще ли же от Бога есть, не можете разорити то* (37—39). Как бы так говорил: погодите; если и эти явились сами по себе, то ничто не помешает и им рассеяться. *Да не како и богоборцы обрящетеся* (ст. 39). Отклоняет их и невозможностью, и бесполезностью. Не сказал, кем те были истреблены, о просто: *рассыпашася,* может быть, считая излишним (говорить о том). А последующими словами научает их: если это дело человеческое, то не будет нужды вам беспокоиться, а если Божие, то и при всех усилиях вы не в состоянии будете преодолеть. Речь его показалась разумной, так что они послушались и (решились) не убивать апостолов, а только подвергнуть бичеванию. *Послушаша же его*, говорит (писатель), *и призвавше апостолы, бивше запретиша им·не глаголати о имени Иисусове, и отпустиша их* (ст. 40). Смотри,

после каких чудес они подвергаются бичеванию. Но, несмотря на то, проповедь их еще с большей силой продолжалась, и они учили и дома, и в храме. *Они же убо идяху радующеся от лица собора, яко за имя* Христа *сподобишася безчестие прияти. Но вся же дни в церкви и в домах не престаяху учаще и благовествующе Иисуса Христа* (ст. 41, 42). *Во днех же сих умножившимся учеником бысть роптание Еллинов ко Евреом, яко презираеми бываху во вседневнем служении вдовицы их* (VI, 1). Не в те именно дни, о которых говорится (выше), но, как обыкновенно употребляется в Писании, об имевшемся случиться впоследствии времени (писатель) говорит, как бы о происходившем тогда же; потому он так и выразился. Эллинами, я думаю, он называет тех, которые говорили по-эллински, потому что тогда и евреи говорили по-эллински. Вот и еще искушение; или лучше сказать, если захочешь вникнуть, то и ты увидишь, что с самого начала (у них) была борьба и изнутри, и отвне. *Призвавше же дванадесять множество ученик, реша: неугодно есть нам, оставльшым слово Божие, служити трапезам* (ст. 2). Справедливо; необходимому нужно предпочитать более необходимое. Но смотри, как они тотчас же и об этом прилагают попечение, и проповеди не оставляют. А как они были достопочтеннее (других), то поэтому и получают высшее назначение. *Усмотрите убо, братие, мужи от вас свидетельствованы седмь, исполнены Духа Свята и премудрости, ихже поставим над службою сею: мы же в молитве и служении слова пребудем. И угодно бысть слово сие пред всем народом, и избраша Стефана, мужа исполнена веры и Духа Свята* (ст. 3—5). Так и эти исполнены были веры, — которых и избрали, чтобы не случилось того же, что было с Иудой, с Ананией и Сапфирой. *И Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая пришелца антиохийскаго: ихже поставиша пред апостолы и помолившеся возложиша на ня руце. И слово Божие растяше*

и множашеся число ученик во Иерусалиме зело: многжe народ священников послушаху веры (ст. 5—7). Но обратимся к вышесказанному. *Мужие, внимайте себе.* Посмотри, прошу, с какой кротостью здесь говорит Гамалиил и как кратко выражается перед ними; и не представляет древних примеров, хотя и имел их, но указывает на недавние, которые могли убедить особенно сильно. Потому и прикровенно выражается так: *пред сими бо денми,* как бы говоря: за несколько дней. Если бы он прямо сказал: отпустите этих людей, то и на себя навлек бы подозрение, и речь его не имела бы такой силы; а при помощи примеров она получила надлежащую силу. Для того он и вспоминает не один пример, а и другой, хотя мог бы привести и третий, обилием их показывая и справедливость своих слов, и их отклоняя от убийственного намерения. *Отступите от человек сих.*

2. Смотри, как он кроток. Он говорит не длинную речь, но краткую; и о тех (примерах) упоминает не с гневом: *и вси, елицы послушаша* его, *разсыпашася.* Говоря это, он вовсе не произносит хулы на Христа, но достигает того, чего преимущественно желает. *Аще будет,* говорит, *от человек, разорится.* Здесь, кажется мне, он предлагает им следующее умозаключение: если же не разорится, то, значит, это дело не человеческое. *Да не како и богоборцы обрящетеся.* Сказал это с тем, чтобы удержать их и невозможностью и бесполезностью. *Аще же от Бога есть, не можете разорити то.* Он не сказал: если Христос есть Бог, потому что самое дело доказывало это, не утверждал и того, что это дело не человеческое или что оно Божеское; но убедить их в этом предоставил будущему времени, и убедил. Если же он убедил их, то скажут, для чего они подвергли апостолов бичеванию? Неопровержимой справедливости слов его они не могли воспротивиться; но, несмотря на то, удовлетворили свою ярость; и, кроме того, опять надеялись

таким образом устрашить (апостолов). К большему убеждению их ему способствовало и то, что он говорил это в отсутствии апостолов; и сладость его слов, и справедливость говоримого убеждали их. Он почти был для них проповедником евангелия; или лучше сказать, как бы обращается к ним с таким рассуждением: вы убедились, что вы не в силах разорить, – почему же вы не уверовали? Их проповедь так велика, что (получает) свидетельство и от врагов. Там восстали четыреста человек и затем много народа, а здесь первоначально было только двенадцать; следовательно, вам не нужно страшиться многочисленности, нападающей на вас. *Аще убо от человек дело сие, разорится.* Он мог бы указать еще на другого египетского (возмутителя); но об этом говорить было бы уже излишне. Видел ли ты, как он в заключение речи своей устрашил их? Для того он и не высказывает своего мнения прямо, чтобы не показаться защитником апостолов; но выводит заключение из последствий дела. Он не решился прямо сказать, что это дело человеческое, или что оно от Бога; если бы он сказал, что оно от Бога, то они стали бы противоречить; а если бы (сказал, что оно) человеческое, то они тотчас бы восстали снова. Поэтому он советует им дождаться конца, сказав: *отступите.* А они опять угрожают апостолам, хотя и зная, что нисколько не будут иметь успеха, но все же настаивая на своем. Такова злоба: она часто домогается невозможного. *Посем воста Иуда.* Об этом подробнее можете узнать из книг Иосифа (Флавия), который обстоятельно излагает историю этих событий*. Видел ли ты, какое Гамалиил имел дерзновение, когда сказал, что это *от Бога,* так как из самых дел убедил их в этом уже после? Действительно, велико дерзновение, велико беспристрастие! *Послушаша же его,*

---

* Иудейская древняя книга 18, гл. 1, и книга 20, гл. 2.

говорит (писатель), и *призвавше апостолы, бивше отпустиша их.* Они устыдились мнения советника и потому оставляют намерение умертвить апостолов, только подвергнув бичеванию, отпускают их. *Они же убо идяху радующеся от лица собора, яко за имя* Христа *сподобишася безчестие прияти* (ст. 41). Каких знамений это неудивительнее! Ничего такого не было с древними, хотя и Иеремия за слово Божие подвергался бичеванию, и Илии угрожали, и прочим; между тем, здесь и этим самым, а не одними только знамениями, они являли силу Божию. Не сказал (писатель), что они не скорбели, но что, и скорбя, они радовались. Откуда это видно? Из последующего их дерзновения, потому что и после бичевания они непрестанно проповедовали. Свидетельствуя об этом, (писатель) говорит: *в церкви и в домах не престаяху учаще и благовествующе Иисуса Христа* (ст. 42). *Во днех же сих.* В каких? Когда это происходило, то есть, когда их бичевали, им угрожали и когда увеличивалось число учеников, тогда *бысть роптание* (VI, 1). Быть может, оно возникло по причине множества (учеников), потому что в таком случае не может не быть затруднения. *Мног же народ священников послушаху веры* (ст. 7). Этим намекает и указывает на то, что и из тех, кто были виновниками смерти Христовой, многие уверовали.

Бысть, говорит, *роптание, яко презираеми бываху во вседневным служении вдовицы их* (ст. 1). Следовательно, для вдовиц было ежедневное служение. И смотри, как он называет это служением, а не просто милостыней, возвышая через то и подающих, и приемлющих. Это (небрежение о вдовицах) происходило не от недоброжелательства, но, вероятно, от невнимательности по причине многолюдства. Потому это и поставлено было на вид, — а зло было немаловажное, — чтобы тотчас же исправить его. Видишь ли, как и в начале были неприятности не только отвне, но и внутри? Но ты смот-

ри не на то только, что это исправлено, но и на то, что это было великое зло. *Усмотрите, братие, мужи от вас седмъ* (ст. 3). Не по собственному усмотрению они поступают, но сначала оправдывают себя перед народом. Так и теперь надлежало бы поступать. *Не угодно есть*, говорят, *нам оставлшым слово Божие служити трапезам* (ст. 2). Сперва писатель указывает на несовместимость (этих обязанностей) и разъясняет, что невозможно ревностно выполнять то и другое вместе. Ведь и тогда, когда они приступали к рукоположению Матфия, сперва указали на необходимость этого дела, потому что одного недоставало, а надлежало быть двенадцати. Так и здесь они выяснили необходимость. Впрочем, не прежде сделали это, как выждав, пока возник ропот; после же того уже не медлили, чтобы он не усилился.

3. Смотри, они представляют дело на суд их, а сами предуказывают, чтобы это были (мужи) угодные всем и одобряемые всеми. Когда нужно было избрать Матфия, тогда говорили: *подобает от сходившихся с нами мужей во всяко лето* (Деян. I, 21); но здесь не так, потому что и дело было не таково. Поэтому они и не предоставляют избрания жребию, и сами не совершают его, хотя они, движимые Духом, и могли бы избрать; но настаивают на том более, что окажется по свидетельству народа. Определить число и рукоположить, когда была такая нужда, было их дело; но избрать мужей (достойных) они предоставляют всем, чтобы не навлечь на себя подозрения в лицеприятии. Так и Бог повелел Моисею избрать старейшин, кого он знал. Для подобных распоряжений требуется много мудрости. Не подумайте, чтобы, кому не вверено было слово (учения), тому не нужна была и мудрость; нет, нужна была, и великая. *Мы же*, говорит, *в молитве и служении слова пребудем* (ст. 4). И в начале и в конце речи они, оправдывают себя. *Пребудем*, говорят. Так нужно было (в этих делах поступать),

не просто и не как случилось, но постоянно пребывать. *И угодно бысть*, говорит (писатель), *слово сие пред всем народом* (ст. 5). Это достойно их мудрости; все одобрили сказанное: так оно было разумно! *И избраша*, говорит, — и здесь все избирают, — *Стефана, мужа исполнена веры* и *Духа Свята, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая, пришелца антиохийскаго: ихже поставиша пред апостолы и помолившеся возложиша на ня руце*, (ст. 5–6). Отсюда видно, что они отделили избранных от народа, и сами привели их, а не апостолы. Заметь, как писатель не говорит ничего лишнего; он не объясняет, каким образом; но просто говорит, что они рукоположены были молитвой, потому что так совершается рукоположение. Возлагается рука на человека; но все совершает Бог, и Его десница касается головы рукополагаемого, если рукоположение совершается, как должно. *И слово*, говорит, *Божие растяше* и *множашеся число ученик* (ст. 7). Не без намерения он прибавил это, но чтобы показать, как велика сила благотворительности и распорядительности. Затем, намереваясь приступить к повествованию о происходившем со Стефаном, он наперед представляет причины того. *Мне же*, говорит, *народ священников послушаху веры*. Они видели, что то, о чем предлагал им свое мнение начальник и учитель, они испытывают уже на самом деле. И достойно удивления, как народ не разделился при избрании тех мужей, и как не были уничижены пред ними апостолы.

А какой именно сан имели они и какое получили рукоположение, это необходимо рассмотреть. Не диаконское ли? Но эти распоряжения в церквах предоставляются не диаконам, а пресвитерам; притом, тогда не было еще ни одного епископа, а только апостолы. Потому, кажется мне, наименования диаконов и пресвитеров тогда не различались ясно и точно. По крайней мере, они были рукоположены на это (служение) и не

просто были назначены, но о них молились, чтобы им была сообщена сила (благодати). Заметь, прошу, если нужны были для этого семь мужей, то как умножилось их имущество, как много было вдов! И молитвы совершались не просто, но с великим тщанием: потому-то и это дело, подобно проповеди, имело такой успех, так как в очень многом они успевали молитвами. Таким образом им сообщены были и духовные (дары); они были посылаемы и в другие места; им вверено было и слово (учения). Но (писатель) не говорит об этом и не превозносит их, (внушая тем), что не следует оставлять порученного дела. Так и Моисеем (избранные старейшины) были научены — не все делать самим по себе (Исх. XVIII, 26). Потому и Павел говорит: *точию нищих да помним* (Гал. II, 10). Пойми, как они избрали их (диаконов). Постились, пребывали в молитве (Деян. II, 42). Так и теперь должно бы быть. Этих же (писатель) назвал не просто духовными, но исполненными Духа и премудрости, показывая, что нужно было иметь великое любомудрие, чтобы сносить жалобы вдовиц. Что пользы, если иной, хотя не крадет, но все расточает? Или будет дерзок и гневлив? В этом отношении Филипп был достоин удивления. О нем (писатель) говорит: *и вшедше в дом Филиппа благовестника, суща от седми, пребыхом у него* (Деян. XXI, 8). Видишь, как у них ничего не делалось по (обычаю) человеческому? *И множашеся число ученик во Иерусалиме* (ст. 7). В Иерусалиме возрастало число (верующих). Удивительно, что, где Христос был предан смерти, там и распространилась проповедь (о Нем). И не только никто из учеников не соблазнился, видя, что апостолы подвергаются бичеванию, одни им угрожают, другие искушают Духа, а иные ропщут, но все более умножалось число веровавших. Так они были вразумлены происшествием с Ананией, и очень большой был страх между ними. Заметь, прошу, каким

образом увеличивалось число верующих. Оно увеличилось уже после искушений, а не прежде того. Посмотри, сколь велико и человеколюбие Божие. Из тех самых архиереев, которые возбуждали народ к убиению (Иисуса Христа), которые взывали и говорили: *иныя спасе, себе же не может спасти* (Мф. XXVII, 42), из тех самых *многие*, говорит, *послушаху веры* (ст. 7).

4. Будем же подражать Ему и мы. Он принял их, а не отверг. Так будем воздавать и мы своим врагам, хотя бы они причинили нам бесчисленное множество зол. Всем, что есть у нас доброго, воздадим им; не преминем оказывать и им благодеяния. Ведь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость их, то гораздо больше — благодельствуя им. Первое меньше последнего, потому что не все равно — благодетельствовать врагу, и пожелать или быть готовым претерпеть (от него) большее зло. От последнего перейдем и к первому, что (и составляет) преимущество учеников Христовых. Они (иудеи) распяли Его, пришедшего благотворить им, подвергли бичеванию учеников Его, и после всего этого Он удостаивает их такой же чести, как и учеников Своих, сообщая и тем Свои блага наравне с этими. Будем, увещеваю вас, подражать Христу; в этом должно подражать Ему; это делает (человека) равным Богу; это есть дело вышечеловеческое. Возлюбим милосердие; оно есть руководитель и учитель любомудрия. Тот, кто научился быть милосердым к несчастному, научится и не злопамятствовать; а научившись этому, в состоянии будет и благодетельствовать врагам. Научимся сострадать несчастьям ближних; тогда научимся переносить от них и зло. Спросим самого того, кто враждует против нас: не осуждает ли он сам себя, не желал ли бы и он быть любомудрым, не скажет ли он, что все это происходит от гнева, от малодушия или от досады, не хотел ли бы и он быть лучше в числе оскорбляемых и молчаливо

переносящих (обиды), нежели в числе оскорбляющих и неистовствующих, не с удивлением ли и он отходит от переносящего (обиды) терпеливо? Не подумай, будто это делает (людей) презренными. Ничто так не делает презренными, как нанесение обид; и ничто так не делает почтенными, как перенесение обид. Первый (причиняющий обиды) есть злодей, а последний (переносящий обиды) есть человек любомудрый; тот ниже человека, а этот равен ангелам. Хотя бы (оскорбляемый) был и меньше оскорбителя, однако и он, если бы захотел, мог бы мстить; а как он не делает этого, то все и сострадают ему, а того ненавидят. Что ж? Не гораздо ли поэтому он лучше первого? На того все будут смотреть, как на безумного, а на него, как на благоразумного. Поэтому, если кто станет побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что он, быть может, не таков. Никогда не говори (худого о другом) даже и в уме, тем более перед другими. Не ропщи на него и перед Богом. Если узнаешь, что об нем отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человека, — гнева, а не друга, — исступления, а не души. Так будем рассуждать при всяком прегрешении. Не ожидай, пока огонь возгорится, но прежде этого потуши его; не раздражай дикого зверя, но удержи прежде, чем он раздражится; ты уже не в состоянии будешь потушить, когда пламя разгорится. И что о нем сказали? Что он безумен и глуп? Но к кому более относятся эти слова: к тому ли, о ком говорят, или — кто говорит? Последний, хотя бы был очень мудрый человек, заслуживает название глупого; а первый, хотя бы и не был умен, (заслуживает название) человека благоразумного и любомудрого. Кто глуп, скажи мне: тот ли, кто приписывает другому то, чего на самом деле нет, или тот, кто и при этом случае не смущается? Если оставаться спокойным, когда беспокоят,

есть знак любомудрия, то раздражаться без всякого побуждения не есть ли великое безумие? Я уже не говорю о том, какое место наказания уготовано оскорбляющим и злословящим ближнего (Мф. V, 22). Но еще что сказали о нем? Что он бесчестный из бесчестных, низкий из низких? Опять (говорящий это) обращает поношение на себя самого. Тот окажется честным и почтенным, а этот поистине низким. Поставлять в укоризну такие вещи, то есть незнатность происхождения, подлинно свойственно душе низкой; а тот будет великим и достойным удивления, если он нисколько не думает об этом, но остается в таком положении, как будто бы о нем говорили, что он имеет нечто превосходное перед прочими. Скажут ли, что он прелюбодей, и тому подобное? В таком случае можно и посмеяться: когда совесть не укоряет, тогда не может быть места гневу. Поняв, какие дурные и отвратительные произносят выражения, не следует скорбеть и от этого, потому что (произносящий их) уже открыл то, о чем всякий мог бы узнать впоследствии времени, а через то сделал себя для всех уже не заслуживающим доверия, как человек, не умеющий скрывать недостатков ближнего, и таким образом постыдил более себя самого, нежели другого, заградил для себя всякую пристань и подверг себя страшной ответственности на будущем суде. Все будут отвращаться не столько от того, сколько от его самого, как обнаружившего то, чего не следовало бы открывать. И ты не все говори, что знаешь, но об ином умолчи, если хочешь снискать себе добрую славу. Через это ты не только опровергнешь сказанное (другими) и прикроешь (недостатки ближнего), но сделаешь и другое доброе дело: не попустишь произносить суд против себя самого. О тебе худо отзывается кто-нибудь? А ты скажи: если бы он знал все, то и не это только сказал бы (обо мне). Вы изумляетесь и удивляетесь сказанному? Но так дол-

жно поступать. Все, сказанное вам, мы заимствуем отвне не потому, чтобы в Писаниях не было бесчисленных на то доказательств, но потому, что это скорее может пристыдить (вас). И Писание иногда имеет целью пристыдить, как, например, когда говорит: *не и язычницы ли такожде творят* (Мф. V, 47)? Пророк Иеремия привел в пример сыновей Рихава, которые не согласились нарушить заповеди отца своего (Иер. XXXV). Мариам и другие вместе с ней роптали на Моисея; но он своей молитвой немедленно избавил их от наказания и не попустил, чтобы кто-нибудь узнал, что они за него наказаны (Числ. XII). А у нас не так; напротив, мы того особенно и хотим, чтобы все знали, что обида осталась не отомщенной. Доколе мы будем жить (жизнью) земной? Не может быть борьбы, когда только одна (противящаяся) сторона; если вооружишь ту и другую сторону неистовствующих, то еще более раздражишь их; а если (только) правую или левую, то укротишь ее ярость. Наносящий удары, когда имеет перед собой человека, сопротивляющегося ему, то еще более раздражается; а когда — покоряющегося, то скорее утихает и удары обращаются на него самого. Не столько укрощает силу врага человек искусный в борьбе, сколько человек оскорбляемый и не отвечающий тем же, потому что враг, наконец, отступает от него посрамленный и осужденный, во-первых — своей совестью, и во-вторых — всеми видевшими. Есть одна пословица: почитающий (других) почитает самого себя. Следовательно, и посрамляющий (других) посрамляет самого себя.

Никто, снова скажу, не может обидеть нас, кроме нас самих; и бедным никто не сделает меня, кроме меня самого. Объясним это так: пусть будет у меня душа низкая и все жертвуют мне деньги. Что из этого? Пока душа не переменится, то все напрасно. Пусть будет у меня душа великая и все берут от меня деньги. Что из этого?

Пока ты не сделаешь ее низкой, то нет никакого вреда. Пусть жизнь моя будет нечистая, а все говорят обо мне противное. Что из этого? Они хотя и говорят так, но в душе судят обо мне не так. Или пусть жизнь моя будет чистая, а все говорят обо мне противное. Что ж из этого? Ведь они сами себя осудят в своей совести, потому что говорят не по убеждению. Не нужно принимать к сердцу как похвал, так и порицаний. Что я говорю? Никто не в состоянии будет повредить нам клеветой или каким-нибудь порицанием, если мы захотим того, объясним это так: пусть кто-нибудь влечет (нас) на судилище, пусть злословит, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Что значит – несколько времени потерпеть это невинно? Но это самое, скажут, и есть зло. Напротив, пострадать невинно – это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать неневинно? Так, скажу при этом, один философ из внешних (язычников), когда услышал, что такой-то лишен жизни, и когда один из учеников его сказал: жаль, что несправедливо, обратившись к нему, сказал: что ж, тебе хотелось бы, чтоб – справедливо (Сократ у Ксенофонта)? И Иоанн (Креститель) не несправедливо ли лишен жизни? Кого же ты более жалеешь, того ли, кто лишен жизни несправедливо, или кто напротив? Не считаешь ли ты последнего несчастным, а первому не удивляешься ли? Что же несправедливого потерпел человек, который и от самой смерти получил большую пользу, а не только что никакого вреда? Если бы (невинная смерть) делала бессмертного смертным, тогда подлинно был бы вред. Если же смертного, которого по природе через несколько времени должна постигнуть смерть, кто-нибудь поспешил предать смерти со славой, то какой здесь вред? Итак, пусть будет у нас душа хорошо настроена, и тогда не будет нам никакого вреда отвне. Но ты не в славе? Что из того? Что мы сказали о богатстве, то же и о славе. Если я велик, то

ни в чем не буду нуждаться; а если тщеславен, то чем больше буду приобретать, тем большего буду желать. Тогда-то в особенности я и буду знатен и достигну большей славы, когда буду презирать славу. Итак, познав это, возблагодарим Христа Бога нашего, даровавшего нам такую жизнь, и будем проводить ее во славу Его, так как Ему подобает слава со безначальным Отцом и Святым Его Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Стефан же исполнь веры и силы творяше знамения и чудеса велия в людех (Деян. VI, 8)

1. Смотри, как и в числе семи один был главный и имел первенство. Хотя рукоположение было общее, но он, однако, получил большую благодать. Он не творил знамений прежде, но когда уже сделался известным, чтобы явно было, что для этого не довольно одной благодати, но нужно еще рукоположение, которое умножало (дары) Духа. Они и прежде были исполнены Духа, но то от купели (крещения). *Восташа же нецыи от сонма* (ст. 9). Восстанием (писатель) опять называет раздражение и гнев их. Посмотри, и здесь великое множество (восставших); но уже другой вид обвинения. Так как Гамалиил воспрепятствовал им судить апостолов за то (дело), то они возносят обвинение другого рода. *Восташа же нецыи от сонма глаголемаго Ливертинска и Киринейска и Александрска и иже от Киликии и Асии, стязающеся со Стефаном: и не можаху противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше. Тогда подъустиша мужи, глаголющия, яко слышахом его глаголюща глаголы, хульныя на Моисеа и на Бога* (ст. 9–11). Для составления обвинения, утверждают, будто он говорит против Бога и Моисея. Для того и состязались с ним, чтобы вынудить его ска-

зать что-нибудь подобное. Но он, хотя потом объяснялся очень прямо, но говорил только о прекращении закона, или даже не говорил ясно, а только намекал на это, потому что, если бы он сказал об этом ясно, то не было бы нужды ни в клеветниках, ни в лжесвидетелях. Синагоги были разные: либертинцев и киринейцев. Киринейцы — это те, которые имели синагоги по ту сторону Александрии, между тамошними народами; но, может быть, они жили и здесь (в Иерусалиме), чтобы не быть в необходимости часто приходить (сюда). А либертинцами называются римские вольноотпущенники. Так как здесь жило много иностранцев, то и они имели синагоги, в которых читали закон и совершали молитвы. Заметь, прошу, Стефан начинает учить, будучи вынужден к тому; а они со своей стороны возбуждаются ненавистью против него не только за знамения, но и потому, что он превосходил их в слове, и, как на (человека) нестерпимого для них, представляют лжесвидетелей. Они не хотели лишать (апостолов) жизни просто, но по судебному приговору, чтобы и славе их повредить, и тех, которые отступят от них, привлечь на свою сторону: они надеялись таким образом устрашить их. И не сказали: *яко глаголет;* но: *не престает глаголя,* чтоб усилить обвинение. *Сподвигоша же и старцы, и книжники, и нападше восхитиша его и приведоша на сонмище. Поставиша же свидетели ложны, глаголющия; человек сей не престает глаголы глаголя на место святое сие и закон* (ст. 12, 13). *Не престает,* говорят, выражая тем, будто он (теперь же) делает это дело. *Слышахом бо его глаголюща, яко Иисус Назорей сей разорит место сие, и изменит обычаи, яже предаде нам Моисей* (ст. 14). *Иисус,* говорят, *Назорей,* — прибавляя для укоризны, — *разорит место сие и изменит обычаи.* Тоже говорили они, когда и Христа обвиняли: *разоряяй церковь* Божию (Мф. XXVII, 40). Они весьма благоговели перед храмом, при котором и жить хоте-

ли, – также перед именем Моисея. Обвинение, заметь, двоякое: *разорит*, говорят, *место и изменит обычаи*. И не только двоякое, но и тяжкое, и исполненное опасностей. *И воззревши нань вси седящии в сонмищи, видеша лице его, яко лице ангела* (ст. 15). Так могут блистать находящиеся и на низшей степени (служения)! В самом деле, скажи мне, чего у него не доставало в сравнении с апостолами? Не творил ли и он знамений? Не явил ли и он великого дерзновения? *Видеша*, говорит (писатель), *лице его, яко лице ангела*. Это была, следовательно, благодать; в этом состояла и слава Моисея. Бог соделал его исполненным такой благодати, кажется мне, для того, чтобы в то время, как он намеревался говорить, самым видом его тотчас поразить их. Могут, подлинно могут лица, исполненные духовной благодати, быть вожделенными для любящих и поразительными и страшными для ненавидящих. Или, быть может, (писатель) указал на это, как на причину, почему они дозволили ему говорить речь. Что же архиерей? *Аще убо*, говорит он, *сия тако суть* (VII, 1)? Видишь, как вопрос его кроток и не заключает в себе ничего оскорбительного? Поэтому и Стефан кротко начинает свою речь и говорит: *мужие братие и отцы, послушайте. Бог славы явися отцу нашему Аврааму, сущу в Месопотамии, прежде даже не вселитися ему в Харрань* (ст. 2). С самого начала он уже опровергает их мнение и этими словами несомненно доказывает, что и самый храм и обычаи – ничто, и что они не в состоянии остановить проповеди, а Бог всегда творит и устрояет все, что кажется невозможным. Посмотри, как последовательно в речи своей он доказывает, что те, которые всегда пользовались особенным благоволением (Божиим), воздали своему Благодетелю противным и замышляют невозможное. *Бог славы явися отцу нашему Аврааму и рече к нему: изыди от земли твоея и прииди в землю, юже аще ти покажу* (ст. 3).

2. Не было ни храма, ни жертвоприношения, но Авраам сподобился божественного видения, хотя имел предками персов (народ, живший в пределах Халдеи и Месопотамии) и жил на чуждой земле. И почему (Стефан) в начале своей речи назвал Бога *Богом славы?* Потому, что Он бесславных сделал славными; и для того, чтобы научить, что, если Он прославил тех, то тем более прославит их (апостолов). Видишь ли, как он отвлекает их от предметов чувственных и прежде всего от места, так как речь шла о месте? *Бог славы.* Если Он — Бог славы, то, очевидно, Он не имеет нужды в прославлении от нас, или посредством храма; Он сам есть источник славы. Поэтому не подумайте прославлять Его таким образом. Как же, скажут, ведь Писание говорит это об отце Авраама (Быт. XI, 31)? Оно не говорит ничего лишнего, ничего кроме самого необходимого. Что полезно было узнать, тому только оно и научило нас, именно, что (Фарра) после откровения сыну вышел вместе с ним; а больше ничего не говорит о нем, потому что он вскоре по переселении в Харран скончался. *Изыди от рода твоего* (ст. 3). Этим Стефан показывает, что они не чада Авраама. Каким образом? Тем, что тот был послушен, а они непослушны; и из того, что он сделал по повелению (Божию), мы видим, что он претерпевал труды, а они лишь собирают плоды, между тем как все праотцы терпели озлобления. *Изшед от земли Халдейския, вселися в Харранъ: и оттуду, по умертвии отца его, пресели его в землю сию, на нейже вы ныне живете. И не даде ему наследия в ней, ниже стопы ногу* (ст. 4, 5). Смотри, как он отвлекает их от земли; не сказал: даст, но: *не даде,* выражая тем, что все от Него и ничего от них. Ведь (Авраам) вышел, оставив родных и отечество. Почему же *не даде?* Потому что (эта земля) была образом другой, которую Бог и обещал дать ему. Видишь ли, что не просто Стефан ведет речь свою? *Не*

даде ему, говорит, *и обеща и семени его по нем, не сущу ему чаду* (ст. 5). Опять отсюда открывается всемогущество Божие и то, как Он творит все, что (кажется) невозможным: когда Авраам был еще в Персии и на таком расстоянии, Бог сказал, что Он сделает его владыкой Палестины. Но обратимся к вышесказанному. *Воззревше нанъ*, говорится, *видеша лице его, яко лице ангела*. Отчего в Стефане процвела такая благодать? Не от веры ли? Очевидно, что так; о нем выше засвидетельствовано, что он был исполнен веры. Следовательно, можно иметь благодать и кроме (благодати) исцелений; потому и апостол говорит: *иному дарования исцелений, овому дается слово премудрости* (1 Кор. XII, 8, 9). Здесь словами: *видеша лице его, яко лице ангела*, кажется мне, намекается на то, что он был исполнен благодати, как говорится это и о Варнаве (Деян. IV, 36). Отсюда мы видим, что люди простые и незлобивые возбуждают к себе особенное удивление и преимущественно бывают исполнены благодати. *Тогда подъустиша мужи глаголющия, яко слышахом его глаголюща глаголы хульныя*. Прежде об апостолах говорили, что они проповедовали воскресение, и что к ним стекалось множество народа; а теперь, — что они исцеляли. О, безумие! За что нужно было благодарить, за то осуждали, — и тех, которые были сильны делами, надеялись преодолеть словами (как поступали и с Христом) и постоянно старались уловить их в словах, потому, что стыдились прямо схватить их, не имея ничего, в чем бы обвинить их. И посмотри, судьи не сами лжесвидетельствуют, — потому что их уличили бы, — а подкупают других, чтобы это дело не показалось насилием. То же самое, как видим, было и с Христом. Видел ли ты силу проповеди, как она действует, несмотря на то, что (проповедники) не только подвергаются бичеванию, но и побиваются камнями, не только ведутся на суд, но и отовсюду изгоня-

ются? И здесь, несмотря на лжесвидетельство, (враги) не только не преодолевали, но и не в состоянии были противостоять, хотя были крайне бесстыдны; с такой силой она поражала их, хотя они делали много ухищрений, подобно как и против Христа, для умерщвления Которого употребляли все свои усилия, так что после того для всех стало ясно, что это была борьба не людей между собой, но борьба между Богом и людьми. Посмотри, что говорят лжесвидетели, поставленные теми, которые злодейски привлекли его в судилище. *Слышахом его глаголюща глаголы хульныя на Моисеа и на Бога.* Бесстыдные! Вы сами совершаете дела хульные против Бога и не думаете об этом, а притворяетесь ревнующими за Моисея? Моисей потому и поставлен наперед, что о Божием они немного заботились; о Моисее упоминают и выше и ниже: *Моисей*, говорят, *сей, иже изведе нас* (Деян. VII, 40), желая тем возбудить легкомыслие народа. Как человек богохульный мог бы остаться победителем? Как человек богохульный мог бы творить такие знамения в народе? Но такова зависть; она подвергшихся ей делает безумными, так что они даже не понимают, что говорят. *Слышахом*, говорят, *его глаголюща глаголы хульныя на Моисеа и на Бога;* и далее: *человек сей не престает глаголы глаголя на место святое сие и закон,* и прибавляют: *яже предаде нам Моисей,* а не Бог (VI, 11–14).

3. Видишь ли, как обвиняют его в нарушении общественного порядка и в нечестии? Но что ему не свойственно было говорить это и быть так дерзким, это очевидно для всякого; и само лицо его отличалось кротостью. Так, когда не клеветали (на апостолов), то Писание не говорит ничего подобного; а как здесь все — клевета, то Бог естественно опровергает ее и самым видом его. На апостолов не клеветали, но им запрещали; а на Стефана клевещут; потому прежде всего само лицо защищает его. Может быть, оно-то пристыдило и

архиерея. Выражением: *обеща* Стефан указывает на то, что обетование дано было прежде места, прежде обрезания, прежде жертвы, прежде храма, и что они не по достоинству своему получили и обрезание, и закон, но что единственно за послушание (Авраамово) наградой была эта земля, и даже исполнение обетования произошло еще прежде установления обрезания; что все это были прообразы, и оставление отечества и родных по повелению Божию (там ведь и отечество, куда приведет Бог), и неполучение здесь наследия; что иудеи (отрасль) персов, если надлежащим образом исследовать; что словам Божиим должно повиноваться и без знамений, хотя бы и встретилось что-нибудь прискорбное, так как и патриарх оставил гроб отца и все из повиновения Богу. Если же отец его не сопутствовал ему при переселении его в Палестину, потому что не веровал (в истинного Бога), то тем более потомки не будут участвовать в этом, хотя бы они прошли и большую часть пути, потому что не подражали добродетели праотца. *И обеща*, говорит, *дати ему ю и семени его по нем*. Здесь указывается и великое человеколюбие Божие, и вера Авраама. Уверенность Авраама в этом, еще *не сущу ему чаду*, доказывает и послушание, и веру его, хотя обстоятельства представляли противное, то есть по пришествии он не получил ни *стопы ногу*, не имел и сына, что могло препятствовать вере. Зная это, будем и мы принимать все, что обещает Бог, хотя бы иногда и случалось противное; впрочем, у нас не бывает противного, но все совершенно последовательно. Где обещают (одно приятное), а между тем случается напротив, там действительно бывает противное; а у нас наоборот: здесь Он обещал скорби, а там блаженство. Зачем же смешивать (различные) времена? Зачем горнее делать дольним? Скажи мне, ты скорбишь, что живешь в бедности и смущаешься от этого? Не смущайся; достойно скорби

то, если там тебе придется мучиться; а настоящая скорбь может быть причиной блаженства. *Сия болезнь*, говорит (Господь), *несть к смерти* (Ин. XI, 4). Будущая скорбь есть наказание, а настоящая – вразумление и исправление. Настоящая жизнь есть время борьбы; следовательно, нужно бороться; здесь война и брань. На войне никто не ищет покоя; на войне никто не думает об удовольствиях, никто не заботится об имуществе, никто не беспокоится о жене; но печется только об одном, как бы одолеть врагов. Так будем поступать и мы. И если мы победим и возвратимся с трофеями, то Бог подаст нам все. Об одном только нам надобно стараться, как бы одолеть диавола; а лучше сказать, и это не есть дело наших усилий, но все – благодати Божией. Об одном только нам надобно стараться, чтобы приобрести благодать Его, чтобы стяжать себе помощь Его. *Аще Бог по нас, кто на ны*, говорится (Рим. VIII, 31). Об одном только будем стараться, чтобы Он не стал врагом нашим, чтобы Он не отвратился от нас.

4. Неперенесение бедствий есть зло, но грех – зло. Он великое бедствие, хотя бы мы жили в удовольствиях; не говорю, в будущей жизни, но и в настоящей. Что, – думаешь, – значит испытывать угрызения совести? Не хуже ли это всякой пытки? Я хотел бы тщательно расспросить живущих во зле, не помышляют ли они иногда о своих грехах, не трепещут ли они при этом, не страшатся ли, не скорбят ли, не ублажают ли тех, которые живут в посте, в горах, в любомудрии? Ты хочешь получить блаженство там? Потерпи здесь ради Христа; ничто не может сравняться с этим блаженством. Апостолы радовались, когда их подвергали бичеванию. К этому увещевает и Павел, когда говорит: *радуйтеся о Господе* (Флп. IV, 4). Как можно, скажут, радоваться там, где узы, где пытки, где судилища? Здесь-то в особенности и можно радоваться. А как можно радоваться

при этих условиях, послушай. Кто ничего не знает за собой, тот всегда будет в великой радости, так что, чем больше будешь говорить ему о бедствиях, тем больше доставишь ему удовольствия. Вот, скажи мне, воин, получивший множество ран и окончивший брань, не с великим ли удовольствием будет возвращаться домой, имея в самых ранах основание к своему ободрению, славе и знаменитости? И ты, если бы мог сказать то же, что сказал Павел; *аз язвы Иисуса ношу* (Гал. VI, 17), то мог бы сделаться великим, славным и знаменитым. Но теперь нет гонений? Восстань против тщеславия; если кто скажет против тебя что-нибудь, не убойся выслушать о себе худое ради Христа. Восстань против тирании, гордости; восстань против нападений гнева, против мук вожделения; и это – раны, и это – мучения. Скажи мне, какое из мучений всех ужаснее? Не то ли, когда душа мучится и терзается? Там (в телесных мучениях) страдает больше тело, а здесь все относится к душе. Она болезнует, когда (человек) гневается, завидует или что-нибудь подобное делает, или лучше сказать – когда страдает; ведь иметь гнев, зависть, – не значит действовать, но страдать; потому и называются страстями души, ранами, язвами. Подлинно, это страдание, и даже ужаснее страдания.

Поймите же, гневающиеся, что вы делаете это по страсти. Следовательно, кто не гневается, тот не страдает. Видишь ли, что не тот страдает, кто терпит обиды, а тот, кто наносит их, о чем я уже говорил? А что он действительно страдает, это видно и из того, что такое состояние называется страстью, и из самого тела его, так как от гнева рождаются болезни: тупость зрения, сумасшествие и многие другие. Но, скажешь, он оскорбил моего сына, моего слугу? Не подумай, что с твоей стороны будет слабость, если и сам ты не сделаешь того же. Скажи мне, хорошо ли это было бы? Нельзя, думаю, ска-

зать, (что хорошо); поэтому не делай того, что нехорошо. Знаю, какие являются при этом гневные движения. А что, скажешь, если он окажет презрение, или опять будет досаждать? *Обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2); гнев побеждается кротостью; приди к нему и обличи. Впрочем, за себя самих и этого не должно делать, но за прочих делать это необходимо. Оскорбления, нанесенного твоему сыну, не считай обидой себе самому; пожалей также и о том, но не так, как бы ты сам был оскорблен; когда сын твой потерпел зло, то не ты пострадал, а тот, кто совершил зло. Укроти (гнев) – этот острый меч: пусть он остается в ножнах. Если мы обнажим его, то, увлекаясь им, часто будем употреблять его и безвременно; а если он будет скрыт, то хотя бы и случилась нужда, гнев укротится. Христос не желает, чтобы мы гневались даже за Него; послушай, что Он сказал Петру: *возврати нож твой в место его* (Мф. XXVI, 52); а ты гневаешься за сына? Научи и сына быть любомудрым; расскажи ему о страданиях Господа; подражай твоему Учителю. Когда апостолам предстояло терпеть поношения, Он не сказал: Я отомщу; но что? *Мене изгнаша, и вас изженут.* Поэтому терпите мужественно; вы не больше Меня (Ин. XV, 20). Тоже скажи и ты своему сыну и рабу: ты не больше господина твоего. Но эти внушения любомудрия кажутся недостаточными? Увы, словом нельзя выразить так, как можно научиться самым опытом. Когда ты стоишь между двумя враждующими сторонами, то будь на стороне обижаемых, а не обижающих, – и узнаешь, не будет ли на твоей стороне победа, не получишь ли блистательных венцов. Посмотри, как Бог, будучи оскорбляем, отвечает кротко и милостиво: *где есть*, говорит Он, *Авель брат твой?* Что же отвечает Каин? *Еда страже брату моему есмъ аз* (Быт. IV, 9)? Что надменнее этого ответа? Если бы даже от сына кто-нибудь услышал это, или от брата, не принял ли бы такого

поступка за оскорбление? Но Бог опять кротко отвечает: *глас крове брата твоего вопиет ко мне.* Но Бог, скажешь, выше гнева? Для того-то и снизошел Сын Божий, чтобы сделать тебя богоподобным, насколько это возможно для человека. Но это, скажешь, невозможно для меня, как для человека? Так мы представим тебе в пример людей же. И не подумай, что я укажу на Павла или Петра; нет, на людей меньше и гораздо ниже их. Раб Илия оскорбил Анну, сказав: *отъими вино твое.* Что обиднее этого? Но что она? *Жена в жесток день аз есмь* (1 Цар. 1, 14). Подлинно, нет ничего лучше скорби; она мать любомудрия. Эта самая жена, имея у себя соперницу, не оскорбила ее; но что? Прибегает к Богу и во время молитвы даже не вспоминает о ней, не говорит: меня оскорбляет такая-то, отомсти ей за меня; такого-то любомудрия была исполнена жена (устыдимся же мы – мужи), хотя вы знаете, что нет ничего равного ревности.

5. Мытарь, оскорбленный фарисеем, не воздал ему оскорблением, хотя бы и мог, если бы захотел; но с любомудрием перенес это, сказав: *милостив буди мне грешнику* (Лк. XVIII, 13). Мемфиваал, обвиненный и оклеветанный рабом, не сказал и не сделал ему ничего худого, даже перед самим царем (2 Цар. XVI, 3; ср. 1 Пар. VIII, 35). Хочешь ли услышать о любомудрии и блудницы? Послушай, что говорил Христос, когда она отирала ноги Его волосами своими: *мытари и любодейцы варяют вы в царствии Божии* (Мф. XXI, 31). Ты знаешь, как она стояла, плакала и омывала грехи свои? Посмотри же, как она не гневалась на фарисея, будучи им оскорбляема. *Сей*, говорит он, *аще бы ведал,* что эта жена есть *грешница,* не допустил бы ее к Себе (Лк. VII, 39). Но она не сказала ему: что, скажи мне, сам ты чист ли от грехов? – а еще более сокрушалась, более скорбела и проливала более горячие слезы. Если же и женщина, и

мытари, и блудницы любомудрствуют, и, притом, прежде (получения) благодати, то какого прощения удостоимся мы, когда при такой благодати хуже диких зверей враждуем, угрызаем и терзаем друг друга?

Нет ничего постыднее гнева; ничего бесчестнее, ничего ужаснее, ничего неприятнее, ничего вреднее его. Говорю это не к тому, чтобы мы были кротки только в отношении к мужам, но чтобы ты терпел, если бы и жена досаждала тебе словами. Пусть и жена будет для тебя поприщем борьбы и училищем. Не безумно ли заниматься упражнениями, не приносящими никакой пользы и даже изнуряющими тело, а дом свой не делать училищем, которое доставляет нам венец прежде подвигов? Жена оскорбляет тебя? Не будь сам женщиной; ведь оскорблять свойственно женщине; это – болезнь души, порок. Не сочти бесчестным для себя, когда жена оскорбит тебя. Бесчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любомудрствует; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вред; если же ты, будучи оскорбляем, терпишь, то это – великое доказательство твоей силы. Говорю это не к тому, чтобы расположить женщин к нанесению обид, – да не будет! – но к тому, чтобы, если бы когда и случилось это по наущению сатанинскому, то вы терпели бы. Мужам, как сильным, свойственно переносить (обиды от) слабых. Если и слуга будет противоречить, ты перенеси с любомудрием; не то, чего он заслужил от тебя, говори и делай, но – что тебе нужно говорить и делать. Никогда, в оскорбление девицы, не произноси срамного слова; никогда не называй раба, подлым, потому что этим ты унижаешь не его, а себя. Невозможно гневающемуся не выйти, из себя, подобно морю, когда оно волнуется, или источнику остаться чистым, когда в него откуда-нибудь бросают грязь: так все здесь перемешивается,

или, лучше сказать, все становится вверх дном! Если ты кого-нибудь ударил или разорвал на нем одежду, то причинил больше вреда себе самому; у него рана остается на теле и одежде, у тебя же на душе. Ее ты растерзал, ее ты поразил; всадника поверг под ноги лошадей, сделал то, что они влачат его, ниспровергнутого навзничь; и происходит тоже, как если возница, рассердившись на другого, сам потом влачится (по земле). Когда ты наказываешь или вразумляешь, или делаешь что-нибудь подобное, (делай) без ярости и гнева. Если наказывающий есть врач согрешающего, то как он может исцелить другого, причинив наперед зло себе и не исцеляя самого себя? Скажи мне, если какой-либо врач пойдет лечить другого, поранив наперед руку у себя или ослепив наперед свои глаза, — неужели в таком состоянии он исцелит другого? Нет, скажешь. Так точно и ты, когда кого наказываешь или вразумляешь, то пусть светло смотрят глаза твои. Не возмути ума своего, — иначе как совершишь ты исцеление? А он не может быть одинаково спокоен у человека не гневающегося и разгневанного. Зачем, ниспровергнув учителя с его седалища, советуешься с ним, лежащим на земле? Не видишь ли, как судьи, намереваясь производить суд, садятся на своем седалище и в одежде благопристойной? Так поступи и ты: укрась душу свою одеждой судьи (а она есть кротость), и тогда садись производить суд на своем седалище. Но, скажешь, не будет бояться? Нет, гораздо больше убоится. В противном случае, хотя бы ты сказал и правду, раб припишет это гневу, а если (скажешь) кротко, то он осудит сам себя; главное же, ты сделаешь угодное Богу, и таким образом сподобишься вечных благ, — по благодати, щедротам и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Глагола же сице Бог, глаголяй, яко будет семя его пришелцы в земли чуждей и поработят е, и озлобят, лет четыреста. И языку, емуже поработают, сужду аз, рече Бог: и по сих изыдут и послужат ми на месте сем (Деян. VII, 6, 7)

1. Смотри, за сколько лет (дано) это обетование и каков образ обетования, тогда как (не было) ни жертвы, ни обрезания. Здесь Стефан показывает, что сам Бог попустил иудеям пострадать и что (враги их) не останутся без наказания. *И языку, емуже поработают, сужду аз, рече Бог.* Видишь ли? Обещавший и даровавший землю сперва попускает бедствия. Так и теперь: обещав царствие, Он попускает испытывать искушения. Если здесь через четыреста лет свобода, то что удивительного, если не иначе бывает и с царствием? Бог, однако, исполнил (Свое обетование) и от продолжительного времени слово Его не оказалось ложным, хотя они (иудеи) терпели нелегкое рабство. Стефан не останавливается на одних наказаниях их, но возвещает и о дарованных им благах. Этим, кажется мне, он напоминает им о полученных ими благодеяниях. *И даде ему завет обрезания, и тако роди Исаака* (ст. 8); и потом далее прибавляет: *и обреза его в день осмый: и Исаак Иакова и Иаков дванадесять патриарх. И патриарси, позавидевше Иосифу, продаша его во Египет* (ст. 8, 9). Тоже было и с Христом, так как Иосиф был прообразом Его. Это имея в виду, Стефан и излагает вполне его историю. Они не могли ни в чем обвинить его, но дурно поступили с ним, когда он пришел к ним с пищей. Посмотри, и здесь также обетование отдаленное, но, несмотря на то, наконец исполняется. *И бе Бог с ним;* и, притом, из-за них: *и изъят его от всех скорбей его* (ст. 10). Здесь он показывает, что они, сами того не зная, содействовали (исполнению)

пророчества и сами были виновниками того, а бедствия обратились на них же самих. *И даде ему благодать и премудрость пред фараоном царем египетским* (ст. 10). *Даде благодать,* и это перед царем языческим, рабу и пленнику: его братья продали, а тот почтил. *Прииде же глад на всю землю Египетскую и Ханааню, и скорбь велия: и не обретаху сытости отцы наши. Слышав же Иаков сущую пшеницу во Египте, посла отцы наша первее. И внегда второе приидоша, познан бысть Иосиф братии своей* (ст. 11–13). Они пришли купить (хлеба) и имели в нем нужду. Что же он? Он не только в этой нужде проявил им человеколюбие, но и объявил о том фараону и переселил их туда. *И яве бысть фараону род Иосифов. Послав же Иосиф, призва отца своего Иакова и все сродство свое, седмьдесят и пять душ. Сниде же Иаков во Египет и скончася сам и отцы наши. И принесени быша в Сихем, и положени быша во гробе, егоже купи Авраам ценою сребра от сынов Еммора Сихемова. И якоже приближашеся время обетования, имже клятся Бог Аврааму, возрастоша людие и умножишася во Египте, дондеже наста царь, ин во Египте, иже не знаше Иосифа* (ст. 13–18). Еще новая неожиданность: первая – голод, вторая – та, что они впали в руки брата, а третья – та, что царь издал повеление умерщвлять (потомков их); и однако они спаслись от всего этого. Показывая (в этом) премудрость Божию, (Стефан) говорит далее: *в неже время родися Моисей и бе угоден Богови* (ст. 20). Если удивительно, что Иосиф был продан братьями, то еще более удивительно, что царь воспитал того, кто впоследствии ниспроверг царство его, (воспитал) сам, долженствовавший погибнуть от него.

Видишь ли, как в (Писании) почти везде предъизображается воскресение мертвых? Подлинно, не все равно, совершается ли что-нибудь от самого Бога, или происходит от воли человеческой. А это произошло не от воли человеческой *бе же силен в словесех и делах* (ст. 22).

Этими словами выражает, что он был их избавитель, а они — неблагодарны к благодетелю. Как тогда (братья) были избавлены пострадавшим Иосифом, — так и теперь они избавлены пострадавшим, то есть Моисеем. Что из того, если они не умертвили его самым делом? Они, подобно тем, умертвили его словом. Те продали (Иосифа) из своей страны в другую, чужую; а эти изгоняют (Моисея) из страны чужой в чужую; там — принесшего пищу, а здесь — руководившего их к Богу. Так и в этих событиях открывается справедливость сказанного Гамалиилом: *аще от Бога есть, не можете разорити то* (Деян. V, 39). Ты же видя, как гонимые бывают виновниками спасения гонителей, удивляйся премудрости и разуму Божию. Если бы первые не были гонимы, то последние не спаслись бы. Настал голод, и они не погибли; и не только не погибли, но были спасены тем самым, кого хотели погубить. Вышло царское повеление, и не истребило их; но тогда более и умножались они, когда умер (царь), знавший их. Они хотели погубить своего избавителя, и не имели в этом успеха.

2. Видишь ли, как через то самое, чем диавол старался сделать тщетным обетование Божие, оно еще более исполнялось? Тогда-то и следовало им сказать, что Бог премудр и силен — извести нас оттуда. Премудрость Божия в том особенно открывалась, что и среди гонений народ умножался, будучи порабощен, озлобляем и умерщвляем. Так велика сила обетования! Ведь если бы они умножились в своей стране, то это было бы не столь удивительно. И немалое время они жили в чужой стране, — четыреста лет. Отсюда мы узнаем, сколь великое они обнаружили любомудрие, — потому что (египтяне) обращались с ними, не как господа с рабами, но как враги и притеснители. Поэтому Бог и предсказал им, чти они получат совершенную свободу; это именно означают слова: *послужат ми и по сих*

изыдут, и притом не без наказания (врагов их) (ст. 7). И посмотри, как Он, по-видимому, нечто, предоставляет обрезанию, а между тем ничего не дарует ему; обетование (дано) прежде него, а оно после того. *И патриарси,* говорит (Стефан), *позавидеше;* Иосиф же не вредит им за то, а благодетельствует. *Патриархами* он называет праотцов, так как (иудеи) и ими много гордились; а с другой стороны, показывает этим, что и святые не были свободны от скорбей, но и среди скорбей получали помощь. Они же не только не облегчали (их скорбей), но еще содействовали врагам их, тогда как должны были бы, напротив, прекращать эти скорби. Как (те) сделали Иосифа очень знаменитым, продав его, так и царь – Моисея, повелев умерщвлять младенцев. Если бы он не повелел этого, то и того не было бы.

И посмотри на действия Промысла Божия. Тот изгоняет Моисея, а Бог, устрояя будущее, не препятствует этому, чтобы он там сделался достойным (божественного) видения. Так и проданного в рабство делает правителем там, где почитали его рабом. Как (Иосиф) делается правителем там, куда его продали, так и Христос являет силу в смерти; и это не было только знаком чести, но следствием собственного (Его) могущества. Впрочем, обратимся к вышесказанному. *И постави его начальника над Египтом и над всем домом своим* (ст. 10). Смотри, что устрояет (Бог) посредством голода. В числе *семидесяти и пяти душ,* говорит, *сниде Иаков во Египет, и скончася сам и отцы наши: и принесени быша в Сихем, и положени быша во гробе, егоже купи Авраам ценою сребра от сынов Еммора Сихемова* (ст. 14–16). Этим показывает, что они дотоле не были владетелями гробницы. *И якоже приближашеся время обетования, имже клятся Бог Аврааму, возрастоша людие и умножишася во Египте, дондеже наста царь ин во Египте, иже не знаше Иосифа* (ст. 17, 18). Заметь, что не в течение стольких лет Бог умножал их, но

когда уже имел приблизиться конец, хотя всего они прожили в Египте четыреста и более лет. Это-то и удивительно. *Сей*, говорит, *зле умыслив о роде нашем, озлоби отцы наши, дабы извергали младенцы своя, во еже не быти им живым* (ст. 19). Словами: *зле умыслив* указывает на тайное убийство; (царь) не хотел убивать их явно; для выражения этого он и прибавил: *дабы извергали младенцы. В неже время родися Моисей и бе угоден Богови*. То удивительно, что будущий избавитель рождается не прежде и не после, но среди самого бедствия. *Иже питан бысть месяцы три в дому отца своего* (ст. 20). Когда же все человеческие надежды истощились, и когда он был брошен, тогда явилось во всем свете домостроительство Божие. *Извержена же его взят его дщи Фараонова, и воспита и себе, в сына* (ст. 21). Еще не было нигде ни храма, ни жертвоприношения, хотя уже совершилось столько действий (Промысла Божия); и был он воспитан в доме языческом. *И наказан бысть Моисей всей премудрости египетстей: бе же силен в словесех и делах* (ст. 22). Меня удивляет то, как он, живя там сорок лет, не был узнан по обрезанию; а еще более, как и он и Иосиф, живя в безопасности, не заботились о себе самих, чтобы спасти других. *Егда же исполняшеся ему лет четыредесятих время, взыде на сердце ему посетити братию свою сыны Исраилевы. И видев никоего обидима, пособствова и сотвори отмщение обидимому, убив Египтянина. Мняше бо разумети братиям своим, яко Бог рукою его даст им спасение: они же не разумеша* (ст. 23–25). Заметь, (Стефан) доселе не делается нестерпимым (для слушателей своих), но когда говорит это, они продолжают слушать его: так увлекла их благодать на лице его! Мняше, говорит, *разумети братиям своим*. Хотя защита была оказана на самом деле, и здесь не нужно было рассуждать, но при всем том они не поняли. Видишь ли, как кротко он беседует и как, показав гнев (Моисея) на одного, выражает и кротость его

в отношении к другому? *Во утрий же день явися им тяжущимся, и привлачаше их в примирение, рек: мужие, братия есте вы, вскую обидите друг друга? Обидяй же ближнего отрину его, рек: кто тя постави князя и судию над нами? Еда убити ты мя хощеши, имже образом убил еси вчера Египтянина* (ст. 26–28)? В том же духе и почти то же они говорили и против Христа: *не имамы царя, токмо кесаря* (Ин. XIX, 15). Так обычно всегда поступали иудеи, даже и когда получали благодеяния. Видел ли ты их безумие? Того, кто имел избавить их, укоряют, говоря: *имже образом убил еси вчера Египтянина. Бежа же Моисей о словеси сем, и бысть пришлец в земли Мадиамстей, идеже роди сына два* (ст. 29). Убежал, но и бегство не воспрепятствовало домостроительству (Божию), равно как и (угрожавшая ему) смерть. *И исполнившимся летом четыредесятим, явися ему в пустыни горы Синайския ангел Господень в пламени огненне в купине* (ст. 30).

3. Видишь ли, как это домостроительство не останавливается временем? Когда он был беглецом и странником, когда уже много времени провел в чужой стране и имел уже двоих детей, когда уже и не надеялся возвращаться оттуда, тогда является ему ангел. Ангелом, равно как (иногда) и человеком, (Писание) называет Сына Божия. И где является? В пустыне, а не в храме. Видишь ли, какие совершаются чудеса, и еще нигде не было ни храма, ни жертвоприношения? И здесь, в пустыне, (является) не просто, но в купине. *Моисей же видев дивляшеся видению: приступающу же ему разумети, бысть глас Господень к нему* (ст. 31); вот он удостоился и гласа. *Аз Бог отец твоих, Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль* (ст. 32). Этим (Стефан) выражает не только то, что явившийся Моисею ангел был *велика совета ангел* (Ис. IX, 6), но показывает и человеколюбие, какое Бог проявляет в этом видении. *Трепетен же быв Моисей, не смеяше смотрити. Рече же ему Господь: иззуй сапоги ногу твоею: место бо, на немже*

стоищи, земля свята есть (ст. 32, 33). Храма нет, и однако это место свято от явления и действия Христова. Оно даже чудеснее места во святом святых, потому что здесь Бог никогда не являлся таким образом, и Моисей никогда не был так объят трепетом. Видел ли ты человеколюбие (Божие)? Посмотри затем и на промышление Его. *Видя видех*, говорит, *озлобление людей моих, иже во Египте, и стенание их услышах, и снидох изъяти их: и ныне, гряди, послю тя во Египет* (ст. 34). Посмотри, как (Стефан) показывает, что (Бог) руководил их и благодеяниями, и наказаниями, и чудесами, а они остались теми же. Отсюда мы узнаем, что Бог вездесущ. Слыша это, будем и мы прибегать к Нему в скорбях. *И стенание их*, говорит, *услышах.* Не просто, говорит, *услышах,* но по причине их страданий. Если же кто спросит: для чего Бог допустил им так страдать? — тот пусть знает, что всякий праведник в особенности за страдания бывает удостаиваем наград; или для того Он попустил им страдать, чтобы и свою силу явить через это во всем свете, и их этими страданиями научить — во всем любомудрствовать. Посмотри, когда они были в пустыне, тогда не только они *утыли, утолстили, расширили,* но и *отступили от Бога* (Втор. XXXII, 15). Беззаботная жизнь, возлюбленный, всегда есть зло! Потому и в начале (Бог) говорил Адаму: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III, 19). Итак, чтобы они, вместо великих страданий пользуясь беззаботной жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпевать скорби: скорбь есть великое благо.

А что скорбь — благо, послушай Давида, который говорит: *благо мне, яко смирил мя еси* (Пс. CXVIII, 71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас. Если хотите, рассмотрим эту скорбь и саму по себе. Представим, что кто-нибудь чрезмерно радуется, веселится и заливается (смехом): что безобразнее, что безумнее этого? Другой

кто-нибудь пусть печалится и скорбит: что любомудрее этого? Поэтому и Премудрый внушает: *благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира* (Еккл. VII, 3). Может быть, вы смеетесь над этими словами? Но вспомним, каков был Адам в раю, и каков после того; каков был Каин прежде (убийства), и каков после. Душа веселящегося не остается на своем месте; но, как бы каким ветром, увлекается удовольствием, становится легкомысленной и не имеет ничего твердого. Она бывает легка на вымыслы, скора на обещания, и великая в ней буря помыслов. Отсюда – неуместный смех, безотчетная веселость, излишний поток речей и большое пустословие. Но что я говорю о прочих? Представим кого-нибудь из святых и посмотрим, каков он был среди удовольствия и каков, в свою очередь, во время печали. Посмотрим, если хотите, на Давида. Когда он жил в удовольствии и радости по причине множества трофеев, побед, венцов, роскоши и самоуверенности, тогда, посмотри, что он сказал и сделал? *Аз же рех во обилии моем: не подвижуся вовек* (Пс. XXIX, 7). Когда же находился в скорби, то послушай, что он говорит: и *аще тако речет мне: не благоволих в тебе, се аз есмь, да сотворит ми по благому пред очима своима* (2 Цар. XV, 26). Что любомудрее этих слов? Пусть будет так, говорит, как угодно Богу. Также и Саулу он говорил: *аще Бог поощряешь тя на мя, да будет благовонна жертва твоя* (1 Цар. XXVI, 19). Когда был в скорби, тогда щадил даже врагов, а после того ни друзей, ни тех, которые ничем не оскорбили его. Иаков, когда был в скорби, говорил: *аще даст ми Господа хлеб ясти и ризы облещися* (Быт. XXVIII, 20). И сын Ноя прежде ничего такого не сделал, а когда уверился в безопасности (от потопа), тогда, слышишь, как оказался дерзок (Быт. IX, 22). И Езекия, когда был в скорби, посмотри, что делал для своего спасения: облекся в рубище и сидел на земле; когда же стал жить в удовольствиях, тогда

пал с высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увещевает: *ядый и пияй и насытився, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. VI, 11, 12), потому что путь удовольствий скользок и ведет к забвению Бога. Когда израильтяне были в скорби, тогда более и более умножались; а когда (Бог) избавил их, тогда все погибли. Но для чего я привожу примеры древних? Обратимся, если угодно, к себе самим. Из нас очень многие, когда благоденствуют, бывают надменными, врагами для всех, гневливыми, пока имеют власть; а когда она отнята от них, то делаются кроткими, смиренными, тихими, и приходят в сознание собственной природы. А что это так, подтверждает и Давид, говоря: *удержа я гордыня их до конца: изыдет яко из тука неправда их* (Пс. LXXII, 6, 7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствий всеми средствами. Как же, скажут, Павел говорит: *радуйтеся всегда?* Он не просто сказал: *радуйтеся*, но прибавил: *о Господе*, (Флп. IV, 4).

4. Это – самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это – радость, приносящая пользу; она имеет свое начало, корень и основание в узах, в бичеваниях, в гонениях, в худой молве, и вообще в предметах скорбных, но конец ее вожделенный. Радость же мирская, напротив, начинается удовольствием, а оканчивается скорбью. Я не возбраняю радоваться о Господе, но даже особенно убеждаю к тому. Апостолы были бичуемы – и радовались; были связываемы – и благодарили; были побиваемы камнями – и проповедовали. Такой радости желаю и я; она берет свое начало не от чего-нибудь чувственного, а от предметов духовных. Невозможно, чтобы радующийся по мирскому радовался вместе и о Боге; всякий радующийся по мирскому радуется богатству, роскоши, славе, могуществу, почестям; а радующийся о Боге радуется бесчестию ради Его, бедности, нестяжательности, пощению, смиренномудрию. Ви-

дишь ли, как противоположны их предметы? Кто здесь не имеет радости, тот чужд и скорби (духовной); а кто здесь не имеет скорби, тот чужд и радости (о Боге). Несомненно, эти (предметы) доставляют истинную радость; а те носят только одно имя радости, в сущности же составляют скорбь. Сколько скорбей имеет (человек) высокомерный! Как он терзает сам себя от гордости, выдумывая себе тысячи оскорблений, (питая в себе) великую ненависть, сильную вражду, большую зависть и крайнее недоброжелательство! Если оскорбил его кто-нибудь из высших его, он досадует; если он еще не возвысился над всеми, терзается. Напротив, человек смиренный наслаждается великим удовольствием, не ожидая почестей ни от кого. Если ему оказывают честь, он радуется; если не оказывают, он не скорбит, но даже любит то, что ему не воздали почестей. Таким образом не искать почестей и получать их, это — великое удовольствие. А у того наоборот: он ищет почестей и не получает их. И радуются почестям неодинаково ищущий их и не ищущий. Первый, сколько бы ни получал, думает, что ничего не получил; а последний, хотя и немного окажешь ему, принимает так, как если бы все получил. Также человек, живущий в роскоши, имеет множество богатства, и приобретения текут к нему легко, как бы из источника; но он страшится бедствий (происходящих) от роскоши и неизвестности будущего; а тот, кто приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается удовольствием; не столько огорчает его то, что он не имеет роскошного стола, сколько услаждает то, что он не страшится неизвестности будущего. Всякому известно, сколько бедствий происходит от роскоши, но необходимо сказать об этом и теперь. От нее сугубая брань, то есть и тела, и души, сугубая буря, сугубые болезни, и притом болезни неисцельные, сопровождающиеся великими несчастьями. Но не таковы

плоды умеренности; (от нее) сугубое здоровье, сугубые блага. *Сон здравый*, говорит Премудрый, от *чрева умеренна* (Сир. XXXI, 22). Умеренность всюду вожделенна, а неумеренность напротив. Например: положи на малую искру большую связку дров, и ты увидишь уже не светлый огонь, а только дым весьма неприятный.

Возложи на человека очень сильного и большого тяжесть, превышающую силы его, и увидишь его вместе с ношей поверженным и лежащим на земле. Навали слишком много груза на корабль, и причинишь страшное кораблекрушение. Таковы плоды и роскоши. Как на кораблях, слишком нагруженных, происходит большое смятение пассажиров, когда и кормчий, и сидящий на корме, и прочие плывущие на нем начнут бросать в море все и сверху и снизу, так и здесь: извергают и вверх, и вниз, и среди терзаний погибают. А что всего постыднее, сами уста исполняют дело задних частей и даже делаются срамнее их. Если же в таком срамном состоянии уста, то представь, каково на душе. Там все – мрак, все – буря, все – тьма, большая смутность в мыслях, мятущихся беспокойно и тяжко, и сама душа вопиет от стеснения. Тогда и сами чревоугодники обвиняют друг друга, досадуют и спешат извергнуть внутреннюю нечистоту. Однако и по извержении буря не прекращается, но являются горячки и другие болезни. Так, скажешь, подвергаются болезням и сраму; но напрасно описывать это и исчислять нам болезни; бываю болен я, страдаю я, подвергаюсь сраму я, который не имею, что есть: а эти, живущие в роскоши, как видишь, благодушествуют, цветут здоровьем, веселятся и катаются на конях. Увы, такие слова достойны слез! А кого, скажи мне, видим мы страждущими подагрой, носимыми на носилках, обвязанными? И если бы они не считали для себя обидным и не приняли слов моих за оскорбление, то я мог бы назвать их по именам. Но есть и такие,

скажешь, которые остаются и здоровыми. Это потому, что они не предаются одним удовольствиям, (но занимаются) и трудами. Укажи мне хотя одного человека, который бы, постоянно угождая чреву, лежа в бездействии и нисколько не трудясь, был бы здоров. Ты не найдешь (такого человека). Хотя бы собрались тысячи врачей, и они не в состоянии избавить от болезней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самого дела. А я предложу вам врачебное наставление: не все то, что принимается в чрево, обращается в пищу, потому что и в самом существе пищи не все питательно, есть в ней часть, поступающая на извержение, а другая на питание. Поэтому кто, приняв ее в меру, даст ей совершенно перевариться, с тем это и делается и она достигает своего назначения; все здоровое и полезное занимает свое место, а излишнее и бесполезное отделяется и извергается; если же она принята через меру, тогда и то, что в ней есть питательного, становится вредным. Чтобы яснее раскрыть вам это, представлю в пример следующее: в хлебе есть крупчатка, мука и отруби. Если в жернов насыплешь столько, сколько он может смолоть, то он отделяет все это; а если насыплешь больше, то все перемешивается. Также вино, если будет иметь надлежащее приготовление и благовременное брожение, то в нем сперва бывает все нераздельно, а потом одно обращается в дрожжи, другое в пену, а иное делается напитком усладительным для употребляющих его, и это последнее бывает полезно и не скоро портится, тогда как сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смешано. Тоже можно видеть и на море, во время сильной бури. Как тогда мы видим, что рыбы плавают по поверхности мертвыми, не будучи в состоянии укрыться от стужи в глубине, так бывает и с нами. Когда низвергнется на нас сильный дождь пресыщения, все возмущающий,

тогда производит то, что наши мысли, дотоле бывшие здравыми и спокойными, плавают как бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итак, научившись этими примерами, как велик вред (от пресыщения), перестанем ублажать тех, которых следовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что следовало бы называть блаженными, и возлюбим умеренность. Или вы не знаете изречения врачей, что скудость – мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только телесного, но и душевного. Тоже внушает и Павел, этот истинный врач, когда говорит: *имеюще пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8). Будем же послушны ему, чтобы нам здоровыми делать то, что должно делать, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Сего Моисеа, егоже отринуша, рекше: кто тя постави начальника и судию над нами? сего Бог князя и избавителя посла рукою ангела, явльшагося ему в купине (Деян. VII, 35)

1. Это весьма близко относится к предложенному (Стефаном) предмету. *Сего Моисеа*, говорит. Какого – *сего?* Того, который подвергался опасности погибнуть, которого (евреи) презрели, которого они отвергли, сказав: *кто тя постави начальника*, подобно тому, как и о Христе говорили: *не имамы царя, токмо кесаря* (Ин. XIX, 15). *Сего Бог князя и избавителя посла рукою ангела*, который сказал ему: *Аз есмъ Бог Авраамов* (Исх. III, 6). Этим он показывает, что бывшие (при Моисее) чудеса совершены были Христом. *Сей*, то есть Моисей (посмотри, как Стефан изображает славу его) *изведе их, сотворъ чудеса и знамения*

в земли Египетстей, и в Чермном мори, и в пустыни, лет четыредесять. Сей есть Моисей рекий сыном Исраилевым: пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш от братии вашея, яко мене (ст. XXXVI, 3, 7), то есть которого они также презрят и подвергнут гонениям. Ведь и Его (Христа) Ирод хотел убить, но Он спасся в Египте, подобно тому, как и тот в детстве подвергался гонениям. *Сей есть бывый в церкви в пустыни со ангелом, глаголавшим ему на горе, Синайстей и со отцы нашими, иже прият словеса жива дати нам* (ст. 38). Опять (это происходило, когда) еще не было ни храма, ни жертвоприношения. *Со ангелом*, говорит, *прият словеса жива дати нам.* Этим он показывает, что (Моисей) не только творил знамения, но и дал закон, как и Христос. И как он сначала творит знамения, потом дает закон, так точно и Христос. Но (евреи), привыкшие никогда не покоряться, не послушали его и после знамений и чудес, бывших в течение сорока лет. И не только не послушали, но сделали противное, на что указывая, Стефан и присовокупил: *егоже не восхотеша послушати отцы наши, но отринуша и обратишася сердцем своим во Египет, рекше Аарону: сотвори нам боги, иже предыдут пред нами: Моисею бо сему, иже изведе нас из земли Египетския, не вемы что бысть ему. И сотвориша телца во дни оны, и принесоша жертву идолу и веселяхуся в делех руку своею. Отвратися же Бог и предаде их служити всем небесным, якоже писано есть в книзе пророк: еда заколения и жертвы принесосте ми лет четыредесять в пустыни, доме Исраилев? И восприясте скинию Малахову и звезду Бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе поклонятися им. И преселю вы далее Вавилона* (ст. 39—43). *Предаде* здесь значит: попустил. *Сень свидения бяше отцем нашим в пустыни, якоже повеле глаголяй Моисеови сотворити ю по образу, егоже виде* (ст. 44). Хотя скиния была, но жертв еще не было. А что их не было, об этом ясно говорит пророк: *еда заколения и требы принесосте ми* (Ам. V, 25)? Скиния сви-

дения была, но не принесла им никакой пользы, и они погибали. Также и знамения ни прежде того, ни после не принесли им никакой пользы. *Юже и внесоша приемше отцы наши* (ст. 45). Видишь ли, что то место и свято, где присутствует Бог? Потому он и сказал: *в пустыни*, чтобы сравнить одно место с другим. Затем (следовало) благодеяние. *Юже и внесоша*, говорит, *приемше отцы наши со Иисусом во одержание языков, ихже изрину Бог от лица отец наших даже до дней Давида: иже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю* (ст. 45, 46). Молил о построении (храма) Давид великий и чудный, но не получает просимого; а создает его отверженный Соломон. Потому (Стефан) и говорит: *Соломон же созда ему храм. Но Вышний не в рукотворенных церквах живет* (ст. 47, 48). Это уже доказано и предыдущими словами; но подтверждается еще и голосом пророческим; а каким образом, послушай далее: *якоже и пророк глаголет: небо мне престол есть, земля же подножие ногама моима. И кий храм созиждете ми, глаголет Господь, или кое место покоищу моему? не рука ли моя сотвори сия вся* (ст. 49, 50)? Не удивляйтесь, говорит, что Христос благотворит и тем, которые отвергают царствие Его: тоже было и при Моисее. Он не просто извел (евреев), но после того, как они пробыли в пустыне. Видишь ли, что и те знамения были для них? Кто беседовал с Богом, был спасен чудесным образом, столько сделал и имел такую силу, того пророчество, доказывает (Стефан), непременно должно исполниться, и он не может противоречить самому себе. Впрочем, обратимся к вышесказанному. *Сей есть*, говорит, *Моисей рекий: пророка вам воздвигнет Господь, яко мене.* Мне кажется, на это изречение указывал и Христос, когда сказал: *спасение от иудей есть* (Ин. IV, 22), разумея самого Себя. *Сей есть бывый в пустыни со ангелом, глаголавшим ему.* Вот и опять указывает, что (Христос) дал закон, так как Он был с ним (Моисеем)

в собрании – в пустыне. Здесь же напоминает и о великом чуде, случившемся на горе (Синайской). *Иже прият словеса жива дати нам.* Во всем чуден Моисей, но особенно, когда нужно было дать закон. Что значит: *словеса жива?* Разумеет те, которых исполнение раскрывалось в словах его, или пророчества. Затем следует обвинение праотцов, которые после знамений и чудес, и по получении слов живых, *не восхотеша*, говорит, *послушати его.* Хорошо он сказал: *словеса жива*, показывая тем, что есть слова и не живые, о которых упоминает и Иезекииль, когда говорит: *и дах* вам *заповеди не добры* (Иез. XX, 25). В противоположность таким словам он прибавил: *жива. Но отринута и обратишася сердцем своим во Египет*, где они стонали, где вопили, откуда призывали Бога. *И рекше Аарону, сотвори нам боги, иже предъидут пред нами.*

2. О, безумие! *Сотвори*, говорят, *да предъидут пред нами.* Куда? В Египет. Видишь ли, как неохотно они расставались с обычаями египетскими? Что ты говоришь? Не хочешь дождаться того, кто вывел, но отказываешься от благодеяния и убегаешь от благодетеля? И смотри, как они оскорбляют его. *Моисею бо сему, иже изведе нас от земли Египетския.* Нигде не упоминают имени Божия, но все приписывают Моисею. Когда нужно было им быть благодарными, тогда они обвиняют Моисея; а когда нужно было исполнять закон, тогда не помнят уже и о Моисее. Он сказал им, что восходит (на гору) для получения закона; а они не подождали и сорока дней. *Сотвори нам боги.* Не сказали: Бога, но боги; так они неистовствовали, что и сами не знают, что говорят. *И сотвориша телца во дни оны, и принесоша жертву идолу.* Видел ли ты крайнее безумие? Там, где Бог явился Моисею, они делают тельца и приносят ему жертву. *И веселяхуся*, говорит, *в делех руку своею.* Чего надобно было стыдиться, тому они радовались. И что удивительного,

если вы не признаете Христа, когда (вы не признавали) ни Моисея, ни Бога, открывшегося в стольких знамениях? Но они не только не признавали, но еще иначе оскорбили их, сделав идолов. *Отвратися же Бог и предаде их служити воем небесным.* Отсюда и произошли эти обычаи; отсюда эти жертвы. Они сначала приносили жертвы идолам, на что указывая, и Давид говорит: и *сотвориша телца в Хориве и поклонишася истуканному* (Пс. CV, 19). Так как прежде этого нигде не упоминается о жертвах, но (были) заповеди живые и *словеса жива,* — то нигде не было и (жертвенных) обрядов, а только чудеса и явление знамений. *Якоже писано есть в книге пророк.* Здесь (Стефан) привел свидетельство не без цели, но для того, чтобы показать, что в жертвах нет нужды. И смотри, что он говорит: *еда заколения и жертвы принесосте ми лет четыредесять в пустыни? И восприясте скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе покланятися им.* Он сказал в виде обличения; а слова его означают следующее: вы не можете сказать, что вы стали приносить жертвы идолам, подобно тому, как приносили их Мне; и это было в пустыне, когда Бог особенно руководил их. *И восприясте скинию Молохову.* От ней и (получили) начало жертвы. *И преселю вы далее Вавилона.* Так и плен есть наказание за нечестие. Но почему, скажут, скиния названа *сению свидения?* Потому что она была для того, чтобы они имели Бога свидетелем. Для этого только она и существовала. *По образу,* сказано, *показанному тебе на горе* (Исх. XXV, 40). Следовательно, образец ее показан был на горе, и она была носима в пустыне, а не стояла на месте. Скинией же свидетельства называется, не по чему-нибудь другому, как по чудесам и заповедям. Впрочем, ни она, ни они не имели храма. И самый образец ее показан был, следовательно, самим ангелом. *Даже до дней Давида,* говорит. Следовательно, до того времени не было храма, хотя и были

изгнаны (языческие) народы, о которых он говорит: *ихже изрину Бог от лица отец наших.* Это же он сказал опять с целью доказать, что тогда не было храма. Но что я говорю: было столько чудес и еще не было храма? Вот была и первая скиния, но еще не было храма. Давид молил обрести благодать перед Богом, — молил и не создал (храма). Следовательно храм не составлял чего-нибудь важного, хотя некоторые и считали Соломона великим за построение храма, и даже за это ставили его выше отца. Но что он не был лучше отца и даже не равен ему, а только кажется таким во мнении толпы, это он объяснил, присовокупив: *но Вышний не в рукотворенных церквах живет, якоже пророк глаголет: небо мне, престол есть, земля же поножие ногама моима.* Да и эти (небо и земля) недостойны (быть жилищем) Бога, как творения, как дела руки Его. Смотри, как он убеждает их мало-помалу. Из пророка он доказывает, что даже и эти (творения) нельзя назвать достойными (быть жилищем) Бога. Для чего же, скажут, он говорит потом так обличительно? У него было великое дерзновение, как (у человека) готового на смерть; я думаю об этом он знал по откровению. *Жестоковыйнии и необрезаннии сердцы и ушесы;* и это также из пророка, а не собственные его слова; *вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы* (ст. 51). Когда Бог не желал, чтоб были жертвы, вы приносили жертвы; а когда желает, вы не приносите их; когда Он не хотел давать вам заповедей, вы требовали их; а когда получили, то нерадели о них. И еще, когда существовал храм, вы служили идолам; а когда Ему угодно, чтобы вы служили Ему без храма, вы делаете противоположное. Смотри, он не сказал: *Богу противитеся,* но: *Духу;* так он не полагает никакого различия (между Ними). И еще большее говорит: *якоже отцы ваши, тако и вы.* Так и Христос обличал их, потому что они всегда слишком много хва-

лились отцами. *Кого от пророк не изгнаша отцы ваши? И убиша предвозвестившыя о пришествии Праведного.* Говорит: *Праведного,* чтобы и этим вразумить их. *Егоже вы ныне предателе и убийцы бысте* (ст. 52). Обличает их в двух делах: в том, что они не признали (пророков) и что убили их. *Иже прияете закон устроением ангельским, и не сохранисте* (ст. 53).

3. Что это значит? Некоторые утверждают, что, по словам его, закон был составлен ангелами; но это несправедливо, потому, что когда же ангелы являлись составляющими закон? Но он называет его *устроенным,* то есть врученным Моисею ангелом, явившимся ему в купине; так как это был не человек. Итак, нет ничего удивительного, говорит, если вы совершили это, когда совершили и то; если вы умертвили возвещавших (о Христе), то тем более (могли умертвить) Его. Здесь он представляет их непокорными и Богу, и ангелам, и пророкам, и Духу, и всем, как и в другом месте Писание говорит: *Господы, пророки твоя избита и, олтари твоя раскопаша* (3 Цар. XIX, 10). Они, притворно защищая закон, говорили: *глаголы, хульныя глаголет на Моисеа* (Деян. VI, 11); а он показывает, что они сами еще более произносят хулу не только на Моисея, но и на Бога, и что они издревле так поступают; что они сами нарушили обычаи, в которых уже нет нужды; что они, обвиняя и называя его противящимся Моисею, сами противились Духу, и не просто, но даже и с совершением убийства, и что издревле они враждовали (против Бога). Видишь ли, как он доказывает, что они противились и Моисею, и всем, и не соблюдали закона? Моисей сказал: *пророка возставит вам Господь* (Втор. XVIII, 15), и прочие предсказывали об Его пришествии; также и пророк говорит: *кий дом созиждете ми* (Ис. LXVI, 1)? И еще: *еда заколения и требы принесосте ми лет четыредесять* (Ам. V, 25)? Таково дерзновение мужа, несущего крест (Христов)!

Будем же подражать ему и мы; хотя теперь и нет брани, но для дерзновения всегда есть время. *И глаголах*, говорит (Давид), *о свидениих твоих пред цари, и не стыдяхся* (Пс. CXVIII, 46). Поэтому, встретимся ли мы с эллинами; будем таким образом заграждать им уста, но без гнева, без ожесточения. Если станем это делать с гневом, то это, кажется, уже не будет дерзновение, а страсть; если же кротко, то это и есть истинное дерзновение, потому что не могут быть вместе в одно и то же время и добродетель, и порок. Дерзновение — это добродетель, а гнев — порок. Итак мы, если хотим иметь дерзновение, должны быть чистыми от гнева, чтобы кто-нибудь не приписал ему слов (наших). Если ты говоришь и правду, но с гневом, то все погубил, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или делать что-нибудь другое. Посмотри на этого мужа (Стефана), как он беседует без гнева; ведь он не оскорбил их, а только напомнил им о слове пророческом. А что он не был в гневе, это сам он показал, когда его мучили, а он молился за них и говорил: *Господи, не постави им греха сего* (ст. 60). Так он говорил это, не гневаясь на них, но сожалея и скорбя о них. И о лице его поэтому сказал (писатель): *видеша лице его, яко лице ангела* (Деян. VI, 15), так что и оно могло привлечь их. Будем же чистыми от гнева. Дух Святой не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию. И невозможно быть чему-нибудь здравому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик, и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе. Если же душа хочет сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то наперед должна быть в (тихой) пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь необходимом избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний

шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это в гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять тоже; будет ли есть, и тогда повредит себе; будет ли пить или не будет, будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется подобное же. И что у таких (людей) не беспорядочно? Глаза — отвратительны; рот — искривлен: члены тела напряжены и трясутся; язык необуздан и не щадит никого; рассудок помешан; одежда в непристойном виде; (во всем) великое безобразие! Посмотри на глаза беснующихся, пьяных и неистовствующих (от гнева): чем они отличаются друг от друга? Не всюду ли безумие? Но ведь это бывает всегда только на время? Правда, неистовствующий бывает одержим (гневом) на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавал, говорят, что сказал. Почему же не сознавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это — оправдание, достойное осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это — слова гнева, скажешь, а не мои. Как — гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя. Это подобно тому, как если бы кто сказал: это — раны руки (моей), а не мои. Где, кажется, больше всего нужен гнев, как не на войне и во время битвы? Но и там, если что будет делаться с гневом, то все будет испорчено и погублено. Воюющим в особенности и не следует гневаться; нападающим в особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, как же иначе можно сражаться? Разумно, спокойно. Сражение есть стояние одной стороны против другой. Разве ты не видишь, что и сами войны подчинены закону, порядку и времени? А гнев есть не что иное, как безум-

ное раздражение; безумный же не может сделать ничего разумного.

4. Так и он (Стефан) говорил это, и не гневался. И Илия говорил: *доколе вы храмлете на обе плесне ваши* (3 Цар. XVIII, 21)? но не гневался. И Финеес совершил убийство, но не гневался. Гнев не дозволяет видеть, но как бы во время ночной битвы, закрыв все, и глаза и уши, ведет туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападает на нас, положим на перси знамение (креста), как бы некоторую узду на него. Гнев есть бесстыдный пес; но пусть он научится слушаться закона. Если пес при стаде так свиреп, что не будет слушаться приказаний пастуха и узнавать его голоса, то все потеряно и погублено. Он пасется вместе с овцами; но когда станет кусать овец, то делается вредным, и его убивают. Если пес научится слушаться тебя, то корми его; он полезен своим лаем против волков, разбойников и воров, а не против овец и не против домашних. Если же не слушается, то во всем вредит, и если не обращает внимания на приказания, то все губит. Итак, пусть не истощается кротость твоя, но самый гнев пусть хранит и питает ее; а он сохранит и в совершенной безопасности будет пасти ее тогда, когда будет истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будет отовсюду отгонять диавола. Так кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляем ничего худого против ближнего; так мы делаемся достойными уважения, когда не учимся поступать бесстыдно. Ничто не делает так бесстыдным, как порочная совесть. Отчего блудницы бесстыдны? Отчего девственницы стыдливы? Первые не от греха ли? А последние не от целомудрия ли? Ничто не делает так бесстыдным, как грех. Напротив, скажут, он производит стыд? Правда, в том, кто сознает себя; а бесстыдного он делает еще более дерзостным; кто не сознает себя, тот становится дерзким.

Егда приидет, говорит (Премудрый), *нечестивый во глубину зол, нерадит* (Притч. XVIII, 3). Бесстыдный бывает дерзким, а дерзкий – отчаянным. Хочешь ли узнать, когда истощается кротость? Когда сокрушают ее порочные помыслы. Но, если случится и то, что этот пес не будет стоять и громко лаять, то и тогда не должно отчаиваться. У нас есть и праща и камень, – вы знаете, что я говорю, – у нас есть и копье, и ограда, и затвор, где мы можем сохранить помыслы чистыми. Если пес ласков к овцам, но лает на чужих и не сонлив, то это – хорошие качества пса. Когда он голоден, то и тогда не кусает овец, когда и сыт, не щадит волков. Таков и гнев. Когда он раздражается, не (должен) отступать от кротости; и когда не раздражен, (должен) восставать против порочных помыслов; своих, хотя бы и бьющих его, не оставлять, но признавать, а чужим, хотя бы и ласкающим его, не давать пощады. Диавол часто ластится, как собака; но пусть всякий знает, что он чужой (для нас). Так и мы будем любить добродетель, хотя бы она причиняла нам скорбь; а от порока, хотя бы он и доставлял нам удовольствие, будем отвращаться. Не будем хуже псов, которые не убегают (с своего двора), хотя бы их били и мучили; а чужому, хотя бы он и накормил их, скорее вредят. Так и гнев бывает полезен, когда он восстает против чужих. Что значит изречение: *гневаяйся на брата своего всуе* (Мф. V, 22)? То же, что: не мсти за себя и не воздавай злом. Если видишь другого погибающим, протяни ему руку помощи; гнев не будет уже иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому. Давид застиг Саула, но не разгневался и не вонзил копья, имея в руках своих врага (1 Цар. XXVI, 7); а отомстил диаволу (своею кротостью). Моисей, увидев, что чужой обижает (еврея), убил его; а когда свой (обижал своего), то не сделал этого; но братьев хотел примирить, а тех разделил (Исх. II, 12).

Хотя Писание и называет его самым кротким человеком (Числ. XII, 3), однако, и в нем иногда возбуждался гнев. Но мы не так; когда нужно показать кротость, то бываем свирепее всех зверей; а когда (нужно) гневаться, то (бываем) всех ленивее и беспечнее. Таким образом, употребляя свои силы не на то, на что должно, мы тратим и жизнь свою напрасно, подобно тому, как снаряды, когда употребляют их один вместо другого, портятся все. Так, например, если кто-нибудь, имея меч, не будет употреблять его, когда нужно употребить, но будет действовать рукой, не достигнет успеха; и напротив, если употребит меч там, где нужно действовать рукой, то испортит все. Также и врач, если не отрезывает там, где должно, а отрезывает, где не нужно, то портит все. Поэтому, умоляю, будем употреблять это орудие (гнев) в свое время. Для гнева – вовсе не время, когда мы должны помочь самим себе; а если нужно исправить других, тогда в особенности должно употреблять его, чтобы спасти других. Таким образом, всюду соблюдая себя от гнева, мы уподобимся Богу и сподобимся будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Слышавше же сия, распыхахуся сердцы своими, и скрежетаху зубы нань (Деян. VII, 54)

1. Достойно удивления, как они, не найдя в словах (Стефана) повода к убиению его, еще беснуются и ищут этой причины. Так всегда бывают злобны (люди), поступающе неправедно. Подобно тому, как первосвященники недоумевали и говорили: *что сотворим человекома*

сима (Деян. IV, 16), так и они терзаются. Кажется, он должен был бы негодовать, как не сделавший ничего несправедливого, и между тем подвергшийся участи (людей) неправедных и оклеветанный. Но этим-то более клеветники и обличаются; и так-то (оказывается) истинным то, о чем я всегда говорил, что делать зло — значит страдать. А он не произносил никакой клеветы, но говорил правду. Так, когда нас поносят за то, чего мы не сознаем за собой, мы от этого ничего не терпим. Они хотели убить его; но не (вдруг) делают это, а желают еще найти благовидную причину для своего злодеяния. Как? Разве обличение не было благовидной причиной? Но это было обличение не его собственное, а пророческое; или они нарочито отлагали (убиение), чтобы показать вид, будто они убили его не за обличение их, — подобно тому, как было и с Христом, — но за нечестие. Между тем слова его были слова благочестия. Поэтому, намереваясь вместе с лишением жизни повредить и славе его, они *распыхахуся*, – так как они боялись, чтобы из-за него еще не случилось чего-нибудь нового. Затем, что они сделали с Христом, то (делают) и со Стефаном. Как там, когда Он сказал: *узрите Сына человеческого сидяща одесную силы* (Мф. XXVI, 64), они называли это богохульством и призывали народ в свидетели, так точно и здесь. Там растерзали одежды; здесь затыкали уши. *Стефан же сый исполнь Духа Свята, воззрев на небо, виде славу Божию, и Иисуса стояща одесную Бога, и рече: се вижу небеса отверста, и Сына человеча одесную стояща Бога. Возопивше же гласом велиим, затыкаху уши свои, и устремишася единодушно нанъ: и изведше вне града, камением побиваху* (ст. 55–58). И если бы даже он говорил неправду, то следовало бы отпустить его, как исступленного. Но он сказал это с тем, чтобы обратить их. Так как он сказал только о смерти (Христовой), а о воскресении не сказал ничего, то теперь благовременно присовокуп-

ляет учение и об этом предмете. Он говорит, что (Христос) явился ему так, как он рассказывает, чтобы хотя таким образом расположить их к принятию слов его; сказать, что сидит (одесную Бога), было бы невыносимо для них; потому он проповедует только о воскресении и говорит, что Христос стоит (одесную Бога). Думаю, что и лицо его прославилось от этого (видения). Человеколюбец Бог через то самое и хотел призвать их к Себе, за что они негодовали, если бы и не было ничего более. *И изведше вне града, камением побиваху.* Опять смерть вне города, как (было) с Христом, и при самой смерти возвещается исповедание и проповедь. *И свидетелие ризы своя положиша при ногу юноши, порицаемого Савла, и камением побиваху Стефана, молящася (Богу) и глаголюща: Господи Иисусе Христе, приими дух мой* (ст. 58, 59). Этим он показывает и научает их, что он не погибает. *И преклонь колена, возопи гласом велием: Господи, не постави им греха сего* (ст. 60). Как бы в доказательство того, что и прежде сказанное им происходило не от гнева, говорит: *Господи;* или таким образом он хотел обратить их: ведь простить гнев и ярость, (простирающуюся) до убийства, и показать душу, непричастную страсти, — это могло расположить к принятию слова его. *Савл же бе соизволяя убийству его. Бысть же в той день гонение велие на церковь Иерусалимскую* (VIII, 1). Не случайно, мне кажется, произошло это гонение, но по устроенно (Божию). *Вси же рассеяшася по странам Иудейским и Самарийским, кроме апостол* (ст. 1). Видишь ли, как Бог опять попускает быть искушениям? Но посмотри здесь, прошу, как устрояются дела. Они были предметом удивления по причине знамений; будучи бичуемы, нисколько не скорбели; остались на местах; проповедь распространялась; но потом (Бог) попускает великое препятствие: происходит гонение не малое, но такое, что вместе и они должны были бежать (а их боялись, как сделавшихся

более дерзновенными), и для всех стало явно, что те, которые боялись и бежали, были люди. Но, чтобы ты после не говорил, будто они все делали только благодатно и тогда, когда были гонимы, для того те оказались более робкими, а они более дерзновенными. *И вси*, говорит (писатель), *рассеяшася, кроме апостол.* Итак, я не напрасно говорил, что это гонение было по устроенно (Божию); если бы его не было, ученики не рассеялись бы. *Погребоша же Стефана мужие благоговейнии, и сотвориша плачь велий над ним* (ст. 2). Они оплакивают его или потому, что они еще не были совершенны, или потому что он был достоин любви и уважения. Вместе с тем и эта печаль, и плач, кроме страха, показывают, что они были люди.

2. И кто не заплакал бы, видя этого кроткого агнца, побитого камнями и лежавшего мертвым? Достойную его надгробную надпись оставил евангелист, сказав: и *преклонь колена, возопи гласом велием. И сотвориша плачь велий над ним.* Но обратимся к вышесказанному. *Сый исполнь Духа Свята, воззрев на небо, виде славу Божию, и Иисуса стояща одесную Бога, и рече: се вижу небеса отверста.* И *затыкаху уши свои, и устремишася единодушно нань.* Что здесь достойного осуждения? Но, несмотря на то, они (мужа) сделавшего такие знамения, победившего всех словом своим и так говорившего, взяли и, как хотели, так и удовлетворили над ним ярость свою. *Свидетелие же ризы, своя положиша при ногу юноши, порицаемого Савла.* Смотри, как обстоятельно (писатель) повествует о том, что касается Павла, чтобы показать тебе дело Божие, совершившееся над ним после. А теперь он не только не верует, но и предает Стефана в руки бесчисленных убийц; на что указывая, (писатель) и говорит: *Савл же бе соизволяя убийству его.* Молится же блаженный (Стефан) не просто, но внимательно: *преклонь же*, говорит, *колена.* Потому и смерть его была божественна; а до этого вре-

мени душам определено было пребывать в аду. *Вси же разсеяшася по странам Иудейским и Самарийским.* Без опасения входят в общение с самарянами те, которые слышали: *на путь язык не идите* (Мф. X, 5). *Кроме,* говорит, *апостол,* показывая тем, что они, желая и при этом случае обратить иудеев, не оставили города; или же они хотели быть и для других образцами дерзновения. *Савл же озлобляше Церковь, в домы входя, и влача мужи и жены, предаяше в темницу* (ст. 3). Великое исступление, как потому, что он был один, так и потому, что входил в дома: до такой степени он отдал душу свою за закон! *Влача,* говорит, *мужи и жены.* Посмотри и на смелость, и на озлобление, и на исступление. Всех попадавшихся ему он подвергал бесчисленным бедствиям, как будто после этого убийства (Стефана) сделавшись дерзостнее. Итак, *рассеявшиися прохождаху, благовествующе слово. Филипп же сошед во град Самарийский, проповедаше им Христа, внимаху же народи глаголемым от Филиппа единодушно, слышаще и видяще знамения, яже творяше. Дуси бо нечистии от многих имущих я, вопиюще гласом велием, исхождаху: мнози же расслабленнии и хромии исцелишася. И бысть радость велия во граде том. Муж же некий, именем Симон, прежде бе во граде волхвуя и удивляя язык Самарийский, глаголя никоего быти себе велика. Ему же внимаху вси от мала даже до велика, глаголюще: сей есть сила Божия великая* (ст. 4—10). Заметь, прошу, и другое искушение, то есть от Симона. *Внимаху же ему,* говорит, *народи, зане довольно время волхвовании удивляше их. Егда же вероваша Филиппу благовействующу, яже о царствии Божии и о имени Иисус Христове, крещахуся мужие же и жены, Симон же и сам верова, и крещся бе пребывая у Филиппа: видя же силы и знамения велия бываема, дивляшеся. Слышавши же, иже во Иерусалиме апостоли, яко прият Самария слово Божии, послаша к ним Петра и Иоанна. Иже сошедше помолишася о них, яко да приимут Духа Святаго. Еще бо ни на единого их бе пришел, точию крещени*

бяху во имя Господа Иисуса. Тогда возложиша руце на ня, и прияша Духа Святаго. Видев же Симон, яко возложением рук апостольских дается Дух Святый, принесе им сребро, глаголя: дадите и мне власть сию, да, на него же аще положу руце, приимет Духа Святаго (ст. 11–19). Как, скажут, неужели они не получили Духа? Они получили Духа отпущения (грехов); но Духа знамений еще не получили. А что это так, что они не получили Духа знамений, ясно из того, что Симон, увидев это, пришел просить Его. Гонение тогда особенно и усилилось, но Бог опять избавлял их, оградив их знамениями. Так как смерть Стефана не укротила ярости (иудеев), но еще более усилила ее, то учители и рассеиваются, чтобы учение более распространилось. Но вот, обстоятельства их опять делаются благоприятными и они получают радость. *И бысть*, говорит (писатель), *радость велия во граде* (ст. 8), хотя (прежде) был великий плач. Так обыкновенно Бог всегда делает, соединяя радости со скорбями, чтобы быть еще более достойным удивления. Недуг был в Симоне с давнего времени. Оттого он и при этом (крещении) не освобождается от него. Как же крестили его? Так же, как и Христос избрал Иуду. Он, видя совершающиеся знамения, изумлялся, но еще не смел испрашивать благодати знамений, так как видел, что и прочие еще не получили ее. Почему же не лишили его жизни, подобно Анании и Сапфире? Потому, что и в древности собиравший дрова (в субботу) был лишен жизни в научение других, но никто другой уже не подвергался тому же самому. Так и теперь поступает Петр и, наказав тех, не наказывает этого, но говорит ему: *сребро твое с тобою да будет в погибель, яко дар Божий непщевал еси сребром стяжати* (ст. 20).

3. И почему они по крещении не получили Духа Святого? Или потому, что Филипп не сообщил (Его), может быть, воздавая тем честь апостолам; или он сам не имел этого дарования, – потому что был из числа

семи (диаконов); последнее можно сказать с большей вероятностью. Отсюда мне кажется, что этот Филипп был из числа семи, второй после Стефана. Он, крестя, не сообщал крещаемым Духа, так как не имел такой власти: это дарование принадлежало одним только двенадцати (апостолам). И заметь: эти (апостолы) не вышли, но по устроению (Божию) вышли (из Иерусалима) те, которые не имели этой благодати, потому что еще не получили Духа Святого. Они получили силу творить знамения, но не получили, (силы) сообщать Духа другим. Следовательно, это исключительно принадлежало апостолам. Потому мы и видим, что делают это верховные (апостолы), а не другой кто-нибудь. *Видев же*, говорит (писатель), *Симон, яко возложением рук апостольских дается Дух Святый.* Он не сказал бы так, если бы не происходило чего-нибудь подлежащего чувствам. Так и Павел выразился, когда (свидетельствовал, что) они говорили (разными) языками. Видел ли ты нечестие Симона? Он принес деньги, хотя и не видел, чтобы (апостол) делал это за деньги; следовательно это не было делом неведения, но делом того, который искушал и хотел подвергнуть (его) осуждению. Поэтому и услышал: *несть ти части, ни жребия в словеси сем: ибо сердце твое несть право пред Богом* (ст. 21). Опять сокровенное в душе (Петр) обнаруживает, хотя тот и думал скрыть это. *Покайся убо о злобе твоей сей и молися Богу, аще убо отпустится ти помышление сердца твоего: в желчи бо горести и союзе неправды зрю тя суща. Отвещав же Симон рече: помолитъся вы о мне ко Господу, яко да ничтоже сих найдет на мя, яже рекосте* (ст. 22–24). Надобно было покаяться от сердца, надобно было плакать, а он только лицемерно делает это. *Аще убо отпустится ти.* Это сказал (Петр) не в том смысле, что ему не простится, если бы он и плакал, но так обыкновенно и пророки только угрожают, и не говорят: если сделаешь это, то простится тебе; но

(говорят), что наказание последует непременно. Но подивись, — прошу, — как они и во время бедствия не оставляют, а продолжают проповедь: и как подобно тому, как при Моисее (истинные) чудеса узнавались по сравнению (с ложными), так точно и здесь. Было волхвование, но эти знамения явно отличались; там не должно бы быть ни одного бесноватого, где (Симон) немалое время действовал на них волхвованиями; но как бесноватых было много и расслабленных много, то его (чудеса) не были истинны. Филипп же не только знамениями, но и словом приводил их (к вере), беседуя о царствии и о Христе. *Симон же*, говорит (писатель), *крещся бе пребывая у Филиппа,* — пребывал не для веры, но для того, чтобы самому сделаться таким же. *Иже сошедше помолишася о них, яко да приимут Духа Святаго. Еще бо ни на единого их бе пришед. Тогда возложиша руце на ня: и прияша Духа Святаго.* Видишь ли, (это делалось) не просто, но нужна была великая сила, чтобы сообщать Духа Святого? Не все ведь равно — получить отпущение (грехов), или получить такую силу. *Видев же Симон, яко возложением рук апостольских дается Дух Святый, принесе им сребро.* Видел ли он, чтобы прочие делали это? Чтобы (делал) Филипп? Неужели он думал, что они не знали, с какой мыслью приступал он? Потому Петр хорошо называет это даром, говоря: *сребро твое с тобою да будет в погибель, яко дар Божий непщевал еси сребром стяжати.* Видишь ли, как они были непричастны деньгам? *Несть ти части ни жребия в словеси сем: ибо сердце твое несть право пред Богом.* Итак, он делал все неправо, а надлежало быть простым. *Покайся убо: в желчи бо горести и союзе неправды зрю тя суща.* Это — выражения сильного гнева. Впрочем он не наказывает его для того, чтобы вера не происходила от необходимости, чтобы она не казалась делом жестоким, чтобы осталось место покаянию; или потому, что для исправления (его) достаточно было

обличения, что достаточно было обнаружить (сокрытое) в сердце, чтобы он сознался, что он уличен. Словами: *помолитеся вы, о мне* он это сознает и вместе исповедует. Посмотри, как он, хотя был нечестив, однако уверовал, когда был обличен, и теперь сделался смиренным, когда был снова обличен. *Видя знамения бываема, дивляшеся,* показывая тем, что все (дела его) – ложь. Не сказано: приступил, но: *дивляшеся.* Почему же он не сделал этого прежде? Он думал, что может укрыться; думал, что это было делом искусства. Но, так как он не мог укрыться от апостолов, то и приступил. *Дуси бо нечистии от многих имущих я, вопиюще гласом велим, исхождаху.* Этот (глас) был явным знаком того, что они исходили, а действия волхвов напротив еще более связывали (уста). *Мнози же расслаблении и хромии исцелишася.* Здесь не было обмана, потому что (исцеленные) должны были ходить и действовать. *Емуже внимаху вси, глаголюще: сей есть сила Божия.* Здесь исполняется сказанное Христом: *мнози востанут лжехристи и лжепророцы* во имя мое (Мк. XIII, 22). Но почему они не тотчас обличили его? Они удовольствовались тем, что он сам обличил себя; и это было поучительно. Иногда же он не мог противиться, то лицемерит, подобно волхвам, которые говорили: *перст Божий есть сие* (Исх. VIII, 19). А чтобы его опять не изгнали, для этого он и пребывал у Филиппа, и не отходил (от него).

4. Посмотри, прошу, сколько последствий произошло от смерти Стефана. Они рассеваются по странам иудейской и самарийской; благовествуют слово, проповедуют Христа, совершают знамения; мало-помалу получают дар (Святого Духа). Здесь было сугубое знамение: им дать, а тому (Симону) не дать – это величайшее знамение. *Они же убо засвидетельствовавше и глаголавше слово Господне, возвратишася во Иерусалим, и многим весем Самарийским благовестиша* (ст. 25). Прекрасно сказано:

засвидетельствовавше. Они свидетельствуют, может быть, касательно того (Симона), чтобы (верующие) не прельстились, чтобы они были в безопасности, чтобы по неопытности не были часто увлекаемы. *Возвратишася во Иерусалим.* Зачем они опять идут туда, где было гонение, где было начало бедствий, где особенно пребывали убийцы? Как на сражениях поступают военачальники, устремляясь к той части войска, которая ослабевает, точно так делают и они. Смотри еще: ученики не прежде приходят в Самарию, но вследствие гонения, как и при Христе, а потом уже к уверовавшим из самарян посылаются апостолы. *Слышавше же,* говорит (писатель), *иже во Иерусалиме апостоли, послаша к ним Петра и Иоанна* (ст. 14). Для чего же посылаются? Для того, чтобы избавить их от волхвования, чтобы напомнить учение, которое они слышали от Христа, когда в начале уверовали. Итак, (Симону) напротив следовало попросить, чтобы самому получить Духа Святого; а он, не заботясь о Нем для себя, просит, чтобы (иметь силу) сообщать Его другим. И те (семь диаконов) не получили Его так, чтобы сообщать другим; а он захотел стать славнее Филиппа, будучи в числе учеников его. *Сребро твое с тобою да будет в погибель.* Это — слова не надмевающегося, но учащего. Так как он не употребил сребра, на что должно, то пусть, говорит, оно будет при тебе — таком (нечестивце). Или как бы так сказал: пусть оно погибнет вместе с твоим намерением, потому что ты так низко думаешь о даре Божием, считая его делом совершенно человеческим. Не таков этот дар. Если бы он пришел, как следовало прийти, то был бы принят, или, по крайней мере, не был бы отвергнут, как зараза. Видишь ли, как тот грешит сугубо, кто думает низко о (предметах) высоких? Поэтому (апостол) повелевает ему два (дела): *покайся и молися, аще убо отпустится ти помышление сердца твоего.* Так тот замыслил дело пороч-

ное; потому (апостол) и сказал ему: *аще убо отпустится ти,* – зная, что он неисправим. Он же, со своей стороны, опасался народа и не решился раскаяться. Если бы он не смутился, то сказал бы: я не знал, я поступил легкомысленно; но он был поражен, во-первых, тем, что перед ним совершались знамения, а во-вторых, тем, что сокровенное в душе его сделалось явным. Поэтому он и отправился далеко, в Рим, куда апостол еще не доходил. *И многим,* говорит, *весем Самарийским благовестиша.* Смотри, как и в самом путешествии они совершали свое дело; они и путешествовали не напрасно. Такие путешествия должно совершать и нам. Но что я говорю: путешествия? Многие имеют села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся о них. О том, как бы устроить баню, как увеличить доходы, как устроить дворы и жилища, они заботятся много; а о том, как бы возделать души, нисколько. Когда ты видишь на поле терние, то исторгаешь, жжешь, уничтожаешь его, чтобы освободить землю от причиняемого им вреда; но, видя самих земледельцев, исполненных терниeм, не исторгаешь его: неужели, скажи мне, ты не боишься и не трепещешь Того, Который потребует от тебя отчета за них? Не должен ли каждый из верующих построить церковь, пригласить учителя в помощь себе, и заботиться прежде всего о том, чтобы все были христианами? Каким образом, скажи мне, земледелец будет христианином, когда он видит, что ты так нерадишь о его спасении? Но ты не можешь творить знамений и убеждать? Убеждай их тем, чем можешь: человеколюбием, предстательством, кротостью, ласками и всем другим.

Рынки и бани строят многие, а церквей не строят, и скорее все (сделают), нежели это. Поэтому убеждаю, умоляю и прошу как милости, или лучше, поставляю даже законом, чтобы никто не имел села без церкви. Не говори мне: (церковь) есть близко, у соседей; (с ней)

много расходов, не много доходов. Если ты имеешь что-нибудь уделять нищим, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи диакона и священнослужительский чин. Подобно тому, как (ты делаешь), когда берешь жену или невесту, или отдаешь дочь, так поступи и с церковью. Удели ей приданое. Таким образом село твое исполнится благословения. Каких не будет там благ? Неважно ли, скажи мне, что гумно (твое) будет благословляться? Неважно ли. Что от всех плодов твоих Бог прежде всех будет принимать часть и начатки? Это полезно для мира земледельцев. Затем и священник будет пользоваться уважением, и для села это послужит во спасение. Там (будут совершаться) за тебя постоянные молитвы, песнопения и торжества, и приношение (бескровной жертвы) в каждый день воскресный. Что более достойно хвалы – то ли, что другие строят великолепные гробницы, чтобы после них говорили: такой-то построил их, или то, что ты воздвиг церкви? Подумай, что, воздвигнув жертвенник Богу, ты будешь иметь воздаяние до самого пришествия Христова.

5. Скажи мне: если бы царь повелел тебе построить дом, чтобы ему жить там, не сделал ли бы ты всего? Но здание церкви есть царственное жилище Христа. Не смотри на расходы, но подумай о плоде. Те возделывают землю, – ты возделай их души; те приносят тебе плоды, – ты возводи их на небо. Кто полагает начало, тот (бывает) виновником и всего прочего. Так и ты будешь виновником (спасения) оглашаемых там и в ближайших селениях. Бани делают земледельцев очень изнеженными, корчмы – очень невоздержными; но, несмотря на то, вы строите их ради славы, Рынки и сходбища (делают их) бесстыдными; а здесь все напротив. Каково видеть священника, шествующего, подобно Аврааму, убеленного сединами, опоясанного, возделывающего землю и работающего своими руками! Что

вожделеннее такого селения? Здесь добродетель гораздо больше. Здесь нет распутства: оно отвергнуто; нет пьянства и объедения: они изгнаны; нет тщеславия: оно погашено; здесь радушие больше сияет от простосердечия. Каково выходить и входить в дом Божий и сознавать, что сам построил его, лечь отдохнуть и после телесного отдыха присутствовать при вечерних и утренних молитвословиях, пригласить к своему столу священника, беседовать с ним, принимать благословение, видеть, как и другие идут туда! Это – стена, это – безопасность селения. Это – та нива, о которой сказано: *воня нивы исполнены, тоже благослови Господь* (Быт. XXVII, 27). Если и без того село хорошо по тишине и спокойствию, в нем господствующему, то, когда оно будет иметь и это, с чем сравнится? Подлинно, село, имеющее церковь, подобно раю Божию. Нет там ни крика, ни шума, ни разных врагов, ни ересей: все являются друзьями, исповедующими одни и те же догматы. Тишина располагает тебя к любомудрию; священник, начав с этого любомудрия, легко уврачует тебя. Здесь все, что мы говорим, рассеивается на торжище; а там, что ты услышишь (от него), твердо напечатлеешь в душе своей, и оттого в селе ты будешь другим (человеком). Он и тех (поселян) станет руководствовать и будет для них стражем, как самым пребыванием (между ними), так и вразумлением их. А какие расходы, скажи мне? Ты построй сначала небольшой дом в виде храма; кто-нибудь после тебя построит притвор, а другой после него прибавит еще что-нибудь, и таким образом тебе вменится все. Ты даешь немногое, а получаешь воздаяние за все. Итак, сделай начало, положи основание, или лучше сказать, убеждайте друг друга, соревнуйте между собой в этом деле. Места, где надобно хранить мякину, рожь и все подобное, устрояют со всеми удобствами; а где надобно собирать плоды духовные, о том нисколько не заботят-

ся, но принуждают себя проходить тысячи стадий и предпринимать дальние путешествия, чтобы прийти в церковь. А как хорошо, когда священник с совершенным спокойствием приходит в церковь, чтобы приступить к Богу и каждый день молиться о селе, о создателе (храма)! Неважно ли, скажи мне, что твое имя будет постоянно поминаться в священнодействиях и каждый день будут совершаться о селе молитвы к Богу? Сколько это принесет тебе пользы и в прочих отношениях! Случается, что иные из твоих соседей имеют покровителей; к тебе – бедному – никто из них и прийти не захочет, а священника, быть может, и пригласит, и посадит за стол вместе с собой. Видишь ли, сколько отсюда может произойти благ? Село будет свободно от всякого дурного нарекания; никто не станет обвинять его ни в убийстве, ни в воровстве, ни подозревать в чем-нибудь подобном. Будут иметь (поселяне) от этого и другое утешение, когда приключится с кем болезнь или смерть. Не без пользы и не как случилось будут там вести дружбу посещающе друг друга; и собрания будут гораздо приятнее, нежели на (народных) праздниках. И не только собрания, но и сами старейшины будут более уважаемы ради священника. Ты, конечно, слышал, что Иерусалим у древних был почитаем более остальных городов, – и не без причины, но потому, что (в нем) тогда господствовало благочестие. Где почитают Бога, там нет ничего ху́дого; а напротив, где не почитают Его, там нет ничего доброго. Так будет (там) великое благосостояние и по отношению к Богу, и по отношению к людям. Поэтому увещеваю вас – не небрежно, но усердно приняться за это дело. *Если изводящий честное от недостойного, яко уста Божии будет* (Иер. XV, 19), то приносящий пользу и спасение столь многим душам, которые теперь существуют и которые еще будут до пришествия Христова, какого благоволения не удостоится от

Бога! Устрой твердыню против диавола: это и есть церковь. Оттуда пусть простираются руки (поселян) на труд; прежде пусть они простирают их на молитвы, а потом идут на работу. Таким образом будет у них и телесная сила, и земледелие будет успешно, и все бедствия будут им чужды. Невозможно выразить словом происходящего отсюда удовольствия, пока оно не будет испытано на деле. Не на то смотри, что церковь не приносит никакого дохода. Если так смотришь, то лучше совсем не приступай к делу, если ты не думаешь получать доход выше всякого селения. Если не так думаешь, то и не делай, если не считаешь этого дела выше всего. Что выше этого приобретения — возводить души в житницу небесную? Жаль, что вы не знаете, как важно приобретать души. Послушай, что говорит Христос Петру: *если любишь Меня, паси овцы моя* (Ин. XXI, 16). Если бы ты, увидев, что царские овцы или лошади (скитаются) вне затвора и подвергаются опасности, сам построил для них затвор и конюшню, или даже приставил пастуха к ним, то чем не вознаградил бы тебя царь? Здесь ты собираешь стадо Христово и приставляешь к нему пастыря, и неужели, думаешь, совершаешь дело неважное? Но что я говорю? Если соблазняющему и одного (человека) угрожает такое наказание (Лк. XVII, 2), то спасающий столь многих людей, скажи мне, неужели не спасется? Без сомнения, спасется. Какой грех будет за ним? А если какой и будет, то не простится ли ему? Из наказания соблазняющему познай воздаяние спасающему. Если бы для Бога не было вожделенно спасение и одной души, то погубление ее не подвергалось бы такому гневу Его. Итак, зная это, примемся за это духовное дело; пусть каждый (из вас) пригласит и меня, и мы вместе устроим это по возможности. И если будут три владельца, то пусть делают это общими силами; а если один, то пусть убеждает к тому и прочих соседей. Только, увещеваю

вас, постарайтесь сделать это, чтобы, во всем благоугождая Богу, сподобиться нам вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

Ангел же Господень рече к Филиппу, глаголя: востани и иди на полудне, на путь сходящий от Иерусалима в Газу: и той есть пуст. И востав пойде (Деян. VIII, 26, 27)

1. Мне кажется, что (Филипп) получил это повеление, находясь в Самарии, потому что из Иерусалима (в Газу) надобно идти не к полудню, а к северу, от Самарии же к полудню. *Той есть пуст.* Это сказано для того, чтобы он не опасался нападения со стороны иудеев. И он не спросил: для чего? — но *востав пойде. И се,* говорит (писатель), *муж Мурин евнух силен Кандакии царицы Муринския, иже бе над всеми сокровищи ея: иже прииде поклонитися во Иерусалим. Бе же возвращаясь и сидя на колеснице своей, чтяше пророка Исаию* (ст. 27, 28). Много похвального сказано о нем в этих словах; несмотря на то, что он жил в Ефиопии, занят был таким множеством дел, находился в суеверном городе, и праздника не было, он приезжал на поклонение в Иерусалим. Великое усердие его (видно) и из того, что, сидя на колеснице, он читал. *Рече же Дух к Филиппу: приступи и прилепися к колеснице сей. Притек же Филипп, услыша его чтуща пророка Исаию, и рече: убо разумееши ли, яже чтеши? Он же рече: како убо могу, аще не кто наставит мя* (ст. 29—31)? Вот и еще похвальное качество. Какое? То, что он, не понимая, читал. Но потом, по прочтении, старается уразуметь. *Умоли же Филиппа, да возшед сядет с ним. Слово же писания, еже*

чтяше, бе сие: яко овча на заколение ведеся, и яко агнец прямо стригущему его безгласен: тако не отверзает уст своих. Во смирении его суд его взятся: род же его кто исповесть? Яко вземлется от земли живот его. Отвещав же каженик к Филиппу рече: молю тя, о ком пророк глаголет сие, о себе ли, или о ином некоем? Отверз же Филипп уста своя, и начен от писания сего, благовести ему Иисуса (ст. 31–35). Видишь ли, как устраивается дело его (обращения)? Сначала он читает и не понимает; притом читает то место, где повествуется о страдании, воскресении и даре (Господнем). *Якоже идяху путем, приидоша на некую воду: и рече каженик: се вода: что возбраняешь ми креститися* (ст. 36)? Видел ли ты готовность? Видел ли усердие? *И повеле стати колеснице: и снидоста оба на воду, Филипп же и каженик: и крести его. Егда же изыдоста от воды, Дух Господень восхити Филиппа, и не виде его ктому каженик: идяше бо в путь свой радуяся* (ст. 38, 39). Зачем, скажешь, восхитил Филиппа Дух Господень? Затем, что ему предстояло идти и в другие города и проповедовать; и для того это сделано, чтобы он сам впоследствии, удивляясь этому, не считал случившегося с ним делом человеческим, но Божиим. *Филипп же обретеся во Азоте: и проходя благовествоваше градом всем, дондеже приити ему в Кесарию* (ст. 40). И отсюда видно, что он был из числа семи (диаконов); он же и впоследствии оказывается там в Кесарии. Не без цели восхитил его Дух; иначе евнух стал бы просить его сопутствовать ему, и Филипп опечалил бы его, не согласившись и отказав, так как еще не пришло время (для этого). Видел ли ты, как ангелы содействуют проповеди, однако не сами проповедуя, но призывая их (апостолов)? И здесь открывается достойное удивления: что прежде бывало редко и едва ли случалось, то здесь происходит весьма часто. Кроме того, это происшествие было некоторым предзнаменованием того, что (апостолы) обратят и иноплеменников. Достойное ве-

роятия свидетельство могло расположить и других, узнавших об этом, к такой же ревности. Поэтому-то евнух и отправился *радуяся;* а если бы он не познал, то и не радовался бы. Но что, скажешь, препятствовало ему хорошо познать все это, сидя на колеснице и особенно в пустыне? То, что это не было ясно. Но обратимся к прочитанному выше. *И се муж Мурин евнух, силен Кандакии царицы Муринския.* Отсюда видно, что (ефиопляне) были управляемы ею; в древности и женщины управляли; таков был у них закон. Таким образом Филипп не знал, для чего он *шел* в пустыню, так как не (прежде) ангел, но (после) восхищает его. Евнух же и ничего этого не видит, — потому ли что он был еще не совершен, или потому, что это — дело не телесных, но духовных очей, и еще не знает того, чему научает его Филипп. А почему ангел не является ему и не приводит его к Филиппу? Может быть, потому, что тогда он не послушался бы, но только был бы изумлен. Посмотри на любомудрие Филиппа: он не укорил, не сказал: ты не знаешь, я тебя научу; не сказал: я хорошо знаю это; не польстил и не сказал: блажен ты, читающий. Так, слова его были чужды и надменности, и лести, но более выражали попечение и человеколюбие. Ему самому нужно было спросить, самому нужно было пожелать. Сказав: *убо разумееши ли, яже чтеши?* он выражает, что ему известно, что тот ничего не знает, и вместе показывает, что великое сокровище заключается (в прочитанном).

2. Но смотри, как благоразумно отвечает и евнух: *како убо могу*, говорит, *аще не кто наставит мя?* Он не посмотрел на (внешний) вид (Филиппа), не сказал: кто ты таков? — не укорял, не тщеславиться, не говорил, что знает, но сознается, что не понимает; потому и получает наставление. Он показывает рану врачу; уразумел, что (Филипп) и знает это, и желает научить. Он заметил смирение (его), — так как он был не в блестящей

одежде. Такое он имел желание слышать и внимать словам его, что и слова (Писания): *ищай обретает* (Мф. VII, 8) исполнились на нем. *Умоли же,* сказано, *Филиппа, да возшед сядет с ним.* Видел ли ты усердие? Видел ли желание? *Умоли, да возшед сядет с ним.* Он еще не знал, что тот скажет ему, но просто думал услышать что-нибудь о пророчестве. Очень большая честь (Филиппу) и в том, что (евнух) не просто посадил его, но *умолив. Притек же Филипп, услыша его чтуща.* Приближение показывает (в Филиппе) желание говорить, а чтение — знак усердия (в евнухе). Он читал в то время, когда солнце производит сильнейший зной. *Слово же писания бе сие: яко овча на заколение ведеся.* И это служит доказательством его любомудрия, что он держал в руках такого пророка, который выше прочих. Потому и говорит (Филиппу) не с тщеславием, но спокойно, и притом говорит так не прежде, как будучи спрошен, когда тот спросил его. Точно также он и далее говорит: *молю тя, о ком пророк глаголет сие?* Мне кажется, он не знал, что пророки говорят о других; или, если не так, то не знал, что о самих себе они говорят в другом лице. Устыдимся мы, и бедные и богатые, этого хранителя сокровищ! Потом *приидоша на некую воду, и рече: се вода.* Это — (знак) сильно пламенеющей души. *Что возбраняет ми креститися?* Видишь ли его готовность? Не говорит: крести меня, и не молчит; но говорит нечто среднее, выражающее и желание, и благоговение: *что возбраняет ми креститися?* Смотри, как он уже получил совершенное (познание) догматов; ведь пророчество содержало в себе все: воплощение, страдание, воскресение, вознесение и будущий суд; это-то в особенности и произвело в нем сильное желание (креститься). Устыдитесь вы, которые остаетесь еще непросвещенными! *И повеле стати колеснице.* Сказал и в то же время повелел, прежде чем услышал (ответ). *Егда же изыдоста от воды, Дух Гос-*

подень восхити Филиппа. Хорошо (сделано), – чтобы явно было, что происходящее есть дело Божие, и чтобы (евнух) не подумал, что (Филипп) – простой человек. *Идяше бо в путь свой радуяся.* Это сказал (писатель), выражая, что он опечалился бы, если бы узнал (об удалении Филиппа); так от великой радости, по получении Духа, он и не заметил происходившего около него. *И обретеся,* говорит, *во Азоте.* И Филипп получил от того великую пользу. Что он слышал о пророках, об Аввакуме, Иезекииле и прочих, увидел исполнившимся на себе, оказавшись прошедшим мгновенно далекий путь; *и обретеся во Азоте,* останавливается там, где ему и надлежало проповедовать. *Савл же еще дыхая прещением и убийством на ученики Господни, приступль ко архиерею испроси от него послания в Дамаск к соборищем, яко да аще некия обрящет того пути сущия, мужи же и жены, связаны приведет во Иерусалим* (IX, 1, 2). Благовременно (писатель) повествует о ревности Павла, чтобы показать, что он именно увлекался ревностью. Еще не насытившись убиением Стефана и не удовольствовавшись гонением и рассеянием Церкви, он приходит к архиерею. Здесь исполняются слова Христовы, сказанный к ученикам: *приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу* (Ин. XVI, 2). Так он поступал, но не так, как иудеи, – да не будет! Он поступал по ревности, как видно из того, что отправлялся и в чужие города; а они не заботились и о том, что происходило в Иерусалиме, но домогались одного только – насладиться честью. Зачем он отправлялся в Дамаск? Это был город большой, столичный; он боялся, чтобы и туда не проникли (верующие). И посмотри на его усердие и ревность, как он действовал по закону. Он не приходит к правителю, но к архиерею. *Испроси от него послания, яко да аще некия обрящет того пути сущия. Путем* называет (писатель) верующих, которых тогда все так называли, может быть, потому,

что они шли по пути, ведущему на небо. Почему же он не получил власти наказать их там, но ведет в Иерусалим? Чтобы здесь с большей властью совершить наказание. И смотри, подвергая себя такой опасности, он, однако, боится, чтобы не потерпеть чего-нибудь худого; потому он берет с собой и других, может быть, из страха, или потому, что шел против многих, он и берет многих, чтобы смелее, *аще некия обрящет, мужи же и жены, связаны приведет во Иерусалим.* С другой стороны, этим путешествием он хотел показать всем им, что все это — его (дело); а те не заботились об этом. И заметь, он и прежде ввергал (в темницу). Так, чего те не могли, то он мог по ревности. *Иногда же ему ити, бысть ему приближитися к Дамаску, и внезапу облиста его свет от небесе: и пад на землю, слыша глас глаголющ ему: Савле, Савле, что мя гониши* (ст. 3, 4)?

3. Почему это случилось не в Иерусалиме? Почему не в Дамаске? Чтобы другие не могли иначе рассказать об этом, но чтобы сам, шедший с такой целью, рассказал и был достоин вероятия. Это он и рассказывает в защитительной речи перед Агриппой (Деян. XXVI, 10–18). Он страдал глазами, потому что чрезмерный свет обыкновенно ослепляет, зрение же имеет свою меру. Говорят, что и чрезмерный звук оглушает и поражает; но его (Господь) только ослепил и страхом угасил ярость его, так что он услышал слова: *Савле, Савле, что мя гониши?* Не говорит ему: уверуй, и ничего подобного; но укоряет, и в укоризне как бы говорит: за какую обиду от Меня, большую или малую, ты делаешь это? *Рече же: кто еси, Господи?* Здесь он признает себя рабом. *Господь же рече: аз есмь Иисус, его же ты гониши* (ст. 5). Как бы так говорил: не подумай, что ты ведешь брань с людьми. *Бывшие же с ним, глас убо* Павла *слышаще, но никого же видяще* (ст. 7), кому он отвечал. Естественно, — потому что они удостоились слышать меньшее. Если бы они

услышали тот глас (Господа), то и тогда не уверовали бы; а видя Павла отвечающего, изумлялись. Но *востани и вниди во град, и речется ти, что ти подобает творити* (ст. 6). Смотри, как (Господь) не тотчас открывает ему все, но (прежде) только смягчает его душу; и повелевая, что делать ему, вместе с тем подает ему добрую надежду, что он опять получит зрение. *Мужие же идущии с ним стояху чудящеся, глас убо слышаще, не никого же видяще. Воста же Савл от земли, и отверстыма очима своима ни единого видяше ведуще же его за руку введоша в Дамаск* (ст. 7, 8). Вводят добычу, (отнятую) у диавола, сосуды его, как бы по взятии какого-нибудь города или столицы. И подлинно удивительно, что сами враги и противники вводили его перед глазами всех. *И бе дни три не видя, и ни яде, ни пияше* (ст. 9). Бывало ли что-нибудь подобное этому? Обращение Павла служит утешением, вознаграждающим за скорбь о Стефане, которая хотя и сама в себе имела нечто утешительное в том, что он так отошел (к Господу), но теперь получила и это (утешение); также и селения самарийские обращением (своим) принесли весьма много утешения.

Зачем, скажешь, это случилось не в начале, но после? Чтобы показать, что Христос воистину воскрес. Кто гнал Его, не веровал Его смерти и воскресению и преследовал учеников Его, тот каким образом, скажи мне, уверовал бы, если бы не была велика сила Распятого? Положим, что те (ученики) действовали из преданности к Нему; но что скажешь об этом? С другой стороны, он обратился после воскресения, а не тогда же, для того, чтобы вражда его обнаружилась яснее. Неистовствовавший до того, что проливал и кровь и ввергал в темницы, вдруг верует. Недостаточно было того, что он не обращался со Христом; но надлежало, чтобы он и жестоко преследовал верующих, и он достиг крайней степени неистовства и был жесточе всех. Но когда он

лишился зрения, тогда познает знамения Его силы и человеколюбия. Или для того (это было), чтобы кто-нибудь не сказал, будто Савл притворялся. Как мог притворяться тот, кто жаждал крови, приходил к священникам, подвергал себя опасностям, преследовал и наказывал даже вне (Иерусалима)? И он после всего этого признает силу (Христову). Но почему не внутри города, а перед ним, свет облистал его? Потому что (тогда) многие не только не уверовали бы, но еще стали бы издеваться, подобно тому, как там, когда услышали глас, нисшедший свыше, говорили: *гром бысть* (Ин. XII, 19); а ему должны были поверить, когда он рассказывал о случившемся с ним. И вели его связанного, хотя не возложенными на него узами, вели того, кто сам надеялся вести других. Но почему он не ел и не пил? Он раскаивался в делах своих, исповедовался, молился, просил Бога. Если же кто скажет, что это было делом необходимости, – ведь и Елима тоже потерпел (Деян. XIII, 11), – мы скажем: да, и тот потерпел, но остался, как был. Следовательно, не без принуждения ли он так поступал? Что могло быть разительнее землетрясения, бывшего при воскресении (Христовом), – воинов, возвестивших (об этом), – прочих знамений, – и того, что видели Его воскресшим? Но и это не было принуждением, а внушением. Иначе почему бы иудеи не уверовали, слыша обо всем этом? Очевидно, что он действовал искренне. Он не обратился бы, если бы не случилось этого, так что все должны были ему поверить. Он был не меньше проповедавших о воскресении (Христовом), даже еще и достовернее их, (как) обратившийся внезапно. Он не имел сношений ни с кем из верующих, но обратился в Дамаске, или, лучше сказать, это случилось с ним перед Дамаском. Я спрашиваю иудея: отчего, скажи мне, обратился Павел? Он видел столько знамений, и не обращался. Учитель его (Гамалиил) обратился, а

он не обращался. Кто же убедил его? Или лучше – кто внезапно возбудил в нем такую ревность, что он желал и сам отлучен быть ради Христа (Рим. IX, 3)? Истина дела очевидна. Впрочем, (вспомним) о чем я говорил, и устыдимся евнуха, просвещаемого и читающего. Видите ли, какую он имел власть, какое богатство, и однако, не отдыхал и на пути? Каков же он, следовательно, был дома, если и во время путешествия не позволял себе быть праздным? Каков он был ночью?

4. Вы, которые отличены почестями, послушайте и подражайте смирению и благочестию. Он, хотя возвращался домой, но не сказал самому себе: я возвращаюсь в отечество, там приму баню (крещения), – как сказали бы равнодушно многие. Не требовал знамений, не требовал чудес, но только от пророка уверовал. Потому и Павел, скорбя о себе, говорит; *но сего ради помилован бых, яко не ведый, сотворих в неверствии, и да во мне первом покажет Иисус Христос все долготерпение* (1 Тим. I, 13, 16). И подлинно, достоин удивления этот евнух, Он не видел Христа, не видел знамений; видел Иерусалим еще стоящим (в целости), и поверил Филиппу. Отчего же он сделался таким? Он имел попечение о душе своей, внимал Писаниям, упражнялся в чтении (их). Ведь и разбойник видел знамения, и волхвы видели звезду; а он ничего такого не видел и уверовал: как полезно чтение Писаний! Что же Павел? Не поучался ли и он в законе? Но, мне кажется, он нарочито был оставлен (в таком состоянии) для того, о чем я сказал выше, по изволению Христа, желавшего всеми мерами привлечь к Себе иудеев. Если бы они имели ум, то ничто не принесло бы им столько пользы, как это (чтение Писаний). Ведь оно более знамений и всего другого могло бы привлечь их (ко Христу), равно как ничто столько не соблазняет обыкновенно людей более грубых. Итак, смотри, как и по рассеянии апостолов Бог творит знамения. Иудеи

обвинили апостолов, ввергли их в темницу; но Бог творит знамения. И посмотри, какие. Изведение из темницы было Его знамение; приведение Филиппа было Его знамение; обращение Павла было Его знамение; явление Стефану было Его знамение. И заметь, какая оказывается честь Павлу, и какая евнуху. Здесь (Павлу) даже является сам Христос, может быть, по причине ожесточения (его) и потому, что иначе он не уверовал бы. Внимая этим чудесам, и мы соделаем себя достойными. Но ныне многие даже не приходят в церковь и не знают, что (в ней) читается; евнух же на улице, и сидя на колеснице, внимательно читал Писания. Но вы не так; из вас никто не имеет в руках Библии, и скорее (возьмет) все другое, чем Библию. А почему он встречается с Филиппом не прежде (посещения) Иерусалима, а после того? Ему не следовало видеть апостолов гонимыми, потому что он был еще немощен; и прежде это было бы не так удобно, как тогда, когда пророк наставил его. Так и теперь, если кто из вас желал бы внимать пророкам, то он не будет нуждаться в знамениях. Но, если угодно, рассмотрим и самое пророчество, что говорит оно. *Яко овча на заколение ведеся, и во смирении его суд его взятся.* Отсюда он узнал, что (Христос) был распят, что была взята от земли жизнь Его, что Он не совершил греха, что мог и других спасти, что род Его неисповедим, что камни распались, что завеса раздралась, что мертвые восстали из гробов; или лучше, обо всем этом сказал ему Филипп, только по поводу (чтения) из пророка. Подлинно, важно чтение Писаний. Так исполнялось сказанное Моисеем: *седяй, и идый путем, и лежа, и востоя,* помни Господа Бога твоего (Втор. VI, 7). В особенности на пути, в пустыне, когда никто не препятствует, мы бываем способнее к размышлению. И евнух уверовал на пути, и Павел – на пути; но его (Павла) не другой кто привлек, а сам Христос. Это важнее того, что делали

апостолы; важнее потому, что, тогда как апостолы находились в Иерусалиме, и ни один из них не был в Дамаске, он возвратился оттуда верующим; а находившиеся в Дамаске знали, что из Иерусалима он шел еще неверующим, так как он нес письма, чтобы связывать верующих. Как прекрасный врач (употребляет врачество), когда горячка еще в полной силе, так и Христос (в это время) подал ему помощь, потому что надлежало удержать его среди самого неистовства. Тогда лучше он смирился и раскаялся в своих жестоких предприятиях. Но опять нужно обратить слово к вам. Для чего, скажите мне, Писания? Если бы от вас зависело, то они все были бы уничтожены. Для чего Церковь? Зарой в землю книги: может быть, не такое (постигнет тебя) осуждение, не такое наказание. Если бы кто зарыл их в грязь и не слушал их, то и тогда не столько оскорбил бы их, как теперь. Что, скажи мне, оскорбительного там? То, что кто-либо зарыл их. А что здесь? То, что мы не слушаем их. Скажи мне: когда всего больше оскорбляет кто-либо, тогда ли, когда не отвечает молчащему, или когда (не отвечает) говорящему? Конечно, когда говорящему. Так и теперь, большее оскорбление, большее пренебрежение (ты оказываешь), когда не слушаешь говорящего. *Не глаголите к нам*, говорили в древности иудеи пророкам (1 Цар. VIII, 16; Иер. XLIV, 16); вы же хуже делаете, говоря: не говорите, мы делать не будем. Те удерживали пророков, чтобы они не говорили, как бы по некоторому благоговению к словам их; а вы по крайнему небрежению и этого не делаете. Поверьте, если бы вы заградили нам уста, положив на них руки, то и тогда не столько оскорбили бы, сколько теперь. Скажи мне, слушающий ли и не повинующийся оказывает более пренебрежения, или тот, кто даже и вовсе не слушает?

5. Но вникнем в этот предмет касательно оскорбления. Если бы кто удерживал укоряющего и заграждал

ему уста, чувствуя укоризны его, а другой нисколько не заботился бы и не обращал бы на него внимания, то кто из них показал бы более пренебрежения? Не последний ли? Ведь тот показывает, что он чувствует удар; а этот как бы заграждает уста самого Бога. Вас ужаснуло сказанное? Но послушайте, как это бывает. Уста, через которые вещает Бог, это – уста Божии. Как эти вот уста – уста нашей души, хотя собственно душа и не имеет уст, так и уста пророков – Божии. Послушайте и ужаснитесь. Диакон, от лица всех, стоит и, громко восклицая, говорит: *вонмем*; и это часто. Этот голос, который он издает, есть общий голос церкви, но никто не внимает. После него чтец начинает: *пророчества Исаиина,* – и опять никто не внимает, хотя пророчество не содержит в себе ничего человеческого. Потом вслух всех вещает: *сия глаголет Господь,* – и также никто не внимает. Но что я говорю? Читается нечто страшное и ужасное; но и при этом никто не внимает. И что говорят многие? Всегда, говорят, читается одно и то же. Это-то особенно и губит вас. Если бы вы знали все это, то тем более не следовало бы оказывать пренебрежение; и на зрелищах всегда бывает одно и то же, и, однако, вы не знаете (в них) сытости. О каком «одном и том же» ты дерзаешь говорит, когда не знаешь даже имен пророков? Не стыдно ли тебе говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже имен читаемых (писателей), хотя и слушаешь всегда одно и то же. Ты ведь сам сознался, что читается одно и то же. Если бы я говорил это к (твоему) осуждению, то тебе надлежало бы обратиться к другому оправданию, а не (к такому, которое служит) к твоему же осуждению. Скажи мне: не вразумляешь ли ты сына своего? Но, если бы он сказал, что всегда одно и то же, то не принял ли бы ты этого за оскорбление? Тогда можно было бы не говорить одно и то же, когда бы мы

и знали это и показывали своими делами; или лучше, и тогда чтение (того же) не было бы излишне. Что может сравняться с Тимофеем? Но, однако, и ему в послании Павел говорил: *внемли чтению, утешению* (1 Тим. IV, 13), Невозможно, никогда невозможно исчерпать смысл Писаний. Это – некоторый источник, не имеющий предела. Говорят: я научился, – и этого довольно с меня. Но хотите ли, я покажу, что не все одно и то же? Сколь многие, полагаете вы, говорили о Евангелиях? И все они говорили нечто новое и особенное. Чем более кто занимается Писаниями, тем яснее видит, тем более созерцает чистый свет. А сколько я еще могу сказать? Что такое, скажите, пророчество? Что – повествования? Что – причта? Что иносказание? Что – образ? Что – символ? Что – Евангелия? Скажите мне только о том, что ясно: почему Евангелия так названы? Хотя вы часто слышали, что благовестия не должны заключать в себе ничего прискорбного, однако, в них много прискорбного. *Огнь их не угасает*, говорится в них, *и червь их не умирает* (Мк. IX, 44): также: *растешет его полма, и часть его с неверными положит* (Мф. XXIV, 51); также: *речет Господь: не вем вас, отыдите от мене делающии беззаконие* (Мф. VII, 23). Не станем же обольщать себя, воображая, что они называются так (только) у нас по-гречески, или будто это все не относится к нам. Но вы онемели, и, как изумленные, стоите, поникнув долу. Благовестия не должны заключать в себе ничего из (правил) деятельности, но только выражать благоприятное; и, однако, в них множество правил деятельности, как, например, следующие: *аще кто не возненавидит отца своего и матерь, несть мене достоин* (Лк. XIV, 26); и еще: *не приидох воврещи мир на землю, но меч* (Мф. X, 34); и еще: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). Прекрасные (внушения); но это – не благовестия. Благовестием было бы следующее: это будет для тебя хорошо, – как обыкновенно говорят

люди друг другу. Что скажешь мне приятного? Придет отец твой, мать твоя. А не говорят: сделай то-то. Еще скажи мне: чем они отличаются от (книг) пророческих? Почему те не называются Евангелиями, хотя также содержат и благовестия, как, например: *скочит хромый, яко олень* (Ис. XXXV, 6); *Господь даст глагол благовествующим* (Пс. LXVII, 12); *дам вам небо ново и землю нову* (Ис. LXV, 17). Почему те не называются Евангелиями, или они – пророчеством? Если: же вы, не зная, что такое Евангелия, так пренебрегаете чтением Писаний, то что я скажу вам? Спрошу еще и о другом: почему четыре Евангелия? Почему не десять, почему не двадцать? Почему немногие приступали к составлению Евангелий? Почему не один? Почему ученики (Христовы)? Почему не те, которые не были учениками? Почему вообще (священные книги называются) Писаниями? Между тем, напротив, в Ветхом Завете говорится: *дам вам завет нов* (Иер. XXXI, 31). Где же те, которые говорят, что всегда (читается) одно и то же? Если бы вы знали, что хотя бы человек прожил тысячи лет, и тогда (для него) здесь не было бы одно и то же, – то вы не сказали бы этого. Поверьте, я не стану более говорить вам об этом ничего ни наедине, ни всенародно; но, если кто будет спрашивать, то не откажусь (отвечать); если же нет, то оставлю. И то уже мы причинили вам скорбь, говоря всегда обо всем прямо и не оставляя того, что нужно. Вот вы слышали довольно вопросов: рассмотрите и скажите причину: почему Евангелия (так называются)? Почему не пророчествами? Почему в Евангелиях есть правила деятельности? Если один будет недоумевать, то пусть подумает другой, и свои (мысли) сообщайте друг другу. А мы затем замолчим. Если сказанное не принесло вам никакой пользы, то тем более (будет бесполезно), если бы мы прибавили что-нибудь другое. Подлинно, мы вливали бы (воду) в дырявую бочку; а вас оттого (постиг-

ло бы) и большее наказание. Поэтому мы замолчим. А чтобы этого не произошло, зависит от вас. Если мы увидим вашу ревность, то, может быть, опять станем говорить, чтобы и вы более и более преуспевали, и мы радовались о вас, во всем славя Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, величие, честь со безначальным Отцом и Святым Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Бе же некто ученик в Дамасце именем Ананиа: и рече к нему Господь в видении: Анание. Он же рече: се аз, Господи. Господь же к нему: востав поиди на стогну нарицаемую правую, и взыщи в дому Иудове Савла именем, Тарсянина: се бо молитву деет. И виде в видении мужа, Ананию, вшедша и возложша нань руку, яко да прозрит (Деян. IX, 10—12)

1. Почему кого-либо из верховных апостолов не призвал и не послал (Господь) для оглашения Павла? Потому что ему следовало быть введенным (в Церковь) не людьми, но самим Христом; и этот (Анания) ничему не научил его, а только крестил. По крещении же он (Павел) тотчас получил великую благодать Духа, за ревность и великое усердие. Впрочем, и Анания был из числа весьма известных это видно как из того, что (Господь) явившись говорит ему, так и из того, что он отвечает в словах: *Господи, слышах от многих о мужи семь, колика зла сотвори святым твоим во Иерусалиме* (ст. 13). Если он возражал Господу, то тем более (сделал бы это), если бы (Господь) послал (к нему) ангела. Поэтому и прежде того Филиппу не было открыто будущее, но только является ему ангел, а потом Дух повелевает подойти и пристать к колеснице (Деян. VIII, 26, 29). Здесь же

прежде всего (Господь) освобождает от страха, и как бы так говорит: вот, он молится, он слеп, и ты страшишься? Так страшился и Моисей (Исх. III, 11); но это слова только боящегося, а не неверующего. Выслушай и самые слова: *Господи, слышахом от многих о мужи сем.* Что ты говоришь? Бог говорит, а ты сомневаешься? Так они еще не знали силы Христовой. *И зде имать власть от архиерей связати вся нарицающия имя твое* (ст. 14). Откуда это известно? Вероятно, они, находясь в страхе, разузнали. Говорит это (Анания) не потому, будто Христос не знал того, но потому, что недоумевал, как, при таких обстоятельствах, возможно исполнение (повеления). Так и в другое время ученики говорят: *кто может спасен быти* (Мк. X, 26)? Но посмотри, что сделано, чтобы Павел поверил тому, кто придет (к нему); он видел в видении (мужа, который) предвозвестил ему (об этом). Он молится, говорит (Господь); поэтому не бойся. Для чего же Он не говорит ему о происшедшей перемене (в Павле)? Для того, чтобы научить нас не говорить о наших добродетелях; а более потому, что видит его в страхе. Не сказал и так-: тебе он поверит; но что? *Востав пойди. И виде в видении мужа, возложиша нань руку. В видении* потому, что он был слеп. И это великое чудо не убедило ученика: так он страшился! Но, несмотря на то, через него Бог возвратил зрение Павлу, бывшему слепым. *Рече же* к *нему Господь: иди, яко сосуд избран ми есть сей, пронести имя мое пред языки и цармии сынми Исраилевыми. Аз бо скажу ему, елика подобает ему о имени моем пострадати* (ст. 15, 16). Не только будет верующим, говорит, но и учителям и с великим дерзновением будет говорить *пред языки и цармии.* Так, говорит, возрастет это учение, что и народы, и все цари покорятся ему. *Пойде же Ананиа, и вниде в храмину, и возлож нань руце, рече: Савле брате, Господь Иисус явлйся ти на пути, имже шел еси, посла мя, яко да прозриши, и исполнишися Духа Свята*

(ст. 17). Тотчас же располагает его к себе названием (брата). *Иисус являйся ти на пути* говорит. Этого Христос не сказал ему; но он узнал о том от Духа. *И абие отпадоша от очию его яко чешуя, прозре же абие, и востав крестися. И прием пищу укрепися* (ст. 18, 19). Как только возложил на него руки, так тотчас чешуя и отпала от глаз его. Эта (чешуя), говорят некоторые, и была причиной слепоты его. И почему (Господь) не ослепил глаз его? То и было более удивительно, что он не видел с открытыми (глазами); в таком же состоянии он находился под законом, пока не было возложено на него имя Иисусово. И тотчас *крестися и прием пищу укрепися.* Он изнемог как от путешествия, так и от страха, а равно от голода и от скорби. И желая усилить эту скорбь его, (Господь) попустил ему оставаться слепым, пока не пришел Анания. А чтобы кто не подумал, будто слепота его была только воображаемая, для того – чешуя. Следовательно, он не имел нужды в каком-либо другом научении; но случившееся было научением. *Бысть же с сущими в Дамасце учениками дни некия: и абие на сонмищах проповедаше Христа, яко сей есть Сын Божий* (ст. 19, 20). Смотри, тотчас же он сделался учителем в синагогах; не стыдился перемены, не боялся разрушать то, чем прежде славился; и не просто был учителем, но и в синагогах. Таким сделался человек, в начале причинявший смерть и расположенный к убийству! Видишь ли, какое явное знамение совершилось на нем? Этим самым он и удивлял всех, как показывает (писатель), прибавляя: *дивляхуся же вси слышащии, и глаголаху: не сей ли есть гонивый во Иерусалиме нарицающия имя сие, и зде на сие прииде, да связаны тыя приведет ко архиереем? Савл же паче крепляшеся, и смущаше Иудеи живущия в Дамасце, препирая, яко сей есть Христос* (ст. 21, 22). Как опытный в знании закона, он заграждал им уста и не попускал говорить (противное). Они думали, что, освободившись

от Стефана, избавились от подобных состязаний, но встретили другого сильнее Стефана.

2. Но обратимся к вышесказанному об Анании. Не сказал (Господь) ему: побеседуй и наставь его, потому что, если словами: *молитву деет, и виде мужа возложша нань руку,* не убедил, то тем более, если бы сказал это. *Виде*, говорит, *в видении,* и потому не будет не верить тебе; не бойся же, но иди. Так и Филиппу не все тогда вдруг было открыто. *Яко сосуд избран ми есть сей.* Этими словами (Господь) совершенно отгоняет страх (Анании) и внушает ему смелость, (представляя), как (Павел) будет предан Ему до того, что и претерпит многое. Словом: *сосуд* показывает, что злоба его не была естественная; прибавляет: *избран,* чтобы показать, что он благоугоден Ему, так как мы избираем благоугодное. Слыша это, да не подумает кто-либо, что Анания говорит это потому, что не верит сказанному, или полагает, что Христос не ведает правды, – да не будет; но, услышав имя Павла, в страхе и трепете он и не внял сказанному; так страх овладел душой его при имени (Павловом), хотя после того, как он услышал, что (Господь) ослепил его, ему следовало быть смелым. *И зде*, говорит, *на сие прииде, связати вся нарицающия имя твое.* Как бы так говорил: боюсь, чтобы он как-нибудь и меня не отвел в Иерусалим; для чего же Ты ввергаешь меня в пасть льва? Для чего предаешь меня ему? Он страшится и говорит так, чтобы мы вполне узнали добродетель этого мужа. Если это говорилось иудеями, то это нисколько не удивительно; если же и им, и притом с таким страхом, то это служит величайшим свидетельством силы Божией. *Савле брате.* Здесь и великий страх и еще большее послушание после страха. Затем, чтобы после слов: *сосуд избран,* ты не сказал, что все это – дело Божие, (Господь), удаляя от тебя такую мысль, прибавляет следующее: *пронести имя мое пред языки, и цармиı и сынми Исра-*

илевъими. Анания услышал то, чего сильно желал, — что (Павел) противостанет и иудеям; поэтому исполняется не только радости, но и дерзновения. *Аз бо*, говорит (Господь), *скажу ему, елика подобает ему о имени моем пострадати.* Эти слова и пророчественные, и вместе увещательные: если тот, кто так неистовствовал, готов перенести все, то как этому не хотеть крестить его, *яко да прозрит?* Хорошо, говорит (Анания), пусть он останется слепым; он ныне кроток, потому что слеп; зачем же Ты повелеваешь мне отверсти очи его? Не для того ли, чтобы он опять связывал (верующих)? Но не убойся того, что будет, (отвечает Господь); прозрением он будет пользоваться не против нас, а за нас; к тому: *яко да прозрит,* надобно прибавить еще и это. Не бойся: он не сделает вам никакого зла, но еще сам пострадает много. И то удивительно, что он прежде пострадает, и тогда пойдет на опасности. *Савле брате, Иисус явлейся ти на пути посла мя.* Не сказал: ослепивший, но: *явлейся ти.* Так выразился он смиренно, и не сказал чего-нибудь тщеславного. Подобным образом и Петр говорил о хромом: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12); также и он: *Иисус явлейся ти,* — говорил это, возложив руки, и сугубая слепота разрешилась. Когда же (писатель) говорит: и *прием пищу укрепися,* то показывает, что он изнемог от скорби по причине слепоты, и от страха, и от голода. Он не хотел и принимать пищи дотоле, пока не крестится и вместе с тем получит великие дары. Не говорит (Анания): Иисус распятый, Сын Божий, творящий знамения; но что? *Явлейся ти,* — то, что Павлу было известно, — подобно тому, как и Христос ничего больше не прибавил и не сказал: Я — распятый, воскресший, но: *его же ты гониши.* Не сказал (Анания): Тот, которого ты гнал, — чтобы не показаться разгневанным и насмехающимся. *Явлейся ти*, говорит, *на пути.* Он сам не был

виден, но явился делами. Желая смягчить жесткость этих слов, тотчас прибавил: *яко да прозриши, и исполнишися Духа Свята.* Я пришел, говорит, не обличать бывшее, но преподать дар. Мне кажется, что он (Павел), подобно тому как и Корнилий, тотчас по произнесении этих слов сподобился Духа, хотя преподававший и не был из числа двенадцати. Так все касающееся Павла было не человеческим и совершалось не через человека, но сам Бог был совершителем. А вместе с тем (Бог) научает его смиренно тем, что не приводит его к верховным апостолам, и показывает, что здесь нет ничего человеческого. Он не сподобился Духа, творящего знамения, чтобы и через это явилась вера его, так как он (тогда) не творил чудес. *И абие,* говорит (писатель), *на сонмищах проповедаше* Христа, *яко сей есть Сын Божий.* Не проповедовал, что воскрес, или что Он жив; но что? Весьма точно, излагал догмат: *яко сей есть Сын Божий.* Они же, слыша это, остаются в неверии, между тем как надлежало не только веровать, но и ужасаться. И почему они говорят не просто, что он был гонителем, но что он *есть гонивый нарицающия имя сие?* Они выражают этим крайнее неистовство. И не сказали: Иисуса, не желая по ненависти даже слышать этого имени: так они были ожесточены! *И зде, на сие прииде.* Не можем сказать, говорят, чтобы он прежде обращался с апостолами.

3. Смотри, сколько свидетельств того, что Павел был из числа врагов (Христовых)! Он же не только не стыдился этого, но и хвалился. *Савл же паче крепляшеся и смущаше иудеи,* заграждал им уста, не попускал сказать что-нибудь (противное), доказывая, *яко сей есть Христос,* и уча этому, потому что он тотчас же сделался учителем. *Якоже исполнишася дние довольни, совещаша Иудее убити его* (ст. 23). Иудеи опять прибегают к жестокому умыслу; но уже не ищут клеветников, обвинителей и лжесвидетелей, уже не хотят иметь их; а что?

Действуют, наконец, сами собой. Они увидели, что дело возрастает; потому не производят и суда. *Уведан же бысть Савлу совет их. Стрежаху же врат день и нощь, яко да убиют его* (стр. 24). Почему? Потому, что это было для них невыносимее всех уже прежде бывших знамений, с пятью тысячами, с тремя тысячами (обращенных ко Христу), и всех вообще. И смотри, теперь он спасается не благодатью, но человеческой мудростью, чтобы ты понял добродетель этого мужа, прославившегося и без чудес. *Поемше же его ученицы нощию свесиша по стене, в кошнице* (ст. 25). Так и следовало, чтобы дело не было замечено. Что же? Избегнув такой опасности, остается ли он (спокойным)? Нет, но уходит туда, где мог еще более возбудить их. Многим еще казалось невероятным, что он точно уверовал. Оттого это и происходило, спустя довольно дней. Что же это значит? Вероятно, он сначала не хотел выходить оттуда, как многие, может быть, просили; когда же узнал (о замысле иудеев), тогда позволил ученикам своим (спустить себя); а он уже имел учеников. На это указывая, он сам говорил: *в Дамасце языческий князь Арефы, царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя,* (2 Кор. XI, 32). И смотри, как евангелист не говорит ничего тщеславного и не восхваляет Павла, но только, что они возбудили к тому царя. Итак, они спустили его одного и с ним никого. Это также не напрасно, так что он сам мог явиться к апостолам в Иерусалиме; или лучше, они спустили его, чтобы он затем искал себе спасения; а он сделал противное, отправившись прямо к неистовствующим. Так он воспламенился, так сильно горел! И посмотри, как он следует (Христу), с первого дня соблюдая заповедь, которую слышали апостолы: *иже не приемлет креста своего, и вслед мене грядет* (Мф. X, 38). То самое, что он пришел после прочих, делало его ревностнейшим, и на деле здесь исполнилось сказанное: *емуже оставляется много, много и возлюбит* (Лк. VII, 47), так

что чем позже он пришел, тем больше возлюбил. Потому, осуждая прежнюю свою жизнь и часто упрекая себя, он ничего не считал достаточным для заглаждения прежнего. *Препирая*, говорит (писатель), то есть уча с кротостью. И смотри, они не говорят ему: ты был гонителем, для чего же переменился? Они стыдились (говорит это); вместо того совещались между собой. Иначе он гораздо справедливее сказал бы им: это-то особенно и должно вразумить вас, – как он защищался перед Агриппой (Деян. XXVI, 9–20). Будем, увещеваю вас, подражать ему и мы, и будем готовы на все опасности. Как же, скажут, он обратился в бегство? Это он сделал не по трусости, но сохранял себя для проповеди. Если бы он страшился, то не пошел бы в Иерусалим, не стал бы тотчас же учить, оставил бы ревность. Но он действовал не по страху, а по благоразумию. Он научен был страданием Стефана. Поэтому он не считал великим умереть за проповедь, если это не соединялось с великой пользой. Это – муж, который не хотел даже видеть Христа, Которого теперь более всего желал бы видеть, когда еще не было исполнено служение его людям. Такова должна быть душа христианина!

4. Характер Павла выразился с самого начала и с первого шага его поприща; а лучше сказать – еще и прежде этого. А что он делал не по разуму, то делал, руководствуясь рассуждением человеческим. Если, спустя столько времени, он не хотел разрешиться (от жизни, без пользы для других), то тем более в начале деятельности, когда лишь только вышел из пристани. Христос не избавляет его от опасности, но попускает, потому что желает, чтобы многое совершалось и человеческим благоразумием; с другой стороны, попускает для того, чтобы научить нас, что и они были люди, и что не всегда все совершала благодать. Ведь, если бы этого не было, то можно было бы уподобить их просто деревьям. По-

этому многое и сами они совершали (своими) действиями. Будем так поступать и мы, и также будем пещись о спасении братии. Это – не ниже мученичества, то есть, чтобы не отрицаться ни от каких страданий для спасения многих; ничто так не благоугодно Богу. Опять скажу то, что я часто говорил; скажу, потому что сильно желаю этого. То же делал и Христос, научая прощению (обид); Он говорил: когда вы *молитесь*, то *отпустите*, если что имеете на кого (Мф. V, 23; VI, 14; XVIII, 35); и еще, беседуя с Петром, сказал: *не глаголю тебе до седмь крат, но до седмидесят крат седмерицею* (Мф. XVIII, 22); и самым делом отпустил все, что было сделано против Него. Так и мы, зная, что в этом цель христианства, непрестанно говорим об этом.

Нет ничего холоднее христианина, который не заботится о спасении других. Здесь ты не можешь извиняться бедностью; положившая две лепты обличить тебя (Лк. XXI, 2); и Петр говорил: *сребра и злата несть у мене* (Деян. III, 6). А Павел был так беден, что часто голодал и не имел необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностью; и они были незнатны и не от знатных. Не можешь указывать на неученость; и они были неученые. Хотя бы ты был рабом, хотя бы беглецом, – и тогда можешь исполнить свое дело; таков был и Онисим, и, однако, смотри, к чему призывает его (Павел) и в какое возводит достоинство: *да общник ми будет*, говорит, *во узах моих* (Филим. I, 10, 17). Не можешь извиняться немощью; таков был и Тимофей, часто страдавший недугами. А что он был немощен, послушай: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23). Каждый может быть полезным ближнему, если захочет исполнять, что от него зависит. Не видите ли бесплодных деревьев, как они крепки, как красивы, рослы, гладки и высоки? Но, если бы у нас был сад, то мы захотели бы лучше иметь плодоносные

гранатовые или масличные деревья, нежели их, потому что они доставляют (только) удовольствие, а не пользу, хотя, впрочем, бывают и от них некоторые малые пользы. Таковы те, которые заботятся только о самих себе, или даже еще хуже; они годны только на сожжение тогда как те (деревья годны) и на постройку, и для хранения в них вещей. Таковы были те девы, хотя чистые, украшенные и целомудренные, но никому не приносившие пользы; поэтому они и осуждаются на сожжение (Мф. XXV, 1–12). Таковы были не напитавшие Христа; заметь, никто из них не осуждается за собственные грехи: ни за прелюбодеяние, ни за клятвопреступление, вообще ни за что, но за то, что не был полезен другому (Мф. XXV, 41–46). Таков был зарывший талант в землю, безукоризненный по своей жизни, но бесполезный для другого (Мф. XXV, 18–28). И как такой может быть христианином? Скажи мне: если закваска, смешанная с мукой, не сообщает своего свойства всему (смешению), то закваска ли это? Также, если миро не сообщает благовония приближающимся, то можем ли мы его назвать его миром? Не говори: мне невозможно помогать другим; если бы ты был (истинным) христианином, то невозможно было бы этому не быть. Как то, что составляет свойство (вещи), не может быть противно ей, так и здесь, потому что это составляет свойство христианина. Не оскорбляй Бога. Если бы ты сказал, что солнце не может светить, то оскорбил бы Его; если скажешь, что христианин не может приносить пользу, то (также) оскорбишь Бога и назовешь (Его) лживым, потому что скорее солнце не будет ни греть, ни светить, нежели христианин – не просвещать; скорее свет сделается тьмой, нежели будет это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполним, что зависит от нас, то, без сомнения, будет и это, как естест-

венное следствие. Не может утаиться свет христианина; не может сокрыться светильник столь светлый. Не будем же нерадивы. Как от добродетели происходит польза и для нас, и для облагодетельствованных нами, так и от злобы происходит сугубый вред, — и для нас, и для озлобляемых нами. Пусть, например, какой-нибудь человек простой терпит от другого бесчисленное множество зол и никто (за это) пусть не мстит, но даже пусть благодетельствуют ему: какого наставления это не будет сильнее, каких слов, каких увещаний? Какой ярости это не смягчит и не угасит? Итак, зная это, возлюбим добродетель, потому что невозможно спастись иначе, как проводя настоящую жизнь в таких добрых делах, чтобы сподобиться и будущих благ, — по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Пришед же Савл во Иерусалим, покушашеся прилеплятися учеником: и вси бояхуся его, не верующе, яко ученик есть. Варнава же прием его, приведе ко апостолом, и поведа им, како на пути виде Господа (Деян. IX, 26, 27)

1. Здесь справедливо (можно) недоумевать: в послании к Галатам (Павел) говорит: *ни взыдох во Иерусалим, но во Аравию и в Дамаск;* и: *по триех летех взыдох во Иерусалим соглядати Петра, иного же от апостол не видех* (Гал. I, 17–19); а здесь, напротив (говорится), что Варнава привел его к апостолам. Он говорит или то, что он ходил в (Иерусалим) не с тем, чтобы остаться; там именно говорит: *не приложихся плоти и крови, ни взыдох к первейшим мене апостолом* (Гал. I, 16, 17); или то, что

умысел (против него) в Дамаске случился после пришествия его из Аравии, а потом уже, по возвращении оттуда, последовало путешествие (в Иерусалим). Таким образом, он приходил не к апостолам, но *покушашеся прилеплятися учеником,* как ученик, а не как учитель. Следовательно, приходил не для того, чтобы идти к первейшим его (апостолам), потому что от них он ничему не учился. Или он не упоминает об этом путешествии, но умалчивает, так что дело было так: он отправился в Аравию, потом пришел в Дамаск, потом в Иерусалим, потом в Сирию; или еще так: пришел в Иерусалим, потом был послан в Дамаск, потом в Сирию, потом опять в Дамаск, потом в Кесарию, и затем, спустя четырнадцать лет, может быть (опять пришел в Иерусалим), когда привел братию с Варнавой (Гал. II, 1–4). Или, если не так, то здесь речь идет о другом времени. Писатель многое сокращает и соединяет различные времена. Смотри, как он не тщеславится и не распространяется в рассказе об этом видении (Павла), но кратко повествует. А затем опять начинает и говорит так: *пришед же во Иерусалим, покушашеся прилеплятися учеником, и вси бояхуся его* (ст. 26). И отсюда опять открывается пламенная (ревность) Павла, не (только) от Анании и тех, которые удивлялись ему там (в Дамаске), но и из случившегося в Иерусалиме, так как это (обращение его) было совершено сверх чаяния человеческого. И смотри: по смирению он приходит не к апостолам, но к ученикам, как ученик, потому что ему еще не верили. *Варнава же, прием его, приведе ко апостолом, и поведа им, како на пути виде Господа* (ст. 27). Этот Варнава был человек послушный и кроткий; имя его значит: сын утешения; потому и был любим Павлом. А что он был весьма добр и кроток, это видно как из настоящего обстоятельства, так и из бывшего с Иоанном (Марком, Деян. XV, 37). Отсюда он не боится, но рассказывает, *како* (Павел) *на пути виде Гос-*

пода, и яко глагола ему, и како в Дамасце, дерзаше о имени Господа Иисуса (ст. 27). Вероятно, он слышал о том, что случилось с ним еще в Дамаске. Потому, когда предварительно это было совершено, тогда (Павел) делами подтвердил сказанное. *И бяше с ними входя и исходя во Иерусалиме, и дерзая о имени Иисусове. Глаголаше же и стязашеся* с *Еллины* (ст. 28, 29). Так как ученики боялись его, апостолы же не верили ему, то этим он рассеивает страх их. *Глаголаше же и стязашеся*, говорит (писатель), *с Еллины*. Эллинами называет тех, которые говорили по-эллински; и это (делал Павел) весьма разумно, потому что прочие, закоренелые евреи, и видеть его не хотели. *Они же искаху убити его:* это свидетельствует о силе и совершенной победе (Павла), а также и о том, что они были весьма недовольны случившимся. *Разумевше же братия, сведоша его в Кесарию* (ст. 30). Делают это из опасения. Боясь, чтобы (с ним) не случилось того же, что со Стефаном, отправляют его в Кесарию. *И отпустиша его в Тарс*. Отправляют его, как из опасения, так вместе и с тем, чтобы он проповедовал и был в безопасности, находясь в своем отечестве. И заметь, прошу, как не все делается благодатно, но Бог попускает им устроять многое и собственной мудростью, по-человечески. Если так было с ним, то тем более с теми (учениками); попускает же для того, чтобы нерадивые не имели оправдания. *Церкви же по всей Иудеи и Самарии имеяху мир, созидающеся и ходяще в страсе Господни, и утешением Святаго Духа умножахуся* (ст. 31). (Писатель) намеревается говорить о Петре и о путешествии его к святым. Поэтому, чтобы кто не подумал, будто это (сделал Петр) по страху, сначала он повествует о том, в каком состоянии находились церкви, и показывает, что, когда было гонение, то (Петр) находился в Иерусалиме, а когда повсюду Церковь находилась в безопасности, тогда уже он и оставляет Иерусалим. Так он был ревностен и тверд! Он не думал, что,

если был мир, то и не нужно его прибытия. Почему же, скажешь, он делает это и идет во время мира и после отшествия Павла? Потому, что на них (апостолов) больше обращали внимания, как часто являвшихся и бывших предметом удивления для народа, а его презирали и против него больше восставали.

2. Видел ли ты, как за бранью следует мир? Или лучше: видел ли ты, что сделала та брань? Она рассеяла творящих мир. В Самарии пристыжен был Симон; в Иудее случилось происшествие с Сапфирой. И тогда, как был мир, дела (их) не были безуспешны, но этот мир был такой, что и (во время его) нужно было утешение. *И бысть Петру посещающу всех, снити и ко святым, живущим в Лидде* (ст. 32). Он обходил, как бы некоторый военачальник, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всем вооружении и какая имеет нужду в его присутствии. Посмотри, как он везде успевает быть и является первым. Когда надлежало избрать апостола, он – первый; когда беседовать с иудеями о том, что (апостолы) не были упоены вином, когда исцелить хромого, когда говорить к народу, он – прежде остальных; когда (было дело) с начальниками, когда – с Ананией, когда совершались исцеления от тени, был он. Где была опасность и где (требовалась) распорядительность, там он; а где все было в мире, там все они вместе: так он не искал себе бо́льшей чести. Опять, когда надлежало творить чудеса, он является прежде других, и здесь также он сам подъемлет труд и совершает путешествие. *Обрете же тамо человека некоего, именем Енеа от осми лет лежаща на одре, иже бе расслаблен. И рече ему Петр. Енее, исцеляет тя Иисус Христос: возстани с постели твоея. И абие воста* (ст. 33, 34). Почему он не ожидал веры этого человека, и даже не спросил, желает ли он быть исцеленным? Особенно потому, что чудо было совершено и для утешения многих. Послушай, какая (отсюда произошла)

польза. *И видеша,* продолжает (писатель), *вси живущии в Лидде и во Ассароне, иже обратишася ко Господу* (ст. 35). Не напрасно он так сказал; Еней был человек известный; притом он представил и доказательство знамения, взяв одр. (Апостолы) не только исцеляли от болезней, но вместе с здоровьем сообщали еще и силу. С другой стороны, до этого времени они еще не показали своей (чудотворной) силы, и потому справедливо не требовали веры от этого человека, как не потребовали и от хромого. Подобно тому, как Христос, начиная знамения, не требовал веры, так и они. В Иерусалиме справедливо от них требовалась сначала вера; так, по вере некоторые, одержимые болезнями, полагаемы были на дорогах, чтобы хотя тень проходящего Петра осенила кого-либо из них, потому что там совершалось много знамений; а здесь это совершается первое. И одни из знамений совершались для обращения неверовавших, а другия для утешения верующих. *Во Иоппии же бе некая ученица, именем Тавифа, еже сказаема глаголется Серна, сия бяше исполнена благих дел и милостынь, яже творяше. Бысть же во дни тыя болевшей ей умрети: омывше же ю, положиша в горнице. Близ же сущей Лидде, Иоппии, ученицы слышавше, яко Петр есть в ней, послаша два мужа к нему, моляше его не обленитися приити до них* (ст. 36—38). Почему они ждали, пока она умрет? Почему не утруждали Петра и прежде этого? По любомудрию они считали недостойным утруждать учеников ради таких дел и отвлекать от проповеди; поэтому (писатель) и говорит, что (Петр) находился недалеко, чтобы показать, что они просили об этом как бы случайно, — а Тавифа была ученица, — но не нарочито. *Востав же Петр, иде с нима: его же пришедша возведоша в горницу* (ст. 39). Не просят, но предоставляют ему, чтобы он по собственному побуждению даровал ей жизнь. Так здесь исполняется сказанное: *милостыня избавляет от смерти* (Товит. XII, 9). *И предсташа ему вся*

вдовицы, плачуща, и показующа ризы и одежды, елика творите с ними сущи Серна (ст. 39). Приводят Петра туда, где лежала умершая, – может быть, думая представить ему (случай) к какому-либо назиданию. Видел ли ты, какое сделано прибавление (к имени этой жены)? Не без цели упоминается и имя ее, но чтобы мы узнали, что она соответствовала этому имени, была так внимательна и деятельна, как серна. Многие имена даются с особенным значением, как мы часто говорили вам. *Исполнена бяше*, говорит (писатель), *благих дел и милостынь, яже творяше*. Великая похвала для жены, если те и другие она творила так, что была *исполнена* тех и других; и наперед, как видно, она прилагала попечение о первых, а потом о последних. *Елика творяше*, говорит, *с ними сущи Серна*. Великое смиренномудрие! Не так, как мы; но они были все вместе, прилагая великое попечение о милостыне. *Изгнав же вон вся Петр, преклонь колена, помолися: и обращая к телу, рече: Тавифо, востани. Она же отверзе очи свои, и, видивши Петра, седе* (ст. 40). Для чего он всех высылает вон? Для того, чтобы не смутиться слезами и не потерять спокойствия. *И преклонь колена, помолися*. Это – знак напряженной молитвы. *Подав же*, говорит, *руку*. Раздельно показываешь здесь, как возвращаема была жизнь и потом сила, а через слово, а эта через руку. *Подав же ей руку, воздвиже ю: и призвав святыя и вдовицы, постави ю живу* (ст. 41), одним в утешение, так как они снова получили сестру и увидели чудо, а другим в помощь. *Уведано же бысть се по всей Иоппии, и мнози вероваша в Господа. Бысть же дни довольны пребыти ему во Иоппии у некоего Симона усмаря* (ст. 42, 43).

3. Посмотри на смирение и кротость Петра: он имеет пребывание не у нее (Тавифы) и не у кого-либо другого из знатных, но у кожевника, всеми (действиями своими) внушая смиренномудрие, и не попуская ни бедным стыдиться, ни великим превозноситься; он по-

тому и решил обойти (церкви), что веровавшие имели нужду в его наставлении. Но обратимся к вышесказанному. *Покушашеся* (Павел), говорит (писатель), *прилеплятися учеником*. Не с гордостью пришел, но смиренно. Учениками же называет и тех, которые не были в числе двенадцати, потому что тогда все назывались учениками по великой добродетели, которая была явным отличием учеников. *И вси*, говорит, *бояхуся его*. Смотри, как они избегали опасностей, и как еще был силен страх. *Варнава же прием его, приводе ко апостолом, и поведа им*. Мне кажется, что Варнава и прежде был близок к Павлу; потому и рассказывает все о нем. Сам же он ничего не говорит об этом; думаю, что он не стал бы и после говорить об этом перед прочими, если бы не представилась ему какая-либо необходимость. *И бяше с ними входя во Иерусалиме, и дерзая о имени Господа Иисуса*. Это и остальным придавало бодрости. Видишь ли, что как там, так и здесь прочие заботятся и устраивают его путешествие, а сам он доселе еще не получал божественного внушения? Этим также показывается его ревность; и мне кажется, что он совершал путешествие не (только) сушей, но потом и морем. А все это было с благой целью, чтобы он и там проповедовал. Поэтому и покушения против них, и путешествие в Иерусалим были с благой целью, для того, чтобы не оставалось больше сомнения касательно него. *Глаголаше же и стязашеся с Еллины. Церкви же имеяху мир, созидающеся и ходяще в страсе Господни;* то есть умножились и имели между собой мир, мир истинный. И хорошо, потому что внешняя брань причинила им много зла. *И утешением Святого Духа умножахуся*. Дух утешал (всех) их и чудесами, и делами, а также, сверх того, и каждого порознь. *И бысть Петру посещающу всех снити в Лидду. Обрете же тамо человека лежаща, и рече ему: Енее, исцеляет тя Иисус Христос*. Это слово не тщеславия, но убеждения, что так будет.

И мне кажется несомненным, что больной поверил этому слову и (потому) стал здоровым. А что (Петр) был чужд гордости, видно и из последующего. Он не сказал: во имя Иисуса; но как бы повествует (только) о самом знамении. *И видеша живущии в Лидде, и обратишася ко Господу.* Следовательно, не напрасно я говорил, что чудеса были совершаемы для убеждения и утешения. *В Иоппии же бе некая ученица именем Тавифа. Бысть же во дни тыя, болевшей ей умрети.* Видел ли ты, как повсюду совершались знамения? Не вдруг умерла Тавифа, но после болезни; а они не приглашали Петра дотоле, пока она умерла. *Ученицы слышавше послаша, моляще не облениться приити до них.* Заметь, через других посланных приглашают; но он повинуется и приходит, не считая такого приглашения обидой. Столь великое благо – скорбь; она соединяет наши души. Там (не было) никакого плача, никакого рыдания. *Омывше же ю положиша в горнице,* то есть сделали все, что (делается) над мертвым. *Востав же Петр, иде с нима, и пришедши в горницу, преклонь колена помолися: и обращен к телу, рече: Тавифо, востани.* Не все знамения Бог попускает совершать с одинаковой легкостью. Это было полезно для самих (апостолов). Он промышлял не только о спасении других, но и их самих. Потому-то исцелявший многих (одной) тенью теперь употребляет такое (усилие) для воскрешения. Впрочем, иногда содействовала и вера приступающих. Таким образом, ее первую (Петр) воскрешает из мертвых, называя по имени. Она, как бы пробудившись от сна, сначала открыла глаза; потом, тотчас увидев Петра, села, и, наконец, прикосновением руки была укреплена. Заметь опять, прошу, какая (отсюда) польза, и как плоды (этого) служили не к (удовлетворению) тщеславия. Поэтому он и высылает всех вон, подражая и в этом Учителю. Где слезы, там невозможно совершаться такому таинству; или лучше: где чудеса, там не должны быть слезы.

Послушайте, увещеваю: и над нынешними мертвыми совершается хотя не такое, но также великое таинство. Скажи мне: если бы к нам сидящим (здесь) царь прислал кого-либо звать в свое царское жилище, то неужели следовало бы плакать и рыдать? И здесь присутствуют нисшедшие с небес ангелы, посланные от самого Царя – призвать подобного им раба, а ты плачешь? Или не знаешь, какое здесь происходит таинство, какое страшное и ужасное, но поистине и достойное песнопений и радости?

4. Хочешь ли понять и убедиться, что здесь не время слезам? Это – величайшее таинство Божией премудрости. Душа, как бы покидая какой дом, исходя (из тела) поспешает к своему Владыке; а ты плачешь? Поэтому следовало бы делать то же и при рождении младенца; ведь и это есть рождение, (только) лучшее того. Она является в другой свет; освобождается как бы из какого заключения; выходит как бы с поприща. Да, скажешь, справедливо так говорить о (людях) добродетельных. Но что тебе из этого, человек, когда ты не поступаешь так и по отношению к добродетельным? Скажи мне, в чем мог бы ты обвинить малого младенца? Для чего же оплакиваешь его? Для чего (оплакиваешь) новопросвещенного? И он находится в таком же состоянии. Зачем же ты плачешь о нем? Разве ты не знаешь, что как солнце восходит чистым, так и душа, оставляющая тело с чистой совестью, сияет светло? Не с таким безмолвием следует взирать на царя, вступающего в город, с каким на душу, оставляющую тело и отходящую с ангелами. Представь, в каком состоянии бывает тогда душа, в каком изумлении, в каком удивлении, в какой радости! Почему же ты плачешь, скажи мне? Ты ведь не над грешниками только делаешь это? О, если бы это было (только над грешниками)! Тогда я не стал бы останавливать слез. О, если бы такова была цель (их)! Это –

плач апостольский, это – плач самого Господа. И Иисус плакал об Иерусалиме. Таким правилом я хотел бы различить (разные) роды плача. Когда же, оплакивая (мертвых), произносишь речи, (упоминая) и о привычке, и о попечении (своем), то не о том ты плачешь, а (только) притворяешься. Плачь и рыдай о грешнике, (о нем) и я буду проливать слезы; и я (буду плакать) тем больше, чем большему он подлежит и наказанию; и я буду плакать с этой целью. О таком (умершем) не тебе только следует плакать, но и всему городу и (всем) встречающимся, как (плачут) о ведомых на смерть. Смерть грешников поистине лютая смерть. Но (у нас) все извращено. Такой плач есть плач исполненный любомудрия и великого назидания, а тот – (знак) малодушия. Если бы все мы плакали таким плачем, то исправляли бы их при жизни. Как если бы ты имел возможность доставить лекарство, не допускающее смерти телесной, то ты сделал бы это, так и теперь, если бы ты оплакивал эту смерть (грешников), то ты не допустил бы ее ни в себе, ни в другом. А теперь, непонятно, что делается: имея возможность не допустить этой смерти постигнуть нас, допускаем; а когда она приключилась, плачем. Поистине достойны слез (грешники); когда они предстанут перед престолом Христовым, какие они услышат слова, какие потерпят мучения! Напрасно жили они; или лучше, не напрасно, а во вред (себе). И о них прилично сказать: *добрее было бы им, аще не бы родились* (Мк. XIV, 21). Что, в самом деле; пользы, скажи мне, истратить столько времени во вред себе самому? И если бы только оно было истрачено напрасно, то разве маловажна была бы потеря? Скажи мне: если бы какой-либо наемник потрудился напрасно двадцать лет, то не стал ли бы он плакать и рыдать и считать себя несчастнее всех? А этот всю жизнь трудился напрасно, и ни одного дня не жил для себя, но для удовольствий, для

роскоши, для любостяжания, для греха, для диавола. О нем ли не будем плакать, скажи мне? Его ли не постараемся исхитить от опасностей? Есть, подлинно есть возможность облегчить его наказание, если пожелаем. Так, если будем совершать за него частые молитвы; если будем подавать милостыню, — то, хотя он сам был и недостоин, Бог услышит нас. Если ради Павла Он спасал других, и ради других милует иных, то не сделает ли того же самого и ради нас? Из собственного его имения, из твоего, из чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мере, воду. Он не может предъявить собственных дел милосердия? Пусть будут хотя родственные. Не имеет совершенных им самим? Пусть будут (совершенные) за него. Таким образом жена может ходатайствовать за него с дерзновением, представив за него потребное для спасения. Чем в больших он виновен грехах, тем более необходима для него милостыня. И не поэтому только, но и потому, что теперь она уже не имеет такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творит ли ее кто сам, или за него. Итак, чем она менее (по силе), тем более мы должны увеличивать ее по количеству.

Не о памятниках, не о надгробных украшениях будем заботиться. Ты собери вдовиц — вот наилучший памятник! Скажи (им) имя (покойного); пусть все творят за него молитвы и моления. Это преклонит на милость Бога, хотя и не он сам, а другой за него совершает милостыню. Это сообразно с человеколюбием Божиим. Стоящие вокруг и плачущие вдовицы могут спасти если не от настоящей, то от будущей смерти. Многие получили пользу от милостынь, совершаемых за них другими. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мере, получили некоторое утешение. В противном же случае, как спасались бы дети, которые сами от себя ничего не представляют, а все — родители? И часто же-

нам даруемы были дети, которые сами от себя ничего не представляли. Много путей ко спасению даровал нам Бог; только бы сами мы не были нерадивыми!

5. Но что, скажешь, если кто беден? Опять скажу, что о достоинстве милостыни судится не только по тому, что дается, но и по усердию. Не давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А если кто, скажешь, одинок, чужой и никого не имеет? А почему он никого не имеет, скажи мне? За то самое он и подвергается наказанию, что не имеет никого, так близкого, так добродетельного. Поэтому, если мы сами не добродетельны, то должны стараться иметь добродетельных товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и через них, хотя и малую, однако же, пользу. Если постараешься взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь иметь это утешение. Равным образом, если постараешься оставить по себе не богатого, но благочестивого сына и честную дочь, то и тогда будешь иметь это утешение. А если будешь заботиться об этом, то и сам будешь таков. Добродетели свойственно иметь таких и друзей, и жену, и детей.

Не напрасно бывают приношения за умерших, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установил Дух, желая, чтобы мы приносили друг другу взаимную пользу. Смотри: тот получает пользу через тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратил имущество, решившись сделать доброе дело, — и ты для него стал виновником спасения, а он для тебя (виновником) милостыни. Не сомневайся, что это принесет добрый плод. Не напрасно диакон возглашает: *о иже о Христе усопших*, и *о иже памяти о них совершающих*. Не диакон изрекает эти слова, но Дух Святой; разумею дарование (Его). А ты что говоришь? Жертва в руках (священнослужителей) и все предложит уготованное;

предстоят ангелы, архангелы; присутствует Сын Божий; все стоят с таким трепетом; те предстоят, возглашая среди общего молчания; и ты думаешь, что это бывает напрасно? В таком случае и все прочее напрасно: и приношения за Церковь, и за священников и за всех (христиан). Но, да не будет! Напротив, все это совершается с верой. Для чего, думаешь ты, бывают приношения за мучеников, и они призываются в этот час? Хотя они – мученики, хотя это – (приношения) за мучеников, но великая честь быть воспомянутым в присутствии Господа, во время совершения такой смерти, страшной жертвы, неизреченных таинств. Как перед лицом сидящего царя всякий может испрашивать, чего хочет, когда же он встанет (со своего места), тогда, что бы ни говорил, будет говорить напрасно, – так и здесь, пока предлежат таинства, то для всех величайшая честь – удостоиться поминовения. Смотри: здесь возвещается то страшное таинство, что Бог предал Себя за вселенную. Вместе с этим тайнодействием благовременно вспоминаются и согрешившие. Подобно тому, как в то время, когда празднуются победы царей, прославляются и те, которые участвовали в победе, и освобождаются те, которые в то время находятся в узах, а когда пройдет это время, то не успевший получить уже не получает ничего, так точно и здесь; это – время победного торжества. *Елижды бо аще*, говорит (апостол), *ясте хлеб сей, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. XI, 26). Не будем же приступать легкомысленно и думать, будто это совершается так, без цели. А вместе будем поминать и мучеников, и, притом, с верой, что Господь не умер; а что Он был мертвым, то это – знак умерщвления смерти. Зная это, будем помнить, какие утешения мы можем доставить умершим, – вместо слез, вместо рыданий, вместо надгробных памятников милостыни, молитвы, приношения, – чтобы и им и нам сподобиться обещан-

ных благ, по благодати и человеколюбию Единородного Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Муж же некий бе в Кесарии именем Корнилий, сотник от спиры нарицающияся Италийския, благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим, творяй милостыни многи людем, и моляйся Богу всегда: виде в видении яве, яко в час девятый дне, ангела Божия сшедша к нему, и рекша ему: Корнилие. Он же воззрев нань и пристрашен быв рече: что есть, Господи? Рече же ему: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память перед Бога (Деян. X, 1—4)

1. Корнилий был не иудей и не жил по закону (иудейскому), но уже следовал нашему образу жизни. Обрати внимание на двух уверовавших, которые оба были сановниками, — на евнуха из Газы и этого, — и на то, как велико было об них попечение (Божие). Но не подумай, чтобы это — за их сан. Нет, не за то, — да не будет! — но за благочестие. Для того и замечено о сане, чтобы более явно было их благочестие. Когда кто бывает таким среди богатства и власти, то это более достойно удивления. Великая похвала первому, что он предпринял такое путешествие, что на пути, когда время не благоприятствовало, занимался чтением, что, сидя на колеснице, пригласил к себе Филиппа, и за весьма многое другое; великая (похвала) и последнему, что он творил милостыни и молитвы, и был благочестив при такой начальственной должности. Поэтому естественно (писатель) упоминает и о должности этого мужа, чтобы кто-нибудь не сказал, что повествование Писаний не точно. *От спиры* (десятая часть римского леги-

она), говорит, *нарицающийся Италийския. Спира* — тоже, что теперь мы называем отрядом. *Благоговеин и боящийся Бога* со *всем домом своим.* Говорит это для того, чтобы ты не подумал, будто случившееся с ним сделано ради (его) сана. Когда нужно было обратить Павла, то является не ангел, но сам Господь; и посылает его не к кому-либо из двенадцати, но к Анании. А здесь напротив: посылает верховного (апостола), подобно тому, как Филиппа к евнуху, снисходя к их слабости и научая, как должно поступать с такими (людьми). И Христос часто сам приходит к тем, которые страдают тяжко и сами не могут приступить (к Нему). Заметь, прошу, также и здесь новую похвалу милостыне, как там (в сказании) о Тавифе. *Муж благоговеин и боящийся Бога со всем домом своим* (ст. 2). Да услышат это те из нас, которые не заботятся о домашних. Он же заботился и о воинах, *творя милостыни* всем *людем.* Так были благоустроены у него и понятия, и жизнь. *Виде в видении яве, яко в час девятый дне, ангела Божия сшедша к нему, и рекша ему: Корнилие* (ст. 3). Для чего он видит ангела? Это — для удостоверения Петра, или лучше — не его, но остальных слабейших. *В час девятый,* когда он был свободен от забот и не был занят делами, и между тем (предавался) молитвам и сокрушению. *Он же воззрев нань и пристрашен быв, рече* (ст. 4). Смотри: ангел не тотчас говорит то, что он сказал, но сначала рассеивает страх и возносит горе мысли Корнилия. Видение произвело (в нем) страх, но страх умеренный, чтобы только сделать его внимательным. Потом слова (ангела) рассеяли этот страх, или лучше — заключающаяся в них похвала смягчила неприятное (чувство) страха. Послушай же и самые слова. *Молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога. И ныне, посли во Иоппию мужей, и призови Симона, нарицаемаго Петра* (ст. 4, 5). Чтобы они не пришли к другому, для того указывает не только прозвание, но и

местопребывание этого мужа. *Сей странствует у некоего Симона усмаря, емуже есть дом при мори* (ст. 6). Видел ли, как апостолы, любя уединение и тишину, искали отдаленных мест в городах? Но что, если бы случилось быть и другому Симону и также кожевнику? Для того дан был еще иной признак – жительство близ моря; трем же (признакам) вместе невозможно было совпасть. Не сказал (ангел), для чего (послать), чтобы не смутить Корнилия, но, возбудив в нем стремление и желание слышать (Петра), так оставил его. *И якоже отыде ангел, глаголяй Корнилию, пригласив два от рабов своих, и воина благочестива от служащих ему, и сказав им вся, посла их во Иоппию* (ст. 7, 8). Видишь ли, что не напрасно (писатель) говорит это, но чтобы показать, что и служившие при Корнилие были таковы же, (как он)? *И сказав им вся.* Смотри, как он не горд. Он не сказал: призовите ко мне Петра; но рассказал все, чтобы убедить: так он был благоразумен! Он не хотел своей властью призвать его; потому и рассказывает: так этот муж был кроток, хотя он не мог представить себе ничего высокого о человеке, жившем у кожевника! *Во утрие же путешествующим им и ко граду приближающимся, взыде Петр на горницу помолитися о часе шестом* (ст. 9). Смотри, как Дух сочетает времена, и устрояет, что это случилось ни раньше, ни позже. *Взыде Петр на кровлю помолитися о часе шестом,* то есть в уединении и тишине, в горнем месте. *Бысть же приалчен и хотяше вкусити: готовящим же онем, нападе нань ужас, и виде небо отверсто* (ст. 10, 11). Что такое *ужас?* Произошло, говорит, в нем духовное видение; душа, так сказать, отрешилась от тела. *И виде небо отверсто, и сходящ нань сосуд некий, яко плащаницу велию, по четырем краям привязам и низу спущаем на землю: в немже бяху вся четвероногая земли, и зверие, и гади, и птицы небесныя. И бысть глас к нему: востав Петре, заколи и яждь. Петр же рече: никакоже, Господи: яко николиже ядох всяко скверно или не-*

чисто. И се глас паки к нему вторицею: яже Бог очистил есть, ты, не скверни. Сие же бысть трищи, и паки взяся сосуд на небо (ст. 11–16).

2. Что это значит? Это видение означает всю вселенную. Корнилий был необрезанный и не имел ничего общего с иудеями. Поэтому, имея в виду, что все будут обвинять его, как нарушителя (закона), – а это весьма много значило у них, – (Петр) необходимо располагается сказать: *николиже ядох,* несам возбудив в себе такое опасение, – нет! – но, как я сказал, будучи расположен к тому Духом, чтобы иметь ему в оправдание против обвинителей то, что он даже прекословил; а они весьма заботились о соблюдении закона. Он был посылаем к язычникам. Поэтому, как я выше сказал, и совершается это для того, чтобы иудеи не обвиняли его. А чтобы это не показалось каким-либо призраком, он сказал: *никакоже, Господи: яко николиже ядох всяко скверно или нечисто. И бысть глас к нему: яже Бог очистил есть, ты не скверни.* Это, по-видимому, говорится к нему, но все относится к иудеям. Если учитель получает такое внушение, то тем более они. Итак, плащаница – это земля; находившиеся в ней животные – язычники; слова: *заколи и яждь* – что должно обратиться и им; троекратное же повторение знаменует крещение. *Никакоже, Господи: николиже ядох скверно или нечисто.* Для чего скажут он возражал? Чтобы кто-нибудь не сказал, что Бог искушал его, как Авраама, когда повелевал принести в жертву сына, или как Филиппа, когда Христос спрашивал его: *колико хлебы имате* (Мк. VI, 38), не для того, чтобы узнать это, но *искушая его* (Ин. VI, 5). Притом и в законе Моисей раздельно указал чистых и нечистых (животных), как земных, так и морских. Но он, однако, не уразумел этого. *Якоже в себе недоумевашеся Петр, что бы было видиние, еже виде, и се мужие посланнии от Корнилиа, вопрошше дом Симонов, сташа пред враты, и возглашше вопрошаху, аще*

Симон, нарицаемый Петр, где странствует (ст. 17, 18). Когда Петр изумлялся сам в себе и недоумевал, те мужи приходят и благовременно разрешают недоумение; так и Иосифу (Бог) попускает прежде смутиться, а потом посылает архангела (Мф. I, 20). Душа, которая прежде была в недоумении, легко принимает разрешение (недоумения). Таким образом, недоумение его продолжалось недолго и (началось) не прежде того, но около времени обеда. *Петру же размышляющу о видении, рече ему Дух: се мужие ищут тебе. Но востав сниди, и иди с ними, ничтоже рассуждая, зане Аз, послах их* (ст. 19, 20). Это опять служит к оправданию Петра перед учениками, чтобы они поняли, что и он сомневался и затем был научен – нисколько не сомневаться. *Зане Аз*, говорит, *послах их*. Смотри, какова власть Духа. Что делает Бог, то называется действием Духа. Не так (говорит) ангел; но, сказав наперед: *молитвы твоя и милостыни твоя*, потом говорит: *посли*, чтобы показать, что он послан свыше. Дух же, как господственный, (говорит): *Аз послах их. Сошед же Петр к мужем, рече: се аз есмъ, его же ищете. Кая есть вина, еяже ради приидосте? Они же рекоша: Корнилий сотник, муж праведен и бояйся Бога, свидетельствован от всего языка Иудейска, увещен есть от ангела свята, призвати тя в дом свой, и слышати глаголы от тебе* (ст. 20–22). Они восхваляют (Корнилия), чтобы уверить, что ангел явился ему. *Призвав же их учреди* (ст. 23). Видишь ли, с кого начинается (обращение) язычников? С человека благочестивого, явившегося достойным того делами. Если и при этом иудеи, однако, соблазняются, то чего не сказали бы они, если бы было иначе? *Призвав же их учреди*. Смотри, какая в нем уверенность! Чтобы они не потерпели чего-нибудь неприятного, он приглашает их к себе, и потом без всякого опасения вместе с ними принимает пищу. *На утрие же Петр востав иде с ними, и нецыи от братий, иже от Иоппии, идоша с ним. И на утрие*

внидоша в Кесарю (ст. 23, 24). Известный человек был (Корнилий) и жил в известном городе. Потому все это и происходит с ним, и от Иудеи начинается дело (обращения язычников); видение же было ему не тогда, когда он спал, а когда бодрствовал, – во время дня, около девятого часа: так бодрственно он вел себя! Но обратимся к вышесказанному. *Рече же ангел: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога.* Отсюда явно, что когда ангел назвал его, тогда он и увидел его, так что, если бы не назвал, то он и не увидел бы: так он был углублен в дело, которым занимался! *И призови Симона, нарицаемого Петра.* Открыл только, что он пригласит Петра на доброе дело; а на какое доброе, этого еще не (открыл). Так и Петр не все высказывает. Повсюду изречения (их) только отчасти (ясны), чтобы возбудить внимание слушателей. Так и Филиппа (ангел) только посылает в пустыню. *Взыде Петр на горницу помолитися о часе шестом, и нападе нань ужас, и виде сосуд некий, яко плащаницу.* Заметь, что даже и голод не принудил его приступить к плащанице. А чтобы он не оставался долее в недоумении, слышит голос, говорящий: *востав, Петре, заколи и яждь.* Может быть, он стоял на коленях, когда созерцал видение, и, кажется мне, видел его для (успеха) проповеди (евангельской). А что это событие было божественное, явно из того, что (Петр) видел сосуд нисходящим свыше, и что он – апостол – находился в исступлении. Также и то, что слышан был оттуда голос, что это повторялось трижды, что небо отверзлось, что (сосуд) был спущен оттуда и опять взят туда, – служит великим доказательством божественности этого события.

3. Для чего же такое событие? Для последовавших поколений, которым оно имело быть рассказано; да и сам (Петр) слышал (заповедь): *на путь язык не идите* (Мф. X, 5). Не удивляйся этому. Если Павел считал нужными обрезание и жертвы, то тем более они казались

нужными тогда, в начале проповеди, когда (между верующими) были еще слабейшие. *И се мужие, посланнии от Корнилиа сташа пред враты, и возглашше вопрошаху, аще Симон, порицаемый Петр, зде странствует.* Как перед бедным домом, они спрашивали внизу (перед вратами его), а не расспрашивали у соседей. *Петру же размышляющему, рече ему Дух: востав сниди, и иди, ничтоже рассуждая, зане Аз послах их.* Смотри, не сказал: для того тебе и видение явилось, но: *Аз послах их,* внушая, что так должно повиноваться (Богу), не спрашивая о причинах. Для совершенного убеждения достаточно услышать от Него: сделай то-то, скажи то-то, и не требовать ничего более. *Сошед же Петр, рече: се аз есмь, егоже ищете.* Почему же он не тотчас принял их, а спрашивает? Он увидел в посетителях воинов: потому не просто спрашивает, но сначала называет себя, а потом разузнает о причине прибытия, чтобы не подумали, будто он спрашивал потому, что желал скрыться. Спрашивает же для того, чтобы, если бы они потребовали, тотчас же и идти вместе с ними; если же нет, то принять их к себе. А почему они говорят: *призывает тя в дом свой?* Потому что так приказал им (Корнилий); а может быть, они, извиняясь за него, говорят как бы так: нисколько не осуди (его), потому что он послал не из пренебрежения (к тебе), но так ему было приказано. *Корнилий же бе чая их созвав сродники своя и любезныя други* (ст. 24). Так и следовало; несправедливо было бы не собрать сродников и друзей; а с другой стороны, присутствуя здесь, они могли более слушать его (Петра).

Видели ли вы, какова сила милостыни, и из прежней беседы, и из настоящей? Там она избавила от смерти временной, здесь – от вечной, и отверзла врата неба. Смотри, как много сделано было для того, чтобы уверовал Корнилий: ангел был послан, Дух действовал, верховный из апостолов был призван, явлено было такое видение, и вообще не было оставлено ничего. Сколько

было сотников, тысяченачальников и царей, и никто из них не удостоился того, чего он? Послушайте все вы, принадлежащие к войску, предстоящие царям. Он был *благоговеин*, говорит (писатель), и *боящийся Бога,* а что еще более, был таков *со всем домом своим.* Он так был этому предан и благорасположен, что не только себя вел хорошо, но и домашних своих направлял точно также. Не так, как мы, которые делаем все к тому, чтобы слуги боялись нас, но ничего к тому, чтобы они были благочестивыми. А он не так, но боялся Бога со всем домом своим, будучи как бы общим отцом не только для всех, бывших с ним, но и для воинов, бывших под его властью. Послушай, что еще другое они говорят, — не напрасно ведь прибавлено: *свидетельствован от всего языка (Иудейска),* но чтобы никто не сказал: что в том, да если он был необрезанный? И те, говорят, свидетельствуют о нем. Итак, нет ничего равного милостыне; или лучше: так велика сила этой добродетели, когда она происходит из чистых сокровищниц! Как происходящее от неправедных (стяжаний) подобно источнику, изливающему нечистоты, так (происходящее) от праведных стяжаний есть как бы прозрачный и чистый поток в саду, приятный на вид, усладительный на вкус, доставляющий свежесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этом источнике растут не тополи, не сосны и не кипарисы, но другие, гораздо лучшие этих великие произрастения: любовь Божия, похвала от людей, слава перед Богом, благорасположенность от всех, изглаждение грехов, великое дерзновение, презрение богатства, милосердие, которым питается древо любви. Обыкновенно ничто так не питает любви, как милостыня. Она простирает в высоту свои ветви. Она — источник лучше райского, не разделяющийся на четыре *начала* (Быт. II, 10), но достигающий до самого неба. Она источает ту *воду, текущую в живот вечный* (Ин. IV, 14); смерть,

коснувшись ее, исчезает, как искра в источнике: так она, где бы ни источалась, производит великие блага! Она угашает ту реку огненную, как искру; она истребляет того червя, как ничто; кто имеет ее, тот не узнает скрежета зубов (Мф. XXV, 30). От воды ее, если и капля упадает на узы, расторгает их; а если упадает в печи, всецело погашает их.

4. Как райский источник не таков, чтобы то изливать потоки, то иссыхать, – тогда он не был бы и источником, – но течет постоянно, так и наш (источник) пусть всегда изливает очень обильные потоки, особенно для нуждающихся в милостыне, чтобы он оставался источником. Это доставляет радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается поток не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божия дождила на тебя как бы из источника, то имей и ты у себя источник. Ничто не может сравниться с ним. Если ты откроешь этот источник, то источник Божий откроется так, что превзойдет всякую бездну. Бог ожидает от нас только повода, чтобы излить блага из Своих сокровищниц. Когда (кто) тратит, когда издерживает, тогда богатеет, тогда изобилует. Велик исток этого источника; чист и прозрачен поток его. Если ты не заградишь его, то не (заградишь) и того (источника Божия). Никакого бесплодного дерева не насаждай при нем, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имение? Не насаждай там тополей; такова роскошь: она многое истребляет, но ничего собой не доставляет, а (только) губит плод. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни других подобных, требующих многого, но ни к чему не полезных: такова роскошь в одеждах, только приятная на вид, но не полезная ни к чему. Вырасти виноградные лозы, насади всякие деревья плодовитые, какие хочешь, в руках бедных. Нет ничего плодоноснее этой земли. Хотя не велика вместимость

руки, однако насаждаемое здесь дерево достигает до самого неба и стоит твердо. Это и значит – насаждать. А насаждаемое на земле, если не теперь, то через сто лет погибнет. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придет и похитит тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесет тебе плод. Если насаждаешь, то насади не в ненасытной утробе, чтобы плод не был извержен вон; но насади в чреве алчущем, чтобы плод достиг неба. Утешь страждущую душу бедного, чтобы не скорбела твоя утучневшая. Не видишь ли, как деревья, напояемые через меру, загнивают с корня, а напояемые умеренно возрастают? Так и ты не напояй чрезмерно своего чрева, чтобы не загнил корень этого дерева; напой (чрево) жаждущее, чтобы оно принесло плод. Напояемое в меру не загнивает от солнца, а неумеренно (напояемое) загнивает: таково естественное действие солнца. Неумеренность везде зло. Поэтому будем воздерживаться от нее, чтобы и нам получить то, о чем просим. Источники, говорят, получают свое начало в местах весьма возвышенных. Сделаемся же и мы возвышенны душой, и тотчас потечет (от нас) милостыня. Невозможно возвышенной душе не быть милостивой, и милостивой – не быть возвышенной. Итак, кто презирает имущество, тот выше *корня зол* (1 Тим. VI, 10). Источники по большей части находятся в пустынях; и мы изведем душу из (мирской) суеты, и потечет от нас милостыня. Источники чем более очищаются, тем более обильными становятся; так и мы чем более будем раздавать, тем более произрастет благ. Кто имеет источник, тот чужд страха; так и мы, если будем иметь источник – милостыню, не будем страшиться. И для питья, и для орошения, и для постройки зданий – для всего полезен нам этот источник. Нет ничего лучше такого питья; оно не производит опьянения. Луч-

ше иметь такой источник, нежели источники, доставляющие золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотоносной. Оно сопутствует нам не в это царство, но в горнее. Это золото служит украшением Церкви Божией. Из этого золота приготовляется меч духовный (Еф. VI, 17), меч, которым посекается змий. Из этого источника происходят драгоценные камни, украшающие голову Царя (Апок. IV, 3). Не будем же пренебрегать таким богатством, но будем творить милостыню щедро, чтобы нам удостоиться милости Божией, по благодати и щедротам Единородного Сына Его, Которому всякая слава, честь и держава, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

На утрие же Петр востав иде с ними, и нецыи от братий, иже от Иоппии, идоша с ним. И на утрие внидоша в Кесарию. Корнилий же бе чая их, созвав сродники своя и любезныя други (Деян. X, 23, 24)

1. Угостив мужей (посланных Корнилием), отправляется (Петр) вместе с ними; и хорошо: сначала он с любовью принимает их, как утомившихся от пути, и располагает к себе, а потом уже отправляется с ними. *На утрие же востав Петр, иде с ними, и нецыи от братий* (ст. 23). Не один он, но и другие идут с ним; и это с той предусмотрительностью, чтобы впоследствии были свидетели, когда Петру нужно будет оправдываться. *Корнилий же бе чая их, созвав сродники своя и любезныя други* (ст. 24). Таково свойство друга, таково свойство благочестивого (человека), чтобы прежде всего делать участниками таких благ близких друзей. Естественно он созывает тех, кому всегда доверял, особенно рассуждая о таких предметах, о которых еще излишне было говорить с

другими. Мне кажется, что и друзья, и родственники им же были назидаемы. *Якоже бысть внити Петру, срете его Корнилий, и пад на ногу его, поклонися. Петр же воздвиже его, глаголя: востани: и аз сам человек есмь* (ст. 25, 26). Делая это, (Корнилий) проявляет свое смирение, научает прочих, благодарит Бога и показывает, что хотя он и получил повеление, однако, и сам в себе имел великое благочестие. Что же Петр? *Востани: и аз сам человек есмь.* Видишь ли, как он прежде всего научает их не думать слишком много о самих себе? *И с ним беседуя, вниде, и обрете собравшыяся многи. Рече же к ним: вы весте, яко не лепо есть мужу Иудеанину прилеплятися или приходити к иноплеменнику* (ст. 27, 28). Смотри: тотчас же начинает беседовать о человеколюбии Божием, и показывает, что Он даровал им великие блага. Но здесь достойно удивления не только то, что он беседует о таких предметах, но и то, как он говорит о предметах высоких и вместе соблюдает смирение. Не сказал: мы — люди, не удостаивающие никого своего общения, пришли к вам; но что? *Вы весте.* Бог, говорит, запретил (нам) входить в общение или обращаться с иноплеменником. Потом, чтобы не показать пристрастия к нему, продолжает: *и мне Бог показа ни единого скверна или нечиста глаголати человека* (ст. 28). Присовокупляет это, чтобы не подумали, что он льстит ему. *Тем же и без сумнения приидох призван* (ст. 29). Чтобы не подумали, что хотя дело было и противозаконное, но он послушался потому, что (Корнилий) был начальник, а чтобы все приписывали Богу, для того говорит, что не дозволено не только *прилеплятися,* но даже и *приходити. Вопрошаю убо, коея ради вины посласте по мене* (ст. 29)? Спрашивает не потому, чтобы не знал. Петр знал все из видения, слышал и от воинов; но он хочет, чтобы сначала они сами исповедали и предрасположили себя к вере. Что же Корнилий? Он не сказал: разве воины не сказали тебе? Но смотри, как кротко и смиренно гово-

рит: *от четвертаго дне даже до сего часа бех постяся, и в девятый час моляся в дому моем: и се муж ста предо мною во одежде светле и рече: Корнилие, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася пред Богом* (ст. 30, 31). *И в девятый*, говорит, *час моляся*. Что это значит? Мне кажется, что у него назначены были часы для благочестивых занятий, и притом в известные дни. Потому он и сказал: *от четвертаго дне*. Смотри, как важна молитва! Когда он предался благочестивому занятию, тогда является ему ангел. Это был первый день; когда посланные отправились, еще один; когда возвращались, еще один; а на четвертый (Петр) прибыл, так что это был второй день, в который (Корнилий) предавался молитве. *И се муж ста предо мною во одежде светле*. Не называет ангелом: так он чужд гордости! *И рече: Корнилие, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася пред Богом. Поели убо во Иоппию, и призови Симона, иже порицается Петр: сей странствует в дому Симона усмаря близ моря: иже пришед возглаголет тебе. Абие убо послах к тебе, ты же добре, сотворил еси пришед: ныне убо вси мы пред Богом предстоим слышати вся повеленная тебе от Бога* (ст. 31–33). Для того (Петр) и сказал: *коея ради вины посласте по мене*, чтобы (Корнилий), высказал все эти слова. *Отверз же Петр уста, рече: по истинне разумеваю, яко не на лица зрит Бог, но во всяком языце бояйся его и делаяй правду, приятен ему есть* (ст. 34, 35), то есть будет ли он необрезанный, или обрезанный. Тоже выражает и Павел, когда говорит: *несть бо на лица зрения у Бога* (Рим. II, 11). *Ныне убо вси мы*, говорит, *пред Богом предстоим*. Смотри, какая вера, какое благочестие! Он уразумел, что Петр вещал не человеческое учение, когда сказал: *мне Бог показа*. Потому и говорит: *предстоим слышати вся повеленная тебе от Бога*. Как? Неужели *приятен* Ему и принадлежащий к персам? Если он достоин, то будет *приятен* так, что сподобится веры. Потому Он не презрел и евнуха из

Эфиопии. Но что, скажут, думать о людях богобоязненных и между тем оставленных в презрении? Нет; ни один богобоязненный не оставляется в презрении. Не может, никогда не может быть презрен кто-либо из таких (людей). *Во всяком языце*, говорит, *бояйся Бога и делаяй правду*. Правдой он называет всякую добродетель.

2. Видишь ли, как Он внушает смирение словами: *во всяком языце бояйся Бога приятен ему есть!* Как бы так говорил: Он никого не отвергает, принимает всех верующих. Потом, чтобы они не почли себя в числе отверженных, продолжает: *слово, еже посла сыном Исраилевым, благовествуя мир Иисус Христом, сей есть всем Господь* (ст. 36). Говорит это для присутствующих, чтобы убедить и их. Для того он расположил и Корнилия – предложить рассказ. *Слово*, говорит, *еже послал сыном Исраилевым*. Смотри: сначала им отдает преимущество, а потом и тех приводит в свидетели, и говорит: *вы весте глагол, бывший по всей Иудеи, наченшийся от Галилеи, по крещении, еже проповеда Иоанн* (ст. 37). Что это так, подтверждает следующим: *Иисуса, иже от Назарета, яко помаза его Бог Духом Святым и силою* (ст. 38). Не сказал: вы знаете Иисуса, – так как они еще не знали Его, – но излагает деяния Его: *иже пройде благовествуя и исцеляя вся насилованныя от диавола*. Указывает здесь на многие недуги и страдания телесные, причиняемые диаволом. *Яко Бог бяше с ним* (ст. 38). Снова выражается смиренно; не просто, я думаю, но применительно к понятиям человеческим. *И мы есмы свидетели всех, яже сотвори во стране Иудейстей и во Иерусалиме*. И вы, говорит, и мы (свидетели). *Его же и убита, повешше на древе* (ст. 39). Здесь говорит о страдании (Христовом). *Сего Бог воскреси в третий день, и даде ему явленну быти, не всем людем, но нам свидетелем преднареченным от Бога, иже с ним ядохом и пихом, по воскресении его от мертвых* (ст. 40, 41). Это – величайшее свидетельство воскресения. *И повеле нам проповедати*

людем, и засвидетельствовать,, яко той есть нареченный от Бога Судия живых и мертвых (ст. 42). И это много способствует к тому, чтобы они явились достоверными (свидетелями). Но он приводит и (другое) свидетельство – следующее: *о сем вси пророцы свидетельствуют, оставление грехов прияти именем его всякому верующему в онь* (ст. 43). Это – предсказание будущих последующих событий; для подтверждения его благовременно приводит в свидетели пророков. Но обратимся к вышесказанному о Корнилие. *Посла*, говорит (писатель); *во Иоппию призвати Петра*. Веровал, что он непременно придет; потому и послал. *И с ним беседуя, вниде*. О чем беседуя? Беседуя, думаю, о том, что сказано выше. *И пад на ногу, поклонися*. Смотри, как слово (его) всегда чуждо лести и исполнено смирения. Через это же показал себя достойным и тот евнух; он пригласил Филиппа взойти и сесть на колесницу, хотя и не знал, кто он таков, разве только после изъяснения пророчества. А этот даже пал к ногам. Видел ли ты, как он был чужд гордости? Посмотри же, как Петр показывает божественность своего пришествия, когда говорит: *вы весте, яко не лепо есть*. Почему он не сказал тотчас о плащанице? Потому, что был весьма не тщеславен. О том, что был послан от Бога, он говорит, но как, пока еще нет; а когда открылась нужда, тогда и сказал. *Вы, весте, яко не лепо есть мужу Иудеанину прилеплятися или приходити к иноплеменнику*. Так он был далек от тщеславия! Вы *весте*. Говоря это, ссылается и на их знание. Что же Корнилий? *Мы пред Богом*, говорит, *предстоим слышати вся повеленная тебе от Бога*. Не сказал: перед человеком, но: *пред Богом*, показывая, что так должно внимать рабам Божиим. Видели ли вы высокую душу его? Видели ли вы, как он был достоин всего этого? *Отверз же Петр уста, рече: по истинне разумеваю, яко не на лица зрит Бог*. Говорил это и для присутствовавших иудеев, в свое оправдание. Так как ему предсто-

яло вести с ними речь, то он наперед представляет как бы оправдание. Что же? Разве прежде этого (Бог) был лицеприятен? Да не будет! Он и прежде был таков же. *Всяк*, говорит, *боящийся Бога и делаяй правду приятен ему есть*. Об этом и Павел пишет так: егда бо *языцы, не имуще закона, естеством законная творят* (Рим. II, 14). Здесь (Петр) преподает и учение, и правила жизни. Если (Бог) не презрел волхвов, и эфиоплянина, и разбойника, и блудницу, то, без сомнения, тем более не презрит делающих правду и желающих (веровать). Почему же бывают люди добрые и кроткие, и однако не хотят веровать? Вот сам ты и сказал причину: потому, что не хотят. С другой стороны, добрым он называет здесь не кроткого, но *делающего правду,* то есть благоугодного (Богу) во всем, каковым человек бывает тогда, когда имеет надлежащий страх Божий; такого знает один Бог. Смотри, как этот был *приятен.* Как скоро он услышал, то и повиновался. И теперь, скажешь, повиновался бы всякий, кто бы то ни был, если бы явился ангел? Но нынешние знамения гораздо больше тех, и однако многие не веруют. Затем (Петр) начинает учение, наблюдая достоинство иудеев. *Слово*, говорит, *еже посла сыном Исраилевым, благовествуя мир, сей есть Господь всем.* Во-первых, говорит о господстве Его, и весьма возвышенно, как и следовало, потому что имел перед собой душу, которая уже сделалась высокой и с горячностью принимала все, им сказанное. Потом, чтобы показать, как Он есть *Господь всем,* присовокупляет слова: *еже посла благовествуя,* то есть призывая на благое, а не возвещая суд.

3. Здесь он показывает, что (Христос) был послан от Бога прежде к иудеям. Затем доказывает это тем, что Он совершил во всей Иудее, и говорит: *вы весте глагол бывший по всей Иудеи,* и, к удивлению, *наченшийся от Галилеи, по крещении, еже проповеда Иоанн.* Сначала сказал об Его делах, а потом решается сказать об Его отече-

стве: *Иисуса, иже от Назарета.* Он знал, что это отечество служило соблазном. *Яко помаза его Бог Духом Святым и силою.* Затем снова (приводит) доказательство; чтобы кто не сказал: откуда это видно? – присовокупляет слова: *иже пройде благодетельствуя и исцеляя вся насилованныя от диавола.* Вместе с добрыми делами, которые Он совершил, показывает, что велика была и сила Его; она должна быть могущественна и велика, если побеждает диавола. Приводит и причину: *яко Бог бяше с ним.* Потому и иудеи говорили так: *вемы, яко от Бога пришел еси учитель: никтоже бо может знамений сих творити, аще не будет Бог с ним* (Ин. III, 2). Потом, когда доказал, что Он был послан от Бога, тогда уже и говорит, что Он был умерщвлен, чтобы ты не подумал (о Нем) чего-либо недостойного. Видишь ли как они никогда не скрывали о кресте, но, между прочим, упоминали и об образе (распятия)? *Егоже и убиша*, говорит, *повешше на древе. И даде ему явленну быти, не всем людем, но свидетелем преднареченным от Бога нам.* Хотя Он сам избрал их, но и это (Петр) приписывает Богу. *Преднареченным*, говорит. Смотри, чем он доказывает воскресение – ядением. Почему же, по воскресении, (Христос) не совершил никакого знамения, а ел и пил? Потому, что воскресение и само по себе было великим знамением; а для доказательства (подлинности) его ничто не может быть больше того, что Он ел и пил. *Засвидетельствовати*, говорит. Здесь он внушает и страх, чтобы они не могли оправдываться неведением. И не сказал, что Он есть Сын Божий, но, – что особенно могло устрашить их, – *яко той есть нареченный от Бога Судия живых и мертвых.* Затем (приводит) сильное доказательство от пророков, потому что они были в великой славе. *О семь вси пророцы свидетельствуют.* Внушив страх, представляет потом прощение (грехов), говоря не от себя, но от лица пророков. Страшное (говорит) от себя, а приятное – от лица пророков. Вы, которые

получили это прощение, которые удостоились веры, постарайтесь, умоляю вас, познав величие дара, не оскорбить Благодетеля. Не для того мы получили прощение, чтобы сделаться худшими, но чтобы быть гораздо лучшими и совершеннейшими.

Итак, пусть никто не говорит, будто Бог есть виновник наших грехов, потому что не подверг нас наказанию и мучению. Скажи мне: если бы какой начальник, имея в руках своих убийцу, отпустил его, то может ли он считаться виновником последующих убийств? Нисколько. Как же мы сами, дерзая нечестивыми устами своими оскорблять Бога, не боимся и не трепещем? И чего не скажут? Чего не произнесут? Он сам, говорят, попустил им; надлежало наказать их, если они достойны того, не раздавать им почестей, венцов и преимуществ, а подвергнуть наказанию и мучению. Не делая с ними ничего такого, но вместо того удостаивая их почестей, Он и делает их такими. Нет, прошу и умоляю, пусть никто не произносит о нас такого отзыва. Лучше тысячи раз быть зарытым в земле, нежели допустить, чтобы о Боге говорили так из-за нас. Иудеи говорили Ему: *разоряяй церковь и тремя денми созидаяй ю, спасися сам;* и еще: *аще Сын еси Божий, сниди со креста* (Мф. XXVII, 40). Но то богохульнее этого. Итак, чтобы из-за нас не могли называть Его виновником зла и чтобы за это самое богохульство нам не подпасть наказанию, – так как *вами,* говорит Он, *имя* мое *хулится во языцех* (Рим. II, 24), – постараемся, чтобы говорили противное, проводя жизнь достойно Призывающего и приступая к крещению сыноположения. Поистине велика сила крещения; оно совершенно изменяет сподобившихся этого дара, и люди через него перестают быть теми же людьми. Пусть же и эллин уверует, что велика сила Духа, потому что она преобразовала, потому что пересоздала. Зачем ты ожидаешь последнего издыхания, как беглый раб,

как злодей, как будто не обязанный жить для Бога? Зачем ведешь себя по отношению к Нему, как бы к какому жестокому и бесчеловечному властителю? Что может быть холоднее, что жалче принимающих крещение в такое время? Бог сделал тебя другом и удостоил всех благ, чтобы и ты со своей стороны явил дела друга. Скажи мне: если бы ты причинил кому-либо великие обиды и оскорбления, и после множества сделанных ему неприятностей впал в руки обиженного, а он вместо того почтил бы тебя, сделал бы соучастником всех своих (благ), за самые обиды, нанесенные ему, увенчал бы тебя между друзьями своими и сказал бы, что считает тебя за родного сына, и потом внезапно умер, — не почел ли бы ты этого потерей? — не сказал ли бы: я желал бы видеть его живым, чтобы воздать ему должное, чтобы возблагодарить его, чтобы не оказаться недостойным перед благодетелем? Так (поступаешь) по отношению к человеку; а по отношению к Богу почему стараешься устроить так, чтобы не воздать Благодетелю за столь великие дары? Нет, ты тогда и приступи, когда можешь воздать Ему со своей стороны. Зачем ты убегаешь? Так, скажешь; я не могу соблюсти (заповедей). Но разве Бог заповедал невозможное? Оттого и извратилось все, оттого и растлелась вселенная, что никто нисколько не заботится жить по Боге. Оглашенные, питая такие мысли, не обнаруживают никакого попечения о благочестивой жизни. Из крещенных одни приняли крещение в детстве; другие в болезни, и так как не имели никакого усердия жить для Бога, то по выздоровлении тоже не прилагают заботы; иные приняли в здоровом состоянии, но и они обнаруживают мало заботы, и они имели пламенное усердие в то время, впоследствии же угасили свой пламень. Разве не позволяется тебе заниматься делами? Разве я отвлекаю тебя от жены? Удерживаю тебя только от прелюбодея-

ния. Разве от пользования имуществом? От любостяжания только и хищения. Разве принуждаю раздать все? Только немногое, по мере возможности, уделять нуждающимся. *Ваше избыточествие*, говорит (апостол), *во онех лишение* (2 Кор. VIII, 14). Но и таким образом мы не убеждаем. Разве принуждаем поститься? Запрещаем только предаваться опьянению и пресыщению. Устраняем то, что причиняет тебе бесчестие, что и сам ты еще здесь, прежде геенны, уже признаешь постыдным и ненавистным. Разве (запрещаем) веселиться и радоваться? Только бы (это было) не постыдно и не бесчестно.

4. Чего ты боишься? Чего страшишься? Чего трепещешь? Где брачная жизнь, где доброе употребление имущества, где умеренность в пище, – какой там повод к греху? Внешние (язычники) повелевают противоположное, и их слушают. Они требуют не по мере возможности, но говорят: столько-то надобно отдать, – и хотя ты ссылаешься на бедность, не отступают и тогда. А Христос не так: дай (говорит) из того, что имеешь, и поставлю тебя в числе первых. Еще те говорят: если хочешь быть славным, оставь отца, мать, родных, домашних, и будь при царском дворе, перенося труды, испытывая оскорбления, раболепствуя, не имея покоя, претерпевая множество неприятностей. А Христос не так, но – будь в своем доме с женой, с детьми, и устраивай дела свои так, чтобы проводить жизнь спокойную и безопасную. Так, скажешь; но тот обещает богатство? А Он – царство; или лучше: вместе с тем и богатство. Он говорит: *ищите царствия* небесного, *и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Тот (обещает богатство) не в виде прибавления, а Он – еще нечто прежде этого. *Юнейшии бых*, говорит (Давид), *ибо состарихся, и не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы* (Пс. XXXVI, 25). Начнем же жизнь добродетельную; положим ей начало; только приступим к ней, и увидишь, сколько в ней благ.

Ты не без труда совершаешь те дела; почему же с боязнью смотришь на эти? Да, скажешь, те без труда, а эти с трудом. Нет, не так, не правда. Если следует сказать правду, то те сопряжены с гораздо большими трудностями и совершаются с большим трудом, а эти, если захотим, легко.

Не будем же уклоняться, умоляю вас, от божественных таинств. Не смотри на то, что прежде тебя крещенный сделался худым и лишился своего упования, и не делайся оттого еще нерадивее; и между воинами мы видим одних, отправляющих воинскую службу не как должно, а других отменно ревностных, но обращаем внимание не на ленивых, а подражаем этим — исправным. Так и ты смотри на тех, которые после крещения из людей сделались ангелами. Страшись неизвестности будущего. Смерть приходит, как *тать в нощи* (2 Петр. III, 10), и не просто как тать, но нападает на нас спящих и восхищает не бодрствующих. Для того Бог и оставил будущее неизвестным, чтобы, по неизвестности всегда ожидая, мы проводили жизнь добродетельно. Но Бог, скажешь, человеколюбив. Доколе же мы будем повторять это холодное и возбуждающее смех изречение? Я не только говорю и не перестану говорить, что Бог человеколюбив, но и (скажу), что нет никого человеколюбивее Его и что все в отношении к нам Он устраивает на пользу. Не видишь ли, как многие во всяком возрасте бывают подвержены проказе? Как многие с первого возраста остаются слепыми до старости? Другие подверглись слепоте впоследствии; иные (живут) в бедности; иные в узах; иные в рудокопнях; иные и задавлены там землей; а иные погибли на войне. Дело ли это человеколюбия, скажи мне? Не мог ли бы Он не допустить этого, если бы пожелал? Но Он допускает. Так, скажешь. Скажи же мне, отчего бывают слепые с первого возраста? Я не скажу, пока не дашь мне обещания — креститься и по крещении жить благочестиво. Не следует тебе зани-

маться разрешением таких вопросов; слово существует не для забавы. И если я разрешу этот вопрос, за ним последует другой; в Писании ведь — бездна вопросов. Поэтому приучайтесь не изыскивать только разрешение вопросов, но и не задавать их, потому что никогда не будет конца нашим вопросам. Вот, если я разрешу этот, то подам повод к бесчисленному множеству других вопросов. Научимся же лучше достигать этого (чтобы не задавать вопросов), нежели искать разрешения их. Если и разрешим, то разрешим не совершенно, а по человеческому разумению. Самое лучшее разрешение таких вопросов есть вера, то есть убеждение, что Бог устраивает все праведно, человеколюбиво и на пользу, и что причины этого постигнуть невозможно. Вот единственное разрешение, и другого лучше этого нет. В чем, скажи мне, состоит дело разрешения? Конечно, в том, чтобы не искать больше того, и то разрешено. Если же ты убедишься, что все управляется Промыслом Божиим одно попускающим по известной Ему причине, а другое устрояющим, то и не будешь более задавать вопросов и получишь для себя готовое их разрешение. Но возвратимся к предмету. Итак, если ты видишь столь многих претерпевающими страдания, а это все попускает Бог, то воспользуйся здоровьем (своего) тела для здоровья души. Но, скажешь, какая мне нужда подвергаться трудам и лишениям, когда можно очиститься от всего и без труда? Прежде всего (скажу): это неизвестно. Случается не только не очиститься без труда, но и отойти со всеми (грехами). А если бы это и было известно, то не отрадны такие слова. Привел тебя (Бог) на бранное поприще; предложены золотые оружия; следует взять их и действовать; а ты хочешь спастись без славы и не сделать ничего доброго. Скажи мне: если бы происходила война и сам царь присутствовал, и ты видел бы, как одни бросаются в ряды неприятелей, поражают и наносят бесчисленные раны, другие вступа-

ют в единоборство: одни бегут, другие несутся на конях и получают похвалу от царя, удивление, рукоплескания, венцы; а иные в то же время считают за лучшее не подвергаться никакой опасности, держаться позади всех, и остаются в бездействии; потом, по окончании войны, первые вызываются, награждаются великими дарами и провозглашаются, а последние остаются неизвестными даже по имени, и только лишь сохранение жизни служит им воздаянием за дела, – в числе которых ты пожелал бы находиться? Хотя бы ты был каменным, хотя бы был беспечнее вещей бесчувственных и бездушных, – не пожелал ли бы ты тысячи раз быть в числе первых? Так, прошу и умоляю. Ведь хотя бы надлежало и пасть среди брани, не следует ли с готовностью решиться и на это? Не видишь ли, как светлы падающие в таких войнах, хотя они умирают смертью, после которой не могут получить почестей от царя? А в этой брани совсем не так, но (после нее) ты непременно предстанешь со своими ранами, которые да сподобимся все мы явить, и без гонений, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Еще же глаголющу Петру глаголы сия, нападе Дух Святый на вся слышащыя слово. И ужасошася иже от обрезания вернии, елицы приидоша с Петром, яко и на языки дар Святаго Духа излияся: слышаху бо их глаголющих языки и величающих Бога (Деян. X, 44–46)

1. Посмотри на домостроительство Божие. Петр еще не успел окончить речи, и крещение (Корнилия и бывших у него) еще не совершилось по его повелению;

но так как они показали чудное расположение души своей, приняли начало учения и уверовали, что в крещении несомненно подается прощение грехов, то и сошел (на них) Дух. Это же совершает Бог с тем намерением, чтобы доставить Петру сильное оправдание. Они не только получают Духа, но и стали говорить языками, что и изумило пришедших с Петром. Зачем же так устраивается это дело? Для иудеев, так как они весьма ненавистно смотрели на это. Так везде все совершается Богом; а Петр почти только присутствует здесь, вразумляясь, что им (апостолам) следует уже обращать язычников, и что это должно через них произойти. И не удивляйся! Если после таких событий и в Кесарии, и в Иерусалиме было негодование, то чего не было бы, если бы их не случилось? Поэтому-то они и совершаются чрезвычайным образом. Смотри, как и Петр при этом случае защищается. А что он отвечает после такого случая, о том послушай евангелиста, повествующего так: *тогда отвеща Петр: еда воду возбранити может кто, еже не креститися сим, иже Дух Святый прияша, якоже и мы* (ст. 47)? Видишь ли ты, к чему он склонил дело и как желал совершить это? Так он еще прежде имел это в мыслях. *Еда воду*, говорит, *возбранити может кто?* Он почти как бы опровергает противившихся и утверждавших, что этого делать не должно. Все совершилось, говорит, необходимейшее исполнилось, то есть то крещение, которым и мы крестились. *Повеле же им креститься во имя Иисус Христово* (ст. 48). После того, как оправдался, тогда и повелел им креститься, научая их самым делом: настолько ненавистно смотрели (на это) иудеи! Поэтому-то он сначала защищается, хотя дела говорили сами за себя, и потом повелевает. *Тогда молиша его пребыти у тех дни некия* (ст. 48). После этого он естественно уже не сомневается и остается. *Слышаша же апостоли и братия сущии во иудеи, яко и языцы при-*

яша слово Божие. И егда взыде Петр во Иерусалим, препирахуся с ним, иже от обрезания, глаголюще, яко к мужем обрезания не имущим вшел еси, и ял еси с ними (XI, 1–3). После того *препирахуся иже от обрезания*, а не апостолы. Что значит *препирахуся?* Не мало соблазнялись, говорит (писатель). И смотри, что они возражают. Не говорят: для чего ты проповедовал им? – но: для чего ты вкушал пищу вместе с ними? Петр же не останавливается на этом холодном (замечании), – и поистине оно было холодное, – но (указывая) на то великое (дело), говорит: если и они получили Духа, то как можно было не преподать им (крещения)? Почему же не было того с самарянами, но (было) противоположное? И не только не было до крещения, но и после крещения. И (верующие из иудеев) не негодовали на них, но, услышав, послали (Петра и Иоанна) для этого самого (Деян. VIII, 14, 15). Впрочем, и здесь они упрекают не за это, так как знали, что это было делом благодати Божией; но для чего, говорят, ты вкушал пищу вместе с ними? С другой стороны, великая и несравненная разница между самарянами и язычниками. Или он подвергся упреку по благоустроению (Божию), чтобы они научились, так как без нужды Петр и не сказал бы. Смотри, как он не горделив и не тщеславен. *Начен*, говорит (писатель), *Петр сказоваше им поряду, глаголя аз бех во граде Иоппийстем моляся* (ст. 4, 5). Не говорит, для чего или по какому случаю. *И видех во ужасе видение, сходящ сосуд некий яко плащаницу велию, от четырех краев низпущаему с небесе, и прииде даже до мене. В нюже воззрев смотрях и видех четвероногая земная и звери и гады, и птицы небесныя. Слышах же глас глаголющ мне: востав, Петре, заколи и яждь* (ст. 5–7). Что он хочет сказать этим? Одно видение плащаницы, говорит, достаточно было для убеждения в этом; но к тому присоединен был и голос. *Рех же: никакоже, Господи: яко всяко скверно и нечисто николиже вниде во уста моя* (ст. 8). Видишь

ли? Я сделал, говорит, свое дело; сказал, что я никогда не ел. Это против того, что говорили те: *яко вшел еси и ял еси с ними.* Корнилию он не говорит этого, потому что не было нужды. *Отвеща же ми глас вторицею с небесе: яже Бог очистил есть, ты не скверни. Сие бысть трижды: и паки взяшася вся на небо. И се абие трие мужие сташа пред храминою, в ней же бех, послани от Кесарии ко мне* (ст. 9–11). Говорит то, что было нужно, а о прочем умалчивает; или лучше, первым подтверждает и последнее. И смотри, как он оправдывается: он не хочет пользоваться достоинством учителя, знает, что чем смиреннее будет говорить, тем скорее успокоит их. *Николиже вниде*, говорит, *во уста моя скверно и не чисто.* Так предусмотрительно было все оправдание (его). *И се абие трие мужие сташа пред храминою, в ней же бех. Рече же ми Дух ити с ними, ничтоже рассуждая.*

2. Видишь ли, что законоположение есть (дело) Духа? *Приидоста же со мною и шесть братия сии.* Что может быть смиреннее, когда Петр ссылается при этом и на свидетельство братии? *Приидоша же со мною и шесть братия сии, и внидохом в дом мужа. И возвести нам, како виде ангела в дому своем, ставша и рекша ему: посли во Иоппию мужи и призови Симона нарицаемаго Петра, иже речет глаголы к тебе, в нихже спасешися ты и весь дом твой* (ст. 12–14). Не сказал того, что говорил ангел Корнилию: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога,* чтобы не оскорбить их; но – то, что не заключало в себе ничего великого: *речет глаголы к тебе, в нихже спасешися ты и весь дом твой.* Видишь ли, как он изъясняется поспешно по той причине, о которой я сказал выше? Не говорит ничего и о кротости того мужа. Итак, когда Дух посылал, Бог повелевал, там призывая через ангела, здесь побуждая, и разрешая сомнительность дела, тогда что должно было делать? Но он не говорит ничего этого, а указывает на последующее событие, которое и само по себе было несомненным свидетельством. Поче-

му же, скажешь, не одно только оно было? От преизбытка (силы, бывшей) от Бога, чтобы явно было, что и начало (этого дела) не от апостола. Если бы он пошел сам собой и ничего такого не было, то они весьма вознегодовали бы; поэтому он издалека располагает к себе мысли их и говорит им: *иже Дух Святай прияша, якоже и мы.* И еще: *внегда же начах глаголати, нападе Дух Святый на них, якоже и на ны в начале* (ст. 15). Не довольствуется и этим, но напоминает и об изречении Господа: *помянух же глагол Господень, якоже глаголаше: Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (ст. 16). Таким образом, здесь не случилось ничего нового, но то, о чем Он предсказал. Но, скажешь, не должно было крестить (их), потому что крещение уже совершилось, когда сошел на них Дух? Потому-то он и не говорит: я повелел им наперед креститься; но что? – *еда воду возбранити может кто, еже не крестится сим,* – показывая этим, что он не сделал ничего сам собой. Итак, они получили то, что имеем и мы. *Аще убо*, говорит, *равен дар даде им Бог, якоже и нам веровавшым в Господа Иисуса, аз же кто бех могий возбранити Бога* (ст. 17)? Чтобы сильнее заградить им уста, для того сказа́л: *равен дар.* Видишь ли, как он утверждает, что внезапно уверовавшие получили не меньше их? *Равен дар даде им Бог, якоже и нам веровавшым в Господа;* следовательно, сам очистил их. И не говорит: вам, но: *нам,* чтобы смягчить и таким образом речь свою. Почему же вы негодуете, когда мы считаем их соучастниками (того же дара)? *Слышавше же сия умолкоша, и славляху Бога, глаголюще: убо и языком Бог покаяние даде в живот* (ст. 18). Видишь ли, как все сделано речью Петра, обстоятельно рассказавшего о случившемся? Потому они и славили Бога, что Он и тем даровал покаяние: так они смирились от этих слов! Тогда-то, наконец, открылась дверь (веры) язычникам. Но обратимся, если угодно, к вышесказанному. Не сказал (писатель),

что *препирашеся* Петр, но: *иже от обрезания;* он знал, что совершается. И действительно, должно было удивляться тому, как и те уверовали. Они же не вознегодовали, когда услышали, что те уверовали; но когда (услышали, что) Бог даровал им Духа, когда Петр излагал свое видение и говорил: *Бог показа мне ни единого скверна или нечиста глаголати человека.* Так он еще прежде знал это. Поэтому он и приготовляет речь о язычниках, в которой показывает, что они уже не были язычниками, когда явилась (в них) вера. Таким образом нисколько неудивительно, что они получили Духа прежде крещения; и с нами тоже случилось. Здесь Петр показывает, что они крестились не так, как прочие, но гораздо лучше. Поэтому вполне достигнуто было то, что они не могли ничего более сказать, но должны были признать тех, по крайней мере, в этом отношении себе равными. *И молиша его,* говорит (писатель), *пребыти.* Видишь ли, как они недружелюбно приняли его? Видишь ли, какую они имели ревность о законе? Они не устыдились ни достоинства Петра, ни случившихся знамений, ни того великого события, что слово (евангельское) принято (язычниками); но о тех маловажных предметах *препирахуся.* Если бы ничего такого не было, то самого события (для них) было бы недостаточно. Впрочем, Петр оправдывается не так; он был благоразумен; или лучше, это были слова не его благоразумия, но Духа. Он в оправдании своем показывает, что отнюдь не он сам виновник всего, но Бог; и говорит им как бы так: Он сделал, что я пришел в исступление, а я просто *бех моляся;* сосуд Он показал, а я возразил; потом опять Он сказал, а я и тогда не послушался; Дух повелел идти, а я, несмотря на то, пошел не поспешно; я сказал (Корнилию), что Бог послал, но и после этого сам не крестил, а опять Бог сделал все. Следовательно, Бог крестил их, а не я. И не сказал: после всего бывшего, не следовало ли, наконец,

употребить воду? – но, как бы уже ничего более не оставалось, говорит: *аз кто бех могий возбранити Бога?* Вот, каково его оправдание! Ведь не сказал: узнав об этом, успокойтесь, – но что? Принимает их нападение и оправдывается против их обвинения: *аз кто бех*, говорит, *могий возбранити Бога?* Пристыжает и сильно поражает их своим оправданием; я не мог, говорит, воспротивиться. Поэтому они затем, устрашившись, *у молкоша и славляху Бога.*

3. Так и нам должно славить Бога за блага, (получаемые) нашими ближними, а не завидовать, как завидуют многие из новокрещенных, когда видят других, по крещении вскоре отходящих (от этой жизни). Должно славить Бога и за то, что Он не дарует им продолжения жизни. А ты, если угодно, получил и больший дар; разумею то, что ты получил не только просвещение (крещением), – ведь это общее и для того, и для тебя, – но и потребное время для добрых дел. Тот облекся в одежду (обновления) – и не успел насладиться ею; тебе даровал Бог большую возможность воспользоваться оружием, как должно, и таким образом испытывать его на деле. Тот отходит, получая награду только за веру свою; ты стоишь на поприще дел, имея возможность получить многие награды и явиться столько светлее его, сколько солнце (светлее) малейшей звезды, сколько военачальник – последнего воина, или лучше, сколько сам царь. Поэтому обвиняй самого себя, или лучше, не обвиняй, но постоянно исправляйся; недостаточно (только) обвинить себя; надобно возбудить себя к борьбе. Ты пал? Ты тяжко пострадал? Восстань, укрепись; ты еще на поприще; зрелище еще продолжается. Не видишь ли, как многие борцы, поверженные, снова возбуждали себя к борьбе? Только не падай добровольно. Ты ублажаешь отшедшего? Гораздо более ублажай себя самого. Тот получил прощение грехов? Но

ты, если хочешь, не только омоешь грехи свои, а и будешь иметь добрые дела, что для того невозможно. Мы имеем возможность — восстановлять себя.

Велико врачество покаяния; не отчаивайся. Тот поистине достоин отчаяния, кто сам отчаивается; он уже не имеет надежд спасения. Не столько страшно — впасть в глубину зол, сколько — впав оставаться в ней; не столько нечестиво — впасть в глубину зол, сколько — впав оставаться беспечным. Почему же, скажи мне, ты не заботишься о том, о чем особенно должен стараться? Ты пал, получив столько ран? Но нет никакой душевной раны неисцельной; на теле много таких ран, а в душе ни одной; и о тех мы непрестанно заботимся, а об этих нисколько не беспокоимся. Не видишь ли, в какое краткое время исправился разбойник (Лк. XXIII, 41)? Не видишь ли, в какое краткое время мученики совершали все? Но теперь уже не время мучений? И теперь — время подвигов, если захотим, о чем я часто говорил. *Вси же*, говорит (апостол), *хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. III, 12). Живущие благочестиво бывают постоянно гонимы, если не от людей, то от демонов; а это есть тягчайшее гонение. И еще прежде, от самой безопасности особенно терпят гонение (люди) беспечные. Или, думаешь, не великое гонение — быть в безопасности (от гонений)? Это есть тягчайшее из всех (гонений); это хуже самого гонения. Безопасность, как бы поток наводняющий, расслабляет душу; и что зной и холод, тоже гонение и безопасность. Но, чтобы ты полнее убедился, что она — хуже гонения, заметь следующее: она наводит сон на душу, производит великую невнимательность и беспечность, возбуждает всякого рода страсти, вооружает гордость, вооружает сластолюбие, вооружает гнев, зависть, тщеславие, ревность. Во время же гонения ничто подобное не может возмутиться: но страх, приблизившись, как бы ка-

ким бичом сильно ударив лающего пса, всем этим страстям не позволяет даже подать голоса. Во время гонения кто может тщеславиться? Кто предаваться сластолюбию? Никто; но (тогда бывает) великий страх и трепет, производящий великую тишину, ведущий к тихой пристани, соделывающий душу благоговейной. Я слыхал некогда от отцов наших, — впрочем, да не будет этого с нами, потому что нам заповедано не искать искушений (Мф. VI, 13), — они говорили, что во время древних гонений можно было видеть мужей истинно христианских. Никто тогда не заботился об имуществе, никто — о жене, никто — о детях, никто — об отечестве; у всех была одна забота, чтобы спасти душу свою. Одни скрывались в гробницах и пещерах, другие — в пустынях. Не только мужи, но и нежные и слабые жены скрывались тогда, непрестанно претерпевая голод. Представь, могло ли родиться какое-либо желание роскоши или сластолюбия у жены, скрывающейся в пещере, ожидающей служанки, которая должна была принести пищу, боящейся, чтобы не быть пойманной, и лежащей в гробнице, как бы в печи? Даже могла ли она подумать, что есть какая-то роскошь, что вообще существует мир? Видишь ли, что теперь особенно и есть гонение, когда страсти отовсюду нападают на нас, как дикие звери. Теперь — тяжкое гонение, как поэтому, так и потому, что оно даже не считается горением. Подлинно, и ту опасность представляет эта брань, что она считается миром, чтобы мы не вооружались против нее, чтобы не восставали; никто не боится (ее), никто не страшится. Если же не верите, то спросите язычников, которые гонят (христиан); когда обязанности христианские (исполнялись) точнее, когда все (были) благочестивыми? Не велико было тогда число их; но велико было богатство добродетели. Скажи мне, какая польза от того, что много сена, когда можно было бы иметь драгоцен-

ные камни? Не в многочисленности вся важность, но в превосходстве добродетели. Илия был один; но его не стоил мир (3 Цар. XIX, 14). Мир состоит из множества; но и множество не составляет ничего, когда не может сравняться даже с одним. *Лучше един* творящий волю Господню, *нежели тысяща грешник* (Сир. XVI, 3). Тоже выражает и Премудрый, когда говорит: *не желай чад множества неключимых* (Сир. XVI, 1). Такие (люди) подают повод к хуле на Бога более, нежели когда бы они не были христианами. Какая мне нужда во множестве? Только больше пищи для огня. Тоже можешь видеть и на теле: лучше умеренная пища, способствующая здоровью, нежели роскошная, причиняющая вред; та питает гораздо больше этой; та – пища, а эта – болезнь. Тоже может всякий видеть и на войне: лучше десять мужей опытных и храбрых, нежели тысячи неопытных: эти ничего не делают и даже препятствуют делающим. Тоже можно видеть и на корабле: лучше два опытных мореплавателя, нежели бесчисленное множество неопытных, – потому что эти потопят сам корабль.

4. Говорю это не потому, чтобы я был недоволен вашей многочисленности, но желая, чтобы все вы были отличными (по добродетелям) и не надеялись на множество. Гораздо многочисленнее идущие в геенну; но царствие (Божие) больше ее, хотя содержит немногих. Народ (израильский) был многочислен, как песок морской, но один спас его. Один был Моисей, а имел силу больше всех (Числ. XII, 7); один был Иисус, но имел силу больше шестисот тысяч (Исх. XII, 37). Не о том будем стараться, чтобы только были многие, но более о том, чтобы они были отличны (по добродетелям). Когда последнее будет достигнуто, тогда будет и первое. Никто, строя дом, не желает сделать его наперед просторным, но сначала крепким и благонадежным, а потом – и просторным; никто не полагает основания

так, чтобы возбудить против себя насмешки. Сначала постараемся о последнем, а потом и о первом. Если есть последнее, то легко будет и первое; а если нет последнего, то первое, хотя бы и было, (не принесет) никакой пользы. Если есть могущие просиять в Церкви, то скоро будут и многие; если же нет первых, то и множество никогда не будет иметь превосходства.

Сколько, вы думаете, в нашем городе спасаемых? Тяжко то, что я намерен сказать; однако скажу. Из числа столь многих тысяч нельзя найти более ста спасаемых; но и в этих сомневаюсь. Какое, скажи мне, нечестие в юношах? Какое нерадение в старцах? Никто не заботится, как должно, о своем собственном сыне; никто не ревнует при виде старца подражать ему. Образцы для подражания утратились; оттого и юноши нисколько не достойны удивления. Не говори мне того, что мы составляем множество. Это свойственно людям холодным; перед людьми справедливо можно было бы говорить об этом, но перед Богом, Который не имеет нужды в нас, нельзя. А что это слова холодные и для них, послушай. Имеющий множество слуг, но слуг развратных, сколько потерпит неприятностей! Не имеющему у себя ни одного кажется неприятным то, что он остается без слуг; а имеющий негодных (слуг) и самого себя губит вместе с ними, и (терпит) больший вред. Гораздо тяжелее наказывать других и вести с ними ссору, чем служить самому себе. Говорю это для того, чтобы никто не удивлялся Церкви из-за многочисленности, но чтобы мы старались сделать эту многочисленность отличной, чтобы каждый имел попечение о собственном своем члене, не о друзьях, не о родных, — как я всегда говорю, — и не о соседях; но чтобы привлекал (в Церковь) и посторонних. Например: совершается молитва, сидят холодно все, и юноши, и старцы, скорее изверги, нежели юноши, смеясь, хохоча, разговаривая, — и это ведь я

слышал, — насмехаясь друг над другом, когда стоят на коленях; ты стоишь тут, юноша или старец, останови, когда видишь, укори сильнее не слушающего, пригласи диакона, пригрози, сделай свое дело; и если он осмелится сделать что-нибудь против тебя, то конечно многие помогут тебе. Кто так неразумен, что, видя, как ты укоряешь за это, а те укоряются, не примет твоей стороны? Тогда ступай (домой), получив награду за молитву. В доме господина мы тех слуг считаем усерднейшими, которые не оставляют ни одного сосуда лежать в беспорядке. Скажи мне: если бы ты увидел дома серебряный сосуд, выброшенный вон, то хотя бы ты и не был обязан к тому, не взял ли бы его и не внес ли бы в дом? Если бы (увидел) одежду, брошенную в беспорядке, то, хотя бы ты не должен был заботиться о ней, хотя бы ты был врагом приставленного (к этому делу), но по расположению к господину не привел ли бы ее в порядок? Так и теперь. Это — сосуды; если видишь их лежащими в беспорядке, приведи в порядок; приди ко мне, я не откажусь; мне скажи, объяви; я не могу сам усмотреть всего; простите. Вы видите, какое зло господствует во вселенной. Не без причины я говорил, что мы — куча сена, беспорядочное море. Не говорю о том, что они делают, но о том, что приходящие (сюда) предаются такому сну, что и не исправляют этого. Опять вижу, как одни разговаривают стоя, когда совершается молитва, а другие, более скромные, не только когда совершается молитва, но и когда священник благословляет. О, дерзость! Когда же будет спасение? Как же мы умилостивим Бога? Если придешь на место игр, то увидишь всех благочинно составляющих хор, и — ничего нестройного. Как на лире, составленной разнообразно и вместе стройно, от благоустройства каждой из составных частей происходит один благозвучный тон, так точно и здесь из всех должно бы составляться одно стройное

согласие. Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы — одно тело; если один какой-нибудь (член) будет оставлен в пренебрежении, то все (тело) пренебрегается и растлевается. Так бесчинством одного нарушается благочиние всех. То поистине страшно, что ты приходишь сюда не на место игр или пляски для забавы, и стоишь неблагочинно. Разве ты не знаешь, что стоишь вместе с ангелами? С ними поешь, с ними воссылаешь хвалы, — и стоя смеешься? Неудивительно ли, что удар молнии не ниспадает не только на них, но и нас? Действительно, это достойно удара молнии. Предстоит Царь, смотрит, воинство; а ты перед их глазами стоя смеешься, или не удерживаешь смеющегося? Но доколе мы будем обличать? Доколе укорять? Не следовало ли бы таких, как заразу, как развратителей, как злодеев, развращенных и исполненных бесчисленного множества зол, изгнать из Церкви? Когда они станут воздерживаться от смеха, — они, смеющиеся в столь грозный час? Когда удержатся от пустословия разговаривающие во время благословения? Неужели они не стыдятся присутствующих? Неужели не боятся Бога? Для нас недостаточно душевной невнимательности, недовольно и того, что, молясь, блуждаем (мыслями) повсюду; но мы привносим еще смех и великий хохот.

Разве здесь зрелище? Впрочем, я думаю, это производят именно зрелища: они доставляют нам многих непокорных и бесчинных. Что здесь мы созидаем, то там разрушается; и не только этой, но и другими нечистотами они (там) неизбежно наполняются. И происходит то же, как если бы кто захотел очистить поле, а вверху находящийся источник снова извергал бы на него грязь; одно очистишь, натечет опять другое. То же происходит и здесь. Всякий раз, как мы очистим приходящих с зрелищ и приносящих нечистоту, они, отпра-

вившись туда снова, получают еще большую нечистоту, как будто нарочито живя для того, чтобы причинять нам беспокойство, и приходят опять с великой грязью в нравах, в движениях, в словах, в смехе, в небрежности. Потом опять мы очищаем снова, как будто нарочито очищая для того, чтобы, отпустив их чистыми, снова увидеть покрытыми грязью. Поэтому предаю вас Богу. И вам, которые здоровы, отныне заповедаю, что на вас будет суд и осуждение, если кто, увидев бесчинствующего или разговаривающего, особенно в такое время, не остановит и не исправит. Это – лучше молитвы. Оставь свою молитву и сделай ему внушение; тогда и ему принесешь пользу, и сам будешь с прибылью. Таким образом и все мы будем в состоянии спастись и достигнуть царствия небесного, которого да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

Разсеявшиися убо от скорби бывшия при Стефане, проидоша даже до Финикии и Кипра и Антиохии, ни единому же глаголюще слово, токмо Иудеем (Деян. XI, 19)

1. Гонение немало пользы принесло проповеди: *любящим Бога*, говорит (апостол), *вся поспешествуют во благое* (Рим. VIII, 28). Если бы они (враги) старались нарочито распространить Церковь, то сделали бы не что иное, как это; разумею рассеяние учителей. И смотри, куда простерлась проповедь. *Проидоша*, говорит (писатель), *даже до Финикии и Кипра и Антиохии, ни единому же глаголюще слово, токмо Иудеем.* Видишь ли, как все касательно Корнилия было сделано предусмотрительно?

А это служит и к оправданию Христа, и к обвинению иудеев. Когда Стефан был убит, когда Павел дважды находился в опасности, когда апостолы подверглись бичеванию, когда они часто были изгоняемы, – тогда уже были приняты язычники, тогда – самаряне. Об этом и Павел возвещает, когда говорит: *вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Деян. XIII, 46). Таким образом они путешествовали, беседуя и с язычниками. *Бяху же нецыи от них мужие Кипрстии и Киринейстии, иже вшедше во Антиохию, глаголаху к Еллином, благовествующе Господа Иисуса. И бе рука Господня с ними: многое же число веровавше обратишася ко Господу Иисусу* (ст. 20, 21). Смотри, они проповедуют эллинам. Поэтому вероятно, что они умели (говорить) по-эллински, и что в Антиохии было много таких. *И бе*, говорит (писатель), *рука Господня с ними,* то есть они творили знамения. Видишь ли, для чего и теперь нужны были знамения? Для того, чтобы они уверовали. *Слышано же бысть слово о них во ушию Церкве сущия во Иерусалиме, и послаша Варнаву прейти даже до Антиохии* (ст. 22). Для чего же в такой город, уже принявший проповедь, не отправились сами (апостолы), а посылают Варнаву? Ради иудеев. Впрочем, с немалой предусмотрительностью это устраивается, и для того, чтобы таким образом прибыл сюда Павел; не напрасно, но по великому устроению (Божию) отвращаются от него (иудеи), чтобы этот голос проповеди, эта труба небесная не ограничилась Иерусалимом. Видел ли ты, как Христос всегда обращал саму злобу их во благо, по Своей воле, и нерасположенность их к Павлу (употребил) к созданию Церкви из язычников? Но обрати также внимание и на этого святого, то есть Варнаву, как он не заботился о себе, но отправился в Тарс. *Иже пришед и видев благодать Божию, возрадовася, и моляше всех изволением сердца терпети о Господе. Яко бе муж*

благ и исполнь Духа Свята и веры. И приложися народ мног Господеви. Изыде же Варнава в Тарс взыскати Савла, и обрет его, приведе его во Антиохию (ст. 23–25). Он был муж весьма добродетельный, кроткий и дружен с Павлом. Потому он и пришел к этому атлету, к этому военачальнику, к этому единоборцу, к этому льву. Не знаю, что еще сказать. Что я ни сказал бы, скажу меньше достоинства Павла. Пришел к этому ловчему псу, одолевающему львов, к этому крепкому волу (1 Кор. IX, 9; 1 Тим. V, 18), к этой лампаде светлой, к этим устам, достаточным для всей вселенной. Подлинно потому в Антиохии (верующие) стали называться христианами, что Павел пребыл в ней столько времени. *Бысть же им лето цело собиратися в церкви, и учити народ мног, нарещи же прежде во Антиохии ученики христианы* (ст. 26). Немалая похвала городу. Действительно, можно утверждать перед всеми, что он прежде всех прочих (городов) столько времени наслаждался теми устами, и оттого в нем прежде всех (верующие) удостоились этого названия. Видишь ли, на какую высоту он вознес и каким славным сделал этот город? Это – заслуга Павла. Там, где уверовали три тысячи, где – пять тысяч, где – такое множество, не было ничего подобного, но назывались еще только *путем* (Деян. IX, 2); а здесь стали называться христианами. *В тыя же дни снидоша от Иерусалима пророцы, во Антиохию* (ст. 27). Так как здесь надлежало произрасти и плоду милостыни, то с пользой устрояется, что (сюда) пришли пророки. Но заметь, прошу: и здесь никто из известнейших (апостолов) не был учителем; они имели учителями киприян и киринейцев и Павла, – хотя он и превосходил их, – подобно как Павел (имел учителями) Варнаву и Ананию, и, однако, оттого он нисколько не был меньше их, к тому же у него был (учителем) сам Христос. *Востав же един от них именем Агав, назнаменаше гладъ велик хотящ быти по всей вселенней: иже и бысть при*

Клавдии Кесаре (ст. 28). Не напрасно здесь предвещается, что будет великий голод, который и случился, как о нем было предсказано. Чтобы некоторые не подумали, будто голод был потому, что появилось христианство, что отступили демоны, Дух Святой предсказывает, что имело случиться, подобно тому, как и Христос предсказал многое, что и случилось.

Таким образом не потому это случилось, что так должно было случиться от начала, но за то зло, которое сделано было апостолам; когда начали делать его, то Бог долго терпел; а когда стали упорствовать, то наступает голод, угрожавший иудеям будущими бедствиями. Но, если он был для них, то для прочих ему и по наступлении надлежало прекратиться. Какое, в самом деле, зло сделали эллины, чтобы и им, не сделавшим никакого зла (апостолам), подвергаться тем же бедствиям? Если же не для иудеев, то и сами (христиане) могли еще более явить свои добродетели, потому что (иудеи) делали свое дело – убивали, терзали, мучили, повсюду гнали (их). И смотри, – когда наступает голод: когда уже приняты были и язычники.

2. Но, скажешь, если (голод был) за злодеяния (иудеев), то христианам следовало бы быть изъятыми от него? Почему же, скажи мне? Не сказал ли еще прежде им Христос: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33)? А ты, говоря это, может быть и то прибавишь, что им не следовало и подвергаться бичеванию? Но посмотри: для них и голод послужил во спасение, подал повод к милостыне, сделался виновником многих благ, как он был бы и для вас, если бы вы захотели; но вы не хотели. Предсказывается о нем для того, чтобы они приготовились к милостыне, потому что бывшие в Иерусалиме тяжко страдали; а до того времени у них не было голода. И посылаются Варнава и Павел – послужить им. *От ученик же, поелику кто имяше что* (ст. 29). Видишь ли, как

они, лишь только уверовали, уже приносят и плоды, не для своих только, но и для отдаленных? Здесь, кажется мне, говорится о том же, о чем в другом месте Павел говорит так: *десницы даша мне и Варнаве общения, точию нищих да помним* (Гал. II, 9, 10). Такую-то пользу принес голод! И смотри: они и при этой скорби не предаются плачу и слезам, как мы, но принимаются за великое и доброе дело; они продолжали проповедовать слово еще с большей смелостью. И не сказали: мы, киринейцы и кипряне, пришли в такой славный и великий город; но, надеясь на благодать Божию, эти приступили к учению, а те не возгнушались чему-нибудь научиться от них. Смотри, как все совершается мало-помалу, проповедь распространяется, находящиеся в Иерусалиме заботятся одинаково о всех, как бы считая всю вселенную одним домом. Услышали они, что Самария приняла слово, и послали туда Петра и Иоанна; услышали о происходившем в Антиохии, и посылают туда Варнаву. Велико было расстояние (от Иерусалима), и апостолам еще не следовало отлучаться оттуда, чтобы не сочли их за беглецов, убегающих от своих. Отлучаются же (они оттуда) по необходимости уже тогда, когда, наконец, иудеи оказались неисцельными, когда уже настала война и можно было погибнуть, когда произнесен был приговор (на Иерусалим); а доколе Павел не прибыл в Рим, дотоле они были там. Впрочем, они удаляются не потому, чтобы боялись войны; как (могли бояться этого) те, которые шли к (людям), имевшим вести с ними брань? Притом, война началась уже по смерти апостолов, и исполнилось сказанное об иудеях: *постиже на них гнев до конца* (1 Сол. II, 16). Так, чем они были уничиженнее, тем более сияла благодать, через малых совершая великое! Но обратимся к вышесказанному. *Моляще всех*, говорит (писатель), *терпети о Господе: яко бе муж благ*. Мне кажется, *благ* означает здесь простого, неприт-

ворного, весьма ревнующего о спасении ближних. И не только он был *муж благ,* но и *исполнь Духа Свята и веры.* Поэтому он *изволением сердца моляше всех,* то есть с прославлением и хвалой (Господу). И смотри, как этот город, как бы тучная земля, принял слово и явил великий плод. Для чего же Варнава извел Павла из Тарса и привел сюда? Не напрасно, но потому, что здесь были и хорошие надежды, и обширный город, и великое множество (народа). Видел ли ты, как все совершает благодать, а не Павел, – как дело началось с малого, а когда стало известным, тогда они посылают Варнаву? И почему не послали его прежде? Потому что имели великое попечение о своих делах и не хотели, чтобы иудеи обвиняли их за то, что они принимали язычников; ведь когда неизбежно нужно было им соединиться (с язычниками), между ними было некоторое негодование, для предотвращения которого произошло бывшее с Корнилием. Тогда уже и говорят: *да мы во языки, они же во обрезание* (Гал. II, 9). И смотри, как благовременно нужда от голода произвела общение (через милостыню), посланную от язычников к бывшим в Иерусалиме; эти принимают посланное от тех; и те не так, как мы, встречающие несчастья со слезами, – не поступали так, но переносили с великим благодушием, как находившиеся вдали от гонителей и жившие между людьми, не боявшимися иудеев, – что также не мало к тому способствовало. Но отходили и в Кипр, где была большая безопасность и большее спокойствие. *Ни единому же глаголюще слово,* говорит (писатель), *токмо Иудеем.* Делали это не по страху человеческому, который считали за ничто, а желая соблюсти закон и еще снисходя к ним. *Бяху же нецыи во Антиохии мужие Кипрстии и Киринейстии.* Эти не слишком заботились об иудеях. *Иже глаголаху к Еллином благовествующе Господа Иисуса.* Может быть потому, что они не умели (говорить) по-еврейски, называли их

эллинами. *Пришед же Варнава*, говорит (писатель), *и видев благодать Божию*, а не старание человеческое, *моляше* их *терпети о Господе.* Похвалив и одобрив народ, он, вероятно, обратил этим еще больше. И почему они не пишут к Павлу, а посылают Варнаву? Они еще не знали добродетели этого мужа; потому и устроается так, что отправляется один только Варнава. А так как (там) было множество народа, и никто не препятствовал, то вера произрастала благоуспешно, а в особенности потому, что там не терпели никакого искушения, и что проповедовал Павел, уже не подвергаясь необходимости обращаться в бегство. Хорошо и то, что не они сами предсказывают о голоде, а пророки, чтобы (иначе) не показаться какимлибо образом тягостными. И достойно удивления, как антиохийцы не негодовали на то, что были как бы презренны (апостолами), но довольствовались своими учителями. Так все они пламенели к слову (евангельскому)! Они даже не ожидали, чтобы наступил голод, но прежде него послали, *поелику кто имеяше что.*

3. И смотри: от апостолов другим вверяется это (попечение о бедных), а здесь – Павлу и Варнаве. Не с малой предусмотрительностью сделано было и это; тогда было начало (Церкви христианской) и притом нужно было остерегаться соблазна. А теперь никто не делает этого, хотя и теперь голод – тяжелее тогдашнего. Не все ведь равно – переносить несчастье всем вместе, или, между тем как все живут в изобилии, беднейшим терпеть голод. Тогда был только голод, и сами подававшие (были) бедны, – *от ученик же поелику кто имеяше, что*, говорит (писатель), – а теперь сугубый голод, хотя и изобилие сугубое, голод тяжкий, голод не слышания слова Господня, но насыщения посредством милостыни. Тогда получали утешение и иудейские бедные, и антиохийцы, подавшие помощь, и последние больше первых; а теперь и мы, и бедные терпим голод, они –

нуждаясь в необходимой пище, а мы — лишаясь милости Божией. Не может быть ничего необходимее такого насыщения. Здесь не бывает зла, происходящего от пресыщения; здесь избыток пищи не выходит вон. Нет ничего прекраснее, нет ничего здоровее души, питаемой таким образом; она выше всякой болезни, всякого голода, всякого нездоровья и недуга; никто не может коснуться ее, но как адамантовому телу не может повредить ни железо, ни что другое, так и души, огражденной милостыней, совершенно ничто не может коснуться. Скажи мне, что может когда-либо овладеть ею? Бедность ли? Нет; (милостыня) хранится в царской сокровищнице. Вор и разбойник? Но под ее стены никто не может подкопаться. Червь? Но это сокровище выше и такого зла. Зависть и ненависть? Но не овладевается и ими. Клеветы и наветы? Не могут и они, потому что это сокровище неприступно. Но несправедливо было бы показать только эти свойства милостыни, и не (показать) противоположных. Она не только свободна от зависти, но и сопровождается великим благословением даже от не испытавших ее благодеяний. Как жестокие и бесчеловечные бывают ненавистны не только тем, которые обижены ими, но и тем, которые ничего не потерпели от них, а только сострадают обиженным и осуждают обижающих, так и сделавших много прекрасного хвалят не только те, которые облагодетельствованы ими, но и те, которые ничего не получили от них. Но что я говорю: свободна от зависти, клеветников, воров и разбойников? Не это только в ней хорошо, но еще и то, что она не уменьшается сама в себе, а всегда возрастает и умножается. Что было гнуснее Навуходоносора? Что безобразнее, что преступнее его? Он был человек нечестивый; видел множество знамений и чудес и не захотел раскаяться, но вверг в печь рабов Божиих, хотя после того и поклонился (Богу). А что говорит ему про-

рок? *Царю, совет мой да будет тебе угоден, и грехи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогих: негли будет долготерпелив грехом твоим Бог* (Дан. IV, 24). Сказал так не потому, чтобы сомневался, – он ведь был совершенно уверен в том, – но желая возбудить в нем больший страх и сильнее (показать) необходимость сделать это. Если бы он сказал утвердительно, то тот сделался бы еще более нерадивым. Так и мы тогда скорее всего побуждаем кого-нибудь, когда говорим: попроси такого-то, и не прибавляем, что он непременно выслушает, но говорим: может быть, он выслушает; большее опасение, происходящее от сомнения, производит и большее побуждение. Поэтому и пророк не высказал этого ясно. Но что ты говоришь? Неужели таким преступлениям будет прощение? Да.

Нет греха, которого бы не могла очистить, которого бы не могла истребить милостыня; всякий грех ниже ее; она есть врачество, пригодное ко всякой ране. Что хуже мытаря? Он способен на всякое нечестие; но и это все нечестие Закхей очистил (Лк. XIX, 8, 9). Смотри, как и Христос внушает это тем, что установил *иметь ковчежец и носить вметаемая* (Ин. XII, 6). И Павел говорит: *точию нищих да помним* (Гал. II, 10). И везде в Писаниях много говорится об этом предмете. Так, (Премудрый) говорит: *избавление мужа души свое ему богатство* (Притч. XIII, 8). И Христос: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди вслед мене* (Мф. XIX, 21). В этом, подлинно, состоит совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и делами. Так, например, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто в делах ходатайство помогало даже больше денег.

4. Итак, приведем в действие в настоящем случае все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайством? Не говори, что у тебя нет денег;

это ничего; и то значит весьма много, будь так расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугой? Сделай и это. Например: ты врач по званию? Позаботься о больных; и это много значит. Можешь советом? Это – гораздо важнее всего; совет тем лучше и выше всего, чем большую он приносит пользу: им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денег они вверили низшим, а сами пребывали в служении слову (Деян. VI, 1–4). Или, думаешь ты, не велика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем (страсти), можешь освободить от этой болезни? Например, ты видишь друга одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что, если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь его связанного узами (сребролюбие ведь – поистине узы)? Приди к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если он не согласится, сам будет виноват. Видишь нагого и странника (поистине наг и странник для небес не пекущийся о добродетельной жизни)? Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одеяние. Как многие женщины носят шелковые одежды, и поистине обнажены от одежд добродетели! Таких пусть одевают мужья. Но они не принимают этих одежд, а хотят тех? Сделай сначала так: возбуди в них желание этих одежд, покажи, что они наги, беседуй о будущем суде, скажи, что там нужны будут нам другие (одежды), а не те (шелковые). Если позволите мне, то и я покажу эту наготу. Нагой, во вре-

мя стужи, цепенеет, дрожит, стоит скорчившись и поджав руки, а во время жара не делает этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатые жены тем более бывают наги, чем более одеваются, то не гневайтесь. Скажи мне: когда мы рассуждаем о геенне и тех мучениях, не больше ли цепенеют и дрожат эти, нежели те – нагие? Не вздыхают ли они тяжко и не осуждают ли самих себя? Когда они приходят к кому-нибудь и говорят: помолись обо мне, не то же ли самое говорят они, что и те? Впрочем, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будет видна вполне; она будет видна там. Как и каким образом? Когда эти шелковые одежды и драгоценные камни погибнут и в одних только одеждах добродетели и порока явятся все; когда бедные будут облечены великой славой, а богатые в наготе и безобразии будут влечены на мучения. Кто был изнеженнее того богача, облекавшегося в порфиру? Кто беднее Лазаря? А кто из них говорил подобно нищим? И кто наслаждался блаженством (Лк. XVI, 19–25)? Скажи мне: если бы кто украсил дом свой множеством покрывал, а сам сидел внутри его нагим, какая была бы польза? Так бывает и с женами. Дом души, то есть тело, одевают множеством украшений; а госпожа дома сидит внутри нагая. Откройте, прошу, душевные очи, и я покажу вам душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что – добродетель. А что нагота? Порок. Как если обнажить кого-нибудь из свободных, то он стыдится, стесняется и убегает, так точно и душа, не имеющая этой одежды, когда мы хотим взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многие не стыдятся ли и не удаляются ли в самую глубину, как бы ища какого покрывала и занавеса, чтобы не слышать этих слов? А другие, ничего не сознавая за собой, веселятся, радуются, утешаются и восхищаются сказанным. Послушай о блаженной Фекле. Она для того, чтобы увидеть Павла, отдала

свое золото; а ты не отдаешь и обола, чтобы увидеть Христа; удивляешься поступкам ее, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, как слово (Божие) ублажает милостивых? *Блаженны милостивыи*, говорит, *яко тии помилованы будут* (Мф. V, 7). Какая польза от драгоценных одежд? Доколе мы будем пристрастны к этому украшению? Будем одеваться славой Христовой, будем облекаться той красотой, чтобы нам и здесь получить похвалу, и там сподобиться вечных благ, — по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Во оно же время возложи Ирод царь руце озлобити некия, иже от Церкве. Уби же Иакова брата Иоаннова мечем. И видев, яко годе есть Иудеем, приложи яти и Петра. Бяху же дние опресночнии (Деян. XII, 1—3)

1. О каком *оном* времени говорит (писатель)? Конечно, о последующем. Здесь так (надобно разуметь), а в других местах иначе. Когда Матфей говорит: *во дни оны прииде Иоанн проповедуя,* то означает не последующие дни, а те, в которые происходило повествуемое (Мф. III, 1). В Писании обыкновенно употребляется такой образ (речи), что иногда события непосредственно следующие излагаются по порядку, а иногда об имеющем случиться гораздо позже повествуется, как о непосредственно следующем. Прекрасно говорит: *Ирод царь,* так как это был не тот, который жил при Христе. Вот и другое искушение. И смотри, — о чем еще вначале я сказал, — как дела устраиваются, как все составляется из радостей и скорбей. Уже не иудеи и не синедри-

он, но царь поднимает руки, чтобы *озлобити*. Здесь – высшая власть, тягчайшая брань, тем более, что происходила в угодность иудеям. *Уби же Иакова брата Иоаннова мечем.* Без причины и без разбора. Если же кто спросит: зачем Бог попустил это? – то мы скажем: ради них же самих: во-первых, чтобы убедить их, что (верующие), и будучи убиваемы, побеждают, как было со Стефаном; во-вторых, чтобы дать им насытить ярость свою и потом удержаться от неистовства; в-третьих, чтобы показать, что это происходило по Его попущению. *И видев, яко годе, есть Иудеем, приложи яти и Петра.* О, великое нечестие! Тем ли угождал им, что совершал убийства без причины и напрасно? *Бяху же дние опресночнии.* Опять (видна) излишняя разборчивость иудеев (в днях); впрочем, убивать они не препятствовали, но и в такое время делали это. *Его же и емъ всади в темницу, предав четырем четверицам воинов* (ст. 4). Это происходило от гнева и от страха. *Уби же*, говорит (писатель), *Иакова брата Иоаннова мечем.* Видишь ли мужество их (апостолов)? Чтобы кто-нибудь не говорил, будто они потому смело и бесстрашно идут на смерть, что Бог избавляет их от нее, для этого Он попускает им быть убиваемыми, и особенно верховным, научая тем самих убивающих, что даже и это не останавливает их и не препятствует им. *И убо Петра стрежаху в темнице: молитва же бе прилежна бываема от Церкве к Богу о нем* (ст. 5). Они находились теперь в самом опасном положении. Их устрашало и то, что тот убит, и то, что этот посажен в темницу. *Егда же хотяше его извести Ирод, в нощи той бе Петр спя между двема воинома, связан ужема двема, стражие же пред дверми стрежаху темницы. И се ангел Господнь предста, и свет возсия в храмине: толкнув же в ребра Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскоре. И спадоша ему ужя с руку* (ст. 6, 7). Смотри, в эту самую ночь избавил его. *И свет возсия в храмине*, чтобы он не подумал, что это – привидение; а

света никто не видал, кроме его. Если и при этом он думал, что видит привидение, по причине неожиданности, то тем более (подумал бы), если бы этого не случилось: так он был готов на смерть! А это происходило оттого, что он оставался там много дней, не получая избавления. Почему же, скажут, (Бог) не попустил ему впасть в руки Ирода, чтобы тогда и избавить? Потому, что это привело бы их в ужас; а это происходило и для них. Подумали бы, что (апостолы) не люди, если бы Он все совершал божественно. Чего Он не сделал со Стефаном? Не явил ли им (лицо его) *яко лице ангела* (Деян. VI, 15)? Чего же, вообще, недоставало и здесь? *Рече же ангел к нему: препояшися и вступи в плесницы твоя* (ст. 8). Здесь (писатель) снова показывает, что это сделано не со злым умыслом; кто спешит и намеревается выйти украдкой, тот не делает таких приготовлений, чтобы и обуться и опоясаться. *Сотвориже тако. И глагола ему: облецыся в ризу твою, и последствуй ми. И изшед вслед его идяше: и не ведаше, яко истина есть бывшее от ангела, мняше же видение зрети. Прошедша же первую стражу и вторую, приидоша ко вратом железным, вводящим во град, яже о себе отверзошася има* (ст. 8–10). Вот и второе знамение. Когда ангела не стало с ним, тогда Петр уразумел (виденное). *И изшедше преидоша стогну едину, и абие отступи ангел от него. И Петр быв в себе, рече: ныне вем воистину, яко посла Бог ангела своего, и изъять мя из руки Иродовы и от всего чаяния людей Иудейских* (ст. 10–11). Теперь, говорит, я уразумел, а не прежде. Для чего это делается, и почему Петр не разумеет происходящего, хотя он уже был столь свободен после того, как все (цепи) были сняты с него? Для того, чтобы он получил избавление внезапно и чтобы тогда уже, по избавлении, почувствовал это. А что цепи спали с рук его, это явный знак, что он не убежал. *Смотрив же прииде в дом Марии матере Иоанна нарицаемаго Марка, идеже бяху мнози собрани и молящеся.*

Толкнувшу же Петру во врата двора, приступи слышати отроковица именем Роди. И познавши глас Петров, от радости не отверзе врат (ст. 12–14). Смотри: Петр не тотчас удаляется (из Иерусалима), но наперед сообщает радостную весть своим. *Притекши же сказа Петра стояща пред враты. Они же к ней реша: беснуешися ли? Она же крепляшеся тако быти* (ст. 14, 15).

2. Смотри, как и служанки были исполнены благочестия. От радости она не отворила сеней; но они и после этого не верили. *Она же*, говорил (писатель), *крепляшеся тако быти: они же глаголаху: ангел его есть. Петр же пребываше толкий; отверзше же видеша его, и ужасошася. Помахав же им рукою молчати, сказа им, како Господь его изведе из темницы. Рече же: возвестите Иакову и братиям сия. И изшед иде во ино место* (ст. 15–17). Но обратимся к вышесказанному по порядку. *Во оно время*, говорит (писатель), *возложи Ирод царь руце озлобити некия иже от Церкве.* Как дикий зверь, он нападал на всех без причины и без разбора. Здесь исполняется то, что сказал Христос: *чашу убо юже аз пию, испиета, и крещением, им же аз крещаюся, креститася* (Мк. X, 39). *Уби же*, говорит, *Иакова брата Иоаннова мечем.* А почему, скажут, он не убил Петра тогда же? Причину привел писатель: *бяху же*, говорит, *дние опресночнии*, и он хотел совершить убиение его с большей торжественностью. Сами (иудеи) по совету Гамалиила теперь воздерживались от убийств, и притом не находили причин к тому, а через других совершали то же самое. Так как был другой Иаков, брат Господень, то он означил это, сказав: *брата Иоаннова.* Видишь ли, что эти три (апостола) были главные, особенно же Петр и Иаков? Это служит к большему осуждению иудеев. Ведь уже явно было, что проповедь их не человеческая, и поистине исполнялось сказанное: *вменихомся, яко овцы заколения* (Пс. XLIII, 23). *Видев же*, говорит, *яко годе есть Иудеем, приложи яти и Петра.* Приятно

было убийство, и притом убийство несправедливое. Велико безумие Ирода; он служил нечестивым страстям их. Надлежало бы делать противное и удерживать их неистовство; а он возбуждал и был как бы какой палач недугующих, а не врач их, хотя имел много примеров – и деда и отца Ирода, из которых первый за убиение младенцев потерпел множество бедствий (Мф. II, 16), а второй, убивший Иоанна Крестителя (Мф. XIV, 10), вел жестокую войну. *Егоже и емъ*, говорит, *всади в темницу*. Он *боялся*, чтобы от страха (по случаю убиения) Иакова Петр не скрылся, и чтобы вернее иметь его в своих руках, посадил его в темницу. Чем тщательнее было стережение, тем удивительнее событие. Это послужило Петру – сделаться еще более славным и показать свое мужество. *Молитва же бе*, говорит, *прилежна бываемая*. Эта молитва – знак любви. Все молились об отце, кротком отце. *Молитва бе*, говорит, *прилежна бываемая о нем*. Послушайте, как они были расположены к учителям. Они не возмущались, не производили смут, но обратились к молитве, прибегли к этой непреоборимой поборнице. Не говорили: я не велик и напрасно стал бы молиться о нем; они делали по любви и потому ничего такого не помышляли. Хочешь ли знать, что сделали (иудеи) против своей воли? Тех сделали славнейшими, а этих усерднейшими. И смотри: искушения постигают их в праздник, чтобы они явились славнейшими. *Егдаже хотяше его извести Ирод*, говорит (писатель), *в нощи той бе Петр спя*. Видишь: Петр спит, не предается ни унынию, ни страху. В ту самую ночь, когда хотели вести его (на смерть), он спал, предав все Богу. Спал не просто, но посреди воинов и связанный. *Между двема воинома*, говорит, *связан железнома ужема двема*. Видишь ли, как тщательно стерегли его? *И се*, говорит, *ангел Господень предста, глаголя: востани вскоре*. Стражи также спали, и оттого ничего случившегося не слыхали. *И свет*

возсия, для того, чтобы Петр увидел и услышал, и не подумал, что это – привидение. А чтобы он не замедлил, то и *толкнул* его *в ребра.* И не просто сказал: *возстани,* но прибавил: *вскоре,* – так он креко спал! *Мняше же видение видети*, говорит (писатель). *Прошедша же первую стражу и вторую.* Где теперь еретики? Пусть они скажут нам: как он прошел? Но они не могли бы (сказать). Между тем (ангел) для того повелевает ему опоясаться и обуться, чтобы и этим внушить ему, что это – не привидение, чтобы он воспрянул от сна и убедился, что это – истина; для того тотчас же и цепи упали с рук его, и сказано было: *востани вскоре.* Это – слова не смущающего, но убеждающего не медлить. *И не ведаше*, говорит, *яко истина есть бывшее, от ангела, мняше же видение зрети.* Конечно, по чрезвычайности события.

3. Видишь ли, как чрезвычайно знамение? Как оно изумляет видящего? Как представляется невероятным? Если Петр думал, что видит привидение, в такое время, когда сам был опоясан и обут, то чего не случилось бы со всяким другим? *Прошедша же*, говорит (писатель), *первую стражу и вторую, приидоста ко вратом железным: и исшедше преидоша стогну едину, и абие отступи ангел от него.* Происходившее внутри было более чудесно; а это последующее – более обыкновенно. Когда уже не было никакого препятствия, тогда ангела не стало с ним. Петр (один) не прошел бы при столь многих препятствиях; ведь это было изумительно, поистине изумительно. *Ныне вем*, говорит, *яко воистинну посла Бог ангела своего, и изъят мя из руки Ирода и от всего чаяния людей Иудейских.* Ныне, а не тогда, когда я был в узах. *Смотрив же прииде в дом Марии матере Иоанна.* Что значит: *смотрив?* Размыслив, где он находится. Или об этом он размышлял, или о том, что не должно просто удалиться, но воздать благодетелю; размышляя о том, он и пришел к дому Марии. Кто этот Иоанн? Может быть тот, кото-

рый всегда был с ними; потому (писатель) присовокупил и прозвание его.

Смотри, какое благо — скорбь, какой успех имела молитва их во время ночи, как они были бдительны. Видишь ли, какие плоды от убиения Стефана? Видишь ли, какая польза от этой темницы? Подлинно Бог не для отмщения гонителей их являет величие евангельской проповеди, но для самих гонителей, хотя они и не терпят ничего неприятного, показывает, как велики скорби сами по себе, чтобы и мы не старались всячески избавляться от них или мстить за них. Заметь, как и служанки их были равночестны им. *От радости*, говорит, *не отверзе*. Хорошо это сделано и в том отношении, чтобы они, увидев его вдруг, не устрашились и не стали сомневаться, но чтобы мысли их были подготовлены. И как обыкновенно делается у нас, так теперь и она сделала: она поспешила сама принести радостную весть, — и в самом деле это была радостная весть. *Они же к ней реша: беснуешися ли? Она же крепляшеся тако быти: они же глаголаху: ангел его есть*. Отсюда (очевидна) истина, что у каждого из нас есть ангел. А как они пришли тогда к мысли, что это — ангел? По времени рассудили так. Между тем Петр *пребываше толкий*, говорит (писатель), *отверзше же видеша его и ужасошася*. Он же *помахав рукою* водворил великую тишину, чтобы они выслушали его. Как он был теперь вожделенен для учеников, не только потому, что избавился (из темницы), но и потому, что тотчас же пришел и предстал перед ними! Затем ясно узнают все и свои, узнали бы и чужие, если бы захотели веровать; но они не захотели. Так было и при Христе (Ин. VII, 12, 31). *Возвестите*, говорит, *Иакову и братиям сия*. Смотри, как он не тщеславен. Он не сказал: сделайте это известным повсюду; но: *братиям*. *И иде во ино место*. Не искушал Бога и не подвергал сам себя опасностям; это они делали только тогда, когда им было пове-

леваемо. Так, им было сказано: *ставше глаголите в церкви людем:* они выслушали это и тотчас же повиновались (Деян. V, 20, 21). Но того ангел не сказал ему, а только, отступив в молчании и выведя ночью, доставил ему возможность удалиться. Это также происходит для того, чтобы мы научились, что многое совершалось тогда и по-человечески, и чтобы он опять не подвергся опасности. А чтобы те не сказали по отшествии его, что это – ангел его, для этого они высказывают наперед, а потом видят его самого, в опровержение такой мысли. Если бы это был ангел, то он не толкал бы в дверь и не удалился бы *во ино место.* В этом уверяет их и то, что это было не днем. Таким образом свободные от уз пребывали в молитве, а связанный – во сне; если бы он принимал происходившее за действительность, то устрашился бы и не помнил бы (случившегося); а теперь, как бы видя сновидение, он оставался невозмутимым. *Приидоста*, говорит (писатель), *ко вратом железным.* Смотри, как они были крепки. *Прошедша же*, говорит, *первую стражу и вторую, приидоста ко вратом железным.* И почему, скажут, это совершается не через самих (апостолов)? Почему? Потому что Бог и тем оказывает им честь, что избавляет их через ангелов. Почему же с Павлом не так было? Там с той целью, чтобы темничный страж уверовал, а здесь надлежало, избавиться только одному апостолу; а с другой стороны и потому, что Бог устрояет все разнообразно. Там Павел воспевал хвалы, а здесь Петр спал (Деян. XVI, 25). Поэтому не будем скрывать чудес Божиих, но будем стараться, чтобы они делались известными и для нашей пользы и для назидания других. В самом деле, если (Петр) удивителен, когда восхотел быть связанным, то он еще удивительнее, когда не прежде удалился, как возвестив наперед обо всем своим. *Рече же*, говорит: *возвестите Иакову и братиям.* Для чего повелевает возвестить? Для того чтобы они возрадовались,

чтобы не скорбели, чтобы те узнали от этих, а не эти от тех: так он заботился о нижайших членах! Подлинно, нет ничего лучше умеренной скорби. Какова, думаешь, была тогда душа их? Какой исполнена радости?

Где теперь жены, спящие во всю ночь? Где мужи, не хотящие даже поворотиться на ложе? Видишь ли бодрственную душу? С женами и детьми и служанками они воспевали, от скорби сделавшись чище неба. А ныне мы, едва увидим малую опасность, падаем (духом). Нет ничего светлее тогдашней Церкви. Будем же подражать, будем соревновать. Не для того дана ночь, чтобы мы во всю ее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Восстань и ты, посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, и удивляйся делам Владыки твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться; самый мрак и совершенное безмолвие много располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течение дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь нисколько не отличаются от мертвых, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу, как она есть; он — образ смерти; он — образ кончины (мира). Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу и привести на мысль — кончину мира.

4. Слово мое — к мужам и женам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется (на милость) ночными

молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорил: *утрудихся воздыханием моим, измыю на всякую мощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. VI, 7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более его; как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: *полунощи востах исповедатися тебе о судьбах правды твоея* (Пс. CXVIII, 62). Тогда не беспокоит тщеславие; да и как (может беспокоить), когда все спят и не видят? Тогда не нападают леность и беспечность; да и как (могут напасть), когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом соделается Церковью, составленной из мужей и жен. Не считай препятствием этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. *Идеже бо еста два*, говорит (Христос), *собрани во имя мое, ту есмь посреде их* (Мф. XVIII, 20). А где присутствует Христос, там великое множество; где Христос, там необходимо бывают и ангелы, и архангелы, и прочие силы. Поэтому вы – не одни, когда с вами Владыка всех. И еще послушай, что говорит пророк: *лучше един праведник, нежели тысяща грешник* (Сирах. XVI, 3). Нет ничего бессильнее многих грешников, и ничего сильнее одного, живущего по закону Божию. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью; если же они малолетни и не могут переносить бодрствования, то (пусть выслушают) по крайней мере одну молитву или две, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себе это в навык. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: *аще поминах тя на постели моей, на утренних поучахся в тя* (Пс. LXII, 7). Но, скажешь, я очень утомился в продолжение дня, и не могу. Это – отговорка и предлог; сколь-

ко бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты, брызжет искрами, по всему телу пропитывается дымом, и однако проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле, или прийти в ночное собрание, – что там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная кузница, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, то есть исповеданием грехов; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнее всякого золота, подобно тому, как ковач меди свое изделие. Ты не вещественный приготовляешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит перед тобой светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, когда он говорит: *светильник ногама моима закон твой* (Пс. CXVIII, 105). Воспламени душу молитвой; если увидишь, что она имеет довольно (огня), то вынь ее (из этого горнила) и устрой ее, как хочешь. Поверь мне, не столько огонь истребляет ржавчину (металла), сколько ночная молитва – ржавчину грехов наших. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночных стражей. Они, повинуясь человеческому закону, обходят во время стужи, громко крича и проходя по улицам, часто под дождем и цепенея (от холода), для тебя, для твоей безопасности и для охранения твоего имущества. Тот о твоем имуществе оказывает такое попечение; а ты не (оказываешь) даже о душе своей. И притом я не заставляю тебя ходить, подобно ему, под открытым небом, ни громко кричать и надрываться; но, находясь в том же самом жилище, в той же самой спальне, преклони колена, обратись с молитвой к

Господу. Для чего сам Христос на горе пробыл всю ночь (Лк. XVI, 12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собой пример? Тогда растения восстановляют свои силы, то есть во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем попаляется солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания и на всякое пламенное разожжение и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этой росой, то будет сжигаться во время дня. Впрочем, да не подвергнется никто из вас сожжению от того огня, но пребывая в прохладе и под покровом человеколюбия Божия, да сподобимся все мы освободиться от бремени грехов, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

Бывшу же дню, бе молва не мала в воинех, что убо Петру бысть. Ирод же поискав его, и не обрет, истязав стражи, повеле отвести. И изшед от Иудеи в Кессарию, живяше (Деян. XII, 18, 19)

1. Многие недоумевают, как Бог попустил некогда умертвить младенцев за Него (Мф. II, 16), и теперь еще воинов за Петра, хотя Он мог избавить и их вместе с Петром. Но если бы ангел вывел и воинов вместе с Петром то это было бы принято за бегство. Почему же, скажут, он, не устроил иначе? Теперь между тем какое произошло зло! Если мы вспомним, что пострадавшие несправедливо и напрасно не терпят никакого зла, то не будем делать таких вопросов. Отчего же ты не спрашиваешь об Иакове – почему Он и его не избавил (Деян. XII, 2)? Притом тогда было еще не время

суда, чтобы воздавать каждому по достоинству. И не Петр же предал их в руки Ирода. А он оскорбился особенно тем, что обманулся, подобно как дед его остался обманутым от волхвов; это особенно раздражало его и делало смешным. Но следует выслушать слова самого писателя: *бывшу же дню*, говорит он, *бе молва не мала в воинех, что убо Петру бысть. Ирод же поискав его, и не обрет, истязав стражи, повеле отвести*, хотя слышал от них, — ведь *истязал же их*, — что цепи были оставлены, что обувь (Петр) взял и что он находился с ними до самой той ночи. Что же они скрыли? И почему сами не убежали? Подлинно, это должно было удивить его, должно было поразить его. После того смерть их перед всеми обнаруживает и чудо Божие и нечестие Ирода. И смотри, как писатель не скрывает этого, но повествует об историческом событии, чтобы научить нас. Он говорит далее: *и изшед от Иудеи в Кессарию, живяше. Бе же Ирод гневаяся на Тиряны и Сидоняны: иже единодушно приидоша к нему, и умоливше Власта постелника царева, прошаху мира, понеже страны их от царства его питахуся. В намеченный же день Ирод оболкся во одежду царску, и сед на судище пред народом, глаголаше к ним. Народ же возглашаше: глас Божий, а не человечь. Внезапу же порази его ангел Господень, зане не даде славы Богу: и быв червми изъяден, издше. Слово же Божие растяше* и *множащеся* (ст. 19–24). И это немаловажно. Тотчас же постигло его наказание, если не за Петра, то за надменную речь его. Но, скажут, если те возглашали, то чем он виновен? Тем, что принял такое возглашение, что считал себя достойным такой лести. Это особенно служит к научению самих безрассудных льстецов. И смотри: и те и он достойны наказания, а наказывается он, потому что теперь не время суда, но кто более виновен, того (Бог) и наказывает, чтобы те получили от этого пользу. *Слово Божие*, говорит (писатель), *растяше и множашеся*, то есть когда это

происходило. Видишь ли домостроительство Божие? *Варнава же и Савл возвратистася из Иерусалима, исполнивше службу, поемше с собою и Иоанна порицаемаго Марка. Бяху же нецыи во Церкви сущей во Антиохии пророцы и учителие, Варнава же и Симеон порицаемый Нигер, и Лукий Киринеанин, и Манаил со Иродом четвертовластником воспитанный, и Савл* (XII, 25; XIII, 1). Варнаву поставляет пока на первом месте, потому что Павел еще не был славен, еще не совершил никакого знамения. *Служащим же им Господеви и постящимся, рече Дух Святый: отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их. Тогда постившеся и помолившеся, и возложше руки на ня, отпустиша* (ст. 2, 3). Что значит: *служащим?* Когда они проповедовали. *Отделите ми,* говорит, *Варнаву и Савла.* Что значит: *отделите ми!* На дело, на апостольство. Смотри еще, кем они рукополагаются: Лукием Киринеянином и Манаилом, и особенно – Духом. Чем уничиженнее лица, тем яснее открывается благодать Божия. Таким образом (Павел) рукополагается на апостольство, чтобы проповедовать с властью. Как же он сам говорит: *ни от человек, ни человеком* (Гал. I, 1)? Словами: *ни от человек* он показывает, что не человек призвал или привел его; а словами: ни *человеком* – что он послан не кем-либо другим, но Духом. Потому (писатель) и присовокупил следующее: *сия убо послана бывша от Духа, снидоста в Селевкию, оттуду же отплыша в Кипр* (ст. 4). Но обратимся к вышесказанному. *Бывшу же дню,* говорит, *бе молва не мала* из-за Петра, и *истязав стражи, повеле отвести.* Он так был бесчувствен, что даже решился наказать несправедливо. Вот я скажу в их защиту. Узы были; стражи находились внутри; темница была заперта; стена нигде не подкопана; все согласно говорили одно и тоже; узник не был похищен: за что же ты осуждаешь их? Если бы они хотели выпустить его, то или выпустили бы прежде, или ушли бы вместе с ним. Они быть может

взяли деньги? Но как мог дать им тот, кто был не в состоянии дать нищему? Цепи не были ни разорваны, ни развязаны. Можно было видеть, что это дело Божие, а не человеческое. Затем, повествуя об историческом событии, (писатель) приводит и имена, чтобы видно было, что обо всем он говорит правду. *И умоливше Власта*, говорит, *постелника царева, прошаху мира*. Делают это потому, что был голод. *В нареченный же день*, говорит, *Ирод сед на судище пред народом, глаголаше. Внезапу же порази его ангел Господень, и быв червми изяден, издше*.

2. Также и Иосиф (Флавий) говорит, что он впал в продолжительную болезнь*. Народ не знал этого, но апостол повествует об этом. Впрочем и самое незнание было полезно, потому что случившееся с Иродом приписывали ему за убиение апостола и умерщвление воинов. Смотри: когда он убил апостола, то ничего такого не делал, и когда этих (умертвил), то ничего не говорил. Таким образом, как бы недоумевая и стыдясь, он отправился из Иудеи в Кесарию. Мне кажется, что он, желая привлечь тех (тирян и сидонян), прибыл защищать этих (иудеев): он гневался на тех, тогда как этим столько угождал. Смотри, как этот человек был тщеславен. Намереваясь даровать им (мир), он говорил речь. Иосиф же повествует, что он был одет в блестящую одежду, сотканную из серебра. Смотри, как и те были льстивы, и как мудры апостолы. Кому угождал весь народ, того они ставили ни во что. Но теперь они получили великое облегчение, и множество благ произошло от его наказания. Если же он подвергся такому наказанию, когда выслушал слова: *глас Божий, а не человечь*, хотя сам ничего такого не говорил, то тем более Христос, если бы Он не был Богом, (подвергся бы) за то, что Он постоянно говорил: *глаголы, яже аз глаголю, о себе не глаго-*

* Иудейская древняя книга 19, гл. 8.

лю (Ин. XIV, 10), и еще: *слуги мои убо подвизалися биша* (Ин. XVIII, 36), и тому подобное. Между тем тот постыдным и жалким образом окончил жизнь, и уже нет его. И заметь, что его склоняет к миру Власть: так легко этот жалкий человек предавался гневу и опять успокаивался, будучи всегда рабом народа и не имея в себе ничего самостоятельного! Заметь и власть Святого Духа. *Служащим же им*, говорит (писатель), и *постящимся, рече Дух Святий: отделите ми Варнаву и Савла*. Кто бы осмелился, не имея на то власти, сказать это? А делается это для того, чтобы они не оставались вместе. Он знал, что они имеют великие совершенства и могут быть полезными многим. Как же Он сказал им? Вероятно, через пророков. Потому-то (писатель) предварительно и заметил, что там были пророки и пребывали в посте и служениии, чтобы ты уразумел, что нужна была великая бдительность. Рукополагается (Павел) в Антиохии, где и проповедовал. Почему же (Дух) не сказал: отделите Господу, но: *ми?* Этим Он показывает, что у Него единая (с Богом) власть и сила.

Видишь ли, насколько великое дело — пост? Замечено, что Дух совершал все; но великое благо — и пост. Он не ограничивается пределом (времени); когда нужно было рукополагать, тогда они постятся: *и постящимся им, рече Дух*. Пост же состоит не только в воздержании от пищи, но и воздержании от сластолюбия есть вид поста. Это-то в особенности я заповедаю: воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия. Пища нам нужна, а не растление; пища нам нужна, а не причина болезней, болезней и душевных и телесных; пища нам нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбие, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то приятно, а это неприятно; то естественно, а это противоестественно. Скажи мне: если бы кто-нибудь дал тебе напиться яду, не было ли бы это противоестественно?

Если бы кто (подал) дрова и камни, разве не отвратился бы ты? Конечно, – потому что это противоестественно. Таково и сластолюбие. Как в осажденном городе бывает великое беспокойство и смятение, когда вторгаются в него неприятели, так бывает и в душе, когда нападает на нее пьянство и сластолюбие. *Кому горе, кому молва, кому горести и свары, кому судове? Не пребывающим ли в вине. Кому сини очи* (Притч. XXIII, 29, 30)? Но, что бы мы ни говорили, мы не удержим людей, преданных сластолюбию, если не восстанем против другой страсти. И во-первых, к женам обращу мое слово. Нет ничего срамнее жены сластолюбивой, нет ничего отвратительнее жены, преданной пьянству; цвет лица ее увядает, ясность и кротость глаз помрачаются, как бы от какого облака, закрывающего лучи солнечные. Это – дело, свойственное не свободному человеку, но рабу, и крайне неблагородное. Как неприятна жена, дышащая зловонным и испортившимся вином, отрыгающая испарения гнилого мяса, отягченная так, что не может встать, раскрасневшаяся больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся от сластолюбия: она почтенна, целомудренна и благообразна, так как доброе расположение души придает много красоты и телу. Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой? Если же она будет скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнет говорить благоприлично и соблюдать пост, то красота ее сугуба, благообразие больше, лицо привлекательнее, исполнено целомудрия и прелести. Хочешь ли, я скажу теперь и о мужах? Что отвратительнее пьяного? Он смешон для рабов, смешон для врагов, жалок для друзей, достоин всякого осуждения, более зверь, нежели

человек, так как пресыщаться свойственно тигру, льву или медведю. Им это свойственно, потому что они не имеют разумной души. Впрочем и они, когда насыщаются больше надлежащего и больше меры, назначенной им природой, то расстраивают все свое тело: не тем ли более мы? Для того-то Бог дал нам небольшой желудок, для того назначил нам малую меру пищи, чтобы научить нас заботиться о душе.

3. Посмотрим на самое устройство нашего тела, и мы увидим, что одна только малая часть у нас имеет такое назначение (для питания). Уста наши и язык назначены для песнопений, гортань для издавания голоса. Потому естественная необходимость заставляет нас невольно воздерживаться от пресыщения. Если бы сластолюбие не сопровождалось неприятностями, недугами и болезнями, то оно не было бы противно; но теперь от природы тебе назначены пределы, чтобы ты не мог, хотя бы и желал, преступить их. Не наслаждений ли ищешь ты, возлюбленный? Найдешь их в жизни воздержной. Не здоровья ли? И это здесь. Не спокойствия ли? И это здесь. Не свободы ли? Не крепости ли и стройности тела? Не бодрости ли и деятельности души? Все эти блага здесь; а в том (пресыщении) напротив, неприятность, нездоровье, болезнь, стеснение, излишние издержки. Почему же, скажут, все мы предаемся ему? По болезни. Скажи мне: почему больной желает того, что вредно? Это самое не есть ли признак болезни? Почему хромой не ходит прямо? А все это от нерадения и от того, что не хотят прийти к врачу. Из вещей одни доставляют временное удовольствие, и вечное мучение; другие напротив – временное страдание, и вечное блаженство. Потому кто так сластолюбив и беспечен, что не презирает настоящих удовольствий для достижения будущих, тот скоро обманывается. Скажи мне: почему обманулся Исав, почему он предпочел настоящее удо-

вольствие будущей чести? По сластолюбию и невоздержанию (Быт. XXV, 34). А это самое, скажут, откуда происходит? От нас самих, как видно из следующего: когда мы захотим, то сдерживаем себя и бываем терпеливы; если встретится какая-нибудь нужда, а часто даже только из соревнования, мы избираем полезное.

Итак, когда будет возбуждаться сластолюбие, то представь кратковременность этого удовольствия, вред, – а поистине вредно делать такие издержки к собственной погибели, – недуги, болезни, и отвергни сластолюбие. Хочешь ли, я перечислю тебе, сколь многие тяжко пострадали от сластолюбия? Ной *упися и обнажися*, и, вспомни, сколько зла произошло от того (Быт. IX, 21–29). Исав по невоздержанию продал свое первенство и решался на братоубийство (Быт. XXV, 31–34). Израильтяне *седоша ясти и пити, и востата играти* (Исх. XXXII, 6). Потому и сказано им: *ядый и насытився, не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. VI, 12). Предавшиеся сластолюбию стоят на скользком пути. *Вдовица*, говорит (Писание), *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. V, 6); и еще: *уты, утолсти, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15); также апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. XIII, 14). Я уже не предписываю поста, – этого никто не стал бы слушать, – но запрещаю невоздержание, возбраняю сластолюбие, для вашей же пользы. Сластолюбие, подобно бурному потоку, истребляет все; его не удерживает никакое препятствие; оно отлучает от царствия. Что еще? Ты желаешь наслаждений? Подай бедным, призови Христа (в лице их), и будешь наслаждаться даже по окончании трапезы. Теперь ты не можешь этого по тому самому, что настоящие блага непостоянны; а тогда сможешь. Ты желаешь наслаждений? Питай свою душу, предложи ей пищу, какая ей свойственна, не томи ее голодом. Теперь время борьбы, время подвигов: а ты сидишь и пресыщаешься? Раз-

ве не знаешь, что и сами скипетроносцы в походах во время войны живут скудно? *Несть наша брань к крови и плоти* (Еф. VI, 12), а ты утучняешь себя, приготовляясь на брань? *Супостат* стоит, скрежеща своими зубами (1 Пет. V, 8), а ты предаешься неге и занимаешься трапезой? Знаю, что я говорю это напрасно, но не для всех. *Имеяй уши слышати, да слышит* (Лк. VIII, 8). Христос истощается от голода, а ты расторгаешься от пресыщения: сугубая неумеренность! И какого зла не производит сластолюбие? Оно заключает противоречие в самом себе; не знаю даже, почему оно получило такое название; разве подобно тому, как слава (земная), которая есть бесчестье, и богатство (земное), которое есть бедность, получили свои названия, так и сластолюбие, хотя оно само в себе есть горечь. Не готовимся ли мы заклаться в жертву, что так утучняем себя? Для чего ты приготовляешь червям роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловония? Для чего делаешь себя негодным ни к чему? Хочешь ли, чтобы глаз твой был исправен? Сделай все тело благоустроенным. Из струн та, которая жирна и не очищена, бывает неспособна издавать приятные звуки, а которая совершенно очищена, та бывает стройна и благозвучна. Для чего зарываешь душу? Для чего ограду ее делаешь толще? Для чего (наводишь на нее) великий дым и облако, когда испарения, как бы какая мгла, поднимаются отовсюду? Если не кто другой, то пусть по крайней мере борцы научат тебя, что тело менее тучное бывает более сильным. Так и любомудрая душа бывает благоустроеннее, подобно тому, как бывает с возницей и конем. Надобно видеть, как неудобоподвижны люди, преданные сластолюбию и утучнившие свое тело, подобно тому, как неподвижны тучные кони, причиняющие вознице так много хлопот. Тот, у кого конь послушный и быстрый, легко может

получить победную награду; а когда возница принужден тащить его, беспрестанно падающего, и не может даже ударами поднять его, то хотя бы он был человек весьма опытный, не одержит победы. Не будем же нерадеть о душе своей, подавляемой телом, но сделаем взор ее более светлым, крылья ее – более легкими, узы – более сносными; будем питать ее беседами, при воздержной жизни, так чтобы тело было только здорово и крепко, чтобы она радовалась и не скорбела, чтобы, таким образом благоустроив себя, мы могли достигнуть высшей степени добродетели и сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII

Сия убо послана бывша от Духа Свята, снидоста в Селевкию, оттуду же отплыша в Кипр. И бывше в Саламине, возвещаста слово Божие в сонмищах Иудейских: иместа же и Иоанна слугу (Деян. XIII, 4, 5)

1. Приняв вместе рукоположение, (Варнава и Павел) вышли (из Антиохии) и отплыли в Кипр, где не было гонения и слово (Божие) уже было посеяно. В Антиохии находилось довольно (учителей), и Финикия была недалеко от Палестины, Кипр же далеко. Впрочем, не спрашивай, почему (они отплыли туда), когда они были движимы Духом; ведь они не только рукоположены, но и посланы были Духом. *И бывше в Саламине, возвещаста слово Божие в сонмищах Иудейских.* Видишь ли, как они всячески стараются возвещать слово наперед иудеям, чтобы не возбудить их негодования? Как те не проповедовали никому, *токмо Иудеем* (Деян.

XI, 19), так и эти входили в синагоги. *Прошедша же остров даже до Пафа, обретоста некоего мужа волхва лжепророка Иудеанина, ему же имя Вариисус, иже бе со анфипатом Сергием Павлом, мужем разумным: сей призвав Варнаву и Савла, взыска услышати слово Божие. Сопротивляшеся же има Еллима волхв (тако бо сказуется имя его), иский развратити анфипата от веры* (ст. 6–8). Опять волхв, Иудеянин, подобно Симону. И смотри: когда они проповедовали другим, то он не слишком беспокоился; но когда пришли к проконсулу, тогда он (восстал). В проконсуле же достойно удивления то, что он, хотя и был под влиянием магии того (волхва), однако захотел слушать апостолов. Так поступили и самаряне; а из сравнения является победа, так как магия одолевается. Везде тщеславие и властолюбие бывают причиной зол. *Савл же, иже и Павел, исполнися Духа Свята, и воззрев нань, рече: о исполненне всякия льсти и всякия злобы, сыне диаволь, враже всякия правды, не престанеши ли развращая пути Господни правыя? И ныне се рука Господня на тя, и будеши слеп, не видя солнца до времене* (ст. 9–11). Здесь с рукоположением переменяется его имя; то же было и с Петром. И смотри: действие (Павла) есть не обида, но поражение; так и следует поражать дерзких и бесстыдных. О *исполненне всякия льсти*, говорит, *и всякия злобы, сыне диаволь, враже всякия правды*. Здесь он открывает то, что было в мыслях (волхва), под видом спасения губившего проконсула. *Не престанеши ли*, говорит, *развращая пути Господни?* Конечно, говорит, ты не с нами ведешь войну и брань, но развращаешь пути Господни *правые*, и – с похвалой. *И ныне се рука Господня на тя, и будеши слеп*. Посредством того же знамения, каким сам был обращен, захотел обратить и его. Выражение: *до времене* было словом не наказывающего, а обращающего, потому что если бы оно было (словом) наказывающего, то он сделал бы его слепым навсегда; теперь же не так, а *до времене*, чтобы приобре-

сти и проконсула. *Внезапу же нападе нань мрак и тма, и осязая искаше вождей. Тогда видя анфипат бывшее, верова, дивяся о учении Господни* (ст. 11, 12). И справедливо, потому что находившегося под влиянием магии такое наказание должно было вразумить. Так и египетские волхвы некогда были вразумлены скнипами (Исх. VIII, 16–19). И смотри: они не медлят здесь, после того, как проконсул уверовал, и не бездействуют, и не разнеживаются от лести и чести, но тотчас же принимаются за дело и отправляются в страну, лежащую по ту сторону (моря). *Отвезшеся же от Кипра сущии с Павлом, приидоша в Пергию Памфилийскую: Иоанн же отлучився от них, возвратися во Иерусалим. Они же прошедше от Пергии, приидоша во Антиохию Писидийскую и вшедше в сонмище в день субботный, седоша* (ст. 13, 14). Опять они входили в синагоги по обычаю иудеев, чтобы не подвергнуться нападению и изгнанию; так они и все делали. *По чтении же закона и пророк, послаша начальницы, сонмища к ним, глаголюще: мужие братие, аще есть слово в вас утешения к людем, глаголите* (ст. 15). Здесь мы узнаем о том, что касается Павла, узнав немало о Петре из сказанного прежде. Но рассмотрим вышесказанное. *И бывше,* говорит (писатель), в *Саламине, возвещаста слово Божие* – в главном городе Кипра. Они провели год в Антиохии; надлежало выйти оттуда, а не оставаться там навсегда; (верующие) имели нужду в больших учителях. Смотри, как и в Селевкии они не медлят, зная, что (ее жители) могли получать великую пользу от соседнего города, но спешат и оттуда на дела нужнейшие. Придя в главный город острова, они спешат обратить проконсула. А что не из лести сказано: *бе со анфипатом, мужем разумным,* можешь усмотреть из самого дела, как он не нуждался во многих убеждениях, но сам хотел слышать их. Имена городов перечисляет (писатель), чтобы показать, что так как они недавно приняли слово (Божие), то надлежало утвердить их, чтоб они оставались в вере;

потому-то (апостолы) часто посещали их. Смотри: (Павел) ничего не говорил волхву, пока тот не подал повода; но они возвещали только слово Господне. А тот, видя других внимающих (Павлу), заботился только о том, чтобы (проконсул) не уверовал. И почему (Павел) не сотворил другого знамения? Потому что всего лучше было — уловить врага.

2. И смотри, он прежде обличает, а потом поражает. Что тот справедливо пострадал, это он означает словами: *о исполнение всякия льсти,* то есть не имеющий ничего свободного от обмана. И хорошо сказал: *всякия льсти,* — потому что тот лицемерил. *Сыне диаволь,* – потому что совершал его дело. *Враже всякия правды,* — потому что здесь поистине была всякая правда. Мне кажется, что этими словами он обличает и его жизнь. А чтобы показать, что это сказано не по гневу, для этого (писатель) предварительно заметил: *исполнися Духа Свята,* то есть силы (Его). *И ныне се рука Господня на тя.* Это было не наказание, но врачество. Он как бы так сказал: не я действую, но рука Божия. Видишь, как он чужд гордости. *Будеши слеп, не видя солнца до времене.* Говорит это, чтобы дать ему время для покаяния. Они (апостолы) никогда не хотели являться слишком строгими, хотя бы это было бы и в отношении к врагам. В отношении к своим это было сообразно, а в отношении к чужим — нет, чтобы (известное) дело не показалось следствием принуждения и страха. Признак слепоты — искание вожатого. Затем проконсул видит слепоту и тотчас верует, и не просто, но *дивяся,* – он увидел, что здесь не слова и не обман. Смотри, какую питал он любовь к учению, имея такую власть. Не сказал (Павел) волхву: *не пристанеши ли развращая Анфипата,* но — *пути Господни,* что гораздо важнее, чтобы не показаться льстецом. Почему же Иоанн отстает от них? *Иоанн же,* говорит (писатель), *отлучився от них, возвратися в Иерусалим.*

Потому что они отправлялись в дальнейший путь, — и хотя он был их слугой, но они сами взяли на себя этот труд. Посетив опять Пергию, они проходят мимо других городов, потому что спешили в главный город — Антиохию. И смотри, как кратко повествует писатель. Сидели, говорит, в сонмище и в день субботний, чтобы приготовить путь слову. Они говорят не прежде других, но будучи вызваны, когда их, как гостей, пригласили к тому. Если бы они не находились там, то не было бы и слова. Здесь Павел проповедует первый. И посмотри на мудрость его: он проходит мимо тех мест, где уже было посеяно слово (Божие); а где еще не был никто (из проповедников), там останавливается, как и сам он пишет: *сице же потщахся благовестити, не идеже именовася Христос* (Рим. XV, 20). И это было свойством его великого мужества. Подлинно, с самого начала он был муж удивительный; распявшись (для мира, Гал. VI, 14), вооружившись (духовно), он знал, какая была в нем благодать; соразмерную тому оказывал и ревность. Он не разгневался на Иоанна, — это не было ему свойственно, — но принялся за дело; не убоялся, не устрашился, подвергаясь опасностям среди народа. Смотри, как хорошо устраивается, что Павел не проповедует в Иерусалиме; (там) довольно было только слышать, что он уверовал, а проповеди его не стали бы слушать по ненависти к нему; потому он и отправляется далеко, где не знали его. Во-первых, он обличает волхва, каков тот был; а что он действительно был таков, доказало знамение. Оно было знаком его душевной слепоты; он страдает до времени для того, чтобы покаялся. Хорошо они вошли в синагогу в субботу, когда все были собраны. *По чтении же закона и пророк*, говорит (писатель), *послаша началницы сонмища к ним, глаголюще: мужие братие, аще есть слово в вас утешения к людем, глаголите.* Смотри: тогда они сделали это без зависти, а после не так. Если вы сами хотели этого, то

тем более надлежало увещевать. Но, о, властолюбие! О, тщеславие! Как оно низвращает и губит все! Оно побуждает восставать против спасения своего и других. Оно уродует и ослепляет, так что приходится искать вожатых. И, о, если бы так, если бы они искали вожатых! Но даже и этого не хотят делать, полагаясь во всем на самих себя. Оно не дает им видеть ничего; окружает их, как бы какая мгла и мрак, не позволяя прозреть.

Какое будем иметь оправдание мы, которые побеждаем страсть страстью, а не страхом Божиим? Например, многие, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбие из-за сбережения денег; другие, напротив, для удовольствий пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславием, презрели и то и другое, издерживая деньги беспощадно и соблюдая целомудрие всуе; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью, совершив много постыдного, как из-за плотских удовольствий, так и из-за денег; еще иные, чтобы удовлетворить своему гневу, решаются на бесчисленные издержки и не заботятся ни о чем, кроме того, чтобы только сделать по своему желанию. Так, что может сделать страсть, того у нас не делает страх Божий. И что я говорю: страсть? Что может сделать стыд человеческий, того не делает страх Божий. Много хорошего мы делаем, много и грешим, стыдясь людей, а Бога не боимся. Как многие расточили свое имущество из стыда! Как многие тщетно домогались почестей, услуживая друзьям своим во зле! Как многие и как много согрешили в угодность дружбе!

3. Итак, если страсть и стыд перед людьми могут побуждать нас и ко грехам и к делам добрым, то мы напрасно говорим, что не можем (обуздывать страсти); мы можем, если пожелаем; а желать должны все. Скажи мне, почему ты не можешь преодолеть тщеславия, когда другие преодолевают, имея такую же душу, такое же

тело, такой же внешний вид, живя такой же жизнью? Помысли о Боге, помысли о высшей славе, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстанешь от него (тщеславия). Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приносит бесчестье? Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славой от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать той, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой, дотоле не увидишь, как та постыдна, как смешна. Подобно тому, как те, которые пленились какой-нибудь женой злой, безобразной и бесстыдной, пока питают к ней любовь, не могут видеть ее безобразия, потому что страсть помрачает рассудок, так и здесь, пока обладает нами эта страсть, мы не можем видеть, каково это зло. Но каким же образом, скажешь, мы можем освободиться от нее? Вспомни о тех, которые расточили множество имущества и не получили от того никакой пользы; вспомни об умерших, какой они наслаждались славой, и она оказалась непрочной, исчезла и рассеялась; пойми, что она есть одно только имя и не имеет в себе ничего существенного. В самом деле, скажи мне, что такое слава? Сделай какое-нибудь определение. Быть для всех, скажешь, предметом удивления? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будет не удивление, а порицание, лесть, клевета. Если по праву, то это невозможно, потому что народ не имеет правильных суждений, а удивляется тем, которые угождают его желаниям. Если угодно, посмотрите на тех, которые дарят свое имущество блудницам, наездникам и плясунам. Но, скажешь, мы не о них говорим, а о честных, справедливых, могущих делать много доброго. Точно, если бы захотели, то скоро делали бы много доброго; но ныне

ничего такого не делают. Кто ныне, скажи мне, хвалит честного и справедливого? Противное тому (делается). И что отвратительнее такого праведника, если он, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? Он делает тоже, как если бы какой-нибудь отличный живописец, рисуя портрет царя, ожидал похвал от неопытных. С другой стороны; кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные. Кто ожидает похвал, тот делает то, чего желают другие, а не то, чего он сам. Что же делать я советовал бы вам? Внимать Богу, довольствоваться похвалами от Него, делать все благоугодное Ему, и совершать добрые дела, не прилепляться ни к чему человеческому. Это (пристрастие к земной славе) вредит и посту и молитве и милостыне, и делает тщетными все наши добрые дела. Потому, чтобы не потерпеть этого, будем убегать этой страсти; будем иметь в виду только одно, — похвалу от Бога, одобрение от Него, прославление от нашего общего Владыки, чтобы, прожив добродетельно настоящую жизнь, нам сподобиться обетованных благ, с любящими Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

Востав же Павел, и помаав рукою, рече: мужие Исраилтяне, и иже в вас боящиися Бога, услышите. Бог людей сих избра отцы наши, и люди вознесе в пришелствии их в земли Египетстей, и мышцею высокою изведе их из нея (Деян. XIII, 16, 17)

1. Смотри, Варнава предоставляет (говорить) Павлу, подобно как Иоанн всегда — Петру. Он привел его из Дамаска, хотя тот был славнее его. Но они имели

в виду общую пользу. *Востав же,* говорит (писатель), и *помаав рукою.* Таков был обычай у иудеев; потому и он так же обращается к ним с речью. Смотри, какое он делает вступление к слову: наперед похвалив их и показав великое промышление о них (Божие) словами: *боящиися Бога,* потом и начинает речь. Не сказал: *пришельцы,* потому что это название указывает на бедствия. *Бог людей сих избра отцы наши, и люди.* Смотри, как и он, подобно Стефану, общего людей Бога называет собственно их Богом и изображает древние великие благодеяния Его. Они делают это для того, чтобы научить их, что и ныне (Бог) по тому же благоволению послал Сына Своего. Как и Христос сказал о винограднике (Лк. XX, 13), так говорит и он. *Вознесе в пришелствии в земли Египетстей, и мышцею высокою изведе их из нея.* Было и противное; но они умножились; для них совершались чудеса. Об этих (чудесах), бывших в Египте, и пророки всегда вспоминают. И смотри, как он проходит молчанием времена бедствий и нигде не поставляет на вид преступлений, но человеколюбие Божие, предоставляя о том помыслить им самим. *И до четыредесяти лет препита их в пустыни* (ст. 18). Потом говорит о поселении их. *И низложив язык седмь в земли Ханаанстей, даде им наследие землю их* (ст. 19). Затем (прошло) много времени, — четыреста пятьдесят лет. *И по сих, яко лет четыреста и пятьдесят, даде им судии до Самуила пророка* (ст. 20). Здесь он показал, что (Бог) различным образом промышлял о них. *И оттуду просиша царя* (ст. 21). Не говорит о неблагодарности их, но везде о человеколюбии Божием. *И даде им Саула, сына Кисова, мужа от колена Вениаминова, лет четыредесять. И преставль его, воздвиже им Давида в царя, ему же и рече свидетельствовав: обретох Давида сына Иессеова, мужа по сердцу моему, иже сотворит вся хотения моя* (ст. 21, 22). Немаловажно то, что Христос происходит от Давида. Потом приводит и свидетельство Иоанна в следующих

словах: *от сего Семене Бог по обетованию воздвиже Исраилю* Спасителя *(Иисуса), проповедавшу Иоанну пред лицем внития его крещение покаяния всем людем Исраилевым. И якоже скончаваше Иоанн течение, глаголаше: кого мя непщуете быти? Несмь аз, но се грядет по мне, емуже несмь достоин рязрешити ремень ног* (ст. 23–25). Иоанн свидетельствует не просто, но отстраняя от себя честь, хотя ее все воздавали ему. А не одно и тоже – отказываться от чести, когда никто не предлагает, или – когда многие воздают ее, и притом не просто, но с таким уничижением. *Мужие братие, сынове рода Авраамля, и иже в вас боищияся Бога, вам слово спасения сего послася. Живущии бо во Иерусалиме, и князи их, сего не разумевше, и гласи пророческия по вся субботы чтомыя, осудивше, исполниша: и ни единыя вины смертныя обретше, просиша у Пилата убити его* (ст. 26–28). Везде (апостолы) стараются показать, что это служит к собственному благу их (иудеев), чтобы они, слушая о том, как бы о чуждом, не удалялись по той причине, что они же распяли Его. *Сего,* говорит, *не разумевше;* итак, это был грех неведения. Смотри, как он слегка оправдывает их; и не только это (говорит), но прибавляет еще, что так и надлежало быть. А чтобы кто-нибудь не сказал: откуда известно, что (Христос) воскрес? – он говорит: *и свидетелие его суть* (ст. 31). Потом опять приводит свидетельства из Писаний: *якоже скончаша вся, яже о нем писана, снемше с древа, положиша во гробе. Бог же воскреси его от мертвых. Иже являшеся во дни многи совозшедшим с ним от Галилеи во Иерусалим, иже ныне суть свидетелие его к людем. И мы, вам благовествуем обетование бывшее ко отцем, яко сие Бог исполнил есть нам чадом их, воздвиг Иисуса: якоже и во псалме втором писано есть: Сын мой еси ты, аз днесь родих тя. А якоже воскреси его от мертвых, не ктому хотяща его возвратитися во истление, сице рече: яко дам вам преподобная Давидова верная. Темже и в другом глаголет: не даси преподобному твоему видети истления. Давид бо своему роду*

послужив Божиим советом успе, и приложися ко отцем своим, и виде истление: а его же Бог воздвиже, не виде истления (ст. 29–37). Смотри, с какой силой говорит он; этого Петр никогда не говорил. *Ведомо убо да будет вам, мужие братие, яко его ради вам оставление грехов проповедается: и от всех, от нихже не возмогосте в законе Моисеове оправдитися, о сем всяк веруяй оправдается* (ст. 38, 39). Потом (присовокупляет) и грозные слова: *блюдите убо, да не приидет на вас реченное во пророцех: видите нерадивии и узрите, и чудитеся и исчезните: яко дело аз, соделаю во дни ваша, ему же не имате веровати, аще кто повесть вам* (ст. 40, 41).

2. Смотри, как он сплетает речь из настоящих событий, и пророков, и обетованного семени. Но обратимся к вышесказанному. *Мужие братие, сынове рода Авраамля.* Называет их по праотцу. *Вам слово спасения сего послася.* Здесь словом: *вам* он не выражает, что это одни только иудеи, но дает им возможность отделить себя от совершивших убийство, как это видно из следующего. *Живущии бо*, говорит, *во Иерусалиме, сего не разумевше, и гласы пророческия по вся субботы чтомыя, осудивше, исполниша.* Великая вина, если они, постоянно слушая, не внимали. И это нисколько неудивительно: сказанное о Египте и пустыне достаточно показывает неблагодарность их. Но как они не уразумели, скажешь, когда Иоанн говорил им? Что удивительного, когда (они не слушали) и пророков, часто говоривших им? Потом и другая вина: *и ни единыя вины смертныя обретше.* Это уже не было делом неведения, – положим, что они не почитали Его за Христа, но почему притом убили Его? *Просиша*, говорит, *у Пилата убити его. Якоже скончаша вся, яже о нем писана, снемше с древа, положиша во гробе.* Смотри, как тщательно они делали это. Говорит об образе смерти Его и упоминает о Пилате, как для того, чтобы страдание Его было очевиднее из (производившегося над ним) суда, так и для того, чтобы сильнее

обличить их, предавших Его иноплеменнику. И не сказал: обвиняли Его, но: *просиша, ни единыя вины смертныя обретше, убити его,* чтобы показать, что он сделал это в угодность им, и в противность собственному желанию, — что яснее выражает Петр: *суждшу оному пустити* (Деян. III, 13). Павел весьма любил их; и однако, смотри, не останавливается на неблагодарности отцов их, но возбуждает страх в них самих. Стефан по справедливости делает это, когда готовится умереть, и притом не предлагая учения показывает, что закон уже прекращается; а он еще не (говорит этого), но только высказывает угрозы и возбуждает страх. *Бог же воскреси его от мертвых. Иже являшеся*, говорит, *во дни многи совозшедшым с ним от Галилеи во Иерусалим.* Смотри, как он, движимый самим Духом, непрестанно проповедует о страдании и погребении (Христовом). *И мы вам благовествуем*, говорит, *обетование бывшее ко отцем,* то есть отцы получили обетование, а вы — самое дело. Приведя в свидетели Иоанна, и сказав: *от сего семене по обетованию воздвиже Исраилю* Спасителя, *проповедавшу Иоанну пред лицем внития его крещение покаяния* Исраилю, он потом опять приводит слова его: *кого мя непщуете быти? Несмь аз.* Затем приводит и апостолов в свидетели воскресения и говорит: *иже суть свидетелие его к людем.* Далее — Давида, свидетельствующего о том же самом в следующих словах: *не даси преподобному твоему видети истления* (Пс. XV, 10). В виду того, что ни древние (свидетельства) сами по себе не были бы столь сильными, ни эти (новые) без тех, он и подтверждает свою речь теми и другими. И так как они были одержимы страхом, как убившие Его, и совесть осуждала их, то (апостолы) говорят им, не как христоубийцам, и преподают им (учение), не как чуждое благо, но как их собственное. Для них (Иудеев) было весьма вожделенно имя Давида, потому (Павел) и приводит его, чтобы они по крайней мере таким обра-

зом признали Его (Христа); он как бы так говорил: Сын его будет царствовать над вами; потому не отвергайте власти Его. Что значит: *дам вам преподобная Давидова верная*? То есть твердые, никогда не погибающие. Не останавливается и на этом, – потому что речь уже была доказана, – но угрожает наказанием, переходит к вожделенному для них, показывая, что закон прекращается, и распространяется о полезном, о том, что великие блага ожидают послушных и великие бедствия постигнут непокорных. Потом опять говорит о Давиде, и притом с похвалой. *Давид бо*, говорит, *своему роду послужив Божиим советом, приложися ко отцем своим;* подобно как Петр, упоминая о нем, говорит: *достоит рещи с дерзновением о патриарсе Давиде* (Деян. II, 29). Не говорит, что он умер, но: *приложися ко отцем своим,* что было благоприличнее. И смотри: он нигде не касается добрых дел их, но тех, которые достойны осуждения. Именно, то самое, чего они просили (убить Христа) и получили, служит к величайшему их осуждению. Потом исчисляет благодеяния Божии. *Избра, вознесе, препита,* – эти похвалы относятся не к ним, но к Богу. Восхваляет только Давида, потому что от него – Христос. *Внитием,* о котором он говорит в словах: *пред лицем внития его,* Иоанн (Креститель) называет воплощение Христово, явление Его во плоти. Подобным образом и Иоанн евангелист часто указывает на него, – потому что имя его было славно по всей вселенной. И смотри: (писатель) не говорит о том от себя, но приводит самое свидетельство его.

3. Видишь ли, как тщательно он показал настоящее дело домостроительства? Но послушаем, что внушали апостолы, говоря, что (Христос) был распят. Что невероятнее того, что Он погребен теми, которым обещал спасение, что будучи погребен Он отпускает грехи, и притом более закона? Потому (Павел) и не сказал: в чем вы не хотели, но: *в нихже не возмогосте в законе, Моисеове*

оправдитися, о сем всяк веруяй оправдается, показывая тем бессилие закона. Прекрасно он прибавил: *всяк,* чтобы показать, что (оправдывается) всякий, кто только верует. Во всем том не было бы никакой пользы, если бы не было какого-либо благодеяния. Потому Он и говорит наконец об *оставлении* (грехов), выводя из предыдущего важнейшее и показывая, что чего не в состоянии был сделать закон, то совершившим своей смертью является Пострадавший. Итак он хорошо сказал: *иже суть свидетелие его, к людем,* то есть к убившим Его; но они не были бы свидетелями, если бы не были укрепляемы божественной силой, не свидетельствовали бы этого перед людьми, готовыми на убийство перед самими убийцами. Слова: *аз днесь родих тя* он привел, имея в виду то, что за ними следует (Пс. II, 7). Но почему он не присовокупил свидетельства, из которого они должны были убедиться, что отпущение (грехов) совершается через Христа? Потому что он хотел наперед доказать, что (Христос) воскрес; а как скоро это будет принято, то отсюда уже становится несомненным и то, что отпущение грехов совершается через Него. С другой стороны он хотел возбудить в них желание этого великого (блага). Таким образом смерть Его была не лишением, но исполнением пророчеств. Об исторических событиях он упоминает потому, что, не разумея их, (иудеи) потерпели множество зол. На это он и указывает в заключение, когда говорит: *видите нерадивии, и узрите.* И смотри, как смягчает строгость самого этого (увещания). *Да не приидет,* говорит, *на вас реченное* другим: *яко дело аз соделаю, емуже не имате веровати, аще кто повесть вам.* Не удивляйтесь потому (только), что оно кажется невероятным, как о том сказано выше. Это и к нам можно было бы по справедливости сказать: *видите, нерадивии,* касательно тех, которые не веруют воскресению. Дела Церкви находятся в весьма худом состоянии, хотя вы и думаете,

что она в мире. То тяжело, что находясь среди множества зол, мы даже не знаем, что находимся во зле.

Что ты говоришь (скажете вы)? Мы содержим церкви, у нас имущество, все прочее, бывают собрания, ежедневно приходит народ, и — мы нерадивы? Но не это надобно ставить в похвалу Церкви. Что же, скажешь? То, если есть в ней благочестие, если мы уходим домой каждый день с пользой, собрав более или менее плодов, а не исполняя только закон или показывая вид благочестия. Сделался ли кто лучше, бывая в собрании в продолжение целого месяца? Вот о чем надобно спросить. То самое, что кажется добрым делом, не есть дело доброе, если по совершении его ничего больше от него не происходит. И о, если бы ничего больше! Но ныне происходит еще худшее. Какую пользу получаете вы от собраний? Если бы была для вас какая-нибудь польза, то вам всем уже давно следовало бы вести жизнь любомудрую, после того как с вами беседуют дважды в неделю столько пророков, столько апостолов, евангелистов и все они предлагают спасительные догматы и с великой ревностью представляют вам убеждения к исправлению ваших нравов. Воин, приходя на место учения, становится искуснее в военном деле; атлет, приходя на ристалище, делается опытнее в борьбе; изучающий врачебное искусство, приходя к учителю, становится более сведущим, более узнает и большему научится; а ты какую приобрел пользу? Не говорю о тех, которые в продолжение одного года, но о тех, которые с юного возраста приходят в (церковные) собрания. Или то вы считаете благочествием, что часто бываете в собраниях? Это не значит ничего, если мы не получаем никакой пользы; если (здесь) не собираем никаких плодов, то лучше оставаться дома. Предки построили нам церкви, конечно, не для того, чтобы мы, собираясь из своих домов, показывали себя друг другу, — это можно было

бы делать и на площади, и в банях, и на празднествах, — но чтобы собирались вместе ученики и учители, и первые делались лучшими при помощи последних. Наши (собрания) стали просто обычаем и видом благочестия, остальное дело — привычкой. Наступает пасха; (здесь) большой шум, большая сутолока, не скажу — толпа людей, так как это не свойственно людям. Прошел праздник; шум прекращается, но это безмолвие опять бесплодно. Сколько (бывает) всенощных бдений, сколько священных песнопений! А что из этого? Еще хуже: многие даже делают это из тщеславия. Как, думаете вы, я сокрушаюсь внутренне, когда вижу, что все это протекает, как бы сквозь дырявую бочку? Но вы, без сомнения, скажете мне: мы знаем Писания. А что из этого? Если бы вы показывали это делами, то было бы приобретение, была бы польза. Церковь — это красильня; если вы всегда уходите, не получив никакой окраски, то какая польза от того, что вы часто сюда ходите? Только больший вред. Кто-нибудь (из вас) прибавил ли что-либо к обычаям, которые наследовал от предков? Например: кто-нибудь имеет обыкновение поминать мать, жену или сына; он делает это, — слышал ли о том от нас, или не слышал, — руководствуясь обычаем и совестью. Так на это ты негодуешь, скажут? Да не будет! Напротив, я весьма радуюсь этому; но желал бы, чтобы он получил какую-нибудь пользу и от нашей беседы и, что сделала привычка, то произошло бы и от нас, чтобы образовалась и другая привычка. Иначе для чего мне напрасно трудиться и пустословить, если вы намерены оставаться при одном и том же, если наши собрания не производят в вас ничего доброго?

4. Но, скажут, мы молимся. А что из того, если это бывает без дел? Послушай, что говорит Христос: *не всяк глаголяй ми, Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесех* (Мф. VII, 21).

Часто я решался замолчать, видя, что от моих слов в вас не происходит никакого преуспения; а может быть и происходит, только я по чрезмерности своих требований и желаний уподобляюсь тем, которые слишком пристрастны к деньгам. Как они, сколько ни собирают, всегда думают, что ничего не имеют, так и я, сильно желая вашего спасения, пока не увижу вашего преуспения, думаю, что ничего не сделал, потому что я весьма желаю, чтобы вы достигли самой высшей степени. Я желал бы, чтобы это было так, чтобы это происходило от моего недовольства, а не от вашего нерадения; но боюсь, что мой намек окажется верным. Ведь вы должны согласиться, что если бы была какая-нибудь польза в продолжение такого времени, то нам уже следовало бы прекратить свои беседы; и вам не нужны были бы наши слова, когда их сказано так довольно, что вы могли бы научить и других, если бы вы сколько-нибудь заботились о пользе отсутствующих. Но вы непрестанно имеете нужду в поучениях, и это показывает не что иное, как то, что вы не очень в хорошем состоянии.

Что же делать? Не обличать же только? Прошу и умоляю, старайтесь не о том только, чтобы приходить в церковь, но чтобы уходить и домой, получив какое-нибудь врачество против своих страстей, чтобы если не от нас, то от Писаний заимствовать соответственные врачества. Например, предается ли кто гневу? Пусть внимает чтениям Писаний, и непременно найдет (врачество) или в повествованиях, или в поучениях; в поучениях, когда говорится: *устремление ярости его падение ему* (Сир. I, 22), и: *муж ярый не благообразен* (Притч. XI, 25), и тому подобное; и еще: *муж язычен не исправится* (Пс. CXXXIX, 12). Также Христос (говорит): *гневаяйся на брата своего всуе* (Мф. V, 22), и пророк: *гневайтеся, и не согрешайте* (Пс. IV, 5), и еще: *проклята ярость их, яко упорна* (Быт. XLIX, 7). В повествованиях,

какие например слышишь о фараоне, исполнившемся великого гнева (Исх. XIV, 5), и о (царе) ассирийском (4 Цар. XIX, 35), которые потому и погибли. Одержим ли кто сребролюбием? Пусть послушает, что нет ничего беззаконнее лихоимца, что и самую душу свою он отдает за имущество (Сир. XIV, 1–10); и Христос говорит: *не можете Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 24), и апостол: *коренъ всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. VI, 10), и пророк: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. LXI, 11), и много тому подобного. В повествованиях (слышишь) о Гиезие, Иуде, старейшинах книжников, и что *дары ослепляют очи мудрых* (Втор. XVI, 19). Гордится ли кто? Пусть послушает, что *Бог гордым противится* (Притч. III, 34), и: *начало гордыни грех* (Сир. X, 14), и: *нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. XVI, 5); а из повествований (знаешь) о диаволе и всех других. Вообще, – невозможно ведь перечислить всего, – пусть каждый избирает из божественных Писаний врачества для своих ран; если не все вдруг, то часть сегодня, часть завтра, и таким образом очистите все. И касательно покаяния, и исповедания (грехов), и милостыни, и кротости, и целомудрия, и касательно всего найдешь (там) много примеров. *Вся бо сия в наше наказание преднаписашася*, говорится (Рим. XV, 4). Если же в них все – для нашего наставления, то станем внимать им, как следует внимать. Для чего мы понапрасну обманываем себя самих? Боюсь, чтобы и о нас кто-нибудь не сказал: *яко исчезоша в суете дние* наши *и лета* наши *со тщанием* (Пс. LXXVII, 33). Кто, слушая нас, отстал от зрелищ, кто отстал от любостяжания, кто стал усерднее к милостыне? Я желал бы узнать это, не из тщеславия, но чтобы сделаться ревностнее, видя прекрасный плод трудов своих. Ныне же, как я примусь за дело, видя, что дождь учения нисходил в таком количестве, а нивы наши остаются в том же состоянии и растения

нисколько не делаются выше? Уже наступило время жатвы, (готова) веятельная лопата; боюсь, чтобы все не оказалось плевелами; боюсь, чтобы всем нам не быть вверженными в печь (Мф. III, 12). Прошло лето, пришла зима, а мы сидим, и юноши и старцы, одержимые своими страстями. Не говори мне: я не блудодействую. Какая польза, что ты не блудодействуешь, когда ты сребролюбив? Если воробей хотя не всем телом, а только за ногу будет удержан, то он погиб и остался в западне, и уже нисколько не помогут крылья, когда удержана нога: так и ты не пленен блудодеянием, но пленен сребролюбием, а все же пленен. Дело не в том, как ты пленен, но в том, что ты пленен. Не говори ты, юноша: я не сребролюбив; может быть, ты предаешься прелюбодеянию. И оттого опять какая польза? Невозможно же, чтобы все страсти овладевали нами в одном возрасте; но они разделены, и это по человеколюбию Божию, чтобы, напав на нас вместе, они не сделались неодолимыми и борьба с ними не была для нас слишком трудной. Какое неразумие – быть не в состоянии побеждать и раздельные страсти, но покоряться им во всякое время, и еще гордиться тем, что укрощается не нашим старанием, но самим возрастом! Не видите ли, какое старание, и упражнение, и труды прилагают возницы, употребляя и хлеб и все другое, чтобы не быть сброшенными с колесниц и влачимыми (по земле)? Видишь, сколько здесь искусства? Часто человек взрослый не может справиться с одним конем; а мальчик с искусством взяв двух коней легко ведет и управляет ими. У индийцев, говорят, великий зверь и страшный – слон с великой покорностью повинуется пятнадцатилетнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при старании укрощаем слонов и диких коней, то тем более (можем укрощать) наши страсти. Почему же мы так нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались при-

обрести это искусство; никогда в свободное время, когда нет борьбы, не беседовали друг с другом о чем-нибудь полезном. Нас тогда можно видеть стоящими на колеснице, когда борьба началась, потому-то мы и бываем достойны осмеяния. Не говорил ли я часто: будем упражняться на домашних своих прежде искушения? Мы часто сердимся дома на детей; удержим здесь гнев, чтобы нам легко было обуздывать его перед друзьями. Если бы так мы упражнялись и во всем другом, то во время борьбы не подвергались бы осмеянию. Для других искусств и подвигов ныне есть и оружие, и упражнение, и старание; для добродетели же ничего. Земледелец не осмелится прикоснуться к винограду прежде, нежели хорошо научится земледелию; и кормчий не станет на корме, пока не делается сведущим в этом деле; а мы, будучи совершенно неопытными, желаем получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни с кем не иметь общения ни делом, ни словом, пока не укротим зверя, находящегося в нас самих. Не свирепее ли всякого зверя нападают на нас гнев и вожделение? Не выходи на площадь с этими зверями, пока не наложишь хорошо узду на них, пока не укротишь их, пока не сделаешь ручными. Не видишь ли тех, которые водят укрощенных львов по площади, какую они получают прибыль и как им удивляются, что они в бессловесном животном произвели такую кротость? Но если бы внезапно этот зверь рассвирепел, то он разогнал бы всех, находящихся на площади, и сам водящий его подвергся бы опасности и сделался бы виновником гибели других. Так и ты наперед укроти льва, и потом води его с собой, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нет ничего равного. И действительно нет ничего равного кротости, которая приносит великую пользу и тем, кто имеет ее, и тем, на кого она действует. Будем же достигать ее, что-

бы, совершив надлежащим образом путь добродетели, нам сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

Исходящим же им, моляху в другую субботу глаголатися им глаголом сим (Деян. XIII, 42)

1. Видишь ли мудрость Павла? Он не только привел в удивление (слушавших его) тогда, но и возбудил в них желание – слушать его в другой раз, посеял некоторые семена, но не докончил и не заключил речи, чтобы привлечь и расположить их к себе и чтобы не утомить их сообщением душам их всего вдруг. Он сказал: *его ради вам оставление грехов проповедается* (Деян. XIII, 38); а каким образом, – не показал. После того (писатель) поставляет его на первом месте (ст. 43, 50). Видишь ли, какое (возбудилось в них) усердие? *Последоваша*, говорит, за ними (ст. 43). Почему он не крестил их тотчас же? Еще не пришло время. Надобно было убедить, чтобы они оставались твердыми. *Разшедшуся же собору, последоваша мнози от Иудей и честивых пришлец Павлу и Варнаве: иже глаголюще им увещаху их пребывати в благодати Божией. Во грядущую же субботу мало не весь град собрася послушати слова Божия. Видевше же Иудеи народы, исполнишася зависти, и вопреки глаголаху глаголемым от Павла, сопротив глаголюще и хуляще* (ст. 43–45). Смотри, как злоба поражается, когда хочет поразить других. Противоречие тех (иудеев) послужило еще к большей славе этих (апостолов). А прежде те сами просили их (говорить). *Сопротив глаголюще и хуляще.* О, бесстыдство! В чем надобно было с ними согласиться, они тому противоречат. *Дер-*

знувше же Павел и Варнава рекоста: вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже отвергаете е и недостойны творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки (ст. 46). Видишь ли, как по причине любопрения (иудеев) они простерли далее свою проповедь, и еще более обратились к язычникам, оправдав и сделав себя свободными от обвинений перед своими (единоплеменниками)? И не сказали: вы недостойны; но — *творите сами себе недостойны*, чтобы смягчить речь свою. *Се обращаемся во языки. Тако бо заповеди нам Господь: положих тя во свет языком, еже быти тебе во спасение даже до последних земли* (ст. 47). Чтобы язычники, слыша это, не опечалились, что в случае готовности иудеев они не получили бы этих благ, он приводит следующее пророчество: *положих тя во свет языком, еже быти тебе во спасение даже до последних земли. Слышаще же языцы.* Это и самих (апостолов) делало ревностнейшими, когда тем, чем должны были слушая пользоваться иудеи, пользовались язычники, иудеев же более огорчало. *Слышаще же языцы,* говорит (писатель), *радовахуся и славяху слово Господне, и вероваша, елицы учинени бяху в жизнь вечную,* то есть были предъизбраны Богом (ст. 48). Смотри, как скоро, по сказанию его, это принесло пользу: *проношашеся же слово Господне по всей стране* (ст. 49), то есть распространялось; как бы так сказал: они не ограничились одной ревностью, но присоединили и дела. Посмотри опять, как они, будучи гонимы, совершают другие великие дела по ревности; они стали действовать решительнее и обратились к язычникам; и послушай, как *дерзнувше же Павел и Варнава рекоста: вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже отвергосте е, се обращаемся во языки.* Таким образом они намеревались идти к язычникам. Но, смотри, и в этой решимости соблюдалась мера, как и следовало. Если Петр оправдывался, то тем более для них нужно было оправдание, потому что их никто не

приглашал туда. Словом: *первее* он выразил, что и тем надлежало (проповедовать); а словом: *лепо* показал, что и им необходимо было. *А понеже отвергосте,* — не сказал: горе вам, или: вы будете наказаны, — но: *се обращаемся во языки.* Видишь ли, какой великой кротости исполнена эта решимость? *Иудеи же наустиша честивыя жены и благообразныя и старейшины града, и воздвигоша гонение на Павла и Варнаву, и изгнаша я от предел своих* (ст. 50). Видишь ли, что сделали противившиеся проповеди, до какого бесстыдства довели их (женщин)? *Она же оттрясше прах от ног своих на них, приидоста во Иконию* (ст. 51). Здесь они наконец исполнили ту грозную заповедь, которую дал Иисус Христос: *и иже аще не приимет вас, исходяще оттрясите прах ног ваших* (Мф. X, 14). Впрочем, они сделали это не вдруг, но когда уже были изгнаны ими. Но и это не повредило ученикам; напротив, они еще более утвердились в слове (Божием), что (писатель) и показывает, присовокупляя: *ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята* (ст. 52). Страдания учителя не останавливают усердия ученика, но делают его еще ревностнейшим. *Бысть же во Иконии вкупе внити има в сонмище Иудейское, и глаголати тако, яко веровати Иудеев и Еллинов множеству многу* (XIV, 1). Опять входят в синагоги. Смотри, как они не сделались боязливее, после того, как сказали: *обращаемся во языки.* Уже тем, что здесь было великое множество (уверовавших), лишают их оправдания. *Яко веровати,* говорит (писатель), *Иудеев и Еллинов множеству многу.* Вероятно, они проповедовали и эллинам. *Неверующии же Иудеи воздвигоша и озлобиша души языков на братию* (ст. 2). Возбудили вместе и язычников, как будто недовольно было их одних. Почему же (апостолы) не вышли оттуда? Потому что их не изгоняли, а только притесняли. *Довольно же убо время пребыша дерзающе о Господе, свидетельствующем слову благодати своея, и дающем знамения и чудеса быти рукама их* (ст. 3). Это

придавало им дерзновения, или лучше, их усердие придавало им дерзновения. Потому-то они долгое время нигде не совершали знамений. Самое то, что слушающие веровали, было из числа знамений. Этому содействовало и их дерзновение. *Разделишажеся множество града: и ови убо бяху со Иудеи, ови же со апостолы* (ст. 4). Немало, служит к осуждению тех и это самое разделение. Здесь происходило то, что сказал Христос: *не приидох вврещи мир, но меч* (Мф. X, 34). *И егда бысть стремление языком же и Иудеем с началники их, досадити и каменем побити их, уведевше прибегоша во грады Ликаонския, в Листру и Деревию, и во окрестныя их, и тамо беста благовествующе* (ст. 5–7).

2. Опять, как бы нарочито желая распространить проповедь, когда она получила успех, тогда и изгоняют их (апостолов). Смотри: везде гонения производят великие блага, и гонители остаются побежденными, а гонимые являются славными. Придя в Листру, (Павел) совершает великое чудо, воздвигает хромого и притом громким голосом; а как, послушай. *И некто*, говорит (писатель), *муж в Листрех немощен ногами седяще, хром от чрева матере своея сый, иже николиже бе ходил. Сей слышаше Павла глаголюща. Иже воззрев нань, и видев, яко веру имать здрав быти, рече велиим гласом: встани на ногу твою прав. И возскочи, и хождаше* (ст. 8–10). Для чего громким голосом? Для того, чтобы народ уверовал. И смотри, с каким усердием он внимал словам Павла; это, именно, означается словом: *слышаше*. Видишь ли его любомудрие? Хромота нисколько не препятствовала его усердию – слушать. *Иже воззрев нань, и видев яко веру имать здрав быти*. Он уже обратился внутренне; между тем с другими происходило противное. Наперед исцелялись тела их, а потом уже врачевались их души; этот же не так. Мне кажется, что Павел проникал в самую душу его. *И возскочи*, говорит, и *хождаше*. Знаком совершен-

ного исцеления было то, что он вскочил. *Народи же видевше, еже сотвори Павел, воздвигоша глас свой, Ликаонски глаголюще: бози уподоблшеся человеком снидоша к нам. Нарицаху же Варнаву убо Диа, Павла же Ермиа: понеже той бяше началник слова. Жрец же Диев, сущего пред градом их, приведе юнцы и венцы пред врата, с народы хотяше жрети* (ст. 11–13). Но этого доселе нельзя было знать, потому что они говорили на собственном наречии: *бози уподоблшеся человеком снидоша к нам.* Потому (апостолы) ничего не говорили им; но когда увидели венцы, то бросившись разодрали одежды свои. *Слышавше же апостоли Варнава и Павел, растерзаете ризы своя, вскочиста в народ, зовуще и глаголюще: мужие, что сия творите? И мы подобострастии есмы вам человецы* (ст. 14, 15). Смотри, как они всегда чуждались славы, и не только не искали ее, но отклоняли и тогда, когда им предлагали ее. Так и Петр говорил: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Также и они говорят. Иосиф говорил о сновидениях: *еда не Богом изъявление их* (Быт. XL, 8)? Подобным образом и Даниил: *и мне не премудростию сущею во мне, открыся* (Дан. II, 30). И Павел всегда тоже говорил, как например: *и к сим кто доволен* (2 Кор. II, 16); и ёще: *не яко доволни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога* (2 Кор. III, 5). Но обратимся к вышесказанному. Народ не просто следовал за апостолами, но как? – просил, чтобы они опять проповедали о том же, и усердие свое показывал на деле. И они, смотри, постоянно вразумляли, а не просто принимали и не льстили. Потому (писатель) и сказал: *иже глаголюще им увещаху их пребывати в благодати Божией.* А почему (иудеи) прежде не противоречили? Потому что проповедники дотоле молчали. Видишь ли, как они всегда руководились страстью? И не только противоречили, но еще злословили: так злоба никогда не знает пределов! Но посмотри и на ре-

шимость (апостолов). *Вам бе*, говорится, *лепо первее глаголати слово Божие: а понеже отвергосте е.* Ничего оскорбительного (не сказано). Также поступали (иудеи) и с пророками: *не глаголите нам*, говорили они, *глаголанием* (1 Цар. VIII, 19; Иер. XLIV, 16). *Понеже отвергосте е*, говорится, а не нас, – потому что не к нам относится ваше оскорбление. А чтобы кто не подумал, что они из благоговения *недостойны творили сами себе,* для того (Павел) сказал наперед: *отвергосте е,* и потом: *обращаемся во языки.* Эти слова исполнены великой кротости. Не сказал: мы оставляем вас, – чтобы показать, что можно было опять возвратиться сюда: и это (удаление) делается не вследствие вашего оскорбления, но так нам заповедано. Язычникам надлежит услышать (слово Божие), но то не от нас, а от вас зависит, что они должны будут (услышать) прежде вас. *Тако бо заповеда нам Господь: положих тя во свет языком, еже быти тебе во спасение,* то есть в познание спасения, и не просто *языком,* но всем; это, именно, означают слова: *елицы учинени бяху в жизнь вечную.* А это служит признаком, что они приняты по воле Божией. Сказал: *учинени,* чтобы показать, что не по принуждению. *Ихже бо предъуведе*, говорит, *тех и предъустави* (Рим. VIII, 29). И не только в городе они проповедовали, но и во (всей) стране. Язычники, услышав о том, вскоре и сами стали приходить. *Иудеи же*, говорит (писатель), *наустиша честивыя жены и воздвигоша гонение.* Смотри: они же были виновниками и сделанного женами. *И изгнаша я*, говорит, *от предел своих,* не только из города, но и из всей страны. Потом говорит еще более страшное: *ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята.* Учители были гонимы, а они радовались. Видишь ли свойство евангельской проповеди, какую великую она имеет силу? *Озлобиша*, говорит, *души языков на братию,* то есть клеветали на апостолов, во многом обвиняли их, их – простосердечных представляли коварными.

3. И смотри, как всегда (писатель) все приписывает Богу. *Довольно время*, говорит, *пребыша, дерзающе о Господе, свидетельствующем слову благодати своея.* Не подумай, что это служит к унижению их. Когда они проповедовали, – подобно как (о Христе апостол) говорит: *свидетельствовавшим при понтийстем Пилате* (1 Тим. VI, 13), – то выражалось их дерзновение; здесь же он говорит по отношению к народу. Потом, увидев нападение, они не медлили: *и прибегоша во грады Ликаонския, в Листру и Дервию, и во окрестныя их*, где уже не могла действовать ярость (Иудеев), и ходили не только по городам, но и по окрестным странам. Посмотри на простоту язычников и на злобу Иудеев. Те делами показали, что они были достойны слушать (апостолов), такую честь они оказывали им только за знамения. Те почитали их за богов, а эти изгоняли их, как людей вредных; те не только не препятствовали проповеди, но и говорили: *бози уподоблшеся человеком снидоша к нам*, а иудеи соблазнялись. *Нарицаху же*, говорит (писатель), *Варнаву Диа, Павла же Ермиа.* Мне кажется, что Варнава имел и вид достопочтенный. Немалое было это искушение от излишнего усердия; но апостолы и здесь явили добродетель свою. И смотри, как всегда они все относят к Богу. Будем подражать им и мы; не будем считать ничего своим, так как и самая вера не есть наша собственность. А что она принадлежит не нам, но более Богу, послушай Павла, который говорит: *и сие не от вас, Божий дар* (Еф. II, 8). Потому не будем высокомудрствовать и превозноситься мы – люди, земля и пепел, дым и тень. Скажи мне, в самом деле, чем ты превозносишься? Тем ли, что ты подал милостыню и раздал имущество? Но что из этого? Подумай, что было бы, если бы Бог не восхотел сделать тебя богатым; подумай о бедных, или лучше – вспомни, сколь многие пожертвовали притом и самим телом своим и многим другим, и пожертвовав считали

себя ничего не сделавшими. Ты подал для себя, а Христос (предал Себя) для тебя; ты отдал должное, а Христос не был тебе должен. Вспомни о неизвестности будущего и не высокомудрствуй, но страшись; не унижай добродетели гордостью. Хочешь ли поистине сделать что-либо великое? Никогда не считай своих добрых дел великими. Но ты пребываешь девственником? И те были девами (Мф. XXV, 3), но не получили никакой пользы от девства по своей жестокости и бесчеловечию.

Нет ничего равного смиренномудрию: оно – источник, корень, питатель, основание и союз всего доброго; без него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешает мертвых, исцеляет хромых, очищает прокаженных, но с гордостью: ничего не может быть хуже, нечестивее и виновнее его. Не считай ничего своим. Обладаешь ли словом и даром учительства? Не думай, что ты через это имеешь что-нибудь больше других. Потому в особенности ты и должен смиряться, что удостоился больших даров. Кому больше *отпущено*, тот должен больше *возлюбить* (Лк. VII, 47). Потому тебе и должно смиряться, что Бог, минуя других, призрел тебя. Поэтому страшись, так как это часто служит и к твоей погибели, если не бываешь внимательным.

Чем ты превозносишься? Тем ли, что учишь посредством слов? Но любомудрствовать на словах легко; научи меня своей жизнью, – вот самый лучший способ учения. Ты говоришь, что надобно быть умеренным, ведешь об этом длинную речь и витийствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тот, – все скажут, – кто учит меня этому делами. Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами; и если ты не имеешь дел, то разглагольствуя не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вред; лучше бы молчать. Почему? Потому

что предлагаешь мне дело невозможное. Если ты, который говоришь так много, — рассуждаю я, — не исполняешь этого, то тем больше я достоин извинения, который ничего не говорю. Потому-то и сказал пророк: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания моя* (Пс. XLIX, 16)? Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виной множества зол в церквах. Потому простите, прошу вас, если речь наша долее остановится на этой страсти. Многие делают многое для того, чтобы став на середине говорить продолжительно; если они удостоятся рукоплесканий от народа, то бывает с ними тоже, как бы получили они царство: если же окончание их речи сопровождается молчанием, то это молчаливое уныние бывает для них мучительнее самой геенны. Это так низвратило церкви, что и вы ищете слышать слово не обличительное, но могущее услаждать вас и произношением и составом речи, как будто вы слушаете певцов и музыкантов, и мы холодным и жалким образом стараемся угождать вашим желаниям, которые следовало бы отвергать.

4. И бывает тоже, как если бы какой отец своему слишком нежному и притом больному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только услаждает, а полезного ничего не предлагал; и потом на замечания врачей стал бы говорить в свое оправдание: «Что же делать? Я не могу видеть плачущего сына». Несчастный, жалкий, предатель! — ведь я не назову такого отцом, — не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь, возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услаждение сделать причиной всегдашней скорби? Тоже бывает и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, что-

бы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы.

Поверьте мне, – не без причины говорю, – когда слова мои сопровождаются рукоплесканиями, в то время я чувствую нечто человеческое (почему не сказать правды?), радуюсь и услаждаюсь; но когда, возвратившись домой, подумаю, что рукоплескавшие не получили никакой пользы, а если чем и должны были воспользоваться, то потеряли от рукоплесканий и похвал, тогда скорблю, жалею и плачу, думаю, что все я говорил напрасно, и говорю сам себе: какая польза от моих трудов, когда слушатели не хотят получить никакой пользы от слов моих? Неоднократно я думал постановить правило, запрещающее рукоплескания и приглашающее вас слушать в молчании и с должной благопристойностью. Воздержитесь же, прошу вас, послушайте меня и, если угодно, постановим теперь же такое правило, что никому из слушателей не дозволяется рукоплескать в продолжение чьей-либо речи; если кто желает удивляться, то пусть удивляется в молчании; никто этому не препятствует; но все внимание и старание пусть обратится на то, чтобы усвоить сказанное. Но вот, для чего вы рукоплещете? Против этого-то я полагаю правило; а вы не имеете терпения выслушать. Оно будет виной многих благ и училищем любомудрия. Когда внешние (языческие) философы говорили, никогда никто не рукоплескал им; когда и апостолы проповедовали, никогда не случалось, чтобы среди речи их слушатели прерывали говорившего рукоплесканиями. Оно принесет нам великую пользу. Итак, постановим следующее: пусть все слушают в молчании, чтобы мы досказывали все. Ведь если мы после рукоплесканий отойдем, удерживая слышанное, то и тогда эта похвала совершенно бесполезна (но я впрочем не стану строго разбирать, чтобы кто не упрекнул меня в неучтивости); если же в этом нет

никакой пользы, но еще вред, то удалим препятствие, прекратим восхищения, оставим душевные восторги. Христос проповедовал на горе; но никто ничего не говорил, пока Он не окончил речи (Мф. V, 1; VII, 28). Я не лишаю возможности рукоплескать тех, которые хотят этого; но еще более поддерживаю их восторг. Гораздо лучше, выслушав в молчании и припоминая (сказанное), рукоплескать во всякое время, и дома и на площади, нежели, растеряв все, возвратиться домой ни с чем, не имея и предмета для рукоплесканий. Не будет ли достоин осмеяния слушатель, не сочтут ли его льстецом и насмешником, если он рассказывает, что учитель говорил хорошо, а что именно говорил, сказать не может? Это свойственно лести. Кто слушал музыкантов и певцов, тому было бы простительно, если бы он не мог передать слышанного подобно им; а, здесь не музыка и не пение, но сила суждений и любомудрия, что легко всякому пересказать и передать: как же не признать достойным осуждения того, кто не может объяснить, почему он хвалит говорившего? Церкви всего более прилично молчание, благочиние. Шум уместен на зрелищах, в банях, на торжествах и площадях; а где преподаются такие догматы, там должно быть спокойствие, тишина, любомудрие и совершенная пристань. Это знайте все, прошу и умоляю. Я изыскиваю все способы, которыми бы мог сделать полезное для ваших душ. Немаловажным мне кажется и этот способ; он может принести пользу не только вам, но и нам. Он не попустить чваниться и домогаться похвал и славы, говорить приятное, вместо полезного, ежеминутно заниматься составом и красотой выражений, вместо силы мыслей. Войди в мастерскую живописца, и найдешь там великую тишину. Так (пусть будет) и здесь. И здесь мы пишем изображения царские, а не простых людей, красками добродетели. Что это? Опять вы рукоплеще-

те? Дело кажется нелегким; но это не по свойству (его), а оттого, что вследствие сильной привычки вы еще не научились исполнять его. Кисть наша здесь – язык, а художник – Дух Святой. Скажи мне, при совершении таинств бывает ли шум, бывает ли смятение? Когда мы совершаем крещение или что-либо подобное, не тишина ли и безмолвие объемлет все? Это укращение рассеяно на небе. За то осуждают нас и эллины, что мы все делаем как бы напоказ и из честолюбия. Но когда прекратится это, тогда погаснет и страсть – к передним местам. А кто любит похвалы, для того достаточно получить их после слушания, когда он станет собирать плоды. Да, прошу вас, постановим это правило, чтобы исполняя все, как благоугодно Богу, нам сподобиться Его человеколюбия, благодати и щедротами Единородного Его, Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

Слышавше же апостоли Варнава и Павел, растерзаете ризы своя вскочиста в народ, зовуще и глаголюще: мужие, что сия творите? Мы подобострастни есмы вам человецы, благовествующе вам от сих суетных обращатися к Богу живу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже в них (Деян. XIV, 14, 15)

1. Смотри, с какой силой апостолы все делают. Они разорвали одежды, бросились, стали взывать громко, и все это – по расположению души, по отвращению к случившемуся и в знак своей скорби. И действительно прискорбно было, поистине неутешной было скорбью то, что их приняли за богов, как будто они вводили

идолослужение, которое пришли разрушить. А подстроено это было диаволом. Они же не остаются безмолвными, но что? *И мы*, говорят, *подобострастни есмы вам человецы.* Тотчас же остановили зло в самом начале. Не сказали просто: *человецы*, но: подобные вам. Потом, чтобы не подумали, что и они почитают богов, послушай, что присовокупляют: *благовествующе вам от сих суетных обращатися к Богу живу иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже в них.* Смотри: они не упоминают о пророках, и не говорят, для чего (Бог), будучи Создателем всего, попустил язычникам жить по своим законам. *Иже в мимошедшыя роды оставил бе вся языки ходити в путех их* (ст. 16). О том, что (Бог) попустил, (Павел) говорит, а для чего попустил, еще не (говорит); останавливается пока на самом нужном, не упоминая и о имени Христа. *И убо не несвидетельствована себе остави, благотворя, с небесе нам дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселием сердца наша* (ст. 17). Смотри: он не хочет увеличивать вины их, но научает их лучше относить все к Богу. (Апостолы) знали, что не столько должно заботиться о том, чтобы сказать что-либо достойное о Боге, сколько о том, чтобы сказать полезное слушателям. Заметь, как прикровенно он указывает и на вину их. Ведь если (Бог) столько делал для них, то они достойны наказания за то, что, наслаждаясь такими благами, не познали своего Питателя. Но он не говорит этого явственно, а только намекает, говоря: *с небесе нам дожди дая.* Так и Давид говорил: *от плода пшеницы, вина и елеа своего умножишася* (Пс. IV, 8); и во многих других местах, когда рассуждает о творении, указывает на это. Иеремия также говорит сначала о творении, а потом о промышлении, являющемся (в ниспослании) дождей. Ими и он руководствуется в своей речи. *Исполняя*, говорит, *пищею и веселием.* Пища (подается) в изобилии, а не только в довольстве и соответственно нужде. *И сия глаголюще, едва устависта*

народы не жрети им (ст. 18). Поэтому они еще более достойны были удивления. Видишь ли, что они о том и заботились, чтобы остановить это безумие? *Приидоша же от Антиохии и Иконии Иудеи, и наустивше народы, и камением побивше Павла, извлекоша вне града, мняще его умерша* (ст. 19). Подлинно сыны диавола! Не только в своих городах, но и вне их они поступают так и употребляют столько же усилий к вреду проповеди, сколько апостолы к ее утверждению. *И наустивше*, говорит, *народы, и камением побивше Павла, извлекоша вне града.* Здесь исполняется сказанное: *довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Это больше, нежели воздвигнуть хромого. Язычники приняли их за богов, а иудеи *извлекоша, наустивше народы:* не всем же было обычно удивление относительно их (апостолов). И смотри, в том же самом городе, в котором столько удивлялись им, они претерпевают страдания; и это было полезно для видевших. А что (Бог) для этого попустил им страдать, послушай, как (сам апостол) указывает на то, когда говорит: *да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя или слышит что от мене* (2 Кор. XII, 6).

Окрест же ставшим его учеником, востав вниде во град (ст. 20). Видишь ли его ревность? Видишь ли горячее и пламенное усердие? Он вошел опять в тот же самый город, и отсюда делается явным, что если он (потом) и удалился, то потому, что хотел сеять слово (в других местах) и что не нужно было раздражать ярость их. Это не менее чудес прославляло их и еще более радовало. Нигде не говорится, чтобы они возвратились, радуясь о том, что сотворили знамения, но — что удостоились принять бесчестье за имя Его. Этому научились они от Христа, Который сказал: *не радуйтеся, яко бесы вам повинуются* (Лк. X, 20). Истинная и чистая радость — потерпеть что-либо за Христа. Потом они посетили все те города, в которых подвергались опасностям. *И наутрие*

изыде с Варнавою в Дервию. Благовествовавше же граду тому и научивше многи, возвратишася в Листру и Иконию и Антиохию, утверждающе души учеников, моляще пребыти в вере, и яко многими скорбми, подобает нам внити в царствие Божие (ст. 21, 22).

2. Так они говорили, так убеждали. *Утверждающе,* говорит (писатель), *души учеников.* Таким образом они были утверждаемы и еще более присоединялись. Предсказывали им (страдания), чтобы те не соблазнились, так как следовало одному и тому же быть не только с апостолами, но и с учениками, чтобы они тотчас же с самого начала познали и силу проповеди, и то, что и им надлежит страдать, и чтобы стояли мужественно, не удивляясь только знамениям, но еще более (укрепляясь) против искушений. Потому и сам он сказал: *той же подвиг имуще, яков же во мне видесте и* слышасте (Флп. 1, 30). Гонения следовали за гонениями, повсюду были брани, преследования, побивание камнями: каково утешение? Как они убеждали, в самом начале беседуя о страданиях? Но вот и другое утешение. *Рукоположше же им пресвитеры, на вся церкви и помолившеся с постом, предаша их Господеви, в него же увероваша* (ст. 23). Видишь ли ревность Павла? *Помолившеся,* говорит, *с постом, предаша их Господеви.* Вот рукоположение с постом; опять пост, очищение душ наших. *И прошедше Писидию, приидоша в Памфилию: и глаголавше в Пергии слово, снидоша во Атталию* (ст. 24, 25). Чтобы ученики не пали духом оттого, что принятые за богов претерпевают такие страдания, — они пришли к ним и беседовали. И заметь: наперед отходят в Дервию, чтобы дать им успокоиться от ярости; а потом опять в Листру, Иконию и Антиохию, уступая им, когда они были раздражены, и опять обращаясь к ним, когда они успокоились. Видишь ли, как они не все совершали благодатью, но иное и собственным тщанием? *И оттуду отплыша во Антиохию, отнюду же*

быша преданы благодати Божией в дело, еже скончаша (ст. 26). Для чего приходят опять в Антиохию? Чтобы возвестить о случившемся там. Кроме того через это устрояется и великое дело: надлежало наконец открыто проповедовать язычникам; потому они и приходят возвестить, чтобы те могли знать об этом, – а случилось, что тогда же пришли и возбранявшие беседовать с язычниками, – и чтобы они, получив потом подтверждение из Иерусалима, шли (к язычникам) открыто. Или иначе: из этого обнаруживается их не надменный нрав. Придя, они показывают и свое дерзновение, так как они и без тех (апостолов) возвещали язычникам, и послушание, так как извещают их об этом; совершив такие дела, они не возгордились. *Отнюду же беша преданы*, говорит (писатель), *благодати Божией.* Дух повелел тогда; но известно, что принадлежащее Духу принадлежит и Сыну, потому что одна у Них власть, как одна природа Сына и Духа. *Пришедше же и собравше Церковъ, сказаша, елика сотвори Бог с ними, и яко отверзи* Бог *языком дверь веры. Пребыша же тамо время не мало со ученики* (ст. 27, 28). И следовало, потому что город был большой и имел нужду в учителях. Но обратимся к вышесказанному. Они поразили их самым видом своим, разодрав одежды. Тоже сделал и Иисус Навин после поражения народа (израильского – Нав. VII, 6). Не подумай, что это недостойно их и их благоповедения: иначе они не остановили бы такого порыва, иначе не угасили бы этого пламени. Так и мы да не оставляем делать то, что бывает нужно. Если и таким образом они едва убедили их, то чего не было бы, если бы они не поступили так? Если бы они не сделали этого, то можно было бы подумать, что они не смиренномудры и более заботятся о собственной чести. И обрати внимание на речь, умеренную в упреке, исполненную вместе удивления и упрека. Это-то особенно и остановило тех, то есть слово: *и мы, подобостра-*

стии есмы, вам человецы, благовествующе вам от сих суетных обращатися к Богу. Как бы так сказали: хотя мы – люди, но больше этих (богов), потому что они мертвы. Смотри, как они не только останавливают, но и научают, и ничего не говорят о предметах невидимых. *Иже сотвори*, говорит, *небо и землю, и море, и вся, яже в них.* Свидетелями называет самые времена. О, неистовство иудеев! Они осмелились прийти к народу, столько почтившему апостолов, и побить камнями Павла. Извлекли его за город, может быть боясь народа. *И помолившеся*, говорит (писатель), *с постом, предаша их Господеви.* Учили поститься среди искушений. Не говорили о том, что они сами сделали, но *елика Бог сотвори с ними.* Мне кажется, что они говорили об искушениях. Пришли сюда не напрасно и не с тем, чтобы успокоиться, но предусмотрительно будучи руководимы Духом, чтобы более утвердилась проповедь между язычниками. Но почему, скажешь, они не поставили пресвитеров в Кипре и в Самарии? Потому что последняя была недалеко от апостолов, а первый – от Антиохии, отчего слово (там) и поддерживалось; здесь же имели нужду в большем утешении, особенно веруюшие из язычников, которых надлежало много научать. Они пришли научать, потому что были истинно рукоположены Духом. И посмотри на ревность Павла. Он не спрашивает, должно ли проповедовать язычникам, но тотчас же проповедует; потому он и говорил о себе: *не приложихся плоти и крови* (Гал. 1, 16).

3. Подлинно, скорбь – великое благо и украшение великой и благородной души. Как многие уверовали после этого, и никто столько не прославился! Так и нам всегда нужна ревность, великая горячность души и готовность ее к смерти. Невозможно ведь получить царствие иначе, как через крест. Не будем же обольщать себя. Если во время войны невозможно спастись, предаваясь неге, заботясь об имуществе, занимаясь торгов-

лей и оставаясь в беспечности, то тем более во время этой брани. Или вы думаете, что эта брань не жесточе всех других? *Несть наша брань*, говорит (апостол), *к крови и плоти* (Еф. VII, 12). Обедаем ли мы, ходим ли, моемся ли, – враг всегда стоит подле нас. Он не знает времени отдыха, разве только во время сна; но часто и тогда нападает, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидениями. А мы, считая маловажным то, из-за чего он нападает, не бодрствуем, не трезвимся, не взираем на множество враждебных нам сил, не думаем, что это самое и есть величайшее бедствие, но среди столь многих браней предаемся неге, как будто среди мира. Поверьте мне, и теперь можно терпеть страдания лютее тех, какие претерпел Павел. Тогда побивали его камнями, а теперь можно быть побиваему словами тяжелее камней. Что же надобно делать? То, что он делал. Он не возненавидел побивающих его, но после того, как извлекли его вон, опять вошел в город, чтобы благодетельствовать столько оскорбившим его. Если и ты перенес оскорбление от обидчика, поступившего с тобой несправедливо, то и ты как бы побиваем был камнями. Не говори: я не сделал ничего худого. А Павел что сделал такое, за чтобы побивать его камнями? Он проповедовал о царствии, отклонял от заблуждения, приводил к Богу: это достойно венцов, достойно славы, достойно неисчислимых наград, а не камней, – и однако он потерпел противное. Но это и есть блистательная победа. *И извлекоша его*, говорит (писатель). И тебя часто влекут. Но ты не гневайся, а проповедуй слово (Божие), посредством кротости. Оскорбил ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь: таким образом и ты возвестишь слово (Божие), научишь кротости, внушишь смирение. Я знаю многих, которые не столько страдают от ран, сколько от оскорбления словами, потому что рана касается тела, а это – души. Но

не будем огорчаться, или лучше, когда мы оскорблены, будем терпеть. Не видите ли, как борцы, будучи ранены в голову, потеряв зубы, спокойно переносят боль? Но здесь не нужно скрежетать, не нужно кусать зубами. Вспомни о твоем Владыке, и это воспоминание тотчас сделается для тебя врачеством; вспомни о Павле; рассуди, что ты, получая рану, остаешься победителем, а тот, нанося рану, побежденным, и этим уврачуешь все. Не увлекайся в (первую) минуту, и ты тотчас исправишь все; не поддавайся (первому) движению, и угасишь все. Великое утешение – потерпеть что-либо за Христа. Если ты не возвещаешь слова веры, то возвещаешь слово любомудрия. Но, скажешь, чем более (обидчик) видит кротости, тем более нападает. Неужели же ты огорчаешься тем, что он умножает для тебя награды? Но, скажут, он делается неукротимым. Это предлог твоего малодушия; напротив, тогда он делается неукротимым, когда ты мстишь. Если бы Бог знал, что вследствие не мстительности оскорбители делаются неукротимыми, то не заповедал бы ее, а сказал бы: мсти за себя; но Он знает, что она приносит более пользы.

Не полагай законов, противных Богу; Ему повинуйся; ты не лучше Сотворившего нас. Он сказал: переноси оскорбления; а ты говоришь: я отомщу оскорбителю, чтобы он не сделался неукротимым. Так ты более (Бога) печешься о нем? Это – слова страсти, строптивости, гордости, противления заповедям Божиим. Если бы даже он потерпел от того вред, то не следует ли повиноваться? Когда Бог повелевает что-нибудь, мы не должны полагать законов, противных Ему. *Ответ смирен*, говорит (Премудрый), *отвращает ярость* (Притч. XV, 1). Вот, что делает (ответ) смиренный, а не противоречивый. Если это полезно для тебя, то полезно и для него; если же вредно для тебя, который думаешь исправить его, то тем более для него. *Врачу, исцелися сам* (Лк. IV, 23). Ска-

зал ли он худо (о тебе)? Ты похвали (его). Поносил ли? Ты превозноси. Замышлял ли зло? Ты окажи благодеяние. Воздай ему противным, если точно печешься о его спасении, а не старайся удовлетворить своей страсти мщения. Но, скажешь, неоднократно испытав мое долготерпение, он сделался хуже. Это касается не тебя, а его. Хочешь ли узнать, что претерпел Бог? Жертвенники Его разрушили, пророков убили (см.: Рим. XI, 3), а Он перенес все. Не мог ли Он ниспослать молнии свыше? Но после того, как посланных Им пророков убили, Он послал Сына. Когда они обнаруживали большое нечестие, тогда Он оказывал благодеяния. Так и ты, когда видишь (гневливого) ожесточившимся, тогда тем более уступи, потому что самое ожесточение его имеет нужду в большем послаблении. Чем сильнее он оскорбляет, тем в большей кротости имеет нужду. Подобно тому как горячка, когда особенно усиливается, тогда требует спокойствия, так и ожесточившийся. Когда зверь слишком рассвирепеет, тогда мы все убегаем от него, — так и от гневного. Не подумай, что это честь для него: разве мы хотим почтить зверя или беснующихся, когда убегаем от них? Нисколько. Это — бесчестье и укоризна; или лучше, не бесчестье и укоризна, но снисхождение и человеколюбие. Не видишь ли, как мореплаватели, когда поднимается сильный ветер, спускают паруса, чтобы не потопить корабля? И всадник, когда кони понесут его, дает им волю и не удерживает, чтобы напрасно не истощить (своей) силы.

4. Так поступай и ты. Гнев — это огонь, это сильный пламень, требующий: (горючего) вещества; не давай пищи огню, и скоро прекратишь зло. Гнев не имеет силы сам по себе, если кто-либо другой не будет поддерживать его. Ничто не может оправдать тебя. Тот одержим неистовством, и не знает, что делает; а если ты, взирая на него, впадаешь в тоже и не умудряешься

его примером, то можешь ли получить прощение? Если бы кто, находясь на пиршестве, увидел другого в преддверии в пьяном и безобразном виде, а потом и сам впал в то же, не будет ли это непростительно тем более, что он упился после того? Так и здесь. Не будем думать, будто можно сказать в оправдание: не я начал; это служит к нашему же обвинению, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, как если бы кто сказал: убил не я первый. Потому-то ты и достоин наказания, что, видя и пример, не удержал себя.

Если бы ты видел, как пьяный блюет, мучится, терзается, выпучивает глаза, наполняет стол нечистотой, и все убегают от него, а потом сам впал в то же, то не тем ли более ты был бы отвратителен? Таков и гневающийся. Он напрягает жилы более блюющего, распаляет глаза, терзается внутренностями, изрыгает слова гораздо сквернее той пищи, говорит все как бы непереваренное и ничего дельного, – потому что гнев препятствует, – и как там часто избыток мокрот, раздражая желудок, совершенно истощает его, так и здесь избыток жара, возмущая душу, не позволяет скрывать того, о чем лучше бы молчать, и гневающийся говорит все, что следует и чего не следует, посрамляя не слушающих, но самого себя. И как мы убегаем от блюющих, так и от гневающихся. Что мы делаем тогда? Посыплем пепел на их блевотину, тихонько подзовем псов, чтобы они съели изблеванное. Знаю, что вы слушаете с отвращением; но мне хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояние, а не услаждались им. Гневливый нечистее пса, возвращающегося на свою блевотину (см.: 2 Петр. II, 22): если бы он, изблевав однажды, перестал, то не был бы подобен ему; если же опять изблевывает то же, то очевидно, что он пожрал изблеванное. Но что сквернее этого? Что нечистее уст, пожирающих такую пищу? Притом первое есть дело природы,

а последнее — нет; или лучше, и то и другое противно природе. Как? Так; гневаться всуе (см.: Мф. V, 22) не свойственно природе, но противно ей; потому он и не говорит ничего, как человек, но иное как зверь, иное как беснующийся. Как телесная болезнь противна природе, так и это. А то, что это противно природе, (видно из того), что, если он долго останется в таком состоянии, то мало-помалу погибнет; а оставаясь долго в том, что свойственно природе, не погибнет. Я желал бы лучше разделять трапезу с человеком, питающимся грязью, нежели о произносящим такие слова. Не видите ли, как свиньи пожирают кал? Так и эти. Что в самом деле срамнее слов, которые произносят гневливые? Они как бы стараются не сказать ничего здорового, ничего чистого, но что только есть постыдного, что только есть безобразного, то и стараются сказать и сделать; и что всего хуже, посрамляя более самих себя, думают, будто посрамляют других; а что они посрамляют самих себя, видно из вышесказанного. Не возражай мне, что они говорят ложь. Пусть например отъявленная блудница, или кто другой из действующих на зрелищах ведет с кем-нибудь ссору; пусть этот скажет ему такие слова, а он этому точно также: кто из них будет более оскорблен такими словами? Тот слышит то, что в нем есть, а этот, чего в нем нет; таким образом в том ничего не прибыло к стыду его, а у этого многое прибавилось к стыду его. Но пусть действительно будут какие-либо дела, о которых знает один только гневливый, и пусть он, молчав прежде, обнаружит их во время гнева; и в таком случае он более вредит самому себе. Каким образом? Соделываясь провозвестником зла, заслуживая славу бессовестного и неверного; он увидит, как все тотчас будут порицать его и везде говорить так: если бы он знал даже об убийстве, скажут, то и это все высказал бы. Все будут отвращаться от него, как от нечеловека,

ненавидеть его, называть свирепым и диким зверем, и скорее простят тому, нежели ему. Мы не столько отвращаемся от тех, которые имеют раны, сколько от тех, которые стараются обнажить и показать их. Так и он оскорбляет не того только, но и самого себя и слушающих и всю вообще природу человеческую; он поразил слушателя, но ничего доброго не сделал. Потому Павел и говорит: *еже есть благо слово к созданию, да даст благодать слышащим* (Еф. VI, 29). Будем же иметь язык, изрекающий доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многие хвалятся тем, чего надлежало бы стыдиться. Многие произносят такую угрозу: ты не устоишь, говорят, против языка моего. Такие слова свойственны женщине пьяной и беспорядочной, старухе непотребной, которую преследуют на торжище. Нет ничего постыднее этих слов; нет ничего недостойнее мужа, ничего женоподобнее, как в языке полагать свою силу и хвалиться злословием, подобно действующим на зрелищах, подобно шутам, тунеядцам и льстецам. Более свиньи, нежели люди, — те, которые этим хвалятся. Тебе надлежало бы скрыть это от самого себя, и если бы кто другой сказал тебе об этом, надлежало бы бежать от слов его, как враждебных и недостойных мужа; а ты сам делаешься провозвестником укоризн. Но ты нисколько не повредишь слушающему от тебя злое. Потому, увещеваю, уразумев, как велико это зло, которым многие даже хвалятся, опомнимся, исправим преданных этому безумию, изгоним из города такие общества, благоустроим наш язык и воздержим его от всякого злословия, чтобы, очистившись от грехов, мы могли приобрести благоволение свыше и сподобиться человеколюбия Божия, благодатью и щедротами Единородного Его, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

Пребыша же тамо, говорит, время не мало со ученики. И нецыи сшедше от Иудеи, учаху братию, яко аще не обрежетеся по обычаю Моисеову, не можете спастися (Деян. XIV, 28; XV, 1)

1. Смотри, как везде (иудеи) сами подают повод и вынуждают (апостолов) обращаться к язычникам. Прежде, будучи порицаем, (Павел) оправдывался и в свое оправдание сказал все, что делало слово его удобоприемлемым; а затем, когда иудеи отвратились, пошел к язычникам. Теперь опять, видя новое затруднение, он поставляет закон. Так как они (Павел и Варнава), как наученные Богом, говорили без различия всем, то это и возбудило ревность в тех из иудеев, которые учили не только обрезанию, но и тому, что (без него) *не можете спастися*. Благовременно было сказать напротив: *аще обрежетеся, не можете спастися*. Видишь ли беспрестанные искушения изнутри и извне? Хорошо, что это происходит в присутствии Павла, который мог сделать возражение. Но Павел не сказал: что же? Неужели я не заслуживаю доверия после таких знамений? – а поступил кротко для них же. И смотри: все после этого узнают о случившемся с язычниками, даже и самаряне, и радуются. *Бывшей же распри и стязанию немалу Павлу и Варнаве к ним, учиниша взыти Павлу и Варнаве и неким другим от них ко апостолом и старцем во Иерусалим о вопрошении семь. Они же убо предпослани бывше от Церкве, прохождаху Финикию и Самарию, поведающе обращение языков: и творяху радость велию всей братии. Пришедше же во Иерусалим, прияти быша от Церкве и апостол и старец, сказаша же, елика сотвори Бог с ними* (ст. 2–4). Смотри, как это благоустрояется. *Восташа же нецыи от ереси фарисейския веровавшии, глаголюще, яко подобает обрезати их, завещавати же блюсти закон Моисеов. Собрашася же апостоли и*

старцы видети о словеси сем. Многу же взысканию бывшу, востав Петр рече к ним: мужие братие, вы весте, яко от дний первых Бог в вас *избра усты моими услышати языком слово благовестия и веровати* (ст. 4–7). Смотри, как Петр доселе сообщается с иудеями, будучи давно уже отделен от этого (общения). Вы *весте,* говорит. Вероятно, здесь были и обвинявшие его прежде за Корнилия, и входившие вместе с ним (в дом Корнилия – Деян. XI, 12); потому он приводит их в свидетели. *От дний первых Бог в вас избра.* Что значит: *в вас?* То есть, говорит, в Палестине, или – в присутствии вашем. *Усты моими.* Смотри, как он показывает, что Бог говорит через него, а не что-либо человеческое. *И сердцеведец Бог свидетельствова им.* Указывает им на свидетельство Духа. *Дав им Духа Святаго, якоже и нам* (ст. 8). Смотри, как везде он равняет язычников (с иудеями). *И ничтоже разсуди между нами же и онеми, вкрою очищ сердца их* (ст. 9). По вере одной, говорит, они получили то же самое. Это служит к стыду иудеев, или лучше, может и их научить, что нужна одна вера, а не дела (закона) и не обрезание. Говоря это, (апостолы) желают не оправдать только язычников, но научить и иудеев – оставить закон. Впрочем они еще не выражают этого. *Ныне убо что искушаете Бога, хотяще возложити иго на выи учеником, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохом понести? Но благодатию Господа Иисуса веруем спастися, якоже и они* (ст. 10. 11). Что значит: *искушаете Бога?* Что не веруете, говорит, Богу? Что искушаете Его, как будто Он не может спасти верой? Следовательно, держаться закона есть (знак) неверия. Затем показывает, что они и сами не получают от того никакой пользы, но все слагает на закон, а не на них, и таким образом смягчает обличение. *Егоже,* говорит, *ни отцы наши, ни мы возмогохом понести. Но благодатию Господа Иисуса Христа веруем спастися, якоже и они.* Какой силы исполнены эти слова! Он говорит тоже, о чем пространнее сказал

Павел в послании к Римлянам: *аще бо Авраам от дел оправдася*, говорит он, *имать похвалу, но не у Бога* (Рим. IV, 2). Видишь ли, что это служит более к научению (иудеев), нежели к оправданию язычников? Если бы он говорил об этом без особенного повода, то может быть не выразил бы такого замечания; но получив тогда повод, он уже говорит безбоязненно. И смотри, как везде действия врагов обращаются в пользу апостолов. Если бы они не подали повода, то не было бы изречено ни это, ни то, что следует за этим. А отсюда они научаются, что хотя бы язычники и не захотели обратиться, и тогда не следует презирать их. Но обратимся к вышесказанному. В вас, говорит, *избра*, и *от дний первых*. Этими словами показывает, что (Это было) давно, а не теперь. Немаловажно и то, что это относится к верующим иудеям. Двумя обстоятельствами подтверждается сказанное: временем и местом. Хорошо также сказано: *избра;* не сказал: благоволил как бы к ним, но: *избра*. Откуда это известно? От Духа, говорит. Потом показывает, что не о благодати только, но и о добродетели их свидетельствует то, что им дано нисколько не менее. *Ничтоже разсуди*, говорит, *между нами же и онеми*. Следовательно везде должно исследовать сердца. Благовременно сказал: *сердцеведец Бог свидетельствова им*, подобно как в том месте: *Ты Господи сердцеведче всех, покажи* (Деян. I, 24). А что это угодно (Богу), смотри, что присовокупляет: *ничтоже разсуди между нами же и онеми*. Сказав о свидетельстве касательно них, потом изрекает великую истину, которую возвещает Павел: *ни обрезание что может, ни необрезание* (Гал. V, 6), и еще: *да оба созиждет собою* (Еф. II, 15). Семена всего этого заключаются в речи Петра. Не сказал: между обрезанными, но: *между нами*, то есть апостолами. Потом, чтобы не огорчить словом: *ничтоже*, прибавляет: *верою очищ сердца их*, и таким образом разрешает недоумение. Сначала он изъяснил пред-

мет речи, а потом показывает, что не закон худ, но они сами слабы.

2. Смотри, как он устрашает в конце речи. Он ничего не говорит им из пророков, но (ссылается) на настоящие события, которых они сами были свидетелями. Вероятно, и они потом свидетельствуют и подтверждают речь его событиями. И заметь, (Петр) дает сначала произойти рассуждению в Церкви, и потом говорит. Так как он говорил не об обрезанных, а о язычниках (одно, постепенно подтверждаясь, делалось более доказательным, а другое было свойственно испытующему, можно ли спастись при законе), то смотри, что он делает: он показывает, что они сами в опасности, если закон не мог сделать того, что сделала вера; если же недостает веры, то неизбежно им угрожает погибель. Не сказал: вы не веруете, что было бы слишком тягостно, когда притом самое дело доказывало, это. В Иерусалиме не было язычников, а в Антиохии: они, конечно, были; потому (Павел и Варнава) и отправляются туда и пребывают там немалое время. Восстали же некоторые из фарисеев, еще страдавшие любоначалием и желавшие подчинить себе верующих из язычников. Павел также был научен в законе, но не страдал этим недугом; по прибытии же его (из Иерусалима) учение стало более точным, так как если находящиеся в Иерусалиме не заповедуют ничего такого, то тем более (не должны заповедовать) они. Видишь ли, как они не страдают любоначалием, радуются о вере? Таким образом рассказы их были не из честолюбия и не из тщеславия, но для оправдания проповеди к язычникам; потому они и не говорят ничего о случившемся с иудеями. Велико упорство фарисеев, после веры налагающих закон и не повинующихся апостолам! Но посмотри, как эти беседуют кротко и без самолюбия; такие беседы приятны и сильнее напечатлеваются.

Видишь ли, как они никогда не заботятся о красноречии, но доказывают делами и Духом? И при таких доказательствах они беседуют кротко. И смотри: они не идут порицать бывших в Антиохии, но отсюда опять берут повод (к своим распоряжениям). Таким образом заботились о любоначалии те, которые были осуждены и без намерения апостолов. Впрочем, ничего такого они не произносили; но когда уже решили дело, тогда и написали с большей силой. Так кротость всегда есть великое благо; кротость, говорю, а не холодность; кротость, а не лесть, – потому что эти свойства весьма различны между собой.

Ничто не раздражало Павла, ничто – Петра. Если ты имеешь доказательства, то для чего гневаешься? Не для того ли, чтобы сделать и их недействительными? Никогда не может убедить гневающийся. Вчера мы рассуждали о гневе; ничто не препятствует говорить (о том же) и сегодня; частое повторение, может быть, и сделает что-нибудь. И лекарство, имеющее силу исцелить рану, если не будет прилагаемо часто, испортит все. Не подумайте же, будто от невнимания к вам мы часто говорим об одном и том же; если бы мы не обращали внимания, то и не говорили бы; но мы потому теперь говорим это, что надеемся принести вам великую пользу. О, если бы мы постоянно говорили об одном и том же! О, если бы у нас не было ни другого предмета разговоров, ни другой заботы, кроме того, как бы обуздать наши страсти! Не странно ли, – тогда как у царей, живущих в изобилии и такой чести, нет другого разговора ни за столом, ни в иное время, кроме того, как бы победить врагов, для чего они и делают каждый день совещания, собирают военачальников и воинов, требуют податей и в гражданских делах считают необходимым иметь в виду эти два обстоятельства, как бы победить врагов и устроить в мире своих, мы не хотим даже

во сне рассуждать о таких предметах? О том, как бы купить поле, как (приобрести) рабов и увеличить имущество, мы рассуждаем каждый день и не знаем сытости; а о наших, поистине наших делах не хотим ни сами говорить, ни других говорящих о том слушать. О чем же, скажи мне, желаешь ты беседовать? Об обеде? Но об этом говорить свойственно поварам. О деньгах? Но это – (дело) купцов и торговцев. О строениях? Но это – архитекторов и домостроителей. О земле? Но это – земледельцев. Наше же дело не иное какое, а то, как бы стяжать богатство для души. Потому да не будет вам противно наше слово. Отчего никто не осуждает врача, постоянно рассуждающего о врачебном искусстве, ни других художников, рассуждающих о своих художествах? Если бы наши страсти были так укрощены, что не нужно было бы и напоминать о них, то справедливо могли бы нас упрекать в честолюбии и тщеславии. Впрочем и тогда не (могли бы). Если бы они и были укрощены, и тогда нужно было бы говорить, чтобы не впасть в них снова. И врачи беседуют не только с больными, но и со здоровыми; есть у них и книги такого содержания, чтобы одних исцелять от болезни, а другим сохранять здоровье. Так и нам, хотя бы мы и были здоровы, не следует уклоняться, но делать все, чтобы сохранить свое здоровье.

3. Если же мы больны, то для нас вдвойне нужны эти беседы: во-первых, чтобы исцелиться от болезни; во-вторых, чтобы исцелившись не впасть в нее снова. Итак, мы будем беседовать ныне по способу врачебному, а не по такому, какой приличен в здоровом состоянии. Каким же образом можно исторгнуть эту злую страсть? Как утолить эту сильную горячку? Посмотрим, откуда она произошла, и уничтожим причину. Откуда же она обыкновенно происходит? От надменности и великой гордости. Уничтожим эту причину, и вместе

уничтожится болезнь. А что такое надменность? Откуда она происходит? Может быть, мы находимся в опасности найти еще другое начало. Таким образом, какую (причину) укажет нам слово, на ту и устремимся, чтобы исторгнуть зло в основании и с корнем. Откуда же надменность? От того, что мы не испытуем себя самих; о свойствах земли, хотя мы и не земледельцы, стараемся узнать, также о свойствах растений, о свойствах золота, хотя мы и не торговцы, об одеждах и обо всем, а относительно нас самих и нашей природы не стараемся этого делать. Но кто же, скажешь, не знает собственной природы? Многие, и может быть все, кроме немногих. Если угодно, отсюда я и начну обличение. Скажи мне: что такое человек? Если кого спросить: чем он отличается от бессловесных, как он сроден существам небесным, что может сделаться из человека, — мог ли бы он отвечать правильно? Не думаю. Как о какой-нибудь вещи, так и о человеке (можно сказать): человек есть существо; но он может сделаться и ангелом и зверем. Не странными ли кажутся вам эти слова? Но вы часто слышали их в Писаниях; там о некоторых людях говорится, что *ангел Господа есть; и закона*, говорит, *взыщут от уст его* (Мал. II, 7); и еще: *посылаю ангела моего пред лицем моим* (III, 1); о некоторых же, что они — змеи, *порождения ехиднова* (Мф. XII, 34). Так, по собственному настроению, он может быть всем, и ангелом, и человеком. Что я говорю ангелом? И сыном Божиим: *аз рех*, говорит (Писание), *бози есте и сынове Вышняго еси* (Пс. LXXXI, 6). А еще важнее то, что он сам имеет власть делаться и богом, и ангелом, и сыном Божиим. Человек даже созидает ангела. Может быть вас изумляют эти слова? Но послушайте, что говорит Христос: *в воскресение ни женятся, ни посягают, но яко ангели суть* (Мф. XXII, 30), и еще: *могий вместити, да вместит* (XIX, 12). Вообще ангелами делает доб-

родетель, а добродетель в нашей власти; следовательно, мы можем созидать ангелов, если не по естеству, то по произволению. Без добродетели нет никакой пользы быть ангелом по естеству; это доказывает диавол, бывший таким прежде; а с ней нет никакого вреда быть человеком по естеству; это доказывают Иоанн, бывший человеком, и Илия, восшедший на небо, и все, имеющие отойти туда. Им и тело не воспрепятствовало обитать на небе; а те, будучи бестелесными, не могли остаться на небе. Потому пусть никто не скорбит и не жалуется на свою природу, как бы она препятствовала, но на свое произволение. Тот лев сделался из бестелесного: *се*, говорит (апостол), *супостат наш яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. V, 8); а мы (делаемся) ангелами из телесных. Подобно тому, как кто-либо, найдя драгоценное вещество, например жемчуг, или перл, или другое что подобное, и пренебрег им, как не сведущий в таких вещах, понес бы великую потерю, так и мы, если не будем знать своей природы, то совершенно пренебрежем ею; если же познаем ее, то окажем великое попечение и получим величайшую пользу, потому что из нее бывает царская одежда, из нее — царское жилище, из нее — царские члены, (из нее) — все царское. Не будем же злоупотреблять ко вреду своему собственной природой. *Малым чим умалил нас Бог от ангел* (Пс. VIII, 6), то есть смертью; но и это мы получили на малое время. Итак, ничто не препятствует нам приблизиться к ангелам, если мы захотим. Да будет же, да будет в нас это желание, чтобы нам, совершив свой подвиг, воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII

По умолчании же их, отвеща Иаков, глаголя: мужие братие, послушайте мене. Симеон поведа, яко прежде Бог посети прияти от язык люди о имени своем: и сему согласуют словеса пророк (Деян. XV, 13–15).

1. (Иаков) был епископом иерусалимской Церкви, – потому он и говорит последний. Здесь исполняется сказанное: *при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол* (Мф. XVIII, 16). Посмотри и на благоразумие его: он подтверждает свое слово новыми (учителями) и древними пророками, так как он не мог указать на какое-либо событие, подобно Петру или Павлу. И хорошо устрояется, что это произошло через тех, которые не намеревались остаться в Иерусалиме, а этот (Иаков) поучающий их, не был подчинен им, хотя и не отделялся от их мнения. Что же он говорит? *Мужие братие, послушайте мене. Симеон поведа.* Некоторые говорят, что этот (Иаков) есть тот самый, о котором упоминает Лука (Лк. V, 10); иные (разумеют) другого, соименного ему. Тот ли он или другой, нет нужды исследовать; а только следует принять, как необходимое, то, что сказано им. *Мужие братие*, говорит он. Велико смирение этого мужа и совершенна эта речь; она полагает конец делу. *Яко прежде Бог посети прияти от язык люди о имени своем: и сему согласуют словеса пророк.* Хотя он издавна был известен, но как не был непререкаем, не будучи древним, то присовокупляет древнее пророчество и говорит: *якоже пишет: по сих обращуся и созижду кровъ Давидов падший, и раскопаная его созижду, и исправлю его, яко да взыщут прочии человецы Господа, и еси языцы, в нихже наречеся имя мое, глаголет Господь творяй сия вся* (ст. 15–17). Как? Разве Иерусалим не был возобновлен и после опять не был разрушен? Но не об этом он говорит здесь. О каком же, скажешь, он говорит возобновлении? О том, которое

было после (плена) Вавилонского. *Разумна от века суть Богови вся дела его* (ст. 18). Непререкаемы слова его; здесь (говорит) нет чего-либо нового, но все предызображено от начала. Затем следует его мнение. *Сего ради аз сужду не стужати от язык обращающимся к Богу, но заповедати им огребатися от треб идольских и от блуда и удавленины и от крове. Моисей бо от родов древних по всем градом проповедающия его имать в сонмищах по вся субботы чтомый* (ст. 19–21). Так как они еще не слыхали из закона (об этом предмете), то он прилично приводит изречение из закона, чтобы не показалось, что он нарушается. Но, смотри, он не допускает их выслушать это от закона, но от себя самого: *сужду аз,* то есть выслушав от меня самого, не от закона. Потом постановляется общее решение. *Тогда изволися апостолом и старцем со всей Церковию, избравши* мужи *от них, послати во Антиохию с Павлом и Варнавою, Иуду порицаемого Варсаву и Силу,* мужи нарочитые *в братии, написавше рукама их сия* (ст. 22). Смотри: они не просто постановляют это, но чтобы решение было достоверно и чтобы прибывшие с Павлом не подверглись подозрению, посылают тех от себя. И смотри, как сильно они укоряют (противников) в своем послании: *апостолы, и старцы и братия, сущим во Антиохии и Сирии и Киликии братиям, иже от язык, радоватися. Понеже слышахом, яко нецыи от нас возмутиша вас словесы, развращающе души ваша, глаголюще* обрезати им чада *и блюсти закон, имже мы не завещахом* (ст. 23, 24). Обличение, достаточное для неразумия тех и достойное кротости апостолов, которые не сказали ничего более. *Изволися нам, собравшимся единодушно, избранныя мужи послати к вам, с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, человеки предавшими души своя о имени Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 25, 26). Чтобы показать, что не самовластно, что это всем *изволися,* что они пишут это с рассуждением, он сказал: *избранныя* от нас *мужи.*

А чтобы не показалось порицанием Павла и Варнавы то, что посылают тех, смотри похвалу им: *человеки*, говорит, *предавшими души своя, о имени Господа нашего Иисуса Христа. Послахом убо Иуду и Силу, и тех словом сказующих таяжде. Изволися бо Святому Духу и нам* (ст. 27, 28). Следовательно это не человеческое (учение), если *Духу* так *изволися. Ничтоже множае возложити вам тяготы* (ст. 28). Опять закон называют бременем. Потом делают оговорку касательно следующего: *разве нуждных сих, огребатися от идоложертвенных и удавленины и блуда и крове, от нихже соблюдающе себе добре, сотворите* (ст. 29). Новый (закон) этого не предписывал: Христос нигде не говорит об этом; но они заимствуют это из закона. *И удавленины*, говорит. Здесь запрещается убийство. *Они же убо послани бывше, приидоша во Антиохию: и собравше народ, вдаша писание. Прочетше же, возрадовашася о утешении* (ст. 30, 31). Потом, чтобы показать, что и те утешали их, (писатель) присовокупил: *Иуда же и Сила, и тии пророцы суще, словом мнозем утешаша братию, и утвердиша. Пребывше же тамо время, отпущени быша с миром от братий ко апостолом* (ст. 32, 33).

2. Прекратились несогласия и распри, — потому, утвердив их, они и отошли с миром. С Павлом у них были состязания, но Павел и после того учит. Так, в Церкви не было никакой надменности, но великое благочиние. И смотри: после Петра говорит Павел и никто не останавливает его; Иаков ожидает и не выступает вперед, хотя ему предоставлено было первенство. Ничего не говорит здесь Иоанн, ничего и прочие апостолы, и хотя молчат, но не огорчаются: так душа их была чужда тщеславия! Но обратимся к вышесказанному. *По умолчании же их*, говорит (писатель), *отвеща Иаков глаголя: Симеон поведа, яко прежде Бог посети.* Сначала говорил Петр сильнее, а потом этот кротче. Так всегда нужно поступать тому, кто имеет большую власть, укоризны

предоставлять другим, а самому говорить с большей кротостью. Хорошо он сказал: *Симеон повида,* как бы и тот выражал мнение других. Смотри, насколько древним он представляет это дело. *Прияти*, говорит, *от язык люди о имени своем.* Не просто *избрал,* но о *имени своем,* то есть во славу свою. Не стыдится называть славой имени Его принятие язычников, так как это большая слава. Здесь он указывает на нечто великое. На что же? На то, что они, говорит, (приняты) *прежде* всех. *По сих*, говорит, *обращуся и созижду кровъ Давидов падший.* Кто рассмотрит внимательно, тот найдет, что царство Давида стоит и теперь. Если царствует потомок его, то конечно существует и его царство. Какая польза от зданий и города, когда нет подданных? И какой вред от разрушения города, когда все готовы отдать за него души свои? Таким образом оно не только стоит, но еще сделалось знаменитее всех, потому что прославляется теперь по всей вселенной. Исполнилось одно; должно исполниться и другое. Сказав: *и созижду*, присовокупляет и причину, для чего это, именно: *яко да взыщут прочии человецы Господа.* Если город восстановлен для того, кто (произошел) от них, то очевидно, что причиной создания города было призвание язычников. Кто эти *прочии?* Те, которые остались тогда (не принятыми). Но, смотри, он соблюдает порядок и поставляет их на втором месте. *Глаголет Господь*, говорит, *творяй сия вся.* Не только глаголет, но и творит. Следовательно, призвание язычников есть дело Божие. Впрочем, дело шло о другом, – как выразил ясно и Петр, – о том, что не должно обрезываться язычникам. Для чего же ты говоришь это? Они не то говорили, что не должно принимать их, когда они веруют, но то, что (должно принимать) с соблюдением закона. Петр хорошо объяснил и это; но так как это более всего смущало слушателей, то Иаков опять обращает на это внимание. И смотри: то, что нужно

положить за правило — не соблюдать закона, доказал Петр; а о том, что свойственно нам и давно было принято, говорит (Иаков) и особенно останавливается на том, о чем ничего не было писано, чтобы, уврачевав ум их напоминанием о допущенном, удобно доказать и это. *Сего ради аз сужду не стужати от язык обращающимся к Богу*, то есть не отвращать их. Если Бог призвал, а соблюдение закона отвращает их, то (в этом случае) мы воюем против Бога. Хорошо он сказал: *от язык обращающимся*, показывая тем и Божие о них смотрение свыше, и их покорность и готовность к призванию. Что значит: *сужду аз!* Иначе сказать: с властью говорю, что это так. *Но заповедати им*, говорит, *огребатися от треб идольских и от блуда и удавленины и от крове*. Хотя это касается предметов телесных, но необходимо воздерживаться от них, потому что они производили великое зло. А чтобы кто-нибудь не возразил: почему мы не предписываем того же иудеям? он присовокупил: *Моисей от родов древних по всем градом проповедающия его имать*, то есть Моисей непрестанно говорит им об этом, — что и означают слова: *по вся субботы чтомый*. Смотри, какое снисхождение! В чем (закон) не причинял вреда, в том (апостол) оставил (его) им наставником, и между тем даровал благодать ни в чем не стесняющую, повелев иудеям повиноваться ему во всем и не подчиняя (ему) верующих из язычников. Таким образом, чем по-видимому почтил его и удержал власть его над своими, тем самым устранил от него язычников. Почему же они (иудеи) не научаются от него? По своему непокорству. Отсюда он показывает, что и им ничего более не следует соблюдать (из закона). Если же им не предписывается об этом, то не потому, чтобы они должны были соблюдать что-нибудь более, но потому, что они имеют учителя. Не сказал: не соблазнять их, или: *превратити*, как сказал Павел к Галатам (1, 7), но: *не стужати*, чем означается не иное какое-

либо действие, как только отягощение. Таким образом он разрешил все. По-видимому он заповедует соблюдать закон, потому что из него заимствует эти (предписания), но (в действительности) он отрешил от него, заимствуя только это. Часто было говорено им об этом, но (говорит и он), чтобы показать, что он уважает закон, и притом говорит не от лица Моисея, а от лица апостолов, и, для исполнения многих заповедей, избрал одну. Это особенно и успокоило их. Итак самое разногласие произошло по смотрению (Божию), чтобы после разногласия учете сделалось более твердым. *Тогда,* говорит (писатель), *изволися апостолом* мужи нарочитые *в братии послати.* Не каких-нибудь, но *нарочитых* посылают, после избрания. *Сущим,* говорит, *во Антиохии и Сирии и Киликии,* где народилась болезнь.

3. Смотри, как они не говорят против тех ничего оскорбительного, но заботятся только об одном, чтобы исправить случившееся: это и расположило тамошних возмутителей принять решение. Не сказали: вы прельстители, губители, и тому подобное. Когда нужно было, то Павел поступал так, например, когда он говорит: о *исполнение всякия льсти* (Деян. XIII, 10); но здесь, когда дело было уже исправлено, не было в этом нужды. И смотри: не говорят: *яко нецыи от нас* повелели вам соблюдать закон, но: *возмутиша вас словесы развращающе.* Невозможно выразиться точнее; никто не сказал бы так (хорошо). *Души,* говорит, уже утвержденные, *развращающе,* как бы в здании перелагая уже положенное другими. *Имже,* говорят, *мы не повелехом. Изволися нам собравшимся единодушно с возлюбленными.* Если они *возлюбленные,* то не пренебрегут ими; если *предаша души своя,* то они достойны доверия. *Послахом убо,* говорит, *Иуду и Силу, и тех словом сказующих таяжде.* И следовало явиться не одному только посланию, чтобы не сказали, что сократили (определение), сказали одно вместо другого. Похвала, при-

писанная Павлу, заградила им уста. Потому и отправляются не один только Павел, или Варнава, но и другие от Церкви, чтобы не смотрели на него с подозрением, так как он держался того же учения, и не одни только посланные из Иерусалима. Показывает, как они достойны доверия; они не превозносятся, говорит, не столь неразумны; потому и прибавил: *человеки предавшими души своя о имени Господа нашего Иисуса Христа*. А почему сказано: *изволися Духу Святому и нам*, тогда как достаточно было бы сказать: *Духу Святому*? *Духу Святому* – сказано для того, чтобы не подумали, что это человеческое (учение), а *нам* — для того, чтобы внушить, что и они сами принимают это, хотя и принадлежат к обрезанным. *Ничтоже множае*, говорит, *возложити вам тяготы*. Говорят это потому, что обращают речь к людям немощным и находившимся в страхе; потому и прибавляют это. Но в то же время показывает, что определение является не по снисхождению, не потому будто щадили их, как немощных, — напротив, великое было тогда уважение к учителям, — но потому, что это было бы излишним бременем. Смотри, как кратко послание и не заключает в себе ничего лишнего, ни хитросплетений, ни умозаключений, но только определение: оно было законоположением Духа. Бременем же называют (закон) в разных местах. И опять: *собравше народ, вдаша послание*. По (прочтении) послания и сами обратились (к ним) со словом; а это нужно было, чтобы освободиться от всякого подозрения. *И тии*, говорит (писатель), *пророцы суще, словом мнозем утешиша братию* (ст. 39). Показывает, как они были достойны доверия. Мог (сделать это) и Павел; но следовало и им. *Пребывше же тамо время, отпущени дыша с миром* (ст. 33). Уже нет распри, нет разногласия! Тогда, мне кажется, они приняли десницы (апостолов), как сам Павел говорит: *десницы даша мне и Варнаве общения* (II, 9). Говорит также: *ничтоже мне привозложиша*

(ст. 6), потому что они приняли его мнение и с уважением одобрили. Показывает, что и по человеческому соображению, а не только от Духа, можно видеть, что (язычники) совершали грехи неудобоисправимые; это не требует (вразумления) Духа. Показывает также, что прочее не необходимо и даже излишне, если только это необходимо. *От нихже соблюдающе себе*, говорят, *добре сотворите.* Выражает, что этого достаточно для них и ничего более не нужно. Можно было (заповедать) и без послания; но, чтобы закон был заключен в письмени, они пишут послание. И опять, чтобы было это повиновение закону, и они тем говорили, и те исполняли, и *с миром.* Да не соблазняют и нас еретики. Смотри, сколько было соблазнов в начале (евангельской) проповеди; не говорю о внешних, – эти, ничего не значили, – но о внутренних. И, во-первых, Анания, потом ропот, затем Симон волхв, потом негодование на Петра за Корнилия, затем голод, и наконец это самое главное из зол.

Действительно, как скоро является какое-либо добро, то невозможно, чтобы не примешалось и зло. Не будем же смущаться, если некоторые соблазняются, но и за них будем благодарить Бога, что Он делает нас более опытными. Не скорби только, но и самые искушения делают нас более славными. Держащийся истины, если никто не совращает его, не был бы крепким любителем истины; а когда многие совращают его, тогда он делается славным. Что же? Не для этого ли и бывают соблазны? Не говорю, что будто бы Бог производит их, – да не будет! – но Он и через это зло благодетельствует нам, хотя сам отнюдь не желает его. Дай им, говорит Он, да *едино будут* (Ин. XVII, 21). Если же бывают соблазны, то и они нисколько не вредят им, но приносят пользу. Как мученикам невольно приносят пользу те, которые влекут их на мучение, а Бог отнюдь не побуждает их к тому, так и здесь. Не будем же взи-

рать на то, что (многие) соблазняются. То самое и служит знаком превосходства нашего учения, что многие притворно подражают ему; ведь если бы оно не было хорошо, то они не представлялись бы подражающими. Раскрою это вам яснее.

4. Благовонные масла имеют подделывателей, как например, лист амома. Так как они редки и нужны, то и бывает много поддельных. Никто не станет подделывать что-нибудь другое из вещей дешевых. Так и чистая жизнь имеет многих подделывателей; никто не решится казаться пребывающим в нечистоте, но пребывающим в иночестве. Что же мы будем отвечать эллинам? Вот приходит эллин, и говорит: я хочу быть христианином, но не знаю, к кому присоединиться, – у вас много несогласий и распрей и великое смятение. Какое мне избрать учение? Какое предпочесть? Каждый говорит: я содержу истину. Кому верить, когда я совершенно ничего не знаю в Писаниях? И те (еретики) представляют то же самое. Точно, это бывает между нами. Но если бы мы говорили, что нужно верить умствованиям, то ты справедливо мог бы смущаться; если же мы говорим, что (нужно) веровать Писаниям, которые просты и истинны, то тебе легко (найти) требуемое. Кто согласен с (Писаниями), тот христианин; а кто не согласен с ними, тот далек от этого правила. А что, если он придет и скажет: Писание говорит так, а ты говоришь другое, и вы изъясняете Писания иначе, извращая смысл их? Но, скажи мне, разве ты не имеешь ума и рассудка? Как я, скажет, могу судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть учеником, а ты уже делаешь меня учителем. Если он так скажет, то, говоришь, что мы будем отвечать? Как убедим его? Спросим: не притворство ли это и предлог? Спросим: осуждает ли он эллинов? Во всяком случае он скажет что-нибудь, потому что, не осуждая их, не пришел бы к нам. Спросим о

причине, почему он осуждает, потому что не напрасно же осуждает. Он скажет, как известно: потому что (боги их) суть твари, а не Бог несозданный. Хорошо. После этого, если он найдет тоже в иных ересях, а у нас противное, то нужно ли и говорить более? Все мы исповедуем, что Христос есть Бог. Посмотрим же, кто с этим согласен, и кто не согласен. Мы, называя Его Богом, и говорим о Нем достойное Бога, что Он имеет власть, что Он не есть раб, но свободен, что Он творит все сам Собой; а еретик – напротив. Опять спрошу: когда ты хочешь научиться врачебному искусству, то, скажи мне, просто ли и как случилось принимаешь преподаваемое? У врачей много мнений. Если просто будешь принимать все, что ни услышишь, то это недостойно мужа; если же с умом и рассуждением, то без сомнения научишься доброму. Мы называем Его Сыном, и точно так признаем, как говорим, а еретики называют так, но не исповедуют. Сказать яснее: они имеют некоторых (людей), по имени которых называются, то есть по имени своего ересеначальника, – такова каждая ересь, – а у нас не человек какой-нибудь дал нам название, но сама вера. Итак с твоей стороны это – притворство и предлог. Скажи мне, почему ты, когда хочешь купить одежду, то хотя и не знаешь ткацкого искусства, не говоришь таких слов: я не умею купить, меня обманывают; но употребляешь все, чтобы сделаться сведущим? Когда хочешь купить и другое что-нибудь, то всячески стараешься получить верные сведения; а здесь говоришь это. Судя по этим словам, – ты вовсе не хочешь принимать ничего. Пусть тот, кто не имеет никакого учения, говорит то, что ты говоришь о христианах: «так много их и столько различных содержат учений: один – эллин, другой – иудей, иной – христианин; не нужно принимать ни одного учения, потому что они противоречат друг другу; я ученик, не хочу быть судьей и не

могу осуждать ни одного учения». Но у тебя такой предлог не имеет места. Если ты был в состоянии отвергнуть ложное, то будешь в состоянии, придя сюда, оценить и истинное. Кто не осуждает никакого учения, тот легко скажет это; но осудивший какое-нибудь, хотя он еще не избрал ничего другого, с течением времени может узнать нужное. Не станем же притворяться и изобретать предлоги: все легко. Если хочешь, я покажу тебе, что это только предлог. Ты знаешь, что должно делать и чего не должно? Почему же делаешь не то, что должно, а чего не должно? Делай, что должно, и с правыми мыслями проси от Бога, и Он конечно откроет тебе. *Не на лица зрит Бог*, говорит (Писание), *но во всяком языце, бояйся его и делаяй правду приятен ему есть* (Деян. X, 34, 35). Кто слушает без предрассудка, тот не может не убедиться. Как в том случае, когда есть какое-либо мерило, по которому можно определять все, не требуется больших рассуждений, а легко обличить измеряющего неверно, так и теперь. Отчего же не видят? Много содействуют тому предрассудки и человеческие побуждения. Но, скажешь, то же самое и они об нас говорят? Как? Разве мы отделились от Церкви? Разве мы имеем ересеначальников? Разве мы называемся по имени людей? Разве есть у нас какой-нибудь предводитель, подобно как у них, у того Маркион, у другого Манихей, у иного Арий, а у иного еще какой-нибудь начальник ереси? Хотя и мы имеем известное название, но не (имеем) начальников ереси, а предстоятелей наших и правителей Церкви. Мы не имеем учителей на земле, — да не будет! — а имеем *единого, иже на небесех* (Мф. XXIII, 9, 10). И они, скажешь, утверждают то же? Но у них есть название, осуждающее их и заграждающее им уста. Много было эллинов, и никто не предлагал таких вопросов; и у философов было тоже, но это не препятствовало никому из тех, кто имел здравое учение. Потому и об иудеях

не говорили, — когда они занимались этим, — что между ними есть такие-то и такие: кому из них нам следует верить? Но верили, как должно. Будем же и мы покоряться законам Божиим и во всем делать угодное Ему и поступать по воле Его, доколе продолжаем настоящую жизнь, чтобы, прожив добродетельно остальное время нашей жизни, мы могли получить блага, обетованные любящим Его, и сподобились чести с угодившими Ему, благодатью и человеколюбием единородного Сына Его и всесвятого и животворящего Духа, единого и истинного Божества, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV

Павел же и Варнава живяху во Антиохии, учаще и благовествующе слово Господне, и со инеми многими. По некиих же днех рече Павел к Варнаве: возвращшеся подобает посетити братию нашу во всех градех, в нихже проповедахом слово Господне, како пребывают (Деян. XV, 35, 36)

1. Посмотри опять на их смирение, как они преподают слово вместе с другими. Лука изобразил нам нравы и прочих апостолов и показал, что один из них был более мягкосерд и снисходителен, другой более суров и строг. Различные бывают дарования; а это, как известно, есть также дарование. Одно потребно по отношению к людям с одними нравами, а другое с другими, так что, если бы переменить их, то они сделались бы бесполезными. По-видимому (между Павлом и Варнавой) произошло некоторое разногласие; но все это происходит по устроению (Божию), чтобы каждый из них занял соответственное себе место. С другой стороны нужно, чтобы не все были в равной чести, но один начальствовал, а другой подчинялся; и это по устроению (Божию).

Притом кипряне ничего такого не показали, что бывшие в Антиохии и другие; для одних нужен был нрав мягкосердый, а для других напротив. *Варнава же восхоте пояти с собою Иоанна, нарицаемого Марка. Павел же глаголаше, отступлшаго* от них в *Памфилии, и не шедшего с нами на дело, не пояти сего с собою. Бысть убо распря, яко отлучитися има от себе, Варнава убо, поем Марка, отплы в Кипр: Павел же, избрав Силу, изыде предан благодати Божией от братий* (ст. 37–40). И в пророках мы видим различные характеры и различные нравы; например, Илия строг, Моисей кроток. Так и здесь – Павел более тверд. Но смотри при этом и на его кротость. Он просил, говорит (писатель), *отступлшаго* от них *в Памфилии не пояти с собою.* Как военачальник не желал бы иметь при себе оруженосца постоянно небрежного, так (не желал) и апостол. Это и других вразумляло, и того самого исправляло. Итак, скажешь, Варнава был нехорошего нрава? Отнюдь нет; думать так об нем весьма нелепо. В самом деле, не нелепо ли считать его дурным за такое маловажное дело? И смотри, во-первых, от того не произошло никакого зла, что они разлучились друг с другом, сделавшись таким образом достаточными для всех язычников, а напротив – великое благо; во-вторых, если бы этого не случилось, то они нелегко решились бы отделиться друг от друга. Подивись лучше тому, что (писатель) не умолчал об этом. Ты скажешь: если следовало разделиться, то можно было и без распри? Но здесь особенно и обнаружились человеческие (свойства их). Если этому следовало быть во Христе, то тем более в них. С другой стороны, распря не была бы предосудительна, когда каждый препирался бы о таких предметах и с такой справедливостью. Если бы кто из них огорчался, домогаясь собственной пользы и собственной чести, то действительно (было бы неодобрительно); если же каждый из них, желая учить и наставлять, от-

правляется один одним, а другой другим путем, что здесь предосудительного? Многое они делали и по человеческому рассуждению: не были ведь они камнями или деревами. И смотри, Павел выражает неудовольствие (на Марка), но приводит и причину. Он уважал Варнаву за великое его смирение, за то, что он находился при нем и разделял с ним столько трудов; но уважал не так, чтобы пренебрегать долгом. Кто из них советовал лучше, не наше дело исследовать; по крайней мере великое было смотрение (Божие), что одни (из верующих) должны были удостоиться вторичного их посещения, а другие ни одного. В Антиохии они не просто пребывали, но учили. Чему учили? Что проповедовали? Что (нужно было) как для верующих, так и еще не верующих. Было множество соблазнов, и потому присутствие их было необходимо. А что касается их распри, то должно смотреть не на то, в чем они были не согласны, а на то, в чем они согласились между собой. Разделение их послужило к большому благу, которое произошло по этому поводу. Что же? Врагами ли они расстались? Нисколько. И после того ты видишь, как Павел в посланиях своих упоминает о Варнаве с великими похвалами (2 Кор. VIII, 18). *Распря бысть*, говорит (писатель), но не вражда, не раздор. Распря сделала то, что они разделились; и хорошо, так как что после каждый из них порознь предпринял полезного, того не сделал бы по тому самому, что были бы вместе.

2. Мне кажется даже, что и разделение произошло у них по согласию, и что они сказали друг другу: так как я не желаю этого, а ты желаешь, то, чтобы нам не ссориться, разделимся по разным местам. Таким образом они сделали это, совершенно уступая друг другу. Варнава хотел, чтобы оставалось мнение (Павла), и потому отделился; также и Павел хотел, чтобы оставалось мнение (Варнавы), и потому делает тоже и отделяется.

О, если бы и мы разделялись друг от друга таким же образом и для того, чтобы идти на проповедь! *Павел же,* говорит (писатель), *избрав Силу, изыде предан благодати Божией от братии.* Удивителен и весьма велик этот муж! А Марку эта распря принесла большую пользу. Строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сделала, что он не остался: так распря, бывшая между ними, достигает одной цели – пользы. Видя, что Павел решается оставить его, (Марк) весьма устрашился и осудил себя; а видя, что Варнава столько расположен к нему, он весьма возлюбил его; таким образом распря учителей исправила ученика: так он далек был от того, чтобы соблазняться ею. Если бы они делали это для собственной чести, то конечно (он мог бы соблазниться); но так как они препирались для его спасения и единственно для того, чтобы показать, как премудры советы (Бога), удостоившего его такой чести, то что здесь предосудительного?

3. Посмотри на мудрость Павла: он не прежде отправляется в другие города, как посетив уже принявшие слово. *Прохождаше же Сирию и Киликию, утверждая Церкви* (ст. 41). *Прииде же в Дервию и Листру* (XVI, 1). Неблагоразумно было бы ходить напрасно. Будем также поступать и мы: будем наставлять наперед прежних, чтобы они не послужили препятствием для последующих. *Посетим,* говорит, *братию, како пребывают.* Он не знал об этом, как следует, и потому пошел посетить братию. Видишь, как он постоянно бодрствует; заботится, не остается на одном месте, хотя подвергался множеству опасностей. Видишь ли, что и прибытие его в Антиохию было не от страха? Как врач, он пошел к болящим и необходимость посещения изъяснил в словах: *в нихже проповедахом слово.* Варнава отделился и уже более не сопутствовал ему. *Избрав же Силу,* говорит (писатель), *и предан благодати Божией.* Что это значит? То есть молились, просили Бога. Смотри, как всегда много может

молитва братий. И затем пошел пешком, желая на пути принести пользу видевшим его; и благоразумно. Когда они спешили, то плыли; а теперь не так. *И се ученик некий бе ту, именем Тимофей, сын жены некия Иудеанины верны, отца же Еллина: иже свидетельствован бе от сущих в Листрех и Иконии братий Сего восхоте Павел с собою изыти: и приемъ обреза его, Иудей ради сущих на местех онеж: ведяху бо еси отца его, яко Еллин бяше* (ст. 1–3).

Достойна удивления мудрость Павла! Он, столько восстававший против обрезания, употреблявший все меры и успокоившийся не прежде, как достигнув цели, тогда, когда это учение было утверждено, обрезывает ученика. Не только другим не возбраняет, но и сам делает это. Нет никого мудрее Павла; Он во всем смотрел на пользу, не делал ничего просто, по предубеждению. *Сего восхоте*, говорит (писатель), *с собою изыти*. Удивительно, что он даже привел его с собой. *Иудей ради*, говорит, *сущих на местех онех*. Это – причина обрезания; они не стали бы слушать слово от необрезанного. Но что? Посмотри на самое дело: он обрезал, чтобы прекратить обрезание, потому что проповедовал определения апостолов. Видишь ли борьбу и через борьбу созидание? Не от других побуждаемые, но и сами делая противное, они таким образом устрояли Церковь. Они внесли определение не обрезывать, а он обрезывает. *И прибываху*, говорит (писатель), *в число по вся дни* (ст. 5). Видишь ли пользу от этого обрезания? Затем он более не остается у них, как пришедший посетить их, но что? Идет дальше. *И якоже прохождаху грады, предаяху им хранити уставы, сужденныя от апостол и старец, иже во Иерусалиме. Церкви же утверждажуся верою, и прибываху в число по вся дни. Прошедше же Фригию и Галатийскую страну, возбранени от Святаго Духа глаголати слово во Асии, оставльше Фригию и Галатию, поспешаху в страну среднюю. Пришедше же в Мисию, покушахуся в Вифинию поити: и не остави их Дух* (ст. 5–7).

Почему они *возбранени*, не говорит (писатель), но только говорит, что они были *возбранени*, научая нас этим покоряться и не исследовать причин, и показывая, что многое они делали и по-человечески. *Прешедше же Мисию, снидоша в Троаду. И видение в нощи явися Павлу: муж некий бе Македонянин стоя, моля его и глаголя: пришед в Македонию, помози нам* (ст. 8–9). Для чего было видение, а не сам Дух Святой повелел? Он желал привлечь их и таким образом. И (другим) святым бывали видения, и сам (Павел) вначале видел в видении мужа, пришедшего и возложившего на него руку (Деян. IV, 12). Для того побуждает его идти туда, чтобы проповедь распространилась. Также и по следующей причине возбраняется ему оставаться в других городах, когда побуждает его Христос (идти туда). Эти имели слушать Иоанна, и притом долгое время, и может быть не слишком имели в том нужду, а туда нужно было прийти. Потом он и уходит, отправившись на ту сторону (моря). *И якоже видение виде, абие взыскахом изыти в Македонию, разумевше, яко призва ны Господь благовестити им. Отвезшеся же от Троады, приидохом* прямо *в Самофрак, во утрие же в Неаполь, оттуду же в Филиппы, иже есть первый град части Македонии, колониа. Бехом же в том граде пребывающе дни некия* (ст. 10– 12). Так, ему является и сам Христос, говоря: *кесарю ти подобает предстати* (Деян. XXVII, 24). Потом (писатель), как повествующий историю, говорит о местах и показывает, где (Павел) останавливался, именно в больших городах, а другие проходил. Быть колонией составляет достоинство города. Но обратимся к вышесказанному. (Павел) представляет Варнаве необходимость путешествия, когда говорит: *подобает посетити грады, в них же проповедахом слово*. Но ему не подобало просить того, когда намеревался обличать впоследствии.

4. Тоже было между Богом и Моисеем. Один просит, а другой гневается; так например, когда гово-

рит: *аще бы отец ея* (Мариамы) *плюя заплевал в лице ея* (Чис. XII, 14), и еще: *и ныне остави мя и возъярився гневом на ня, потреблю их* (Исх. XXXII, 10), и когда Самуил оплакивал Саула (1 Цар. XV, 35). Но от того и другого произошло великое благо. Так и здесь один гневается, а другой нет. Тоже бывает и между нами. Распря была не напрасно, но чтобы вразумить того (Марка), и чтобы дело (проповеди) не показалось шуткой. Иначе уступил бы и теперь (Варнава), уступавший всегда и столько любивший Павла, что еще прежде отыскал его в Тарсе (Деян. XI, 25), привел его к апостолам, вместе с ним доставлял милостыню и вместе с ним принял согласное с определением (апостолов). Не из-за такого дела произошло между ними огорчение; но они отделяются друг от друга для того, чтобы раздельно учить и усовершать нуждавшихся в их учении. Так и в другом месте (Павел) говорит: *вы, же не стужайте доброе творяще* (2 Сол. III, 13), и хотя укоряет некоторых, но заповедует делать добро всем. Так обыкновенно мы и поступаем. Мне кажется, что здесь вместе с Павлом и другие были недовольны; он же, обращаясь к каждому из них особо, делает все, увещевает, вразумляет. Много может (делать) согласие, много – любовь. Хотя бы ты просил о слишком многом, хотя бы даже был недостоин, будешь услышан за доброе намерение; не бойся. *Прохождаше*, говорит (писатель), города. *И се ученик некии бе именем Тимофей, иже свидетельствован бе от сущих в Листрех и Иконии братий.* Велика вера Тимофея, если свидетельствуется всеми. Когда отделился Варнава, Павел находит равного ему, о чем сам говорит: *поминая слезы твоя*, нелицемерную веру твою, *яже вселися прежде в бабу твою Лоиду и в матерь твою Евникию* (2 Тим. I, 4, 5). *И приемь*, говорит (писатель), *обреза его;* а для чего, показывает, прибавляя: *Иудей ради сущих на местех онех.* Итак поэтому (Тимофей) обрезывается, или и ради отца, который

был эллин и следовательно не был обрезан. Смотри, как закон уже отрешался. Иные же думают, что он родился после оглашения его (отца) проповедью; но, может быть, это несправедливо, так как *из млада*, говорит (Павел), *священная писания умееши* (2 Тим. III, 15). Потому надобно принять первое; если же не так, то потому, что (Павел) намеревался сделать его епископом и ему не следовало оставаться необрезанным. Язычникам же не нужно было соблюдать ничего такого; и это было немаловажно, так как столь долгое время они соблазнялись этим. Начало отмены (закона) было положено тем, что язычники не соблюдали его и не терпели никакого вреда и ничего не лишались по отношению к вере; потому они охотно и оставили его. Так как он намеревался проповедовать, то чтобы вдвойне не поразить иудеев, обрезывает его, хотя он был двоякого происхождения – от отца эллина и от матери верующей. И хотя дело касательно язычников было важно, но он, несмотря на это, сам обрезал его, потому что проповедь должна была распространяться. И смотри: от действия противного (определению апостолов) здесь происходит великое благо. *И, прибываху в число*, говорит (писатель). Видишь ли, что обрезание не только не повредило, но и принесло великую пользу? *И якоже видение виде, абие*, говорит, *взыскахом изыти в Македонию, разумевше, яко призва ны Господь.*

Заметь, не через ангела, как Филиппу, или Корнилию, но как? – в видении является ему (Господь), только человеческим образом, а не божественным. Где легко было убедить, там (Он является) более человеческим образом, а где с большей трудностью, там более божественным. Так, когда он привлекался только проповедовать, для этого было ему сновидение, а когда нужно было удержать от проповедания, это открывает Дух Святой. Так было и с Петром (когда Дух сказал ему):

востав, сниди (Деян. X, 20). Легких дел не совершал Дух, но для этого достаточно было и сновидения. Так и Иосифу, когда легко было убедить его, было сновидение, а другим видение (Мф. II, 13). Так и Корнилию и самому (Павлу). И вот, говорит (писатель), *муж некий бе Македонянин стоя, моля и глаголя.* Не сказал: повелевая, но: *моля,* то есть (прося) о тех, которые нуждались во врачевании. Что значит: *разумевше?* Значит: догадываясь. И из того, что видение было Павлу, а не кому другому, и из того, что они были удержаны Духом, и из того, что находились у пределов (Македонии), – из всего этого они делали такое заключение. С другой стороны и самое плавание указывало на это, – потому что в течение короткого времени они достигли самого корня Македонии. Таким образом устрояется, что распря послужила на пользу. И если бы Дух Святой не явил своего действия, Македония не приняла бы слова. А такое преуспеяние – знак, что случившееся не есть дело человеческое. Не сказано, что Варнава огорчился, но что между ними *бысть распря.* Если же не огорчался он, то также и Павел.

5. Зная это, будем не просто читать Писания, но изучать и назидаться. Ведь (ничего) не написано напрасно. Великое зло не знать Писаний. От чего бы следовало получать пользу, от того мы получаем вред. Так часто и лекарства, имеющие по природе целительную силу, когда употребляющие их не умеют хорошо пользоваться ими, приносят вред и расстройство; и оружие, которым можно защищаться, для того, – кто не умеет обращаться с ним, служит во вред. А причиной то, что мы всего прочего ищем больше, нежели пользы душевной, и больше смотрим на постороннее, нежели на свою (истинную) пользу. О прочности дома мы часто заботимся и не потерпели бы видеть, как он ветшает, обрушивается и повреждается от бурь; о душе же нисколько не заботимся, но хотя и видим, что осно-

вание ее и самое здание и кровля разрушаются, не прилагаем никакого попечения. Также, если имеем скот, то стараемся об удобствах для него, нанимаем и конюхов, и коновалов, и все силы напрягаем: заботимся о помещениях, внушаем приставникам, чтобы они не гоняли его без нужды и как попало, не клали на него излишней тяжести, не выпускали безвременно среди ночи, довольствовали пищей, и много установляем правил касательно ухода за бессловесными животными; а о душе нисколько не печемся. Но что я говорю о животных, полезных для нас? Многие держат маленьких птиц, которые не приносят никакой пользы, а только забавляют; и касательно их есть у нас много правил и ничего не опущено и не забыто; обо всем мы заботимся больше, нежели о самих себе. Так мы сделались малоценнее всего. Если кто в обиду назовет нас псом, то мы оскорбляемся; а сами бесславя себя не словом, но делом, и не прилагая попечения о душе даже столько, сколько о псах, не чувствуем никакого огорчения. Видите ли, как все (у нас) покрыто мраком? Как многие заботятся о псах, чтобы они не были накормлены более надлежащего, чтобы они были быстры и пригодны к охоте, побуждаемые голодом и жаждой, а о себе самих не заботятся и не стараются обуздать своего сластолюбия; бессловесных научают любомудрию, а себя допускают нисходить до дикости животных!

Это кажется загадкой. Где, скажешь, эти любомудрые бессловесные? Но разве не великое любомудрие, когда пес, побуждаемый голодом, схватив добычу, удерживается от попавшей ему пищи, и, видя перед собой готовую еду, томимый голодом, дожидается господина? Устыдитесь самих себя; научите ваши чрева быть также любомудрыми. Вам нет никакого оправдания. Если ты можешь сообщить такое любомудрие животному, от природы не умеющему ни говорить, ни мыслить, то тем

более мог бы сообщить себе. Это ведь дело человеческого старания, а не природы; иначе все псы были бы таковыми. Итак, будьте (в данном случае) подобны псам. Вы сами вынуждаете меня заимствовать пример отсюда; следовало бы от предметов небесных, но если я начну говорить о каком-нибудь из этих предметов, вы говорите, что это слишком высоко; потому я и не говорю уже о предметах небесных. Если приведу в пример Павла, вы говорите, что он был апостол; потому я не говорю уже о Павле. Если приведу в пример какого-либо другого человека, вы говорите, что он мог (делать это); потому я и не указываю на человека, но на животное, и животное, получившее такие свойства не от природы, чтобы вы не сказали, что оно делает это по природе, а не по доброй воле, и, что еще удивительнее, не по собственной воле, а по твоему старанию. Оно не рассуждает, что устало, что утомилось от бега, что поймало добычу собственными своими трудами, но, оставив все это в стороне, исполняет волю господина и становится выше чрева. Да оно, скажешь, ожидает одобрения, надеется получить обильнейшую пищу. Скажи и ты самому себе: пес в надежде будущего довольства пренебрегает настоящим, а ты не хочешь в надежде будущих благ пренебрегать настоящими. Но он (скажешь) знает, что если неблаговременно и против воли господина вкусит пищи, то лишится не только этой, но и обыкновенно назначаемой ему пищи, и даже вместо пищи получит побои. А ты и этого не можешь знать, и того, что он умеет делать по привычке, ты не исполняешь по разуму. Будем подражать хотя псам. Говорят, что делают тоже и ястребы и орлы; что те делают с зайцами и сернами, то эти с птицами, и также по научению человеческому. Все это может обличить нас, все это может осудить нас. Скажу еще. Взяв диких и свирепых коней, которые и бьют ногами и кусаются, опытные люди в короткое

время образовывают их так, что севший на них всадник наслаждается их стройной походкой; а когда душа поступает беспорядочно, никто об этом не заботится; она и скачет, и бьется, и бросается на землю, как дитя, и делает множество бесчинств, но никто не налагает на нее ни аркана, ни пут, ни узды, и не сажает опытного всадника, то есть Христа. Таким образом все низвратилось. Если ты заставляешь псов владеть желудком, укрощаешь ярость льва и свирепость коней и научаешь говорить птиц, то не странно ли неразумным существам сообщать свойства разумных, а в разумных допускать неразумные страсти? Нет, нет нам никакого оправдания. Нас обвинят все делающие должное, и верные и неверные, – ведь и неверные делают должное, – и не только люди, но и звери, и псы; осудим себя и мы сами, которые делаем доброе, когда хотим, а когда бываем беспечны, увлекаемся на злое. Часто и многие из самых порочных людей, когда захотели, исправлялись. А причиной то, как я сказал, что мы всячески ищем пользы посторонней, а не нашей собственно. Построил ли ты великолепный дом, – ты позаботился о благоустройстве дома, а не твоем собственном; получил ли хорошую одежду, – (ты позаботился) о теле, а не о самом себе; если хорошую лошадь, – также. Никто не заботится, чтобы душа была добра, тогда как при доброте души нет никакой нужды в тех благах, а без нее нет никакой пользы и от них. Как для невесты, хотя бы ее брачный чертог был убран золотыми покровами, хотя бы окружали ее сонмы благовиднейших и прекрасных женщин, розы и венцы, хотя бы и жених был прекрасен, и служанки и подруги и все были благовидны, нет от того никакой пользы, если она сама крайне безобразна; если же она прекрасна, то и без всего этого нет для нее никакого вреда, а напротив (польза), потому что безобразная при этом будет казаться еще безобразнее, а

прекрасная без этого будет еще прекраснее, — так точно и душа, если она добра, не только в этом не нуждается, но даже помрачает этим свою красоту. Человек любомудрый, как мы увидим, блистает не столько в богатстве, сколько в бедности; в первом случае многие приписывают любомудрие его богатству и тому, что он не имеет нужды в деньгах; если же он живет в бедности, и между тем отличается всеми (добродетелями) и не допускает себя делать что-либо постыдное, тогда уже никто другой не разделяет с ним венца, который стяжал он любомудрием.

Итак, будем украшать душу, если хотим быть богатыми. Что пользы, если лошаки твои белы, тучны и красивы, а ты, сидящий на них, и худ, и нечист, и безобразен? Что пользы, если ковры твои мягки и красивы и искусно испещрены различными цветами, а душа одета в рубище, или совершенно обнажена и безобразна? Что пользы, если конь выступает плавно, или походит более на пляшущего, нежели на идущего, и украшен как бы для брачного пира, а сидящий на нем хромает (душой) более хромых и расстроен в руках и ногах более пьяных и расслабленных? Скажи мне, если бы кто дал тебе хорошего коня, а телу твоему нанес бы вред, какая от того польза? А теперь у тебя повреждена душа, и ты нисколько не заботишься. Позаботимся же когда-нибудь, увещеваю вас, о самих себе. Не будем считать самих себя малоценнее всего. Когда кто оскорбляет нас словами, мы досадуем и огорчаемся; а сами, унижая себя делами, не исправляемся. Вразумимся же хотя поздно, чтобы, приложив ревностное попечение о душе своей и возлюбив добродетель, могли мы сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXV

В день же субботный изыдохом вон из града при реце, идеже мняшеся молитвенница быти, и седше глаголахом к собравшымся женам. И некая жена имеем Лидиа, порфиропродалница от града Фиатирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце, внимати глаголемым от Павла (Деян. XVI, 13, 14)

1. Смотри, как опять Павел иудействует, и в отношении времени и обычая. *Идеже мняшеся*, говорит (писатель), *молитвенница быти*. Иудеи молились не только там, где была синанога, но и вне ее, назначая для этого особое место, как люди плотские. *В день же субботний*, — когда обыкновенно собирается и народ. *И седше глаголахом собравшимся женам. И некая жена именем Лидиа, порфиропродалница от града Фиатирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемъм от Павла.* Посмотри опять, как он чужд гордости. И она была женщина и притом незнатная, как видно из ремесла ее; но смотри, какое в ней любомудрие! Во-первых, сказано, что она почитала Бога; потом — что пригласила к себе апостолов. *Якоже крестися та и дом ея, моляше, глаголюще:* Господие мои, *аще усмотристе мя верну Господеви быти, вшедше в дом мой пребудите: и принуди нас* (ст. 15). *Якоже крестися*, говорит (писатель), *та и дом ея.* Заметь, как она убедила всех (домашних), потом посмотри на благоразумие ее, как она умоляет апостолов, какого смирения, какой мудрости исполнены слова ее! *Аще усмотристе мя*, говорит, *верну Господеви быти.* Ничто не могло быть более убедительным. Кого не тронули бы эти слова? Не просто просила и приглашала, не предоставила им поступить, как им угодно, но сильно понуждала их; это именно означают слова: *и принуди нас,* то есть теми словами. Смотри, как она тотчас же приносит плод и считает это посещение великим для

себя одолжением. А что вы (говорит) признали меня верной, очевидно из того, что вверили мне такие тайны, которых не вверили бы, если бы не считали меня такой. И не осмелилась пригласить их прежде, но когда уже крестилась, показывая этим, что иначе и не убедила бы их. Почему же бывшие с Павлом сначала не хотели идти, но отказывались, так что нужно было понуждать их? Или потому, что вызывали ее к большему усердию, или потому, что Христос сказал: *в оньже аще град внидете, испытайте, кто в нем достоин есть, и ту пребудите* (Мф. X, 11). Так предусмотрительно они делали все. *Бысть же идущим нам на молитву, отроковица некая имущая дух пытлив срете нас, яже стяжание много дяше господем своим, волхвующи. Та последовавши Павлу и нам, взываше, глаголющи: сии человецы ради Бога вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения* (ст. 16, 17). Почему бес говорил это, а Павел запретил ему? Тот делал злонамеренно, а этот (поступил) мудро: он хотел, чтобы к тому не имели доверия. Если бы Павел принял свидетельство его, то он, как одобренный им, прельстил бы многих и из верующих; потому он и решился возвещать об их делах, чтобы устроить свои, и снисходительностью (Павла) самому воспользоваться для погибели (других). Сначала Павел только не принимал и не обращал внимания, не желая тотчас же прибегать к знамениям; но когда тот продолжал делать это *на многи дни* и касался дела их, говоря: *сии человецы раби Бога вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения,* тогда повелел ему *изыти. Стужив же си Павел, и обращся, духови рече: запрещаю ти именем Иисуса Христа, изыди из нея: и изыде в том часе. Видевше же господие ея, яко изыде надежда стяжания их, поемше Павла и Силу, влекоша на торг ко князем. И приведше их к воеводам реша: сии человецы возмущают град наш, Иудее суще, и завещавают обычаи, яже недостоит нам приимати, ни творити, Римляном сущим* (ст. 18–21). Корыстолюбие

везде причиняет зло. О, эллинское бесчеловечие! Они хотели бы оставить отроковицу одержимой бесом, чтобы самим обогащаться. *Поемше же*, говорит (писатель), *Павла и Силу, реша: сии человецы возмущают град наш.* Что же они сделали? Почему вы не брали их прежде? *Иудее суще*, говорят: так было позорно это имя! *И завещавают обычаи, яже недостоит нам приимати, ни творити, Римляном сущим.* Обратили дело в государственное преступление. *И снидеся народ на них* (ст. 22). О, безумие! Не исследовали дела, не дали отвечать им, между тем как после такого чуда следовало бы почтить их, следовало бы принять как спасителей и благодетелей. Если вы желали имущества, то почему, найдя такое богатство, не прибегли к нему? Иметь силу изгонять бесов гораздо славнее, нежели повиноваться им. Вот и знамения, но корыстолюбие преодолело. *И воеводы растерзавше им ризы, веляху палицами бити. Многи же давше им раны, всадиша в темницу, завещавше темничному стражу твердо стрещи их* (ст. 22, 23). Павел делал все, и творил чудеса и учил, а опасности разделяет с ним и Сила. Что значит: *стужив же си Павел?* Значит: видя злонамеренность беса, – как в другом месте он сам говорит: *не неразумеваем бо умышлений его* (2 Кор. II, 11). А почему те не сказали, что они изгнали беса, что оказались нечестивыми к Богу, но обратили дело в государственное преступление? Тогда они повредили бы сами себе. Так и о Христе говорили: *не имамы царя, токмо кесаря. Всяк иже царя себе творит, противится кесарю* (Ин. XIX, 12, 15). *И всадиша* их, говорит (писатель), *в темницу.* Великое неистовство! *Иже таково завещание прием, всади их во внутреннюю темницу, и ноги их заби в кладе* (ст. 24). Смотри: посадил их во внутреннюю темницу; и это по устроению (Божию). Так как должно было совершиться великое чудо, то назначается место удобное для слушания его, вне города, вдали от искушений и опасностей. Смотри, как писатель ис-

тории не стыдится рассказывать о занятиях (жителей). А когда было время свободное от занятий, тогда они более слушали поучения; город же филиппийцев был невелик. Зная это, и мы не будем стыдиться никого. Петр живет у кожевника, Павел у порфиропродавщицы: есть ли здесь гордость? Будем просить Бога, чтобы Он отверз наше сердце; отверзает же Он сердца, желающие этого; а бывают и поврежденные сердца. Но обратимся к вышесказанному. *Жена,* говорит (писатель), *порфиропродалница, ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемым от Павла.* Отверзать есть дело Бога, а внимать – дело ее: так это дело было и божеское и человеческое. *Якоже крестися,* говорит, *моляше, глаголющи: аще усмотристе мя.* Смотри: и крестится и принимает апостолов с такой покорностью, с большей, нежели покорность Авраама. Не указала на какое-нибудь другое свое достоинство, но на то, за которое была спасена. Не сказала: *аще усмотристе мя* великой или благочестивой женщиной, но что? *Верну Господеви.* Если верна Господу, то тем более вам, если только вы не сомневаетесь. Мне сказала: *пребудите* у меня, но: *в доме моем,* чтобы показать, что сделала это с великим усердием. Поистине верная жена! А скажи мне, какой это был бес? Писатель говорит: бог Пифон, от места так называемый. Видишь ли, что и Аполлон есть бес? Желая подвергнуть (апостолов) искушениям и более раздражить (народ), он побуждал (отроковицу) произносить (сказанные слова).

2. О, лукавый и прелукавый! Если ты знал, что они *возвещают путь спасения,* то почему ты не вышел добровольно? Но он хотел того же, чего домогался Симон, когда говорил: *дадите и мне власть сию, да на него же аще положу руце, приимет Духа Святаго* (Деян. VIII, 19). Так и этот делает. Видя, что они пользуются, славой, он и теперь притворяется, надеясь, что таким образом останется в теле (отроковицы), когда будет возвещать тоже.

Но если от человека *не красна похвала во устех грешника* (Сир. XV, 9), то тем более от беса. Если Христос не принимает свидетельства от людей и даже от Иоанна, то тем более от беса. Ведь проповедь не от людей, но от Духа Святого. Итак, (обвинители) неистово кричали, и думая подействовать криком, говорили: *сии человецы возмущают град наш.* Что ты говоришь? Ты веришь бесу: почему же не веришь ему теперь? Он говорит, что они – *раби Бога вышняго,* а ты говоришь: *возмущают град наш;* он говорит: *возвещают нам путь спасения,* а ты говоришь: *завещают нам обычаи, яже недостоит нам приимати.* Смотри, они не внемлют и бесу, а имеют в виду одно любостяжание. *Влекоша* их, говорит (писатель), *на торг ко князем: и снидеся народ на них.* А они, смотри, ничего не отвечают и не защищаются, чтобы явиться достойными еще большего удивления. *Еда бо,* говорит (Павел), *немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. XII, 10); *довлеет ти благодать моя: сила бо моя в немощи совершается* (ст. 9). Так, они были удивительны и кротостью. Чем строже заключение, тем славнее чудо. Начальники сделали это, может быть, для того, чтобы прекратить смятение; они видели, что народ волновался, и, подвергая ударам (апостолов), хотели укротить неистовство его, а сажая их в темницу и приказывая крепко стеречь, желали выслушать дело. И *заби,* говорит (писатель), *в кладе;* иначе сказать: в кандалы. Каких же слез достойно то, что делается теперь? (Апостолы) столько страдали, а мы в роскоши, мы на зрелищах. Потому мы и гибнем и подвергаемся опасностям, ища везде удовольствий и не желая для Христа перенести ни малейшего оскорбления даже словом. Будем, увещеваю вас, непрестанно вспоминать, сколько страдали они, сколько терпели, и не возмущались, не соблазнялись. Они совершали дело Божие и столько терпели; не говорили: мы проповедуем, – почему же Бог не защищает нас? Но и это прино-

сило им пользу, и без помощи сами страдания делали их более твердыми, более крепкими и неустрашимыми. *Скорбь*, говорит (Павел), *терпение соделовает* (Рим. V, 3).

Не будем же искать жизни роскошной и изнеженной. Как там бывает двоякое благо: делаются крепкими и удостаиваются великих наград, — так здесь двоякое зло: делаются слабыми и негодными ни на что, разве только на зло. Нет ничего бесполезнее человека, который проводит все время в бездействии и роскоши. Муж неиспытанный, говорит (Писание), *неискусен* (ср. Сир. XXXVII, 30); неискусен не только в этих подвигах, но и во всем прочем. Бездействие бесполезно, и в самых удовольствиях всего труднее получать удовольствие, так как они производят пресыщение. Удовольствие от кушаний и от бездействия отнюдь не таково (как кажется), но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будем же заботиться о такой жизни. Если мы посмотрим, кто приятнее проводит время, трудящийся ли и живущий в бедности, или предающийся роскоши, то найдем, что первый. Во-первых, само тело последнего изнежено и расслаблено; потом, телесные чувства его не в здравом состоянии, но слабы и безжизненны; а без этого нет и приятного ощущения здоровья. Какой конь бывает полезнее, утучняемый в бездействии, или употребляемый на работу? Какой корабль — плавающий, или стоящий без движения? Какая вода — текучая, или стоячая? Какое железо — употребляемое в дело, или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остается бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает ее и истребляет ее светлость и все прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезной и способной на все. Скажи мне, может ли она посекать страсти,

когда острие ее притупилось и гнется, как олово? Может ли наносить раны диаволу? И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся наподобие тюленя?

3. Говорю это не о тех, которые таковы по природе, но о тех, которые утучняют тело свое роскошью, будучи по природе не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду светлые лучи свои, пробудило всех на дела их; земледелец выходит, взяв заступ, ковач меди берет молот, каждый ремесленник – свойственное ему орудие, и все принимаются за свое дело; жена берет пряжу или ткань; а он, как свинья, с раннего утра заботится о насыщении своего чрева, думая, как бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться с раннего утра свойственно только бессловесным животным, которые ни к чему не годны, как только на заклание. Но и из них служащие к переноске тяжестей и способные к труду после ночи также принимаются за дело. А он, восстав с ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда все уже довольно потрудились над своими делами, поднимается потягиваясь, поистине как откормленная свинья, потеряв лучшую часть дня во мраке (сна). Потом долгое время сидит на постели, часто будучи не в состоянии держаться от вчерашнего опьянения, и проводит в этом большую часть (утра). Затем украшает себя и выходит – воплощенное безобразие, не имея в себе ничего человеческого, но совершенный зверь в образе человека: глаза заплыли, уста издают зловоние вина, а бедная душа, как бы поверженная на одр болезни от неумеренно принятого множества яств, влачит бремя плоти, как слон. После того, дойдя до места, садится и начинает говорить и делать так, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажут что-нибудь неприятное, то он бывает чувствительнее всякой девицы; если же – приятное, то легкомысленнее всяко-

го дитяти; между тем лицо его беспрестанно искажается зевотой. Он готов подчиниться всем, желающим сделать зло, если не людям, то страстям; им легко овладевает и гнев, и похоть, и зависть, и все. Все ему льстят, все услуживают, еще более расслабляя его душу; и каждый день он получает какое-либо приращение своей болезни. Если он впадает в затруднительные обстоятельства, то обращается в прах и пепел, и шелковые одежды не приносят ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но с целью научить, чтобы никто не жил в праздности и бездействии. Праздность и роскошь негодны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия. Как всем не презирать такого человека, и домашним и друзьям и родным. Несправедливо ли кто-либо скажет, что он бремя земли и напрасно родился в мир, или лучше – не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду других? И посмотрим, что приятного в (такой жизни), где стремятся к праздности и недеятельности? Что может быть неприятнее человека, не знающего, что делать? Что постыднее его? Что жалче? Не хуже ли тысячи уз – постоянно зевать, сидя на площади и взирая на проходящих? Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил ее существом деятельным и потому деятельность свойственна ее природе, а бездействие противно ее природе. Не будем указывать на больных, но возьмем в доказательство самый опыт. Нет ничего постыднее праздности и бездействия; потому Бог и поставил нас в необходимость – трудиться. Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз, или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа. Впрочем, как праздность есть зло, так и ненадлежащая деятельность. Подобно тому, как если бы кто не стал есть ничего, то повредил бы

свои зубы, и если бы стал есть ненадлежащее, то произвел бы в них оскомину, — так точно и здесь: если не делает ничего или делает, чего не должно, то теряет свою силу. Потому постараемся избегать того и другого, и праздности и такой деятельности, которая хуже праздности. Какая же это деятельность? Любостяжание, гнев, зависть и прочие страсти. Относительно таковых будем стремиться к бездействию, чтобы нам получить обетованные нам блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVI

В полунощи же Павел и Сила молящеся пояху Бога: послушаху же их юзницы. Внезапу же трус бысть велий, яко поколебатися основанию темничному: отверзошася же абие двери вся, и всем юзы ослабеша (Деян. XVI, 25, 26)

1. Что может сравниться с душами (Павла и Силы)? Они претерпели удары, получили множество ран, вынесли оскорбления, находились в крайней опасности, были в кандалах, содержались во внутренней темнице; но и при этом не дозволили себе спать, а бодрствовали в течение всей ночи. Смотрите, какое благо — скорбь. А мы и на мягких постелях, и без всякой опасности, спим во всю ночь. Может быть и потому бодрствовали, что находились в таких обстоятельствах. Ни сила сна не одолела их, ни страдания не изнурили, ни страх не привел в уныние; но все это еще более возбуждало их и исполняло великой радости. *В полулощи же*, говорит (писатель), *пояху Бога: послушаху же их юзницы.* Узникам казалось это странным и необычайным. *Внезапу же трус*

бысть велий, яко поколебатися основанию темничному: отверзсшася же абие двери вся и всем юзы ослабеша. Землетрясение было такое, что и (сторож) проснулся; двери отворились так, что нельзя было не удивиться случившемуся; но узники не видели этого; иначе они все разбежались бы. *Возбуждся же темничный страж, и видев отверсты двери темницы, извлек нож, хотяше себе убити, мня избегша юзники. Возгласи же гласом велиим Павел, глаголя: ничтоже сотвори себе зла: еси бо есмы зде* (ст. 27, 28). Он особенно дивился человеколюбию Павла, изумлялся и его мужеству, как он, имея возможность убежать, не убежал и его удержал от самоубийства. *Просив же свещи, вскочи и трепетен быв, припаде к Павлу и Силе. И извед их вон, рече: господие, что ми подобает творити, да спасуся* (ст. 29, 30)? Видишь ли, как чудо поразило его? *Она же рекоста: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешися ты и дом твой. И глаголаста ему слово Господне, и всем, иже в дому его* (ст. 31, 32). Вступив немедленно в беседу с ним, они показали свое к нему человеколюбие. *И поемъ я в той же час нощи, измы от ран, и крестися сам и свои ему абие. Введ же в дом свой, постави трапезу, и возрадовася со всем домом своим, веровав Богу* (ст. 33, 34). Омыл их, воздавая этим благодарность и оказывая им честь. *Дню же бывшу, послаша воеводы наличники, глаголюще: отпусти человека она* (ст. 35). Начальники, может быть, узнали о случившемся и не смели сами (прийти) отпустить их. *Сказа же темничный страж словеса сия Павлу: яко послаша воеводы, да отпущени будете: ныне убо изшедше, идите с миром. Павел же рече к ним: бивше нас пред людми, неосужденных, человеков Римлян сущих, всадивше в темницу, и ныне отай изводят нас? Ни бо: но да пришедше сами изведут нас. Сказаша же паличницы воеводам глаголы сия: и убояшася, слышавше, яко Римляне суть. И пришедше умолиша их, изведше моляху изыти из града. Изшедше же из темницы, приидоста к Лидии, и видевше братию, утешиста их, и изыдоста* (ст. 36–40).

И после того как начальники объявили, Павел не выходит, может быть ради Лидии и других братий, или желая устрашить начальников, чтобы кто не подумал, будто они отпущены по своей просьбе, и чтобы внушить смелость другим (христианам). Троякая, возлюбленные, была вина их, именно: они посадили в темницу римских граждан, без суда, и всенародно. Видишь, как апостолы делали многое и по-человечески. Сравним с этой ночью наши ночи, которые проводятся в пиршествах, пьянстве и бесчинии, в которые бывает сон ничем не отличающийся от смерти, или бодрствование хуже сна. Одни спят бесчувственно, другие бодрствуют к сожалению и несчастью, составляя козни, заботясь о деньгах, придумывая, как бы отомстить обидевшим их, питая вражду, припоминая оскорбительные слова, сказанные днем, и таким образом воспламеняют огонь гнева и совершают непростительные дела. Посмотри, как спал Петр; с ним это было по смотрению (Божию), потому что надлежало прийти ангелу и никому не должно было видеть случившегося (Деян. XII, 6). Хорошо и то, что сторож не допущен был до самоубийства. Почему было это, а не другое какое-либо знамение? Потому что оно особенно могло вразумить и убедить его, а если бы этого не было, то он подвергся бы опасности, так как не столько чудеса вразумляют нас, сколько то, что относится к нашему спасению. А чтобы не показалось, что землетрясение произошло само собой, во свидетельство чуда и случилось последующее. Оно совершается ночью, потому что (апостолы) ничего не делали из тщеславия, но все для спасения. Темничный страж не был злой; он заключил их во внутреннюю темницу, потому что получил такое приказание, а не сам от себя. Почему же Павел не вдруг воззвал к нему? Потому что он был исполнен страха и смятения и не внял бы. Потому, когда Павел увидел, что он намерева-

ется умертвить себя, то предупреждает и громко говорит ему: *вси есмы где.* После этого он *просив свещи вскочи и припаде к Павлу и Силе.* Сторож пал к ногам узника! Изводит их вон и говорит: *господие, что ми подобает творити, да спасуся?* Что же они сказали? Заметь: он не потому возлюбил их, что сам избавился от опасности, но потому, что поражен был силой (Божией).

2. Видишь ли, что было там и что здесь? Там отроковица избавлена от духа – и ввергли (апостолов) в темницу за то, что они избавили ее от беса; здесь только показали они отверстыми двери – и (у сторожа) отверзлись двери сердца, разрешились сугубые узы и воссиял свет; ведь свет воссиял и в его сердце. *И вскочи и припаде,* и не спрашивает: что случилось, как это случилось? – но тотчас же говорит: *что ми подобает творити, да спасуся?* Что же Павел? *Веруй,* говорит, *в Господа Иисуса Христа, и спасешися ты и дом твой.* Много действует на людей и то, что спасется и дом их. *И глаголаста ему слово и всем, иже в дому его.* Он омыл их, и сам омылся; омыл их от ран, а сам омылся от грехов; напитал их, и сам напитался. *И возрадовася,* говорит (писатель), хотя не получил ничего, кроме собеседования и благой надежды. Доказательством его веры служит то, что он оставил все (худое). Что хуже темничного сторожа? Что жесточе, что суровее его? Но он принял их с великой честью. *Возрадовася,* не потому, что избавился от опасности, но *веровав Богу. Веруй,* говорил Павел, *в Господа;* потому и прибавил (писатель): *веровав Богу,* чтобы не показалось, что спасается человек осужденный и грешный. *Бивше нас пред людми, неосужденных человеков, всадиша в темницу,* – чтобы это дело не было только действием благодати, но и их самих. Смотри, как разнообразно действует благодать, как вышел (Петр) и как (Павел), хотя они оба были апостолы. *Убояшася,* говорит (писатель). Боятся потому, что они *Римляне суть,* а

не потому, что несправедливо заключили их. *И моляху их изыти из града.* Просили этого, как милости. Они же, придя к Лидии и утешив ее, тогда и *изыдоста.* Не следовало гостеприимную жену оставлять в скорби и недоумении. *Изыдоста,* не потому, что повиновались начальникам, но поспешая на проповедь, так как этот город уже довольно получил пользы от чуда. Долее оставаться здесь не следовало; чудо является большим, когда уходят совершившие его; тогда и оно само взывает громче. Вера темничного сторожа была здесь вместо проповеди. Что может сравниться с этим? Связывается (Павел) и связанный разрешает, разрешает сугубые узы, разрешает связавшего через то самое, что был связан. Поистине это – дело благодати. *Ныне убо,* говорит, *изшедше, идите с миром,* то есть безопасно, не боясь ничего. С другой стороны они желают, чтобы и он оставался в безопасности, чтобы и после того не подвергался обвинению. Не говорят: *бивше всадиша в темницу нас,* совершивших чудеса, так как на это не обратили бы внимания, но, что особенно могло подействовать на душу их, говорят: *неосужденных и Римлян сущих.* Будем и мы всегда помнить об этом узнике, а не (только) о чуде. Что в том, скажут эллины, что он, будучи узником, вразумил темничного сторожа? Кого, скажут, и можно было убедить, как не человека грубого, жалкого, не отличавшегося умом, преисполненного пороков, удобоубеждаемого? К этому прибавляют: вообще, кто веровал, кроме кожевника, порфиропродавщицы, евнуха, темничного сторожа, рабов и женщин? Но что они скажут, если мы укажем на сановников, на сотника, проконсула и других с того времени доныне, даже на властителей и царей? Впрочем скажу нечто другое, большее этого; посмотрим на тех же простых людей. Что же, скажут, здесь удивительного? Это и удивительно; если бы кто убедился в предметах обыкновенных, то это было бы нисколько не

удивительно; но когда о воскресении, о царствии небесном, о жизни любомудрой говорят людям простым и убеждают их, это гораздо удивительнее, нежели убедить мудрецов. Если нет никакой опасности и кто-либо убеждает, то указывают на неразумие (верующих); но когда говорят, например, рабу: если ты поверишь мне, то будешь в опасности, все будут твоими врагами, тебе должно будет умереть и претерпеть множество бед, и при всем том уловляют душу его, то это уже не от безумия. Если бы учение (христианское) служило для удовольствия, то справедливо можно было бы сказать это; если же раб научается тому, чего не захотели бы принять философы, то это — высшее чудо. Представим, если угодно, того кожевника и посмотрим, о чем беседовал с ним Петр, или, если хочешь, того самого темничного сторожа. О чем говорил ему Павел? Говорил о том, что Христос воскрес, что есть воскресение мертвых, что есть царствие (небесное), и скоро убедил этого, удобоубеждаемого человека. Что же? Не говорил ли ему также о жизни, о том, что нужно быть целомудренным, удерживаться от любостяжания, не быть жестоким и уделять другим из своего имущества? Убедиться и в этом, поистине, свойственно не безумной, но великой душе. Положим, что они принимали учение более по неразумию; но усвоить себе жизнь столь любомудрую — может ли это быть от неразумия? Таким образом, чем неразумнее убеждаемый и однако убеждается в том, в чем философы не могли убедить философов, тем большее здесь чудо, особенно, когда убеждаются и женщины и рабы, и делами показывают то, в чем Платоны и все другие (философы) не могли убедить никого. Что я говорю: никого? Даже и себя самих. Платон внушал, что не нужно презирать богатства, внушал тем, что собрал столько имущества, такое множество денег, золотых перстней и чаш. Что не нужно презирать славы

мирской, внушал сам Сократ, хотя и много философствовал об этом, – внушал тем, что все делал из тщеславия. Если бы вы были знакомы с его учением, то я более распространился бы об этом и показал бы, как много в них лицемерия, и как у самого Сократа, – если верить тому, что говорит ученик его, – все учение проникнуто тщеславием.

3. Но оставим их и обратим речь к самим себе. К вышесказанному можно прибавить и то, что они убеждались в этом среди опасностей. Итак, не будем бесстыдны, но подумаем о той ночи, о кандалах, о песнопении, и постараемся сами поступать также; тогда и мы отверзем себе не темницу, а небо. Если будем молиться, то можем отверзнуть самое небо. Илия и заключал и отверзал небо молитвой. И на небе есть темница. *Елика аще*, говорит (Христос), *свяжете на земле, будут связана на небеси* (Мф. XVIII, 18). Будем молиться во время ночи и разрешим эти узы. А что молитва разрешает грехи, в этом может убедить нас вдовица (Лк. XVIII, 3), может убедить друг, который в полночь стоял у дверей и толкал (Лк. XI, 5), может убедить Корнилий, которому (ангел) сказал: *молитвы, твоя и милостыни твоя взыдоша пред Бога* (Деян. X, 4), может убедить Павел, который говорит: *сущая истинная вдовица и уединена уповает на Бога, и пребывает в молитвах и молениях день и нощь* (1 Тим. V, 5). Если он говорит это о вдовице, жене слабой, то тем более (можно сказать) о мужах.

Я уже и говорил вам об этом, и теперь скажу: будем вставать во время ночи; если не прочитаешь многих молитв, то прочитай одну с вниманием, и этого довольно; ничего более не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тела, но и для души; не попускай проходить ей в бездействии, но воздай это воздаяние Господу, или лучше, оно опять к тебе же возвратится. Скажи мне: когда мы впадаем в

затруднительное положение, то кого тогда не просим? И если скоро получаем просимое, то чувствуем облегчение. Где ты найдешь, чтобы тот, кого ты просишь, готов был благодарить тебя за то, что ты просишь? Где ты найдешь, чтобы не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но иметь его всегда в готовности? Или не нуждаться в других, чтобы просить через них? Что может быть больше этого? Он тогда особенно и исполняет (наши просьбы), когда мы не прибегаем к другим, подобно тому, как искренний друг тогда особенно упрекает нас в недоверчивости к его дружбе, когда просим его через других. Так поступаем и мы с просящими нас; тогда особенно бываем к ним благосклонны, когда они сами обращаются к нам, а не через других. Но что, скажешь, если я оскорбил Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи к Нему, и Он скоро помилует тебя за прежние дела. Скажи только, что оскорбил Его, скажи от души и из глубины сердца, и во всем получишь прощение. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он желает простить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил единородного, истинного и сопрестольного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои? Не будем же нерадивы и не станем откладывать это дело. Он человеколюбив и благ; подадим Ему только повод; и даже этого (Он требует) только для того, чтобы мы: не оставались непотребными; а иначе Он помиловал бы нас и без этого. Подобно тому, как мы для блага рабов своих изобретаем и употребляем тысячи средств, так и Он печется о нашем спасении. *Предварим лице его во исповедании,* что Он благ и милосерд (Пс. XCIV, 2). Если ты не будешь призывать Его в истине и не станешь взывать от серд-

ца: прости мне, а одними только устами, то что Он сделает? Что же значит: призывать в истине? С добрым расположением, с усердием, от чистого сердца. Подобно тому, как о мире говорят, что оно истинное, когда к нему ничего не примешано, так точно и здесь. Истинно призывающий Его и истинно просящий Его просит непрестанно и не отходит дотоле, пока не получит; а кто делает это лицемерно и желает только исполнить закон, тот не призывает Его в истине. Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавить себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издеваешься. Кто, сознавая, что он болен, не делает всего к тому, чтобы избавиться от болезни? Молитва – великое оружие. *Аще вы*, говорит (Христос), *умеете даяния блага даяти чадом вашым, кольми паче Отец ваш* (Лк. XI, 13). Почему же ты не хочешь прибегнуть к Нему? Он любит тебя; может сделать больше всех; и желает и может: что же тебе препятствует? Ничто. Итак, будем приступать к Нему с верой, приступать принося угодные Ему дары: непамятозлобие, снисходительность, кротость. Хотя бы ты был грешник, с дерзновением проси у Него прощения грехов, если можешь представить со своей стороны это доброе дело; и хотя бы ты был праведник, но если не имеешь непамятозлобия, то не получишь никакой пользы. Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения (от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас; это известно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать (перед Богом): я был обижен, но обуздал гнев, преодолел бурный порыв его по заповеди Твоей, то не простит ли и Он тебе? Без сомнения, простит. Очистим же душу свою от памятозлобия; этого довольно будет, чтобы и

нам быть услышанными; будем молиться с вниманием и великим усердием, чтобы нам, удостоившись великого человеколюбия Его, сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII

Прешедше же Амфиполь и Аполлонию, внидоста в Солунь, идеже бе сонмище иудейское. По обычаю же своему Павел вниде к ним, и по субботы три стязашеся с ними от Писаний, сказуя и предлагая, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути от мертвых, и яко сей Иисус, егоже аз проповедаю вам, есть Христос (Деян. XVII, 1—3)

1. Опять они проходят малые города, но поспешают в большие, из которых, как бы из какого источника, слово могло распространяться в соседние города. По обычаю своему Павел вошел в синагогу иудейскую. Хотя он сказал: *обращаемся во языки* (Деян. XIII, 46), но не оставил и тех, потому что питал к ним великую любовь. Послушай, в самом деле, что он говорит: *братие, благоволение моего сердца, и молитва, яже к Богу по Исраили, есть во спасение* (Рим. X, 1), и: *молилбыхся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей* (IX, 3). Он делал это как ради обетования Божия и славы Его, так и для того, чтобы в противном случае не соблазнились эллины. *И по субботы три стязашеся с ними от Писаний, сказуя и предлагая, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути от мертвых, и яко сей Иисус, егоже аз проповедаю вам, есть Христос.* Видишь, как он прежде всего проповедует о страдании; так, (апостолы) не стыдились этого, но были уверены, что это спасительно. *И нецыи от них вероваша, и прило-*

жишася к Павлу и Силе, от честивых Еллин множество много, и от жен благородных не мало (ст. 4). Только сущность беседы изложил (писатель); так он не многоречив и не везде излагает целые речи Павла. *Возревновавше же непокорившейся Иудее, и приемше крамолники некия мужи злыя, и собравше народ, молвяху по граду: нашедше же на дом Иассонов, искаху их извести к народу. Не обретше же их, влечаху Иассона и некия от братии к градоначалником, вопиюще, яко иже развратиша вселенную, сии и зде приидоша, ихже прият Иассон: и сии вси противно велением кесаревым творят, царя глаголюще иного быти, Иисуса* (ст. 5–7). О, клевета! Опять обвиняют их в государственном преступлении. *Глаголюще*, говорят, *царя иного быти, Иисуса. Смятоша же народ и градоначалники слышавшыя сия: веземше же доволнов от Иассона и от прочих, отпустиша их* (ст. 8–9). Удивителен этот муж, подвергший опасности себя и спасший их. *Братия же абие в нощи отслаша Павла и Силу в Берию: иже пришедше, идоша в собор иудейский. Сии же бяху благороднейши живущих в Солуни, иже прияша слово со всем усердием, по вся дни разсуждающе Писания, аще суть сия тако* (ст. 10–11). *Благороднейши*, то есть более послушные. И смотри, они не просто, но тщательно исследовали Писания (это именно означает — *разсуждающе*), желая из них более удостовериться касательно страдания (Христова), так как они уже веровали. *Мнози убо от них вероваша, и от еллинских жен благообразных и мужей не мало. И яко уведаша иже от Солуня Иудеи, яко и в Берии проповедася от Павла слово Божие, приидоша и тамо движуще народы. Абие же тогда братия отпустиша Павла ити на поморие: остаста же Сила и Тимофей тамо* (ст. 12–14). Смотри, как он и отступает и опять наступает, и многое делает по-человечески. *Провождающии же Павла ведоша его даже до Афин: и приемше заповедь к Силе и Тимофею, да яко скорее приидут к нему, взыдоша* (ст. 15). Но обратимся к вышесказанному. *По субботы, три*, говорит (писатель),

стязашеся с ними от Писаний. И хорошо, потому что тогда они не были заняты. Тоже делал и Христос, поучая часто из Писаний, а не всегда посредством знамений. Так как они противились ему и клеветали на него, как бы на обольстителя и развратителя, то он и беседует с ними из Писаний. Кто старается убедить посредством одних только знамений, тот легко навлекает на себя подозрение; а кто убеждает из Писаний, тот не подвергается такому подозрению. И мы видим, что он часто убеждал посредством учения; в Антиохии, когда он учил, собрался к нему весь город; и это – великое дело, и также знамение, и притом не малое, но весьма большое. А чтобы (апостолы) не думали, что они сами собой совершали все, для того Бог попускает им быть гонимыми. Отсюда происходило два блага: они не высокомудрствовали, как бы преодолевая все сами собой, с другой стороны не страшились, как бы виновные в чем-нибудь; так по устроению (Божию) было и то, что они призывались (с места на место). *И вероваша*, говорит (писатель), от честивых еллин множество много и *от еллинских жен благообразных и мужей не мало* (ст. 12). А (иудеи) противились. Почему же тот, кто говорил: *да мы во языки, они же во обрезание* (Гал. II, 9), беседовал с иудеями? Он делал это от избытка (ревности). Если же нужно было беседовать и с иудеями, то почему он опять говорил: *ибо споспешествовавый явному* (Петру) *в* обрезание *споспешествова и мне во языки* (ст. 8)? Как те (апостолы) беседовали и с язычниками, хотя были посланы к обрезанным, так и он более беседовал с (язычниками), но не оставлял и (иудеев), чтобы не показалось, что они разделились.

2. Почему же, скажешь, он наперед входил в синагоги? Он убеждал язычников через иудеев, тем, о чем беседовал с иудеями? Он знал, что это особенно располагало язычников к вере. Потому он говорил: *понеже есмъ аз языком апостол* (Рим. XI, 13); и все послания его

направлены против иудеев. *Яко Христу*, говорит, *подобаше пострадати.* Если надлежало пострадать, то и воскреснуть; первое гораздо удивительнее последнего. Если (Бог) ни в чем невиновного (Христа) предал на смерть, то тем более справедливо, что Он воскресил Его. *Непокоршиися Иудее*, говорит (писатель), *приемши крамолники некия, молвяху по граду.* Следовательно здесь было больше эллинов. *И* принимают *некия*, потому что иудеи считали себя недостаточными для возмущения (народа) и не имели основательной к тому причины. Они всегда производили это с шумом и при помощи негодных людей. *Не обретше же их*, говорит, *влечаху Иассона.* О, насилие! Повлекли их прямо из домов их. *Сии еси*, говорят, *противно велением кесаревым творят, царя глаголюще иного быти, Иисуса.* Так как они не говорили ничего противного законам и не возмущали города, то обвиняют их в другом, государственном, преступлении. Но чего вы страшитесь, если (Христос) умер? Смотри, как гонения везде служат к распространению проповеди. *Сии же бяху*, говорит (писатель), *благороднейши живущих в Солуни,* то есть никакого зла (апостолам) не делали; они уверовали, а те поступают напротив, производя возмущение. *Мнози убо*, говорит, *от них вероваша, и от еллинских жен.* Опять здесь веруют эллины. Заметь, что они удалились по предусмотрительности, а не по страху; иначе они перестали бы проповедовать и тех раздражали бы еще более. А теперь произошло два блага: и неистовство тех прекратилось и проповедь распространилась. Достойно бесчиния иудеев выразился (писатель), сказав, что они *приидоша и тамо, движуще народы,* и тем изобразив их неукротимое неистовство. *Абие же*, говорит, *братия отпустиша Павла ити на поморие.* Здесь они отпускают одного Павла, потому что за него опасались, чтобы он не потерпел чего-нибудь, так как он был их главой. Так, не везде действовала благодать, но ос-

тавляла им действовать и самим по человечески, возбуждая их и располагая к бодрствованию и вниманию. Смотри: она избавляла их (от опасностей) до Филипп, а от этого места уже нет. *И приемше*, говорит (писатель), *заповедь к Силе и Тимофею, да яко скорее приидут к нему, изыдоша*. Так и следовало; где был Павел, там нужно было быть и им. Хорошо, что они приведены были Богом в Македонию, так как Греция была уже славной. Притом (Павел) делал иное с избытком. Христос повелел (проповедникам) жить от благовестия, а он не делал этого (1 Кор. IX, 14, 15), Христос не посылал его крестить (1 Кор. I, 17), а он крестил. Видишь, как он был равно способен на все. Петр (пошел) к обрезанным, а он к язычникам, к многочисленнейшей части. *Вземше же*, говорит, *доволное от Иассона, отпустиша их*. Смотри, как Иассон, дав *доволное*, избавил Павла и таким образом положил за него душу свою. *Сии же*, говорит, *бяху благороднейши живущих в Солуни*, то есть были такими по добродетели и вере в Бога. *Иже прияша слово со всем усердием, по вся дни разсуждающе Писания, аще суть сия тако*, — не просто, по увлечению или соревнованию.

Город был большой и в нем были негодные люди. Нет ничего удивительного, что в большом городе были худые люди; весьма естественно быть худым людям в большом городе, где так много случаев к бесчинствам. Как в теле, когда болезнь делается сильнее, то находит себе более материала и пищи, — так и здесь было тоже, что и в Иконии, что бывает и теперь. Павел удаляется, чтобы они (иудеи) остались виновными в погибели других (необращенных). Почему Павел и говорил: *возбраняющих нам глаголати языком* (1 Сол. II, 16). А почему, скажешь, они не остались здесь? Почему не совершили знамений? Если (Павел) оставался довольно времени там, где был побиваем камнями, то тем более (мог остаться) здесь. Почему? Богу не было угодно, чтобы

они постоянно совершали знамения; и если гонимые побеждают без знамений, то это есть не меньшее знамение, как и совершать знамения. Как теперь (Бог) побеждает без знамений, так точно Он часто благоволил побеждать и тогда. Апостолы не прибегали к знамениям, как и Павел говорит: *мы же проповедуем Христа распята* (1 Кор. I, 23); ищущим знамений и премудрости мы сообщаем то, в чем иной не мог бы убедить и при помощи знамений, и убеждаем. Это и есть великое знамение. Когда же проповедь распространялась, то, смотри, как часто они прибегают к знамениям. Для верующих следовало совершать больше знамений, нежели для прочих; потому они и совершаются; впрочем (апостолы) совершали их тогда, когда уходили и приходили. *Отпустиша*, говорит (писатель), *Павла ити на поморие.* Для чего? Чтобы (иудеям) нелегко было взять его. Таким образом (отпустившие Павла) сами по себе могли сделать нечто великое, а с ним сделали бы и успели бы еще более; но они хотели пока избавить его от опасности.

3. Смотри, какую заботливость проявляли все ученики о верховных (апостолах), не так как мы теперь, мы, которые отделились друг от друга, разделились на великих и малых; одни превозносимся, другие завидуем; эти завидуют потому, что мы надмеваемся и не хотим равняться с ними. В теле нашем есть согласие, потому что (между членами его) нет надменности; а нет надменности потому, что все члены по необходимости имеют нужду один в другом; голова имеет нужду в ногах, а ноги – в голове. И между нами Бог устроил то же самое, но несмотря на то мы не хотим (равняться с другими), хотя и без этого следовало бы иметь любовь между собой. Не слышите ли, как и внешние (язычники) осуждают нас, когда говорят: дружба полезна? Миряне имеют нужду в нас, а мы существуем для них. Так, не было бы ни учителя, ни начальника, если бы не было

учащихся и подчиненных, и не явили бы они дел своих, потому что не могли бы. Как земля имеет нужду в земледельце и земледелец в земле, так и здесь. Какое воздаяние получит учитель, если он не может показать наученных им? Какое – и учащиеся, если они не пользовались добрым учением? Таким образом мы равно имеем нужду друг в друге, начальники в подчиненных, настоятель в послушниках; начальники существуют для других многих. Никто ни в каком деле не может ограничиться самим собой, нужно ли будет рукополагать, или давать советы и мнения, но получает большую честь от собрания и множества. Например, бедные имеют нужду в подающих, а подающие в приемлющих. *Да разумеваем друг друга*, говорит (апостол), *в поощрении любве и добрых дел* (Евр. X, 24). Потому много может общение с Церковью, и кто не может сделать что-либо сам собой, то сделает вместе с другими. Потому-то здесь особенно совершаются потребные молитвы о вселенной, о Церкви во всех пределах, о мире, о находящихся в опасностях. И Павел выражает это, когда говорит: *да от многих лиц, еже в нас дарование, многими благодарится о нас* (2 Кор. I, 11), то есть чтобы воздана была благодарность многим. И часто он испрашивает себе молитв их. Посмотри, что и Бог говорит о ниневитянах: *не пощажду ли града, в нем же живут множайшии неже дванадесять тем человек* (Ион. IV, 11)? *Идеже еста два или трие*, говорит (Христос), *собрати во имя мое, ту есмь посреде их* (Мф. XVIII, 20). Если же двое могут сделать много, то не тем ли более многие? Положим, что ты и один имеешь силу, но не столько (как с другими). И почему ты один? Почему не собираешь многих? Почему не делаешься виновником любви? Почему не устрояешь дружбы? Ты не имеешь величайшей славы добродетели. Как зло, сделанное по согласию с другими, более оскорбляет Бога, так и добро, сделанное по согласию

с другими, более приятно Ему. *Да не будеши*, говорит (писание), *со многими на злобу* (Исх. XXIII, 2). *Вси уклонишася, вкупе, неключими быша* (Пс. XIII, 3) и сделались подобны ликующим в злобе своей. Позаботься приобрести себе друзей прежде домашних своих, прежде всего прочего. Если *миротворец* есть *сын Божий* (Мф. V, 9), то не тем ли более приобретающий друзей? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то делающий примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будем совершать эту куплю, враждующих между собой делать друзьями, соединять тех, которые ни враги ни друзья между собой, а прежде всех – нас самих. Как тот, кто допустил вражду в своем доме и живет не в согласии со своей женой, не будет иметь доверия, когда станет примирять других, но услышит слова: *врачу, исцелися сам* (Лк. IV, 23), так точно и мы услышим здесь. Какая же вражда у нас? Вражда души с телом, порока с добродетелью. Прекратим эту вражду, уничтожим эту брань; тогда и других будем вразумлять с миром и с великим дерзновением, без упреков совести. Гнев противится кротости, любостяжание противится презрению богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратим эту брань, низложим этих врагов, поставим эти трофеи, устроим мир в нашем городе. У нас ведь есть свой город и управление, граждане и множество пришельцев. Изгоним пришельцев, чтобы не развратились наши граждане. Да не входит к нам никакое чуждое и нездравое учение, никакое плотское мудрование. Не видим ли мы, что если кто-нибудь из неприятелей будет пойман в городе, то судится, как соглядатай? Изгоним же пришельцев, или лучше, не пришельцев только, но и врагов. Если заметим какой-нибудь помысл, враждебный нам, но прикрывающийся одеждой гражданина, предадим его начальнику – уму. Много у нас таких помыслов, враждебных по существу своему, но прикрывающихся овечьей ко-

жей. Как персы, сняв свою тиару, шаровары и обувь, и надев другую одежду, употребляемую у нас, остригшись догола и говоря на здешнем языке, под этим внешним видом скрывают свою вражду, а если подвергнешь их пытке, то откроешь скрываемое, так и здесь: подвергни тысяче пыток этот помысл, и тотчас увидишь враждебное мудрование. Но, чтобы показать вам пример этих соглядатаев, которых диавол посылает подсматривать за нами, разоблачим хотя одного из них и тщательно допросим перед судилищем; и, если угодно, представим некоторых из обличенных Павлом: *яже суть*, говорит он, *слово имуща премудрости в самоволней службе и смиренномудрии и непощадении тела, не в чести коей к сытости плоти* (Кол. II, 23). Так, например, диавол хотел ввести ересь жидовствующих. Если бы он стал прямо вводить ее, то никого не убедил бы. Смотри же, как он сделал это: не нужно, говорит, щадить своей плоти. Не прилепляться к пище, но воздерживаться, вот это – любомудрие, это – смиренномудрие. И ныне еще он вместе с еретиками хотел низвести нас до почитания твари. Смотри же, как он устроил свой коварный замысел. Если бы он сказал: поклоняйся твари, то был бы обличен; но что? Бог, говорит, сотворен. Обличим же его перед судом судей, (разумеющих) смысл апостольских писаний; к ним приведем его; они распознают, что проповедь и что пустословие. Многие собирают имущества, будто бы для того, чтобы иметь что подать бедным, собирают неправедно; и это также злой помысл. Отвергнем его, обличим, чтобы нам не быть уловленными, но чтобы, избегая всех козней диавола и верно содержа здравое учение, нам безопасно пройти настоящую жизнь и сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVIII

Во Афинех же ждущу их Павлу, раздражашеся дух его в нем, зрящем идол полн сущ град. Стязашеся убо на сонмищи со Иудеи и с честивыми, и на торжищи по вся дни с приключающимися (Деян. XVII, 16, 17)

1. Смотри, как он терпел от иудеев гораздо более искушений, нежели от эллинов. В Афинах даже он не потерпел ничего такого, но все кончилось смехом, и еще убедил (некоторых); от иудеев же много пострадал: так сильно они были вооружены против него! Потому и говорит (писатель): *во Афинех же ждущу их Павлу, раздражашеся дух его в нем, зрящем идол полн сущ град.* Справедливо он огорчался, потому что нигде нельзя было видеть столько идолов. *Стязашеся убо на сонмищи со иудеи и честивыми, и на торжищи по вся дни с приключающимися.* Смотри, как он опять беседует с иудеями, и через это заграждает уста тем, которые утверждают, будто он оставил их, обратившись к язычникам. Удивительно, что философы горделиво не посмеялись ему тотчас же, как он стал говорить, и не отвергли его учения, сказав: оно далеко от философии. Это потому, что он не имеет надменности; или, с другой стороны, потому, что они не понимали и не разумели ничего из сказанного. В самом деле, могли ли (уразуметь его) те, из которых одни почитали Бога существом телесным, другие удовольствие считали блаженством? *Нецыи же от Епикур и от Стоик философов стязахуся с ним, и неции глаголаху: что убо хощет суесловивый сей глаголати? Инии же: чуждих богов мнится проповедник быти: яко Иисуса и воскресение благовествоваше им* (ст. 18). Они думали, что воскресение есть какое-нибудь божество, так как имели обычай почитать и женщин. *Поемше же его, ведоша на Ареопаг, глоголюще: можем ли разумети, что новое сие глаголемое тобою учение?*

Странна бо некая влагаеши во ушеса наша. Хощем убо разумети, что хотят сия быти (ст. 19, 20). Повели его в ареопаг не для того, чтобы научиться, но чтобы наказать его, так как там судились уголовные преступления. Смотри, как они, под видом желания научиться, во всем обнаруживают свою страсть к новостям. Город их был город пустословов. *Афинеи же еси и приходящии страннии ни во что же ино упражняхуся, разве глаголати что или слышати новое. Став же Павел посреде Ареопага, рече: мужии афинейстии, по всему зрю вы, аки благочестивыя. Проходя бо и соглядая чествования ваша обретох и капище, на нем же бе написано: неведомому Богу. Его же убо неведуще чтете, сего аз проповедую вам* (ст. 21–23). Как бы похваляя их, он, повидимому, не говорит им ничего неприятного. *Зрю вы*, говорит, *яко благочестивыя*, то есть набожные. *На нем же бе написано: неведомому Богу.* Что это значит? Афиняне, принимавшие в разные времена разных богов и даже иноземных, например, богиню Минерву, Пана и других из других стран, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь бог, неведомый им, но почитаемый в другом каком-нибудь месте, для большей безопасности поставили жертвенник и ему; и так как этот бог был неизвестен, то и написали: неведомому Богу. Этот-то Бог, говорит Павел, и есть Иисус Христос, или лучше, Бог всех. *Его же убо неведуще чтете*, говорит, *сего аз проповедую вам.* Смотри, как он доказывает что они и прежде принимали Его. Ничего странного, говорит, ничего нового я не предлагаю. Они твердили ему: *что новое сие глаголемое тобою учение? Странна бо некая влагаеши во ушеса наша.* Потому он немедленно уничтожает их предубеждение и говорит: *Бог сотворивый мир и вся яже в нем, сей небесе и земли Господь сый* (ст. 24). Потом, чтобы они не думали, что Он есть один из многих (богов), в исправление этого присовокупляет: *не в рукотворнех храмех живет, ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя*

что (ст. 25). Видишь ли, как он мало-помалу научает любомудрию? Как посмеивается языческому заблуждению? *Дая всем живот и дыхания и вся. Сотворил же есть от единыя крове весь язык человечь, жити по всему лицу земному* (ст. 26). Это свойственно Богу. Но, заметь, это может быть сказано и о Сыне. *Небесе* и *земли*, говорит, *Господь сый*, – неба и земли, которые они считали богами. Объясняет им сотворение мира и людей. *Уставив предучиненая времена и пределы селения их, взыскати Господа, да поте осяжут его и обрящут, яко недалече от единого коегождо нас суща. О нем бо живем и движемся и есмы, якоже и нецыи от ваших книжник рекоша: сего бо и род есмы* (ст. 27, 28). Это сказал поэт Арат. Смотри, как он заимствует доказательства и из того, что ими самими сделано и сказано. *Род убо суще Божий, не должни есмы непщевати подобно быти Божество злату или сребру, или каменю художне начертану и смышлению человечу* (ст. 29). Но поэтому-то, скажут, и должны? Отнюдь нет; ни мы, ни наши души не (совершенно) подобны (Богу). Почему же он не стал прямо научать любомудрию и не сказал: Бог бестелесен по существу, невидим, неизобразим? Потому, что излишне было бы говорить это людям, которые еще не знали, что Бог один. Потому, не говоря об этом, он останавливается на более близком предмете и говорит: *лета убо неведения презирая Бог, ныне повелевает человеком всем всюду покаятися. Зане уставил есть день, в онь же хощет судити вселенней в правде, о муже, его же предустави, веру подая всем, воскресив его от мертвых* (ст. 30, 31). Смотри: тронув их душу словами: *уставил есть день*, и устрашив, он потом благовременно присовокупляет: *воскресив его от мертвых*. Но обратимся к вышесказанному. *Во Афинех же ждущу их Павлу, раздражашеся*, говорит (писатель), *дух его в нем*. Не гнев или негодование означает здесь раздражение, но горячность души и ревность, как и в другом месте, где говорится: *бысть распря* между ними (Деян. XV, 39).

2. Смотри, как это устраивается, тогда как он невольно остался здесь, ожидая своих спутников. Что значит: *раздражашеся*? Иначе сказать: возревновал; этот дар далек от гнева и негодования. Он не мог снести и скорбел духом. *Стязашеся же убо*, говорит (писатель), *на сонмищи со Иудеи и с честивыми*. Смотри: он опять беседует с иудеями. *Честивыми* же называются здесь прозелиты. Иудеи со времени пришествия Христова рассеялись повсюду, как потому, что с того времени закон потерял силу, так и для того, чтобы научать людей благочестью. Но сами они не получали никакой пользы, а только уверялись в своих бедствиях. *Нецыи же от Епикур и от Стоик философ стязахуся с ним*. Афиняне тогда уже не управлялись своими законами, как подвластные римлянам. А отчего философы стали состязаться с ним? Они видели, что другие беседуют с ним и что этот человек пользуется славой. И смотри, как обидно они тотчас же (выражаются), — *душевен бо человек не приемлет яже Духа Божия* (1 Кор. II, 14): *чуждих богов мнится*, говорят, *проповедник быти*. Демонами они называли своих богов; а города их были наполнены идолами. *Поемше же его, ведоша на Ареопаг, глаголюще*. Для чего повели его в ареопаг? Чтобы устрашить его, так как там судились уголовные преступления. *Можем ли разумети, что новое сие глаголемое тобою учение? Странна бо некая влагаеши во ушеса наша. Афинеи же еси и приходящии странии ни во что же ино упражняхуся, разве глаголати что или слышати новое*. Здесь указывается на то, что хотя они постоянно проводили время в том, чтобы говорить или слушать, но и для них казалось странным это (учение Павла), которого они еще не слыхали. *Став же Павел посреди Ареопага, рече: мужие афинеистии, по всему зрю вы, аки благочестивыя. Проходя бо и соглядая чествования ваша*. Не сказал прямо: *идолов*, но для предисловия к речи сказал: *зрю вы, аки благочестивыя*, по причине упомянутого жертвенника.

Бог, говорит, *сотворивый мир и вся яже в нем.* Произнес одно слово, которым ниспроверг все учения философов. Эпикурейцы утверждали, что все произошло само собой и составилось из атомов; стоики, – что все телесно и (составилось) из огнеобразного вещества; а он говорит, что *мир и вся яже в нем* – дело Божие. Видишь ли, какая краткость и в краткости какая ясность? И смотри, что им казалось странным. То, что Бог сотворил мир. Что теперь всякий знает, того не знали афиняне и мудрейшие из афинян. Если же Он сотворил, то очевидно, что Он есть Господь. Заметь, какое, по словам его, отличительное свойство Божества: творчество, которое принадлежит и Сыну. И пророки везде говорят, что творить свойственно Богу, – не так, как эти (еретики), которые признают творцом иное существо, а не Господа, предполагая несозданное вещество. Здесь он высказал и подтвердил свою мысль, но некоторым образом ниспроверг учение и этих (еретиков). *Не в рукотворенных*, говорит, *храмех живет.* (Бог) обитает и в храмах, но не в таких, а в душе человеческой. Смотри, как он ниспровергает чувственное служение (Богу). Как? Разве Бог не обитал в храме иерусалимском? Нет, но только действовал. Разве Он не принимал служения от рук человеческих у иудеев? Не от рук, но от души, и этого требовал не потому, чтобы имел в том нужду. *Еда ям*, говорит Он, *мяса юнча, или кровь козлов пию* (Пс. XLIX, 13)? Затем сказав: *ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что,* – не довольно ведь того, что Он ни в чем не нуждается, как сказано, хотя и это есть Божественное свойство, но надлежит быть еще и другому, – он присовокупляет: *сам дая всем живот и дыхание и вся.* Указывает два отличительные свойства Божества: ни в чем не нуждаться и всем подавать все. Сравни с этим то, что говорили о Боге Платон или Эпикур, и все в сравнении с этим окажется пустословием. *Дая*, говорит, *живот и дыхание.*

Вот и по отношению к душе, утверждает он, Бог есть творец ее, а не родитель. Посмотри еще, как он опровергает учение о веществе. *Сотворил же есть*, говорит, *от единыя крове весь язык человечь, жити по всему лицу земному.* Это гораздо лучше их (учения) и ниспровергает и атомы и (несозданное) вещество. Здесь он показывает, что и душа человеческая неделима, и что быть Творцом не то значит, что они говорят. А словами, что Бог *ни от рук человеческих угождения приемлет,* выражает то, что Он принимает служение душой и умом. *Сей*, говорит, *небесе и земли Господь,* – следовательно не частные боги. *Бог, сотворивый мир и вся, яже в нем.* Сказав наперед, как произошло небо, он потом изъяснил, что Бог живет не в рукотворенных (храмах) и как бы так сказал: если Он – Бог, то очевидно сотворил все; если же не сотворил, то Он и не Бог. Боги, говорит, которые не сотворили неба и земли, должны быть отвергнуты. Таким образом он преподал учение гораздо выше философов (хотя и не сказал еще о важнейшем, так как еще не пришло время, а он говорил с ними, как с детьми) – учение о творении, господстве (Бога), о том, что Он не нуждается ни в чем.

3. Сказав, что (Бог) *сотворил есть от единыя крове весь язык человечь,* он указал причину всех благ. Что может сравниться с этим величием? Удивительно – сотворить от одного столь многих; но еще удивительнее – обладать всеми. *Дая всем*, говорит, *живот и дыхание.* Что значит: *уставив предучиненая времена и пределы селения их, взыскати Господа, да поне осяжут его и обрящут?* Никому, говорит, не нужно было ходить и искать Бога; или, если не так, то: определил искать Бога, но определил не навсегда, а на *предучиненая времена.* Этими словами он выражает, что и теперь искавшие не нашли Его, хотя Он был так явен для ищущих, как бы находящийся перед нами осязаемый предмет. Не таково это небо, чтобы в одном месте оно было, а в другом – нет, чтобы в

одно время было, а в другое — нет; но во всякое время и на всяком месте можно найти его. Так устроил (Бог), что ищущим Его не препятствует ни место, ни время. Это самое и им много послужило бы во благо, если бы они захотели, то есть что это небо находится везде, существует во всякое время. Потому он и сказал: *яко не далече от единаго коегождо нас суща,* но находящегося близ всех. Это значит, что Бог не только дал нам жизнь и дыхание и все, но, что важнее всего, открыл путь к познанию Его; даровал то, через что мы можем найти и достигнуть Его. Но мы не захотели искать Его, хотя Он близ нас. *Не далече,* говорит, *от единаго коегождо нас суща.* Так, близок ко всем, говорит, находящимся повсюду во вселенной. Что может быть больше этого? Смотри, как он ниспровергает частных (богов). Что я говорю: *не далече?* Он так близок, что без Него невозможно и жить. *О нем бо живем и движемся и есмы.* Как бы указывает на вещественный пример в таком роде: как невозможно не знать воздуха, который разлит повсюду и находится недалеко от каждого из нас, или лучше, находится и в нас самих, так точно — и Творца всего. Смотри, как (Павел) приписывает Ему все — и промышление и сохранение, бытие, действие и продолжение (всего). Не сказал: через Него, но, что означает большую близость: *о нем.* Ничего подобного не сказал тот поэт, который выразился: *сего бо и род есмы.* Тот сказал о Юпитере, а он относит это к Творцу, разумея не то самое существо, которое тот (разумел), — да не будет! — но применяя к Нему то, что собственно сказано о другом; равно как и жертвенник он приписал Ему, а не тому, которого они почитали. Говорилось и делалось нечто, относящееся к Нему, но эллины не знали, что это относится к Нему, а относили к другому.

Скажи мне, о ком, собственно, можно было сказать: *неведомому Богу* — о Творце, или о демоне? Очевидно, что

о Творце, хотя они не знали Его, а того знали. Как те слова, что все сотворил (Бог), надобно относить собственно к Богу, а не к Юпитеру, какому-то человеку порочному, нечестивцу и чародею, так точно и слова: *сего бо и род есмы,* Павел сказал не в одинаковом (с поэтом), но в другом смысле. *Род Божий,* говорит, мы *есмы,* то есть родственные и ближайшие, или, так сказать, приближенные и соседственные. А чтобы они опять не сказали: *странна влагаеши во ушеса наша* (ничто ведь так мало не соответствует людям, как это), — он ссылается на поэта. И не сказал: вы, нечестивые и пренечестивые, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру; но смиренно говорит: *не должни есмы* думать это, но гораздо выше этого. Что же выше этого? Бог. Но и этого (не сказал), — потому что это имя означает (положительную) деятельность, — а говорит пока отрицательно: Божество не подобно этому; кто может сказать это? Смотри, как он доводит до понятия о бестелесном. Когда ум представляет тело, то вместе с тем представляет и пространство. *Род убо суще Божий, не должни есмы,* говорит, *непщевати подобно быти Божество злату или сребру или каменю, художне начертану и омышлению человечу.* Но кто-нибудь мог сказать: мы и не думаем этого; для чего же он говорит это? Он обращал речь свою ко многим; и хорошо сказал так. Если мы по душе не подобны этим (вещам), то тем более Бог. Таким образом он отклоняет их от этой мысли. И не только Божество не подобно искусственному изображению, но не подобно и другому какому-либо *смышлению человечу,* так как (все) изобретается или искусством или умом. Потому он и сказал: если Бог есть то, что изобретается искусством человеческим или умом, то и в камне было бы существо Божие. Если же мы живем Им, то как не находим Его? Вдвойне он осуждает их, и за то, что они не нашли Его, и за то, что изобрели тех (богов). Ум сам по себе

никогда не бывает достоверным. Когда он тронул их душу, показав, что они безответны, то, смотри, что присовокупляет: *лета убо неведения презирая, ныне повелевает человеком всем всюду покаятися.* Как? Разве никто из них не будет наказан? Никто из тех, которые желают покаяться. Об этих он говорит; не о скончавшихся, а о тех, которым проповедует. (Бог) не требует, говорит, отчета от вас. Не сказал: Он оставил без внимания, или попустил, но: вы находились в неведении. Презирал, то есть не подвергает наказанию достойных наказания. Вы находились в неведении; не говорит: вы делали зло добровольно, так как это видно из вышесказанного. *Всюду покаятися:* этими словами указывает на всю вселенную.

4. Смотри, как он отклоняет их от мысли о частных (богах). *Зане уставил есть*, говорит, *день, в оньже хощет судити вселенней в правде.* Смотри: опять указывает на вселенную, разумея здесь людей. *О муже, его же предустави, воскресив его от мертвых.* Смотри, как он, упомянув о воскресении, опять указал на страдание (Христово). А что этот суд праведен, видно из воскресения, так как одно другим подтверждается; и что все это он сказал справедливо, видно из того же, что (Христос) воскрес. Так и всем (апостолы) проповедовали веру (в Христа), удостоверяя, что Он воскрес; впрочем, это известно. Все это сказано афинянам; но благовременно сказать и нам, что *всем всюду* должно *покаятися: зане уставил есть день, в оньже хощет судити вселенней.* Смотри, как (Павел) представляет Его и судьей и промыслителем мира, человеколюбивым и милостивым, всемогущим и премудрым, и вообще со всеми свойствами, принадлежащими Творцу. Сказанное он привел в доказательство того, что Он (Христос) воскрес из мертвых. Итак, покаемся, потому что нам должно быть судимыми. Если бы Христос не воскрес, то мы не были бы судимы; если же Он воскрес, то мы непременно будем судимы: *на сие бо*, гово-

рит (Писание), *Христос и умре, да и мертвыми и живыми обладает* (Рим. XIV, 9); и еще: *еси бо предстанем судищу Христову* (Рим. XIV, 10), *да приимет кийждо, яже содела* (2 Кор. V, 10). Не думайте, что это одни только слова. Здесь он предлагает учение и о воскресении всех; иначе вселенная не может быть судима. Слова: *воскресив его от мертвых* относятся к телу (Христову); оно было мертво, оно подвергалось смерти. Эллины отвергают учение как о творении, так и о суде, утверждая, что это – выдумка детей и людей пьяных. Но мы, зная об этом верно, будем делать все на пользу нашу и постараемся примириться с Христом. Доколе мы будем враждовать против Него? Доколе будем питать к Нему чувство неприязни? Да не будет! говорят; к чему ты говоришь это? Не стал бы я говорить, если бы вы не делали этого; а теперь какая польза от того, что словами не выражаете этого, когда дела вопиют с такой ясностью? Как же нам возлюбить Его? Говорил я об этом тысячу тысяч раз; но скажем и теперь. Я нашел, кажется, один способ весьма важный и чудный. Размыслив о благодеяниях Божиих, касающихся всех вообще, и столь обильных, что невозможно и исчислить их, и за все это воздав Ему благодарность, будем все представлять то, что Он сделал для каждого из нас, и размышлять о том каждый день. Это имеет великую силу. Потому каждый из нас пусть помыслит сам в себе и тщательно припомнит, когда он, подвергшись опасности, избег от рук врагов, и пусть содержит благодеяния Божии как бы написанными в книге; например: не отправлялся ли он когда-нибудь в путь неблаговременно, и избегнул опасности; не имел ли когда-нибудь дела с негодными людьми, и вышел победителем; не впадал ли когда-нибудь в болезнь, и сверх всякого чаяния выздоравливал. Это много содействует к примирению нас с Богом. Если Мардохею добрые дела его, когда они были воспомянуты царем,

столько принесли пользы, что он опять достиг прежнего величия (Еф. VI, 1–12), то тем более (получим пользы) мы, если будем припоминать и тщательно наблюдать, в чем мы согрешили против Бога и какие блага Он даровал нам; тогда мы и будем благодарны и оставим все (греховное). Но никто не вспоминает ни о чем подобном, а как о грехах мы говорим, что мы грешны, не исследуя, в чем именно, так и о благодеяниях Божиих говорим, что Он благодетельствует нам, не исследуя, где именно, в чем и в какое время. Отныне же будем более внимательны. Если кто может припомнить и давние (благодеяния Божии), пусть тщательно размышляет о всем, и найдет в этом великое сокровище. Это полезно нам и для того, чтобы не впадать в отчаяние. Если мы увидим, что Он многократно благодетельствовал нам, то не станем отчаиваться и считать себя отверженными, но будем иметь великий залог попечения Его о нас, при мысли, что и согрешая мы не подвергаемся наказанию, но еще пользуемся Его благодеяниями.

5. Скажу нечто, слышанное мной от одного человека. Был один отрок, и случилось ему быть вместе с матерью за городом, когда ему еще не было пятнадцати лет. В это время сделалась дурная погода, и они оба заболели горячкой, а была осень. Мать поспешила отправиться в город, а отрок, которому врачи предписали остаться там, чувствуя жар от горячки, начал полоскать рот, рассуждая и думая, что он таким образом скорее уничтожит горячку, нежели если не будет употреблять ничего. Рассудив, как отрок, он по неблаговременному упрямству не переставал (делать это). Когда же прибыл в город, то у него отнялся язык, долго он не говорил и не мог произносить ничего раздельно; впрочем читал и долгое время ходил к учителям, но напрасно и без успеха. Не оставалось никакой надежды; мать была исполнена горести; многое придумывали врачи, многое при-

думывали и другие, но никто не помог, пока человеколюбивый Бог не разрешил уз языка его, и тогда он выздоровел и получил прежний дар слова и ясность голоса. Также рассказывала мать его, что он, будучи еще младенцем, имел в носу болезнь, называемую полипом. Врачи также отчаялись; мать молилась, чтобы он умер, и отец (тогда он был еще жив) желал ему того же; состояние его было совершенно безнадежное. Но вдруг он чихнул; при этом стремительным течением воздуха изверг из ноздрей означенное животное, и все страдания прекратились. Когда же прошла эта болезнь, то сделалось сильное гноевидное течение из глаз и, продолжаясь непрерывно, производило столь густое нагноение, что закрывало зрачок, как бы пеленой, и, к несчастью, угрожало слепотой, чего все и ожидали. Но, по благодати Божией, вскоре он избавился и от этой болезни.

Это я слышал; а теперь расскажу вам, что сам знаю. Однажды правители возымели подозрение на наш город, (тогда я был еще юношей) и, окружив его извне воинами, искали, не попадутся ли где чародейские и волшебные книги. Один, написавший такую книгу и бросивший ее недоконченной в реку, был пойман; так как по требованию он не мог представить ее, то был связан и водим по всему городу, и когда подозрения на него увеличились, то был казнен. В то время я, желая пройти в храм мучеников, шел через сады подле реки с одним человеком. Он увидел плывшую по поверхности книгу и сначала подумал, что это полотно; но когда приблизился, то увидел, что это — книга, и спустившись взял ее. Я еще смеялся и спорил с ним, чтобы находка была общей. Но посмотрим, сказал он, что это такое. Развертывает часть страницы и видит, что это — волшебная книга. Случилось, что в то же самое время проходил воин. Тогда тот скрыл ее и пошел, цепенея от страха. Кто мог поверить, что мы, вынув из реки, хоте-

ли истребить ее, тогда как и самые неподозрительные люди были задерживаемы? Бросить ее мы не смели, чтобы не быть замеченными; также страшно было разделить ее между собой. Но Бог устроил так, что мы и бросили ее и избавились от крайней опасности. Много такого я мог бы рассказать вам, если бы захотел перечислять все. И это рассказал я для вас, чтобы каждый, зная если не такие, то какие-нибудь другие (случаи), постоянно помнил об них. Например, не случалось ли, что камень, брошенный и могший упасть на тебя, не попадал в тебя; содержи это всегда в памяти. Это много содействует нам питать любовь к Богу. Если мы, вспоминая о людях, избавивших нас от чего-нибудь, сильно сокрушаемся, когда не можем возблагодарить их, то тем более (должны быть благодарны) к Богу. Это полезно и в другом отношении. Хотим ли мы не унывать в несчастии, будем говорить: *аще благая прияхом от Господа, злых ли не стерпим* (Иов. II, 10)? И Павел для того говорил о своем избавлении от опасностей, чтобы вспомнить (о благодетелях). Смотри, как Иаков содержал все в уме своем; потому и говорил: *ангел, иже мя избавляет* от юности моей (Быт. XLVIII, 16). И не только то будем помнить, что (Господь) избавлял нас, но и то, как и в каком случае. Вот и (Иаков) помнил самые частности благодеяний. *С жезлом бо сим*, говорит, *преидох Иордан* (Быт. XXXII, 10). Иудеи всегда помнили даже благодеяния, оказанные предкам их, повторяя бывшее в Египте; тем более мы (должны помнить) о своих обстоятельствах и о случившемся с нами самими, о том, как часто мы впадали в затруднения и несчастья, и если бы (Бог) не подавал нам руку помощи, то мы давно бы погибли. Зная это и повторяя каждый день, будем все мы постоянно благодарить Бога и все вместе воссылать Ему хвалу и непрестанно славить Его, чтобы за благодарность свою получить нам великое воздаяние, благодатью и

щедротами Единородного Его Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIX

Слышавше же воскресение мертвых, овии убо ругахуся, овии же реша: да слышим тя паки о сем. И тако Павел изыде от среды их (Деян. XVII, 32, 33)

1. Почему Павел, успевший так убедить афинян, что они говорили: *да слышим тя паки о сем,* и тогда как не было опасностей, спешил оставить Афины? Вероятно, он не ожидал здесь большой пользы; а с другой стороны, он был веден Духом в Коринф. *Нецыи же мужие прилепившеся ему, вероваша: в нихже и Дионисий Ареопагитский, и жена именем Дамарь, и друзии с ними. По сих же отлучився Павел от Афин, прииде в Коринф. И обрет некоего Иудеанина именем Акилу, Понтянина родом, новопришедша от Италии, и Прискиллу жену его (зане повелел бяше Клавдий отлучитися всем Иудеем от Рима), прииде к ним и зане единохудожником быти, пребысть у них, и делаше: бяху бо скинотворцы хитростию* (XVII, 34; XVIII, 1–3). Точно, как я сказал, он был веден Духом в Коринф, где должен был остаться. Афиняне, хотя и любили слушать новости, но не были внимательны (к проповеди); они не показывали никакого усердия, а старались только о том, чтобы постоянно иметь какой-нибудь предмет для разговора; это и было причиной, что они отступили (от Павла). Но если у них был такой нрав, то почему они обвиняют его, что он *чуждых богов мнится проповедник быти* (XVII, 18)? Потому что это (учение) для них было весьма непонятно. Впрочем он убедил Дионисия Ареопагита и некоторых других. Те, которые заботи-

лись о благоустроении своей жизни, скоро приняли слово; а прочие нет. Павлу казалось достаточным, что он посеял по крайней мере семена; а тогда протекла уже большая часть его жизни, так как он скончался при Нероне. Между тем воздвигнуто было Клавдием гонение на иудеев, хотя и издалека, но не напрасно, чтобы хотя таким образом вразумить их: из Рима они были изгнаны, как люди вредные.

Потому по устроению (Божию) случилось то, что (Павел) отведен был туда, как узник, не затем, чтобы быть изгнанным оттуда, как иудей, но чтобы остаться там и действовать под стражей. *И пребысть*, говорит (писатель), *у них*. Так, какое нашел он оправдание – жить с ними? Здесь особенно требовалось, чтобы он не брал (содержания от Церкви), как он сам говорит: *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (2, Кор. XI, 12); потому и устрояется, что он живет здесь. *Стязавшеся же на сонмищах по вся субботы, и препираше Иудеи и Еллины. И егда снидоша от Македонии Сила же и Тимофей, тужаше духом Павел, свидетельствуя Иудеом Христа Иисуса* (ст. 4, 5). То есть они оскорбляли его, нападали на него. Так они (делали); а что Павел? Он оставляет их, и притом с великой угрозой. Уже не говорит: *вам бо лепо глаголати слово* (Деян. XIII, 46), но и с внешним знаком обращается к ним: *противящимся же им и хулящим, отряс ризы своя, рече* к *ним: кровь ваша на главах ваших: чист аз: отныне во языки иду. И прешед оттуду, прииде в дом некоего именем Иуста, чтуща Бога, емуже храмина бе вскрай сонмища. Крисп же начальник собора верова Господеви со всем домом своим: и мнози от Коринфян слышавше веровaху и крещахуся* (ст. 6–8). Смотри, как опять, сказав: *отныне*, он однако не перестает пещись о них; и следовательно сказал это для того, чтобы возбудить их. И затем пошел к Иусту, которого дом был подле синагоги. Поселился в соседнем доме, чтобы это самое соседство возбудило в них

ревность, если бы они захотели. *Крисп же*, говорит (писатель), *начальник собора верова Господеви со всем домом своим.* И это весьма много могло содействовать к их обращению. *Рече же Господь в видении нощном Павлу: не бойся, но глаголи, и да не умолкнеши: зане аз есмь с тобою, и никтоже приложит ти озлобити тя: зане людие суть ми мнози во граде сем* (ст. 9, 10). Смотри, каким образом Он убеждает его и как потом говорит ему то, что особенно ободряло его: *зане людие суть ми мнози во граде сем.* Как же, скажет кто-нибудь, они все вместе напали на него? Но они ничего не сделали ему, а только привели его к проконсулу. *Пребысть же лето и месяц шесть, уча в них слову Божию, Галлиону же Анфипату сущу во Ахаии, нападоша единодушно Иудеи на Павла и приведоша его на судилище, глаголюще, яко противу закону сей увещавает человеки чтити Бога* (ст. 11—13). Видишь ли, для чего они всегда представляли свои обвинения всенародно? Но, смотри, когда они сказали, что *противу закону сей увещавает человеки чтити Бога,* проконсул нисколько не обращает на это внимания, а напротив еще защищает Павла. Послушай, как он отвечает: *аще убо неправда была бы кая или дело злое,* до города касающееся, *о Иудеве, по слову послушал бых вас* (ст. 14). Он был, кажется мне, человек кроткий; это видно из его благоразумного ответа. *Хотящу же Павлу*, говорит (писатель), *отверсти уста, рече Галлион ко Иудеем: аще убо неправда была бы кая или дело злое, в Иудее, по слову послушал бых вас. Аще ли же стязания суть о словеси и о именех и о законе вашем, ведите сами: судия бо аз сим не хощу быти. И изгна их от судилища. Емше же еси Еллины Сосфена начальника собора, бияху пред судилищем: и ни едино о сих Галлиону радение бысть* (ст. 14—17). И отсюда опять видна кротость этого мужа. Когда того били, он не почел этого для себя оскорблением: так дерзки были иудеи!

2. Но рассмотрим прочитанное выше. *Слышавше же воскресение мертвых, овии убо ругахуся, овии же реша: да слы-*

шим тя паки. Слыша так много великого и высокого, они не обращали внимания, но смеялись; а смеялись они (над учением) о воскресении: *душевен бо человек не приемлет яже Духа Божия* (1 Кор. II, 14). *И тако*, говорит (писатель), *изыде Павел от среды их. Тако*. Как? Убедив одних, осмеянный другими. *Отлучився же от Афин*, говорит, *прииде в Коринф. И обрет некоего Иудеанина именем Акилу, Понтянина родом, новопришедша от Италии, пребысть у них и делаше*. Смотри, как закон начинает уже терять силу. Будучи иудеем, он остригся впоследствии: в Кенхреях и отправился с Павлом в Сирию. Будучи понтянином, он поспешил идти не в Иерусалим или ближе к нему, но дальше. У него и пребывает (Павел) и пребывать не стыдится; но потому и пребывает, что находит здесь убежище удобное, гораздо удобнее для него царских чертогов. Не смейся, слыша это, возлюбленный! Ведь, как для борца более полезна палестра (школа, в которой упражнялись в борьбе), нежели мягкое ложе, так и для воина – меч железный, а не золотой. *И делаше* проповедуя. Устыдимся мы, которые и не проповедуя живем праздно. *Стязашеся же на сонмищах*, говорит, *по вся субботы, и препираше Иудеи и Еллины. Противящимся же им и хулящим*, отступил: отступил, надеясь таким образом скорее обратить их. Для чего, в самом деле, он, оставив тот дом, поселился ближе к синагоге? Не для этого ли? Он не видел опасности и там. *Свидетельствуя*, говорит, им. Уже не учит, но свидетельствует. *Противящимся же им*, говорит, и *хулящим отряс ризы, рече: кровь ваша на главе вашей*. Делает это для того, чтобы не только словом, но и делом устрашить их; и говорит им с большей силой, как уже убедивший многих. *Чист*, говорит, *аз. Отныне во языки иду*. Так и мы виновны в крови тех, которые вверены нам, если нерадим о них. Подобным образом, когда он говорит: *прочее труды да никтоже ми дает* (Гал. VI, 17), говорит

для того, чтобы устрашить, так как не столько могло устрашить их наказание, сколько эта (угроза). *И прешед оттуда, прииде в дом Иуста.* Переходит, желая внушить им, что он отошел к язычникам. *Крисп же начальник собора,* говорит (писатель), *верова Господеви со всем домом своим.* Смотри, как тогда верные делали это целыми семействами. Затем вскоре и многие другие веровали и крестились. Начальником синагоги здесь называется тот самый Крисп, о котором (Павел) говорит в Послании: *ни единого крестих, точию Криспа и Гаия* (1 Кор. 1, 14). А этот, мне кажется, называется и Сосфеном, так как этот муж был столько верен, что и был бит и всегда находился при Павле. *Рече же,* говорит (писатель), *Господь в видении Павлу: не бойся, но глаголи.* Потому он и оставался там долгое время; хотя побуждало его к этому и множество (верующих), но благоволение Христово – более. А предстояла большая опасность, когда уверовали многие и даже сам начальник синагоги. *Не бойся,* говорит. Этого достаточно было, чтобы ободрить его; он обличается в боязни, или лучше, не обличается, но ободряется, чтобы этого с ним не случилось. (Бог) не попускал апостолам постоянно терпеть бедствия, чтобы они не изнемогли. Павла же ничто столько не огорчало, как неверующие, как противившиеся; это было для него тяжелее самых опасностей. *И да не умолкнеши,* говорит, *зане людие мнози суть ми во граде сем.* Может быть, поэтому и является ему Христос. *Галлиону же,* говорит (писатель), *Анфипату сущу во Ахаии, нападоша единодушно Иудеи на Павла.* Смотри, как они нападают спустя год и шесть месяцев, когда уже не имели права пользоваться своими законами. Коринфян особенно ободряло то убеждение, что правитель не унизит себя, так как не все равно было, победить ли посредством словопрения, или внушить, что об этом деле он нисколько не заботится. И посмотри, как он был благоразумен. В ответе своем он не ска-

зал прямо: это не мое дело; но что? *Аще убо неправда была бы кая или дело злое, о Иудее, по слову послушал бых вас: аще ли же стязания суть о словеси и о именех и о законе вашем, ведите сами: судия бо аз сим не хощу быти. И изгна их от судилища.* Блестящая победа! *Емше же Сосфена начальника собора, бияху пред судилищем: и не едино о сих Галлиону радение бысть.* О, какой стыд они испытали! *И ни едино от сих,* говорит, *Галлиону радение бысть,* хотя все было сделано для его оскорбления; а они, как бы власть какую имея, бьют (начальника), постыдно совершают дело безумной ярости! Почему же он не бил их со своей стороны, хотя имел власть над ними? Чтобы они научились любомудрию. Он не бьет их с своей стороны, чтобы судья узнал, кто из них более кроток. Это не мало принесло пользы и присутствующим. Кротость одних и дерзость других показывали, что для всего этого нужен судебный приговор; но они все делали беспорядочно. И не сказал: не должно, — чтобы они в другой раз не стали бить его, — но: не хочу. *Судия бо аз,* говорит, *сим не хощу быти.* Так кроток был этот муж! Подобным образом и Пилат говорил о Христе: *поимите его вы, и по закону вашему судите* (Ин. XVIII, 31). Он хотел, чтобы они судили по закону; а они поступали, как пьяные и беснующиеся. Потому Павел прибыл из Афин (в Коринфе), что здесь были *людие мнози.* Он был бит, и ничего не говорил.

3. Будем и мы подражать ему. Бьющим нас будем воздавать кротостью, молчанием, долготерпением. Это — раны более тяжкие, удар более сильный и действительный, так как тяжко поражение не тела, а души. Мы многим наносим удары; но если это делается по дружбе, то даже нравится; если же ты будешь бить кого-нибудь с гневом, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорчение, — так мы поражаем более сердце их. Докажем же, по возможности, что кротость поражает более, нежели сопротивление. Яснейшее до-

казательство этого было бы из дел и из опыта; но, если угодно, объясним это и словом, хотя мы уже многократно делали это. При оскорблениях мы ничем столько не огорчаемся, как мнением присутствующих; не все равно — получать ли оскорбление при всех, или наедине; мы переносим легко те оскорбления, которые наносятся нам наедине, когда нет свидетелей и никто не знает о том. Следовательно, не самое оскорбление огорчает нас, но то, что оно наносится при всех, так что, если бы кто-нибудь при всех хвалил нас, а наедине поносил, то мы еще были бы ему благодарны. Значит, огорчение зависит не от самого оскорбления, но от мнения присутствующих, перед которыми (мы не хотим) казаться достойными презрения. Теперь: что, если мнение их будет в нашу пользу? Не больше ли потерпит сам оскорбитель, если они подадут голос за нас? Кого же, скажи мне, осуждают посторонние свидетели: того ли, кто наносит оскорбление, или того, кто подвергается ему и молчит? Гнев увлекает нас в то время, когда наносится оскорбление; посмотрим же теперь, когда мы свободны от этой страсти, чтобы нам не увлекаться и тогда. Кого все мы осуждаем? Без сомнения того, кто наносит оскорбление; если он ниже нас, мы говорим, что он беснуется; если равен, говорим: он безумствует; если выше — и тогда не одобряем. Кто, скажи мне, достоин одобрения, тот ли, кто возмущается, неистовствует, свирепствует, как дикий зверь, восставая против имеющих одинаковую с ним природу, или тот, кто пребывает в спокойствии, как в пристани, и сохраняет великое любомудрие? Последний не уподобляется ли ангелу, а тот похож ли и на человека? Тот и собственного зла сдержать не может, а этот удерживает и чужое; тот и самим собой владеть не может, а этот обуздывает и другого; тот терпит кораблекрушение, а этот плывет безопасно на своем корабле при попутном ветре; он именно не

позволяет ветру гнева устремляться в паруса и потоплять мысленную ладью его, но легкий и приятный ветер — дыхание незлобия — веет ему и с великим спокойствием приводит его в пристань любомудрия. Как во время крушения корабля плывущие на нем не знают, что они выбрасывают в море, свою ли собственность или вверенное им достояние других, но бросают без разбора все, в нем находящееся, и драгоценное и не драгоценное; когда же буря прекратится, то, размышляя о том, что бросили, плачут и не радуются тихой погоде, по причине потери выброшенного, — так точно и здесь. Когда свирепствует гнев и поднимается эта буря, не думают, что нужно выбросить и чего нет; когда же гнев прекратится, тогда, размышляя о том, что выбросили, видят только вред и не радуются самому спокойствию, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великий ущерб понесли не в деньгах но в отношении к смирению и кротости. Подлинно, гнев есть тьма. *Рече*, говорит (Писание), *безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс. XIII, 1). Можно, кажется, и о гневающемся сказать: *рече* гневающийся: *несть Бог*. Он *по множеству гнева своего не взыщет*, говорит (Писание — Пс. IX, 25). Если же является помысл благочестивый, то все (другие помыслы) он устраняет, отгоняет и ниспровергает. Если ты не чувствуешь, как ты терпишь вред более оскорбляемого, то оскорбляй; если не будет никого, кто стал бы осуждать тебя, то суд совести, постигнув тебя наедине, накажет в тысячу раз более. В самом деле, когда ты слышишь, что оскорбленный тобой не сказал ни одного обидного слова, не скорбишь ли ты более его? Как, скажи мне, человека тихого, смиренного и кроткого ты осыпал тысячью укоризн? Так говорим мы часто, но не видим, чтобы тоже было соблюдаемо на деле. Как ты — человек — оскорбляешь человека? Раб — подобного себе раба? Но что дивиться этому, когда многие оскорбляют самого Бога?

4. Да будет это утешением для вас, которые терпите оскорбления. Вас оскорбляют? Бывает оскорбляем и Бог. Вас поносят? Бывает поносим и Бог. Вас подвергают оплеванию? Тоже (терпел) и Господь наш. В этом Он имеет общее с нами, а в противном этому – нет. Он никогда несправедливо не оскорблял, – да не будет, – не поносил, не обижал. Следовательно мы (оскорбляемые) имеем с Ним общее, а не вы (оскорбляющие). Переносить оскорбления свойственно Богу, а оскорблять напрасно – диаволу. Вот две противные стороны. *Беса имаши* (Ин. VIII, 48), – такие слова выслушал Христос; Его по ланите ударил раб архиереев (Ин. XVIII, 22). На сторону этих людей и становятся оскорбляющие несправедливо. Действительно так. Если Петр был назван сатаной за одно только слово (Мф. XVI, 23), то тем более такие люди могут быть названы иудеями, когда творят дела иудеев, а эти (названы) сынами диавола, потому что творили дела диавола (Ин. VIII, 44). Ты оскорбляешь (другого): но, скажи мне, кто ты? Или лучше, потому ты и оскорбляешь, что сам ты – ничто. Человеку не свойственно наносить оскорбления. При столкновении говорят: ты кто? Напротив следовало бы говорить: оскорбляй, ведь ты ничто. Теперь, когда мы говорим оскорбителю: ты кто? – слышим в ответ: во всех отношениях лучше тебя. Между тем следовало бы говорить противное. Но как мы дурно предлагаем вопрос, то и они дурной дают ответ. Значит, виноваты мы сами. Мы обращаемся к оскорбителям как бы к каким великим людям, когда говорим: ты кто, что оскорбляешь? Поэтому они так и отвечают. А следовало бы говорить напротив: ты оскорбляешь? – оскорбляй; ведь ты – ничто. Скорее к тем, которые не наносят оскорблений, следовало бы говорить: ты кто, что не оскорбляешь? Ты выше естества человеческого. В том и благородство, в том и свобода, чтобы никому не говорить

ничего унизительного, хотя бы иной и был достоин того. Скажи мне: сколько есть людей, достойных смерти? И однако судья сам собой не осуждает их, но допрашивает и притом не сам лично. Если же не принято, чтобы судья сам говорил с дурным человеком, но для этого нужен какой-нибудь посредник, то тем более мы не должны оскорблять людей равных нам. Мы не столько получим пользы от оскорбления других, сколько от убеждения, что в таком случае мы унижаем самих себя. Итак, дурных людей не должно оскорблять по этой причине, а добрых – еще по другой: потому, что они не заслуживают того. Есть еще и третья – та, что не должно быть оскорбителем. А теперь, посмотри, что происходит: человек оскорбляется и унижается, а с ним вместе и оскорбляющий и все наблюдающие это. Что же? Не привести ли зверей к ним, чтобы решить дело? Остается это (одно средство). Если люди рады наносить друг другу оскорбления, то остается – предоставить зверям примирение. Как в доме, когда ссорятся господа, примирения их остается ожидать от слуг (этого требует самое существо дела, хотя, может быть, этого и не бывает), – так и здесь. Ты оскорбляешь? Не удивительно; ведь ты – не человек. Оскорбление кажется каким-то великим делом и почитается приличным людям великим; но это скорее прилично рабам, а свободным приличны добрые речи. Как делать зло свойственно первым, так терпеть зло свойственно последним. Например, служанка, намеревающаяся украсть, тайно похищает добро господина своего; так бывает и с оскорблением: как вор, – скажем, – войдя осторожно, озирается кругом, ища похитить что-нибудь, так и этот высматривает все, чтобы выдать что-нибудь другим. Изобразим его еще другим примером: как тот, кто похитил из дому нечистые сосуды и вынес их перед всеми, не столько стыдится дела похищения, сколько самого

себя, видя, что он похитил и вынес такие сосуды, так и этот, высказав перед всеми скверныесловные речи, срамит этими словами не других, а себя, высказав их и осквернив ими свой язык и разум. Когда мы ссоримся с дурными людьми, то бывает тоже, что с человеком, который бьет другого лежащего в грязи; он пачкает себя самого, касаясь грязи своими руками. Помня все это, — увещеваю вас, — будем избегать этого зла, будем иметь благоречивый язык, чтобы, соблюдая себя чистыми от всякой укоризны, мы могли безопасно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Бога, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XL

Павел же еще пребыв дни довольны, целовав братию, отплы в Сирию, и с ним Акила и Прискилла, остриг главу в Кенхреих: обрекся бо бе (Деян. XVIII, 18)

1. Смотри, как закон потерял силу; смотри, как они стеснялись совестью. Острижение головы по обету было иудейским обычаем; следовало при этом принести и жертву, которая не была (принесена) после того, как били Сосфена. (Павлу) надлежало удалиться, потому он и поспешает. Несмотря на просьбу *пребыти у них* в Эфесе, не соглашается (ст. 20). Для чего же он опять идет в Антиохию? *Возшед*, говорит (писатель), и *целовав церковь, сниде во Антиохию* (ст. 22). Он питал к этому городу особенную любовь — это человеческое чуство, потому что здесь ученики стали называться христианами; здесь он был предан благодати Божией; здесь он успешно окончил дело касательно учения (об обреза-

нии). Сам отправился в Сирию, а спутников своих оставил в Ефесе, вероятно, для того, чтобы они здесь учили, так как, находясь при нем столько времени, они многому научились, — только от иудейского обычая он еще не отклонил их. Итак вот и жена действует и учит подобно мужам. Идти в Азию он затруднялся, думаю, по каким-нибудь настоятельным нуждам. Смотри, как он, несмотря на просьбу — остаться здесь, не согласился, потому что спешил отправиться (в Иерусалим). Впрочем оставил их не просто, но с обещанием, а как именно, послушай. *Приста* же, говорит (писатель), *во Ефесе, и тех остави, тамо: сам же вшед в сонмище, стязашеся со Иудеи. Молящим же им на много время пребыти у них, не изволи: но отречеся им, глаголя: подобает ми всяко праздник грядущий сотворити во Иерусалиме: паки же возвращуся к вам, Богу хотящу. И отвезеся от Ефеса. И сошед в Кесарию, возшед и целовав церковь, сниде во Антиохию. И сотворь время некое, изыде, проходя по ряду Галатийскую страну и Фригию, утверждая вся ученики* (ст. 19–23). Смотри, опять идет в те места, по которым проходил прежде. *Иудеанин же некто Аполлос именем, Александрянин родом, муж словесен, прииде во Ефес, силен сый в книгах* (ст. 24). Вот и ученые мужи начинают проповедовать, и ученики наконец предпринимают путешествия. Видишь ли успех проповеди? *Сей бе оглашен пути Господню, и горя духом, глаголаше и учаше известно, яже о Господе, ведый токмо крещение Иоанново. Сей же начат дерзати на сонмищах. Слышавше же его Акила и Прискилла, прияша его, и известнее тому сказаша путь Господень* (ст. 25, 26). Если он знал только Иоанново крещение, то как он *горел духом?* Дух не сообщался при этом (крещении); и если оставшиеся после него (ученики) имели нужду в крещении Христовом, то тем более он должен был иметь в нем нужду. Что же сказать на это? Не напрасно писатель поместил одно вслед за другим. Мне кажется, что он был один из тех ста два-

дцати лиц, которые вместе с апостолами крещены (Духом Святым, Деян, I, 5, 16); если же нет, то с ним было тоже, что с Корнилием. Он не крещается, пока те подробнее не изложили ему (учения Господня). Но мне кажется истинным то, что и ему надлежало креститься, так как прочие двенадцать не имели точных познаний даже об Иисусе. Вероятно, он и был крещен. По крайней мере, если и ученики Иоанновы, после своего крещения, опять крестились, то и этим ученикам следовало сделать тоже. *Хотящу же ему преити во Ахаию, предпославше братия написаша учеником прияти его: иже пришед, пособствова много веровавшим благодатию. Твердо бо Иудеи обличаше пред людми, сказуя писанми, Иисуса быти Христа. Бысть же внегда быти Аполлосу в Коринфе, Павел прошед вышния страны, прииде во Ефес: и обрет некия ученики, рече к ним: аще убо Дух Свят прияли есте веровавше? Они же реша к нему: но ниже аще Дух Святый есть, слышахом. Рече же к ним: во что убо крестистеся? Они же рекоша: во Иоанново крещение. Рече же Павел: Иоанн убо крести крещением покаяния, людем глаголя, да во грядущего по нем веруют, сиречь в Христа Иисуса. Слышавше же крестишася во имя Господа Иисуса. И возложшу Павлу на ня руце, прииде Дух Святый на ня: глаголаху же языки и пророчествоваху. Бяху же всех мужей яко дванадесять* (XVIII, 27, 28; XIX, 1–7). Много отличались от того (Аполлоса) эти мужи, не знавшие даже, есть ли Дух Святой. А его посылают и пишут о нем те, которые подробнее изложили ему путь Господень. Впрочем он и сам хотел идти в Ахаию; но не пошел прежде, нежели братия отправили его и дали ему послание. *Иже пришед*, говорит (писатель), *пособствова много веровавшим: твердо бо обличаше пред людми, сказуя писанми, Иисуса быти Христа.* Отсюда видно, как сведущ был Аполлос в Писаниях. Он сильно заграждал уста иудеям, — это и значит: *обличаше,* – а верующих ободрял и укреплял в вере. *Бысть же*, говорит, *внегда Павел прошел вышния страны, прииде во*

Ефес. Это – страны, лежащие близ Кесарии и далее. *И обрет некия ученики, рече к ним: аще убо Дух Свят прияли есте веровавше?* Они не веровали и во Христа, как видно из слов: *да во грядущего по нем веруют.* Не сказал: крещение Иоанново есть ничто, но назвал его несовершенным; и это присовокупил не без причины, но чтобы научить и убедить их креститься во имя Иисуса, что они и делают и получают Духа Святого через возложение рук Павловых. *И возложшу,* говорит, *Павлу на ня руце, прииде Дух Святый на ня.* Таким образом на кого он возлагал руки, те получали Духа. Можно было иметь Духа и не обнаруживать этого, но они обнаруживали это действием, – тем, что говорили (иными) языками.

2. Но рассмотрим выше прочитанное. *Павел же отплы, в Сирию,* говорит (писатель), *и с ним Прискилла и Акила,* которых, придя в Эфес, он там и оставил. Оставил или потому, что не хотел взять с собой, или лучше для того, чтобы они были учителями для жителей Ефеса. Впоследствии же времени они жили в Коринфе; о них он превосходно отзывается и приветствует их в послании к Римлянам (XVI, 3, 4). Потому мне кажется, что они впоследствии отбыли в Рим, так как любили жить в этих местах, из которых были изгнаны при Нероне. *И сошед,* говорит, *в Кесарию и восшед и целовав церковь, сниде во Антиохию, и сотворь время некое, изыде, проходя по ряду Галатийскую страну и Фригию.* Мне кажется, что верующие там собирались (к нему); он не тотчас оставляет их. И смотри, как он спешит к ним. Прочие же страны проходит, чтобы своим посещением утвердить учеников. *Иудеанин же некто,* говорит (писатель), *Аполлос именем, прииде во Ефес, силен сый в книгах.* Он был муж ревностный; потому и предпринимает путешествие. *Иже пришед,* говорит, во *Ахаию, твердо обличаше Иудеи пред людми.* О нем говорил (Павел) в послании: о *Аполлосе же брате* (1 Кор. XVI, 12). В том, что он обли-

чал *пред людми,* являлась его смелость; в том, что — *твердо,* открывалась сила; а в том, что *сказывал* из божественных *Писаний,* выражалась опытность, так как и смелость сама по себе нисколько не приносит пользы, если нет силы, и сила — без смелости. Итак, не напрасно Павел оставил Акилу в Ефесе, но, может быть, для Аполлоса Дух устроил это, чтобы он явился в Коринф с большой силой. Но почему против него ничего не делали, а на Павла нападали? Они знали, что этот муж был главой, или — что велико было имя его. *Прияша же его,* говорит (писатель), *Акила и Прискилла, известнее тому сказаша путь* Божий. Смотри, как все (тогда) совершалось с верой; не было ни зависти, ни ненависти. Акила учит, но большему и сам научается. Пробыв некоторое время с (Павлом), они так научились, что стали способными учить и других. *Хотящу же ему,* говорит, *прейти во Ахаию, написаша учеником прияти его.* Объясняет, для чего они пишут послание; для того, говорит, чтобы приняли его.

Далее, откуда видно, что бывшие в Ефесе (ученики) имели крещение Иоанново? Из того, что на вопрос: *во что креститеся?* они отвечали: *во Иоанново крещение.* Может быть, они ходили в Иерусалим и возвратились оттуда крестившись; но и крестившись, не знали Иисуса. Не говорит им: веруете ли во Иисуса, но что? — *еще Дух Свят прияли есте*? Знал, что они не имели Его, но хочет, чтобы они сказали это, чтобы, узнав, чего недостает им, сами просили о том. *И возложшу,* говорит, *Павлу руце, прииде Дух Святый на ня, и глаголаху языки и пророчествоваху.* С самого крещения пророчествуют. Этого не сообщало крещение Иоанново; потому оно и было несовершенно. Оно только приготовляло к получению таких (благ), так как Иоанн, крещая, хотел, чтобы веровали в Грядущего по нем. Отсюда открывается великая истина, что крещающиеся (во имя Христово)

совершенно очищаются от грехов. Если бы не очищались, то эти люди не получили бы Духа и не сподобились бы тотчас же даров Его. И смотри, дар был двоякий: языки и пророчества. Хорошо он назвал крещение Иоанново крещением *покаяния*, а не отпущения, возводя их к тому убеждению, что оно не сообщало последнего, так как отпущение есть дело крещения, после данного. Почему же они, получив Духа, не учили, тогда как Аполлос и не получив Его (учил)? Потому, что они не были столько ревностны и столько научены; а он был и научен и весьма ревностен. Мне кажется, что этот муж имел и великое дерзновение. Впрочем, хотя он и правильно учил *яже о Иисусе*, однако имел нужду еще в подробнейшем научении. Таким образом, хотя он и не знал всего, но за свое усердие сподобился Святого Духа, подобно тому как бывшие с Корнилием. Может быть, многие желают, чтобы и теперь было крещение Иоанново. Но в таком случае многие не стали бы заботиться о добродетельной жизни, или можно было бы подумать, что каждый для этого, а не для царствия небесного, заботится о добродетели. Кроме того, было бы много лжепророков, не часто являлись бы *искуснии* (1 Кор. XI, 19), не ублажались бы принимающие веру просто. Ведь как блаженны *не видевшии и веровавше* (Ин. XX, 29), так и верующие без знамений. Не в укоризну ли, скажи мне, Христос сказал иудеям: *аще знамений не видите, не имате веровати* (Ин. IV, 48)? Итак мы ничего не потеряли, если только захотим быть внимательными. Главные блага мы получаем в крещении: отпущение грехов, освящение, причастие Духа, усыновление, вечную жизнь. Чего же еще хотите? Знамений? Но они упразднились. Ты имеешь веру, надежду, любовь, которые *пребывают;* их ищи; они больше знамений. Ничто не может сравниться с любовью: *больши же сих любы*, говорит (апостол, 1 Кор. XIII, 13). Ныне же любовь оскудевает; осталось

только имя ее, а на деле ее нет, но разделились мы между собой.

3. Что делать, чтобы соединиться. Ведь легко обличать, но это только половина дела: нужно еще показать, как устроить общение; нужно о том позаботиться, как нам соединить разделившиеся члены. Не о том только нужно заботиться, чтобы нам принадлежать к единой Церкви или (содержать) один и тот же догмат; но не хорошо то, что, имея общение друг с другом во всем прочем, мы не имеем его в необходимом, и (по-видимому) находясь в мире со всеми, не соблюдаем мира между собой. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собой каждый день, но на то, что у нас нет истинной и искренней любви. Нам нужны обвязание и елей (Лк. X, 34). Вспомним, что любовь есть признак учеников Христовых (Ин. XIII, 35), что без нее все прочее не значит ничего, что она есть дело не трудное; если захотим (иметь ее). Да, скажут, мы знаем это; но как достигнуть этого? Что нужно, чтобы она была у нас? Как сделать, чтобы мы любили друг друга? Наперед устраним то, что противно любви; тогда приобретем и ее. Пусть никто не помнит зла, не завидует, не радуется о зле. Это препятствует любви, а другое способствует ей. Недостаточно – уничтожить препятствия; нужно иметь и то, что способствует. Действия, нарушающие любовь, а не созидающие, исчисляет Сирах, именно: *поношение, откровение тайны, язва лестная* (Сир. XXII, 25). Для тех (иудеев), как людей плотских, этого было достаточно; для нас же нет; не этому только учим вас, но и другому. Для нас – без любви все бесполезно. Пусть будут у тебя бесчисленные блага, – какая в том польза? Пусть будет богатство, роскошь, но без любящих тебя, – какая в том польза? Нет блага прекраснее этого даже в житейском отношении, и напротив нет ничего хуже вражды. *Любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. IV, 8); а вражда

напротив подозревает и то, чего нет. Недостаточно – только не быть врагом; нужно еще питать и любовь. Вспомни, что так повелел Христос, и этого довольно. Самая скорбь содействует любви и укрепляет ее. Но что же, скажут, теперь, когда нет скорби. Объясни, как нам стать друзьями? Но, скажи мне, разве у вас нет каких-нибудь друзей? Как вы стали друзьями? Как остаетесь ими? По крайней мере пусть никто не враждует против другого; и это немаловажно; пусть никто не завидует; не завидующий не может быть и клеветником. Все мы живем в одной вселенной, питаемся одними и теми же плодами. Этого мало; мы сподобляемся одних и тех же таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут, нам сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Сделаем же и души наши прекрасными, и будем питать любовь друг к другу; ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, то есть чтобы нас любили; тогда легко будет и то. Как же сделать, чтобы нас любили? Будем добрыми, и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества, или рабов, или домов, сколько о том, чтобы быть любимым, чтобы иметь доброе имя. *Лучше имя доброе, неже богатство много* (Притч. XXII, 1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобрести, а того нельзя. Кто заслужил недоброе имя, тому трудно освободиться от него; а бедный с именем добрым скоро может сделаться богатым. Пусть один имеет тысячи талантов, а другой сто друзей: последний богаче первого. Будем же делать это не просто, но как бы совершая куплю. Как же это? *Гортань сладок умножит други своя, и язык доброглаголив* (Сир. VI, 5). Будем иметь уста, исполненные хвалы, и нравы чистые. С такими свойствами нельзя скрыться.

4. Посмотри, какие узы любви придумали внешние (язычники): кумовство, соседство, родство. Но у нас есть нечто больше всего этого. Это – священнейшая трапеза. Между тем многие из нас, приступающих к ней, даже не знаем друг друга. Это происходит, скажут, от многочисленности. Нет, от нашего нерадения. Три тысячи и пять тысяч верующих было (в начале), и все они имели *душу едину* (Деян. IV, 32); а теперь и не знают друг друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имеет много любящих его, тот непреоборим ни от кого, тот сильнее всякого властителя: не столько оруженосцы охраняют последнего, сколько первого – любящие его. Он и славнее того: один охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняют не по своей воле и из страха, другого добровольно и без страха. Чудное бывает здесь явление: единство во множестве и множество в единстве. Как в игре на гуслях, хотя звуки различны, но симфония одна, один и музыкант играющий на гуслях, так и здесь: гусли, это – любовь; звуки, это – происходящие от любви дружеские речи, производящие все вместе одну и ту же гармонию и симфонию; музыкант, это – сила любви; она издает сладостное пение. Я хотел бы, – если это возможно, – ввести тебя в такой город, где была бы одна душа; ты увидел бы, какое там согласие, сладостнейшее всяких гуслей и всякой свирели, не издающее ни одного нестройного звука. Это согласие доставляет радость ангелам и самому Господу ангелов, служит приятным предметом зрелища для всех сил небесных, укрощает ярость демонов, обуздывает порывы страстей. Это согласие не только укрощает страсти, но не попускает и восставать им, и производит великое молчание. Как на зрелище все в молчании слушают хор играющих, и не производят ни малейшего шума, так и у любящих друг друга, когда любовь поет песнь свою, все страсти усмиряются и успокаиваются, как звери обуз-

данные и укрощенные; а где вражда, там все напротив. Но не станем говорить теперь о вражде; будем говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждает, но все извиняют; сделаешь ли что-нибудь, никто не имеет подозрения, но оказывает великое снисхождение. Все готовы подать падающему руку помощи, все охотно стараются поднять его.

Поистине, любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для диавола. Кто окружен множеством любящих его, тот не может впасть в опасность; нет у него поводов к гневу, но всегда он чувствует сердечное спокойствие, радость и веселье; нет поводов к зависти; нет случаев к памятозлобию. Посмотри, как легко исполняет он и духовные и житейские дела свои. Что может сравниться с ним? Он – как бы город, отовсюду огражденный стенами; а тот (не имеющий любви) – как бы город, ничем не огражденный. Быть виновником любви, это – великая мудрость. Уничтожь любовь, и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобие любви имеет такую силу, то какова должна быть сама истинная (любовь)? Итак, увещеваю вас, будем стараться, чтобы были любящие нас; пусть каждый упражняется в этом искусстве. Но вот, я, скажут, забочусь об этом, а тот не заботится. За то и большая награда ожидает тебя. Так, скажешь, но это трудно. Отчего, скажи мне? А я говорю и уверяю, что если только десять человек из вас соединится и вы приметесь за это дело, подобно тому как апостолы за дело проповеди, или пророки за дело учения, если так и вы будете приобретать друзей, – то получится великая награда. Устроим себе изображения царя; это – признак учеников. И не делаем ли мы более, чем если бы вложили в них силу воскрешать мертвых? Диадема и порфира – отличия царя: без них, хотя бы на нем были золотые одежды, он еще не является царем. Так и ты усвой себе этот

признак, и приобретешь любящих и для себя и для других. Никто, будучи любим, не станет ненавидеть. Изучим же эти краски, какими пишется, из каких составляется это изображение. Будем приветливы, не станем ожидать этого со стороны ближних. Не говори: если я вижу, что другой выжидает, то (сделав это) я унижаюсь перед ним; напротив, если видишь его в таком состоянии, то сам предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного; для чего же усиливаешь болезнь его? О том особенно и больше всего будем стараться, чтобы честно *друг друга больша творити* (Рим. XII, 10). Не думай, что отдавать предпочтение другому значит унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себе, делаясь достойным большей чести. Будем же всегда уступать первенство другим. Не будем помнить сделанного нам зла, но – только добро. Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям. Если будем исполнять это, то соделаемся неуловимыми для сетей диавола, и, тщательно упражняясь в добродетели, сподобимся благ, уготованных любящим Бога, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLI

Вшед же в сонмище, дерзаше, не обинуся три месяцы беседуя и уверяя яже о царствии Божии (Деян. XIX, 8)

1. Смотри, как (Павел) везде сам входит в синагоги и потом выходит; он везде хотел начинать с них, как я и прежде говорил. Язычники с ревностью и усердием

принимали его; и иудеи, когда язычники принимали, приходили в раскаяние. Он хотел отделить оттуда учеников и начать с них, так чтобы они не собирались вместе с теми, и делал это не без причины. Потому он часто беседовал с ними, что убеждал (их). Слыша о дерзновении (Павла), не прими это за упорство. Он беседовал о предметах полезных, о царствии (Божием): кто же не стал бы слушать этого? *И егда нецыи ожесточахуся и пряхуся, злословяще путь пред народом, отступль от них, отлучи ученики, по вся дни стязаяся во училищи властителя некоего. Сие же бысть два лета, яко всем живущим во Асии слышати слово Господа Иисуса, Жидом же и Еллином* (ст. 9, 10). *Путем* они справедливо называли проповедь; она действительно была путем, ведущим в царствие небесное. *Во училищи*, говорит (писатель), *властителя некоего стязаяся:* и *сие бысть два лета, яко всем слышати слово, Жидом же и Еллином.* Видишь ли, сколько пользы принесла неутомимая ревность? Слушали и иудеи и язычники. *Силы же не просты творяше Бог рукама Павловыми: яко и на недужныя наносити от пота тела его главотяжи и убрусцы, и исцелитися им от недуг, и духом лукавым исходити от них* (ст. 11, 12). Не касались только, принося (к больным), но взяв возлагали на них. Потому, я думаю, не попустил ему Христос идти в Азию, что имел в виду это время. *Начата же нецыи от скитающихся Иудеи заклинателей именовати над имущи духи лукавыя имя Господа Иисуса, глаголюще: заклинаем вы Иисусом, его же Павел проповедует* (ст. 13). Так все они делали по любостяжанию. Смотри: веровать не хотели, а изгонять бесов этим именем захотели. Да, так велико было имя Павла! *Бяху же нецыи сытее, Скевы Иудеанина архиереа седмь, иже сие творяху. Отвещав же дух лукавый рече им: Иисуса знаю, и Павла свем, вы же кто есте? И скача на них человек, в немже бе дух лукавый, и одолев им, укрепися на них, якоже нагим и ураненым избежати от храма оного. Сие же*

бысть разумно всем живущим во Ефесе Иудеем же и Еллином (ст. 14— 17). Они делали это тайно, но потом бессилие их делается весьма явным. *И нападе страх на всех их, и величашеся имя Господа Иисуса. Мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя* (ст. 17, 18). Так как они имели такую силу, что и через бесов делали такие дела, то и следовало быть этому. *Доволни же от сотворших чародеяния, собравше книги своя, сожигаху пред всеми, и сложиша цены их и обретоша сребра пять тем. Сице крепко слово Господне растяше и крепляшеся* (ст. 19, 20). Видя, что нет им никакой пользы, они сжигают книги, когда и сами бесы делают такие дела. Таким образом имя не делает ничего, когда будет произносимо без веры. Прикровенно указывая на это, премудро сказал (Христос): *веруяй в мя больша сих сотворит* (Ин. XIV, 12). Смотри, как они пользовались этим оружием против себя самих. И стязашеся, говорит (писатель), *во училищи властителя некоего два лета,* — там, где были верные, и весьма верные. Те (заклинатели) не считали Иисуса великим, если присоединяли к имени Его имя Павла, почитая этого за нечто великое. Здесь достойно удивления то, почему бес не содействовав обману заклинателей, но обличил их и обнаружил притворство их. Мне кажется, что он весьма озлобился, подобно тому, кто, находясь в крайней опасности и будучи оскорбляем кем-нибудь из людей маловажных и незначительных, пожелал бы изливать на него всю свою злобу. Чтобы не показалось, что он пренебрегает именем Иисуса, он сначала исповедует Его и потом показывает свою силу. А что не имя Его было бессильно, но все произошло от их обмана (видно из того), что с Павлом этого не случилось. *И скача,* говорит (писатель), *на них человек.* Может быть, разорвал им одежды и разбил им головы. Это выражается словом: *скача,* то есть стремительно бросившись на них, так что мог сделать это. Что значит: *отступль от них, отлучи*

ученики? Отклонил их злословие. Он делает это и отделяется, потому что не хотел разжигать их зависть и возбуждать большую распрю. А словом: *дерзаше* выражается, что он был готов и на опасности и говорил явно, не прикрывая учения. Отсюда мы научаемся не иметь общения с злословящими, но уклоняться от них. Слыша злословие, он сам не злословил, но беседовал ежедневно, и еще более привлекал к себе тем, что и слыша злословие не отступал и не отделялся. И смотри: когда кончилось искушение от внешних (людей), началось от бесов.

Видишь ли слепоту иудеев? Они, увидев, что одежды его чудодействуют, ему не внимали. Что может быть больше этого? А им и это послужило к противному. Если кто из эллинов не верует, то видя, как тень производит (чудеса), пусть уверует. Таким образом через отделение от них злословящие и порицающие учение, – оно именно здесь названо *путем*, – побеждаются; а он отделяется так, что и учеников не оставил и тех не привел в ярость, показывая, что он всегда имел в виду спасение. Он и здесь не оправдывается перед ними, потому что язычники везде уже веровали. И *стязается* не просто в каком-нибудь месте, но там, где было училище, как в месте удобнейшем для собрания.

2. Вот, какова сила верующих: и у других является способность совершать тоже самое! Какое же ослепление в тех, которые и после явления такой силы оставались в неверии! Как Симон домогался благодати Духа для прибытка, так и эти делали то же для того же самого. Какое ослепление! А почему Павел не запрещает им? Потому что это показалось бы делом зависти: поэтому-то так и устрояется. Это было и при Христе, но тогда не оказывается препятствия (потому что, тогда было начало дела). Так, Иуда, будучи вором, не встречает препятствия, Анания же и Сапфира были лишены жизни. И многие из иудеев, оказывая сопротивление, ниче-

го не терпели, а Елима был ослеплен, потому что не *приидох*, говорит (Христос), *судити мирови, но да спасется мир* (Ин. III, 17). Посмотри на их нечестие: оставаясь иудеями, они захотели воспользоваться именем (Иисуса), – потому что делали все из тщеславия и корыстолюбия. Смотри, как везде люди обращаются не столько помощью полезного (внушения), сколько страхом. По случаю смерти Сапфиры страх объял Церковь и *смеяша прилеплятися им* (Деян. V, 11, 13); здесь брали платки и полотенца – и исцелялись, и после этого *прихождаху исповедующе* грехи свои. Из того, что бесноватый бросился на них, видно, как велика сила бесов в отношении к неверующим. Почему же злой дух не сказал, кто это Иисус, а высказал слова, не принесшие пользы? Он боялся, чтобы самому не потерпеть наказания, так как знал, что наказать этих обманщиков ему попущено было силой того же самого имени. Почему и эти несчастные не сказали: веруем (в Него)? Они боялись Павла, хотя им было бы гораздо более славы, если бы они сказали это и признали владычество Его. Притом у них было в памяти случившееся в Филиппах (Деян. XVI, 18). Заметь, как краток наш писатель, как он только пишет историю, а никого не осуждает. Это делало апостолов достойными удивления. Впрочем упоминает, чьи были дети (заклинатели), имя их и число, и этими, сообщает признак достоверности написанному. Для чего они *скитались* по селениям? Для прибытка, а не для проповеди? Но хорошо, что они и после *бегали*, проповедуя о том, что терпели. Указывая на это, и (писатель) говорит: *и бысть разумно всем живущим во Ефесе, Иудеям же и Еллином*. Не должно ли было это, скажи мне, обратить и самих упорствующих? Но не обратило. И не удивляйся; злобу ничто не убеждает. Но посмотрим, какой великой злобы делом было дело заклинателей. Почему не было того же при Христе, это мы рассмотрим в другое время, а

не теперь; заметим только, что здесь было сделано хорошо и полезно. Мне кажется, что они это делали издеваясь, потому и наказываются, чтобы после никто уж не дерзал произносить это имя как попало. Это многих из уверовавших привело к исповеданию, произвело в них страх и было величайшим доказательством того, что Бог знает все. Прежде, чем они были обличены бесами, они обвинили, сами себя, боясь чтобы не потерпеть того же. И справедливо. Если покровительствовавшие им бесы стали их обвинителями, а не помощниками, то какая оставалась надежда, кроме исповедания делами? Смотри, как скоро, после таких знамений, является зло. Такова человеческая природа: она скоро забывает благодеяния.

Не припомните ли, что то же самое произошло и в наше время? Скажи мне, в прошлом году, не поразил ли Бог землетрясением весь город? И что же? Не все ли приняли крещение? Блудники и люди, преданные роскоши и сластолюбию, оставив те жилища и места, в которых проводили время, не исправлялись ли, не делались ли благоговейными? А едва прошло три дня, как они опять обратились к свойственному (им) пороку. Отчего это происходит? От великого нерадения. И что удивительного, если это происходит по прошествии событий, когда бывает тоже и там, где образы (событий) остаются постоянно? Событие, бывшее в Содоме, скажи мне не остается ли навсегда? А что? Живущие близ него сделались ли оттого лучшими? Нисколько. А что сын Ноев? Не был ли он таков? Не остался ли он злым, хотя и видел своими глазами такое запустение? Не будем же удивляться, что при таких событиях иные не веровали, если часто самое вероучение обращают к противному — ко злу, если, например, и о Сыне Божием говорят, что Он *беса имать* (Ин. VIII, 48). Не видите ли и ныне то же самое, как многие люди, неверные и неблагодарные, уподобля-

ются ехиднам – будучи облагодетельствованы и призрены другими, огорчают потом своих благодетелей? Это сказано нами для того, чтобы никто не удивлялся, что и при таких знамениях не все обратились.

3. Вот и в наше время были события с блаженным Вавилой, события в Иерусалиме, события при разрушении храмов, и однако не все обратились. К чему говорить о древнем? Я сказал уже, что было в прошлом году, и никто не обратил внимания, но мало-помалу опять стали предаваться распутству и грехопадению. Небо постоянно взывает, что есть Господь, что все это (разумею мир) есть дело некоего Художника, а некоторые говорят, что нет. Случившееся с Феодором в прошлом году кого не поразило? И однако больше ничего не произошло, но сделавшись на время благоговейными, потом возвратились к тому же состоянию, из которого перешли к благоговению. Тоже было некогда с евреями. Потому и сказал пророк: *егда убиваше я, тогда взыскаху его, и обращахуся, и утреневаху к Богу* (Пс. LXXVII, 34). И вообще что надобно сказать? Как многие, впадая в болезни, обещались по выздоровлении совершенно исправиться, и однако оставались такими же! В этом особенно и открывается нам произволение и свобода нашей природы, – во внезапной перемене. Если бы зло было нам естественно, то не было бы этой перемены; что естественно и необходимо, в том измениться мы не можем. И однако, скажешь, изменяемся. Не видим ли мы, как некоторые, имея от природы зрение, от страха становятся слепыми? Это оттого, что нашей природе свойственно сокращаться, когда привходит другое естественное действие; так и терять зрение от страха нам естественно, и с другой стороны также естественно, что при большем страхе другой (меньший) исчезает. Что же? Если, скажешь, любомудрие свойственно природе, то как же страх, овладевая ею, изгоняет его?

А что, если я докажу тебе, что некоторые и в это время не бывают любомудрыми, а даже среди самого страха остаются смелыми? Это уже неестественно. О древнем ли говорить или о новом? Сколько было людей, которые и во время страха оставались смеющимися, издевающимися, и не испытывали ничего такого (подобного страху)? Так фараон, скажи мне, не тотчас ли (после наказания) переменялся и возвращался к прежнему нечестию? Так и здесь заклинатели, хотя сами знали (о ком говорят), над бесноватыми говорили просто: *заклинаем вы, Иисусом, егоже Павел проповедует.* Из того, что они говорят в подтверждение, видно что они знали. Говорят только: *Иисусом,* между тем как следовало сказать: Спасителем вселенной, воскресшим (из мертвых). Они не хотели исповедать славу Его; потому бес, бросившись на них, обличил их и сказал: *Иисуса знаю, и Павла свем;* как бы так сказал: вы не веруете, но говорите это, злоупотребляя именем; и потому, говорит, храм (ваш) пуст, оружие не крепко, вы – не проповедники, но принадлежите мне. Велика ярость беса! Апостолы могли бы сделать с ними тоже, но не делали; повелевая теми, которые делали это, они тем более сами могли бы сделать тоже. Отсюда открывается кротость их, то есть когда гонимые так поступают, а бесы, которым люди служили, делают противное. *Иисуса,* говорит, *знаю:* стыдитесь же вы, которые не знаете (Его). *И Павла свем.* Хорошо и это сказано; признает его проповедником Божиим. Потом бросается на них и раздирает им одежды, и этими действиями как бы выражает: не подумайте, что я делаю это из презрения к тем (апостолам). Велик страх бесовский! А почему он не разорвал одежды их без всяких слов? Этим он выразил свою ярость и остановил их обман. Он боялся, как я сказал, неприступной силы (Христовой), и не преодолел бы таким образом, если бы не сказал этого. Смотри, как везде

бесы оказываются благоразумнее иудеев и не смеют ли противоречить, ни порицать апостолов или Христа. Там они говорят: знаем Тебя, кто Ты; и: *что пришел еси семо прежде времене мучити нас;* и еще: *вем тя, кто еси,* Сыне *Божий* (Мф. VIII, 29; Мк. 1, 24). А здесь: *сии человецы раби Бога вышняго суть* (Деян. XVI, 17); и опять: *Иисуса знаю и Павла свем.* Они весьма боялись и страшились тех святых. Может быть и из вас иной, слыша это, желает иметь такую же власть, чтобы бесы не могли взирать на него, и называет тех святых блаженными потому, что они имели такую силу. Такой пусть послушает, что сказал Христос: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются* (Лк. X, 20), так как Он знал, что все люди стали бы особенно радоваться этому из тщеславия. Если ты ищешь угодного Богу и полезного обществу, то к этому есть другой лучший путь. Не так важно – изгнать беса, как – освободиться от греха. Бес не препятствует достигнуть царствия небесного, а еще содействует, – хотя невольно, но содействует, делая одержимого им более любомудрым; а грех удаляет (от царствия).

4. Может быть, кто-нибудь скажет: я не желал бы достигать такого любомудрия. И я не желаю этого, но желаю другого – того, чтобы делать все из любви ко Христу. Если же и то случится, – чего да не будет! – и об этом должно молиться. Итак, если (бес) не удаляет (от царствия небесного), а грех удаляет, то избавление от последнего есть большее благо. Потому будем стараться освобождать от него ближних наших, а прежде ближних – нас самих. Будем пещись, чтобы нам не сделаться одержимыми бесом, будем тщательно смотреть за собой. Но лютее беса грех, так как тот еще делает людей смиренными. Не видите ли, как бесноватые, когда они получают облегчение от этой болезни, бывают печальны и кротки, какая стыдливость выражается в лице их, как они боятся даже смотреть вокруг

себя? Посмотри же, какая выходит несообразность: те стыдятся своих страданий, а мы не стыдимся своих дел; те стыдятся, претерпевая зло, а мы не стыдимся, совершая зло; их положение достойно не стыда, но сострадания, человеколюбия, снисхождения, великого удивления и тысячи похвал, если только они, противодействуя бесу, переносят все с благодарностью; а наше положение достойно посмеяния, стыда, осуждения, наказания, мучения, крайних бедствий и самой геенны, и не заслуживает никакого снисхождения. Видишь ли, как грех лютее беса? Те от своих страданий получают двоякую пользу: во-первых, вразумляются и делаются более любомудрыми; во-вторых, потерпев здесь наказание за свои грехи, отходят к Господу чистыми. Мы часто говорили об этом и учили, что наказываемые здесь, если терпят благодушно, могут избавиться от множества грехов. От грехов же бывает двоякое зло: первое — то, что претыкаемся, второе — то, что становимся худшими. Обратите внимание на слова мои. Не только то зло мы терпим от греха, что грешим, но еще и то, что душа приобретает дурной навык, подобно как бывает с телом. Сказанное будет яснее на примере. Как одержимый горячкой не только то терпит зло, что находится в болезни, но и то, что после болезни становится слабее, хотя бы он уже и выздоровел от продолжительной болезни, так и по совершении греха, хотя бы мы и исцелели, мы еще имеем нужду в большей силе. Представь человека, который нанес кому-нибудь обиду и не получил наказания: не потому только он достоин слез, что не потерпел наказания за обиду, но и по другой причине. По какой? Потому, что душа его стала бесстыднее. От каждого греха, как скоро он сделан и окончен, в душе нашей остается некоторый яд. Не слышишь ли, как некоторые, исцелившись от известной болезни, говорят: «я еще не осмеливаюсь пить воды?» Хотя он и

выздоровел, но болезнь причинила и это зло. Те, тяжко страдая, благодарят; а мы и при благосостоянии хулим Бога и ропщем на Него; и подлинно, ты найдешь делающих это больше в здоровье и богатстве, чем в бедности и слабости. Бес стоит (перед ними), как истинный палач с сильными угрозами, или как учитель с поднятой плетью, не позволяющий никакой отрады. Если же некоторые и при этом не делаются любомудрыми, то по крайней мере они претерпевают наказание. И это немаловажно. Как от безумных, как от сумасшедших, как от детей не требуют отчета в их действиях, так и от них; и нет человека, столь жестокого, чтоб наказывать за то, что сделано по неведению. Таким образом мы — согрешающие — оказываемся гораздо хуже беснующихся. Но мы не извергаем пены, не извращаем глаз и рук? О, если бы мы делали это с телом и не делали с душой! Хочешь ли, я покажу тебе, как душа извергает нечистую пену и извращает умственные очи? Посмотри на гневающихся и неистовствующих от ярости, не извергают ли они слов, которые нечистее всякой пены? Подлинно они как бы источают смрадную слюну. И как те не узнают никого из присутствующих, так и эти. При своем помраченном уме и извращенных очах они не различают ни друга, ни врага, ни почтенного человека, ни презренного, но на всех смотрят (просто). Можешь видеть, как они и трясутся, также как те. Но они не падают на землю? Зато душа их падает низко и лежит в трепете; если бы она стояла прямо, то с ней не было бы того, что бывает тогда. Подлинно не низкой ли и потерявшей самосознание душе свойственно то, что делают и говорят неистовствующие от ярости? Но есть и другой вид неистовства, еще худший. Какой? Тот, когда не хотят оставить гнева, но питают в себе памятозлобие, как какого домашнего палача. Самих же их первых мучит памятозлобие еще и здесь, не говоря о будущем.

Подумай, какое терпит мучение человек, возмущенный душой, каждый день помышляя о том, как бы отомстить врагу? Прежде всего он мучит сам себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгорячаясь. Точно огонь постоянно горит в тебе, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ее, думаешь, как бы причинить какое зло другому; а между тем терзаешь самого себя, постоянно нося в себе сильный пламень, не давая успокоиться душе своей, постоянно свирепея, и содержа ум свой в тревоге и смятении.

5. Что хуже этого неистовства — всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятных. Они, как скоро увидят того, кому хотят отомстить, тотчас же выходят из себя; услышат ли голос его, падают и дрожат; лежат ли на постели, придумывают тысячи мучений, как бы поразить и растерзать своего врага; а если при этом увидят его благоденствующим, о, какое для них наказание! Прости же другому проступок его и избавь себя от мучения. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себе изнурительную болезнь? Для чего продолжаешь гнев свой, когда он готов прекратиться? Да не продолжится (гнев ваш) даже *до вечера*, говорит Павел (Еф. IV, 26); он, как бы какая тля и моль, подъедает корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикого зверя? Лучше положить змея или ехидну на сердце, нежели гнев и памятозлобие; от тех скоро можно было бы нам освободиться, а этот остается постоянно, вонзая свои зубы, впуская свой яд, возбуждая злые помыслы. Я делаю это, скажешь, для того, чтобы тот не стал смеяться надо мной, не стал презирать меня? Жалкий и безрассудный человек! Ты не хочешь быть посмешищем для подобного тебе раба, а подвергаешься неблаговолению своего Владыки? Не хочешь быть в презрении у равного тебе

раба, а сам презираешь Владыку? Не можешь снести презрения (от человека), а не подумаешь, что ты прогневляешь Бога, посмеваешься над Ним, пренебрегаешь Им, не оказывая Ему повиновения? А то, что он не будет смеяться над тобой, это очевидно. Если станешь мстить, то будет великий смех, великое презрение, так как это – дело малодушия; если же простишь, то – великое удивление, так как это – дело великодушия. Но тот, скажешь, не узнает этого? Пусть узнает Бог, чтобы ты имел за то большую награду. *Взаим дайте*, говорит Он, *ничесоже чающе* получить в возврат (Лк. VI, 35). Будем благодетельствовать тем, которые не чувствуют, что им благодетельствуют, чтобы они, воздавая нам похвалы или что другое, тем не уменьшили нашей награды. Если ничего не получим от людей, то тем больше получим от Бога. Что смешнее, что грубее души, непрестанно гневающейся и желающей мщения? Это – женское и детское желание. Как та (гневливая жена) гневается и на бездушные вещи и, пока хотя не топнет об пол, не оставляет своего гнева, так и эти (злопамятные) желают отомстить своим оскорбителям и делаются сами достойными смеха, потому что увлекаться гневом свойственно детскому уму, а преодолевать его возмужалому. Итак, не мы будем в посмеянии, когда окажем любомудрие, а они (оскорбители). Не покоряться страсти – дело людей не презренных; а презренным свойственно бояться смеха других до такой степени, чтобы из-за этого решиться – покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это, поистине, достойно смеха. Будем же избегать этого. Пусть тот говорит, что он причинил нам тысячу зол, а сам ничего не потерпел (от нас), пусть говорит, что если он и еще поругается над нами, так же не потерпит ничего. Если бы он захотел хвалить нас, то не иначе стал бы проповедовать о нашей добродетели, не иные стал бы

употреблять слова, как именно эти, которыми он думает унизить нас. О, если бы все говорили обо мне, что «это – человек холодный и жалкий; все оскорбляют его, а он терпит; все нападают на него, а он не мстит за себя»! О, если бы прибавили еще, что «он даже и не может сделать этого, хотя бы и хотел», – мне похвала была бы от Бога, а не от людей! Пусть говорят что мы не мстим по трусости. Это нисколько не вредит нам; Бог видит и уготовляет нам большее сокровище. Если бы мы стали смотреть на тех людей, то лишились бы всего. Будем же смотреть не на то, что о нас говорят, а на то, что нам должно делать. Некоторые говорят: пусть не смеется надо мной, пусть не издевается. О, безумие! Никто оскорбивший меня, говоришь ты, не смеялся надо мной, то есть я отомстил. Но потому ты и достоин посмеяния, что отомстил. Откуда явились эти слова – постыдные и гибельные, низвращающие нашу жизнь и общество? Не отголосок ли сопротивления Богу. Что делает равным Богу, то есть немстительность, то почитаешь ты смешным. Не вправе ли смеяться над нами и мы сами, и эллины, когда так говорим мы вопреки Богу?

Хочу рассказать нечто, бывшее в древности, касающееся не гнева, но имущества. У одного человека было поле, в котором было скрыто сокровище, о чем господин ничего не знал. Это поле он продал. Купивший, раскапывая землю, чтобы разработать и насадить ее, нашел скрытое сокровище. Продавший, узнав об этом, пришел к купившему и стал насильно требовать себе сокровища: я, говорит, продал поле, а не сокровище. Тот отказал ему, сказав, что он купил поле вместе с сокровищем и ничего более знать не хочет. Начали тяжбу, один надеясь получить, а другой стараясь не отдать. Найдя какого-то человека, они обратились к нему с этим делом и спросили его: кому должно принадлежать сокровище? Он не дал ответа, но сказал, что

разрешит тяжбу их: пусть он будет господином (сокровища). Взяв его себе с их согласия, он испытал впоследствии много зла от этого сокровища и на деле убедился, что не напрасно они отступились от него. Подобным образом должно поступать и по отношению к гневу, — мы должны стараться не мстить, а оскорбившие — признавать себя виновными. Но, может быть, это кажется смешным. Когда слишком усиливается это безумие, то люди благоразумные смеются, и среди множества неистовствующих непричастный их неистовству также кажется неистовствующим. Потому, увещеваю вас, будем терпеливы и не станем выходить из себя, чтобы, очистившись от этой гибельной страсти, мы могли сподобиться царствия небесного, благодатью и щедротами Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLII

И якоже скончашася сия, положи Павел в Дусе, прошед Македонию и Ахаию, ити во Иерусалим, рек, яко бывшу ми тамо подобает ми и Рим видети. Послав же в Македонию два от служащих ему, Тимофея и Ераста, сам же пребысть время во Асии. Бысть же во время оно молва не мала о пути (Деян. XIX, 21—23)

1. Пробыв довольно времени в городе (Эфесе), (Павел) опять хочет идти в другое место. Потому посылает Тимофея и Эраста в Македонию, а сам остается в Эфесе. Как же он, прежде вознамерившись отправиться в Сирию (Деян. XVIII, 18), опять возвращается в Македонию? Это — с целью показать, что он делал все не собственной силой. Вместе с тем предсказывает и будущее:

подобает ми, говорит, *и Рим видети.* Это сказал он, может быть, желая утешить (учеников) известием, что он не останется (в Иерусалиме), но опять придет к ним, и таким предсказанием ободрить души их. Отсюда я заключаю, что он в Эфесе написал послание к коринфянам, в котором говорит: *не хощем вас не ведети о скорби нашей, бывшей нам во Асии* (2 Кор. 1, 8). Он обещал прибыть в Коринф, и потому извиняется в своем замедлении и указывает на искушение, разумея поступок Димитрия. На этот же поступок указывает и (писатель) в словах: *бысть молва не мала о пути.* Опять опасность, опять смятение. Видишь ли превосходство (Павла)? Совершились двойные знамения, а они противоречили. Так через все сплетаются события. *Димитрий бо некто именем, сребраковач, творяй храмы сребряны Артемиде подаяше хитрецем стяжание не мало. Ихже собрав, и ины сицевых вещей делатели, рече: мужие, весте, яко от сего делания доволство житию нашему есть, и видите и слышите, яко не токмо Ефес, но мало не всю Асию Павел сей препрев обрати мног народ, глаголя, яко не суть бози, иже руками человеческими бывают. Не токмо же сия, беду приемлет наша часть, еже бы во обличение приити, но дабы и великия богини Артемиды храм ни во чтоже не вменился, имать же разоритися и величество ее, юже вся Асиа и вселенная почитает* (ст. 24–27). *Творяй*, говорить, *храмы сребряны Артемиде.* Неужели у них были серебряные храмы? Вероятно, это были небольшие кивории (подобия храма). В Эфесе Артемида была в большой чести, так что когда храм ее был сожжен, то (жители) до того огорчились, что запретили даже произносить имя виновника этого пожара. Смотри, как идолослужение везде поддерживается корыстью. И те из корысти (восставали на Павла, Деян. XVI, 16), и этот из корысти; не потому, что их богопочтению угрожала опасность, но потому, что они лишались возможности прибытка. Посмотри и на злобу этого человека: он был

богат, и для него не было бы от того большого вреда; более могли потерять прочие, которые были бедны и содержались дневными трудами, и однако они не говорят ничего, а только – он. Сообщников своих по ремеслу он делает сообщниками возмущения. Преувеличивает опасность: *сия беду*, говорит, *приемлет наша часть, еже бы во обличение приити*. Это значит почти тоже, что: нам, при нашем ремесле, угрожает опасность умереть с голоду. Сами слова его могли бы обратить их к благочестию, но они, как люди низкие и невежественные, тотчас возмущаются, не думая, что если этот человек (Павел) столь силен, что всех обращает и самому почитанию богов угрожает опасностью, то как велик должен быть Бог его. Он может даровать нам гораздо более того, за что мы опасаемся. К этому он мог предрасположить души их словами: *яко не суть бози, иже руками человеческими бывают*. Заметь, чем огорчаются эллины: тем, что было сказано: *яко иже* от человек *бывают, не суть бози*. Он постоянно склоняет речь к своему ремеслу. Потом, чтобы еще более раздражить их, говорит; *не токмо сия беду приемлет наша часть*, – то есть не говоря уже о прочем, – *и великия богини Артемиды, храм имать разоритися*. А чтобы показать, будто он говорит это не из корысти, смотри, что прибавляет: *юже вселенная почитает*. Видишь ли, как он свидетельствует о превосходстве силы Павла, как слабы и ничтожны все прочие, если человек гонимый и занимавшийся скинотворством мог сделать так много? Так, сами враги свидетельствовали в пользу апостолов. Там они говорили: *се исполнисте Иерусалим учением вашим* (Деян. V, 28); здесь: *имать разоритися величество Артемиды*. Прежде говорили: *иже развратиша вселенную, сии и зде приидоша* (Деян. XVII, 6); а теперь: *сия беду приемлет наша часть, еже бы во обличение приити*. Так и иудеи говорили о Христе: *видите, яко мир по нем идет* (Ин. XII, 19), и *приидут Римляне и возмут* град *наш*

(Ин. XI, 48). *Слышавше же,* исполнились *ярости.* Когда произошла ярость? Когда услышали об Артемиде и о прибытке. Таково свойство простого народа: он увлекается и раздражается случившимся. Потому (с ним) надобно поступать во всем осмотрительно. Заметь, как они были легкомысленны, так что готовы склоняться на все. *Слышавше же и бывше исполнени ярости,* говорит, *вотяху глаголюще: велика Артемида ефесская. И исполнися град весь мятежа: устремишася же единодушна на позорище. Восхищше Гаиа и Аристарха Македоняны, сопутники Павловы, приведоша их* (ст. 28, 29).

2. Опять нападают без причины, подобно как иудеи на Иасона (Деян. XVII, 6), и готовы на все: так мало они думали о благородстве и чести! *Павлу же хотящу внити в народ, не оставляху его ученицы. Нецыи же от асийских началник, суще ему друзи, пославше к нему, моляху не вдати себе в позор* (ст. 30, 21). Просили потому, что там было собрание людей беспорядочных, готовых решиться на все по безумному увлечению. И Павел повинуется: он не был ни тщеславен, ни честолюбив. *Друзии же убо ино нечто вотяху: бе бо собрание смущено* (ст. 32). Такова толпа: устремляется на все без рассуждения, подобно огню, устремляющемуся на дрова. *И множайшии от них не ведяху, чесо ради собрашася. От народа же избраша Александра изведшим его Иудеем* (ст. 33). Иудеи вмешались в дело по смотрению (Божию), чтобы после они не могли ничего сказать против этого. Вызывается (Александр) и говорит, а что – послушай. *Александр же помаав рукою, хотяше отвещащи народу. Разумевше же, яко Иудеанин есть, глас бысть един от всех, яко на два часа вопиющих: велика Артемида ефесская* (ст. 34). Подлинно, детский у них ум! Как бы опасаясь, чтобы не истощилось их благочестие, они кричат непрестанно. Два года пробыл там (Павел), и, смотри, сколько еще было эллинов. *Утишив же книжник народ, рече: мужие ефесстии, кто бо*

есть человек, иже не весть, яко ефесский град служитель есть великия богини Артемиды и Диопета (ст. 35)? Таким предисловием он утишил их ярость. *И Диопета.* Говорит это, как будто дело не было ясно само по себе. Диопетом назывался другой храм, или Диопетом они называли изображение Артемиды, как будто эта глина ниспала от Юпитера, а не сделана людьми, или так называлось у них другое какое-нибудь украшение. *Без всякого убо прекословия сим сице сущим, потребно есть вам безмолвным быти и ничтоже безчинно творити. Приведосте бо мужей сих, ни храм окрадших, ниже богиню вашу хулящих* (ст. 36, 37). Следовательно все (сказанное против апостолов) ложно; он говорит это к народу, чтобы успокоить его. *Аще убо Димитрий, и иже с ним художницы, имут к кому слово, суды, суть и анфипати суть: да поемлют друг на друга. Аще ли же что о иных ищете, в законном собрании разрешится. Ибо бедствуем порицаеми быти о крамоле днешней, ни единей вине сущей, о ней же возможем воздати слово стремления сего. И сия рек, распусти собравшийся народ* (ст. 38–40). Говорит о законном собрании; по закону их, в каждый месяц происходили три собрания, а это было незаконное. Потом устрашает их, говоря: *бедствуем порицаеми быти о крамоле.* Но обратимся к вышесказанному. *И якоже*, говорит (писатель), *скончашася сия, положи Павел в Дусе, прошед Македонию и Ахаию, ити во Иерусалим.* Делает это не по человеческому усмотрению, но *в Дусе*, по внушению которого и решается идти. Это означает слово: *положи;* оно имеет именно такой смысл. А почему он посылает Тимофея и Эраста, об этом не говорится; но мне кажется, что и об этом надобно сказать: *в Дусе. Темже уже не терпяще* (говорит Павел), *благоволихом остатися во Афинех едини* (Сол. III, 1). И, смотри, посылает двоих из служащих ему, чтобы они возвестили о его прибытии и сделали (тех) более готовыми. А сам долее всех остается в Азии; и справедливо, – по-

тому что там было многочисленное общество философов. Прийдя туда, он опять беседовал с ними, потому что там было великое суеверие. *Димитрий бо некто именем, среброковач, собрав и ины сицевых вещей делатели, рече: мужие, весте, и видите и слышите,* – так это было общеизвестно! – *яко Павел сей препрев обрати мног народ.* Не насилием (он действовал), если *препрев.* Так и должно убеждать город. Потом говорит о том, что касается их: *яко не суть бози, иже руками бывают.* Что это значит? Он уничтожает, говорит, наше ремесло. А чтобы они не подумали и не сказали, что один человек делает такие дела, и что если он имеет такую силу, то должно повиноваться ему, прибавляет: *юже вся Асиа и вселенная почитает.* Они думали, что крик их может воспрепятствовать Духу Божию: настоящие дети были эллины! *От сего делания,* говорит, *доволство житию нашему есть.* Если же от этого занятия зависит ваше благосостояние, то как мог убедить человек незнатный? Как он мог преодолеть такой обычай? Какими делами, или какими словами? Поистине это – дело не Павла, не человека. И достаточно было сказать, *яко не суть бози.* Если же так легко было ниспровергнуть это нечестие, то давно следовало отказаться от него; а если бы оно было сильно, то невозможно было бы так скоро ниспровергнуть его. *Не токмо же,* говорит, *сия беду прием лет наша часть.* Прибавляет это, как бы намереваясь сказать нечто более важное. *Слышавше же и бывше исполнени ярости, вопияху: велика Артемида ефесская.* А у них в каждом городе были свои боги. Они были в таком состоянии, как будто криком своим хотели восстановить ее почитание и уничтожить все, сделанное (Павлом).

3. Такова беспорядочная толпа! *Павлу же,* говорит (писатель), *хотящу внити в народ, не оставляху его ученицы.* Павел хотел идти и говорить речь; он и самыми смятениями пользовался, как случаями к научению;

но ученики не допустили его. Смотри, какое они везде имели о нем попечение. И прежде они удаляли его, чтобы ему не было нанесено смертельного удара (Деян. XVII, 15), и теперь удержали, хотя и слышали, что ему еще должно видеть Рим. Предусмотрительно он предсказал им об этом, чтобы они не смущались такими событиями. Но они не хотели, чтобы он потерпел что-нибудь. *Нецыи же*, говорит (писатель), *от асийских началник моляху его не вдати себе в позор.* Зная его ревность, они умоляли: так любили его все верные! Для чего, скажешь, Александр хотел говорить речь? Разве и он был обвиняем? Для того, чтобы найти случай все рассеять и угасить ярость народа. Видишь ли, как велико было неистовство? Хорошо и вразумительно говорит книжник: *что есть человек, иже не весть* Эфесский град? Говорит о том, за что они опасались; как бы так говорит: разве вы не почитаете этой богини? Не сказал: кто не знает Артемиды? – но: *град наш*, желая угодить им. *Без всякого убо прекословия сим сице сущим, потребно есть вам безмолвным быти.* Здесь уже укоряет их и как бы так говорит; чего вы ищете, как будто это неизвестно? Очевидно, что оскорбление касается богини. Благочестие они желали сделать предлогом для своей выгоды. Потому он незаметным образом укоряет их и показывает, что они собрались безрассудно. *И ничтоже*, говорит, *безчинно творити.* Этими словами выражает, что они поступили необдуманно. *Аще убо Димитрий, и иже с ним, имут к кому слово, анфипати суть.* И здесь укоряет их и показывает, что из-за частных несогласий не следовало делать общего собрания. *Ибо бедствуем*, говорит, *порицаеми быти.* Этим приводит их в великое недоумение. *Ни едине*, говорит, *вине сущей, о нейже возможем воздати слово стремления сего.* Смотри, как благоразумно, как мудро говорят неверные. Таким образом он укротил ярость их; как легко она возбуждается, так легко и укрощается.

И сия рек, распусти собравшийся народ, говорит (писатель). Видишь ли, как Бог попускает искушения, чтобы ими возбудить и пробудить учеников своих и сделать их более твердыми? Итак, не будем падать духом во время искушений; Он сам подаст и облегчение, чтобы мы могли их перенести.

Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь; ничто так не соединяет и не связывает души верующих; ничто столько не способствует нам — учителям, чтобы слова наши выслушивались с вниманием. Слушатель благоденствующий бывает беспечен и нерадив и считает за беспокойство для себя слушать поучающего; а удрученный скорбью и страданием с великим усердием предается слушанию. У кого душа отягчена скорбью, тот везде ищет себе утешения от скорби, а слово доставляет немалое утешение. А что же, скажешь, иудеи? Почему они, претерпевая бедствия, малодушествовали и не слушали? Потому, что они были иудеи, всегда слабые и жалкие; притом их скорбь была очень велика, а мы говорим об умеренной. Смотри, они надеялись освободиться от угнетавших их бедствий и впадали в бедствия еще более тяжкие и бесчисленные; а это немало поражает душу. Скорби удерживают нас от пристрастия к настоящему миру; мы благодушно ожидаем смерти и не бываем привязаны к благам телесным; а в том и состоит важнейшая часть любомудрия, чтобы, не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни. Душа, удрученная скорбью, не заботится о многом; она желает только спокойствия и тишины; она хотела бы освободиться от настоящих (бедствий), и более ничего. Как тело утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслаждениям, ни пресыщаться, но имеет нужду в отдохновении и спокойствии, так и душа, удрученная множеством бедствий, ищет отдохновения и спокойствия. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятет-

ся, надмевается; напротив душа, чуждая удовольствий и ничем не расслабляемая, вся сосредоточивается в самой себе и не надмевается; эта бывает мужественной, а та детски-слабой, эта — основательной, а та — легкомысленной. Как что-нибудь легкое, упав в воду, колеблется волнами, так и душа, предавшаяся великой радости. От множества удовольствий у нас бывает и множество грехов, что может видеть всякий. Представим, если угодно, два дома, один наполненный отправляющими брачное пиршество, и другой — сетующими. Войдем мысленно в тот и другой и посмотрим, который из них лучше. Дом сетования окажется исполненным любомудрия, а дом брака — бесчиния; смотри, здесь в самом деле: нескромные речи, беспорядочный смех, еще более беспорядочные движения, одежда и походка, исполненные бесстыдства, действия, отличающиеся безумием и непристойностью; вообще здесь нет ничего, кроме смешного и достойного осмеяния. Говорю не о браке, — да не будет! — но о том, что бывает на браке. Здесь низвращается природа человеческая; присутствующие обращаются из людей в бессловесных животных; одни ржут, подобно коням, другие бьют ногами, подобно ослам; все в беспорядке, все в смятении; нет ничего благопристойного, ничего благородного; здесь великое торжество для диавола, — кимвалы, флейты, песни, исполненные прелюбодеяния и разврата. Не так бывает в жилище сетования, — все там бывает благопристойно; там глубокое молчание, совершенная тишина, великое сокрушение; нет ничего непристойного, ничего бесчинного. Если же кто станет говорить, то все слова его звучат, как исполненные любомудрия; и, что достойно удивления, в таком случае бывают любомудрыми не только мужи, но и слуги и жены. Таково свойство скорби. Стараются утешить сетующего, высказывают множество мыслей, исполненных любомудрия.

Тотчас начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила из пределов; с готовностью утешают страждущих; исчисляют множество примеров подобных же сетующих. Ведь, что такое человек? Исследуют нашу природу.

4. Что такое человек? При этом раскрывают его жизнь и ничтожество, вспоминают о будущем, о суде. Каждый отходит домой — с брака прискорбным, потому что сам он бывает в расстроенном состоянии, а с сетования — радостным, потому что видит себя свободным от подобного бедствия и возвращается с душой, успокоившейся от всякого неумеренного пожелания. Но что? Хочешь ли, сравним между собой темницы и зрелища, (эти места) одно — сетования, другое — удовольствия? Посмотрим, что происходит в каждом из них. Там (в темнице) великое любомудрие, потому что где скорбь, там непременно и любомудрие. Там человек, прежде богатый и надменный, не чуждается беседовать со всяким, кто к нему обращается; страх и скорбь, как бы какой сильнейший огонь, проникая его душу, смягчает ее грубость. Там он делается кротким и смиренным; там он постигает превратность жизни и терпеливо переносит все. На зрелище же все напротив: здесь смех, бесстыдство, бесовское веселье, бесчиние, потеря времени, бесполезное употребление целых дней, возбуждение нечистых пожеланий, упражнение порочных похотей, школа прелюбодеяния, училище разврата, поощрение безнравственности, побуждения к смехотворству, примеры непристойности. Не такова темница; там смирение, вразумление, упражнение в любомудрии, презрение житейских благ. Все (земное) попрано и презренно, и страх бодрствует над человеком, как пестун над дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотрим на те же места с другой стороны. Я желал бы, чтобы ты встретился с человеком, который идет со зрелища, и с другим, который выходит из

темницы: ты увидел бы, как душа первого возмущена, неспокойна, поистине точно связана, и как душа последнего спокойна, свободна, возвышенна. Тот идет со зрелища ослепленный видом тамошних женщин, несет на себе оковы, которые тяжелее всяких железных, оковы тех мест, слов, действий. А выходящий из темницы, будучи свободен от всего этого, не чувствует и ничего прискорбного, сравнивая свое положение с положением других. Он будет считать за счастье, что свободен от уз, пренебрежет человеческими делами, видя, как многие богатые впадают в несчастья и, будучи прежде в великой чести и силе, содержатся там в заключении; если он испытывает какую-либо несправедливость, то он перенесет это терпеливо, потому что там много примеров и этого; будет вспоминать о будущем суде и содрогаться, видя настоящие места (заключения). И как заключенный в здешней темнице становится кротким ко всем, так и те, еще прежде суда, еще прежде будущего дня, станут кроткими и к жене и к детям, и к слугам. Но не так (возвращающийся) со зрелища: он с неудовольствием будет смотреть на жену, будет жестоко обращаться с слугами, гневаться на детей, будет свирепым ко всем. Много зла причиняют городам зрелища, зла великого, мы даже и не знаем, насколько великого. Если вы не утомились, посмотрим еще на места смеха, разумею пиршества, где – тунеядцы, льстецы и великое невоздержание, и на другие места, где – хромые и слепые. Там пьянство, объедение, разврат; здесь все напротив. Посмотри и на наше тело: когда оно тучно и изнежено, то скоро впадает в болезнь; а когда истощено, то не так (скоро заболевает). Но чтобы сделать для вас яснее слова мои, представим тело многокровное, тучное и переполненное; оно даже и от легкой пищи может впасть в горячку, если будет оставаться в бездействии. Представим дру-

гое, которое издавна подвергалось голоду и изнеможению; болезнь не скоро может его постигнуть и преодолеть. В нас часто и здоровая кровь порождает болезни, если ее слишком много; а если ее будет не много, то, хотя бы она была не в здоровом состоянии, легко может быть излечена. Так и с душой: если она предана роскоши и удовольствиям, то легко склоняется на грех; она близка и к гордости, и невоздержанию, и тщеславию, и зависти, и коварству, и клевете. Не такова душа, живущая в скорби и воздержании, — она далека от всего этого. Вот и наш город велик. Откуда же происходит зло? Не от богатых ли? Не от радующихся ли? Кто влечет (других) в судилища? Кто расхищает имущество? Те ли, которые живут в бедности и угнетении, или те, которые надмеваются и радуются? От души, угнетенной скорбью, не может произойти какое-либо зло. Павел знает пользу от нее, потому говорит: *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование: упование же не посрамит* (Рим. V, 3–5). Не будем же падать духом во время скорбей, но за все благодарить (Бога), чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволение от Бога, Который попускает скорби. Великое благо — скорбь; это мы можем видеть и на детях своих; ничему полезному они не могут научиться без скорби. Но мы еще более, нежели они, имеем нужду в скорби. Если они цветут тогда, когда их страсти бывают укрощаемы, то тем более (это нужно) нам, которые подвержены столь многим и столь великим (страстям). Мы более, нежели они, имеем нужду в пестунах, так как проступки детей не могут быть велики, а наши бывают весьма велики. Наш пестун — скорбь. Итак, не навлекая ее сами на себя, когда она постигает нас, будем переносить ее благодушно, как виновницу множества благ, чтобы нам сподобиться благоволения Божия и благ, уготованных любящим Его,

во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIII

По утишении же молвы, призвав Павел ученики, утешив и целовав их, изыде ити в Македонию (Деян. XX, 1)

1. Нужно было великое утешение после такого возмущения. Это и делает (Павел). Чтобы утешить учеников, он отправляется в Македонию и потом в Элладу. А как много он утешал их, послушай. *Прошед же страны оны, и утешив их словом многим, прииде во Елладу. Пожив же месяцы три, бывшу нань навету от Иудей, хотящу отвестися в Сирию, бысть хотение возвратитися сквозе Македонию. Последова же ему даже до Асии* Сопатр *Берянин: Солуняне же, Аристарх и Секунд, и Гай Дервянин и Тимофей: Асиане же, Тихик и Трофим. Сии предшедше ждаху нас в Троаде* (ст. 2–5). Опять терпит гонение от иудеев и возвращается в Македонию. Но что это, (писатель) как будто называет Тимофея фессалоникийцем? Он не говорит этого. Они, говорит, *предшедше*, прежде него прибыли в Троаду. *Мы же, отвезохомся по днех опресночных от Филипп, и приидохом к ним в Троаду во днех пяти, идеже пребыхом дней седмь* (ст. 6). Мне кажется, что он старался проводить праздники в больших городах. Отплывает из Филипп, где случилось событие в темнице (Деян. XVI, 16–32). Теперь уже в третий раз он был в Македонии; филиппийцы заслужили особенное его внимание; потому он и останавливается там. *Во едину же от суббот, собравшиеся учеником преломити хлеб, Павел беседоваше к ним, хотя изыти: простре же слово до полунощи.* Посмотри, как они все почитали маловажнее проповеди. Тогда была пятидесят-

ница и день недельный, а он продолжает поучение до полуночи; он до того заботился о спасении учеников, что не умолкал и ночью, но тогда в особенности и беседовал, когда было спокойно. И смотри, как долго он беседует и притом после времени вечерней трапезы. Но диавол возмутил, хотя и безуспешно, это празднество, погрузив в сон одного слушателя и свергнув его вниз. А как это случилось, (писатель) повествует далее. *Бяху же свещи многи в горнице, иде же бехом собрани. Сидя же некто юноша, именем Евтих, во окне, отягчен сном глубоким, глаголющу Павлу о мнозе, преклонен от сна, паде от трекровника долу, и взяша его мертва. Сошед же Павел нападе нань, и объем его, рече: не молвите: ибо душа его в нем есть. Возшед же и преломъ хлеб и вкуш, доволно беседовав даже до зари, и тако изыде. Приведоша же отрока жива, и утешишася не мало* (ст. 8–12). Смотри, каково представленное здесь зрелище: ученики, говорит, были *собрани*; и каково знамение: *седя*, говорит, *на окне* и притом в самую глубокую ночь. Такова (у них) была ревность к слушанию. Устыдимся же мы, которые не делаем этого и днем. Но тогда, скажешь, беседовал Павел. Что ты говоришь? И ныне беседует Павел, или лучше, и тогда, и теперь не Павел, а сам Христос, – и никто не слушает. Не на окне (мы сидим) теперь, ни голод, ни сон, ни теснота и ничто подобное не беспокоит нас, и несмотря на то, не слушаем. Достойно удивления, как он будучи юношей был не ленив, чувствуя наклонность ко сну не ушел, и видя опасность упасть не устрашился. А что он уснув упал, не удивляйся этому; он уснул не по лености, а по естественной необходимости. Заметь, как пламенно они были усердны: они собирались на третьем этаже, так как церкви еще не было. *Не молвите*, говорит, *ибо душа его в нем есть*. Не сказал: он воскреснет, я воскрешу его, – но что? *Не молвите.* Видишь, как он был не тщеславен, как готов доставить утешение. *Возшед же*, гово-

рит, и *преломь хлеб и вкуш.* Это прервало беседу, но не повредило. Видишь ли, как не роскошен их ужин? *И вкуш*, говорит, *доволно же беседовав даже до зари, и тако изыде.* Видишь ли, как они бодрствовали во всю ночь? Трапезы их были таковы, что и после них они оставались слушателями бодрыми и готовыми к слушанию. А мы чем отличаемся от псов? Видите ли, какое различие (между нами и ими)? *Приведоша же отрока жива, и утешишася не мало.* Были весьма утешены как тем, что получили живым отрока, так и тем, что было знамение. *Мы, же пришедше в корабль отвезохомся в Ассон, оттуда хотяще пояти Павла: тако бо нам бе, повелел, хотя сам пеш ити. И якоже снидеся с нами во Ассоне, вземше его приидохом в Митилин* (ст. 13, 14). Павел часто разлучался с учениками. Так и теперь сам идет сухим путем, а они отправляются на корабле; легчайшее предоставляет им, а труднейшее избирает для себя; идет пешком, как для того, чтобы многое устроить (на пути), так и для того, чтобы они не отстали от него. *И оттуда отвезшеся, во утрие пристахом противу Хию: в другий же отвезохомся в Самон: и пребывше в Трогиллии, в грядущий же день приидохом в Милит* (ст. 15). Смотри, как они поспешно отправляются за Павлом, не останавливаются, но проходят мимо островов. *Суди бо Павел мимо ити Ефес, яко да не будет ему закоснети во Асии: тщашебося, аще возможно будет, в день пятдесятный быти во Иерусалиме* (ст. 16).

2. Для чего такая поспешность? Не для праздника, но для народа; он и тем хотел обратить иудеев, что уважал их праздники; и врагов хотел привлечь, а вместе с тем не оставлял и возвещать слово. Потому, посмотри, какая произошла польза, когда собрались все. Чтобы в то же время не оставить неустроенными дел в Эфесе, он распорядился иным образом. Но обратимся к вышесказанному. *И целовав ученики*, говорит (писатель), *изыде ити в Македонию, и утешив их словом многим,*

прииде во Елладу. И здесь опять преподал назидание, доставив великое утешение. Смотри, как он везде действует словом, а не знамениями. *Хотящу*, говорит, *отвезтися в Сирию.* Часто (писатель) представляет нам его отправляющимся в Сирию. Причиной были тамошняя церковь и Иерусалим: так сильно он желал устроить все и там. Троада была небольшой город; почему же они проводят в нем семь дней? Вероятно, он был велик по числу верующих. Пробыв семь дней, ночь на следующий день (Павел) посвятил на поучение: так тяжело было разлучиться ему с ними и им с ним! *Собравшимся же*, говорит, нам *преломити хлеб.* В то время, когда нужно было принимать пищу, (а было еще не поздно), он начал говорить и долго продолжал поучение. Таким образом, хотя они собрались собственно не для поучения, а для преломления хлеба, но он начал речь и продолжал ее. Смотри, как все участвовали в трапезе Павловой. Мне кажется, что он, и сидя за столом, занимался беседой, научая нас почитать все прочее маловажным. Представьте этот дом, где были свечи и множество народа, а Павел посреди всех говорил речь, где многие заняли самые окна, чтобы слышать эту трубу и видеть это благолепное лицо. Каковы должны быть поучаемые, и какое они получали удовольствие? Но почему он беседовал ночью? Потому, что ему предстояло отправиться и уже более не видеть их. Впрочем он не говорил этого им, как более слабым, а другим сказал. Притом совершившееся знамение сделало для них этот вечер навсегда памятным. Велико было удовольствие слушателей, если и будучи прервано оно потом опять продолжалось, так что этот случай послужил к чести учителя. С другой стороны отрок, умерший из желания слушать Павла, должен был послужить упреком для всех нерадивых. Для чего, скажешь, (писатель) излагает подробно, куда они прибыли и откуда

отправились, где (Павел) останавливался и какие места проходил мимо? Чтобы показать, что он шел довольно медленно и проходил (некоторые места) по человеческому соображению. *Суди бо Павел мимо ити Ефес, яко да не будет ему закоснети во Асии.* И хорошо: прибыв туда, он не мог бы не замедлить, потому что не захотел бы огорчить (учеников), которые стали бы просить его остаться. Или по этой причине, или потому, что спешил: *тщашебося*, говорит (писатель), *аще возможно будет, в день пятдесятный быти во Иерусалиме;* следовательно и поэтому он не мог оставаться (в Эфесе). Смотри, как и он руководится человеческими соображениями, и желает, и спешит, и часто не получает желаемого. Это для того, чтобы мы не подумали, будто он был выше человеческой природы. Святые и великие мужи имели одну и ту же с нами природу, но не одинаковое произведение; потому они и сподоблялись великой благодати. Смотри, как многое они делали и сами собой. Потому он и говорил: *да не дамы претыкание хотящим,* и еще: *да служение безпорочно будет* (2 Кор. VI, 3). Вот и беспорочная жизнь, и великое снисхождение. Это и называется благоустроением (себя), чтобы стоять на высшей степени высокой добродетели и смиренномудрого снисхождения. Послушай, как тот, кто стоял выше заповедей Христовых, был и смиреннее всех. *Всем бых вся*, говорит он, *да всех приобрящу* (1 Кор. IX, 22). Он сам подвергал себя опасностям, как говорит в другом месте: *в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах* (2 Кор. VI, 4, 5). Велика была любовь его к Христу. Если бы ее не было, то все было бы напрасно — и распорядительность, и беспорочная жизнь, и преодоление опасностей. *Кто изнемогает*, говорит он, *и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)?

3. Будем и мы, увещеваю вас, подражать этим словам и подвергать себя опасностям за наших братий.

Предстоит ли огонь, или меч, — бросься на них, возлюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученик Христа, положившего душу Свою за братий, — соученик Павла, восхотевшего потерпеть тысячу бедствий за своих врагов и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Он увидел обижаемого и отомстил, презрел царскую роскошь, для угнетенных сделался беглецом и скитальцем, лишился родных и своего дома, провел столько времени в чужой стране, и не упрекал себя, не говорил: что это? — я пренебрег царство, такую честь и славу; решился отомстить за угнетаемых, а Бог не призрел на это и не только не возвратил меня к прежней чести, но сорок лет я проживаю в стране чуждой. И было бы правильно, — потому что не получил награды. Но ничего такого он не сказал и не подумал. Так и ты, когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлит это воздаяние, тем большее будет приращение. Итак будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи, — плачь, скорби, сетуй о случившемся, — и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей. Не изыдоша, говорит (пророк), во Энан *плакатися дому сущего близ ея:* приимут скорбь за еже сградиша *на посмеяние* (Мих. 1, 10, 11)*. Иезекииль упрекает в том, что они не были сострадательны. Что говоришь ты, пророк? Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да;

* Чтение этого места у святого Иоанна Златоуста весьма значительно отличается от чтения в церковно-славянском.

этого желает наказывающий; Он и сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и сам наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то конечно не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Скажи мне: когда ты видишь, как сыну твоему делают прижигание или отсечение, неужели ты не скорбишь? Конечно скорбишь и не говоришь сам себе: что это? – отсечение послужит к излечению, прижигание к выздоровлению; но, услышав его рыдания от нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровление не может преодолеть естественного сострадания. Так и здесь, хотя бы наказывались для исправления, мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь. Наказания Божии – это как бы отсечения и прижигания; но потому мы и должны плакать, что они заболели, что имеют нужду в таком врачевании. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как например Павел или Петр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так поступали и пророки. Потому один из них и сказал: *о, люте мне, Господи, еда потребляеши ты останки Исраилевы* (Иез. IX, 8)! Мы часто видим наказываемых убийц и других преступников, и сожалеем и скорбим. Не будем рассудительны через меру; но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными. Ничто не может сравняться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое (наказание) палачам, обязывая судью только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать не свойственно душе любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не сам, но через ангелов. Следовательно

ангелы – палачи? Да не будет! – я не говорю этого; но они – силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, все совершено через ангелов; когда Египет, – через них же. *Послание*, говорит (псалмопевец), *ангелы лютыми* (Пс. LXXVII, 49). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он сам; так Он послал Сына Своего для спасения рода. И опять: *тогда*, говорит, скажу ангелам: соберите *творящих беззаконие, и* ввергните *в пещь* (ср. Мф. XIII, 41, 42). А касательно праведников не так, но: *иже вас приемлет, мене приемлет* (Мф. X, 40). И еще: *связавше ему*, говорит, *руце и нозе, вверзите во тму кромешнюю* (Мф. XXII, 13). Смотри, здесь действуют слуги. А когда нужно наградить, сам награждает, сам говорит: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие* (Мф. XXV, 34). Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит сам; а когда – идти в Содом, то посылает служителей, подобно тому, как судья поставляет исполнителей казни. И еще: *добре*, говорит, *рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю.* Этого восхваляет сам, а раба лукавого не сам, но слуги связывают (Мф. XXV, 21–30). Зная это, не будем радоваться о тех, кого постигают наказания; но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние. Ныне многие радуются даже о тех, которые терпят зло несправедливо. Но мы не будем так поступать; напротив будем оказывать им всякое сострадание, чтобы и нам сподобиться человеколюбия Божия, благодатью и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIV

От Милита же послав во Ефес, призва пресвитеры церковныя. И якоже приидоша к нему, рече к ним: вы весте, яко от перваго дне, отнелиже приидох во Асию, како с вами все время бых, работая Господеви с вами со всяким смиренномудрием, и многими слезами и напастьми, прилучившимися мне от Иудейских навет, яко ни в чесом от полезных обинухся, еже сказати вам и научити вас пред людми и по домом, засвидетельствуя Иудеем же и Еллином еже к Богу покаяние, и веру, яже в Господа нашего Иисуса Христа (Деян. XX, 11–27)

1. Смотри, как (Павел) спешит отправиться и вместе не оставляет ничего без внимания, но благоустрояет все. Он призвал к себе предстоятелей (Церкви) и излагает перед ними вышесказанное. Достойно удивления, как он, будучи поставлен в необходимость сказать о себе что-либо великое, старается сохранить смирение. Подобно этому Самуил, намереваясь передать власть Саулу, говорил перед иудеями: *еда что взях от вас? Свидетели вы и Бог* (1 Цар. XII, 5); и Давид, когда ему не доверяли, говорил: на пастбище я пас овец отца своего и *егда прихождаше медведица,* руками своими *поражах ю* (1 Цар. XVII, 35); и сам Павел в послании к Коринфянам говорит: *бых несмыслен: вы мя, понудисте* (2 Кор. XII, 11). Также поступает и Бог; не без причины говорит о самом Себе, но когда не веруют Ему, тогда и исчисляет свои благодеяния (Иез. XVI, 6). Смотри, что и здесь делает (Павел): во-первых, он ссылается на их свидетельство, чтобы ты не подумал, что он хвалит сам себя, называет слушателей свидетелями сказанного, в удостоверение того, что он не лжет перед ними. Вот доблесть учителя, – когда он может представить учеников свидетелями добрых дел своих! И то удивительно, что он провел в таких делах не один день и не два, но много лет. *Вы весте,*

говорит, *како с вами все время бых.* Хочет убедить их, чтобы они мужественно переносили все, и разлучение с ним и предстоящие опасности, подобно как было при Моисее и Иисусе (Навине). И смотри, что он далее прибавляет. *Како с вами все время бых, работая Господеви, со всяким смиренномудрием.* Смотри, что особенно свойственно начальствующим, именно: ненавидеть гордость; это особенно нужно начальствующим, потому что самые обстоятельства располагают предаваться гордости. Это есть основание доброго, как и Христос говорит: *блажени нищии духом* (Мф. V, 3). Сказал не просто: *со смиренномудрием,* но: *со всяким.* Ведь есть много видов смиренномудрия; смиренномудрие можно видеть в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным. Хотите ли, я представлю вам образцы смиренномудрия? Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными; это – не смиренномудрие. Другие бывают не таковы, но относительно каждого лица в разное время наблюдают и смирение и важность; это преимущественно и есть смиренномудрие. Желая научить их этому, он наперед полагает основание для устранения подозрения, чтобы не подумали, что он гордится. Если, говорит, я жил *со всяким смиренномудрием,* то не по гордости говорю то, что говорю. Вместе с тем (выражает) кротость свою: *с вами*, говорит, *бых, работая Господеви,* представляя их сообщниками своими в этом добром деле. Так, общение всегда есть благо. Представляет добрые дела свои общими и не приписывает себе никакого преимущества. Неужели же, скажешь, он мог гордиться перед Богом? Есть много людей, которые гордятся и перед Ним; но он не гордился даже и перед учениками своими. Вот достоинство учителя: назидать учеников собственными доброделями! Далее говорит о своем мужестве, но также смиренно: *со многими слезами и напастьми, прилучившимися мне от Иудейских навет.*

Видишь ли, как он скорбит о случившемся? Здесь он повидимому выражает свое сострадание; он страдал за погибающих, за самих виновников (напастей), а о случившемся с ним самим радовался; он был из лика тех, которые радовались, *яко за имя, Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (Деян. V. 41). И в другом месте он говорит: *ныне радуюся во страданиих моих о вас* (Кол. I, 24); и еще: *еже бо ныне легкое печали нашея, по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделовает нам* (2 Кор. IV, 17). Это говорил по смирению; а здесь показывает свое мужество, и не столько мужество, сколько терпение, и как бы так говорит: я тяжко страдал, но с вами, и, что особенно тяжело, от иудеев. Заметь, какие здесь он означает свойства учительства: любовь и мужество. *Яко ни в чесом*, говорит, *обинухся*. Этим выражает, как он был чужд зависти и лености. *От полезных*. Хорошо и это сказано, иному ведь и не следовало учиться. Как скрывать что-нибудь есть признак зависти, так и говорить все есть знак безумия. Потому и присовокупил: *от полезных*, и изъяснил, что он не говорил только, но и *научал*, – я, говорит, делал это не небрежно. А что здесь именно такой смысл, послушай далее; далее он говорит: *пред людми и по домом*, и этим выражает свое продолжительное старание, великое усердие и неутомимость. *Засвидетельствуя Иудеем же и Еллином*. Не вам только, говорит, но и эллинам. Здесь (показывает) свое дерзновение и то, что мы должны говорить, хотя бы и не видели никакой пользы; это и значит свидетельствовать, если мы говорим перед людьми, не внимающими нам; слово: *свидетельствовать* по большой части имеет такой смысл. *Засвидетельствую*, говорит Моисей, *небесем и землею* (Втор. IV, 26). Так и здесь: *засвидетельствуя*, говорит, *Иудеем же и Еллином еже к Богу покаяние*.

2. Что ты свидетельствовал? Чтобы имели попечение о жизни, чтобы покаялись и пришли к Богу.

И иудеи не знали Его, потому что не знали Сына и не имели (добрых) дел и веры в Господа Иисуса. Для чего же ты говоришь это? Для чего напоминаешь об этом? Не случилось ли чего-нибудь? Не находишь ли нужным — в чем-нибудь упрекнуть их? Тронув наперед ум их, он потом продолжает: *и ныне се аз связан Духом гряду во Иерусалим, яже в нем хотящая приключитися мне не ведый: точию яко Дух Святый по вся грады свидетельствует, глаголя, яко узы мене и скорби ждут. Но ни едино же попечение творю, ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати евангелие благодати Божия* (ст. 22–24). Для чего он говорит это? Для того, чтобы научить их быть готовыми на опасности, и явные и тайные, и во всем повиноваться Духу. Также изъясняет, что его ожидает нечто великое. *Точию*, говорит, *яко Дух Святый по вся грады свидетельствует, глаголя.* Чтобы показать, что он отправляется добровольно, и чтобы ты не думал об узах или необходимости, говорит: *по грады.* Потом присовокупляет: *ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу юже приях от Господа Иисуса.* Видишь ли, что это слова не плачущего, но смиренно рассуждающего, поучающего других и состраждущего случившемуся? Не сказал: мы скорбим, а нужно терпеть, но: я и не думаю о том. Этими словами опять он не превозносит себя самого, а научает их, как прежде смиренномудрию, так теперь мужеству, дерзновению, и как бы так говорит: я не предпочитаю первое последнему, но более всего думаю о том, чтобы *скончати течение, засвидетельствовати.* Не сказал: проповедать или научить, но: *засвидетельствовати евангелие благодати Божия.* Далее намеревается сказать нечто более поразительное, именно: *яко чист аз от крове всех;* потому предуготовляет их и показывает, что более ничего не остается. Намереваясь возложить на

них все бремя и всю ношу, он наперед трогает их душу словами: *и ныне се аз вем, яко ктому не узрите лица моего* (ст. 25), и потом произносит: *чист аз от крове всех* (ст. 26). Сугубая скорбь оттого, что *лица его* они уже не увидят, и оттого, что они *вси* (не увидят): *яко ктому*, говорит, *не узрите лица моего вы еси, во нихже проидох проповедуя царствие.* Потому я не напрасно свидетельствую перед вами, как уже навсегда отсутствующий. *Яко чист аз от крове всех. Не обинухся бо сказати вам всю волю Божию* (ст. 27). Видишь ли, как он устрашает и поражает удрученные скорбью души их? И хорошо, потому что это было необходимо. *Не обинухся бо*, говорит, *сказати вам всю волю Божию.* Следовательно не возвещающий виновен в крови, то есть в убийстве. Ничего не может быть ужаснее этого. Он показывает, что и они, если не делают этого, то виновны в крови. По-видимому он защищает себя, но вместе и устрашает их. *Внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Бога, юже стяжа кровию своею* (ст. 28). Видишь ли, что Он дает две заповеди? Бесполезно как исправлять только других, – боюсь, говорит он же, *да не како иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. IX, 27), – так и заботиться только о самом себе. Последнее свойственно самолюбцу, который ищет только полезного для него самого и подобен человеку, закопавшему талант в землю. Говорит об этом (Павел) не потому, будто наше спасение важнее (спасения) стада, но потому что, когда мы *внимаем себе*, тогда получает пользу и стадо. *В немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Бога.* Смотри, сколько побуждений. Вы, говорит, получили рукоположение от Духа; это означает слово: *постави.* Вот первое побуждение. Потом: *пасти Церковь Бога:* вот второе. А третье заключается в том, что говорит далее: *юже стяжа кровию своею.* Много убеждения в словах, которые показывают драгоценность предмета,

и немалой мы подвергаемся опасности, если Господь для Церкви не пощадил собственной крови, а мы не имеем никакого попечения о спасении братии. Он пролил кровь Свою, чтобы примирить врагов; а ты не можешь поддерживать любовь даже с друзьями? *Аз бо вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада* (ст. 29). Представляет им новое побуждение, указывая на будущее, подобно как и в другом месте говорит: *несть наша брань к крови и плоти* (Еф. VI, 12). *Яко внидут*, говорит, *по отшествии моем волцы тяжцы в вас.* Двоякое бедствие: и его не будет, и другие станут нападать. Для чего же ты отходишь, если предвидишь это? Дух, говорит, влечет меня.

3. Смотри, не просто сказал: *волцы*, но прибавил: *тяжцы*, желая выразить их силу и свирепость; а что всего тяжелее, эти волки, говорит, *от вас самех востанут:* это особенно тяжко, когда бывает междоусобная брань. Хорошо сказал: *внимайте*, показав этим, что предмет заслуживает особенного внимания, – это именно Церковь, – что угрожает великая опасность, – так как (Господь) искупил ее кровью, – и что брань будет великая и сугубая. Это он выразил словами: *и от вас самех востанут мужие глаголющии развращенная, еже отторгати ученики вслед себе* (ст. 30). Далее, после того, как устрашил их словами: *волцы тяжцы* и: *от вас самех востанут глаголющии развращенная*, как бы отвечая на чей-нибудь вопрос: что же будет, кто станет охранять нас? – говорит: *сего ради бдите, поминающе, яко три лета нощь и день не престаях уча со слезами единого когождо* (ст. 31). Смотри, как чрезвычайны были дела его: *со слезами, нощь и день, единого когождо*. Он не тогда только оказывал попечение, когда видел многих, но не оставлял делать все это и для одной души. Таким образом он и соединил их. А самые слова означают следующее: довольно сделано с моей стороны; я три года оставался (со здешними

верующими), довольно они утверждены, довольно укоренены. *Со слезами*, говорит. Видишь ли, что для этого (он проливал) слезы? Так будем поступать и мы. Если нечестивый не скорбит, скорби ты: тогда, может быть, станет скорбеть и он. Подобно как больной, когда видит врача принимающим пищу, чувствует и сам расположение к тому же, так будет и здесь: если он увидит тебя плачущим, то смягчится, сделается человеком добрым и кротким. *Не ведый*, говорит, *хотящая приключитися мне.* Что? Не потому ли ты и отходишь? Нет; напротив, я очень знаю, *яко узы мене и скорби ждут.* Я знаю, что меня ожидают искушения, но какие, не знаю; а это еще тяжелее. Впрочем не подумайте, что я, говоря это, сокрушаюсь: я не *имам душу мою честну себе.* Говорит это для того, чтобы ободрить их ум и научить не только не убегать (от опасностей), но и мужественно переносить их. Потому и называет дело свое *течением* и *службою,* течением означая блеск его, а службой – обязанность. Я служитель, говорит, и ничего более. Утешив их, чтобы они не скорбели о страданиях его, сказав, что он переносит их *с радостию,* и показав (происходящие от того) плоды, он потом и высказывает мысль прискорбную. Делает это для того, чтобы не слишком отягчить ум их. Какая же это мысль? Следующая: *и от вас самех востанут мужие глаголющии развращения.* Как, скажет кто-нибудь, – ты думаешь о себе так много, что если отойдешь, то и мы лишимся жизни? Нет, говорит, не то я говорю, чтобы мое отсутствие имело такие последствия, – но что? *Яко в вас востанут* некоторые. Не сказал: по причине отшествия моего, но: *по отшествии моем,* то есть после отправления, как это уже и случалось; если же случалось доселе, то тем более случится после. Далее (показывается) цель: *еже отторгати ученики вслед себе.* Так, ереси бывают не для чего иного, как для этого. Вместе с тем и утешение: *юже стяжа*, говорит, *кровию*

своею. Если Он приобрел ее кровью своей, то, конечно, защитит ее. *Нощъ и денъ*, говорит, *не престаях уча со слезами.* Это справедливо можно было бы сказать и нам. Слова его по-видимому относятся собственно к учителям, но вместе с тем они относятся и к ученикам. Для чего я говорю, увещеваю, плачу день и ночь, если ученик не слушает? Потому, чтобы кто не подумал в свое оправдание, что достаточно только быть учеником, хотя и без послушания, (Павел) сказав: *свидетельствую,* присовокупил: *не обинухся бо сказати вам.* Дело учителя – только возвещать, проповедовать, учить, не умолкать, увещевать день и ночь; если же при всем этом не будет никакого успеха, то сами знаете, что следует. Тогда будет другое оправдание: *яко чист аз от крове всех.* Не думайте, что это сказано только в отношении к нам; эти слова относятся и к вам, чтобы вы были внимательны к тому, что говорится, чтобы не уклонялись от слушания.

Что мне делать? Вот я каждый день, сколько есть у меня силы, взываю: отстаньте от зрелищ, – а многие смеются над нами; отстаньте от клятвы, от любостяжания, и множество мы предлагаем увещаний, – и никто не слушает. Но я не беседую ночью? Желал бы я делать это и ночью и при ваших трапезах, если бы было возможно разделиться мне на тысячи частей, прийти к вам и беседовать; но если и теперь, когда мы призываем вас однажды в неделю, вы ленитесь, и одни вовсе не приходите, а другие придя отходите, не получив никакой пользы, то чего вы не сделали бы, если бы мы совершали это постоянно? Что же нам делать? Многие, я знаю, даже поносят нас за то, что мы всегда говорим об одном и том же: так мы надоели им! Но виной этому не мы, а сами слушатели. Кто исправился, тот радуется, слыша одно и тоже, – потому что слышит как бы похвалы себе; а кто не хочет исправиться, тот тяготится и, услышав о чем-нибудь только

дважды, воображает, что слышит это много раз. *Чист аз,* говорит, *от крове всех.*

4. Это сказать прилично было Павлу; а мы не смеем сказать этого, сознавая за собой многое. Ему, который постоянно бодрствовал и действовал, который терпел все для спасения поучаемых, прилично было сказать это; а мы скажем слова Моисея: разгневался *Господь* на меня *вас ради,* потому что вы вводите и нас в грехи многие (Втор. III, 26). Когда мы с прискорбием видим, что вы не делаете успехов, то не ослабеваем ли и мы в своих силах? В самом деле, скажи мне, есть ли какой-нибудь успех? Вот и мы, по благодати Божией, провели уже три года, не поучая *нощь и день,* но часто делая это в течение трех и даже семи дней. А что сделано? Мы увещеваем, обличаем, плачем, скорбим, если не явно, то в сердце. Те (явные) слезы гораздо легче этих; те приносят сетующим некоторое утешение, а эти усиливают (скорбь) и стесняют сердце. Так, когда кто-нибудь страдает и не может обнаружить своей скорби, чтобы не показаться тщеславным, то он страдает гораздо больше, нежели когда бы обнаружил ее. Если бы никто не стал подозревать меня в излишнем честолюбии, то вы увидели бы меня каждый день источающим потоки слез; их знает моя хижина и мое уединение. Поверьте мне, я забываю о собственном спасении, заботясь о вашем, и не имею времени оплакивать свои грехи. Так вы для меня – все. Когда вижу, что вы преуспеваете в добродетелях, то не чувствую собственных бед от радости; а когда вижу, что вы не преуспеваете, то от скорби опять занимаюсь своим: так я радуюсь вашему благу, хотя бы сам терпел множество бед, и скорблю о ваших недостатках, хотя бы сам имел множество совершенств. Какая надежда учителю, если его паства предана порокам? Какая жизнь? Какое утешение? С каким дерзновением он предстанет перед Богом? Что скажет? Поло-

жим, что он не заслуживает осуждения и не подлежит наказанию, но *чист от крове всех,* — и тогда он будет терпеть неисцельную скорбь; ведь и отцы, даже когда не подвергаются осуждению за своих детей, и тогда скорбят и страдают.

Неужели, скажете, им (учителям) не приносит пользы и не помогает то, что они *бдят о душах наших?* Но они *бдят, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Некоторым это кажется страшным; но мне до того нет никакой заботы после вашей погибели. Дам ли я отчет или не дам, мне нет никакой пользы. Дай Бог, чтобы вы спаслись, хотя бы мне пришлось дать ответ за вас, чтобы вы спаслись, хотя бы я был осужден, как не исполнивший своих обязанностей. Я не о том забочусь, чтобы вы спаслись через меня, но чтобы только спаслись через кого бы то ни было. Знаете ли муки духовного рождения, как испытывающий это рождение желал бы лучше расторгнуться на тысячу частей, нежели видеть хотя одного из рожденных погибающим и развращенным? Чем же мы будем вразумлять вас? Не иным чем-нибудь, но тем, что будем излагать все, что касается вас. И мы можем сказать, что мы не опустили ничего с нашей стороны, и однако мы скорбим; а что скорбим, видно из того, что употребляем столько мер и столько усилий. Хотя я мог бы сказать и вам: какая мне забота? — я сделал свое дело: *аз чист есмь от крове,* но это недостаточно для утешения. Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидели бы, как не тесно помещаетесь в нем все вы — и жены, и дети, и мужи. Такова сила любви: она делает душу пространнее неба. *Вместите ны,* говорил Павел, *ни единаго обидехом, не тесно вмещаетеся в нас* (2 Кор. VI, 12; VII, 2). Тоже скажем теперь и мы: *вместите ны.* Весь Коринф он вмещал в своем сердце и говорил: *распространитеся и вы: не тесно вмещаетеся* (2 Кор. VI, 12, 13). Но я не скажу

этого, так как хорошо знаю, что и вы любите нас и вмещаете (в своем сердце). Но что пользы от моей любви и от вашей, если по отношению к Богу мы не оказываем успехов? Она послужит только к большему огорчению, подаст повод к тягчайшей скорби. Отнюдь не думаю упрекать вас; напротив *свидетельствую вам, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми* (Гал. IV, 15); и мы со своей стороны не только евангелие, но и душу свою отдали бы вам. Вы любите нас и мы любим вас; но не в этом дело. Возлюбим прежде всего Христа; *первая заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего: вторая же подобна ей: и ближняго своего, яко сам себе* (Мф. XXII, 37–39; Мк. XII, 30). Второе есть у нас; первого недостает у нас; первое крайне нужно и мне и вам. Мы исполняем и первую (заповедь), но не так, как должно. Будем же любить Его; вы знаете, какая награда ожидает любящих Христа; возлюбим Его со всей горячностью души, чтобы, заслужив благоволение Его, мы могли избегнуть напастей настоящей жизни и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLV

И ныне предаю вас, братие, Богови и слову благодати его, могущему наздати и дати вам наследие во освященных всех (Деян. XX, 32)

1. Как в посланиях, так же поступает (Павел) и в беседах: оканчивает увещание молитвой. Он привел слушателей в великий страх словами: *яко внидут волцы тяжцы в вас* (Деян. XX, 29); потому, чтобы не поразить и не погубить ума их, предлагает утешение. *И ныне,*

говорит. Этим словом выражает мысль: так же, как и всегда. *Предаю вас, братие, Богови и слову благодати его,* то есть благодати Его. Хорошо сказал; он знал, что спасает благодать. Он часто напоминает им о благодати, желая сделать их более усердными, как (следует) людям одолженным, и внушая дерзновение. *Могущему наздати* вас. Не сказал: создать, но: *наздати,* выражая, что они уже созданы. Потом напоминает о надежде в будущем и говорит: *и дати вам наследие во освященных всех.* Затем опять (предлагает) увещание. *Сребра,* говорит, *или злата, или риз ни единаго возжелах* (ст. 33). Исторгает корень зол – сребролюбие. *Сребра,* говорит, *или злата.* Не сказал: я не брал, но: *ни возжелах.* Это еще неважно, но следующее весьма важно. *Сами весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце сии. Вся сказах вам, яко тако труждающимся подобает заступати немощныя* (ст. 34, 35). Смотри, как он сам занимался работой, и не легко, а *труждаяся. Требоватю моему и сущим со мною послужисте руце сии.* Это (говорит) для назидания; и смотри, с каким достоинством. Не сказал: надобно быть выше денег, – но что? *Заступати немощныя.* Не всех вообще, но немощных. *Поминати же слово Господа, яко сам рече: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (ст. 35). Чтобы кто не подумал, что это сказано тем (апостолам), и (чтобы показать), что он подает им пример, подобно как в другом месте говорит: *имате образ нас* (Флп. III, 17), присовокупляет изречение Христово: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати.* Самой молитвой он назидал их; а потом показывает тоже примером. *И сия рек, преклонь колена своя, со всеми ими помолися* (ст. 36). Помолился не просто, но с великим умилением. Великое утешение! И словами: *предаю вас Богови* он также утешал их. *Многъ же бысть плачь всем: и нападше на выю Павлову, облобызаху его, скорбяще наипаче о словеси, еже рече, яко ктому не имут лица его узрети. Провождаху же его*

в корабль (ст. 37, 38). Он сказал, что *внидут волцы тяжцы*, сказал, что *аз чист от крове всех;* то и другое было страшно и достаточно для того, чтобы предаться скорби; но всего более причинило им скорбь известие, что они уже более не увидят его; это им тяжело было преодолеть. *Провождаху же его*, говорит (писатель), *в корабль;* так они любили его, так были расположены к нему! *И якоже бысть отвестися нам, отторгшимся от них, прямо шедше приидохом в Кон, в другий же день в Родос, а оттуду в Патару. И обретше корабль преходящ в Финикию, возшедше отвезохомся. Возникший же нам Кипр оставльше ошуюю, плыхом в Сирию, и пристахом в Тире* (XXI, 1– 3). Смотри: он прибыл в Ликию и, отправившись в Финикию и миновав Кипр, пристал в Тире, *тамо бо бяше кораблю изложити бремя*. Это было причиной отбытия в Тир. *И обретше ученики, пребыхом ту дний седмь: иже Павлови глаголаху Духом же не восходити во Иерусалим* (ст. 4). Смотри, и эти предсказывают ему скорби. По устроению (Божию) они тоже говорят, чтобы кто не подумал, что Павел говорил об этом просто из тщеславия. Здесь опять помолившись, они разлучаются друг от друга. *Егда же бысть нам скончати дни, изшедше идохом, провождающим нас всем с женами и детми даже до вне града: и преклонше колена при брезе, помолихомся. И целовавше друг друга внидохом в корабль: они же возвратишася во свояси. Мы же плавание наченше от Тира пристахом во Птолемаиде, и целовавше братию пребыхом день един у них. Во утрие же изшедше, приидохом в Кесарию: и вшедше в дом Филиппа благовестника, суща от седми, пребыхом у него* (ст. 5–8). Прибыв, говорит, в Кесарию, остались у Филиппа, одного из семи (диаконов). Сему же *бяху дщери четыре прорицающия* (ст. 9). Впрочем не они предсказывают Павлу, хотя они и пророчествовали, но Агав; а каким образом, послушай. *Пребывающим же нам тамо дни многи, вниде некто от Иудей пророк, именем Агав: и пришед к нам, и взем пояс*

Павлов, связав же свои руце и нозе, рече: тако глоголет Дух Святый: мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут его во Иерусалиме Иудеи, и предадят в руце языков (ст. 10, 11). Он некогда предсказал голод; он же и теперь говорит: *мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут.* Пророки изображали будущее видимыми знаками, когда предсказывали о пленении, например Иезекииль; тоже сделал и он. То тяжко, что *предадят в руце языков. И якоже слышахом сия, моляхом, мы же и наместнии, не восходити ему во Иерусалим* (ст. 12). Многие просили, чтобы он не ходил, но он не послушал их. *Отвещав же Павел и рече: что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце? Аз бо не точию связан быти, но умрети во Иерусалиме готов есмь за имя Господа Иисуса. Не повинующуся же ему, умолчахом, рекше: воля Господня да будет* (ст. 13, 14).

2. Видишь ли? Это предсказывается для того, чтобы ты, услышав слова: *связан Духом иду,* не подумал, будто он идет по необходимости или подвергся (страданиям), сам о том не зная? Те плакали, а он утешал, скорбя об их же слезах. *Что творите,* говорит, *плачуще и сокрушающе ми сердце?* Никто (не был) любвеобильнее Павла; он огорчался, видя их плачущими, а о собственных страданиях не скорбел. Вы, говорит, обижаете меня, делая это; я разве скорблю? Тогда уже они перестали, когда он сказал: *что творите, сокрушающе ми сердце?* О вас, говорит, я плачу, а не о своих страданиях; а что касается до них, то я готов умереть. Но обратимся к вышесказанному. *Сребра или злата или риз,* говорит, *ни единого возжелах. Сами весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте, руце сии.* Следовательно не в Коринфе только делали это люди, развращавшие учеников, но и в Азии. Впрочем в послании к Эфесеям он нигде не упрекает их в этом. Почему? Потому что он не терпел нужды. И в послании к Коринфянам говорит: *похваление сие не заградится о мне в странах Ахайстех* (2 Кор. I, 10). Не

сказал: вы не давали мне, но: *сребра или злата или риз ни возжелах,* чтобы не показалось, будто от них зависело не давать. И не сказал, что он не пожелал чего-нибудь из вещей необходимых, чтобы опять это не показалось упреком для них, но выражает то, что он по справедливости мог не брать (от них), если еще сам содержал других. Смотри, как ревностно трудился этот человек, беседуя *нощь и день, со слезами, уча единого когождо. Вся,* говорит, *сказах вам, яко тако труждающимся подобает заступати немощныя.* Этими словами опять привел их в страх; а сказаное значит следующее: вы не можете ссылаться на неведение; я показал вам на деле, как надобно трудиться и действовать. Не сказал, что брать — худое дело, но что лучше не брать: *поминати же,* говорит, слово *Господа, яко сам рече: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати.* Где же (Господь) сказал это? Может быть, апостолы предали это без письмени, или можно было вывести это через умозаключение, так как Он внушал мужество в опасностях, снисхождение к подчиненным, дерзновение в учении, смиренномудрие, нестяжательность. Впрочем это выше и нестяжательности. Если сказано: *продаждь имение твое, аще хощеши совершен быти* (Мф. XIX, 21), то не брать ничего и еще питать других — равно ли этому? Таким образом первая степень, это — отвергать свое, вторая — самому удовлетворять себе, третья — давать и другим, четвертая — не брать проповедуя и имея власть брать; последнее гораздо выше нестяжательности. Хорошо сказал: *тако труждающимся подобает заступати немощныя.* Давать из приобретенного собственными трудами, это — дело сострадания к немощным; а давать из приобретенного чужими трудами — дело не только не доброе, но и неодобрительное. *И нападше на выю его,* говорит (писатель), плакали. Этим выражается расположение их к нему. Поверглись на выю, обнявшись последним объятием, как

вполне восчувствовавшие после речи его любовь и дружбу. Если мы при простом разлучении между собой скорбим, хотя и знаем, что увидимся друг с другом, то как они могли тогда расставаться с Павлом без горести? Я думаю, что и Павел плакал. *Отторгшимся*, говорит (писатель). Этими словами выражает особенное усилие. *Отторгшимся от них:* и не напрасно, — иначе им не выйти бы в море. Что значит: *прямо шедше приидохом в Кон?* Значит: никуда не заезжали и не останавливались в других местах. *В другий же день*, говорит, *в Родос*. Смотри, как он спешил. *И обретше корабль преходящ в Финикию.* Может быть, он стоял там; они сели на него, потому что не нашли другого, который бы отправлялся в Кесарию. *Возникший же нам Кипр оставльше ошуюю.* Это сказано не без причины, но чтобы показать, что они не хотели и приближаться к нему, а плыли прямо в Сирию: так они спешили! *И пристахом*, говорит, *в Тир: и обретше ученики, пребыхом ту.* Когда уже приблизились к Иерусалиму, то не спешат, а остаются у братий *дний седмь*. Исчислим все дни после дней опресночных они прибыли в Троаду в пять дней; потом пробыли там семь, всего двенадцать; потом до Асса, Митилины, Хиоса, Трогиллии, Самоса и Милета, всего восемнадцать дней; затем до Коса, Родоса и Патары — двадцать один; оттуда в пять дней до Тира — двадцать шесть; там пробыли семь, — тридцать три; потом в Птолемаиде один, — тридцать четыре: затем в Кесарии остается больше прочих дней; и оттуда наконец ведет их пророк. Таким образом исполняется пятьдесятница, которую (Павел) там и проводит. Смотри, когда Дух не воспрещал ему, тогда он слушался (других). Так говорили ему: не вдавайся *в позор*, он и не вдался (Деян. XIX, 31), часто выводили его, и он повиновался; опять — бежал через окно (Деян. IX, 25). А теперь, так сказать, целые тысячи просят его и в Тире и в Кесарии, плачут, предсказывают множество бед-

ствий, и несмотря на то он не соглашается; и притом предсказывали не просто, а по внушению Духа. Если же это повелевал Дух, то почему воспротивились? Потому что не знали, что благоугодно было Духу; а с другой стороны потому, что сами не получили внушения от Духа. Ведь те не просто предсказывали Павлу бедствия, но говорили, что не следует ходить, щадя его. *Еда же бысть*, говорит (писатель), *скончати дни*, то есть по исполнении их, – говорит об определенном числе дней, – *провождающим нас всем с женами и детми.*

3. Смотри, каково было утешение: опять молятся, и таким образом расстаются. В Птолемаиде они остаются один день, а в Кесарии – несколько. Когда (Павел) услышал, что его ожидает множество бедствий, тогда и отправляется поспешно, не сам себя ввергая в опасности, но почитая это повелением Духа. *По днех же сих*, говорит (писатель), *уготовлшеся, взыдохом во Иерусалим* (ст. 15), то есть взяв необходимое для пути. *Приидоша же с нами и нецыи ученицы от Кесарии, ведуще с собою, у него же бы обитати нам, Мнасона некоего, Кипрянина, древняго ученика. Бывшим же нам во Иерусалиме, любезно прияша нас братия* (ст. 16, 17). Смотри: Агав не сказал, что свяжут Павла, чтобы не показалось, будто он говорит по соглашению (с врагами), но: *мужа, егоже есть пояс сей.* Следовательно, у него был пояс. Не могши уговорить его, они плакали, а потом успокоились. Видишь ли их любомудрие? Видишь ли горячность любви? *Умолчахом*, говорит, *рекше: воля Господня да будет. Ведуще*, говорит, *у него же бы обитати нам.* Следовательно не в церкви. В то время, когда приходили для (рассуждения) о догматах, они приняты были церковью (Деян. XV, 4); а теперь (жили) у одного старого ученика. Здесь (писатель) говорит о продолжительном времени проповедания; потому, мне кажется, он в Деяниях сокращает здесь несколько лет, повествуя только более нужное. Что значит: *воля Господ-*

ня да будет? Господь, говорит, сам сотворит благоугодное Ему. Они успокаиваются и не принуждают, может быть, зная, что была на то воля Божия, и заключая об этом из поспешности Павла; иначе Павел не спешил бы, не попустил бы и Бог, всегда избавлявший его от опасностей. Так они не хотели быть в тягость церкви, когда другой мог принять их, и так они не домогались почестей! *Любезно*, говорит, *прияша нас братия.* У иудеев было тогда мирное время, и не было войны, как прежде. *Ведуще* нас, говорит, *у него же бы обитати нам.* Этот (ученик) оказал гостеприимство Павлу.

Может быть, кто-нибудь из вас скажет: если бы и ко мне кто-нибудь привел Павла, то и я с охотой и великим усердием сделал бы тоже. Но вот, ты можешь оказать гостеприимство Владыке Павла, и не хочешь. *Иже аще приимет единаго малых сих*, говорит (Господь), *мене приемлет* (Мф. XVIII, 5, 6). Чем менее брат, тем более в лице его приходит Христос. Принимающий великого человека часто делает это из тщеславия, а принимающий малого – чисто для Христа. Можешь ты принять и Отца Христова, и не хочешь. *Странен бех*, говорит Он, *и введосте мене* (Мф. XXV, 35), и еще: *понеже сотвористе единому сих менших, мне сотвористе* (ст. 40). Если он – верный и брат, то, хотя он не Павел, хотя бы был самый малый, в лице его приходит Христос. Отвори дом свой, прими его. *Приемляй пророка*, сказано, *мзду пророчу приимет* (Мф. X, 41). Следовательно и принимающий Христа получит награду, как принимающий Христа. Не сомневайся в истине слов Его, но веруй; Он сам сказал, что в лице их приходит Он; и, чтобы ты не сомневался в этом, Он определил наказания для непринимающих и почести для принимающих, чего не сделал бы, если бы Он не был сам и почитаемый и оскорбляемый. Ты принял Меня, говорит Он, в жилище свое, Я приму тебя в царствие Отца Моего; ты избавил Меня от голода,

Я избавлю тебя от грехов; ты воззрел на Меня связанного, Я покажу тебя разрешенным; ты призрел Меня странника, Я сделаю тебя гражданином неба; ты подал Мне хлеба, Я дам тебе царствие всецело, в наследие и обладание твое. *Приидите*, говорит Он, *наследуйте уготованное вам царствие* (Мф. XXV, 34). Не сказал: примите, но; *наследуйте*, что означает полное обладание, как, например, когда мы говорим: я наследовал то-то. Ты сделал для Меня тайно, Я возвещу явно; сделанное тобой Я считаю милостью, а Мое – долгом. Ты начал, говорит, а Я делаю после тебя и вслед за тобой; не стыжусь исповедать оказанные Мне благодеяния и то, от чего ты избавил Меня, голод, наготу, странничество. Ты воззрел на Меня связанного, и сам не увидишь огня гееннского; ты призрел Меня болящего, и сам не испытаешь ни мытарств, ни наказаний. О, поистине благословенны руки, совершающие такие благодеяния, удостоившийся послужить Христу! Легко пройдут через огонь ноги, ходившие в темницы для Христа; не испытают тяжести уз руки, касавшаяся Его связанного. Ты одел (Его) в одежду, и облечешься в одежду спасения; ты был с Ним в темнице, и будешь с Ним в царствии. Он исповедует это не стыдясь, но признавая, что ты призрел Его. Патриарх (Авраам) не знал, что принимает ангелов, и принял их. Устыдимся, увещеваю вас. Он сидел во время полудня, будучи в стране чужой, не имея у себя и пяди земли, будучи странником, и несмотря на то, странник принял странников, Он был гражданином неба; потому он и на земле стал не странником. А мы, не принимая странников, делаемся сами странниками более, чем этот странник. Он не имел дома, шатер служил ему жилищем; но, смотри, как был щедр: он заколол тельца и приготовил печенья; послушай, как был усерден: он сделал это сам и вместе с женой; посмотри и на смирение его; он кланялся и умолял (посетить его, Быт. гл. XVIII).

4. Все это надобно иметь принимающему странников: усердие, радушие, щедрость. Душа странника совестится и стыдится; если не окажут ему крайнего радушия, то он уходит как бы отверженный, и такой прием бывает гораздо хуже, нежели прямой отказ. Поэтому (Авраам) кланяется, приветствует словом, предлагает седалище. Кто мог бы усомниться (в его радушии), видя, как он делал это? Но мы, скажете, не на земле чужой? Если захотим, то можем подражать ему (и здесь). Сколько из наших братий бывает странников? Есть у нас общее церковное жилище, которое мы называем странноприимницей; покажите усердие и вы, сядьте при дверях, принимайте приходящих; если вы не хотите (делать этого) в ваших домах, то помогайте нуждам их иным образом. Но, скажете, разве Церковь не имеет средств? Имеет, но что вам до этого? Когда они питаются от общих церковных имуществ, вам это разве может принести пользу? Когда кто-нибудь другой молится, ты разве не должен молиться? Отчего ты не говоришь: священники молятся, – для чего же молиться мне? Но я, скажешь, подаю тому, кто не может идти туда. Подавай хотя этому; о том мы и заботимся, чтобы только ты подавал. Послушай, что говорит Павел: *да сущих истинных вдовиц удоволит, и да не тяготится Церковь* (1 Тим. V, 16). Делай это, как хочешь, только делай. А я не скажу: *да не тяготится Церковь,* но: *да не тяготишься ты,* потому что своими рассуждениями ты ничего не сделаешь, все предоставляя ей. Потому и учреждено Церковью общее жилище (для странников), чтобы ты не говорил этого. Но, скажешь, Церковь имеет средства, имеет деньги и доходы. Скажи мне: разве она не имеет и издержек? Разве она не имеет ежедневных расходов? Точно так, скажешь. Почему же ты не помогаешь ее скудости? Стыжусь говорить это; впрочем отнюдь и не принуждаю. Если кто думает, что это говорится для прибытка, то пусть устро-

ит странноприимницу у себя в доме; пусть поставит там постель, трапезу и свечу. Не странно ли: когда приходят воины, то вы имеете для них особые помещения, оказываете великое усердие, доставляете им все, потому что они защищают вас на войне чувственной; а для странников не имеете места, где бы они остановились? Превзойди Церковь. Хочешь ли пристыдить нас? Сделай это; превзойди щедростью; устрой жилище, куда бы приходил Христос; скажи: это – келия Христова, этот дом назначен для Него. Хотя бы это жилище было и не богато, Он не гнушается. Христос ходит в виде обнаженного и странника, имея нужду только в покрове; доставь Ему хотя это; не будь жесток и бесчеловечен; ты так пламенен в делах житейских, не будь же холоден в делах духовных. Поручи это вернейшему слуге, и пусть он приводит убогих, бедных и бескровных. Говорю это, чтобы пристыдить вас. Следовало бы принимать их в верхней части дома; но, если не хочешь этого, то хотя внизу примите Христа, хотя там, где помещаются мулы, где слуги. Может быть, вы содрогаетесь, слыша это? Но как быть, если вы и этого не делаете? Я увещеваю, я говорю: позаботьтесь об этом. И опять вы не хотите? Сделайте же иначе. Есть много бедных мужей и жен: поставьте правилом, чтобы всегда хотя кто-нибудь из них был у вас; пусть хотя стражем дома будет бедный; пусть он будет для вас стеной и оградой, щитом и копьем. Где милостыня, туда не смеет войти диавол и никакое другое зло. Не будем же оставлять без внимания это благо. Теперь для колесницы назначено место, и для носилок – другое, а для странника Христа – ни одного. Авраам, где жил сам, там же и принимал странников; и жена его стояла в виде служанки, тогда как они сидели подобно господам. Он не знал, что принимал Христа, не знал, что принимал ангелов; если бы знал, то отдал бы им все. А мы знаем, что принимаем Христа, и не-

смотря на то не оказываем такого же усердия, какое он, думая, что принимает людей. Но, скажешь, из них есть много обманщиков и неблагодарных. Тем большая будет тебе награда, если примешь их во имя Христово. Если ты уверен, что они обманщики, то не принимай в свой дом; если же не уверен, то для чего осуждаешь без разбора? Потому, скажешь, я и отсылаю их в странноприимницу. Но какое мы имеем оправдание, если и тех, кого не знаем, мы не принимаем, но запираем двери для всех? Пусть будет дом наш Христовым пристанищем для всех; будем просить у них награды, не серебра, но того, чтобы они сделали дом наш пристанищем Христовым; будем ходить повсюду, привлекать к себе, гоняться, как за добычей; здесь мы скорее сами получаем, нежели оказываем благодеяния. Не повелеваю заколоть тельца; дай хлеб алчущему, одежду обнаженному, покров страннику. А чтобы ты в оправдание свое не говорил, что есть общее жилище церковное, то (скажу); внеси туда, и через это ты как бы примешь (бедных) сам; ведь и он (Авраам) получил награду и за то, что было сделано его слугами (Быт. XIV, 14). Так были научены и слуги его; они бегали, и не роптали, как наши, потому что он сделал их благочестивыми. Он водил их на войну, и они не роптали: так они были любомудры! Обо всех он заботился так же, как о самом себе, и как бы говорил, подобно Иову: *от тогожде чрева сотворены есмы* (Иов. XXXIII, 6).

Итак, и мы будем пещись о своем спасении, и о слугах своих будем иметь великое попечение, чтобы и они были добрыми и усердными; пусть и слуга наш будет научен, что нужно делать для Бога. Если мы таким образом устроим их, тогда не будет для нас трудна добродетель. Как на войне, если воины благоустроены, то военачальник удобно ведет борьбу, а если этого нет, то бывает напротив; и как на корабле, когда все служащие

действуют согласно, то кормчий легко управляет кормилом, — так и здесь, если слуги твои научены добру, то и ты не скоро будешь раздражаться, не будешь огорчаться, гневаться и осуждать. Иногда и сам устыдишься слуг, если они будут достойны, иногда они и помогут тебе и похвалят добрые дела твои. Таким образом всеми ими будет совершаться все благоугодное Богу, весь дом исполнится благословения, и, совершая благоугодное Богу, мы сами получим великую помощь свыше, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVI

На утрие же вниде Павел с нами ко Иакову, вси же приидоша старцы. И целовав их, сказаше по единому коеждо, еже сотвори Бог во языцех служением его (Деян. XXI, 18, 19)

1. Этот (Иаков) был брат Господень и епископ иерусалимский, муж великий и дивный. К нему-то приходит Павел, подобно как и прежде он был послан к нему же; а каким образом, послушай. *На утрие же,* говорит (писатель), *вниде с нами Павел ко Иакову.* Смотри, как он чужд гордости. *Вси же приидоша старцы: и целовав их, сказаше по единому коеждо, еже сотвори Бог во языцех служением его.* Опять рассказывает им случившееся у язычников, не из тщеславия, — да не будет! — но чтобы показать Божие человеколюбие и исполнить их великой радости. *Они же,* смотри, *слышавше, славляху Бога;* не стали превозносить Павла и удивляться ему, но прославили Бога, потому что рассказывая он все приписывал (Богу). *Они же слышавше, славляху Бога, и рекоша ему: видиши ли, брате,*

колико тем есть Иудей веровавших: и вси ревнители закону суть. Увестишася же о тебе, яко отступлению учиши от Моисеа живущия во языцех вся Иудеи, глаголя не обрезовати им чад, ниже во обычаех ходити (ст. 20, 21). Смотри, как скромно и они говорят. Не (Иаков) говорит, как епископ, с властью; но самого (Павла) они делают участником совещания, и тотчас же, с самого начала, как бы извиняются тем, что им не хотелось бы (видеть его обвиняемым). Видишь ли необходимость этого дела. *Видиши ли*, говорят, *колико тем есть Иудей веровавших?* Не говорят: сколько тысяч мы обратили, но: *есть. И вси*, говорят, *ревнители закону суть.* Две причины: множество (уверовавших из иудеев) и образ их мыслей. Если бы не было немного, то и тогда не следовало бы пренебрегать ими; если же их много, – хотя и не все держались закона, – то это – дело важное. Далее и третья причина. *И вси увестишася*, говорят, *о тебе, яко отступлению учиши от Моисеа живущия во языцех вся Иудеи, глаголя не обрезовати им чад, ниже во обычаех ходити.* Не сказали: они слышали, но: *увестишася*, то есть убеждены и поверили, яко *отступлению учиши от Моисеа, глаголя не обрезовати им чад, ниже во обычаех ходити.* Сказав это, продолжают: *что убо есть? Всяко подобает народу снитися: услышать бо, яко пришел еси. Сие убо сотвори, еже ти глаголем* (ст. 22, 23). Говорят это, как советующие, а не как приказывающие. *Суть у нас мужие четыри, обещавше себе Богу. Сия поимъ, очистися с ними и иждиви на них, да острижут си главы: и разумеют вси яко возвещенная им о тебе ничтоже суть, но пребываеши и сам закон храня* (ст. 24). Советуют ему оправдаться не словами, а делом: *да острижут си*, говорят, *и разумеют еси, яко возвещенная им о тебе ничтоже суть.* Не сказали: ты учишь, но: *возвещенная им о тебе*, опять выражая, что они убеждены в том; *и яко сам пребываеши*, то есть что сверх того ты и сам хранишь (закон). Не то только нужно было знать, учит ли он других, но

и то, соблюдает ли сам. А что, скажешь, если язычники узнают об этом, — не соблазнятся ли они? Как (они могут соблазниться), когда мы — иудейские учители — отправили к ним послание? *А о верովавших языцех мы послахом, судивше ничтоже таковое соблюдати им, токмо хранити себе от идоложертвенных и крове и удавленины и блуда* (ст. 25). Этого достаточно для опровержения. Слова их означают следующее: как мы заповедали им это, хотя проповедуем иудеям, так и ты, хотя проповедуешь язычникам, поступай здесь согласно с нами. Павел же, смотри, не сказал: я могу представить Тимофея, которого я обрезал, могу убедить словом; но послушался их и сделал все, — потому что так нужно было. Не то было бы, если бы он стал оправдывать себя, или сделал это так, чтобы никто не знал о том. К устранению подозрения могло служить и то, что он принял на себя издержки. *Тогда Павел поемь мужи оны, наутрие с ними очищся вниде во святилище, возвещая исполнение дней очищения, дондеже принесено бысть за единаго коегождо их приношение* (ст. 26). *Возвещая*, то есть объявив; так он сам сделал это известным. *И якоже хотяху седмь дней скончатися* (ст. 27).

2. Смотри, как много времени он посвящает на это! *Иже от Асии Иудеи видевше его во святилищи, навадиша весь народ, и возложиша нань руце, вопиюще: мужие Исраилстии, помозите: сей есть человек, иже на люди и закон и на место сие всех всюду учить: еще же и Еллины, введе в церковь, и оскверни святое место сие* (ст. 27, 28). Заметь, как они всегда склонны к мятежу: без стыда кричат среди (храма)! *Бяху бо видели Трофима Ефесянина во граде с ним, егоже мняху, яко в церковь ввел есть Павел. Подвижеся же град весь и бысть стечение людем: и емше Павла влечаху его вон из церкве, и абие затворишася двери* (ст. 29, 30). *Мужие*, говорят, *Исраилстии, помозите: сей есть человек, иже на люди* и *закон и на место сие.* Что особенно смущало их, именно храм и закон, на то и указывают. Между тем Павел, претерпе-

вая все это, не упрекал апостолов, что они были виновниками случившегося с ним: так был он великодушен! *И влечаху его*, говорит (писатель), *вон из церкве и затворишася двери.* Они намеревались убить его, и потому извлекли вон, чтобы сделать это с большей свободой. *Ищущим же им убити его, взыде весть к тысящнику спиры, яко весь возмутися Иерусалим. Он же абие поим воины и сотники, притече на ня: они же видевше тысящника и воины, престаша бити Павла. Приступль же тысящник, ять его и повеле связати его вериги железными двема: и вопрошаше, кто убо есть, и что есть сотворил. Друзии же ино нечто вотяху в народе* (ст. 31–33). Для чего он, намереваясь допросить Павла, приказал связать его двумя цепями? Для того, чтобы укротить ярость народа. *Немогий же разумети известное молвы ради, повеле отвести его в полк. Егда же бысть на степенех, прилучися воздвижену быти ему от воин нужды ради народа. Последоваше бо множество людей зовущих: возми его* (ст. 34–36). Что значит: *возми его?* У иудеев был обычай – говорить это против тех, кого они обвиняли; так и о Христе они говорили: *возми его,* то есть истреби Его из среды живых. А иные думают, что выражение: *возми его* значит то же, что у нас по римскому обычаю: посади его под арест. *Хотя же внити в полк Павел глагола тысящнику: аще леть ми есть глаголати что тебе* (ст. 37)? Когда несли его по ступеням, он просит дозволения сказать нечто тысяченачальнику, и смотри, как кротко: *аще леть ми есть*, говорит, *глаголати что тебе? Он же рече: гречески умееши ли? Не ты ли еси Египтянин, прежде сих дней превещавый, и изведый в пустыню четыре тысящи мужей сикарей* (ст. 38)? Этот египтяпин был нововводитель и мятежник. Павел оправдывает себя и ответом своим отстраняет это подозрение. Но обратимся к вышесказанному. *Суть у нас*, говорят (пресвитеры), *мужие четыре обещавше себе Богу: сия поимъ, очистися с ними.* Павел не противится этому, но повинуется. Отсюда ясно, что не непре-

менно следовало сделать это (потому они и убеждают его), – а что это было делом предусмотрительности и снисхождения. Это не было препятствием проповеди, потому что они же дали заповедь (касательно язычников). Потому и сам (Павел), устрояя таковое дело, впоследствии укоряет Петра, и делает это не без причины, так как, что сделал он здесь, то Петр там, таясь и держась своего мнения (Гал. II, 11–14). Не сказали, что не нужно учить (иудеев) подобно язычникам, или что можно им и не проповедовать, но что должно сделать нечто большее, чтобы они удостоверились, что ты соблюдаешь закон. Это – дело снисхождения, не бойся. И смотри, не прежде убедили его, как изъяснив наперед, что (этого требует) предусмотрительность и польза. В Иерусалиме, говорят, сделать это позволительно. Сделай же это здесь, чтобы тебе можно было делать то и вне (Иерусалима). *Тогда*, говорит (писатель), *поемъ Павел мужи, на утрие;* не медлит, но показывая свое послушание на деле, тотчас берет тех, с которыми намеревался совершить очищение: так пламенно он разделял эту предусмотрительность! Но как, скажут, азийские иудеи увидели его в храме? Им позволялось быть там в некоторые дни. Смотри, как все это сделалось по смотрению (Божию). Когда (одни) иудеи убедились, тогда нападают (другие); а иначе и те напали бы на него. *Помогите*, говорят, *мужие Исраилстии;* как будто в их руках кто-нибудь такой, кого трудно уловить и удержать, – кричат: *помогите. Сей есть всех всюду учай;* не здесь только, говорят, но *всюду*. Усиливают обвинение из соприкосновенных обстоятельств: *еще же*, говорят, *оскверни церковъ, введе Еллины*. При Христе и они приходили туда для поклонения (Ин. XII, 20); но здесь говорится, что они пришли не для поклонения. *И емше Павла*, говорит (писатель), *влечаху его вон*. Смотри, как они извлекают его вон из храма; они не думали о законах или судилищах, и

потому сами стали бить его: так они во всем являются дерзкими и бесстыдными! В это время (Павел) не оправдывался, а после; и хорошо, — потому что тогда они не послушали бы. Для чего они кричали: возьми его? Опасались, чтобы он не убежал. Между тем, смотри, с каким смирением Павел говорит тысяченачальнику. Что же он говорит? *Аще леть ми есть глаголати что тебе?* Так он был кроток, так смиренно вел себя везде. *Не ты ли,* спрашивает (тысяченачальник), *еси Египтянин?*

3. Посмотри на злоухищрение диавола. Этот египтянин был обманщик и обольститель; (диавол) и надеялся, прикрываясь им, представить Христа и апостолов участниками в приписываемых ему преступлениях. Но нисколько не успел в этом; напротив, истина стала еще светлее и воссияла блистательнее, не потерпев ничего от козней диавола. Если бы не было обманщиков, и (апостолы) одержали бы победу, тогда иной, может быть, стал бы подозревать. Но если и те являлись, а эти одержали победу, то нельзя не удивляться. Для того и попускается являться тем, чтобы более прославились эти, как и сам (Павел) говорит в другом месте: *да искуснии явлени бывают* (1 Кор. XI, 19). Подобным образом и Гамалиил говорил: *пред сими денми воста Февда* (Деян. V, 36). Касательно *сикарей* одни говорят, что это был род разбойников, получивших такое название от того, что они носили мечи, называемые у римлян сиками. Другие (говорят, что они принадлежали) к одной из еврейских сект.

У (евреев) три главные секты: фарисеи, саддукеи и ессеи, которые называются праведными за чистоту жизни, — и сикариями, потому что они были ревнители. Итак, не будем скорбеть о том, что бывают ереси; бывали и лжехристы и злоумышляли против Христа, и прежде этого и после, желая затмить (Его). Но истина не затмевается и сияет везде. Тоже было и при пророках: являлись лжепророки, но (пророки) от срав-

нения с ними делались более светлыми. Так болезнь уясняет здоровье, тьма — свет, буря — тишину. Эллины не могут сказать, что (апостолы) были обманщики и обольстители, потому что такие люди бывали обличаемы. Тоже было и при Моисее: Бог попустил (действовать) волхвам, чтобы Моисей не был принять также за волхва; по Его попущению они показали всем, до чего может простираться искусство волхвования, а далее обольщать не могли, но сами признали себя побежденными. Обольстители не причиняют нам никакого вреда, но еще делают более совершенными тех, кто захочет быть внимательным. Но, скажете, разве они не разделяют с нами славы? Не у нас, а у людей нерассудительных. Не будем слишком заботиться о славе от людей и пещись о ней больше надлежащего. Мы живем для Бога, а не для людей; наше гражданство на небе, а не на земле; там уготованы награды и воздаяния за наши труды, оттуда ожидаем почестей, оттуда — венцов. О людях же мы должны заботиться столько, чтобы только не ввести их в искушение и не додать им повода (к осуждению). Если же тогда, как мы не подаем повода, они станут без причины и напрасно осуждать нас, то мы должны смеяться, а не плакать. Ты старайся делать добро перед Богом и людьми; если же, при твоем старании делать добро, другой будет издеваться над тобой, нисколько о том не заботься. Примеры тому есть в Писаниях. *Ныне бо*, говорит (Павел), *человеки препираю или Бога* (Гал. 1, 10); и еще: *человеки увещаваем, Богови же явлени есмы* (2 Кор. V, 11). И Христос о соблазняющихся сказал так: *оставите их: вожди суть слепи слепцем* (Мф. XV, 14); и еще: *горе вам, егда добре рекут вам еси человецы.* (Лк. VI, 26); и еще: *так да просветятся дела ваши, яко да видят человецы, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Если в другом месте Он говорит: *иже аще соблазнит единого от малых сих, уне есть ему,*

да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей (Мф. XVIII, 6), то не удивляйся этому; здесь нет противоречия, но напротив, то и другое совершенно согласно между собой. Если (соблазн) зависит от нас, то горе нам; если же не от нас, то ничего. И еще (говорится): горе вам: *имя бо Божие вами хулится* (Рим. II, 24). Что же будет, скажешь, если я исполняю должное, а другой произносит хулу? Тебе ничего, а ему (горе), потому что хула произнесена им. Но как можно, делая должное, подавать другим повод (к осуждению)? Я представлю вам на это примеры, – но откуда хотите, из настоящего или из прошедшего? В доказательство того, что мы не должны бояться молвы, хотите ли, я укажу на то самое, что мы исследуем теперь? Павел поступал по-иудейски в Иерусалиме, а в Антиохии – нет; он поступал по-иудейски, а другие соблазнялись, но соблазнялись несправедливо. Говорят, что он приветствовал виночерпия и наложницу Нерона. Чего, думаете, не говорили о нем по этому поводу? Но несправедливо. Если бы он склонял их к порокам или к дурным делам, то можно было бы (осуждать); а если к праведной жизни, то за что? Расскажу нечто, случившееся с одним из моих знакомых. Однажды, когда постиг нас гнев Божий, и когда тот был еще весьма молод, и только в сане диакона, во время отсутствия епископа и по беспечности пресвитеров, случилось, что многие тысячи вдруг в одну ночь принимали крещение и были крещаемы все без разбора и ничему не научившись; он вздумал брать этих людей к себе человек по сту и по двести и беседовал с ними не о чем другом, а только о таинствах, что невозможно приступать к ним непосвященным. Когда он делал это, многие думали, что через это он домогается власти. Но он не заботился об их мнении; впрочем более не продолжал делать это, а тотчас перестал. Что же? Он ли был виной соблазна?

Не думаю. Если бы он делал это без всякой причины, и притом стал бы продолжать, то я справедливо приписал бы ему такую вину. Когда из-за того, что другой соблазняется, может остановиться дело благоугодное Богу, тогда не должно обращать на него внимания; напротив, когда через него мы не поставляемся в необходимость оскорбить Бога, тогда следует позаботиться. Скажи мне: когда мы беседуем и обличаем предающихся пьянству, а кто-нибудь соблазнился этим, неужели я должен перестать говорить? Послушай, что говорит Христос: *еда и вы хощете ити* (Ин. VI, 67)? Таким образом не следует ни пренебрегать, ни слишком заботиться о слабости других. Не видим ли мы, как поступают врачи? Когда можно, они угождают больным; а когда это угождение может принести вред, то уже не делают послабления. Во всем хорошо соблюдать меру.

Многие соблазнялись по случаю оглашения одной благообразной отроковицы, которая и осталась девой, клеветали на нее, поносили и оглашающих. Что же? Неужели из-за этого им следовало прекратить (оглашение)? Нет, потому что они совершали дело отнюдь не противное, но весьма благоугодное Богу. Потому, когда некоторые соблазняются, то мы должны смотреть только на то, справедливо ли это и не послужит ли к нашему вреду. *Аще брашно соблазняет брата моего*, говорит (Павел), *не имам ясти мяса вовеки* (1 Кор. VIII, 13). И справедливо, когда воздержание от ядения нисколько не вредит; если же соблазняются и тем, что я отказываюсь, то уже не следует обращать на него внимания. Кого же, скажешь, может соблазнять это? Многих, как я знаю. Итак, воздержание имеет место тогда, когда оно бывает безразлично; если мы станем смотреть только на одно это (мнение других), то должны будем удерживаться от многого; и напротив, если не станем обращать на них внимания, то погубим многих. Так и Павел

обращал внимание на соблазн других; а каким образом, послушай: *да не кто нас поречет во обилии сем служимем нами* (2 Кор. VIII, 20): отклонить дурное мнение других не было вредно. Но когда мы поставляемся в необходимость допустить великое зло из-за того, что другой соблазняется, то мы не должны обращать на него внимания. Он сам, а не мы виновны, потому что угодить ему невозможно без вреда. Многие соблазнялись тем, что некоторые верные были погребаемы в храмах, (утверждая), что погребать (здесь) не должно; но несправедливо, потому что от этого нет никакого вреда. Соблазнялись (иудеи), что Петр ел с язычниками; он и угождал им, а тот (Павел) – нет (Гал. II, 12). Во всем следует нам, соблюдая заповеди Божий, всячески стараться, чтобы не подать повода к соблазну, чтобы и самим нам не оказаться виновными и сподобиться человеколюбия Божия, благодатью и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVII

Рече же Павел: аз человек есмь Иудеанин, Тарсянин Киликийский, славнаго города житель. Молю же тя, повели ми глаголати к людем. Повелевшу же ему, Павел стоя на степенех помаав рукою к людем: многу же безмолвию бывшу, возгласи еврейскими языком, глаголя (Деян. XXI, 39, 40)

1. Смотри, как (Павел), когда обращает речь к внешним (язычникам), не отказывается пользоваться и их законами. Здесь он указывает на свой город. Подобным образом и прежде он говорил: *бивше нас пред людми, неосужденых, человеков Римлян сущих, всадиша в темницу* (Деян. XVI, 37). На вопрос: *не ты ли еси Египтянин?*

он отвечает: *аз человек есмь Иудеанин.* Этими словами он тотчас отстранил такое подозрение. Чтобы не подумали, что он только родом иудей, он указывает (этим словом) и на свое вероисповедание, хотя в другом месте называет себя *законником Христу* (1 Кор. IX, 21). Что же это значит? Неужели Павел говорит ложь? Нет. Что же? Не отвергается ли (Христа)? Да не будет! Он был и иудей и христианин, соблюдая все, что должно было. И веруя во Христа, он более всех повиновался закону; потому и в беседе с Петром говорит: *мы естеством Иудеи* (Гал. II, 15). *Молю же тя, повели ми глаголати к людем.* Это – доказательство истины слов его, что он всех приводит в свидетели. Смотри, с какой опять кротостью он беседует. И это также величайшее доказательство его невинности, что он так готов оправдывать себя и решается противостать словом толпе иудеев.

Посмотри на благоразумие этого мужа; посмотри на домостроительство (Божие): если бы тысяченачальник не пришел, если бы не связал Павла, то он не мог бы говорить в свое оправдание, не водворил бы такого безмолвия. *Довелевше же ему, Павел стоя на степенех.* Весьма благоприятствовало ему и место, так как он говорил с высоты, и то, что он был связан. Что может сравниться с этим зрелищем, когда Павел говорил, связанный двумя цепями? Как он не смутился, как не смешался, видя столько восставшего против него народа и предстоявшего начальника? Но он наперед дал утихнуть их ярости, а потом начал говорить; и смотри, как мудро. Как он сделал в послании к Евреям, так и здесь. Прежде всего располагает их к себе родным их языком, потом своей кротостью. На это и указывает (писатель), присовокупляя: *многу же безмолвию бывшу, возгласи Еврейским языком, глаголя: мужие братие и отцы, услышите мой к вам ныне ответ* (Деян. XXII, 1). Смотри, как слова его чужды лести и исполнены кротости. Не сказал: господа, или

владыки, но: *братие*, что в особенности могло нравиться им; как бы так сказал: я не чужой вам и не против вас. *Мужие братие*, говорит, *и отцы;* последним словом (выражает) почтение, а первым – близость. *Услышите мой к вам ныне ответ.* Не сказал: поучение, или речь, но: *ответ;* представляет себя в виде подсудимого. *Слышавше же, яко Еврейским языком возгласи к ним, паче приложиша безмолвие* (ст. 2). Видишь ли, какое действие произвел на них родной язык? Они питали уважение к этому языку. Смотри, как он предрасполагает их к слушанию следующим предисловием: *аз убо есмь муж Иудеанин, родився в Тарсе Каликийстем, воспитан же во граде сем при ногу Гамалиилову, наказан известно отеческому закону, ревнитель сый Божий, якоже еси вы есте днесь* (ст. 3). *Аз убо есмь*, говорит, *муж Иудеанин;* слышать это было им всего приятнее. *Родився в Тарсе Киликийстем.* А чтобы не почли его иноплеменником, прибавляет, какой он был веры: *воспитан же в граде сем.* Он показывает свое великое усердие к вере, если, оставив такое и так далеко отстоящее отечество, решился воспитываться здесь для (изучения) закона. Смотри, как он издавна был предан закону. Говорит это не для оправдания только себя перед ними, но чтобы показать, что он не по человеческому рассуждению обратился к проповеди, но силой Божией, так как, будучи подобным образом наставлен (в законе), он сам не мог бы вдруг перемениться. Если бы он был один из обыкновенных людей, то можно было бы так думать; но если он принадлежит к числу людей, наиболее преданных закону, то невозможно допустить, что он переменился просто, без какой-нибудь сильной побудительной причины. Но, может быть, иной сказал бы: это неважно, что ты воспитывался здесь; разве ты не мог быть здесь по делам торговым, или по какой-либо другой причине? Потому, чтобы не подумали этого, он и присовокупляет: *при ногу Гамалиилову.* Не просто сказал:

у Гамалиила, но: *при ногу,* выражая свое постоянство, старание, усердие к слушанию и великое уважение к этому мужу. *Наказан известно отеческому закону,* не просто закону, но присовокупляет: *отеческому,* выражая, что он издавна был таков и не поверхностно знал закон. Это, по-видимому, сказано в их пользу, но было против них, если он, зная закон, оставил его. Потом, чтобы еще кто-нибудь не возразил: какая польза, что ты в точности знаешь закон, если не защищаешь и не уважаешь его? – говорит: *ревнитель сый,* то есть не просто знал, но и весьма ревновал по нем. Сказав многое о себе, он потом обобщает свою речь, присовокупляя: *тоже еси вы есте днесь.* Этим показывает, что они действовали не по человеческому рассуждению, но по божественной ревности. Говорит это для того, чтобы приобрести их расположение, предуготовить их ум и удержать на том, в чем не было еще никакого вреда. Затем приводит и доказательства: *иже,* говорит, *сей путь гоних даже до смерти, вяжа и предая в темницу мужи же и жены: якоже и архиерей свидетельствует ми и вси старцы* (ст. 4, 5). Чтобы кто не спросил: откуда это известно? – приводит в свидетели самого первосвященника и старейшин. Смягчает свою речь: *ревнитель сый, якоже и вы,* то есть равный вам; не делами своими показывает, что он был выше их. Я, говорит, не ожидал, пока (можно) взять, но сам побуждал священников и предпринимал путешествия, нападал не на мужей только как вы, на и на жен, всех связывая и ввергая в темницы. Такое свидетельство несомненно, а что касается иудеев, то они безответны. Смотри, сколько свидетелей он приводит: старейшин и первосвященника, которые находились в городе.

2. Посмотри на его оправдание: в нем нет страха, но более назидания и поучения. Если бы слушатели не уподоблялись камням, то вняли бы словам его. Сказанному доселе они сами были свидетелями, а последующему – нет. *От них же и послание приемь к живущим в*

Дамасце братиям, идях привести сущия тамо связаны во Иерусалим, да мучатся. Бысть же ми идущу и приближающуся к Дамаску в полудне, внезапу с небесе облиста свет мног окрест мене. Падох же на землю и слышах глас, глаголющ ми: Савле, Савле, что мя гониши? Аз же отвещах: кто еси Господи? Рече же ко мне: аз есмь Иисус Назорей, егоже ты гониши (ст. 5–8). И это должно быть достоверно после предшествовавшего; иначе он не переменился бы. Но, скажут, не хвалится ли он? Отнюдь нет. И для чего, скажи мне, он вдруг оставил такую ревность? Не для чести ли? Но он потерпел противное. Не для покоя ли? Не было и этого. Не для другого ли чего-нибудь? Но ничего и придумать невозможно. Предоставив им делать свои заключения, он повествует о событиях: *приближающуся ми*, говорит, *к Дамаску в полудне, внезапу с небесе облиста свет мног окрест мене. Падох же на землю.* Заметь, какое было обилие света. А что я не хвалюсь, свидетелями тому присутствовавшие со мной, ведшие меня за руку, видевшие этот свет. *Со мною же сущии свет убо видеша и, пристрашни быша гласа же не слышаша, глаголющего ко мне* (ст. 9). Не изумляйся, что здесь (писатель) говорит так, а в другом месте иначе, именно: *стояху, глас убо слышаще, но никогоже видяще* (Деян. IX, 7). Здесь нет противоречия. Два было голоса: Павлов и Господень; там он говорит о голосе Павловой, а здесь присовокупляет: *гласа не слышаша, глаголющего ми.* Таким образом слова: *никогоже видяще* означают не то, чтобы они не видели, но что они не слышали (голоса Господня); он не сказал, что они не видели света, но: *стояху никогоже видяще,* то есть говорящего. И это случилось не без причины; ему (одному) надлежало удостоиться этого голоса; если бы слышали и они, то чудо не было бы так велико. Так как люди грубые убеждаются более видением, то они видели только свет, которого впрочем достаточно было для их убеждения; потому они и *пристрашни быша.* Притом этот свет подействовал на них не так, как на него; его

он ослепил, побуждая случившимся с ним и их прозреть, если бы они захотели. По смотрению (Божию), кажется мне, произошло то, что они не уверовали, — для того, чтобы они были достоверными свидетелями. *Рече же*, говорит, *ко мне: аз есмь Иисус Назорей, егоже ты гониши.* Прекрасно присовокупляет и название города, чтобы они узнали. Так и апостолы говорили: *Иисуса, иже от Назарета* (Ин. 1, 45). Смотри, и сам (Господь) свидетельствует, что Он был гоним (Павлом). *Со мною же сущии свет убо видеша, и пристрашни быша: гласа же не слышаша, глаголющего ко мне. Рекох же: что сотворю, Господи? Господь же рече ко мне: востав иди в Дамаск, и тамо речется ти о всех, яже вчинено ти есть творити. И якоже не видех от славы света онаго, за руку ведомь от сущих со мною, внидох в Дамаск. Ананиа же некий, муж благоговеин по закону, свидетельствован от всех живущих в Дамасце, Иудей, пришед ко мне, и став рече ми: Савле брате, прозри. И аз в той час воззрех нань* (ст. 10–13). *Иди*, говорит, в город, и *тамо речется ти о всех, яже вчинено ти есть творити.* Вот и еще свидетель. И смотри, как достоверным представляет его: *Ананиа же некий*, говорит, *муж благоговеин по закону, свидетельствован от всех Иудей, пришед ко мне, и став рече ми: прозри.* Так ничего не сказано напрасно. *И аз в той час воззрех.* Затем (следует) свидетельство от дел. Смотри, как приводятся в свидетельство и лица и дела, лица близкие и посторонние. Лица эти — священники, старейшины, спутники; дела, — что он совершил, что потерпел; и дела свидетельствуют о делах, не только лица. Кроме того Анания, человек посторонний; затем событие — прозрение; потом великое пророчество. *Он же*, говорит, *рече ми: Бог отец наших предызбра тя разумети хотение его, и видети праведника* (ст. 14). Хорошо сказал: *отец;* этим выразил, что они не иудеи, но чужды закону, и действуют по зависти, а не по ревности. *Разумети*, говорит, *хотение его, и видети праведника.* Следовательно такова была воля Его. Смотри, как в самом пове-

ствовании заключается назидание. *И слышати глас из уст его: яко будеши ему свидетель у всех человеков о сих, яже видел еси и слышал* (ст. 15). *И видети*, говорит, *праведника;* как бы так говорит: если Он праведник, то они виновны. *И слышати глас из уст его.* Смотри, как высоким представляет это событие: *яко будеши*, говорит, *ему свидетель*. Потому не изменяй своему зрению и слуху, тому, *яже видел еси и слышал.* Уверяет его обоими чувствами. *И ныне что медлиши? Востав крестися и омый грехи твоя, призвав* имя Его (ст. 16).

3. Здесь он выразил нечто великое. Не сказал: крестись во имя Его, но: *призвав имя* Христово. Этим показал, что Христос есть Бог, так как *призывать* никого другого не следует, кроме Бога. Не был принуждаем к тому (Павел), как он сам говорит в следующих словах: *Господь же рече ко мне; иди в Дамаск и тамо речется ти о всех, яже, вчинено ти есть творити.* Не оставляет ничего не засвидетельствованным; но приводит во свидетели целый город, который видел, как вели его за руку. Смотри, как исполнилось пророчество, которое он слышал, что он будет свидетелем Господним. Подлинно он явился свидетелем и свидетелем таким, каким должно, и на делах и на словах. Такими свидетелями следует быть и нам, и не изменять тому, во что мы веруем; разумею не только догматы, но и жизнь. Смотри, он свидетельствовал перед всеми людьми о том, что видел и что слышал, и ничто не удержало его. И мы слышали, что будет воскресение и уготованы (у Бога) бесчисленные блага; это мы и должны свидетельствовать перед всеми людьми. Но, скажете, мы свидетельствуем и веруем. Как? Почему же делаем противное? Скажи мне: если бы кто называл себя христианином, но отрекшись мудрствовал по-иудейски, то свидетельство его разве было бы достаточно? Нет, потому что стали бы искать свидетельства от дел. Так и мы, когда говорим, что есть воскресение и бесчисленные блага, а сами пренебрегаем ими

и предпочитаем блага здешние, то кто поверит нам? Все обращают внимание не на то, что мы говорим, а на то, что делаем. *Будеши*, говорит (Анания), *свидетель у всех человеков,* не перед своими только, но и перед неверными, так как дело свидетелей убеждать не (только) знающих, но и незнающих. Будем же свидетелями достоверными. А каким образом мы можем сделаться достоверными? Жизнью. На Павла нападали иудеи; на нас нападают страсти, побуждающие отречься от свидетельства. Не будем покоряться им; мы – свидетели, посланные Богом. О Боге некоторые люди думают, что Он не есть Бог; Бог послал нас свидетельствовать о Нем. Будем же свидетельствовать и убеждать думающих так; если не станем свидетельствовать, то сами будем виновными в их заблуждении. Если же на судилище, где исследуются дела житейские, не принимается свидетель, исполненный многочисленных злодеяний, то тем более здесь, где идет дело о предметах настолько высоких. Мы говорим, что мы слышали Христа и веруем Его обетованиям; а они скажут: покажите это делами; жизнь ваша, напротив, свидетельствует, что вы не веруете.

Желаете ли, мы рассмотрим тех, которые заботятся о прибытках, похищают (чужое), предаются корыстолюбию, плачут, сокрушаются, занимаются всякими делами, постройкой домов, как будто бы они и не умрут? Если же вы не веруете тому, что вы умрете, делу столь известному и очевидному, то как поверим вашему свидетельству? Есть, действительно есть много людей, которые ведут себя, как будто им не должно умереть; в глубокой старости начинают заниматься постройками и земледелием; когда же им подумать о смерти? Немалое наказание постигнет нас, которые призваны для свидетельства, но не можем свидетельствовать о том, что мы видели. И мы видели ангелов, и притом яснее, чем видевшие их (телесными очами). Будем свидетельствовать о Христе, ведь свидетели не они только (апо-

столы), но и мы. Они называются свидетелями потому, что, будучи принуждаемы отречься, претерпели все для исповедания истины; так и мы, когда страсти побуждают нас отречься, не буден покоряться им. Золото говорит: скажи, что Христос не есть Христос; но ты не слушай его, как (должен слушать Бога), но презирай его веления. Порочные пожелания говорят тоже, но ты не внимай им и мужественно противостань, чтобы и об нас не сказали: *Бога исповедуют ведети, а делы отмещутся его* (Тит. 1, 16). Это уже не свойственно свидетелям, а противное тому. Не удивительно, если отрекаются другие; если же мы, которые избраны свидетельствовать, станем отрекаться, это тяжко и невыносимо. Это скорее всего может погубить нас. *Во свидетельство прилунится вам*, говорит (Христос, – Лк. XXI, 13), но тогда, когда мы не отступим, когда мы будем стоять твердо. Если бы все мы стали свидетельствовать о Христе, то скоро вразумили бы множество эллинов.

4. Великое дело – жизнь, возлюбленные; как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и подивится. А каким образом, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, как силой Божией. Что же, когда и эллины бывают такими? Если и бывают такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь, и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хотя содержали самое развращенное учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения; а другие, и осуждая их учение, уважали их за жизнь; это нехорошо, но так было. То и ослабляет важность нашей веры, то и низвращает все, что никто нисколько не думает о жизни; это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно; но на самом

деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде, и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в промысл. Душа, погрязшая в многочисленных пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть суд и что нас ожидает воздаяние за добро и зло.

Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает людей зверями и даже бессмысленнее зверей; что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет в одном человеке и низвращает все. Для того диавол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без Промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, для того он делает все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таков именно по жизни, тот не может ни отказаться от развращенного учения, ни пребывать в здравой вере, но принимает все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хотя одного человека, который бы не держался какой-либо из многочисленных сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устрояется без порядка и рассуждения. Потому, увещеваю вас, будем пещись о добродетельной жизни, чтобы не принять дурного учения. Каин в наказание должен был стенать и трястись (Быт. IV, 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собой множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, с смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас, душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души; как беснующиеся неспособны владеть собой, так и она собой не владеет. Как она может прийти в сознание, подвергшись такому омрачению? Между тем, если бы она любила

тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство. Но когда ее возмущает и устрашает все, и сновидения и слова, и действительные явления и подозрения, то как она может прийти в самосознание, находясь в таком неспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх; расторгнем эти узы. Если бы и не было (в будущем) никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания – постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, будем верно сохранять спокойствие и пещись о добродетели, чтобы, имея здравое учение и правый образ жизни, нам неуклонно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Его Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVIII

Бысть же возвратившумися во Иерусалим и молящумися в церкви, быти во изступлении, и видети его глаголюща ми: потщися и изыди скоро из Иерусалима, зане не приимут свидетельства твоего, еже о мне. И аз рех: Господи, сами ведят, яко аз бех всаждая в темницу и бия по сонмищах верующия в тя. И егда изливашеся кровь Стефана, свидетеля твоего, и сам бех стоя и соизволяя убиению его, и стрегий риз убивающих его (Деян. XXII, 17–20)

1. Смотри, как (Павел) сам себя подвергает опасностям: *бысть же*, говорит, *возвратившумися во Иерусалим*, то есть после того видения я опять прибыл в Иерусалим. *И молящумися в церкви, быти во изступлении, и видети его глаголюща ми: потщися и изыди скоро, зане не приимут свидетельства твоего, еже о мне.* Смотри, и это не

осталось без свидетельства, которое заключается в самом событии. Сказал (Господь): *не приимут свидетельства твоего,* и действительно не приняли. По всем соображениям надобно было ожидать, что они примут: *аз бех,* говорит, *всаждая в темницу и бия;* поэтому самому им следовало принять; и однако они не приняли. Потому и было открыто ему *во изступлении,* что они не примут (свидетельства). Здесь он изъясняет два предмета: то, что они безответны, так как преследовали его несправедливо и неразумно; и то, что Христос есть Бог, так как Он предсказывает неожиданное, не взирая на прошедшее, но предвидя будущее. Как же (Господь) говорил, что (Павел) пронесет *имя его пред языки и цармии сынми Исраилевыми* (Деян. IX, 15)? *Пронесет,* сказал Он, а не убедит непременно; в других местах иудеи убеждались, а здесь нет. Где преимущественно должны были бы убеждаться, зная прежнюю его ревность, там и не убеждались. *И егда изливашеся кровь Стефана, свидетеля твоего, и сам бех стоя и соизволяя убиению его.* Смотри, чем он оканчивает речь свою: самым сильным доводом; говорит, что сам он был гонителем (христиан), и не только гнал, но тысячью рук убивал Стефана. Здесь он напомнил им о самом бесчеловечном убийстве. Тогда они уже не вытерпели, после такого обличения их и исполнения пророчества. Велика ревность, сильно обличение, дерзновенна речь свидетелей Христовой истины! Иудеи уже не могли дослушать всей речи, но, воспламенившись гневом, громко закричали. *И рече ко мне: иди, яко аз во языки далече послю тя. Послушаху же его даже до сего словеси: и воздвигоша глас свой, глаголюще: возми от земли таковаго, не подобает бо ему жити. Вопиющим же им, и мещущим ризы, и прах возметающим на воздух, повеле тысящник отвести его в полк, рек ранами истязати его, да разумеет, за кую вину тако вопияху нань* (ст. 21–24). Тысяченачальнику следовало узнать, в чем дело, и притом

от них самих; а он, не сделав ничего такого, приказывает бить его. *Повеле тысящник отвести его в полк, рек ранами истязати его да разумеет, за кую вину тако вопияху нанъ.* Ему следовало спросить самих кричавших, что из сказанного (Павлом) они находили преступным; а он просто пользуется своей властью и действует в угодность им; не о том он заботился, чтобы поступить справедливо, но о том, как бы утолить гнев их, совершенно несправедливый. *И якоже протягоша его вервми, рече к стоящему сотнику: человека Римлянина и не осуждена лет ли есть вам бити* (ст. 25)? Не ложь сказал Павел, назвав себя римлянином, – да не будет, – он действительно был римлянин. Потому тысяченачальник и устрашился, услышав это. Чего же, скажут, он устрашился? *Лет ли есть вам:* из-за другого он боялся, чтобы самого не схватили и не подвергли еще большему наказанию. И, смотри, не просто говорит, но: *лет ли есть вам?* Две вины: (наказывают) без суда и притом римлянина. Удостоившиеся называться этим именем пользовались тогда великими преимуществами; и не все удостаивались его. Со времен Адриана, говорят, все (римские подданные) стали называться римлянами; а прежде было не так. Он назвал себя римлянином для того, чтобы избежать бичевания, так как если бы его бичевали, то он подвергся бы презрению; а сказав это, он привел их в великий страх. Если бы бичевали его, то дело приняло бы другой оборот и даже убили бы его; а теперь вышло не так. Смотри, как Бог попускает совершаться многому и человеческими средствами, как в этом случае, так и в других. Тысяченачальник своим ответом: *аз многою ценою наречение жительства сего стяжах* показывает, что он подозревал, не есть ли это один предлог со стороны Павла, называющего себя римлянином; может быть, он заключал так по наружной простоте Павла. *Слышав же сотник, приступи к тысящнику, сказа, глаголя: виждь, что*

хощеши сотворити: человек бо сей Римлянин есть. Приступль же тысящник, рече ему: глаголи ми, Римлянин ли еси ты? Он же рече: ей. Отвеща же тысящник: аз многою ценою наречение жительства сего стяжах. Павел же рече: аз же и родихся в нем. Абие убо отступиша от него хотящии его истязати, и тысящник же убояся, разумев, яко Римлянин есть и яко бе его связал (ст. 26–29). *Аз же и родихся*, говорит Павел; следовательно, и отец его был римлянин. Что же произошло от этого? Сняв с него оковы, тысяченачальник отвел его к иудеям. Итак, не ложь сказал он, назвав себя римлянином; он и пользу получил от этого, освободился от уз; а каким образом, послушай. *Наутрие же хотя разумети истину, чесо ради оклеветается от Иудей, разреши его от уз, и повеле приити архиереем и всему собору их: и свед Павла постави его пред ними. Воззрев же Павел на сонм, рече* (ст. 30). Уже не перед тысяченачальником только, но перед собранием и всем народом говорит речь. Что же он говорит? *Мужие братие, аз всею совестию благою жительствовах пред Богом даже до сего дне* (Деян. XXIII, 1); то есть я не сознаю за собой ничего, чем бы оскорбил вас, или сделал бы что-нибудь, достойное этих уз. Что же первосвященник? Ему следовало пожалеть, что в угодность им (Павел) был несправедливо заключен в оковы; а он еще более ожесточается и приказывает бить его, как видно из следующего: *архиереи же Ананиа повеле предстоящим ему бити его уста* (ст. 2). Хорош поступок, кроткий архиерей! *Тогда Павел рече к нему: бити тя имать Бог, стено повапленая: и ты седиши, судя ми по закону, преступая же закон велиши, да биют мя. Предстоящии же реша: архиерею ли Божию досаждаеши? Рече же Павел: не ведах, братие, яко архиерей есть: писано бо есть: князю людей твоих да не речеши зла* (ст. 3–5).

2. Некоторые говорят, что он зная сказал такую укоризну; но мне кажется, он вовсе не знал, что это — первосвященник; иначе почтил бы его. Потому он и оправ-

дывается, как виновный, и говорит: *князю людей твоих да не речеши зла.* Что же? – скажут. Если бы это был даже не начальник, то разве можно было просто оскорблять другого? Нет, напротив, терпеть, когда наносят оскорбление. Достойно внимания, почему тот, кто в другом месте говорит: *укоряеми благословляем, гоними терпим* (1 Кор. IV, 12), здесь поступает напротив, и не только укоряет, но и угрожает. Нет, ни того ни другого он не сделал. Кто тщательно рассмотрит, тот увидит, что это более слова дерзновения, нежели гнева. С другой стороны он не хотел подвергнуться презрению тысяченачальника. Если этот не осмелился бичевать его и хотел предать иудеям, то, когда слуги стали бить его, тогда он явил еще большее дерзновение; обратился не к слуге, но к самому повелевшему. Сказав: *стено повапленая, и ты седиши судя ми по закону,* он как бы так сказал: ты виновен и достоин тысячи ран. Смотри, как народ был поражен его дерзновением. Им следовало бы прекратить все; а они еще более неистовствуют. Он приводит слова закона, желая показать, что не из страха и не потому, что он не был достоин такого повеления, он выразился так, но повинуясь и в этом случае закону. Я совершенно убежден, что он не знал, что это – первосвященник; он возвратился сюда после долгого отсутствия, не часто обращался с иудеями и видел его среди множества других; между многими другими разными людьми первосвященник мог быть не замечен. И самым ответом своим, мне кажется, он показывает, что он повинуется закону и потому оправдывается. Но обратимся к вышесказанному. *Бысть же молящумися в церкви,* говорит (Павел), *быти во изступлении.* Чтобы показать, что это не был призрак воображения, прибавляет: *молящумися. Потщися и изыди скоро из Иерусалима,* говорит (Господь), *зане не приимут свидетельства твоего.* Отсюда видно, что он удалился не из страха по причине опасностей, но

потому, что не приняли свидетельства его. Для чего же он сказал: *сами ведят, яко бех всаждая в темницу?* Этим он не противоречил Христу, – да не будет, – но хотел получить наставление в столь чудном деле. *Иди*, говорит (Господь), *яко аз во языки далече послю тя.* Смотри: Христос не дал ему наставления, что должен он делать, но только повелел идти, и он повинуется: так он был послушлив! *И воздвигоша глас свой*, говорит (писатель), *глаголюще: возми таковаго, не подобает бо ему жити.* О, дерзость! Скорее вам не должно жить, а не ему, который во всем повинуется Богу. О, нечестивцы и человекоубийцы! *И мещущим ризы*, говорит, *и прах возметающим на воздух:* делают это для того, чтобы произвести большее смятение, или для того, чтобы устрашить начальника. И смотри: они не указывают вины его, потому что ничего сказать не могли, но думают подействовать криком, между тем как следовало бы спросить обвинителей. *И тысящник убояся*, говорит, *разумев, яко Римлянин есть.* Следовательно, не ложь сказал Павел, назвав себя римлянином. *Разреши его от уз*, говорит, *и свед постави пред собором.* Это следовало сделать в самом начале, не связывать и не приказывать бичевать, но оставить его, как не сделавшего ничего такого, за что бы связывать. *И разреши его и свед постави пред ними.* Это привело иудеев в великое недоумение. *Воззрев же Павел на сонм*, говорит, *рече: мужие братие.* Здесь выражается его дерзновение и неустрашимость. Но, смотри, какова их злоба. *Архиереи же Ананиа*, продолжает (писатель), *повеле предстоящим ему бити его уста.* За что бьешь его? Что оскорбительного сказал он? О, бесстыдство, о, дерзость! *Тогда*, говорит, *Павел рече к нему: бити тя имать Бог, стено повапленая.* Вот дерзновение: обличает его в лицемерии и беззаконии; после того он и смиряется. В недоумении первосвященник не осмеливается ничего сказать, но бывшие при нем не вынесли дерзновения (Павла), ви-

дели его готовым идти на смерть, и не вынесли. *Не ведах*, говорит, *яко архиерей есть*. Следовательно, укоризна произошла от неведения. Если бы это было не так, то тысяченачальник, взяв его, удалился бы, не промолчал бы, или предал бы его им.

3. Отсюда видно, что он добровольно терпит все, что терпит; и оправдывается перед ними из повиновения закону, а не из желания показать им свои достоинства; потому он сильно и укорил их. Таким образом он оправдывается для закона, а не для народа; и справедливо, — ведь бить человека, не сделавшего никакого оскорбления и притом невинного, беззаконно. Сказанное им не есть оскорбление; иначе иной назвал бы оскорблением и слова Христа, когда Он говорит: *горе вам книжницы и фарисее лицемери, яко подобитеся гробом повапленым* (Мф. XXIII, 27). Да, скажете, если бы он сказал это прежде, нежели потерпел битье, то слова его были бы не от гнева, но от дерзновения. Но я показал причину: он не хотел подвергнуться презрению. Так и Христос нередко укорял иудеев, когда был оскорбляем, например, когда говорил: *не мните, яко аз на вы реку* (Ин. V, 45). Но это не оскорбление, — да не будет. Смотри, с какой кротостью (Павел) обращается к ним: не *ведах*, говорит, *яко архиерей есть Божий*. Сказав это, он не остановился, но, желая показать, что говорит без насмешки, присовокупляет: *князю людей твоих да не речеши зла* (ср. Исх. XXII, 28). Видишь ли, как он еще признает его начальником?

Будем и мы учиться его кротости, чтобы в том и другом нам быть совершенными. Великое нужно старание, чтобы знать, в чем состоит первая и в чем последнее; старание необходимо потому, что с этими добродетелями смешиваются пороки, с дерзновением — дерзость, с кротостью — малодушие. Каждому должно смотреть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себе

добродетели, подобно тому, как если бы кто, имея общение со служанкой, по неведению воображал бы, что он имеет общение с госпожой. Итак, что такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбляемыми, не защищаем их, а молчим, это — малодушие; когда же, сами получая оскорбления, терпим, это — кротость. Что такое дерзновение? Опять то же самое, то есть когда мы ратоборствуем за других. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самих себя. Таким образом великодушие и дерзновение на одной стороне, а дерзость и малодушие на другой. Кто не щадит себя, тот едва ли будет сожалеть о других; и кто не мстит за себя, тот едва ли оставит без защиты других. Когда наш нрав свободен от страсти, то он способен и к добродетели. Как тело, освободившись от горячки, укрепляется в силах, так и душа, если не предана страстям, делается сильной. Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно (силы душевной), чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством; кто был столько силен, что преодолел эту страсть, тот, конечно, будет в состоянии преодолеть и другую; то есть здесь две страсти: страх и гнев; если ты победишь гнев, то, без сомнения, (преодолеешь) и страх; гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество. Наоборот, если не победишь гнева, то окажешься дерзким; а не победив его, не будешь в состоянии преодолеть и страх, и, следовательно, окажешься малодушным, и будет с тобой то же, что, например, с телом, которое так бессильно и расслаблено, что не может вынести никакого труда: оно скоро изнуряется и от холода и от жара; таково свойство тела расслабленно-

го, а крепкое выдерживает все. Еще, с великодушием, которое есть добродетель, смешивается расточительность; также бережливость есть добродетель, но с ней смешиваются корыстолюбие и скупость. Сравним их между собой.

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что, кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душой? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими; если бы можно было и удержать их и предаваться удовольствиям, то он конечно пожелал бы этого. Кто употребляет деньги, на что следует, тот великодушен; поистине та душа велика, которая и не раболепствует страсти и почитает деньги за ничто. Также бережливость есть добродетель; весьма бережливым был бы тот, кто употреблял бы деньги, на что следует, а не просто без разбора. Скупость же – не то же самое. Тот (бережливый) издерживает все на нужное, а этот (скупой) и при самой настоятельной нужде не касается своего имущества. Бережливый – брат великодушного. Таким образом поставим вместе великодушного с бережливым, а расточительного со скупым; последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно, великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрассудно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым – не бережливого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфиру и виссон? Но он не был великодушен, потому что душа его была одержима жестокостью и тысячами вожделений; а такая душа может ли быть ве-

ликой? Великодушен был Авраам, который употреблял свое имущество на принятие странников, закалал тельцов и, когда нужно было, не щадил не только имущества, но и самой души своей. Итак, если мы видим, что кто-нибудь приготовляет роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным. Смотри, в самом деле, скольким сам он служит и раболепствует страстям, — чревоугодию, безмерному сластолюбию, самоуслаждению; а кто одержим столь многими страстями и не может освободиться ни от одной из них, того можно ли назвать великодушным? Следовательно, тогда в особенности и надобно назвать его малодушным, когда он много тратит; чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей; если бы они не столько имели над ним силы, то он не столько бы и тратил.

Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезой не роскошной, того мы должны назвать весьма великодушным; поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о (спокойствии) других. Скажи мне: если бы ты увидел кого-нибудь, кто бы, презирая всех тиранов и вменяя ни во что их повеления, облегчал страдания притесняемых ими, не признал ли бы ты это делом великим? Так точно мы должны рассуждать и здесь. Страсти — это тираны. Если мы будем презирать их, то сделаемся великими; если будем освобождать от них и других, то — еще более великими. Это и справедливо. Кто делает добро не себе только, но и другим, тот выше не делающих ни того, ни другого. Если бы кто, из угождения тирану, одного из подчиненных его стал бить, другого притеснять, третьего оскорблять, — неужели мы назовем это

великодушием? Отнюдь нет, и тем менее, чем он был бы важнее. Так точно и здесь. У нас есть душа благородная и свободная; расточительный предает ее на битье страстям; назовем ли же великодушным того, кто терзает самого себя? Отнюдь нет. Итак; будем помнить, что такое великодушие и расточительность, что бережливость и скупость, что кротость и малодушие, что дерзновение и дерзость, чтобы, различая их друг от друга, мы могли благоугождая Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIX

Разумев же Павел, яко едина часть есть Саддукей, другая же Фарисей, воззва в сонмищи: мужие братие, аз Фарисей есмь, сын Фарисеов: о уповании и о воскресении мертвых аз суд приемлю. Се же ему рекшу, бысть распря между Саддукеи и Фарисеи, и разделися народ. Саддукеи бо глаголют не быти воскресения, ни ангела, ни духа: Фарисеи же исповедуют обоя (Деян. XXIII, 6—8)

1. Опять (Павел) говорит по-человечески; он не всегда руководится благодатью, но позволяет себе привносить нечто и от себя. Это он и делает как теперь; так и после, и в оправдании своем намеревается разделить злобно соединившуюся против него толпу. Не ложь говорит он и здесь, называя себя фарисеем; по предкам своим он действительно был фарисей. Потому так и оправдывается: *аз Фарисей есмь, сын Фарисеов: о уповании и о воскресении мертвых аз суд приемлю.* Они не хотели сказать, за что судят его; потому он находит нужным сам объяснить это. *Фарисеи же,* говорит (писатель), *ис-*

поведуют обоя. Здесь три предмета; почему же он говорит: *обоя*? Или потому, что дух и ангел – одно, или потому, что это выражение употребляется не только о двух, но и о трех. Следовательно оно сказано по употреблению, а не по собственному значению. Смотри: когда он стал между ними, тогда они принимают его сторону. *Бысть же*, говорит (писатель), *клич велик. И воставше книжницы части фарисейския пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обретаем в человеце сем. Аще же дух глагола ему или ангел, не противимся Богу* (ст. 9). А почему они не защищали его прежде? Потому что он не принадлежал к ним, и до этого оправдания еще не было известно, что он прежде был фарисей. Видишь ли, как открывается истина, когда умолкают страсти? Слова же их означают следующее: что за вина, если это сказал ему ангел или дух, и по его внушению он учит так о воскресении? Потому оставим его, чтобы, восставая против него, нам не сделаться противниками Богу. Смотри, как благоразумно они защищают Павла, хотя он не подал им никакого к тому повода. *Мнозе же бывши распре, бояся тысящник, да не растерзан будет Павел от них, повеле воином снити и восхитити его от среды их, и вести его в полк* (ст. 10). Тысяченачальник боится, чтобы не растерзали Павла, когда он сказал, что он римлянин: следовательно это было небезопасно. Видишь ли, что он справедливо назвал себя римлянином? Иначе (тысяченачальник) и теперь не пришел бы в страх. Но воины уводят его. Видя, что все безуспешно, эти злодеи начинают действовать сами, как они хотели и прежде, но встретили препятствия. Так злоба никогда не успокаивается, несмотря ни на какие препятствия. Между тем сколько здесь обстоятельств располагало их и утолить гнев свой и образумиться! Тем не менее они упорствуют. Даже достаточно было для вразумления их и того, что человек, которого они хотели растерзать, отнима-

ется у них и избегает таких опасностей. *В наставшую же нощъ представъ ему Господъ, рече: дерзай: яко же бо свидетельствовал еси, яже о мне, во Иерусалиме, сице ти подобает и в Риме свидетельствовати. Бывшу же дню, сотворше нецыи от Иудей совет, закляша себе, глаголюще не ясти, ни пити, дондеже убиют Павла. Бяху же множае четыредесятих сию клятву сотворшии* (ст. 11–13). *Закляша себе,* говорит. Видишь ли, как они мстительны и упорны в злобе? Что значит: *закляша себе?* Иначе сказать: они оставят веру в Бога, если не исполнят своего намерения в отношении к Павлу. Следовательно они остались заклятыми навсегда, потому что не убили Павла. Сошлись вместе сорок человек; такой был это народ, что когда надлежало согласиться на добро, то не сходилось и двух человек, а когда на зло, то сошлась целая толпа. Они делают своими сообщниками и начальников, на что указывая (писатель) продолжает: *иже приступлше ко архиереем и старцем реша: клятвою прокляхом себе, ничто же вкусити, дондеже убием Павла. Ныне убо вы скажите тысящнику с собором, яко да утре сведет его к вам, аки бы хотяще разумети известнее, яже о нем: мы же прежде даже не приближитися ему, готовы есмы убити его. Слышав же сын сестры. Павловы ков, пришед и вшед в полк, сказа Павлу. Призвав же Павел единого от сотник, рече: юношу сего отведи к тысящнику: имать бо нечто сказати ему. Он же убо поим его приведе к тысящнику* (ст. 14–18). Опять он спасается человеческим содействием. Посмотри: Павел не открывает этого никому, даже и сотнику, чтобы это не сделалось известным. Сотник пошел и донес тысяченачальнику так: *узник Павел, призвав мя, умоли сего юношу привести к тебе, имуща нечто глаголати тебе. Поим же его за руку тысящник, и отшед наедине, вопрошаше его: что есть, еже имаши возвестити ми? Рече же: яко Иудеи совещаша умолити тя, яко заутре сведеши Павла к ним в собор, аки бы хотящим известнее истязати, яже о нем. Ты убо не послушай их: ловят бо его от них мужие*

множае четыредесяти, иже заклята себе ни ясти ни пити, дондеже убиют Павла: и ныне готовы суть, чающе обещания, еже от тебе. Тысящник убо отпусти юношу, завещав ни единому же поведати, яко сия явил еси мне (ст. 19–22).

2. Хорошо (сделал) тысячник, приказав скрыть это, чтобы не сделалось известным. Потом дает повеление сотникам, когда следовало, и посылает (Павла) в Кесарию, чтобы он и там говорил при большем числе зрителей и среди торжественнейшего собрания слушателей после этого иудеи не могут сказать: если бы мы видели Павла, или слышали его учение, то уверовали бы. И этого оправдания они лишаются. И *представъ*, говорит (писатель), *Господь рече ему: дерзай: якоже бо свидетельствовал еси, яже о мне, во Иерусалиме, сице ти подобает и в Риме, свидетельствовати.* Смотри, и после этого явления Господь попускает ему спастись опять по-человечески. Достойно удивления, как Павел не смутился и не сказал: что же это значит? Не обманут ли я Христом? Нет, он не думал и не чувствовал ничего такого, а только веровал. Впрочем, веруя, он не дремал, не преминул сделать то, что можно было при помощи человеческой мудрости. Смотри, как те связали себя заклятием, как бы какой необходимостью. Вот и пост – отец мужеубийства! Как Ирод связал себя клятвой, как бы какой необходимостью, так и они. Таково коварство диавола: под видом набожности он расставляет сети. Нужно было прийти, обвинять, собирать судилище: это дело не священников, а разбойников, не начальников, а злодеев. И смотри, какая крайняя злоба: не довольствуются тем, что склоняют ко злу друг друга, но решаются вместе с собой склонить к тому же и правителя. Потому (Господь) и устроил, что он узнал об их умысле. А они не только тем, что ничего не могли сказать (против Павла), но и тем, что сделали умысел тайно, обличили сами себя и показали, что они – ничто после отправле-

ния (Павла) первосвященники, вероятно, приходили с просьбой (к тысяченачальнику) и возвратились со стыдом без успеха. А тысяченачальник поступил справедливо; он не решился ни отпустить (Павла), ни согласиться (с ними). Но как он, скажешь, поверил, что сказанное юношей было справедливо? Он из прежнего заключал, что они могут сделать это. И смотри, какое коварство: сами первосвященники были как бы поставлены в необходимость. Не удивляйся; ведь если те решались на такое дело и принимали на себя всю опасность, то эти еще более могли сделать тоже. Видишь ли, как (Павел) оказывается невинным перед судом внешних (язычников), подобно как Христос перед судом Пилата? Смотри, как злоба вредит сама себе: они предали Павла, чтобы осудить и убить его; а выходит противное; он спасается и оказывается невинным; если бы было не так, то растерзали бы его; если бы было не так, то погубили бы, осудили бы его. Но тысяченачальник не только избавляет его от этого умысла, но и способствует ему безопасно отправиться в сопровождении такого отряда, — а каким образом, послушай. *И призвав*, продолжает (писатель), *два некия от сотник, рече: уготовите ми воинов вооруженных двести, яко да идут до Кесарии, конник семдесят, и стрелец двести, от третияго часа нощи: и скоты привести, да всадивше Павла проводит до Филикса игемона. Написа же и послание, имущее образ сей. Клавдий Лисиа державному игемону Филиксу радоватися. Мужа сего ята от Иудей и имуща убиена быти от них, приступль с воины отъях его, уведев, яко Римлянин есть. Хотя же рузумети вину, еяже ради поимаху нань, сведох его в сонмище их: егоже обретохом оглаголуема о взыскании закона их, ниедино же достойно смерти или узам согрешение имуща. Сказану бывшу же ми кову хотящу быти от Иудей на мужа сего, абие послах его к тебе, завещав и клеветником его глаголати пред тобою, яже нань. Здрав буди* (ст. 23—30). Вот и письмо,

заключающее в себе оправдание Павла, *ни едино же,* говорит, *обретох достойно смерти, согрешение имуща,* — служащее к осуждению более их, нежели его: так они домогались убить его! И прежде, говорит, *мужа сего имуща убиена быти от Иудей отъях:* потом *сведох его к ним;* но и тогда они не могли ни в чем обвинить его, и хотя после первого покушения им следовало успокоиться и устыдиться, но они опять замышляют убить его: так ясно эти слова говорят опять в его пользу! А для чего он посылает туда обвинителей? Для того, чтобы и в том судилище, где дело имело рассматриваться обстоятельнее, он оказался невинным. Но обратимся к вышесказанному. *Аз Фарисей есмь.* Это сказал (Павел) для того, чтобы расположить их к себе; а чтобы не показаться льстецом, присовокупляет: о *уповании и о воскресении мертвых аз суд приемлю;* защищает себя от их обвинения и клеветы. Саддукеи утверждают, что нет ни ангела, ни духа; они не признают ничего бестелесного, может быть даже и Бога, по своей грубости; потому они не хотят верить и воскресению. *И воставше,* говорит (писатель), *книжницы части фарисейския, пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обретаем в человеце сем.*

3. Смотри: тысяченачальник слышит, что фарисеи признают его невинным, и принимает его сторону, уводит его с великим дерзновением. Сказанное Павлу также исполнено любомудрия. *В наставшую же нощь представ ему Господь рече: дерзай Павле: якоже бо свидетельствовал еси, яже о мне, во Иерусалиме, сице ти подобает и в Риме свидетельствовати.* Смотри, какое утешение. Сперва (Господь) восхваляет его, потом внушает, чтобы он не боялся отправления в Рим, которое еще не было известно, и как бы так говорит: ты не только отправишься туда, но и покажешь великое дерзновение. Этим выражается не то, что он будет спасен, но что он будет свидетельствовать с великой славой в великом городе.

А почему (Господь) явился ему не прежде, как когда он подвергся опасности? Потому, что Бог всегда утешает в скорбях (когда Он бывает более вожделенным) и научает нас среди опасностей. Иначе сказать: когда он был свободен от уз, тогда оставался спокойным, а теперь его ожидали бедствия. *Клятвою прокляхом себе*, говорят, *ни ясти ни пити*. Какое неистовство! Сами себя безрассудно подвергают проклятию. *Да сведет*, говорят, *его к вам аки бы хотяще разумети известнее, яже о нем*. Что ты говоришь? Не в другой ли уже раз он говорил перед вами? Не назвал ли себя фарисеем? Чего же еще более? Так они не боялись ничего, ни судилищ, ни законов; так они были дерзки на все: и внушают (коварную) мысль и обещают действовать. *Слышав же сын сестры, Павловы ков*. Промысл Божий устроил, что они не знали, что тот подслушает.

Что же Павел? Он не смутился, но уразумел, что это – дело Божие, и все возложив на Него, через это самое получил спасение. Смотри, как Бог устроил все ко благу. Юноша объявил об умысле, ему поверили, и таким образом Павел спасся. Но, скажешь, если он был признан невинным, то для чего были посланы туда обвинители? Для того, чтобы дело было исследовано точнее, и чтобы этот муж явился тем более чистым. Божие домостроительство таково, что чем нам вредят, то самое служит к нашей пользе. Так Иосиф был оклеветан госпожой; она думала что вредит ему, но своей клеветой доставила ему безопасность; темница была гораздо покойнее дома, где воспитывался этот зверь. Находясь там, он, хотя и служил, но был в непрестанном страхе, как бы не напала на него госпожа, и этот страх беспокоил его более темницы. Напротив, подвергшись обвинению, он стал жить безбоязненно и спокойно, избавившись от этого зверя, от бесстыдства и клеветы. Ему лучше было находиться вместе с несчастными людьми,

нежели с неистовой госпожой. Здесь он находил себе утешение в том, что посажен сюда за целомудрие; а там боялся, как бы не принять язвы на душу. Для юноши нет ничего тяжелее, мучительнее и несноснее любящей женщины, когда он ее не хочет: это хуже всяких уз. Таким образом, он не ввержен был в темницу, но освободился из темницы; она вооружила против него господина, но сохранила его в мире с Богом, приблизила его к действительному, истинному Владыке; лишила власти в своем доме, но усвоила Господу. Также и братья продали его, но тем избавили его от домашних врагов, от великой злобы и зависти, от ежедневных клевет, удалили от ненавидевших его. Что, в самом деле, может быть хуже, как быть принужденным жить вместе с завистливыми братьями, находиться в подозрении, подвергаться клеветам? Итак, одно делали и та и эти, а другое и великое устроял (Бог) для праведника. Когда он был в чести, тогда находился в опасности; а когда испытывал бесчестье, тогда был в безопасности. Евнухи не вспомнили о нем, — и хорошо: освобождение его устроилось славнее, так что надобно было приписать все не человеческой милости, а Божию домостроительству; он был освобожден благовременно, когда была нужда, так что фараон извел его из темницы, не как благодетель, а как получающий благодеяние. Надлежало не рабу получить дар, а царю испытать нужду; надлежало открыться его мудрости. Потому забывает его евнух, чтобы не забыл Египет, чтобы не остался в неведении о нем царь. Если бы он изведен был прежде, то может быть захотел бы возвратиться в свою землю; потому он и удерживается тысячью необходимостей, во-первых — властью, во-вторых — темницей, в-третьих — (распоряжениями) в царстве, чтобы все это так устроилось. Как благородного коня, стремящегося ускакать к своим, Бог удерживал его там для славных

целей. А что он желал увидеть отца и облегчить скорбь его, видно из того, что он призвал его туда.

4. Хотите ли, мы рассмотрим и другие случаи коварства, как они служат к нашей пользе, не только тем, что уготовляют нам награду, но и тем, что в то же самое время устрояют наше благосостояние? Строил ковы отцу (Иосифа) дядя его и изгнал его из отечества. Что же? Сам поставил его вдали от опасности, потому что (Иаков) нашел там безопасность; подал ему повод сделаться более любомудренным и увидеть сон. Но он был рабом в чужой стране? Однако он нашел своих, взял невесту и явился тестю достойным зятем. Но (тесть) обманул его? Однако и это обратилось во благо: он сделался отцом многих детей. Но (тесть) имел против него злой умысел? Однако и из этого вышло добро: он возвратился в свою землю; если бы он благоденствовал, то не пожелал бы идти в свое отечество. Но его лишили награды? Он получил награду большую. Так всегда, против кого больше злоумышляли, те больших удостаивались благ. Если бы Иаков не взял за себя старшей сестры, то не сделался бы отцом столь многих детей, но провел бы много времени в безчадии и плакал бы, как (другая) жена его. Она справедливо плакала, пока не сделалась матерью; а он имел утешение; потому и укорял ее. Опять, если бы не лишили его награды, он не пожелал бы видеть своего отечества, не открылось бы любомудрие этого мужа, не прилепились бы к нему так (жены его). Смотри, что оне говорят: *снеде снедию нас и сребро наше* (Быт. XXXI, 15): так это усилило любовь их! Они сделались ему вместо жен рабынями и любили его, что выше всякого сокровища, так как нет, поистине нет ничего драгоценнее, как быть столь любимым женой и любить. *Муж и жена между собою согласии*, говорит Премудрый, поставляя это в числе блаженств (Сир. XXV, 2); в этом все богатство, все счастье

жизни, а без этого все прочее бесполезно, все неустроено и исполнено неприятностей и огорчений. Потому будем и мы искать этого прежде всего. Кто ищет денег, тот не ищет этого. Будем искать того, что может быть твердо.

Не будем искать брачного союза с богатыми, чтобы множество богатства не породило в жене высокомерия, чтобы высокомерие не было причиной развращения. Не видишь ли, что сотворил Бог, как Он подчинил (жену мужу)? Почему же ты невнимателен? Для чего бесчувствен? Что даровал Он тебе по природе, в том не нарушай сам (Его) содействия. Надобно искать не богатой жены, а того, чтобы иметь в ней сообщницу жизни для рождения детей. Не для того Бог даровал человеку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницей. Жена, приносящая деньги, бывает коварна, (становится госпожой, вместо жены, или лучше, зверем, а не женой), предаваясь высокомерию из-за своего богатства. Нет ничего презреннее мужа, желающего обогатиться таким образом; если вообще обогащение исполнено искушений, то что будет обогащение таким способом? Не смотри на то, что иной получил необыкновенно много, случайно и неожиданно; и в других делах нужно обращать внимание не на то, чем иные владеют и как неожиданно получают, но благоразумно вникать, не сопровождается ли это дело бесчисленными неприятностями. И не сам один ты через это подвергнешься бесславию, но навлечешь стыд и на детей, которых оставишь в бедности, если случится тебе умереть прежде, и жене подашь множество поводов — выйти замуж за другого. Не видишь ли, как для многих жен предлогом ко второму браку служило то, что они обращали на себя внимание, искали распорядителей для своего имущества? Не будем же допускать столько зла ради денег, но, оставив все, будем искать (в жене)

доброй души, чтобы найти в ней и любовь. В этом великое богатство, в этом высокое сокровище, в этом бесчисленное множество благ, которых да насладимся все мы, живя как должно и согласно с законами божественными, чтобы нам сподобиться и благ будущих, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА L

Воини же убо, по повеленному им, вземше Павла, ведоша обнощь в Антипатриду. Воутрие же оставлше конники ити с ним, возвратишася в полк. Они же пришедше в Кесарию, и вдавше послание игемону, представиша ему и Павла (Деян. XXIII, 31—33)

1. Как бы какого царя, (Павла) сопровождали оруженосцы в таком множестве, и притом ночью, опасаясь нападения буйного народа. Выведя его за город, они оставили его. Тысяченачальник не отправил бы его под такой сильной стражей, если бы сам не признавал его невинным и не видел решимости (иудеев) на убийство. *Прочет же, и вопрош, от коея страны есть, и уведев, яко от Киликии, рече: услышу о тебе, егда и клеветницы твои приидут: и повеле в преторе Иродове стрещи его* (ст. 34, 35). Лисий уже написал в его защиту; но, несмотря на то, иудеи снова нападают, стараются склонить слушателя на свою сторону, (Павел) снова ввергается в оковы; а каким образом, послушай: *по пятых же днех,* продолжает (писатель), *сниде архиерей Ананиа со старцы и с ритором некием Тертиллом, иже сказаша игемону о Павле* (XXIV, 1). Смотри, как они не отстают, но, несмотря на бесчисленные препятствия, приходят, и чтобы посрамиться и здесь. *Призвану же бывшу ему, начать клеветати Тертилл,*

глаголя: мног мир улучающе тобою, и исправления бываемая языку сему твоим промышлением, всяким же образом и везде приемлем, державный Филиксе, со всяким благодарением. Но да не множае стужаю тебе молю тя послушати нас вкратце твоею кротостию (ст. 2–4). Если вы сами намерены действовать, то для чего вам ритор? Смотри, как он в самом начале представляет (Павла) нововводителем и возмутителем, а похвалами склоняет судью на свою сторону. Потом, как бы имея говорить многое и как бы умалчивая о прочем, говорит: *да не множае стужаю тебе.* Смотри, как он склоняет судью к наказанию (Павла), как будто нужно было обуздать развратителя целой вселенной, и как будто они совещаются о деле великом. *Обретохом бо мужа сего губителя, и движуща противление всем Иудеем живущим по вселенней, и предстателя суща назорейстей ереси: иже и церковъ покусися осквернити, егоже и яхом, и по закону нашему хотехом судити ему. Пришед же Лисиа тысящник, многою силою от рук наших исхити его, повелев поемлющим нань ити к тебе: от него же возможеши сам разсудив о всех сих познати, о них же мы поемлем нань* (ст. 5–8). *Движуща*, говорит, *противление Иудеем живущим по вселенней.* Обвиняют его как язву и общего врага народа, и как начальника (ереси) назореев (название назореев считалось поносным); потому они и прибавили это, поставляя и это ему в укоризну, так как Назарет был маловажный (город). *Обретохом*, говорят. Смотри, как коварно представляют его беглецом, и как будто лишь только взяли его, между тем как он провел в храме семь дней. *Егоже и яхом, и по закону нашему хотехом судити ему.* Смотри, как оскорбляют и закон, как будто он предписывал бить, умерщвлять и строить ковы. Затем обвиняют и Лисия. *Пришед же Лисиа тысящник многою силою от рук наших исхити его.* Ему не следовало, говорят, делать это; но он сделал. *От него же возможеши сам разсудив о всех сих познати, о них же мы поемлем нань.*

Сложишася же и Иудеи, глаголюще сим тако быти (ст. 9). Что же Павел? Молчит ли при этом? Нет, он опять смело отвечает, и притом по желанию игемона. *Отвещав же Павел,* продолжает (писатель), *поманувшу ему игемону глаголати: от многих лет суща, тя судию праведна языку сему сведый, благодушнее, яже о мне, отвещаю. Могущу ти разумети, яко не множае ми есть дней дванадесятих, отнележе взыдох поклонитися во Иерусалим. И ни в церкви обретоша мя к кому глаголюща или разврат творяща народу, ни в сонмищах, ни во граде. Ниже довести могут, елика, тебе ныне на мя глаголют* (ст. 10–13). Свидетельствовать перед судьей правду – это не слова лести; таковы, напротив, слова: *многмир улучающе тобою.* Для чего же вы восстаете несправедливо? Смотри: они домогались несправедливого, а он искал правды; потому и сказал: *благодушнее, яже о мне, отвещаю.* Заимотвует доказательство и от времени: *от многих лет,* говорит, *суща тя сведех.* А какую силу имело это доказательство? Великую: этим он показывает, что судья сам знает, что он не сделал ничего такого, в чем обвиняют его. Если бы он производил когда-нибудь возмущение, то судья знал бы и это от него не укрылось бы. Обвинитель, не в состоянии будучи указать ни на что (из действий Павла) в Иерусалиме, смотри, что говорит: *всем Иудеем живущим по вселенней;* прилагает ложь ко лжи. Потому Павел, в опровержение этого, говорит: *взыдох поклонитися,* и как бы так оправдывает себя: я слишком далек от того, чтобы производить возмущение. На этом справедливом положении, которое было так сильно, он останавливается, прибавляя: *ни в церкви обретоша мя к кому глаголюща, ни во граде, ни в сонмищи,* что и было справедливо. Тот называет (Павла) *предстателем,* как бы на сражении или в мятеже; а он, смотри, как кротко отвечает: *исповедую же тебе сие, яко в пути, его же сии глаголют ересь, тако служу отеческому Богу, веруя всем сущим в законе и пророцех писаным. Упова-*

ние имый на Бога, его же и сами сии чают, яко воскресение хощет быти праведником же и грешником (ст. 14, 15).

2. Смотри: те представляли его противником (закону), а он в своем оправдании показывает себя преданным закону, и подтверждая сказанное присовокупляет: *о сем же и аз подвизаюся, непорочну совесть имети всегда пред Богом же и человеки. По летех же многих приидох сотворити милостыни во язык мой и приношения. В них же обретоша мя очищенна в церкви, ни с народом, ниже с молвою* (ст. 16—18). Для чего ты возвратился? Для чего пришел? Помолиться, говорит, *сотворити милостыню.* Это дело не возмутителя. Потом указывает на их личность, и не обращая на нее внимания, говорит: *в них же обретоша мя нецыи от Асии Иудеи, имже подобаше пред тя приити и глаголати, аще имует что на мя. Или сами тии да глаголют, аще кую обретоша во мне неправду, ставшу ми в сонмищи. Разве единого сего гласа, имже возопих стоя в них: яко о воскресении мертвых аз суд приемлю днесь от вас* (ст. 19—21). Тем особенно и сильно оправдание, чтобы не убегать от обвинителей, но быть готовым отвечать всем. *О воскресении мертвых*, говорит, *аз суд приемлю днесь.* Не сказал ничего такого, о чем мог бы сказать по справедливости, то есть что они клеветали, задержали его, строили ему ковы (все это говорится о них [писателем], а сам Павел, несмотря и на опасность, не говорит); но умалчивает, и только оправдывается, хотя мог бы сказать многое. А что он пришел с столь большим отрядом, это сделало его известным и в Кесарии. *В них же*, говорит, *обретоша мя очищенна в церкви.* Как же он осквернил ее? Невозможно было одному и тому же очищаться и молиться, и в то же время прийти и осквернить. И то служит доказательством его справедливости, что он немногословен; это нравится и судье; мне кажется, что для него он и сокращает свои оправдания. Но обратимся к вышесказанному. Наперед долго говорил Тертулл;

заметив, что он сокращает речь, он не сказал: послушай, как было дело, но: *да не множае стужаю тебе, молю тя послушати нас твоею кротостию.* Употребляет такое выражение, вероятно, из лести; впрочем, действительно, это знак скромности, когда кто, имея сказать многое, но не желая беспокоить (другого), говорит немного. *Обретохом бо мужа сего губителя, иже покусися,* говорит, *и церковъ осквернити.* Следовательно не осквернил. Но не сделал ли он этого в другом месте? Нет; иначе (обвинитель) сказал бы; между тем он говорит только: *покусися,* а каким образом, не прибавляет. Так он преувеличивает все, что относилось к Павлу; а что касалось их, смотри, как уменьшает. *Его же и яхом,* говорит, и *по закону нашему хотехом судити ему. Пришед же Лисиа тысящник, многою силою от рук наших исхити его.* Этим выражает, что им прискорбно было идти в чужое судилище и что они не беспокоили бы его, если бы тысяченачальник не принудил их к тому и не отнял у них этого мужа, что не следовало ему делать; обида была нанесена, говорит, нам; потому и суд над ним должен был производиться у нас. А что это так, видно из следующего: *многою,* говорит, *силою,* то есть насилием. *От него возможеши познати.* Не смеет прямо обвинить, потому что (Феликс) был человек снисходительный; но и не без цели делает такой переход. Желая опять показать, что он не лжет, предоставляет обвинять себя самому Павлу. *От него же,* говорит, *возможеши сам разсудив о всех сих познати.* Затем выступают и свидетели сказанного. *Сложишася же и Иудеи, глаголюще сим тако быти.* Обвинители сами и свидетельствуют и обвиняют. Но Павел отвечает: *от многих лет суща тя судию праведна сведый.* Следовательно, он не иностранец, не чужой, не нововводитель, если уже много лет знает судью. Не напрасно прибавляет: *праведна,* но чтобы тот не смотрел ни на первосвященника, ни на народ, ни на обвинителя. Смотри, как

он воздерживается от укоризны, хотя она и нужна была. *Веруя*, говорит, *всем сущим в законе.* Этим выражает, что ни один человек, верующий в будущее воскресение, которое и они сами принимают, никогда не может сделать того (в чем обвиняют его). Не сказал, что они веруют в писания пророков (потому что они не веровали), но что он верует всему, а не они. Как же так? Долго было бы теперь говорить об этом. Столько высказал Павел, и не упомянул о Христе. Но словом: *веруя* он указывает и на Христа, а останавливается более на учении о воскресении, которое также и ими было принимаемо и отклоняло от него подозрения во всяком возмущении. Затем следует причина его прибытия. *Приидох*, говорит, *сотворити милостыни во язык мой и приношения,* и притом, *по летех многих.* Как же он мог возмущать тех, кому желая доставить милостыню совершил столь далекий путь? *Ни с народом*, говорит, ниже с *молвою.* Везде опровергает мысль о возмущении. Хорошо ссылается и на обвинителей из Азии, говоря: *им же подобаше пред тя приити и глаголати, аще имут что на мя.* Так он был уверен в своей чистоте от возводимые на него обвинений, что сам вызывает обвинителей. Не отвергает обвинителей не только азийских, но и иерусалимских; вызывает и этих, прибавляя: *или сами тии да глаголют.* С самого начала они восстали на него за то, что он проповедовал воскресение. Потому хорошо он указывает на это; доказав это, он легко мог перейти к учению и о Христе, о том, что Он воскрес. *Аще кую*, говорит, *обретоша во мне неправду, ставшу ми в сонмищи. В сонмищи*, говорит, выражая, что они ничего не нашли в нем, допрашивая его не наедине, но в большом собрании, и при тщательном исследовании.

3. А что это справедливо, свидетелями тому служат сами обвинители. Потому он и говорит: *о сем же и аз подвизайся, непорочну совесть имети всегда пред Богом же и*

человеки. Совершенная добродетель бывает тогда, когда мы и людям не подаем повода (ко греху) и перед Богом стараемся быть безукоризненными. *Имже возопих,* говорит, *на сонмищи.* Словом: *возопих* показывает их насилие, и как бы так говорит: они не могут сказать: ты делал это под предлогом милостыни, — потому что я делал это *ни с народом, ниже с молвою;* притом и при исследовании дела ничего более не найдено. Видишь ли кротость его в опасностях? Видишь ли язык благоглаголивый? Он старается оправданием своим только защитить себя, а не обвинять их, если не вынужден к тому необходимостью, подобно как и Христос говорил: *аз беса не имам, но чту Отца моего, и вы не чтете мене* (Ин. VIII, 49). Будем подражать ему и мы, так как и он подражал Христу. Если он не говорил ничего оскорбительного тем, которые хотели погубить и умертвить его, то какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что мы имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь (другому) воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя; но для чего сам подпадаешь обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим, — желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе. Не довольно нам других душевных тревог, возбуждающихся без всякой причины, как-то: неуместных пожеланий, огорчений, сетований и тому подобного; надобно еще умножить их новыми.

Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? А как невозможно, скажи мне? Разве слова наносят нам раны? Или (делают) шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорбляться, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от

слабости; и точно это происходит от слабости: когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый, хотя бы потерпел тысячи оскорблений, имеет желание удержаться. Если мы будем представлять только это, то есть что это происходит от слабости, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же. После этого я спрошу всех вас присутствующих: можете ли вы, если захотите, быть так любомудрыми, чтобы терпеть оскорбления? Думаю, что скажете: да. Так, оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанно, но по принуждению страсти; удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как он (беснующийся) подвергается этому не столько от вражды, сколько от слабости, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самим. Почему в самом деле мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также, когда оскорбляющие или наши друзья, или высшие. Не безрассудно ли в этих трех случаях, то есть от друзей, от беснующихся и от высших переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем более кто оскорбляет, тем более он слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит; тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает напротив, то нужно даже радоваться; тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец, и не просто великий, но гораздо больший, чем те (борцы): не все ведь равно — низвергнуть противоборствующего врага, или притупить стрелы гнева. Ты победил не схватываясь с про-

тивником, низложил возбуждавшуюся в тебе страсть, умертвив свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу, так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы. Пусть же искра гнева хранится в нас и воспламеняется лишь благовременно, не против нас самих, не для того, чтобы причинить нам множество зол. Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте, а не разбрасывается всюду, ни на сено, ни на одежды, и куда случится, чтобы он не воспламенился от дуновения ветра. Когда или служанка зажигает светильник, или повар разводит огонь, то строго им внушается, чтобы делали это не на ветру, не близ деревянных вещей и не в темноте; а когда наступает ночь, то мы тушим огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотреть за ним, он как-нибудь не разгорелся и не сжег всех. Точно также будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но чтобы это возбуждение он получал от нас, а мы умели бы возбуждать его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, — ведь гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, — будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом;

будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, – только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство, или вразумить чью-либо душу.

4. Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И, что особенно тяжело, – когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится прийти к другому и примириться. Смотри, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу; а прийти и соединить разделившееся стыдится, подобно тому, как если бы кто отрезать член не усомнился, а срастить его стыдился. Что скажешь на это, человек? Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиной вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, как бывший причиной вражды. Но если (другой) обидел, и тот был причиной вражды? И в этом случае следует (начать примирение) тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиной вражды, так не тебе быть и причиной ее продолжения; может быть и тот, сознав вину свою, устыдится и вразумится. Но он высокомерен? Тем более ты не медли прийти к нему; он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен прийти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме; таковы, именно, – гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров; приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним прийти; о тех, которые могут (прийти сами), они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же напротив. А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этой сильной горячке, а та –

развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкой и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сделать это при помощи Божией; останови его опухоль, как бы примочкой. Но что, скажешь, если от того самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя; только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного. *Ухлеби*, говорит (писание), *врага твоего: сие бо творя углие огненно собираеши на главу его* (Рим. XII, 20). Впрочем, и при этом оно повелевает идти, примириться и благотворить врагу, не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодеяний больше, чем вражды, и этих знаков любви больше, чем обид. Для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что злопамятный вредит хотя немного и себе и ему, а благодеющий собирает уголья огненные на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него угольев? Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия. А что если я еще более усилю (вражду)? Нет; в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и тогда, как ты благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сжигает свою голову; а ты нисколько не виновен. Не представляй себя человеколюбивее Бога; иначе испытаешь множество зол; или лучше, хотя бы ты и захотел, ты не можешь (достигнуть этого) нисколько. Как же? *Якоже отстоит небо от земли*, говорит (Господь), *тако отстоят помышления ваша от мысли моея* (Ис. LV, 9); и еще: *аще вы лукави суще умеете даяния блага даяти чадом вашим, колми паче Отец ваш небесный даст*

вам (Мф. VII, 11). Нет, это отговорка и предлог. Не будем же перетолковывать заповедей Божиих. А как, скажешь, мы перетолковываем их? Он сказал: *сие творя, углие огненно собираеши на главу его:* а ты говоришь: боюсь за врага, который жестоко оскорбил меня. Не так ли говоришь ты? Но для чего ты приобрел себе врага? Почему ты за оскорбителя боишься, а за себя не боишься? О, если бы ты заботился о самом себе! Не делай (добра врагу) с этой целью; или лучше, делай хотя с этой целью. Но ты не делаешь. Скажу тебе не то только, что соберешь на него горящие уголья, но и нечто другое большее, – только делай. Павел говорит все это только для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя надеждой на наказание (врага). Мы так жестоки, что не иначе хотели бы примириться с врагом, как в надежде (навлечь на него) какое-нибудь наказание; потому он и дает нам, как бы какому зверю, эту приманку. Но апостолам (Господь) не сказал этого, а что? *Да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесех* (Мф. V, 45). С другой стороны и невозможно, чтобы благодетельствующий и получающий благодеяния остались врагами: потому (апостол) и дал такую заповедь. Для чего ты, любомудрствуя на словах, не соблюдаешь должного на деле? Хорошо, положим, что ты не насыщаешь (врага) для того, чтобы не собрать на него горящих угольев; следовательно, ты щадишь его? – любишь его? – благодетельствуешь с этой целью? Бог знает, точно ли с этой целью, как говоришь ты; может быть ты хитришь перед нами и играешь словами. Ты заботишься о враге? Боишься, чтобы он не подвергся наказанию? Следовательно, ты погасил свой гнев; кто питает такую любовь, что презирает собственную пользу для блага другого, тот не имеет вражды. Так мог бы ты сказать. Но доколе мы будем шутить в предметах нешуточных и непростительных? Потому увещеваю братство

наше, возлюбленные Господом Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом, прошу и умоляю вас, оставив эти предлоги, не будем невнимательными к законам Божиим (и непослушными Его заповедям), чтобы мы могли благоугодно Господу провести настоящую жизнь и получить обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LI

Отрече же им Филикс, известнее уведев, яже о пути сем, глаголя: егда Лисиа тысящник приидет, разсужду, яже о вас. Повеле же сотнику стрещи Павла и имети ослабу, и ни единому же возбраняти от своих ему служити или приходити к нему (Деян. XXIV, 22, 23)

1. Смотри, какое искушение постигает (Павла), во-первых, от многих, а во-вторых, в течение долгого времени. Нельзя сказать, чтобы суд производился скоро после того, как ритор упомянул о Лисие, сказав, что он силой взял (Павла), благовременно приведены (писателем) слова Феликса, о котором говорится: *отрече же им Филикс, известнее уведев, яже о пути сем,* то есть нарочито отложил дело, не имея нужды в исследовании, а только желая удалить иудеев. Отпустить (Павла) он не хотел из угождения им, а наказать его было невозможно, потому что было бы бессовестно. Потому он и отложил дело, оказав: *егда Лисиа тысящник приидет, разсужду, яже о вас. Повелий же сотнику стрещи Павла и имети ослабу, и ни единому же возбраняти от своих ему служити или приходити к нему. Имети ослабу*, говорит. Так и он находил его невинным. Почему же, находя его невинным, задерживает?

Желая угодить (иудеям), а также надеясь взять деньги. Для того он и призывает к себе Павла. А что именно для этого он призывал его, видно из дальнейших слов писателя, который говорит: *по днех же некиих пришед Филикс со Друсиллиею женою своею, сущею Иудеанынею, призва Павла, да слышишь от него веру, яже во Христа Иисуса. Глаголющу же ему о правда и о воздержании и о суде хотящем быти, пристрашен быв Филикс отвеща: ныне убо иди: время же получив призову тя. Вкупе же и надеяся, яко мзда дастся ему от Павла, яко да отпустит его. Тем же и часто призывая его беседоваше с ним* (ст. 24–26). Смотри, как писатель держится истины. Феликс часто призывал его не потому, что удивлялся ему, или одобрял речи его, или хотел уверовать, но почему? *Надеяся*, говорит, *яко мзда дастся ему*. Смотри, как он не скрывает здесь намерения судьи; а этот, если бы признавал (Павла) виновным, не поступал бы так, не захотел бы слушать человека виновного и преступного. Между тем Павел, хотя говорил с начальником, но не сказал ничего такого, чем бы можно было преклонить его душу, но говорил то, что устрашило и потрясло его ум; беседовал с ним, говорит, *о правде и о воздержании и о суде хотящем быти, и Филикс пристрашен быв.* Такова сила слов Павловых, что приводит правителя в страх. Затем он получает себе преемника, а Павла оставляет в узах, хотя и не следовало, а надлежало окончить дело; но он оставляет его так из угождения (иудеям). А эти были так настойчивы, что снова стали нападать, как не нападали ни на кого другого из апостолов, но, напав на них, потом отступали. Так (Богом) устроено было, чтобы Павел, имея дело с такими зверями, удалился из Иерусалима, куда, впрочем, они опять просят привести его на суд. Но и здесь Бог устроил так, что не дозволил этого правителю. Он, как недавно принявший власть, мог бы решиться угодить иудеям; но Бог не попустил. Прибыв (в Кесарию), иудеи стали бесстыд-

но возводить на него еще большие обвинения и, так как не могли обвинить его в делах против закона, то опять прибегают к своему обычному средству, указывают на кесаря, как они делали и в отношении к Христу. Это видно из того, что Павел оправдывается в возводимых на него преступлениях против кесаря, как изъясняет (писатель), продолжая: *двема же летома скончавшемася, прият изменение Филикс Поркиа Фиста: хотя же угодное сотворити Иудеем, Филикс остави Павла связана. Фист же убо прием власть, по трех днех взыде во Иерусалим от Кесарии. Сказаша же ему архиереи и первии от Иудей на Павла, и моляху его, просяще благодати нань, яко да послет его во Иерусалим: ков творяще, яко да убиют его на пути. Фист же повелел Павла стрещи в Кесарии, сам тамо хотя вскоре изыти. Иже убо силнии в вас, рече, со мною шедше, аще есть кая неправда в муже сем, да глаголют нань. Пребыв же у них множае десяти дней, сниде в Кесарию: наутрие сед на судищи, повеле Павла привести. Приведену же бывшу ему, окрест сташа, же от Иерусалима сшедшии Иудеи, многи и тяжки вины приносяще на Павла, ихже не можаху изъявити: отвещавающу ему, яко ни на закон Иудейский, ни на церковь, ни на кесаря что согреших. Фист же хотя угодное иудеем сотворити, отвещав Павлову, рече: хощеши ли во Иерусалим восшед, тамо о сих суд прияти от мене* (ст. 27; XXV, 1–9)? Смотри, как и он угождает иудеям, всему народу и городу. Потому (Павел) и его приводит в страх, употребляя человеческое средство; а какое, послушай. *Рече же Павел: на судищи Кесареве стоя есмь, идеже ми достоит суд прияти. Иудей ничимже обидех, якоже и ты добре веси. Аще бо неправдую, или достойно смерти сотворих что, не отмещуся умрети: аще ли же ничтоже есть во мне, еже сии на мя клевещут, никто же мя может тем выдати: Кесаря нарицаю* (ст. 10, 11). Но, может быть, кто скажет при этом: ему сказано было: *подобает ти и в Риме свидетельствовати яже о мне* (Деян. XXIII, 11); почему же он так поступает теперь, как бы не веруя

(этим словам)? Нет, напротив, он крепко веровал. Скорее значило бы искушать (Бога), если бы он, полагаясь на это предсказание, стал сам подвергать себя бесчисленным опасностям и говорить: посмотрим, может ли Бог избавить меня от них? Но Павел не делает этого, а, всецело вверяя себя Богу, принимает все меры и с своей стороны. Притом таким оправданием он некоторым образом касается и правителя, и только так говорит: если я сделал неправду, то справедливо; а если я прав, то почему ты выдаешь меня? *Никтоже*, говорит, *мя может выдати.* Не только (правителя) привел в страх, так что он, если бы и хотел, не мог выдать, но таким оборотом дела защитил себя и от иудеев. *Тогда Фист состязався с советники, отвеща: Кесаря ли нарекл еси, к Кесарю пойдеши* (ст. 12).

2. Смотри, (о Павле) сообщается Агриппе, чтобы и другие послушали его, и царь, и войско, и Вереника. Потом опять (следует) оправдание. *Днем же минувшим неким, Агриппа царь и Верникиа снидоста в Кесарию целовати Фиста. И якоже многи дни пребыста ту, Фист сказа царю, яже о Павле, глаголя: муж некий есть оставлен от Филикса узник. О нем же, бывшу ми во Иерусалиме, явиша архиереи и старцы Иудейстии, просяще нань суда. К ним же отвещах, яко несть обычай Римляном выдати человека коего на погибель, прежде даже оклеветаемый не имат пред лицем клевещущих его, и место ответа приимет о своем согрешении. Сшедшимся же им зде, закоснение ниедино сотворь, наутрие сед на судищи, повелех привести мужа. Окрест же его ставше клеветницы, ни едину вину, яже аз непщевах, нанесоша: стязания же некая о своей различней вере имяху к нему, и о некоем Иисусе умершем, его же глаголаше Павел жива быти. Недоумеяся же аз о взыскании сих, глаголах, аще хощет ити во Иерусалим, и тамо суд прияти о сих. Павлу же нарекшу блюдену быти ему до разсуждения Августа, повелех блюсти его, дондеже послю его к Кесарю. Агриппа же к Фисту рече: хотел бых*

и сам человека сего слышати. Он же рече: утре услышиши его (ст. 13–22). Смотри, как опять иудеи осуждаются не Павлом, а правителем. *Явиша*, говорит, *архиереи и старцы Иудейстии, просяще нань суда. К ним же отвещах.* Смотри, что отвечает он к их посрамлению: *несть обычай Римляном выдати человека коего на погибель*, то есть прежде, нежели дано будет ему говорить в свою защиту, невозможно просто выдать его. А поступив по этому обычаю, он не нашел в нем вины; потому и пришел в недоумение, как видно из следующих слов: *недоумеяся же аз о взыскании сем.* Так сказал он, желая прикрыть собственный грех. Он прикрывает себя, но Агриппа желает видеть самого (Павла). Смотри, как правители всегда уклонялись от вражды иудеев, часто бывали вынуждены поступать вопреки справедливости, и искали предлогов к промедлению; так Фест отложил дело не по неведению, а сознательно. Агриппа же не только не уклоняется, но и сам желает выслушать. Достойно удивления, откуда родилось у него желание видеть человека, хотя и несправедливо, однако обвиняемого? Так, и это было по устроению (Божию). Потому и жена его слушает вместе с ним и не отказывается от слушания; и притом слушает не просто, но и с великой честью. Так сильно было их желание; если бы он не желал, то и не стал бы слушать; не допустил бы и жену принять участие в слушании, если бы не высоко думал о Павле; и она, мне кажется, сама желала этого. Павел же, смотри, тотчас начинает говорить не только о вере и отпущении грехов, но и о том, что надобно делать. Но обратимся к вышесказанному. *Ныне убо иди*, говорит (Феликс), *время же получив призову тя.* Смотри, какое ослепление. Слушая столь великое (учение), он надеялся взять с него деньги; и не только это тяжело, но и то, что после беседы с Павлом не отпустил его, но, видя конец своего правления, оставил его узником, чтобы угодить иудеям;

следовательно любил не только деньги, но и славу. Как, преступный, ты ищешь денег от человека, проповедующего противное? А что он не получил их, видно из того, что оставил Павла связанным; получив их, разрешил бы его. Тот говорил о воздержании; а он от человека, рассуждавшего об этом, ожидал получить деньги. Требовать их не осмелился, – таков-то бывает порок: он боязлив и во всем подозрителен, – но ожидал. Не без причины он угождал (иудеям), как управлявший ими столь долгое время. Когда же вступил в управление Фест, *сказаша ему*, говорит (писатель), *архиерей и первии от Иудей на Павла.* Тотчас и в самом начале приступили к нему священники; они не поленились бы отправиться и в Кесарию, если бы он не успел взойти (в Иерусалим), где они, как только он прибыл, и являются. *Пребыв же у них десять дней, сниде в Кесарию.* Может быть, я думаю, он проживал у тех, которые хотели развратить его; а Павел находился в темнице. *И моляху его*, говорит, *яко да послет его во Иерусалим.* Просили, как милости; а для чего, если Павлу надлежало по справедливости умереть? Но злоумышление их и для него было так очевидно, что он сказал: *сущии с нами мужие, видите сего, о нем же все множество Иудей стужаху ми.* Словом: *стужаху ми* выражает, что они просили у него этой милости и хотели, чтобы он произнес о нем приговор, боясь слова Павлова. Чего же вы боитесь? Чего опасаетесь? Ясно сказано, – чтобы стречь его; следовательно может ли он убежать? *Иже, убо силнии в вас*, говорит, *да глаголют нань.* Затем обвинители опять в Кесарии, и Павел опять выводится. *Наутрие*, говорит (писатель), *сед на судищи.*

3. Смотри: возвратившись, тотчас же *сел на судищи:* так нетерпеливо они побуждали его, так спешили! А он, пока еще не знал иудеев и не испытал от них почестей, то отвечал справедливо; а когда побывал в Иерусалиме, то также стал угождать им, и не просто угождает, а дела-

ет это с обманом, — а как, послушай: *хощеши ли*, говорит, *во Иерусалим возшед, тамо о сих суд прияти от мене?* Как бы так говорит: я не выдаю тебя им, но сам буду судьей. Говоря это, он делает господином дела (Павла), чтобы такой честью склонить его, так как, если бы он произнес приказание, то было бы бесстыдно отвести туда человека, который здесь ни в чем не обличен.

Павел не сказал: не хочу, — чтобы не раздражить судьи; но смело говорит: *на судищи Кесареве стоя есмь, идеже ми достоит суд прияти*. Великое дерзновение! И смотри, как он поражает их умозаключением; как бы так говорит в свое оправдание: они уже однажды изгнали меня и думают судить меня за то, будто я совершил преступление против кесаря; потому я хочу быть судимым от того, кто мной оскорблен. Сказав это, прибавляет: *Иудей ничимже обидех, якоже и ты, добре веси*. Коснулся и его, угождавшего иудеям; коснувшись же этого, опять смягчает речь, присовокупляя: *аще бо неправдую, или достойно смерти сотворих что, не отмещуся умрети*. Я произношу, говорит, приговор против самого себя. Это — слова не самоубийства, но великого дерзновения; ведь и правда должна быть соединена с дерзновением, чтобы действовать сильнее. *Аще ли ничто же есть во мне, еже сии на мя клевещут, никтоже мя может выдати*. Если бы и захотел, говорит, не может. Не сказал: я не повинен смерти или достоин освобождения, но — готов судиться перед кесарем; при этом он вспомнил сновидение, и говорил тем с большим дерзновением. Не сказал; ты, но: *никтоже*, присовокупив: *Кесаря нарицаю*, чтобы не оскорбить его. *Тогда Фист, состязався с советники, отвеща: Кесаря ли нарекл еси, к Кесарю пойдеши*. Видишь ли, как он угождает (иудеям)? Сноситься с обвинителями, — это угождение, это признак мнения развращенного и извращающего порядок (дела). Смотри, как суд (над Павлом) опять откладывается, и как коварство

подает повод к проповеди. Так устрояется (Промыслом), что он прибыл в Иерусалим удобно и с охранной стражей, без злоумышления от кого-либо. И подлинно, не все равно – прибыть просто, или прибыть по такому делу. Это и заставило иудеев собраться сюда. И в Иерусалиме он был долгое время, чтобы ты видел, что и в течение долгого времени злой умысел не мог ничего сделать ему, когда не попускал Бог. *Агриппа же сей царь и Верникиа снидоста в Кесарию.* Этот Агриппа, он же и Ирод, мне кажется, был иной и именно четвертый после того, который был при Иакове (Деян. XII, 1, 2). Смотри, как сами враги невольно способствуют делу. Чтобы слушателей было больше, сам Агриппа пожелал слушать (Павла), и слушает не просто, но с пышностью. Смотри, каково оправдание (Павла), высказанное правителем: *самому же сему нарекшу Севаста, судих послати его: о немже известное что писати господину не имам.* Так пишет Фест, и обнаруживается жестокость иудеев; а правителя, когда он говорит это, подозревать нельзя. Он говорит так, что и от него иудеи подвергаются осуждению. А когда все осудили их, тогда наказывает и Бог. Смотри: их осудил Лисий, осудил Феликс, осудил Фест, хотя и угождали им, осудил Агриппа, и даже что? Осудили их и фарисеи. А как он осудил, послушай из его слов: *ни едину вину, яже аз непщевах, нанесоша.* Они и взносили, но не обличили; клевета и дерзость взносили на него подозрения, а исследование ничего не показало. *И о некоем*, говорит, *Иисусе умершем.* Справедливо сказал: *о некоем,* как человек, хотя и бывший правителем, но не заботившийся об этом. По той же причине он сказал: *недоумеяся аз о взыскании сих;* рассмотрение таких дел действительно превышало разум такого судьи. Если же ты недоумеваешь, то для чего влечешь его в Иерусалим? Потому и Павел, не желая судиться у него, требует суда у кесаря и говорит: *на*

судищи Кесареве стоя есмъ, идеже ми достоит суд прияти. В этом именно обвиняли его. Слышишь ли, как переносится дело? Слышишь ли о злом умысле иудеев? Слышишь ли о возмущении?

4. Все это возбудило в Агриппе желание слышать (Павла). Фест доставляет ему это удовольствие, и Павел является еще более славным. Все это, как я сказал, произвели козни (иудеев). Если бы их не было, то никто из правителей не захотел бы слушать его и никто не слушал бы с таким безмолвием и вниманием. Он, по-видимому, вразумляет и защищается, но вместе с тем и проповедует с великим достоинством. Не будем же считать козни чем-нибудь бедственным. Если мы не будем действовать сами против себя, то никто не в состоянии уловить нас в свои козни; или лучше, строить козни против нас могут, но не могут причинить нам вреда; напротив, даже принесут нам величайшую пользу, так как мы сами бываем виновниками, что терпим зло или не терпим. Да, я свидетельствую открыто и громче трубы возвещаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное место и провозгласить, что христианину никто из людей живущих на земле не может вредить. Что я говорю: из людей? Не может и демон, мучитель, диавол, если (христианин) сам не причинит зла самому себе; и кто бы ни захотел причинить нам зло, напрасно будет стараться. Как ангелу, находящемуся на земле, никакой человек вредить не может, так и человек (такому) человеку. И сам он не может вредить другому, пока он добр. Что же может сравниться с таким человеком, который не может ни терпеть вреда, ни сам вредить другому? Последнее, то есть чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше первого. Это — как бы ангел и подобен Богу, потому что таков и Бог. Но Он таков по природе, а тот — по произволение. Итак, (христианин) не может ни

терпеть вреда, ни вредить другому. Впрочем, слова: *не может* не принимай за бессилие (потому что бессилие означает противное этому), — я разумею здесь нерасположение. Он, по природе своей, бывает нерасположен ни терпеть вреда, ни делать зло другому; и последнее есть также вред. Мы вредим себе и тогда, когда делаем зло другому, и большая часть грехов наших происходит именно от того, что мы не желаем добра самим себе. Таким образом христианин и потому не может терпеть вред, что не может вредить другому. А каким образом, причиняя вред другим мы вредим самим себе, — объясним это частными примерами. Пусть кто-нибудь обижает другого, оскорбляет, лихоимствует. Кому он причинил вред? Не прежде ли всего — самому себе? Совершенно так; обиженный понеся ущерб в деньгах, а обидевший — в душе, так как его душа подвергается погибели и наказанию. Опять пусть кто-нибудь ненавидит. Кому он сделал зло? Не самому ли себе? Таково, именно, свойство причиняемого зла, что оно прежде тяжко вредит тому, кто сделал его, а другому мало, или лучше — нимало не вредит, а приносит пользу. Но я сказал нечто невероятное? Положим, например (а в этом преимущественно и все заключается), что какой-нибудь бедняк имеет мало денег и едва достает себе необходимую пищу; а другой богат, живет в изобилии и имеет великую силу; пусть последний возьмет имущество бедного, лишит его одежды и оставит в голоде, а сам на счет неправедно отнятого будет роскошествовать. Он не только не причинил вреда бедному, но и принес пользу; а себе не только не принес пользы, но и повредил. Как? Во-первых, он мучится за свое зло и ежедневно угрызается совестью и бывает осуждаем всеми, а затем на суде будущем. Так, скажешь, отсюда видно, что этот терпит вред; но скажи, как тот получает пользу? Он терпит зло и переносит его великодушно; а это есть

великое приобретение; терпение зла заслуживает отпущения грехов, есть подвиг любомудрия, есть училище добродетели. Посмотрим же: кто из них во зле – тот или этот? Тот, если он любомудр, переносит великодушно; а этот ежедневно мучится страхом и подозрением. Кто же получает вред – тот или этот? Это басни, скажешь ты; у кого нечего есть, кто принужден скорбеть и бороться с бедствиями, или идет просить милостыни и не получает, тот не страдает ли душой и телом? Нет; ты говоришь басни, а я говорю дело. В самом деле, скажи мне, разве из богатых никто не скорбит? Что же? Бедность ли служит причиной этого? Но он не терпит голода? Что ж из этого? Тем хуже, что с ним случается это при богатстве. Богатство не делает великодушным, и бедность – малодушным; иначе никто из живущих богато не испытывал бы в жизни скорбей, и никто из бедных не проклинал бы своей бедности. А что сказанное вами – действительно басни, объясню следующим образом. Скажи мне: Павел в бедности ли жил или в богатстве? Терпел голод, или нет? Сам он говорит: *во алчбе и жажди* (2 Кор. XI, 27). Пророки терпели голод, или нет? И они терпели бедствия. Но, скажешь, ты опять представляешь мне Павла, опять пророков, десять или двадцать человек. Но кого же ты хочешь? Представь мне, говоришь, кого-нибудь из народа, кто бы мужественно переносил (бедствия). Но такие люди всегда редки, отличных немного. Если же хочешь, исследуем дело само по себе. Посмотрим, чьи заботы больше и мучительнее, и чьи легче? Не правда ли, что один заботится только о необходимой пище, а другой при множестве дел забывает (и о пище)? Богатый не боится голода, но боится за многое другое, часто за самое свое спасение. Бедный не может не заботиться о пище, но не имеет других забот, наслаждается безопасностью, спокойствием, бесстрашием.

5. С другой стороны, если оскорблять других не есть зло, а добро, то почему мы стыдимся? Почему скрываемся? Почему, будучи поносимы за это, негодуем и огорчаемся? Если быть оскорбляемым не есть добро, то почему мы делаем это известным, хвалимся и оправдываем себя? Хочешь ли видеть, чем последнее лучше первого? Посмотри на людей в том и в другом состоянии. Для чего законы? Для чего судилища? Для чего наказания? Не для первых ли, как бы больных и страждущих? Но, скажешь, это — великое удовольствие. Не будем говорить о будущем, посмотрим на настоящее. Что хуже человека, находящегося в таком подозрении? Что безнадежнее, что жалче его? Не в постоянном ли он волнении? Хотя бы он сделал что-нибудь и справедливое, ему не верят; все осуждают его за его притеснения; все живущие с ним — его обвинители; он не может наслаждаться дружбой; никто не решится быть другом человека, о котором идет такая молва, — чтобы и на себя не навлечь такого же мнения. От человека несправедливого все удаляются, как от зверя, как от губителя, врага, человекоубийцы, восстающего против природы. Если он подвергается суду, то не нужен против него обвинитель; вместо всякого обвинителя обвиняет его молва. Но не так бывает с человеком, претерпевающим оскорбления; напротив, все покровительствуют ему, сожалеют о нем, подают ему руку помощи; он находится в безопасности. Если оскорблять — дело доброе и безопасное, то пусть признается кто-нибудь, что он — оскорбитель. Если же не осмеливается на это, то почему продолжает (причинять оскорбления), как нечто доброе? Посмотрим, сколько зла происходит и в нас самих, когда бывает в нас нечто подобное. Если что-нибудь из находящегося в нас преступит свою меру на счет другого, если, например, печень, не довольствуясь своим местом, захочет занять и чужое вместе со своим, то, скажи мне, не бо-

лезнь ли это? Опять, если влага, образующая находящиеся в нас соки, наполнит все тело, то не болезнь ли это водяная? Вместе с этим желчь должна распространиться, и кровь разлиться повсюду. И в душе гнев, пожелание и другое тому подобное, превышая меру, не причиняют ли вреда самому (человеку)? Так и пища, если будет принята в большем количестве, нежели какое может перевариться, то подвергает тело болезням. Да и откуда подагры? Откуда параличи и дрожание тела? Не от неумеренности ли в пище? Также, если бы глаз захотел принять более надлежащего, то есть если бы захотел видеть более, нежели сколько ему назначено, или принять света более надлежащего, то этот избыток скорее повредил бы ему, нежели принес пользу. Если же, тогда как свет есть добро, глаз, желая видеть больше и яснее, находит погибель, то подумай, что бывает со злом. Если слух воспримет громкий звук, то ум бывает поражен; если ум станет мыслить о предмете, превышающем его силы, то изумляется, а если будет усиливаться больше надлежащего, то совершенно теряется. Любостяжание в том и состоит, чтобы желать иметь больше надлежащего. Так бывает и с имуществом: когда мы хотим собрать его больше и больше, то, сами не замечая, питаем в себе дикого зверя; имея многое, нуждаемся во многом, навлекаем на себя бесчисленные заботы и представляем диаволу множество поводов. Потому над богатыми диаволу нет нужды много трудиться; богатство делает их совершенно готовыми к падению. Не так бывает с людьми, живущими в бедности, – совершенно напротив. Так (эти) вещи сами по себе пагубны. Потому увещеваю вас воздерживаться от таких пожеланий, чтобы избежать сетей лукавого и, возлюбив добродетель, сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LII

Наутрие же пришедшу Агриппе и Верникии со многою гордостию, и вшедшим в судебную палату, с тысящники и с нарочитыми мужи града, и повелевшу Фисту, приведен бысть Павел (Деян. XXV, 23)

1. Смотри, какое общество собирается слушать Павла: с *нарочитыми*, говорит (писатель), *мужи града*. Правитель и царь приходят со всеми оруженосцами, а с ними приходят и тысяченачальники и первые люди города, которых он и называет *нарочитыми*. Потом приводится и Павел, и смотри, как Фест говорит о нем: не только представляет его невинным, но и защищает. Что же говорит он? *Агриппо царю, и еси сущии с нами мужие, видите сего, о немже все множество Иудей стяжаху ми во Иерусалиме же и зде, вопиюще, яко не подобает жити ему ктому. Аз же разумев ничтоже достойно смерти сотворша его, и самому же сему нарекшу Севаста, судих послати его. О немже известное что писати господину не имам: темже и приведох его пред вас, наипаче же пред тя, Агриппо царю, яко да разсуждению бывшу имам что писати. Безсловесно бо мнится ми, посылающу юзника, а вины яже нань, не сказати* (ст. 24– 27). Смотри, как тех (иудеев) он обвиняет, а его оправдывает. Какое обилие оправданий! После многократного исследования правитель не находит, в чем обвинить его, а те говорили, что он достоин смерти. Потому он сказал: *аз же*, говорит, *разумев ничтоже достойно смерти сотворша его;* и прибавляет: о *немже известное что писати господину не имам*. И это служит доказательством невинности Павла, что судья не имеет ничего сказать о нем. *Темже*, говорит, *и приведох его пред вас. Безсловесно бо мнится ми, посылающу юзника, а вины, яже нань, не сказати*. Смотри, в какое великое затруднение ставили иудеи своих правителей. Что же Агриппа? Желая узнать что-нибудь о деле, он *к Павлу рече: повеле-*

вается ти о себе самому глаголати (XXVI, 1). Царь повелевает ему говорить, сильно желая послушать его. Затем Павел с дерзновением начинает говорить и называет себя счастливым, не из лести, но потому, что говорит перед человеком, которому все известно; а что именно поэтому, дослушай, что он говорит далее. *Тогда Павел простер руку отвещаваше: о всех, о нихже оклеветаемъ есмъ от Иудей, царю Агриппо, непщую себе блаженна быти, яко пред тобою отвещати днесь имам: паче же ведца тя суща сведый всех Иудейских обычаев и взысканий: темже молюся ти, долготерпеливно послушати мене* (ст. 1–3). Если бы он сознавал что-нибудь за собой, то, конечно, пришел бы в страх, выходя на суд перед человека, которому известно все; но совесть его чиста, – потому он и не отрекается явиться перед судьей, хорошо знающего дело, а еще радуется и считает себя счастливым. Потом говорит: *молюся ти, долготерпеливно послушати мене.* Так как он намеревался сказать речь продолжительную и говорить о себе, то предварительно высказывает эту просьбу и затем говорит: *житие убо мое же от юности, испервa бывше во языце моем во Иерусалиме, ведят еси Иудеи: ведяще мя испервa, аще хотят свидетельствовати, яко по известней ереси нашея веры жих фарисей* (ст. 4, 5), то есть как я мог сделаться возмутителем, будучи еще так молод и пользуясь свидетельством от всех? Далее подтверждает слова свои, указывая на свою секту: *по известней ереси нашея веры, жих.* И, так как опять иной мог бы сказать: хотя секта достойна уважения, но ты не хорош, – смотри, как он предупреждает такое возражение: призывает в свидетели всех иудеев, знающих его жизнь и обращение. *Ведят*, говорит, *вси Иудеи: ведуще мя испервa, аще хотят свидетельствовати. И ныне, о уповании обетования, бывшего от Бога ко отцем нашим, стою судимъ: в неже обанадесяте колена наша безпрестани день и нощъ служаще надеются дойти: о немже уповании оклеветаемъ есмъ, царю Агрип-*

по, от Иудей. Что? Не верно ли судится вами, яко Бог мертвыя возставляет (ст. 6– 8)? Он предлагает два доказательства воскресения: одно от пророков, хотя не приводит пророчества, а мнение об этом иудеев; другое, и сильнейшее, от дел. Какое же это? То, что с ним беседовал Христос, воскресший из мертвых. Последнее из доказательств подтверждает, рассказывая подробно о своем прежнем заблуждении; об иудеях же отзывается с похвалой: *день и нощь служаще надеются доити.* Следовательно, (говорит), если бы я был и небезукоризненной жизни, то меня не следовало бы судить за это, царь Агриппа. Затем и еще доказательство: *что? Не верно ли судится вами, яко Бог мертвыя возставляет?* Если бы (у иудеев) не было такого мнения, если бы они не были воспитаны в этих учениях и только теперь они были вводимы, то иной мог бы не принять этого учения. Далее говорит, как он гнал (христиан), – и это служит к подтверждению сказанного, – приводя в свидетели первосвященников и чужие города, и как он слышал слова: *жестоко ти есть противу рожна прати* (ст. 14). Потом показывает человеколюбие Божие, как (Господь) явился ему, будучи гоним от него; и не меня только, говорит, облагодетельствовал, но послал меня учить и других.

2. Указывает и на пророчество, которое он слышал: *на се бо явился ти, изимая тя от людей и от язык, к нимже аз тя послю* (ст. 16, 17). Указывая на все это, он сказал: *аз убо мнех, яко подобает ми многа сопротивна противу имене Иисуса Назорея сотворити. Еже и сотворих во Иерусалиме, и многи от святых аз в темницах затворях, власть от архиерей прием: убиваемым же им прилагах совет: и на всех сонмищах множицею мучя их, принуждах хулити: преизлиха же враждуя на них, гонях даже и до внешних градов. В нихже идый в Дамаск со властию и повелением, еже от архиерей, в полудни, на пути видех, царю, с небесе паче сияния солнечного осиявший мя свет и со мною идущих. Всем же падшим нам на*

землю, слышах глас глаголющ ко мне и вещающ Еврейским языком: Савле, Савле, что мя гониши? Жестоко ти есть противу рожна прати. Аз же рех: кто еси, Господи? Он же рече: Аз есмь Иисус, его же ты гониши. Но востани, и стани на ногу твоею: на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидетеля, яже видел еси и яже явлю тебе: изимая тя от людей и от язык, к нимже Аз тя послю, отверсти очи их, да обратятся от тмы в свет и от области сатанины к Богу, еже прияти им оставление грехов, и достояние во святых, верою, яже в мя (ст. 9–18). Смотри, как кротко он беседует; Бог, говорит, сказал мне: *явихся ти, сотворити тя слугу и свидетеля, яже видел еси, и яже явлю тебе: изимая тя от людей и язык, к нимже Аз тя послю, отверсти очи их, да обратятся от тмы, в свет и от области сатанины к Богу, еже прияти им оставление грехов*. Как бы так говорит: этим я убедился, этим явлением. Он обратил меня и убедил так, что я не мог противиться. *Темже, царю Агриппо, не бых противен небесному видению: но сущим в Дамасце прежде и во Иерусалиме и во всякой стране иудейстей и языком проповедую покаятися и обратитися к Богу, достойна покаянию дела творяще* (ст. 19, 20). Если же я и других учу добродетельной жизни, то как, говорит, сам могу быть виновником возмущения и смятения? *Сих ради мя Иудеи емше во святилищи, хотяху растерзати. Помощь убо улучив, яже от Бога, даже до дне сего стою, свидетельствуя малу же и велику, ничтоже вещая, разве яже пророцы рекоша хотящая быта, и Моисей: яко Христос имеяше пострадати, яко первый от воскресения мертвых свет хотяше проповедати людем и языком* (ст. 21–23). Смотри, как речь его чужда лести и как он все приписывает Богу; потом, сколько дерзновения: *даже до дне сего стою,* и твердости: *свидетельствуюсь* пророками, яко *Христос имеяше пострадати, яко первый от воскресения мертвых свет хотяше проповедати.* Как бы так сказал: *Христос первый востав от мертвых ктому уже не умирает* (Рим. VI, 9), как видно из того, что он всем

проповедует это и что они сами с готовностью внимают. Потом Фест, видя, с каким дерзновением он говорит царю, а не обращается к нему, как бы потерпев какую-нибудь обиду, сказал: *беснуешися ли, Павле?* Что он обидевшись сказал это, послушай следующее: *сия же ему отвещавающу, Фист велиим гласом рече: беснуешися ли, Павле? Многия тя книги в неистовство прелагают* (ст. 24). Что же Павел? Он кротко отвечает: *не беснуюся, державный Фисте, но истины и целомудрия глаголы, вещаю* (ст. 25). Потом объясняет причину, почему он обращал свою речь к царю. *Весть бо о сих царь, к нему же и с дерзновением глаголю: утаитися бо ему от сих не верую ничесому же несть бо во угле сотворено сие. Веруеши ли, царю Агриппо, пророком? Вем яко веруеши* (ст. 26, 27). Этими словами он как бы укоряет (иудеев) и говорит им: знаю, что он все знает хорошо, между тем как вам первым следовало бы знать это, — что и выражает замечание: *несть бо во угле сотворено сие,* – но вы не хотели. *Веруеши ли, царю Агриппо, пророком? Вем, яко веруеши. Агриппа же к Павлу рече: вмале мя препираеши Христианина быти. Павел же рече: молил убо бых Бога, и вмале и во мнозе, не токмо тебе, но и всех слышащих мя днесь, быти им тацем, яков и аз есмь, кроме уз сих* (ст. 28, 29). Смотри, как он молится: *молил убо бых,* говорит, *Бога* не *вмале,* то есть чтобы не было этого *вмале;* не просто молится, но усильно: *тацем,* говорит, *быти всем,* не тебе только, но и всем, *яков и аз есмь.* Потом прибавляет: *кроме уз сих;* сказал так не потому, что он тяготился узами иди стыдился их (напротив, он вменял их себе в славу не менее, чем что-либо другое), но применительно к их понятию; поэтому он прибавил: *кроме уз сих.* Но обратимся к вышепрочитанному. *Наутрие же,* говорит (писатель), *вшедшим в судебную палату, и повелевшу Фисту, приведен бысть Павел.* Иудеи отступили от него, когда он перенес дело (на суд кесаря), и тогда представляется ему блистательное зрелище: царь с ве-

ликой пышностью и множество иудеев присутствовали здесь, присутствовали и те и другие. *Множество Иудей,* говорил (Фест), *стужаху ми во Иерусалиме же и зде, вопиюще, яко не подобает жити ему ктому.*

3. Посмотри на их неистовство: они кричали, что ему должно умереть. Отсюда видно, что Павел справедливо перенес дело к кесарю. Если и тогда, как нельзя было сказать против него ничего предосудительного, иудеи неистовствовали, то следовало обратиться к нему. *Яко да разсуждению от вас бывшу имам что писати,* говорит (Фест). Видишь ли, как много раз дело подвергается исследованию? Иудеи были виновниками этого оправдания, которое должно было сделаться известным и находящимся в Риме. *О всех о нихже оклеветаемъ есмъ, царю Агриппо, непщую себе,* говорит (Павел), *блаженна быти, яко пред тобою отвещати днесь имам.* Смотри, как они делаются невольными проповедниками и собственной злобы и Павловой добродетели, и притом перед самим царем. Теперь Павел отправлялся (в Рим) славнее, нежели если бы был свободен от уз. После того, как столько судей признали его невинным, он отправлялся уже не как обманщик и кудесник. Таким образом раскрыв все, где он родился и как воспитан, он отправляется в Рим не просто, но уже чистым от всякого подозрения. Не говорил он: что это? — я уже перенес дело к кесарю, и меня столько раз судят; доколе это будет? Но что? Он опять был готов дать ответ и перед тем, кто наилучшим образом знал дела иудеев. Он защищается теперь с большим дерзновением, так как судьи его не были властны над ним; впрочем, хотя они не были властны над ним и прежнее решение: *к Кесарю пойдеши* оставалось в своей силе, но он дает ответ и подробное объяснение на все, а не так, чтобы на одно отвечал, на другое же нет. А в ответе своем он как бы так говорит: меня обвиняют в возмущении, обвиняют в ереси и в

том, будто я осквернил храм; я могу оправдаться во всем; мою жизнь от юности знают все иудеи; не в моих нравах – производить возмущения; свидетели этому – сами обвинители. Что прежде говорил он: *ревнитель сый отеческих моих преданий* (Деян. XXII, 5, Гал. 1, 14), на то же указывает и здесь словами: *еже от юности житие мое.* Когда присутствовал весь народ, тогда он и призывает их в свидетели. Так он поступает не только на суде у Лисия, но и у Феста, и здесь, где находилось еще более народа; только там не было надобности в продолжительном оправдании, потому что послание Лисия освобождало его от этого. *Ведят*, говорит, *вси Иудеи, ведяще мя испервa.* Не говорит, какова его жизнь, но предоставляет это их совести, и только указывает на секту, выражая, что он не избрал бы ее, если бы был предан порокам и нечестью. Итак *о ереси нашей*, говорит, *стою судимь.* Она уважается и у них, по ней они молятся и просят Бога, чтобы надежды на нее исполнились; эту надежду и я возвещаю и за нее меня обвиняют. Не безумно ли всячески стараться, чтобы она исполнилась, и гнать того, кто в нее верует? Я и сам, говорит, *мнех, яко подобает ми много сопротивна противу имене Иисуса Назорея сотворити,* то есть думал поступать так потому, что был не из числа учеников Христовых, но из врагов Его. Тем достовернее этот свидетель, который употреблял тысячи средств против верующих, внушал злословить их, вооружал (против них) все, – и города и начальников, – и сам делая это, так внезапно переменился. Потом опять свидетели – спутники его. Далее он показывает себя справедливо уверовавшим, что доказывается и явлением света, и пророками, и событиями, и тем, что теперь происходит. *В полудни*, говорит, *на пути видех осиявший мя свет и со мною идущих.* Видишь, как он убеждает их и пророками и самыми событиями. Не желая показаться нововводителем, и между тем имея сказать нечто

великое, он опять обращается к пророкам и приводит их предсказания. Хотя события были достовернее, как ныне происходившие, но так как он один видел их, то опять ссылается на пророков. И смотри: он не одинаково говорит в собрании (иудеев) и в судилище; там он говорил: *вы убили* (Христа, Деян. XIII, 28); а здесь ничего такого не говорит, чтобы еще более не воспламенить гнева их, но указывает на то же самое словами: *яко Христос имеяше пострадати;* так он не касается вины их! То, что я возвещаю, говорит, то есть что Христос первый восстал из мертвых, подтверждаю пророками: и пророки возвещают это. Потому примите это учение, как согласное с пророческим. Сказав о видении, он далее безбоязненно говорит и о делах. О каких? *Отверсти*, говорит, *очи их, да обратятся от тмы в свет, и от области сатанины, к Богу. На се бо явился ти,* то есть не для того, чтобы наказать тебя, но чтобы сделать апостолом.

Смотри, он указывает на то зло, которое обдержит неверующих: на сатану и мрак, и на блага верующих, которые суть: свет, Бог, наследие святых. Увещевает не просто покаяться, но и показать жизнь достойную удивления. И, смотри, везде в речи он упоминает о язычниках, потому что между присутствующими были язычники. *Свидетельствуя*, говорит, *малу же и велику,* то есть и знатному и незнатному. Это он сказал в отношении к воинам. Здесь оставив оправдание, он принимает на себя дело учителя. Потому Фест и сказал ему: *беснуешися.* Но, чтобы показать, что не он сам учит, указывает на пророков, на Моисея: *яко Христос*, говорит, *имеяше пострадати, яко первый от воскресения мертвых свет хотяше проповедати людем и языком.* На это *Фист велиим гласом рече.* Так, это был голос негодования и гнева.

4. Что же Павел? *Несть бо*, говорит, *во угле сотворено сие.* Здесь он говорит о кресте, о воскресении, говорит, что это учение известно по всей вселенной. *Веруеши ли,*

царю Агриппо, – не сказал: воскресению, но: *пророком?* И предупреждая его, продолжает: *вем, яко веруеши.* Агриппа же отвечает ему: *вмале мя препираеши Христианина быти.* По недоразумению, слово: *скоро* Павел принял за слово: *не много не,* потому отвечает и на это; так он был прямодушен! Он не сказал: я не хочу этого, но: *молил бых не токмо тебе, но и всех слышащих,* – так слова его чужды лести! – *молил бых днесь быти всем тацем, яков и аз есмъ, кроме уз сих.* Смотри: тот, кто хвалился узами и выставлял их, как золотую цепь, теперь молится, чтобы не было их. Но не удивляйся этому: слушатели были еще весьма слабы, и речь его была применительна к ним. А что он ценил узы высоко, послушай, как он везде в посланиях ставит их выше всего прочего. Так он говорит: *Павел юзник Иисус Христов* (Еф. III, 1); и еще: *сего ради веригами обложен есмъ, но слово Божие не вяжется* (Деян. XXVIII, 20; 2 Тим. II, 9); и еще: *даже до уз, яко злодей* (2 Тим. II, 9). Смотри: не только *до уз,* говорит, но и прибавляет: *яко злодей,* возвышая этим славу уз. Сугубое страдание, и оттого, что был связан, и оттого, что – как злодей! Если бы он был связан за доброе дело, то это доставляло бы некоторое утешение; а теперь связан, как злодей и как уличенный в тяжких преступлениях; но несмотря на то, он нисколько не заботился об этом. Такова душа, окрыленная небесной любовью! Если питающие в себе постыдную любовь не считают ничего важным и ценным, но у них признается славным и ценным только то, что служит к удовлетворению их страсти, и предмет их любви составляет для них все, то тем более объятые этой любовью ничего не считают ценнее. Не удивительно, если мы не понимаем этих слов: мы так еще неопытны в любомудрии! Подлинно, кто объят огнем Христовым, тот делается таким, каким был бы человек, если бы он жил один только на земле: так мало он заботится о славе и бесславии! Как человек,

живущий один только на земле, не заботился бы ни о чем, так и он не заботится ни о чем. Искушения, наказания, узы он презирает так, как бы претерпевал их в чужом теле, или как бы имел тело адамантовое; а удовольствиям жизни посмевается и бывает так к ним нечувствителен, как мы к телам мертвых, или сами будучи мертвыми. Он так далек от того, чтобы предаться какой-нибудь страсти, как очищенное огнем золото бывает непричастно грязи; как мухи отлетают от огня, чтобы не попасть в него, так и к нему страсти не смеют даже и приблизиться. Хотел бы я привести на это примеры из среды нас самих; но так как мы не в состоянии представить их, то необходимо обратиться к тому же Павлу. Смотри, каков он был в отношении ко всему миру. *Мне мир распяся*, говорит он, *и аз миру* (Гал. VI, 14), то есть я мертв для мира, и он мертв для меня. И еще: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (II, 20). Это мог сказать один только Павел; а мы, которые отстоим от него, как земля от неба, должны скрыться, не смеем и открыть уст своих. Послушай, как он говорит, что он жил как бы в пустыне и так смотрел на все настоящее: *не смотряющим нам видимых, но невидимых* (2 Кор. IV, 18). Что ты говоришь? Не бывает ли на деле противное тому, что ты говоришь? Ведь мы не видим невидимого, а видимое видим. Но у тебя были очи, даруемые Христом. Как наши видят только видимое, а невидимого не видят, так те напротив. Кто видит невидимое, тот не смотрит на видимое; а кто смотрит на видимое, тот не видит невидимого. Не бывает ли нечто подобное и у нас? Так, когда мы, сосредоточив ум, размышляем о чем-нибудь невидимом, тогда глаза наши бывают выше внешних впечатлений. Будем же презирать славу; пожелаем лучше, чтобы над нами смеялись, нежели хвалили нас. Тот, над кем смеются, не терпит никакого зла; а кого хвалят, тот терпит великий вред. Не будем высоко

думать о тех, которые наводят на людей страх, но будем поступать в данном случае, как с детьми. Когда мы видим, что кто-нибудь стращает детей, мы нисколько не удивляемся ему. Он устрашает только детей, а никакого мужа устрашить не может. И как устрашающие детей делают это, или поднимая вверх брови, или как-нибудь иначе извращая лицо, а сохраняя взгляд обыкновенный и кроткий, не могли бы сделать этого, — так и те совершают свое действие, извращая мысленную часть души своей. Человека кроткого и доброго душой не страшится никто; напротив, все мы уважаем его, почитаем и любим. А кто наводит на других страх, тот не видите ли, как бывает ненавистен и отвратителен для всех нас? Не отвращаемся ли мы всего, что только может устрашать нас, будут ли это звери, звуки, взгляды, места, воздух или тьма?

5. Не будем же превозноситься, если люди боятся нас. Во-первых, ни один муж бояться нас не будет; а во-вторых, не великое дело, если и боятся нас. Великое благо — добродетель; и смотри, насколько великое. Обстоятельства, среди которых она приобретается, мы почитаем бедствиями, а ей самой удивляемся и ублажаем ее. И кто не будет ублажать человека любомудрого, хотя бедность и тому подобное почитаются бедствиями? Если же (добродетель) сияет среди того, что почитается бедствием, то смотри на ее превосходство. Человек, ты превозносишься властью? Но какая власть, скажи мне, дана тебе? От людей ты получил власть; доставь же себе власть внутренне, в самом себе. Начальник не тот, кто так называется, а кто таков на самом деле. Как врачом или ритором не может сделать и царь, так и начальником, потому что не грамота и не название делают человека начальником. Пусть, если угодно, кто-нибудь построит лечебницу, соберет учеников, приобретет и инструменты и лекарства, и

будет посещать больных: достаточно ли этого, чтоб быть врачом? Нет; нужно еще искусство, а без него все это не только не приносит никакой пользы, но приносит даже вред. Кто сам не врач, тому лучше и не иметь у себя лекарств, так как кто не имеет их, тот не может ни излечить, ни повредить; а кто имеет, но не умеет пользоваться ими, тот может повредить. Лечение зависит не только от свойства лекарств, но и от искусства, предписывающего их: когда нет его, тогда все извращено. Так и начальник; положим, что он имеет инструменты, то есть голос, гнев, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имеет лекарства – законы, имеет больных – людей (слуг), имеет мастерскую – судилище, имеет учеников – воинов; но если он не знает науки врачевания, то все это не принесет никакой пользы. Судья есть врач душ, а не тел; если же врачевание тела требует такого попечения, то тем более врачевание души, потому что душа важнее тела. Таким образом, носить имя начальника еще не значит быть начальником. Некоторые называются великими именами, как-то: Павлом, Петром, Иаковом, Иоанном; но от этих имен они не делаются тем, чем называются; например, я сам: я ношу одно имя с тем блаженным (апостолом), но я не тоже, что он; я не Иоанн, а только называюсь так. Так и те – не начальники, а только называются так. Бывают начальники и без этого названия, подобно как врач, хотя бы и не прилагал к делу своего искусства, а имел его в душе, есть врач. Начальники – те, которые умеют управлять сами собой. К душе имеют отношение следующие три предмета: дом, город и вселенная; во всем есть постепенность. Кто хочет быть начальником дома и хорошо управлять им, тот прежде всего должен устроить свою собственную душу, потому что она – ближайший его дом. Если же он не в состоянии управлять самим собой, там, где одна душа, где сам он господин,

где он всегда сам у себя, то как он будет управлять другими? Кто мог устроить свою душу и одно в ней сделать господствующим, а другое подчиненным, тот будет в состоянии управлять и домом; кто домом, тот и городом, а кто городом, тот и вселенной. Если же кто не в состоянии управлять своей душой, то как он может править вселенной? Все это сказано мной для того, чтобы мы не превозносились властью, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмешище, рабство, и тысячами других подобных наименований можно бы назвать это. Скажи мне, в самом деле, что свойственно начальнику? Не приносить ли пользу и благодетельствовать подчиненным? Что же, если этого не будет? Как может принесть другим пользу тот, кто не сделал добра самому себе? У кого в душе господствуют бесчисленные страсти, тот как обуздает их в других? Точно также и наслаждение не в том состоит (в чем обыкновенно полагают), но в другом. Как начальником оказывается не тот (кто так называется), а другой, так и наслаждающийся – не тот, кто предается наслаждениям, а некто другой. Думают, будто наслаждение состоит в том, чтобы предаваться удовольствиям и угождать чреву; но не в этом оно состоит, а напротив, в том, чтобы иметь удивительную душу и быть довольным. Пусть кто-нибудь ест, пьет, роскошествует, а потом испытывает уныние и скорбь: можно ли сказать, что он наслаждается? Следовательно, наслаждение состоит не в том, чтобы есть и пить, но в том, чтобы чувствовать довольство. Пусть другой кто-нибудь не имеет ничего, кроме сухого хлеба, но питается им с радостью: не удовольствие ли это, и, следовательно, не наслаждение ли? Посмотрим же, кому оно доступно – богатым или небогатым? Ни тем прямо, ни другим; но тем, которые так устроят свою душу, чтобы не иметь поводов к недовольству. Какая же это жизнь,

может быть, спросит кто-нибудь? Вижу, как все вы обратили внимание и желаете услышать, что это за жизнь, свободная от неудовольствий? Пусть же прежде всего каждый из вас убедится, что в том состоит удовольствие, в том наслаждение, когда недовольство не возмущает меня, когда оно не требует от меня ни мяса, ни вина, ни изысканных яств, ни шелковых одежд, ни роскошного стола. Но если я покажу такую жизнь, чуждую всего этого, то возлюби это удовольствие, такую жизнь. Подлинно, множество скорбей происходит у нас оттого, что мы не рассуждаем об этом, как должно. Кто же более имеет скорбей — тот ли, кто не заботится ни о чем подобном, или кто заботится? Кто боится случайных перемен, или кто не боится? Кто в опасности от зависти, ненависти, клеветы, вражды, недоброжелательства, или кто свободен от всего этого? Кто нуждается во многом, или кто не нуждается ни в чем? Кто раболепствует тысячам, или кто — никому? Кто подчиняется тысячам, или кто независим? Кто боится одного господина, или кто — бесчисленного их множества? Итак, вот в чем состоит высшее удовольствие. Будем же стремиться к этому и не будем пристрастны к благам настоящим; будем презирать все суетное величие настоящей жизни и во всем соблюдать умеренность, чтобы нам беспечально провести эту жизнь и сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIII

И воста царь и игемон, и Верникиа, и сидящии с ними. И отшедше беседоваху друг ко другу глаголюще, яко ничто же смерти достойно или уз творит человек сей, Агриппа же Фисту рече: отпущен быти можаше человек сей, аще не бы Кесаря нарицал (Деян. XXVI, 30—32)

1. Смотри, какой приговор опять произносят. И после того, как было сказано: *беснуешися,* признают его свободным не только от смерти, но и от уз, и совершенно отпустили бы его, если бы он не потребовал суда у кесаря. Но это случилось по усмотрению (Божию), и не только это, но и то, что он отправился в узах. Потому он и сказал: *даже до уз, яко злодей* (2 Тим. II, 9). Если Господь его *со беззаконными вменися* (Мк. XV, 28), то тем более мог он; и как Господь не сделался оттого причастным их бесчестью, так и он: то и кажется удивительным, что, приобщившись им, не потерпел от них никакого вреда. *И якоже суждено бысть отплыти нам во Италию, предаху Павла же и иныя некия юзники сотнику, именем Иулию, спиры Севастийския. Вшедше же в корабль Адрамитский, восхотевше плыти во Асийская места, отвезохомся, сущу с нами Аристарху Македонянину от Солуня. В другий же пристахом в Сидоне,* (XXVII, 1—3). Смотри, до какого места Аристарх сопровождает Павла. Ко благу и к пользе случился здесь Аристарх; он мог рассказать обо всем в Македонии. *Человеколюбие же Иулий Павлови дея, повеле к другом шедшу прилежание улучити. И оттуду отвезшеся приплыхом в Кипр, заме ветри бяху противни* (ст. 3, 4). *Повеле*, говорит, *Иулий, человеколюбие Павлови дея.* Хорошо он поступает, дозволяя (Павлу) сходить к знакомым и получить пособие; вероятно, (Павел) нуждался в этом после многих бедствий от уз, от страха, от беспрестанной перемены мест. Смотри,

как (писатель) не скрывает и того, что он желал получить пособие. Затем опять искушения, опять противные ветры. Смотри, так всегда бывает в жизни святых: избавились из судилища, и подвергаются кораблекрушению и буре. Указывая на это, (писатель) продолжает: *пучину же, яже против Киликии и Памфилии, преплывше, приидохом в Миры Ликийския. И тамо обрет сотник корабль Александрийский пловущь во Италию, всади ны в онь* (ст. 5, 6). *Обрет*, говорит, *корабль Александрийский*. Хорошо это случилось, так что одни могли уведомить о Павле в Азии, а другие в Ликии. Смотри, как Бог не творит здесь ничего особенного и ничего не изменяет, попускает плыть при ветрах противных, но и через это совершает чудо. А чтобы они плыли безопасно, Он не попустил им выйти в море, но они постоянно держались берегов. *Во многи же дни косно плавающе, и едва бывше против Книда, не оставляющу нас ветру, приплыхом под Крит, при Салмоне: едва же избирающе край, приидохом на место некое порицаемое доброе пристанище, емуже близ бе град Ласей. Многу же времени минувшу, и сущу уже не безбедну плаванию, занеже и пост уже бе прешел, советоваше Павел, глаголя им: мужие, вижду, яко с досаждением и многою тщетою, не токмо бремене и корабля, но и душ наших хощет быти плавание. Сотник же и кормчиа и навклира послушаше паче, нежели Павлом глаголемых* (ст. 7–11). О посте говорится здесь, я думаю, иудейском. Ведь они отплыли спустя долгое время после пятдесятницы, и потому к Криту могли прибыть около самой зимы. Немаловажное чудо, что ради Павла были спасены и прочие. *Мужие*, говорит, *вижду, яко с досаждением и многою тщетою, не токмо бремене и корабля, но и душ наших хощет быти плавание.* Таким образом Павел приказывал им остановиться и предсказывал будущее; но они, спеша и видя неудобство местности, хотели перезимовать в Финикии.

2. И смотри домостроительство: сначала они пустили корабль и отплыли; потом, когда поднялся ветер, предались его течению и едва спаслись. *Не добру же пристанищу сущу ко озимению, мнози совет даяху отвестися оттуда, аще како возмогут, достигше Финикии, озимети в пристанищи Критстем, зрящем к Ливу и к Хору. Дхнувшу же югу, мневше волю свою улучити, воздвигше ветрила, плыху вскрай Крита. Не по мнозе же возвел противень ему ветр бурен, порицаемый Евроклидон. Восхищену же бывшу кораблю, и не могущу сопротивитися ветру, вдавшеся носими бехом. Остров же некий мимотекше, нарицающся Клавдий, едва возмогохом удержати ладию: юже востягше, всяким образом помогаху, подтверждающе корабль: боящеся же, да не в сирть впадут, низпустивше парус, еще носими беху. Велми же обуреваемым нам, наутрие изметате творяху. И в третий день своими, руками ядрило корабленое извергохом. Ни солнцу же, ни звездам явлшимся на многи дни, и зиме не мале надлежащей, прочее отымашеся надежда вся, еже спастися нам. Многу же неядению сущу, тогда став Павел посреде их, рече* (ст. 12–21). Смотри, после такой бури, он беседует с ними не для того, чтобы упрекнуть их, но желая, чтобы они хотя на будущее время верили ему. Потому случившееся он приводит в свидетельство истины того, что намеревается сказать. Предсказывает два обстоятельства: то, что они должны будут выйти на остров, и то, что корабль погибнет, а плывущие на нем спасутся (это было не предположение, а пророчество), и что ему надлежало предстать перед кесарем. Слова: *дарова тебе, Бог вся* сказал он не из тщеславия, но желая обратить плывших, сказал не для того, чтобы они благодарили его, но чтобы верили словам его. *Дарова тебе Бог* было сказано Павлу; этим выражается как бы следующее: они достойны смерти, потому что ослушались; но только по твоей милости происходит это. *Многу же неядению сущу*, говорит (писатель), *тогда став Павел посреде их, рече: подо-*

баше убо, о мужие, послушаете мене отвестися от Крита, и избыти досаждения сего и тщеты. И се ныне молю вы благодушствовати: погибель бо ни единой души от вас будет, разве, корабля. Предста бо ми в сию нощь ангел Бога, егоже аз есмь, ему же и служу, глаголя: не бойся, Павле, Кесарю ти подобает предстати: и се дарова тебе Бог вся плавающия с тобою. Темже дерзайте, мужие: верую бо Богови, яко тако будет, имже образом речено ми бысть. Во остров же некий подобает нам пристати. И егда четвертаянадесять нощь бысть, носимым нам во Адриатской пучине, в полунощи, непщеваху корабленицы, яко приближаются к некоей стране. И измеривше глубину обретоша саженей двадесять: мало же прешедше, и паки измиривше, обретоша саженей пятьнадесять. Боящеся же, да не како в прудная места впадем, от носа корабля вергше котвы четыри, моляхуся, да день будет. Корабленикам же ищущим бежати из корабля, и низвесившим ладию в море, изветом аки от носа хотящим котвы простерти, рече Павел сотнику и воинам: аще не сии пребудут в корабли, вы спастися не можете. Тогда воини отрезаша ужя ладии, и оставиша ю отпасти (ст. 21–32). Здесь (писатель) показывает, что корабельщики хотели бежать, не веря сказанному; но сотник с воинами верил; потому Павел и говорит ему: если они убегут, то *вы спастися не можете,* – говорит для того, чтобы удержать их, чтобы предсказание не осталось тщетным. Смотри, как Павел научает их любомудрию, как бы в Церкви, и спасает среди самых опасностей. По смотрению (Божию) они сначала не верили Павлу, чтобы самые события научили их верить, – что и случилось. Затем он убеждает их принять пищу, и они соглашаются; сам принимает первый, внушая не только словом, но и делом, что буря нисколько не повредила им, но еще принесла пользу душам их. *Егда же хотяше день быти, моляше Павел всех, да приимут пищу, глаголя: четыренадесятый днесь день ждуще, не ядше пребываете, ничтоже вкусивше. Темже молю вас при-*

яти пищу: се бо к вашему спасению есть: ни единому бо от вас влас главы, отпадет. Рек же сия, и прием хлеб, благодаря Бога пред всеми, и преломъ начать ясти. Благонадежни же бывше еси, и тии прияша пищу. Бехом в корабли всех душ двесте семьдесят и шесть. Насыщшеся же брашна, облегчиша корабль, изметающе пшеницу в море. Егда же день бысть, земли не познаваху: недро же некое усмотреша имущее песок, в неже, аще мощно есть, совещаша извлещи корабль. И котвы собравше везяхуся по морю, купно ослабивше ужя кормилом: и воздвигше малое ветрило к дышущему ветрецу, везохомся на край. Впадше же в место исопное, увязиша корабль: и нос убо увязший пребысть недвижимъ, кормило же разбивашеся от нужды волн (ст. 33–41).

3. Опять диавол покушается воспрепятствовать исполнению пророчества: воины хотели убить некоторых, но сотник удержал их, чтобы спасти Павла: так он был уже привязан к нему! *Воином же совет бысть, да узники убиют, да не кто поплыв избегнет. Сотник же хотя соблюсти Павла, возбрани совету их, повеле же могущим плавати, да искочивше первее изыдут на край: а прочии, ови убо на дщицах, ови же на нечем от корабля: и тако бысть всем спастися на землю* (ст. 42–44). *Спасени же бывше, тогда разумеша, яко остров Мелитъ нарицается* (XXVIII, 1). Видишь ли, какое благо произошло от бури? Следовательно буря была не вследствие оставления (Божия). Но как, скажут, они переносили ее без пищи, ничего не вкушая? Страх овладел ими и не давал им чувствовать потребности в пище, так как они находились в крайней опасности. Случившееся произошло от времени года; но здесь тем большее чудо, что в такое время спаслись от грозившей опасности как сам (Павел), так через него и прочие. *И воздвигше малое ветрило к дышущему ветрецу, везохомся на край.* Это сказал (писатель), желая показать силу бури, которую они испытали, потому что часто делается не так. Они спустили ветрило, то есть паруса

(это делают тогда, когда бывает сильный ветер) для того, чтобы уменьшить напор ветра. Они потерпели бурю в Адриатическом море, где спастись трудно. *Бехом же в корабли всех душ двесте седмьдесят и шесть.* Откуда было известно, что плыло столько человек? Вероятно, их расспрашивали, зачем кто плывет, и узнали все. Они не ели ничего, потому что им было не до пищи среди столь великой опасности. И смотри, как для Павла не были бесплодны ни медленность, ни бедствия плавания: он сделал это время временем учения; а немаловажное дело, если все эти (люди) уверовали. Но обратимся к вышесказанному. *Многу же времени минувшу, и сущу уже не безбедну плаванию, советоваше Павел, глаголя им: мужие, вижду, яко с досаждением и многою тщетою хощет быти плавание.* Смотри, как он чужд гордости. Чтобы не заметно было, что он пророчествует, а как бы говорит по предположению, сказал: *вижду;* они не поверили бы (пророчеству), если бы он прямо высказал его. И прежде, нежели стал пророчествовать, говорит: *Бог, емуже служу,* – чтобы приготовить их. Неужели же душам надлежало погибнуть? Погибли бы, если бы не спас Бог. По естественному порядку вещей они могли погибнуть, но Бог не попустил этого. *Сотник же,* говорит (писатель), *кормчиа послушаше паче, нежели Павлом глаголемых.* Чтобы очевидно было, что (Павел) говорил не по предположению, кормчий, опытный в деле, говорит противное; следовательно слова (Павловы) были сказаны не по предположению. *Не добру же пристанищу сущу.* Смотри, и местность показывает, что он говорил не по предположению: она была неудобна; скорее те говорили по предположению, которые советовали плыть далее; но никакой пользы от того не произошло; напротив, они подверглись буре и выбросили груз корабля. На это и указывает (писатель), прибавляя: *велми же обуреваемым нам, своими руками ядрило корабельное извергохом.* Все это

попускается для того, чтобы после они не оставались в неверии: поднимается сильная буря, делается великая темнота, а для спасения от погибели выбрасывается и пшеница и все; это именно означают слова: *ядрило корабленое извергохом. Многу же недеянию сущу, Павел рече: подобаше убо, послушаеше мене, избыти тщеты.* Видишь ли, как много содействовали внушению его и буря и темнота? И смотри, как послушен делается сотник: он отсекает лодку и бросает ее. А что корабельщики еще не верили, но поверили только после, не удивляйся этому; они — народ грубый и нескорый на послушание.

Заметь, как и здесь мудро действует Павел; он не укоряет их и не раздражается, но говорит кротко: тако *подобаше.* Он знал, что кто укоряет во время самого бедствия, того не скоро послушают, а когда большая часть бедствия пройдет, тогда скорее послушают. Потому он начинает опять говорить, когда исчезла всякая надежда на спасение; тогда он и предсказывает доброе. *И егда,* говорит (писатель), *четвертаянадесять нощь бысть, боящеся,* моляхуся, *да день будет.* Чтобы кто не сказал, что ничего такого не было, он прибавил эти слова, показывая, что все это было. И страх их доказывает, что это было: молились, говорит, *да день будет, боящеся.* И место было опасное: это случилось в Адриатическом море; и продолжительный был голод: *четыренадесятый днесь день ждуще, не ядше пребываете.* Из всего видно, что они были при смерти. Потому он и продолжает: *молю прияти пищу, се бо к вашему спасению есть,* то есть чтобы вам не умереть с голода, примите пищу. *И прием хлеб,* говорит (писатель), *благодари Бога.*

4. Смотри, как благодарность, возданная им (Богу) за случившееся, не только укрепила их, но и ободрила. *Бехом же,* говорит, *в корабли всех дуги двесте седмьдесят и шесть.* О них и сказал Павел: *погибель ни единой души от вас будет.* Нужно было иметь совершенную уверенность,

чтобы сказать, что они спасутся. *Насыщшеся же брашна, облегчиша корабль, изметающе пшеницу.* Видишь ли: их убеждали только принять пищу, а они во всем так положились на Павла, что выбросили и пшеницу? Впрочем принимают и человеческие меры (к спасению), и Павел не препятствует тому. *Егдаже*, говорит (писатель), *день бысть, ослабиша ужя.* Корабль разрушается днем, чтобы они не умерли от страха, чтобы и ты видел исполнение пророчества. *Воином же совет бысть, да узники убиют.* Видишь ли, как и за это они обязаны благодарностью Павлу. Для него сотник не позволил им умертвить узников. Мне кажется, что здесь были отъявленные злодеи, если (воины) намеревались умертвить их; но так как они были удержаны от исполнения намерения, то этого и не случилось, но одни из них поплыли, другие понеслись на досках, и таким образом все спаслись и пророчество исполнилось, хотя и не чрезвычайное по времени, потому что Павел предсказал это не за несколько лет прежде, но при самом естественном ходе вещей. Когда уже не оставалось никакой надежды, тогда, получив спасение, они и узнали, кто был Павел. Но, скажет кто-нибудь, почему не был спасен и корабль? Чтобы они знали, какой избежали опасности, и как все это было делом не человеческой помощи, но десницы Божией, спасающей и без корабля. Так праведники, хотя бы подвергались буре, хотя бы находились среди моря или пучины, не терпят никакого бедствия, но спасают вместе с собой и других. Если с корабля, бывшего в опасности и потерпевшего крушение, узники спаслись через Павла, то представь, что значит иметь святого мужа в своем доме. Много бурь постигает и нас, и притом гораздо более жестоких, нежели те (на море); но и нас Бог может спасти, если только мы будем слушаться святых, как те (спутники Павла), если будем делать то, что они повелевают. И те спаслись не просто, но когда

привнесли свою веру. Святой, хотя бы был узником, совершает более, чем не узники. И смотри, что здесь случилось: несвязанный сотник имел нужду в связанном (Павле); искусный кормчий получил помощь от некормчего, или лучше – от истинного кормчего. Ведь и Павел управлял не такой ладьей, но церковью вселенной, будучи научен от самого Владыки моря не искусству человеческому, но мудрости духовной. С этим кораблем случается также много крушений, много треволнений, духов лукавства, *внеуду брака, внутрьуду боязни* (2 Кор. VII, 5). Потому он поистине был кормчий. Посмотри и на всю нашу жизнь: не такова ли она? То мы пользуемся милостью Божией, то испытываем бурю, то по собственному неразумию, то по нерадению подвергаемся бесчисленным бедствиям, особенно же потому, что не слушаем Павла, спешим идти туда, куда он не повелевает. Так, он и теперь плывет вместе с нами, только не в узах, как тогда; и теперь внушает и говорит плывущим по этому морю: *внимайте себе: яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас* (Деян. XX, 28, 29); и еще: *в последния дни настанут времена люта: будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы* (2 Тим. III, 1, 2). Это опаснее всех бурь.

5. Будем же пребывать там, где он повелевает, в вере, этой безопасной пристани; будем слушать более его, нежели нашего кормчего, то есть разума; будем делать не то, что внушает этот кормчий, но что предлагает Павел, прошедший тысячи бурь. Не будем ожидать назидания от опыта, но раньше опыта избегать и огорчений и вреда. Послушай, что говорит он: *хотящии богатитися впадают в напасти* (1 Тим. VI, 9). Будем верить ему: ведь видите, что потерпели не верившие ему. Еще в другом месте он внушает, какие бывают кораблекрушения: *нецыи*, говорит, *от веры отпадоша* (1 Тим. I, 19); *ты же пребывай, в нихже научен еси и яже вверена суть тебе*

(2 Тим. III, 14). Будем слушаться Павла; слушаясь его, мы, хотя бы подверглись буре, непременно избавимся от опасности хотя бы четырнадцать дней оставались без пищи, хотя бы потеряли надежду спасения, хотя бы окружены были совершенным мраком, избавимся от опасностей. Представим, что вся вселенная – это корабль; в нем есть преступники, сделавшие множество зол, есть и начальники и стражи, есть праведники, как Павел, и узники, связанные грехами. Если будем слушаться Павла, то и в узах не погибнем, но избавимся от них: Бог вверит ему и нас. Разве, ты думаешь, не тяжкие узы – грехи и страсти? Ими связываются не только руки, но весь человек. Скажи мне в самом деле, когда кто-нибудь, собрав множество имущества, не издерживает и не употребляет его на дело, но хранит у себя, не связан ли он хуже всякого узника нерасторжимыми узами корыстолюбия? Также, кто предает себя судьбе, не связан ли и он узами другого рода? Также, когда верят в приметы, или волшебные значки, когда предаются неразумной похоти и сладострастию, – разве это не хуже всяких уз? Кто же расторгнет эти наши узы? Необходима помощь Божия, чтобы расторгнуть их. И одно что-нибудь из этого может подвергнуть нас опасности; а когда и узы и буря вместе, то представь, сколько здесь опасностей. Подлинно, что не может погубить нас? Голод, буря, злоба спутников, неблагоприятность времени? Но против всего этого устоял славный Павел. Так и мы будем иметь общение со святыми, и не потерпим бури, или лучше, когда и случится буря, у нас будет ведро, тишина и безопасность. Та вдова была в дружбе со святым, и сын ее разрешен от смерти, и она опять получила сына своего живым (4 Цар., IV). Где ступают ноги святых, там не будет ничего прискорбного; а если это и случится, то для испытания и к большей славе Божией. Пусть учащают попирать помост дома твоего

ноги их, и диавол не войдет в него. Это верно. Как там, где благовоние, зловоние не имеет места, так и там, где миро святости, демон существовать не может; там веселье присутствующих, удовольствие и наслаждение душевное. Где терние, там дикие звери; а где странноприимство, там нет тернии: оказанное милосердие острее всякого серпа, сильнее всякого огня уничтожает терние. Не бойся; диавол страшится следов святых, как лисицы — львов. *Праведный*, говорит (Премудрый), *яко лев уповая* (Притч. XXVIII, 1). Введем этих львов в дом свой и все звери обратятся в бегство, хотя они не будут взывать громко, но говорить просто. Не так рычание льва обращает в бегство диких зверей, как молитва праведника прогоняет демонов: лишь только произнес он слово, они уже исчезли. Где ж скажешь, эти мужи? Везде, если будем верить, если будем искать, если будем домогаться. Где ты искал их, скажи мне? Когда ты занимался этим делом? Когда заботился об этом! Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь, — потому что *ищай обретает* (Мф. VII, 8), а не тот, кто не ищет. Послушай о живущих в пустынях; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого в своем доме, поди сам к нему, побудь вместе с ним, посети его жилище, чтобы найти его и получить от него благословение. Великое дело благословение святых! Постараемся же получить его, чтобы, при помощи молитв их, нам сподобиться милости от укрепляющего их Бога, благодатью и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIV

Варвари же творяху не малое милосердие нам: возгнещше бо огнь, прияша всех нас, за настоящий дождь, и зиму. Сгромаждшу же Павлу рождия множество, и возложившу на огнь, ехидна от теплоты изшедши, секну в руку его (Деян. XXVIII, 2, 3)

1. Объясняется, какое человеколюбие оказали иноплеменники. *Возгнещше бо огнь*, говорит (писатель), *прияша всех нас*. Так как не было никакого другого средства к спасению, потому что холод угрожал им смертью, то они разжигают огонь. Потом Павел, набрав хворосту, положил его в огонь, как говорит (писатель) далее: *сгромаждшу же Павлу рождия множество*. Смотри, как он трудится, и чудеса творит везде не просто, но по необходимости: во время бури он пророчествовал, когда представилась причина, а не просто; и здесь опять, собирая хворост и бросая его. Видишь, как он делает все не из тщеславия и не напрасно, а для того, чтобы они спаслись, несколько согревшись. При этом ехидна, вышедши от жара, повисла на руке его; а что она повисла, видно из следующего: *и егда видеша варвари висящу змию от руки его, глаголаху друг ко другу: всяко убийца есть человек сей, егоже спасена от моря суд Божий жити не остави* (ст. 4). Не напрасно попустил (Бог) варварам видеть и говорить это, но для того, чтобы они не отвергли чуда, когда оно совершится. Смотри, какое выражают иноплеменники естественное суждение, как почтительно говорят между собой и не осуждают без всякого основания. Они видят это теперь, чтобы больше удивлялись после. *Той же убо отряс змию во огнь, ничтоже зло пострада. Они же чаяху его имуща возгоретися, или пасти внезапу мертва: на мнозе же чающим, и ничтоже зло в нем бывшее видящим, претворшеся, глаголаху Бога того быти* (ст. 5, 6). Те самые, которые думали, что он *возгорится*, то есть погибнет от

воспаления, видя, что с ним не произошло ничего худого, говорят, что он Бог. Опять воздают ему излишнюю честь, подобно как жители Ликаонии. *Окрест же места оного бяху села первого во острове, именем Поплиа, иже приимъ нас, три дни любезне учреди* (ст. 7). Вот и еще странноприимец, Публий, человек богатый и весьма радушный. Он не видел ничего, но единственно из сострадания к их несчастью, принял их и оказал им услугу. *Бысть же отцу Поплиеву огнем и кровнъм трудом одержиму лежати: к нему же Павел вшед, и помолився, и возложь руце свои нань, исцели его* (ст. 8). Он достоин был благодеяния; потому Павел и исцеляет его, воздавая тем ему за оказанный им прием. *Сему же бывшу, и прочии, имущии недуги во острове том, прихождаху и исцелевахуся. Иже и многими честми почтоша нас, и отвозящимся нам, яже на потребу, вложиша* (ст. 9, 10), то есть дали необходимое для дороги и нам и прочим. Смотри, как они и после избавления от бури не остались беззащитными, но нашли радушный прием из-за Павла; три месяца все они получали там содержание. А что они пробыли там столько времени, послушай, как он объясняет это далее: *по трех же месяцех отвезохомся в корабли Александрийстем, подписаном Диоскуръ, презимевшем во острове. И доплывше в Сиракусы, пребыхом дни три. Оттуду же отплывше, приидохом в Ригию, и по едином дни возвеявшу югу, во вторый день приидохом в Потиолы. Идеже обретше братию, умолени быхом от них пребыти дней седмь, и тако в Рим идохом. И от тамо братия слышавше, яже от нас, изыдоша в сретение наше даже до Аппиева торга и трих корчемниц: ихже видев Павел, и благодарив Бога, прият дерзновение* (ст. 11—15). Смотри, как все это делается для Павла, и потому какое доверие к нему имели узники, воины, сотник. И подлинно, хотя бы они были каменными, и тогда, слушая советы и предсказания, видя его чудотворения и получая через него содержание, они должны были иметь о нем высо-

кое понятие. Заметь, как и он без прекословия принимает правильные суждения и благоразумные мнения, когда они искренни и не происходят от какой-нибудь страсти. Таким образом проповедь достигла уже Сицилии, достигла и Путеол, где они нашли несколько братьев и останавливались у них. Потом другие братья, услышав о них, выходят к ним навстречу; таково было усердие братий, что и узы Павловы не смутили их, но они пошли к нему навстречу. Смотри, как и он испытал при этом некоторое человеческое чувство: *видев* братию, *прият дерзновение.* Тот, кто совершил столько чудес, при виде братий ободрился. Отсюда мы видим, что он по-человечески получал и утешения и огорчения. *Егда же приидохом в Рим,* дозволено бысть *Павлу пребывати о себе, с соблюдающим его воином* (ст. 16). Видишь ли: ему позволено было жить особо? И это немаловажное доказательство того, как много удивлялись ему; его не ставили в числе прочих. *Бысть же по днех трех, созва Павел сущия от Иудеев первыя* (ст. 17). через три дня он созвал знатнейших из иудеев, чтобы они не были предубеждены против него по слухам. Что же общего было у него с ними, тогда как не они готовились обвинять его? Но он не заботился об этом, а желал только научить их и не оставить в неведении о том, что им сказано.

2. Так, иудеи, видевшие столько чудес, гнали, преследовали, а иноплеменники, не видевшие ничего такого, из одного сострадания к несчастью оказали человеколюбие. *Всяко убийца есть*, говорят они, *человек сей.* Не прямо утверждают, но говорят: *всяко,* то есть сколько можно видеть; *и суд*, говорят, *Божий жити не остави его.* Следовательно, они имели понятие о Промысле, и варвары оказались гораздо любомудрее философов. Эти не допускают, чтобы все под луной было управляемо Промыслом, а те думают, что Бог присутствует везде, и что,

хотя бы кто-нибудь (из виновных) избег многого, он не избегнет совершенно наказания. И смотри, они не нападают на него решительно, но оказывают сострадание к несчастью, и не провозглашают вслух всех, а говорят *друг ко другу;* узы внушали им подозрение, потому что те были узники. Да устыдятся те, которые говорят: не благодетельствуй находящимся в темницах! Устыдимся этих иноплеменников; они не знали, кто таковы были узники, а только, сострадая несчастью, помнили, что они люди, и потому оказали им человеколюбие. *На мнозе же чающим им*, говорит (писатель), то есть они долго ждали, что он умрет. А он стряхнул животное в огонь и показал ничем невредимую руку. Увидев это, они удивились и изумились. Чудо совершилось не тотчас, но некоторое время они ждали, чтобы оно не было принято за призрак; следовательно это не был обман или призрак. *Окрест же места онаго бяху села перваго во острове, именем Поплиа, иже приимъ нас, любезне учреди.* Хорошо это сказано, потому что угостить двести семьдесят душ — знак великой любви. Смотри, какая польза от страннoприимства: не по какой-нибудь необходимости и не против воли, но почитая (страннoприимство) драгоценным благом, он угощал их *три дни;* потому справедливо и получает воздаяние, и притом гораздо большее, нежели сколько дал; (Павел) исцеляет отца его, тяжко страдавшего болью в животе, и не только ему, но и многим другим больным доставляет исцеление; а они, в благодарность за это, воздают ему почести и приносят дары. Это выражает (писатель) в следующих словах: *иже и многими честми почтоша нас, и отвозящимся нам, яже на потребу, вложиша.* Не награду он взял, — да не будет, — но здесь исполнилось написанное: *достоин есть делатель мзды своея* (Мф. X, 10). Очевидно, что те, которые так приняли их, приняли и проповедь; он не стал бы беседовать с ними три месяца, если бы они действительно

не уверовали и не явили плодов (веры); это служит ясным доказательством, что здесь было много веровавших. *И отвезохомся в корабли Александрийстем, подписанном Диоскуры, презимевшем во острове.* Это, вероятно, было написано на нем; так они были преданы идолопоклонству! Смотри, как плывущие то останавливаются, то опять спешат. *Павлу же* дозволено бысть *пребывати о себе.* Павел пользовался уже таким уважением, что ему позволено было жить особо; и не удивительно: если и прежде принимали его благосклонно, то тем более теперь. *И возвеявшу югу, во вторый день приидохом в Потиолы. Идеже обретше братию, умолени быхом от них пребыти дней седмь: и тако в Рим идохом. И от тамо братия слышавше, яже о нас, изыдоша в сретение наше даже до Аппиева торга и триех корчемниц.* Они вышли по какому-нибудь опасению, но сами обстоятельства достаточно успокаивают их. Смотри, как спутники Павла во время столь продолжительного плавания не приставали ни к какому городу, но только к острову, где и провели целую зиму; это для того, как я сказал, чтобы они обратились к вере. Дозволено бысть *пребывати о себе с соблюдающим его воином.* Конечно для того, чтобы невозможно было строить против него какие-нибудь козни; там уже нельзя было производить возмущения. Потому воин не столько стерег его, сколько смотрел, чтобы не причинили ему чего-нибудь неприятного; в таком городе, где был царь, и когда дело перенесено было на суд его, не следовало быть беспорядку. Так всегда то, что по-видимому против нас, служит к нашему благу. Воин был стражем Павла. *И созва сущия от Иудеев первыя, и глаголаше к ним;* они же не соглашаются с ним и, услышав от него укоризну, удаляются, не смея сказать ничего, так как здесь уже не позволялось им сделать что-нибудь против него. Удивительно, как все — не только то, что по-видимому служит к нашей безопасности, но и противное тому —

обращается нам во благо. Чтобы убедиться в этом, выслушай следующее. Фараон повелел бросать младенцев в реку (Исх. I, 22). Если бы младенцы не были бросаемы, если бы не было такого повеления фараонова, то Моисей не был бы сохранен и воспитан в царских чертогах. Когда он был скрываем, то не был в чести; а когда был положен (в реку), тогда стал в чести. Это сделал Бог, чтобы явить Свое могущество и мудрость. Иудеянин с угрозой говорил Моисею: *еда убити мя ты хощеши* (Исх. II, 14); но и это принесло ему пользу, случилось по устроению (Божию) для того, чтобы он удостоился видения в пустыне, чтобы исполнилось надлежащее время, чтобы он любомудрствовал в уединении и жил в безопасности. И при всех огорчениях, причиненных ему иудеями, было тоже: он делался еще славнее, подобно как было и с Аароном. На него восстали, но через это сделали его более славным. После того он украшается священнической одеждой, на него возлагается кидар и прочие принадлежности одеяния, так что посвящение его становится несомненным, и после того он делается предметом удивления по своей медной дщице. Впрочем вы знаете эту историю; потому я более и не распространяюсь. Если хотите, обратимся еще выше. Каин убил брата, но тем самым принес ему более пользы. Послушай, что говорит Бог: *глас крове брата твоего вопиет ко мне* (Быт. IV, 10); и в другом месте говорится: *крови, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. XII, 24). Он избавил его от будущей неизвестности, доставил ему большую награду, и все мы узнали, какую любовь имел к нему Бог. Что он потерял, будучи преждевременно предан смерти? Ничего. А что, скажи мне, приобретают те, которые умирают позже? Ничего. Не в том состоит благоденствие, чтобы жить много лет или мало, а в том, чтобы пользоваться жизнью, как должно. Три отрока ввержены были в печь, но через

это сделались более славными; Даниил был ввержен в ров, но через это сделался более знаменитым.

3. Видишь ли, как искушенья всегда служат к великому благу и здесь, а не только там? В несчастье бывает подобное тому, как если бы кто-нибудь стал тростью сражаться с огнем; по-видимому он поражает огонь, но делает его еще светлее и изнуряет самого себя. Так и несчастье бывает для добродетели причиной и поводом к ее прославлению. Когда при несправедливости (других) мы вверяемся управлению Божию, как следует, тогда наши достоинства сияют яснее. Также, когда действует диавол, то подвергающиеся его действию становятся светлее. Почему же, скажешь, с Адамом не случилось этого, а напротив, он подвергся унижению? Ему-то в особенности Бог и устроял все на пользу; если же он пострадал, то сам причинил зло самому себе; и все, что причиняется нам другими, служит к великому нашему благу, а что происходит от нас самих, то не таково. Когда нам причиняют зло другие, то мы скорбим, а когда сами себе, то нет; потому Бог и внушает нам, что претерпевающий несправедливость от другого получает пользу, а претерпевающий от самого себя получает вред, и конечно для того, чтоб мы первое мужественно переносили, а последнего избегали. Но с Адамом, скажешь, было совершенно не так. Для чего же он послушался жены? Почему не отверг совета противного (заповеди Божией)? Ты (Адам) сам был виновен; потому что, если бы виной этого был диавол, то все искушаемые непременно погибали бы; если же они не погибают, то виной (погибели) бываем мы сами. Но в таком случае, скажешь, или все искушаемые не должны уклоняться с правого пути, или, если виной бываем мы сами, должно было погибать и без диавола? Так и бывает; многие погибают и без диавола; не все делает он, а многое бывает и от одного нашего неразумия; и в том,

чему он бывает виной, мы подаем ему повод. Скажи мне, когда диавол овладел Иудой? Когда, скажешь, вошел в него сатана. Но вот, что причиной: *яко тать бе и вметаемая ношаше* (Ин. XII, 6). Он сам открыл ему широкий вход. Следовательно, не диавол полагает начало, а мы сами призываем и принимаем его. Но, скажешь, если бы не он, то зло не было бы так велико? Тогда неминуемо постигало бы нас и наказание; а теперь, возлюбленный, наказания наши легче; если же все злое происходило бы от нас самих, то нас постигало бы наказание невыносимое. Скажи мне, если бы так, как согрешил Адам, он согрешил без постороннего совета, то кто избавил бы его от бед? Но, скажешь, он не согрешил бы. Почему ты говоришь это? Нет, кто был так слаб, неосторожен и удобопреклонен, что принял такой совет, тот легко мог поступить также и без этого. Какой диавол побуждал братьев Иосифа к ненависти? Итак, возлюбленные, если мы сами будем бодрствовать, то диавол сделается виновником нашей славы. Какой вред, например, причинили все козни его Иову? Не говори об этом, скажешь ты; человеку слабому он причиняет вред. Но слабый падает и без диавола. А при его содействии, скажешь, он падает тяжелее? Но легче и наказывается, если он грешит при содействии диавола; не для всех ведь грехов одинаковы наказания. Не будем же обманывать себя; диавол не причиняет нам зла, если мы сами бодрствуем; чаще он пробуждает нас, возбуждает нас. Скажи мне (обратим внимание пока на это): если бы не было диких зверей и непостоянства ветров, ни болезней, ни печалей, ни скорбей и ничего подобного, то чем сделался бы человек? Мне кажется, не подвергаясь ничему такому, он уподобился бы более свинье, чем человеку, стал бы предаваться объедению и пьянству. А теперь заботы и беспокойства — для него упражнение и училище любомудрия, средства доброго воспитания.

Еще: представь, что кто-нибудь воспитывается в царских чертогах, не зная ни скорбей, ни забот, ни беспокойств, не имея случаев ни к гневу, ни к недовольству; пусть делается и исполняется все, чего бы он ни пожелал, и пусть все готовы служить ему: не может ли такой человек сделаться неразумнее всякого животного?

А теперь несчастья и огорчения — как бы оселок, изощряющий нас. Потому-то бедные по большей части бывают умнее богатых, подобно как обуреваемые и поражаемые сильными волнами. Тело, остающееся в праздности и бездействии, бывает болезненно и безобразно, а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бывает благообразнее и здоровее; то же бывает и с душой. Железо, когда лежит, ржавеет, а когда находится в деле, то бывает блестящим; так и душа, — когда она действует; а к действию возбуждают ее несчастья. И способности погибают, если душа остается без действия; а действует она тогда, когда не все готово к ее услугам, потому что она возбуждается к действию противным ей. Если бы не было противного, то не было бы и деятельности; например, если бы все было отделано прекрасно, то искусство не имело бы над чем трудиться; так и (душа, если бы все шло по нашему желанию, не находила бы деятельности), если бы все нам удавалось, была бы бесчувственна. Не видишь ли, как мы приказываем кормилицам не всегда носить детей на руках, чтобы это не обратилось им в привычку и они не сделались слабыми? Потому-то дети, воспитывающиеся на глазах родителей, бывают слабее, так как неблаговременная и неумеренная нежность вредит их здоровью. И умеренная скорбь — благо, и заботы — благо, и бедность — благо; крепкими делают нас и добро и зло; но то и другое обращается нам во вред, когда бывает не в меру; первое расслабляет, а последнее поражает. Не видишь ли, что то же внушал и Христос ученикам Сво-

им (Ин. XVI, 33)? Если же они имели в этом нужду, то тем более мы. Если же мы имеем в этом нужду, то не будем роптать, но радоваться в скорбях. Все это — лекарства, соответствующие нашим ранам, одни горькие, другие сладкие; но те и другие сами по себе, отдельно, были бы бесполезны. Будем же за все это благодарить Бога; Он попускает это не напрасно, но для блага наших душ. В чувстве признательности будем благодарить и прославлять Его, будем мужественно бороться (с бедствиями), помня, что они временны и обращая мысли свои к будущему, чтобы мы могли легко переносить и настоящее, и удостоиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LV

Бысть же по днех трех созва Павел сущия от Иудеев первыя: сшедшимся же им, глаголаше к ним: мужие братие, аз ничтоже противно сотворив людем или обычаем отеческим, узник от Иерусалимлян предан бых в руце Римляном. Иже разсудивше, яже о мне, хотяху пустити, зане ни едина вина смертная бысть во мне. Сопротив же глаголющим Иудеем, нужда ми бысть нарещи Кесаря, не яко язык мой имея в чесом оклеветати. Сея ради убо вины умолих вас, да вижду и беседую: надежды бо ради Израилевы веригами сими обложен есмь (Деян. XXVIII, 17–20)

1. Хорошо и прилично поступает, приглашая знатнейших из иудеев для беседы. Он хотел оправдать и себя и других: себя — чтобы они не обвиняли его, что могло повредить им самим, а тех — чтобы кто не подумал, что все (случившееся) было их делом. Конечно,

распространилась молва, что он предан иудеями; а это могло тронуть их. Потому он немедленно обращает на это внимание и кротко говорит в свое оправдание. И смотри, какими словами он выражет свое оправдание: *мужие братие, аз ничтоже противное сотворив людем или обычаем отеческим, узник от Иерусалимлян предан бых в руце Римляном.* После этого, так как некоторые из слушателей, вероятно, сказали бы: чем доказать, что ты предан без вины? — он присовокупляет: *иже разсудивше, яже о мне хотяху пустити,* и как бы так говорит: свидетели тому римские начальники, которые судили и хотели освободить меня. Почему же не освободили? *Сопротив глаголющим Иудеем,* говорит. Видишь ли, как он смягчает их вины? Если бы он хотел преувеличить, то мог бы сказать гораздо сильнее. Затем присовокупляет: *нужда ми бысть нарещи Кесаря;* все это заслуживает одобрения. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: что же? не для обвинения ли их ты сделал это? — он отклоняет такое предположение, прибавляя: *не яко язык мой имея в чесом оклеветати,* то есть я потребовал суда у кесаря не для того, чтобы обвинять вас, но чтобы избежать опасности. Для вас я *веригами сими обложен есмь.* Я так далек, говорит, от вражды к вам, что даже обложен (для вас) цепями. Что же они? Они были так увлечены его речью, что стали оправдывать не только себя, но и единоплеменников своих, как показывает (писатель), продолжая: *они же к нему реша: мы ниже писания о тебе прияхом от Иудей, ниже пришед кто от братий возвести или глагола что о тебе зло. Молимся же, да слышим от тебе, яже мудрствуеши: о ереси бо сей ведомо есть нам, яко всюду сопротив глаголемо есть* (ст. 21, 22). Как бы так говорят: ни через письмо, ни через людей не сообщили нам о тебе ничего худого; впрочем мы желали бы послушать тебя. А вместе с тем уже наперед высказывают свое мнение, прибавляя: *о ереси бо сей ведомо есть нам, яко всюду сопро-*

тив глаголемо есть. Не сказали: мы противоречим, но: *сопротив глаголемо есть*, — чтобы отклонить от себя осуждение. *Уставивше же ему день, приидоша к нему в странноприемницу множайшии: имже сказаше свидетельствуя царствие Божие, и уверяя их, яже о Иисусе, от закона Моисеева и пророк, от утра даже до вечера. И ови убо вероваху глаголемым, ови же не вероваху* (ст. 23, 24). Видел ли ты, как он не тотчас отвечает им, но назначает день, в который им прийти и слушать; и когда они пришли, говорит из закона Моисеева и пророков. *И ови убо вероваху, ови же не вероваху. Несогласии же суще друг ко другу, отхождаху, рекшу Павлу глагол един: добре Дух Святый глагола Исаием пророком ко отцем нашим, глаголя: иди к людем сим и рцы: слухом услышите, и не имате разумети, и видяще узрите, и не имате видети. Одебеле бо сердце людей сих: и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша: да не како увидят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют и обратятся, и исцелю их* (ст. 25–27). Когда они уходили, не согласившись между собой, тогда он приводит слова Исаии, не для того, чтобы укорить этих (не веровавших), но чтобы утвердить (уверовавших). Какие слова? *Слухом услышите, и не имате разумети*. Видишь ли, как он показывает, что они недостойны прощения, если, имея и пророка, издревле предвозвестившего это, не обратились? А словом: *добре*, выражает, что они справедливо и отвергнуты; язычникам же дано познание этой тайны. Потому нисколько не удивительно, что они противоречили; это предсказано издревле. Потом снова возбуждает в них соревнование, указывая на язычников следующими словами: *ведомо убо да будет вам, яко языком послася сие спасение Божие, сии и услышат. И сия тому рекшу, отыдоша Иудеи,* паки *имуще между собою состязание. Пребысть же Павел два лета исполнь своею мздою, и приимаше вся приходящия к нему, проповедуя царствие Божие, и уча яже о Иисусе Христе, со*

всяким дерзновением, невозбранно. Аминь (ст. 28–31). Здесь (писатель) показывает, как Павел был наконец свободен; в Риме он проповедует невозбранно, между тем как в Иудее встречал препятствия, и оставался там учить в продолжение двух лет.

2. Но обратимся к вышесказаному. *Сея ради убо вины,* говорит (Павел), *умолих вас, да вижду,* то есть для того я хотел этого, чтобы никто не мог обвинять меня и по собственному соображению говорить, будто я, избегнув рук иудеев, прибыл сюда для их обвинения; я прибыл не с тем, чтобы сделать зло другим, но чтобы самому избавиться от зла. *Они же к нему реша: молимся, да слышим от тебе, яже мудрствуеши.* Смотри, как и они выражаются кротко: *молимся*, говорят; а вместе хотят оправдывать и тех; потому и пришли в назначенный день. Это доказывает что они считали себя не совсем правыми и чувствовали робость; если бы они не чувствовали робости, то сошлись бы и тотчас напали бы на него; а теперь, не смея сделать этого, они приходили не вдруг; также и частый приход их доказывает что они чувствовали робость. *И ови убо*, говорит (писатель), *вероваху глаголемым, ови же не вероваху. Несогласии же суще, отхождаху,* то есть уходили те, которые не веровали. Смотри: теперь они не замышляют против него козней, подобно как в Иудее, где они как бы господствовали. Для чего же (Бог) устроил, чтобы он удалился туда, и сказал ему: *потщися и изыди из Иерусалима* (Деян. XXII, 18)? Для того, чтобы обнаружилась и злоба (иудеев), и истина пророчества Христова о том, что они не примут свидетельства, и чтобы все увидели, как он был готов страдать, равно и для того, чтобы и находившиеся в Иудее получили от того утешение; ведь и там он претерпел много бедствий. Если он претерпел это, когда возвещал учение иудейское, то чего они не сделали бы, если бы

он проповедовал славу Христову? Если тогда, когда принимал очищение, был для них несносен, то как они потерпели бы его, если бы он предлагал проповедь? В чем вы обвиняете его? Что вы слышали от него? Ничего такого он не сказал: только явился, и все восстали на него. Потому справедливо спасение передано язычникам, справедливо он послан далеко, чтобы там говорить язычникам. Но, смотри, и здесь он наперед призывает иудеев, и объяснив им дело, потом уже обращается к язычникам. Выражение: *Дух глагола* нисколько не удивительно; (иногда) и ангелу приписывается то, что сказал Господь. *Добре глагола*, говорит, *Святый Дух;* здесь так, а в другом месте иначе. Иногда и о словах ангела не говорят: хорошо сказал ангел, но: хорошо сказал Господь. *Добре Дух глагола:* как бы так говорит: не мне вы не веруете, но Духу; Бог издревле предвидел это. *Иже разсудивше*, говорит, яже о *мне, хотяху пустити;* то есть не найдя во мне ничего достойного осуждения, хотели освободить меня; тогда как иудеям следовало отпустить меня, они предали меня в руки римлян, и такова была дерзость их, что даже и эти, хотя не могли ни в чем обвинить меня, оставили меня связанным. *Нужда ми бысть*, говорит, *нарещи Кесаря, не яко язык мой имея в чесом оклеветати,* то есть я сделал это не для того, чтобы другим причинить зло, но чтобы себя избавить от зла, и не по своей воле, но будучи вынужден. Смотри, какой любви исполнены слова его: не считает себя чужим, но близким к ним, говоря: *язык мой;* опять внушает учение (любви). Не сказал: не клевещу, но: не *имея в чесом оклеветати,* хотя потерпел от них столько худого. Не напоминает им ни о чем подобном, чтобы не сделать слов своих тягостными для них; впрочем и не льстит им, и потому не (прямо) говорит, но только намеком и мимоходом, так как главным образом он хотел выразить то, что иудеи предали его рим-

лянам, как узника. Им следовало осудить тех (иудеев), следовало обвинить; а они оправдывают их, но оправданием своим обвиняют самих себя. *Ведомо есть нам*, говорит, *яко всюду сопротив глаголемо есть*. Правда, бывает и это, но также и принимаете веру повсюду. *Имже сказаше*, говорит (писатель), *от закона и пророк*. Смотри, как он опять заграждает им уста не знамениями, но словами из закона и пророков, как он делал везде; хотя он мог сотворить знамения, но и тогда они не поверили бы; а и то великое знамение – говорить из закона и пророков. Затем, чтобы не показалось странным, что они остались неверующими, он присовокупляет и пророчество: *слухом услышите*, говорит, и *не имате разумети*, – еще более теперь, нежели тогда, – и *узрити, и не имате видети*, – еще более теперь, нежели тогда. Это сказано к неверовавшим, и не укорять он хотел, а предотвратить соблазн. *Ведомо убо да будет вам*, говорит, *яко языком послася спасение Божие, сии и услышат*. Для чего же ты говоришь нам? Разве ты не знал этого? Знал; но я говорю в свое оправдание, чтобы убедились и никто не имел предлога (к обвинению меня). *Пребысть же Павел*, говорит (писатель), *два лета исполнь, уча со всяким дерзновением, невозбранно*. Прекрасно он прибавил это, потому что можно учить с дерзновением, но и с препятствиями; а Павлову дерзновению ничто не препятствовало; он говорил невозбранно. *Пребысть же*, говорит, *Павел два лета исполнь своею мздою:* так он был умерен, или лучше, так во всем подражал своему Учителю, что имел и жилище не на чужой счет, но на счет того, что сам вырабатывал; это именно означают слова: *своею мздою*. А что Господь не имел и жилища, послушай, как Он сам в ответ сказавшему необдуманно: *иду по тебе, аможе аще идеши*, говорит: *лиси язвины имут, и птицы небесныя гнезда, сын же человеческий не иматъ, где главы под-*

клонити (Мф. VIII, 19, 20). Так собственным примером Он учил не искать ничего и не слишком прилепляться к предметам житейским. *И приимаше*, говорит, *приходящия к нему, проповедуя царствие Божие.* Смотри: он не говорил ничего о настоящем, но все о царствии Божием. Видишь ли благоустроению Божие? Этим писатель оканчивает свое повествование и оставляет жаждущего слушателя, чтобы остальное он дополнил собственным умозаключением. Так делают и внешние (языческие) писатели, потому что знание всего может располагать к лености и небрежности. Так и он делает, не говорит о последующем, считая это излишним для тех, которые внимательно читают написанное и из сказанного научаются дополнять остальное. Конечно, каково было прежнее, таково же было и последующее. Впрочем, послушай, что сам (Павел) говорит о последующем в послании к Римлянам: *яко аще пойду во Испанию, прииду к вам* (XV, 24).

3. Видишь ли, как все предвидела эта святая и божественная глава, этот муж, высший небес, имеюший душу способную обнимать все, первоверховный Павел? Одного имени его знающим достаточно для того, чтобы возбудить душу к бодрствованию, чтобы прогнать всякий сон. Рим принял его связанного, прибывшего по морю, спасшегося от кораблекрушения, и — избавился от треволнений заблуждения. Как бы какой царь, бывший в морском сражении и победивший, он вошел в царственный город. Об этом он говорит в послании: *прииду и упокоюся с вами в исполнении благословения благовестия* (Рим. XV, 29, 32); и опять: *гряду во Иерусалим служай* (Рим. XV, 25); это тоже, что говорил прежде: *приидох сотворити милостыни во язык мой* (Деян. XXIV, 17). Он был уже близок к венцу; Рим видел его связанным, и (потом) увидел увенчанным и прославленным. То он

говорил: *упокоюся с вами;* то: *гряду во Иерусалим служай.* Последнее было началом нового течения; неутомимый, он прилагал трофеи к трофеям. Коринф имел его у себя два года, Азия – три, этот (Рим) – теперь два, а потом он пришел туда во второй раз, когда и скончался. *В первый мой ответ*, говорит он, *никтоже бысть со мною* (2 Тим. IV, 16). Таким образом теперь он не подвергся смерти, а потом, когда наполнил проповедью всю вселенную, разрешился от жизни. Ты хотел бы знать последующее? Оно таково же, каково и предыдущее: узы, страдания, борьба, темничное заключение, козни, клеветы, ежедневная смерть. Ты видел малую часть (дел) его? Представь такой же и остальную. Как небо, в какой бы мере ты ни видел его, все точно таково же, увидев одну часть неба, куда бы ты ни пошел, увидишь его таким же везде; или как по лучам солнца, хотя бы ты видел их отчасти, можешь заключать о том, каково солнце, – так и в отношении к Павлу. Ты видел дела его отчасти; все они таковы же, исполнены бедствий. Этот муж – небо, вмещавшее в себе Солнце правды, а не это солнце; потому и сам он выше неба. Разве этого мало? Не думаю. Когда ты называешь апостола, все тотчас разумеют его, подобно как при имени Крестителя тотчас (разумеют) Иоанна. Чему можно уподобить слова его: морю или даже океану? Ничто не может сравняться с ними. Потоки их гораздо обильнее, чище и глубже моря, так что не погрешил бы, кто назвал бы сердце Павла и морем и небом, небом по чистоте, морем по глубине. Это – море, не из города в город переселяющее плывущих по нему, но от земли на небо. Кто плывет по этому морю, тот будет плыть при попутном ветре. На этом море не ветры, но вместо ветров Святой Дух Божий сопровождает плывущие души. Здесь нет волн, нет подводных камней, нет зверей, здесь все тихо.

Это – море, спокойнейшее и безопаснейшее всякой пристани, не имеющее ничего горького, но заключающее в себе источник чистый и источающий сладчайшие потоки, прозрачнейший и светлейший солнца; море, содержащее в себе не драгоценные камни и не пурпур, но сокровища гораздо лучшие. Кто хочет погрузиться в это море, тому не нужны ни орудия плавания, ни елей, но любомудрие, и тот найдет в нем все блага царствия небесного; тот может сделаться царем, приобрести весь мир и быть в величайшей чести. Кто плывет по этому морю, тот никогда не подвергнется кораблекрушению, но будет хорошо распознавать все. Но как неопытные утопают в обыкновенном море, так и здесь, – что и случается с еретиками, покушающимися на то, что выше сил их. Потому нужно знать эту глубину, или не дерзать (погружаться в нее). Если мы хотим плыть по этому морю, то должны быть крепко препоясаны. *Не могох*, говорит он, *вам глаголати яко духовнъм, но яко плотянъм* (1 Кор. III, 1). Никто, неспособный к терпению, пусть не плывет по этой глубине. Приготовим себе корабли, то есть усердие, ревность, молитвы, чтобы безопасно пройти эту глубину; ведь эта вода есть вода живая. Как имеющий у себя закаленную сталь, так и знающий Павла бывает силен; как владеющий острым мечом, так и этот бывает неприступен. Но чтобы уразуметь Павла, для этого нужна чистая жизнь; потому он и говорил: *бысте требующе млека, понеже немощна бысте слухи* (Евр. V, 11, 12). Бывает, подлинно бывает и немощь слуха. Как желудок не может принимать здоровой и твердой пищи, когда он слаб, так и душа надменная и раздражительная, делаясь бессильной и расслабленной; не может принимать духовного слова. Послушай, что говорили ученики: *жестоко есть слово сие: кто может его послушати* (Ин. VI, 60)? А когда она здорова и

крепка, тогда все для нее легко, все удобно; делаясь возвышенной и легкой, она более и более устремляется горе и достигает высоты. Зная это, будем сохранять душу свою здоровой, будем соревновать Павлу, будем подражать этой доблестной и адамантовой душе, чтобы, шествуя по следам его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благ, обетованных живущим достойно Христа, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

БЕСЕДА I

Павел апостол Иисус Христов волею Божиею, и Тимофей брат, сущим в Колоссаех святым и верным братиям о Христе, благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Кол. I, 1, 2)

1. Все послания Павла святы; но те, которые он писал, находясь в узах, – каковы к эфесянам, к Филимону, к Тимофею, к филиппийцам, и каково это настоящее, – заключают в себе что-то более; а и это он послал, находясь в узах, как сам говорит: *еяже ради и связан есмь, да явлю ю, якоже подобает ми глаголати* (Кол. IV, 4). Но это послание, кажется, позднее послания к римлянам; последнее писал он, еще не видавши римлян, а это, когда уже видел их и приближался к концу проповеднического служения, что очевидно из следующего: в послании к Филимону он говорит: *таков сый, якоже Павел старец* (Флп. 9), и просит об Онисиме; а в этом посылает самого Онисима, как говорит: *со Онисимом верным и возлюбленным братом* (Кол. IV, 9), называя его верным, возлюбленным и братом. Потому в этом послании выражается уверенно: *от упования благовествования, еже слышасте, проповеданное всей твари поднебесней* (Кол. I, 23),

так как проповедь уже имела время. Послание же к Тимофею, думаю, написано позднее этого, оно написано перед самой кончиной, так как в нем говорит: *аз бо уже жрен бываю* (2 Тим. IV, 6). Но все же оно старше послания к филиппийцам, так как в нем является он при начале уз в Риме. Почему же я говорю, что эти послания заключают в себе нечто более? Потому, что он писал их, находясь в узах. Как писал бы мужественный воин с поля битвы, на котором он поставил трофеи, так делает и он. Он сам знал, что это – дело великое. Так, пиша к Филимону, он говорит: *егоже родих во узах моих* (Флп. 10). И это сказал, чтобы мы не только не унывали в бедствиях, но и радовались. При этом был с ними Филимон, потому что и там говорит: *и Архиппу совоинственнику нашему* (Флп. 2), и тут: *рцыте Архиппу* (Кол. IV, 17). Мне кажется, что ему поручено было какое-либо церковное дело. Павел не видел ни их, ни римлян, ни евреев, когда писал к ним. О последних упоминает он во многих местах, а о тех – послушай, что говорит: *и елицы не видеша лица моего во плоти* (Кол. II, 1), и опять: *аще бо и плотию отстою, но духом с вами есмь* (Кол. II, 5). Он знал, что его присутствие везде весьма важно, а потому, и не находясь у них, он всегда представлял себя как бы находящимся: так, смотри, когда он наказывает блудника, он представляет себя на судилище: *аз убо аще,* говорит, *не у вас сый телом, ту же живый духом, уже судих, яко тамо сый* (1 Кор. V, 3); и опять: *прииду к вам и уразумею не слово разгордевшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19); и опять: *не якоже в притиствии моем точию, но много паче во отшествии моем* (Флп. II, 12). *Павел апостол Иисус Христов волею Божиею.* Нужно сказать и о содержании, какое мы находим в послании. В чем же состоит оно? (Колоссяне) приводимы были к Богу через ангелов, держались многих иудейских и языческих обычаев: (в послании) это исправляется. Для того (Па-

вел) в самом начале говорит: *волею Божиею*, причем опять употребил (через). *И Тимофей брат*. Следовательно, и он был апостол; вероятно, знали и его. *В Колоссаех святым*. Колоссы был город фригийский и, как известно, недалеко отстоял от Лаодикии. *И верным братиям о Христе*. Как, скажи мне, ты сделался святым? Почему называешься верным? Не потому ли, что освятился смертью Христа? Не потому ли, что веруешь во Христа? Как ты стал братом? Ведь ни в деле, ни в слове, ни в подвиге ты не показал себя верным: почему же, скажи мне, вверены тебе такие тайны? Не ради ли Христа? *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего*. Откуда вам благодать? Откуда мир? *От Бога Отца нашего*, говорит. Но имени Христа он не вносит сюда. Спрашиваю хулителей Духа: откуда Бог Отец рабов? Кто (из рабов) совершил столь великие дела? Кто сделал тебя святым? Кто – верным? Кто – сыном Божиим? Соделавший тебя достойным веры, – тот сам и виновник того, что тебе вверено.

2. Верными мы называемся не потому только, что веруем, но и потому, что Бог вверил нам тайны, которых прежде нас и ангелы не знали. Впрочем Павел полагает это безразлично. *Благодарим Бога Отца Господа нашего Иисуса Христа*. Мне кажется, он все относит к Отцу, так чтобы не вдруг обратить к ним слово. *Всегда о вас молящеся* (ст. 3). Он показывает любовь свою к ним не только благодарением, но и непрестанной молитвой, потому что и кого не видел, и тех всегда имел в себе. *Слышавше веру вашу, яже во Христе Иисусе*. Выше упомянул о Господе нашем, а здесь об Иисусе Христе. Сам Он – Господь, говорит он, – не (сказал): рабы Иисуса Христа, – и вот знамения благодеяния: *Той бо спасет люди своя от грех их* (Мф. I, 21), сказал (евангелист). *Слышавше веру вашу, яже во Христе Иисусе, и любовь, юже имате ко всем святым* (ст. 4). Павел уже располагает

их к себе; тот, кто возвещает это, бывает приятен. Послание отправляет он с Тихиком, которого удержал у себя. *И любовь,* говорит, *юже имате ко всем святым,* — а не к некоторым только, — следовательно и к нам. *За упование отложенное вам на небесех:* говорит о будущих благах. Это — против искушений, чтобы успокоения не искать здесь. А иначе кто-нибудь сказал бы: что пользы любить святых, когда они бедствуют? Мы радуемся, говорит, что вы стяжали себе великие (блага) на небесах. *За упование отложенное:* указывает на нечто безопасное. *Еже прежде слышасте в словеси истины.* Это — укорительное слово для них за то, что, имея с давнего времени, они изменили. *Еже прежде слышасте,* говорит, *в словеси истины благовествования* (ст. 5). И истину свидетельствует словом — справедливо, потому что лжи в нем нет. *Благовествования:* не говорит — проповеди, но называет благовествованием, непрестанно напоминая им о благодеяниях Божиих, и самое напоминание им об этом делает, сперва похвалив их. *Сущаго в вас, якоже и во всем мире.* Здесь уже (Павел) говорит приятное им. *Сущаго в вас* — сказано метафорически: не то, что пришло оно, говорит, и удалилось, но там остается и пребывает. Потом, так как многие тогда особенно утверждаются в учении, когда имеют многих союзников, то и прибавляет: *якоже и во всем мире.* Оно везде присуще, везде владычествует, везде стоит. *И есть плодоносно и растимо, якоже и в вас.* Плодоносно оно делами, растимо — тем, что многих принимает, что более утверждает; ведь и растения тогда бывают густы, когда растение стоит твердо. *Якоже и в вас.* Похвалами (Павел) наперед овладевает слушателем, чтобы он не удалился против воли. *От негоже дне слышасте.* Удивительно, что вы скоро пришли и уверовали и тотчас в самом начале показали плоды. *От негоже дне слышасте, и разуместе благодать Божию во истине* (ст. 6), — не в речи, не в обмане, а в самых делах.

Это выражает он словом: *плодоносно,* то есть богато знамениями и чудесами, которые вы тотчас приняли, как скоро познали благодать Божию. А что тотчас показывает свою силу, тому разве не тяжело не верить? *Якоже и уведесте от Эпафраса возлюбленнаго соработника нашего:* он, вероятно, там проповедовал, — от него узнали вы Евангелие. Потом, показав, что этот муж достоин доверия, говорит: *соработника нашего. Иже есть верен о вас служитель Христов, иже и яви нам вашу любовь в Дусе* (ст. 7–8). Не сомневайтесь, говорит, касательно будущей надежды, — видите, что вселенная обращается. И нужно ли говорить, что происходит у других? Помимо этого, и происходящее у вас достойно веры, — потому что *разуместе благодать Божию в истине,* то есть в делах. Этими двумя (вещами) утверждается будущее — тем, что все уверовали, и тем, что — вы. И не иное произошло, а иное говорил Эпафрас, — нет, говорит, — он *есть верен,* то есть истинен. Но почему он — *служитель о вас?* Потому, что пошел (к Павлу): *иже и яви нам,* говорит, *вашу любовь в Дусе,* то есть духовную любовь к нам. Если же он — служитель Христов, то как вы говорите, что приведены через ангелов? *Иже и яви нам,* говорит, *вашу любовь в Дусе:* это любовь дивная и твердая, тогда как другие носят только имя любви. Некоторые бывают не таковы; но это — не дружба, а потому и легко расторгается.

3. Много есть случаев приобретать дружбу; о постыдных мы теперь упоминать не будем, — никто ведь не станет возражать против того, что они дурны, но, если хотите, выведем наружу случаи естественные и житейские. Житейские бывают, например, те, когда кто-либо получает (от другого) нечто доброе, приобретает друга от предков, разделяет с кем-нибудь трапезу или путешествие, либо живет в соседстве. Хороши и эти случаи. К ним относится также одинаковость занятий, хотя тут не бывает искренности, тут — место рев-

ности и зависти. Естественные же случаи дружбы, — например, отца к сыну, сына к отцу, брата к брату, деда к внуку, матери к детям, — прибавим, если угодно, и жены к мужу, потому что все случаи брачные принадлежат к числу житейских и земных. Последние кажутся сильнее первых; говорю — кажутся, потому что часто преодолеваются первыми: иногда друзья (по житейским отношениям) бывают искреннее расположены, чем братья (к братьям) и сыновья к отцам; иной, и состоя в родстве, не поможет, а иной, не будучи и знаком, придет и поможет. Но любовь духовная — выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, владычествует над своими, и потому блистательнее (их) одета; ничто земное не рождает ее, как ту, — ни привычка, ни благодеяние, ни природа, ни время; она нисходит свыше, с небес. И что удивительного, если для своего существования она не имеет нужды в благодеянии, если и от злостраданий не гибнет. А что она более той, выслушай слова Павла: *молилбыхся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей* (Рим. IX, 3). Какой отец пожелал бы (ради детей) быть в несчастии? И опять: *разрешитися и со Христом быти много паче лучше: а еже пребывати во плоти нужнейше есть вас ради* (Флп. I, 23, 24). Какая мать решилась бы сказать это, выражая пренебрежение к детям? И опять послушай, что говорит: *осиротевше бо от вас ко времени часа, лицем, а не сердцем* (1 Фес. II, 17). Там отец, будучи оскорблен, прекращает дружбу; а здесь не так, здесь он идет к побивавшим его камнями, с целью благодетельствовать им. Нет ничего, подлинно ничего столь крепкого, как узы духа. Кто становится другом, получая благодеяния, тот, если они не будут непрерывны, сделается врагом; кто стал неразлучен по привычке, тот, когда привычка прервется, погашает дружбу. Жена, когда (между супругами) происходит драка, оставляет мужа и прекращает любовь; сын, когда видит,

что отец его долго живет, начинает тяготиться. Но в любви духовной нет ничего такого; она ничем таким не разрушается, так как и состав ее не таков. Ни время, ни долгий путь (жизни), ни злострадание, ни выслушивание неприятностей, ни гнев, ни оскорбление, – ничто не проникает в эту любовь и не может разрушить ее. Знай, что Моисей побиваем был камнями (от евреев) и просил за них (Исх. XVII). Какой отец сделал бы это за (сына), бросившего в него камень? Напротив, не напал ли бы он на него сам? Этой-то дружбы духовной должны мы искать, потому что она крепка и неразрывна, а не (дружбы) застольной, которую туда (в жизнь духа) и вводить возбраняется. Послушай, в самом деле, что говорит Христос в Евангелии: *не зови другов твоих, ни сосед твоих, егда сотвориши обед, но маломощныя и хромыя* (Лк. XIV, 12, 13). И это справедливо, – потому что за них (назначена) великая награда. Но ты не можешь, ты не в силах пировать с хромыми и слепыми, ты почитаешь это тяжелым и скучным. Не следовало бы, конечно (избегать этого); впрочем в этом нет необходимости: если уже ты не сажаешь их с собой, то посылай к ним кушанья со своего стола. Ведь кто пригласил друзей, тот не сделал ничего великого, и здесь уже получил награду; а кто приглашает маломощного и бедного, тот имеет своим должником Бога. Итак, мы должны скорбеть не о том, что не получаем здесь (воздаяния), а о том, что получаем, потому что там уже не получим. Или, что то же, если человек воздаст, Бог не воздаст; а если не воздаст человек, воздаст Бог. Постараемся же благодетельствовать не тем, которые могут воздать нам, и благодетельствовать не с такими надеждами: это – холодный расчет. Если приглашаешь друга, то приобретаешь благодарность до вечера, следовательно эта временная дружба истрачивается скорее издержек; если же зовешь бедного и маломощного, то благодарность ни-

когда не гибнет, потому что (в этом случае) ты имеешь должником Бога, который всегда помнит и никогда не забывает. И как велика, скажи мне, мелочность души — не смочь посидеть с бедными! Что говоришь ты? Бедный нечист, грязен? Так умой его, и потом веди за свою трапезу. У него изорванная одежда? Перемени же ее и дай ему чистое платье.

4. Не видишь ли, сколько тут пользы? Через него приходит к тебе Христос, и ты из-за него уничижаешь Христа? Приглашая к трапезе Царя, ты в лице бедных боишься Его? Пусть будут поставлены два стола, и один будет полон этими — слепыми, сгорбленными, хромыми, не имеющими то руки, то голени, не обутыми, покрытыми только верхней одеждой, да и то изорванной; а за другим пусть сядут вельможи, военачальники, местоблюстители, великие правители, облеченные дорогими одеждами и тонкими тканями, и опоясанные золотыми поясами. Опять, там — на трапезе бедных пусть не будет ни серебра, ни изобилия вина, а лишь сколько нужно, чтобы развеселить человека, кубки же и прочие сосуды пусть будут только стеклянные; напротив здесь — на трапезе богатых все сосуды пускай будут из серебра и золота, а полукруглый стол пусть будет такой, что одному нельзя будет и снести его, и только два прислужника едва смогут его двинуть, пусть и чаша будет вызолоченная, весом в полталанта, так чтобы с трудом могли нести ее два юноши, пускай также стоит здесь целый ряд амфор, блестящих не серебром, но гораздо лучше — золотом, и полукруглый стол пусть будет весь накрыт мягкой скатертью. Опять — здесь пускай стоит много слуг, разукрашенных нарядами не меньше, чем возлежащие, и пусть будут они блистательно одеты, в широких шароварах, прекрасны видом, цветущи возрастом, сильные и полнотелые; а там пускай стоят только два служителя, поправшие вся-

кую пышность. И перед этими пусть будет поставлено много дорогих кушаний, а перед теми лишь столько, сколько нужно для утоления голода и подкрепления (человека). Довольно ли сказал я? Надлежащим, ли образом приготовлены обе трапезы? Нет ли в чем недостатка? Не думаю; я коснулся и гостей, и многоценности сосудов, и убранств, и яств. Впрочем, если что и пропустили мы, то пропущенное найдем в дальнейшей речи. Итак, когда та и другая трапеза получила у нас приличный вид, – посмотрим, где вы возляжете. Я-то пойду туда, где сидят слепые и хромые; а многие из вас изберут, быть может, эту торжественную и блестящую трапезу военачальников. Посмотрим же, которая исполнена большого удовольствия. Будущего мы не станем еще исследовать, потому что в будущем-то преимуществует моя. Почему? Потому что за ней будет возлежать Христос, а за этой – люди, за той Владыка, а за этой – рабы. Но об этом пока не будем говорить, а посмотрим, за которой трапезой больше удовольствия в настоящем. И с этой стороны удовольствие (сидеть с бедными) более велико: возлежание за трапезой с царем приносит конечно больше удовольствия, чем возлежание с рабами; но исключим это и исследуем дело само по себе. Я и другие, вместе со мной избравшие эту трапезу, с большой свободой и смелостью будем обо всем говорить и слушать друг друга; а вы, страшась и трепеща, и стыдясь совозлежащих, не дерзнете даже протянуть руку, точно пришли не на обед, а в школу, и точно трепещете перед жестокими господами. Не так бывает у тех. Но какая великая честь, скажешь ты! Да, я пользуюсь большей честью. Ваше ничтожество тогда-то резко и обнаруживается, когда, принимая участие в этой трапезе, вы говорите рабски, потому что раб тогда-то особенно и является рабом, когда возлежит за трапезой с господином. Находясь там, где ему не следует быть, он

через это сближение не столько получает чести, сколько подвергается унижению, — тогда именно он и бывает очень унижаем. И раба увидишь ты славным, когда он сам по себе, и бедного славным, когда он сам по себе, а не тогда, когда идет рядом с богатым. Низкое тогда является низким, когда стоит подле высокого: от сравнения низкое становится ниже, а не выше. Таким же образом возлежание с теми за трапезой ничтожнее делает вас, а не нас. Мы имеем преимущество перед вами в двух отношениях, в свободе и чести, с которыми, когда дело идет об удовольствии, ничто сравниться не может. Лучше соглашусь я питаться хлебом, наслаждаясь свободой, чем многочисленными кушаньями, терпя рабство. *Лучше,* говорит (Премудрый), *учреждение от зелий с любовию и благодатию, нежели представление тельцев со враждою* (Притч. XV, 17). Ставшие в ряд нахлебников или сделавшиеся еще хуже их, что ни говорили бы, необходимо должны либо хвалить присутствующих, либо оскорблять их. Они, хотя со стыдом и досадой, все же имеют смелость говорить; а у вас нет и этого. Таково ваше ничтожество: вы боитесь и ползаете, а чести никакой. Итак, та трапеза лишена всякого удовольствия; а эта напротив исполнена всяческой утехи.

5. Но исследуем и самое свойство кушаний. Там, хотя и не хочешь, по необходимости вредишь себе множеством вина; а здесь, кто не желает, может не есть и не пить. Таким образом там и предшествующее чувство унижения, и последующая за пресыщением тягость уничтожают удовольствие, возбуждаемое качеством кушаний. А действительно, пресыщение не менее, чем голод, даже гораздо сильнее, разрушает тела и подвергает их болезням. Дай мне кого хочешь, я скорее расторгну его пресыщением, чем голодом: бесспорно последний сноснее первого. Голод можно перенести дней двадцать; а пресыщения не перенести и два дня. Непре-

станно борясь с голодом, поселяне пользуются здоровьем и не нуждаются во врачах; а этого, разумею пресыщения, не могут выдержать и те, которые то и дело призывают врачей, или, лучше сказать, тиранство его часто посрамляет их помощь. Итак, что касается до удовольствия, – трапеза бедных имеет преимущество. Если быть в чести приятнее, чем в бесчестии, иметь власть приятнее, чем подчиняться, сохранить смелость приятнее, чем трепетать и бояться, наслаждаться, сколько нужно, приятнее, чем свыше меры погружаться в волнах роскоши, то в отношении к удовольствию эта трапеза лучше той. Лучше она и по отношению к издержкам: та разорительна, а эта нет. Но что? Возлежащим ли только приятнее эта трапеза, или и приглашающему приносит она больше удовольствия, чем та? Вот то, о чем особенно спрашивается. Созывающий (знатных) приготовляется за много дней, принужден бывает хлопотать, заботиться и беспокоиться, забыть сон ночью и отдых днем, должен о многом думать сам с собой, разговаривать с поварами, с пекарями, с устроителями трапезы. Потом, когда наступил назначенный день, видишь, что он более беспокоен, чем тот, кто вступает в бой, как бы не случилось чего непредвиденного, как бы не стали говорить худо, как бы не нажить многих обвинителей. Напротив этот (приглашающий бедных), приготовляя трапезу по-домашнему и не тревожась о ней за много дней, свободен от всех таких забот и хлопот. И после этого тот немедленно лишается благодарности, а этот имеет своим должником Бога и питается благими надеждами, находя в своей трапезе пищу для ежедневного ликования. Хлеб иждивается, а благость не иждивается, но ежедневно радует и веселит более, чем (сколько веселятся люди) обильно напояемые вином. Ничто столько не питает души, как добрая надежда и чаяние благ. Но посмотрим еще, что следует за

этим. Там — флейты, цитры и свирели; здесь — ни одной неприличной песни, — а что? — гимны и псалмопения; там воспеваются демоны, здесь — Бог, Владыка всяческих. Смотри, сколько благодарности здесь, и сколько непризнательности и бесчувственности там. Скажи мне: Бог напитал тебя Своими благами, и, напитавшись, надобно бы благодарить Его; а ты вводишь демонов. Ведь под свирель распеваются песни демонам. Надлежало бы сказать: благословен Ты, Господи, что напитал меня Твоими благами; а ты, будто какая не знающая чести собака, даже не помнишь (о Боге), а вводишь демонов? Да и собаки, получают ли что, или не получают, ласкаются к домашним; а у тебя и этого нет. Собака, и ничего не получая, ласкается к господину; а ты, и получая, лаешь на него. Опять, — собака, и благодетельствуемая чужим, не оставляет от того вражды к нему и не вступает с ним в дружбу; а ты, и терпя от демонов бесчисленные злодеяния, вводишь их на обеды. Поэтому ты вдвое хуже собаки. Кстати вспомнил я теперь о собаках, применительно к людям, благодарным за получаемое ими добро. Устыдитесь, прошу вас, собак, которые и голодая ласкаются к господам, тогда как ты, слыша, что кому-нибудь послужил демон, тотчас оставляешь Господа, о, бессмысленнейший собаки! Но блудницы, говоришь, возбуждают, когда смотрят на них, удовольствие. Какое удовольствие? Не всяческое ли бесчестие? Дом твой сделался домом непотребства, бешенства и неистовства, и ты не стыдишься называть это удовольствием. Ведь если позволительно наслаждаться всеми удовольствиями, то величайшим срамом будет и происходящее от них огорчение. Каким образом? Не тяжко ли дом свой сделать непотребным и наслаждаться удовольствием, подобно свиньям, валяющимся в грязи. Если же это так только по наружности, то опять великое горе, потому

что воззрение – не удовольствие, когда за ним не следует дело, но большее пожелание и сильнейший огонь. А хочешь ли знать конец? Те, вставая из-за стола, уподобляются неистовым и беснующимся, обнаруживают дерзость, задорливость, и бывают смешны даже для рабов, так как и домочадцы выходят трезвыми, а они пьяными. Какой срам! Здесь же, напротив, не бывает ничего такого, – здесь обедавшие, заключив трапезу благодарением, возвращаются в свои дома и радостно засыпают, радостно пробуждаются и бывают свободны от всякого стыда и ответственности.

6. Если хочешь видеть и самих званных, то увидишь их такими же внутренне, каковы эти внешне, то есть слепыми, калеками, хромыми. И каковы у этих тела, таковы у тех души – пораженные водянкой и воспалением: такова именно надменность. После роскошного пира бывает уродство: таковы именно пресыщение и пьянство, делающие людей хромыми и кривыми. А этих увидишь ты таковыми же по душе, каковы те по телу, то есть светлыми, украшенными: проводя жизнь в благодарении, не ища ничего, кроме довольства, и любомудрствуя, они через это бывают всегда веселы. Посмотрим здесь и там на конец. Там необузданное удовольствие, громкий хохот, пьянство, остроты, срамословие; если сами они стыдятся произносить постыдное, то это делается через блудниц; напротив здесь – человеколюбие, кротость. Того, кто зовет тех, вооружает тщеславие; а кто приглашает этих, тот возбуждается человеколюбием и кротостью; эту трапезу устрояет человеколюбие, а ту – тщеславие и жестокость в связи с несправедливостью и любостяжанием. Та оканчивается, как я сказал, надменностью, исступлением, неистовством, таково именно порождение тщеславия, а эта – благодарением и славой Божией. Та больше восхваляется людьми (чем эта); тому и завидуют, а этого все, даже и не облагоде-

тельствованные, почитают как бы общим отцом. И как не обиженные состраждут обиженным и все сообща бывают врагами (обижающих), так и не облагодетельствованные сочувствуют облагодетельствованным и вместе хвалят и прославляют сделавшего благодеяние. Там много ненависти, а здесь много попечения, много от всех молитв. Это так теперь, тогда же, когда Христос придет, этот станет с великим дерзновением и перед всей вселенной услышит: ты видел Меня алчущим, и напитал, — нагим, и одел, — странником, и ввел, и так далее, а тот выслушает противное: лукавый раб и ленивый (Мф. XXV, 35), и опять: горе нежащимся на постелях своих и спящим на ложах из слоновой кости, пьющим процеженное вино и мажущимся первейшими мазями, как бы думали они стоять, а не бежать (Ам. VI, 4, 5). Это сказано нам не просто, но с тем, чтобы вы изменили свои помыслы и не делали ничего бесполезного. Почему же, скажешь, не делать мне и этого и того? Такой вопрос все то и дело повторяют. Но, скажи мне, что за необходимость, имея возможность все делать с пользой, разделять (свои действия), и одни направлять не только к ненужному, но и к суетному, а другие к полезному? Скажи мне, если бы во время посева одни семена бросил ты на камень, а другие на добрую землю, — было ли бы это для тебя безразлично, и сказал ли бы ты: какой тут вред, что те семена бросили мы по пустому, а эти на добрую землю? Почему же бы все не на добрую? Для чего уменьшать пользу? Когда нужно бывает приобретать деньги, ты не говоришь этого, но отовсюду приобретаешь, а там — не так. Когда нужно бывает пустить деньги в рост, ты не говоришь: для чего одни давать бедным, другие богатым, но — все тем. Почему же таким образом не рассчитываешь и здесь, где столько пользы, и позволяешь себе попусту тратиться и суетно растрачивать (свое имущество)? Но и в этом, говоришь,

есть польза. Какая, скажи мне? Это увеличит дружбу. Нет ничего холоднее людей, делающихся от этого друзьями, – от трапезы и паразитного пресыщения; нет ничего неприятнее дружбы, получившей такое начало. Не оскорбляй того дивного дела, – той любви, и не говори, что она есть корень твоей трапезы; иначе ты сказал бы подобное тому, кто утверждал бы, что корень дерева, приносящего золото и драгоценные камни – не таков же, но что это рождается из гнили. Хотя бы твоя дружба отсюда родилась, ничего не было бы холоднее ее. Те трапезы установляют дружбу не к людям, а к Богу, и (та дружба) определена постановлениями, как (и трапезы) определены ими. Кто исстрачивает иное там, иное здесь, тот хотя бы и много дал, не сделал ничего великого; а кто все исстрачивает здесь, тот хотя и немного даст, все совершает. Вопрос не в том, чтобы дать много или мало, а в том, чтобы дать не меньше, чем сколько можешь. Припомним пять талантов и два таланта; припомним положившую две лепты; припомним вдовицу во времена Илии. Не сказала та, положившая две лепты: какой вред, если одну лепту удержу у себя и одну дам? Нет, она отдала все свои средства. А ты, живущий в столь великом изобилии, скупее ее. Итак, не будем нерадивы о своем спасении, но позаботимся о милостыне. Ничего нет лучше ее, это покажет время будущее, это же показывает и настоящее. Будем же жить во славу Бога, и творить то, что Ему благоугодно, чтобы удостоиться нам обетованных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Сего ради и мы, от негоже дне слышахом, не престаем о вас молящеся и просяще, да исполнитеся в разуме воли его во всякой премудрости и разуме духовнем: яко ходити вам достойне Господу во всяком угождении, во всяком деле блазе плодоносяще, и возрастающе в разуме Божии (Кол. I, 9—10)

1. *Сего ради:* чего ради? Ради того, что мы слышали о вашей вере и любви. Имея добрую надежду, мы благонадежны в своих прошениях и на будущее время. Как на арене мы особенно возбуждаем тех, которые близки к победе, так и Павел особенно увещевает их, обнаруживших большие успехи в добродетели. *От негоже дне слышахом,* говорит, *не престаем о вас молящеся.* Не один день провели мы в молитве, не два, не три. Этим показывает он и свою любовь, и слегка намекает, что они еще не дошли до конца, — это выражается словами: *да исполнитеся.* И заметь благоразумие этого блаженного (апостола): нигде не говорит, что они лишены всего, но везде — что им не достает. Это значит выражение: *да исполнитеся;* и опять: *во всяком угождении, во всяком деле блазе;* и еще: *всякою силою возмогающе;* и: *во всяком терпении и долготерпении.* Говоря: *во всяком,* свидетельствует, что они нечто совершили, хотя и не все. *И да исполнитеся,* говорит, а не (говорит): да приимете, — потому что приняли; напоминает о недостающем — *да исполнитеся.* Таким образом и обличение было не тяжелое, и похвала не давала им пасть и сделаться беспечными, будто все исполнено. Но что значит: *да исполнитеся в разуме воли его?* То, что вы должны быть приведены к Нему через Сына, а не через ангелов. Что должны быть приведены, это вы познали; теперь остается вам еще узнать, для чего послал Он Сына. Ведь если бы спастись надлежало через ангелов, Он не послал бы и не предал бы

Сына. *Во всякой премудрости,* говорит, *и разуме духовнем.* Так как философы обманывали их, то я хочу, говорит, чтобы вы водились мудростью духовной, а не человеческой. Если же для уразумения воли Божией нужна мудрость духовная, то для уразумения сущности ее (мудрости духовной) нужны непрестанные молитвы. И Павел показывает здесь, что с того времени он молится, и не окончил молитвы, и не оставил ее, – это и значит выражение: *от негоже дне слышахом.* Таким образом он поставляет им на вид великое осуждение, если с того времени, вспомоществуемые молитвами, они не исправились. *И просяще,* говорит, то есть с великой ревностью, – на это указывает слово: узнали. Но чтобы *ходити вам достойне Богу,* нужно еще нечто *познать,* – чем указывается на жизнь и дела, так как он и это всегда делает, всегда с верой соединяет образ жизни. *Во всяком угождении.* Каким же образом – *во всяком угождении? Во всяком деле блазе плодоносяще, и возрастающе в разуме Божии.* Как он вообще открыл Себя вам, говорит, и как такое знание вы приняли, так проявите и жизнь достойную веры; а наша вера требует особенной жизни, гораздо высшей, чем древняя. Ведь кто знает Бога и удостоился быть рабом Божиим, даже сыном, от того, смотри, какая требуется добродетель. *Всякою силою возмогающе.* Здесь (Павел) говорит об искушениях и гонениях: молимся, *да исполнитеся возмогающе,* чтобы, то есть вы не предались нерадению и отчаянию. *По державе славы его.* Чтобы вы восприняли, говорит, такое рвение, какое прилично приписать силе славы Его. *Во всяком терпении и долготерпении* (ст. 11). Смысл этих слов такой: мы усиленно молимся, говорит, чтобы вы вели жизнь добродетельную и достойную вашего звания, и стояли твердо, как следует укрепляемым от Бога. Поэтому пока еще не касается догматов, но вращается в жизни, в которой не видел ничего, заслуживающего

обвинения, и, похвалив их, за что надлежало, потом уже переходит к обвинению. Так поступает он и везде: когда пишет к кому-либо, намереваясь за одно обвинить, а за другое и похвалить, то прежде хвалит и потом уже переходит к обвинениям; прежде располагает к себе слушателя и ограждает обвинение от всякого подозрения, показывая, что он хотел все только хвалить и что лишь по необходимости входит в эти обвинительные рассуждения. Так поступает он и в первом послании к Коринфянам (гл. V): воздав им множество похвал за то, что они любят его, он потом, начав от блудника, переходит к обвинению. Но в послании к галатам — уже не так, а напротив (гл. 1); впрочем, кто глубже исследует, тот найдет, что и это обвинение предполагает похвалу. Так как в то время нельзя было сказать ни о каком добром их поступке, а обвинение было велико, все развратились, и имели силу перенести (обвинение), то он начинает обвинением, говоря: *дивлюся* (Гал. I, 6), — что также есть похвала, а потом хвалит их не за настоящее, а за прошедшее, говоря: *аще бы, было мощно, очеса ваша извертевше, дали бысте ми* (Гал. IV, 15).

2. *Плодоносяще,* говорит, — это о делах; *возмогающе,* — это об искушениях. *Во всяком терпении и долготерпении,* то есть в долготерпении друг к другу, а в терпении относительно внешних, так как долготерпение бывает там, где можно бы и отомстить, а терпение там, где месть невозможна. Потому Богу никогда не приписывается терпение, а долготерпение всегда. Так говорит этот блаженный, пиша и в другом месте: *или о богатстве благости его и кротости и долготерпении нерадиши* (Рим. II, 4)? *Во всяком.* Не то, что теперь только, а после уже нет. *Во всякой,* говорит, *премудрости и разуме духовнем,* — так как иначе нельзя познать волю Его. Хотя и думали они, что знают волю Божию, но это была мудрость не духовная. *Ходити вам,* говорит, *достойне Госпо-*

да: это – путь наилучшей жизни, когда кто познал Божие человеколюбие; а познает его тот, кто может видеть преданного Сына, – он будет иметь большее рвение. Впрочем мы не о том только молимся, чтобы вы знали (волю Божию), но чтобы показывали это и самыми делами, так как знающий и не делающий будет наказан. *Ходити вам,* говорит, то есть всегда, не однажды, а во всякое время. Как ходить нам необходимо, так и правильно жить; и такую жизнь справедливо называет он хождением, показывая, что эта-то жизнь предложена нам, и что мирская не такова. И велика похвала в словах его: *ходити вам достойне Богу,* и: *во всяком деле блазе,* то есть, чтобы вы всегда возрастали и никогда не останавливались, и метафорически: *плодоносяще и возрастающе в разуме Божии,* то есть, чтобы вы столько облеклись в силу Божию, сколько это возможно человеку. *По державе его.* Велико утешение. Не сказал: по силе, но – по державе, что больше. *По державе,* говорит, *славы его,* так как везде владычествует слава Божия. Уже тем был утешен, что вы, терпя поношение, снова ходите достойно Господа. Это говорит он о Сыне, Который владычествует всюду: и на небе, и на земле – слава Которого всюду царит. Не просто говорит: возмогли, но: возмогли, как свойственно рабам столь сильного Владыки. *В разуме Божии.* Вместе касается и условий знания: не знать, как надобно, Бога – это значит заблуждаться. Вы должны, говорит, возрастать в познании Бога. Если незнающий Сына не знает и Отца, то справедливо требуется познание, так как без него нет никакой пользы от жизни. *Во всяком терпении и долготерпении,* говорит, *с радостию благодаряще Бога.* Намереваясь потом убеждать их, он вначале не упомянул, что отложено им в будущем, а только намекнул об этом, говоря: *за упование, отложенное вам на небесех;* здесь же упоминает о том, что уже было, потому что это служит причиной того. Так поступает он и во мно-

гих случаях, потому что сбывшемуся уже больше верят, и сбывшееся больше занимает слушателя. *С радостию,* говорит, *благодаряще Бога.* Последовательность мыслей такова: мы не перестаем молиться о вас и благодарить Бога за прежнее. Видишь ли, как приступает он к слову о Сыне? Ведь если благодарим с великой радостью, то велико и то, о чем говорится. Можно благодарить и по одному страху, можно благодарить и находясь в скорби, как, например, благодарил поверженный в скорбь Иов, почему и сказал: *Господь даде, Господь отъят* (Иов. I, 21). Пусть никто не говорит, что случившееся с ним не возбуждало в нем скорби и не повергало его в уныние, пусть никто не отнимает великой похвалы у праведника. Если же так, то не по страху, не по боязни перед властью только, а по самому свойству вещей мы благодарим *призвавшаго нас в причастие наследия святых во свете* (ст. 12). О великом деле сказал он. Дарованное, говорит, таково, что оно не только дано, но и сделало нас сильными для принятия (дарованного). Итак слово: *призвавшаго* (сделавшего нас способными) имеет здесь важное значение. Пусть бы, например кто-нибудь из низкого звания сделался и царем; в его власти вверит начальство кому захочет; однако же он в состоянии даровать только достоинство, а не самую способность начальствовать (а часто честь делает такого человека смешным); если бы он и достоинство дал ему, и сделал его способным к чести, и годным к управлению, в таком случае честь была бы на деле. То же самое говорится и здесь, что Он не только даровал нам честь, но и соделал нас сильными к принятию ее.

3. Действительно, двойная честь дать и приготовить способность (для принятия) дара. (Павел) сказал не просто — давшего, но: *призвавшаго в причастие наследия святых во свете,* то есть поставившего нас со святыми. Притом сказал не просто — поставившего, но и — по-

зволившего наслаждаться теми же благами, так как частью *(в причастие)* называется то, что получает каждый. Ведь можно жить в том же городе, не пользуясь теми же выгодами; но иметь ту же часть, не пользуясь теми же выгодами, нельзя. Можно принадлежать к тому же наследию, и не иметь той же части, например, все мы принадлежим к наследию, но не ту же все имеем часть. Впрочем, здесь говорит он не об этом, а о части с наследием. Для чего же называет это наследием? С целью показать, что добрыми своими делами никто не приобретает царства, но как наследие зависит больше от счастия, так и здесь: никто не обнаруживает такой жизни, чтобы быть достойным царства, все есть дар Божий. Потому-то говорит (евангелист): *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключимы есмы: яко еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. XVII, 10). *В причастие наследия святых во свете,* то есть в знании. Мне кажется, что это говорит он и о настоящем, и о будущем. Потом показывает, чего мы удостоены. Не то только удивительно, что мы удостоены царства, но — должно еще прибавить, что удостоены будучи таковыми; а это не все равно, как и говорит (апостол) в послании к римлянам: *едва бо за праведника кто умрет: за благаго бо негли кто и дерзнет умрети* (Рим. V, 7). *Иже избави нас,* говорит, *от власти темныя.* Все зависит от Него — и это дать, и то, потому что ни у кого из нас нет доброго дела. *От власти темныя,* говорит, то есть от заблуждения и от власти диавола. Не сказал просто: от тьмы, но от власти, так как (диавол) над нами имеет великую силу и господствует. Тяжко быть и просто под диаволом, а (под диаволом) со властью — и того тяжелее. *И престави,* говорит, *в царство Сына любве своея* (ст. 15). Итак, (Господь) явил свое человеколюбие не в освобождении только нас от тьмы. Великое конечно дело и освободиться от тьмы; но быть введенным в царство еще больше.

Смотри же, как многосложен дар: Он освободил нас, лежащих на дне, и не только освободил, но и перевел в царство. *Иже избави нас.* Не сказал — изверг, но — избавил (исторг), показывая с одной стороны несчастное состояние наше и плен тех, с другой — беспрепятственность силы Божией. *И престави,* говорит, как бы кто воина перевел с места на место. И не сказал — перевел, или — переместил, так как всем этим выражалось бы переложение, а не перехождение, но переставил, так что это было и нашим и Его делом. *В царство Сына любве своея.* Не просто сказал: в царство небесное, но сообщил слову большую важность, назвав (царство небесное) царством Сына, потому что нет похвалы больше этой, как и в другом месте он говорит: *аще терпим, с ним и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Того же удостоил нас, говорит, чего и Сына, и к этому еще прибавил — возлюбленного. Омраченных врагов вдруг переставил туда, где Сын, облек одинаковой с Ним честью. Не удовлетворился и этим одним, но, чтобы показать великость дара, не счел достаточным сказать — царство, а прибавил еще — Сына; и этого недовольно, — присоединил — возлюбленного; даже и этим не ограничился, но показал (божественное) достоинство Его естества. Что именно говорит? *Иже есть образ Бога невидимаго.* Впрочем не вдруг пришел к этому, но привнес благодеяние к нам; чтобы ты, слыша, что все есть дело Отца, не подумал, будто Сын исключается, он все дает и Сыну, дает и Отцу: Сын переставил, а Отец подал причину. Что именно говорит? *Иже избави нас от власти темныя;* а это — то же, что: *о нем же имамы избавление, оставление грехов,* — потому что, если бы не были оставлены нам грехи, то не были бы мы и переставлены. Вот здесь опять — *о нем же.* И не сказал: освобождение, а *избавление,* чтобы уже больше не падать и не делаться мертвыми. *Иже есть образ Бога невидимаго, пер-*

ворожден всея твари. Здесь мы встречаемся с возражением еретиков, а потому сегодняшнюю беседу надобно перенести на завтра, чтобы предложить ее освеженному вашему слуху. Если же сверх того надлежит сказать нечто, так это то, что большее дело есть дело Сына. Каким образом? Таким, что одно было невозможно, то есть пребывающим во грехах даровать царство, а другое было легче, то есть уготовить путь дару. Что ты говоришь? Он сам отпустил тебе грехи, — следовательно сам и привел тебя. Здесь уже наперед заложен корень учения.

4. Но прежде, чем скажем об этом, необходимо окончить слово. Что же это такое? То, что, пользуясь таким благодеянием, мы всегда должны о нем помнить, должны непрестанно представлять себе дар Божий и размышлять, от чего мы избавились и что получили, чтобы таким образом быть благодарными и усиливать любовь (к Богу). Что ты говоришь, человек? Призываешься в царство, в царство Сына Божия, и всецело предаешься зевоте, почесываешься и засыпаешь? Да если бы надлежало ежедневно подвергаться тысяче смертей, не следовало ли бы вытерпеть все? Для получения влиятельного места ты все делаешь, а имея приобщиться царству Единородного, неужели не устремишься на тысячу мечей, не бросишься в огонь. И не это еще страшно, а то, что, и имея отойти, плачешь и, будучи привязан к телу, любовно вращаешься среди здешних предметов. Что же это? Разве и смерть почитаешь страшным делом? Причина тут — роскошь и праздность, потому что кто проводит жизнь скорбную, тот охотно вооружился бы крыльями, чтобы улететь отсюда. Мы теперь в таком же состоянии, в каком птенцы, ослабевающие оттого, что хотят всегда оставаться в гнезде. Чем долее будем здесь пребывать, тем слабее сделаемся.

Действительно, настоящая жизнь – гнездо, слепленное из соломинок и грязи. Хотя бы ты указал мне на большие здания, хотя бы даже на царские палаты, блистающие изобильно золотом и камнями, я буду думать, что они ничем не отличаются от гнезда ласточки: когда наступит зима, все упадут сами собой. А зимой я называю тот день, который будет зима не для всех, потому что то время и Бог называет ночью и вместе днем, ночью для грешников, а днем для праведников. В таком же смысле и я тот день называю зимой. Если в продолжение лета мы не будем хорошо вскормлены, так чтобы по наступлении зимы могли летать, то матери не возьмут нас, но оставят умереть от голода, или, когда упадет гнездо – погибнут. Тогда Бог, все воссозидая и поставляя в новый порядок, разорит всяческая как гнездо только с большей легкостью, (чем разоряются гнезда). Тогда неоперенные и не могущие встретить Господа в воздухе, но так скупо вскормленные, что не получили легких крыльев, потерпят все то, что естественно терпеть находящимся в таком состоянии. Итак, когда гнездо ласточки падает, птенцы ее тотчас погибают; но мы не погибнем, а будем вечно под наказанием. Тогдашнее время будет зима, но только жесточе зимы: тогда польются не потоки воды, а реки огня, будет не тьма от облаков, а тьма нерассееваемая и непроникаемая светом, так что нельзя будет видеть ни неба, ни воздуха, но придется чувствовать тесноту больше, чем чувствовали бы ее закопанные в землю. Мы часто говорим об этом, только иных не убеждаем. И не удивительно, что мы – люди слабые, когда говорим об этом, испытываем такое неверие, если то же испытывали и пророки, беседовавшие не о таких только предметах, а о войне и плене. И Седекия обличаем был Иеремиею, но не устыдился. Потому пророки говорили: *горе глаголющим: скоро да приближатся, яже сотворит Бог, да видим, и да приидет*

совет святаго Израилева, да разумеем (Иса. V, 19). Не будем удивляться этому, и жившие во времена ковчега не верили, а поверили, когда уже не было пользы в вере; и содомляне не ожидали, а поверили и они, когда это ни к чему уже им не служило. Но что я говорю о будущем? Кто ожидал того, что произошло ныне в разных местах? Кто ожидал этих землетрясений, разрушения городов? А это было вероятнее того, разумею, ковчега. Из чего видно? Из того, что те не имели в виду другого примера и не слышали Писаний, а у нас бывало их множество и в наши времена, и прежде. Откуда же неверие в такие явления? От расслабления души: пили да ели, и потому не верили. Ведь чего кто хочет, о том и думает, того и ожидает; противоречащие этому считаются болтунами.

5. Да не приключится и с нами того же: а теперь будет уже не потоп и не смертельное наказание; теперь начало (лишь) казней есть смерть не верящих тому, что будет суд. А кто, скажешь, пришел оттуда и возвестил об этом? Если такие слова говоришь в шутку, – и то уже нехорошо; в подобных вещах шутить не следует; не над шуточными, а над опасными предметами шутим мы. Если же ты в самом деле таков и не думаешь, что будет что-либо после этой жизни, то почему называешь себя христианином? А с нехристианами я не говорю. Для чего принимаешь ты купель? Для чего входишь в церковь? Разве мы обещаем тебе (правительственные) места? Вся наша надежда в будущем. Так для чего приступаешь, если не веришь Писаниям, если не веруешь в Христа? А будучи таким, ты, – не скажу, не христианин, – ты хуже язычников. Почему? Потому, что признавая Христа Богом, не веруешь в Бога. То нечестие по крайней мере последовательно: кто не думает, что Христос есть Бог, тот по необходимости не верует в Него, а это нечестие даже лишено последовательности,

признает Его Богом и не почитает достоверным того, что Он сказал. Это слова пьянства, роскоши, неги: *да ямы и пием, утре бо умрем* (1 Кор. XV, 32). Не завтра, но и тогда, как говорите это, вы уже умерли. Скажи мне, неужели мы ничем не отличаемся от свиней и ослов? Если нет ни суда, ни воздаяния, ни судилища, то для чего почтены мы таким даром — словом, и все имеем в подчинении? Для чего мы начальствуем, а нам подчиняются? Смотри, как диавол теснит нас со всех сторон с целью внушить нам не признавать Дара Божия. Он смешивает рабов с господами; как продавец невольников и неблагодарный слуга, старается благородного человека привести в одинаковое ничтожество с собой — оскорбителем. По-видимому он отвергает суд; а этим отвергается бытие Бога. Диавол всегда таков, — все предлагает с хитростью, а не прямо, чтобы мы не остерегались. Если нет суда, то Бог, судя по-человечески, несправедлив; а если Бог несправедлив, то Он и не Бог; когда же Он не Бог, — все сразу рушится: нет ни добродетели, ни порока. Но явно ничего такого не говорит он. Видишь ли помысл сатанинского духа, как из людей хочет он сделать бессловесных, или лучше — зверей, а еще лучше — демонов. Итак, не будем верить ему. Есть суд, жалкий ты и несчастный человек! Знаю, откуда приходишь ты к этим речам. Много у тебя грехов, много сделано тобой обид, открыто говорить ты не смеешь, думаешь, что вслед за твоими речами пойдет и природа вещей. До времени я не буду, говоришь, огорчать душу ожиданием геенны. Хотя бы и была геенна, я постараюсь убеждать себя, что ее нет; а между тем здесь погуляю. Для чего прилагаешь согрешения к согрешениям? Если, согрешив, будешь верить, что есть геенна, то отойдешь, очистившись от грехов только наказанием, а когда приложишь и это нечестие, подвергнешься крайнему мучению и за самое нечестие и за этот по-

мысл. В последнем случае кратковременно льстившее тебе холодное утешение будет для тебя причиной непрерывного мучения. Пусть так согрешил ты сам: зачем же располагаешь ко греху других, говоря, что нет геенны. Зачем обманываешь простецов? Зачем расслабляешь руки народа? По-твоему, все навыворот: люди старательные не будут еще более старательными, а беззаботными, злые не отстанут от зла. Ведь если станем развращать других, грехи наши не будут прощены нам. Не видишь ли, как диавол вознамерился низвергнуть Адама? Было ли прощено ему? Это послужило поводом к большему наказанию. Зато и он так устрояет свои сети, чтобы мы несли наказание не за собственные только, но и за чужие грехи. Не станем же думать, что, вводя других в одинаковую с нами погибель, мы сделаем судилище, в отношении к нам, более кротким; напротив, от этого будет оно строже. Зачем нам толкать себя и губить? Все это — дело сатанинское. Согрешил ты, человек? Имеешь человеколюбивого Владыку: моли Его, проси, плачь, стенай, устрашай других и уговаривай, чтобы они не впали в те же грехи. Если в доме кто-нибудь из грубых слуг говорит своему сыну: дитя! я оскорбил господина, старайся же угождать ему, чтобы и с тобой не случилось того же, — то, скажи мне, не приготовит ли он себе сколько-нибудь прощения, не преломит ли гнева господина и не преклонит ли его? Но пусть он, оставив эти слова, скажет, например, следующие: господин мой не воздает всякому по достоянию, у него просто все перемешано — и добро и зло, в этом доме не дождаться благодарности, что, по твоему мнению, господин подумает о нем? Не подвергнет ли его за его проступки еще большему наказанию? И справедливо: там душевное потрясение послужит к извинению, хотя и слабому, а здесь ничего. Итак, подражай, если не иному кому, то по крайней мере богачу в геенне, кото-

рый говорит: *отче Аврааме, посли Лазаря* к сродникам моим, *да не и тии приидут на место сие* (Лк. XVI, 27, 28), не подвергнутся тому же, — сам же он пойти не мог. Воздержимся от тех сатанинских слов.

6. А что, скажешь, если спрашивают нас язычники, — разве не захочешь помочь им? Но ввергнув в недоумение христианина под видом попечения о язычнике, ты хочешь подтвердить сатанинское учение; не убедившись в нем сам, посредством собеседования с одной душой, ты хочешь привести других в свидетели. Если же нужно разговаривать с язычником, то не с этого следует начинать разговор, а вот с чего: Христос — Бог ли и Сын ли Божий, и исповедуемые ими демоны — боги ли? Как скоро это рассмотрится, — все прочее само собой вытечет; а прежде, чем изложено будет начало, напрасно стали бы мы разговаривать о конце; прежде, чем узнаны элементы, излишне и безумно было бы приступать к концу. Не верит язычник суду и находится в таком же состоянии, как ты, потому что и он знает многих, которые философствовали об этом: хотя они говорили это о человеке, отрешившем свое тело от души, однако же допускали судилище; и ясность этого дела представлялась столь сильной, что почти никого не было, кто не знал бы о том, даже и поэты, и все соглашались как относительно судилища, так и относительно суда. Значит и язычник не верит своим, и иудей не сомневается в этом, и вообще ни один человек. Зачем же мы обманываем себя? Вот ты говоришь мне: что скажешь Богу, сотворившему отдельно сердце каждого из нас, знающему все, что есть в уме, живущему и действующему, и проникающему более всякого обоюдоострого меча? Скажи мне по правде: не сознаешься ли ты сам в себе, что грешишь? Есть ли (на свете) человек, который не порицал бы себя за леность? Каким же образом произошла сама собой такая великая мудрость,

что грешник обвиняет сам себя? Ведь это — дело великой мудрости. Ты обвиняешь себя; а тот, кто дал тебе такой ум, — оставил все на произвол. Итак, вот что будет всеобщим правилом и определением: никто из людей, живущих добродетельно, хотя бы то был язычник или еретик, не верит этому слову суда, никто из людей, вращающихся в величайшем зле, кроме немногих, не принимает слова о воскресении. Это говорит и Псалмопевец: *отъемлются судьбы твоя от лица его.* Почему? Потому что *оскверняются путие его на всяко время* (Пс. IX, 26). *Да ямы,* говорит, *и паем, утре бо умрем* (1 Кор. XV, 32). Видишь ли, что говорить это свойственно людям низким. Эти слова, отвергающие воскресение, происходят от пищи и пития. Не переносит душа, не переносит суда совести, и поступает так же, как человекоубийца: сперва поставляет себя в такие обстоятельства, чтобы не поймали, а потом убивает; находясь перед судом совести, не скоро переходит к преступлению, — и знает, и притворяется, что не знает, чтобы не мучиться совестью и страхом, и не ослабить себя для убийства. Так-то и согрешающие знают, что грешить — худо, и ежедневно колеблются в злых своих поступках, не желая знать, что они злы, хотя совесть и укоряет их в этом. Но не станем на них останавливаться. Будет, непременно будет суд и воскресение, и не оставит Бог втуне столь великих дел. Потому, умоляю, будем удаляться от зла и держаться добродетели, чтобы нам принять истинное слово во Христе Иисусе Господе нашем.

Притом, что легче: принять ли слово о воскресении, или слово о судьбе? Последнее полно неправды, полно бессмыслия, полно жестокости, полно бесчеловечия; а первое есть слово правды, воздающее по достоинству. И однако же не принимают его. А причина — леность. Но последнее не принимается никем, в ком есть рассудок; и между язычниками тот лишь принимал судь-

бу, кто целью жизни почитал удовольствие, а любителями добродетели судьба была изгоняема, как нечто несмысленное. Если же язычники так (думали о судьбе), то тем более (должны были они склоняться) к слову о воскресении. Но смотри, как диавол устроил две противоположности: чтобы мы не радели о добродетели, он ввел необходимость, а чтобы усердно служили демонам, внушил два противных понятия и обоими достигал того и другого. Итак, какое оправдание сможет принести тот, кто не верит столь дивной вещи, а верит тем басням? Не питайся даже и тем утешением, что ты получишь прощение, но обратимся и подвигнемся для добродетели, и поживем истинно Богу во Христе, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Иже есть образ Бога невидимого, перворожден всея твари. Яко тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти: всяческая тем и о нем создашася. И той есть прежде всех, и всяческая в нем состоятся. И той есть глава телу Церкве (Кол. I, 15—18)

1. Сегодня я должен отдать вам долг, который принял на себя вчера, чтобы предложить его, когда оживится ваше внимание. Рассуждая о достоинстве Сына, Павел, как мы сказали, говорит следующее: *иже есть образ Бога невидимаго.* Чьим образом, ты думаешь, он называет Его? Если Божиим — хорошо, потому что Он — Бог и Сын Божий. Образ Божий означает неизменяемость, — поэтому и Он неизменяем. Если же ты скажешь, что (называет образом) человеческим, то я от-

ступлюсь от тебя, как от безумного. Но почему нигде не назван ни образом, ни сыном какой-нибудь ангел, а человек (называется) тем и другим? Отчего это? Оттого, что там, при высокой природе (ангелов), это для многих послужило бы поводом к нечестию (то есть к обоготворению твари), а здесь ничтожество и уничиженность (нашей природы) совершенно ручаются за безопасность, и даже тому, кто желал бы, не позволяют подозревать чего-нибудь подобного и из-за этого употреблять более скромные выражения. Потому-то там, где было глубокое уничижение, Писание смело указывает на почесть; а где — высшая природа, там нет. Но он говорит: образ невидимого. Итак, если Он невидим, то и образ Его также невидим, потому что в противном случае не был бы образом. Образ, поскольку он образ, и у нас должен быть неизменным как со стороны свойств так и сходства. Но у нас этого никак не может быть потому, что здесь — искусство человеческое, которое часто не удается, даже никогда не удается, если тщательно исследуешь; а где Бог, там никогда нет ошибки, там не бывает никакой неудачи. Если же (Сын) — творение, то каким образом Он есть образ Создателя? И конь не может быть образом человека. Если образ не представляет неизменности Невидимого, так что препятствует и ангелам быть образом? Ведь и они невидимы, хотя и не для себя самих, и душа невидима; но, из-за того только, что она невидима, разве она — образ? Если и образ, то не такой, как Он. *Перворожден всея твари*.

2. Что же, говорит? Значит он создан? Почему это так, скажи мне? Потому, что он назвал Его перворожденным. Но он не сказал: первосозданный, а — перворожденный. Затем, если ты называешь Его сотворенным потому, что (апостол) назвал Его перворожденным, то что ты скажешь, когда услышишь, что Он называет-

ся братом? Действительно Писание называет Его также братом, уподобившимся по всему нам. Ужели вследствие этого мы будем отвергать даже и то, что Он — Творец, и утверждать, что Он не имеет никакого преимущества перед нами ни по достоинству, ни по чему-нибудь другому? И кто, имея ум, может говорить это? Слово — перворожденный не показывает достоинства и чести, а выражает только время. Но если Он не имеет никакого преимущества перед нами, то в этом смысле Он — перворожденный по отношению ко всему, а в таком случае Бог Слово будет подобосущен и камням, и деревьям, и прочему. *Перворожден,* говорит, *всея твари.* Но скажешь: Он назван перворожденным, значит — создан. Да, если бы так, если бы не приписывались Ему и другие подобные свойства, как-то: *перворожден из мертвых, перворожден во многих братиях.* Скажи мне, что показывают (слова): *перворожден из мертвых?* Конечно не то, что Он первый воскрес; (апостол) не сказал просто, что (Он первый из) мертвых, но что Он перворожденный из мертвых, и не сказал также, что Он первый умер, но что Он воскрес, как перворожденный из мертвых, так что (апостол теми словами) показывает только то, что (Христос) был начатком воскресения. Стало быть не иное что-нибудь (говорит он) и в настоящем месте. Затем он приступает наконец к самому догмату. Так как Он древле приводим был ангелами, а ныне (приходит) сам, то, чтобы не подумали, будто Он моложе (ангелов), (апостол) показывает, во-первых, что (ангелы) не имели никакой силы, в противном случае не Он извел бы нас от тьмы, а потом утверждает, что Он был раньше их, и в доказательство того, что Он раньше их, приводит то, что они от Него созданы. *Яко тем,* говорит, *создана быша всяческая.*

Что скажут здесь последователи Павла самосатского? Все через Него произошло: вот ведь сказано, что

тем создана быша всяческая. И еще (апостол) сказал: *яже на небеси и яже на земли.* То, в чем можно было усомниться, он поставил наперед, а затем присоединяет: *видимая и невидимая,* под невидимым разумея душу, а под видимым – всех людей. То, чему все верили, он опускает, а то, в чем сомневались, он ставит на вид. Затем говорит: *аще престоли, аще господствия, аще начала, аще власти.* Слово: *аще* обнимает все; но ко властям он не мог сопричислить и Духа, а через высшее мог обозначить и низшее. *Всяческая,* говорит, *тем, и о нем создашася.* Таким образом *тем* значит то же, что и *чрез него,* потому что сказавши: *тем,* он прибавил: *и о нем.* А что значит: *на нем?* Это значит: на Нем утверждается сущность всего. Он не только привел это из небытия в бытие, но и теперь содержит это, так что если бы что-нибудь изъято было из Его промысла, разрушилось бы и погибло. Но (апостол) не сказал: содержит, – это было бы несколько погрубее, он употребил выражение более тонкое: на Нем утверждается, потому что достаточно только опереться на Него, а Он уж поддержит и крепко сдержит. Таким образом и название: *перворожден* употребляется в том же значении, как – составляющий опору. Но это показывает не то, будто Он подобосущен тварям, а то, что все существует Им и через Него. Так и в другом месте, говоря: *основание положих* (1 Кор. III, 10), говорит не о сущности, а о действии. Чтобы ты не подумал, что Он служебное орудие, (апостол) говорит, что Он это содержит, а это не менее значит, чем самое творение, для нас даже и более, так как первое соединено с искусством, а последнее нет: содержимое Им не разрушается. *И той есть прежде всех,* говорит. Это свойственно Богу. Где же теперь Павел самосатский? *И всяческая в нем состоятся,* то есть все на Нем утверждено. Он постоянно вращается около этой (мысли), чтобы настойчивостью в словах, как бы частыми ударами, исторг-

нуть с корнем тлетворное учение. В самом деле, если даже и теперь, после того как столь много говорил об этом, и по прошествии столь долгого времени явился Павел самосатский, то не тем ли легче было ему явиться, если б об этом не было говорено? *И всяческая,* говорит, *в нем состоятся.* Каким образом могло состояться в том, чего нет? Значит и то, что производится через ангелов, принадлежит Ему. *И той есть глава телу Церкве.* Сказав о достоинстве, он говорит потом о человеколюбии. *Той,* говорит, *есть глава телу Церкве.* Не сказал: полноты, выражая этим то же самое, но желая показать большую близость Его к нам, так как тот, кто до такой степени высок и выше всех, присоединился к низшим. Он везде первый: первый в горних, первый в Церкви, как ее глава, первый и в воскресении; это и означают (слова): *да будет той первенствуя.*

3. Таким образом Он первый и по бытию, и это-то особенно старается показать Павел. А как скоро будет доказано, что Он был прежде всех ангелов, то понятно будет и то, что творимое ангелами Он сам творил, как повелитель. И что удивительно, так это то, что (апостол) постарался представить Его первым в ряду последних существ, хотя в другом месте первым он назвал Адама, как и на самом деле было. Но он принимает Церковь вместо всего человеческого рода; в Церкви же Он – первый, а в ряду людей, как творения, Он первый по плоти. Вот почему здесь (апостол) представляет Его перворожденным. Что значит здесь – перворожденный? Прежде всех созданный, или прежде всех воскресший, равно как и там: *прежде всех* сущий? Здесь он представляет Его начатком, сказав; *иже есть начаток, перворожден из мертвых, да будет во всех той первенствуя,* – выражая мысль, что и прочие таковы же, как и Он; а там Он не начаток творения, там Он – *образ Бога невидимаго,* и в этом смысле там и сказано: *перворожден. Яко в нем благо-*

изволи всему исполнению вселитися, и тем примирити всяческая к себе, умиротворив кровию креста его, аще земная, аще ли небесная (ст. 19–21). Все, что принадлежит Отцу, он приписывает и Сыну, и особенно заботится об этом потому, что Он был мертв и соединился с нами. А начатком он назвал Его как бы в смысле (начатка) какого-нибудь плода. Он не сказал: воскресение, а – начаток, показывая, что Он освятил нас всех и как бы принес жертву. *Исполнение* – он сказал о божестве, подобно тому, как говорит Иоанн: *от исполнения его мы вси прияхом* (Ин. I, 16), то есть был ли то Сын, или Слово, но там вселилось не действие какое-нибудь, а сущность. И он не находит тому никакой другой причины, кроме воли Божией: это и означают (слова): *яко в нем благоизволи, и тем примирити всяческая к себе.* Чтобы ты не подумал, что Он принял на себя должность раба, (апостол) прибавляет: *к себе;* и в другом месте говорит, что (Христос) примиряет Богу, как в послании к Коринфянам сказал, и сказал верно: *тем примирити,* потому что (люди) уже были примирены, а требовалось только окончательное умиротворение, так чтобы они против Него уже не враждовали. Каким образом это делается, он показывает вслед затем, не только возвещая о примирении, но и объясняя самый способ примирения: *умиротворив кровию креста его.* Одно здесь указывает на вражду, именно – *примирити,* а другое на войну, именно – *умиротворив. Кровию,* говорит, *креста его чрез него, аще земная, аще ли небесная.* Великое дело – примирение, еще более – (примирение) через Него, а еще более – (примирение) кровью Его, и не просто кровью, но, что еще больше, крестом, так что здесь пять вещей, достойных удивления: Он примирил (нас) с Богом, сам Собой, смертью, крестом. О, как он (с другой стороны) соединил все это! Чтобы ты не подумал, будто это все одно и то же, и крест сам по себе не значит ничего, он

говорит: *чрез него.* На каком основании он считает это важным? На том, что (Сын Божий) совершил все это не так, что только сказал несколько слов, а так, что предал Себя самого для примирения. Но что значит: *небесная?* Что касается до земного, то это понятно, потому что здесь все было наполнено враждой и разделилось на множество (частей); каждый из нас был в несогласии сам с собой и со многими другими. Но как Он умиротворил *небесная?* Ужели и там был раздор и несогласие? Как же мы говорим в молитве: *да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли* (Мф. VI, 10)? Что на это сказать? Земля была отделена от неба, ангелы враждовали против людей, видя оскорбляемым своего Владыку. *Возглавити,* говорит, *всяческая во Христе, небесная и земная* (Еф. I, 10). Как? Небесное вот так: Он переселил туда человека, возвел туда того, кто был врагом, кого там не любили. Он не только водворил мир на земле, но и возвел его (человека) к ним (ангелам), — человека, который был неприятелем и врагом. Это — глубокий мир. Ангелы опять являются на земле, потому что человек явился на небе. А мне кажется, что Павел для того и был восхищен (на небо), чтобы он увидел, что Сын взят туда. И ведь на земле (водворен) сугубый мир: по отношению к небесным (обитателям) и по отношению друг к другу, а на небесах — только один. Если уж об одном кающемся грешнике радуются ангелы, то гораздо более о таком большом их числе. И все это устроила сила Божия. Что же вы, скажут, слишком полагаетесь на ангелов? Они не только не способны привести вас (к Богу), но даже были некогда враждебны вам, и если бы сам Бог не примирил вас с ними, то вы не имели бы мира. Итак, зачем вы прибегаете к ним? Хочешь ли знать, какова была у ангелов вражда к нам, и какое они всегда питали к нам отвращение? Они были посылаемы для наказания к израильтянам, к Давиду, к содомлянам, в юдоль

плача. Но теперь не так; напротив, они весьма радостно воспевали на земле; Бог низвел их к людям, а людей возвел туда.

4. При этом обрати внимание на вещь необычайную: (Господь) сначала их низвел к нам, а потом человека возвел к ним; земля стала небом, потому что небо имело принять к себе земных (обитателей). Потому мы с благодарностью взываем: *слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. II, 14). Вот, говорит, и люди наконец стали угодными (Богу). Что значит: *благоволение?* Примирение. Теперь небо уже не заграждено от нас непроходимой преградой. Прежде ангелы были распределены по числу народов, а теперь уже не по числу народов, а по числу верных. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих. Яко ангели их выну видят лице Отца моего небеснаго* (Мф. XVIII, 10). Каждый верующий имеет ангела, так как и с самого начала каждый благочестивый человек имел ангела, как говорит Иаков: *ангел, иже питает мя, и иже мя избавляет от юности моея* (Быт. XLVIII, 16). Итак, если у нас есть ангелы, то будем вести себя осмотрительно, как бы с нами были наставники, потому что с нами есть и демон. Поэтому будем молиться и взывать, прося себе ангела мирна; мы и везде просим мира, потому что с ним ничто не может сравниться, — мира и в церквах, и в молитвах, как частных, так и общественных, и в приветствиях; предстоятель церкви подает его нам и раз, и два, и три, и много раз, произнося: *мир вам.* Почему так? Потому что мир есть источник всех благ; он приносит с собой радость. Поэтому-то и Христос заповедал апостолам, входя в домы, тотчас говорить о нем, как о символе всех благ: *входяще в дом,* говорите: *мир вам* (Мф. X, 12), так как без него ничто не имеет цены. И опять Он говорит ученикам: *мир оставляю вам, мир мой даю вам* (Ин. XIII, 27), потому

что им обуславливается и самая любовь. И предстоятель церкви не просто говорит: мир вам, но — *мир всем.* Да и какая польза нам с одним иметь мир, а с другим ссориться и враждовать? Какая прибыль? И тело не может быть тогда здоровым, когда некоторые части его находятся в согласии, а другие действуют несогласно, но лишь тогда, когда во всем порядок, согласие, мир; не будь мира во всем, тогда все выйдет из своих границ, все низвратится. Подобным образом и в уме нашем, если мысли не находятся все в спокойном состоянии, мира не будет. Мир — это столь великое благо, что те, которые водворяют и поддерживают его, называются сынами Божиими. И справедливо: сам Сын Божий пришел на землю умиротворить земная и небесная. Если же миротворцы — сыны Божии, то возмутители — сыны диавола. Что ты говоришь? Ты и в самом деле производишь раздоры и междоусобия? Неужели, скажешь, есть где-нибудь такой несчастный? Есть и много таких, которые радуются злу и с большей жестокостью терзают тело Христово, чем воины, пронзившие его копьем, чем иудеи, пронзившие его гвоздями. То зло меньше, чем это; те члены, будучи растерзаны, снова соединились, а эти, будучи отторгнуты, если здесь не соединятся между собой, то никогда не будут соединены, а останутся вне целого (церкви). Когда ты хочешь завести ссору с братом, вспомни, что ты восстаешь против членов Христовых и укроти свой гнев. Что тебе до того, если это человек нетерпимый и низкий; что тебе, если это — презренный? *Несть,* говорит, *воля пред Отцем* моим, *да погибнет един от малых сих* (Мф. XVIII, 14); и опять: *ангелы их выну видят лице Отца моего небеснаго.* Для него Бог сделался даже рабом и подвергся закланию; а ты считаешь его за ничто? Через это ты восстаешь против Бога, возвышая голос наперекор Ему. Предстоятель церкви, как только входит, сейчас же говорит:

мир всем; когда начинает беседу (говорит): *мир всем;* когда благословляет (говорит): *мир всем;* когда повелевает принести друг другу целование (говорит): *мир всем;* когда совершится жертва: *мир всем,* и во время совершения также: *благодать вам и мир.* Как же не безрассудно, если мы, столько раз слыша (напоминание об обязанности) иметь мир между собой, враждуем друг против друга, если, и сами принимая, и другим преподавая, восстаем против того, кто подает нам мир? Ты говоришь: *и духови твоему,* а выйдешь (из церкви) и начинаешь обносить его клеветой? Увы, то, что особенно дорого в церкви, стало одним внешним обрядом, а не настоящей истиной! Увы, все символы этого воинства (церкви) ограничиваются словами! Поэтому вы даже и не знаете, для чего говорится: *мир всем.* Но послушайте далее, что говорит Христос: *в оньже аще град или весь внидете, входяще в дом, целуйте его: и аще будет дом достоин, да приидет мир ваш нань: аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам да возвратится* (Мф. X, 11, 13). Мы потому и не знаем, что считаем эти слова одним образным выражением и не вникаем в смысл их. Ведь не я подаю мир, а Христос благоволит говорить через нас. Хотя бы во всякое другое время мы чужды были благодати, но теперь не чужды ее для вас. Если благодать Божия, по устроению (Промысла), действовала для пользы израильтян через осла и через волшебницу, то несомненно, что она не откажется действовать и в нас, и соизволит на это для нас.

5. Итак, никто пусть не говорит обо мне того, что я не совершен, ничего не значу и ничего не стою; и всякий пусть слушает меня со вниманием. Я тоже ведь принадлежу к числу тех (через которых действует благодать Божия). Бог обыкновенно присутствует постоянно в таких людях, для пользы многих. Знайте, что Он благоволил говорить с Каином ради Авеля, с диаволом

ради Иова, с фараоном ради Иосифа, с Навуходоносором ради Даниила, с Валтасаром ради него же. И волхвам было откровение, и Каиафа пророчествовал ради достоинства священного сана, несмотря на то, что был убийцей Христа и недостойным. Говорят, что и Аарон из-за этого же не был поражен проказой. В самом деле, скажи мне, почему только она одна (сестра Ааронова) понесла наказание, тогда как они оба противоречили (Моисею)? Не удивляйся; если между светскими властями бывает так, что хотя бы в бесчисленных преступлениях обвиняли кого-нибудь, но он не прежде приводится в судилище, как по снятии с него власти, чтобы вместе с ним не нанести оскорбления и ей, то тем более в духовной власти, какова бы она ни была, благодать Божия всегда действует; в противном же случае все бы погибло. Но когда человек сложит ее с себя, тогда подвергнется тягчайшему наказанию или по отшествии (из этой жизни), или даже еще здесь непосредственно вслед затем. Не думайте, что я это от себя говорю. Божия благодать действует и через недостойного, не для нас, а для вас. Послушайте же, что говорит Христос: *аще будет дом достоин, да приидет мир ваш нань* (Мф. X, 13). Как же он делается достойным? Если примут вас, говорит Он. Если же не примут вас, и не послушают слова вашего, *аминь глаголю вам, отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей в день судный, неже граду тому* (Мф. X, 15). Итак, какая польза оттого, что вы принимаете нас и не слушаете слов наших? Что прибыли, что вы почитаете нас и не внимаете тому, что мы говорим вам? Вот для нас честь, вот для нас удивительное уважение, благотворное для вас и для нас, — если вы слушаетесь нас. Послушайте и Павловых слов: *не ведах, братие, яко архиерей есть* (Деян. XXIII, 5). Послушайте и Христовых слов: *вся, елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите* (Мф. XXIII, 3). Ты не меня презираешь, а свя-

щенство. Если ты видишь меня лишенным его, презирай: тогда и я не стану проявлять власть. Но доколе мы восседаем на этом престоле, доколе мы имеем председательство, дотоле имеем достоинство и силу, хотя сами и недостойны. Если седалище Моисея было столь почтенно, что из-за него слушали восседавших на нем (Мф. XXIII, 2, 3), то тем более престол Христов. Его унаследовали мы. Мы вещаем вам с того самого (престола), с которого и Христос учредил в нас служение примирения. Посланники, каковы бы они ни были, пользуются великой честью из-за своего посольского достоинства. Посмотри в самом деле: они приходят одни во внутренность варварской земли, посреди стольких врагов; и так как закон о посольстве имеет великую силу, то их все почитают, все смотрят на них с уважением, все отпускают их с безопасностью. И мы имеем значение посланников и пришли от Бога: таково епископское достоинство. Мы пришли к вам в качестве посланников, прося прекращения войны и объявляя условия, обещая дать вам не города, или столько-то мер хлеба, или пленников, или золото, но царство небесное, жизнь вечную, сожительство со Христом и другие блага, которых ни мы не в состоянии высказать, ни выслушать, доколе находимся в этом теле и в настоящей жизни. Итак, мы исполняем должность посланников, и желаем пользоваться честью не для нас самих, нет, мы знаем, как она ничтожна, а для вас, чтобы вы охотно слушались слов наших, чтобы вы получали пользу, чтобы вы без рассеянности и лености внимали словам нашим. Не видите ли, как много внимания все обращают на посланников? Мы Божии посланники у людей; если это для вас тягостно, то ведь не мы (тягостны), а самое епископство, не тот или другой (человек), а епископ. Пусть всякий не меня слушает, а сана моего. Будем же все делать так, как угодно Богу, чтобы

жить во славу Божию и удостоиться благ, какие обещаны любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

И вас иногда врагов сущих и отчужденных помышленьми в делех лукавых, ныне же примири в теле плоти его смертью представити вас святых и непорочных и неповинных перед собой (Кол. I, 21, 22)

1. Здесь (апостол) показывает, что (Христос) примирил (людей), тогда как они недостойны были примирения, – выражение: были под властью тьмы – указывает на бедственное положение, в котором они находились. Но чтобы ты, услышав о темной власти, не вообразил себе какой-нибудь необходимости, он прибавляет: *и вас сущих отчужденных.* Хотя здесь, по-видимому, он говорит то же самое, но (на самом деле) не то: не одно и то же – избавить от зла человека, который по необходимости потерпел зло, и (человека), который добровольно подвергся ему; первый достоин сожаления, а последний – отвращения. Однако же Он, по словам (апостола), освободил нас, отступивших от Него не по неволе, ни по принуждению, но добровольно, и примирил нас, несмотря на наше недостоинство. И так как (апостол) выше упомянул о небесном, то он теперь показывает, что вся вражда имеет начало отсюда, а не оттуда: они (обитатели неба) давно желали (примирения), и Бог тоже, а вы не хотели. Он делает совершенно ясным, что если бы люди до последних времен оставались врагами, то ангелы ничего не могли бы сделать: они не могли и убедить (людей) и, убедивши, освободить от диавола. Ведь не было бы никакой пользы убе-

дить их, не связавши властителя (диавола), равно не было бы никакой пользы связать (властителя), когда бы содержимые (под его властью) не захотели избавиться. Надлежало сделать то и другое; (ангелы) ни того, ни другого не могли сделать, а Христос то и другое исполнил. И ведь убедить (людей) было делом более удивительным, чем разрушить смерть: последнее всецело зависело от Него, и Он один был в нем господином; а в первом не Он один действовал, но и мы принимали участие, мы же удобнее совершаем то, что от нас самих зависит. Итак, то, что было важнее, (апостол) полагает после, и он не просто сказал: враждующих, но *отчужденных,* что означает сильную вражду, и даже не только отчужденных, но и не ожидавших воссоединения. *И врагов помышленьми,* говорит он, показывая тем, что отчуждение их было не только в намерении, — а что? — *и в делех лукавых,* то есть вы и были врагами и действовали, как враги. *Ныне же примири в теле плоти его смертию, представити вас святых и непорочных и неповинных пред собою.* Здесь он представляет и образ примирения, что (Христос примирил нас) *в теле,* будучи не просто язвен, или биен, или предан, но и претерпевши самую поносную смерть. Он снова упоминает о кресте, и снова указывает на другое благодеяние; не только (говорит): избавил, но намекает и здесь на то, о чем сказал выше — что сделал нас способными (к получению избавления). *Смертию его,* говорит, *представити вас святых и непорочных и неповинных пред собою.* Он не только освободил нас от грехов, но и поставил в числе прославленных. Он претерпел столько не для освобождения только от зла, но и для того, чтобы возвести нас к первоначальному состоянию, подобно тому, как если бы кто, освободив осужденного от наказания, возвел его еще в почетное состояние. И Он поставил нас в числе несогрешивших ни в чем, или лучше, в числе не только не-

согрешивших, а и совершивших величайшие подвиги, и что еще больше, даровал святость перед Собой. Слово же: *неповинных* выражает более, чем непорочность, так как название: неповинный прилагается к нам тогда, когда мы своими делами не доводим себя даже до осуждения или упрека. Но так как, сказав, что Он совершил это Своей смертью, (апостол) все приписал Ему, то, чтобы не сказал кто-нибудь, будто с нашей стороны ничего не требуется, он для этого прибавил: *аще пребываете в вере основани и тверди, и неподвижими от упования благовествования* (ст. 23). Этими словами он предохраняет их от беспечности. И не просто сказал: *пребываете,* потому что есть пребывание шаткое и колеблющееся, и есть стояние и пребывание твердое. *Аще пребываете,* говорит, *основани и тверди, и неподвижими.* О, какой он употребил оборот речи! Не только не колеблющиеся, говорит, но и непоколебимы. И смотри: он пока ничего не требует тяжелого, ничего трудного, а лишь веры и надежды, как бы так говорит: если вы пребудете в вере, то надежда на получение будущих благ несомненна. Здесь возможно (не усомниться); но в добродетели невозможно хотя бы несколько не поколебаться; таким образом это нетрудно. *От упования благовествования, еже слышасте,* говорит, *проповеданнаго во всей твари поднебесней* (ст. 23). Но что такое упование благовествования, как не Христос? Он есть мир наш, и Он все это сделал; а потому, кто приписывает это другим, тот уклонился (от истины), и если Он не верует во Христа, то все потерял. *Слышасте,* говорит. Он опять призывает во свидетели их, а потом всю вселенную. Он не говорит: (благовествования) проповедуемого, но — *проповеданнаго,* в которое уже уверовали. Так он сделал и вначале, желая свидетельством многих утвердить и их. *Емуже бых аз Павел служитель* (ст. 23). И это он делает для удостоверения. *Аз,* говорит, *Павел служитель:* а он имел большую важность, так как

был всюду прославляем, и был учителем вселенной. *Нынѣ радуюся во страданиих моих о вас, и исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за тело его, еже есть Церковь* (ст. 24).

2. Какая здесь связь? Как будто незаметна, но в самом деле большая. И *служитель*, говорит вместо того чтобы сказать: я ничего не ввожу сам от себя, а возвещаю учение другого, я так верю, что и страдаю из-за Него же, и не только страдаю, а и радуюсь в страданиях, взирая на то, чего ожидаем в будущем; и страдаю не за себя, а за вас. *И исполняю*, говорит, *лишение скорбей Христовых в плоти моей*. Мне кажется, он сказал великое; но это не по дерзости, нет, а по сильной любви ко Христу. Он не хочет, чтобы эти скорби присвоялись ему, а Христу; и сказал таким образом потому, что желал привлечь их (слушателей) ко Христу. *И яже аз стражду*, говорит, *его ради стражду*. Поэтому не мне воздавайте благодарность, а Ему: Он терпит это. Это подобно тому, как если бы кто, будучи к кому-нибудь послан, попросил другого, сказав: прошу тебя, поди вместо меня к такому-то и последний после того сказал бы: я делаю это вот для кого. Так он не стыдится и эти страдания приписывать Ему, потому что (Христос) не только умер за нас, но и после смерти готов страдать ради нас. (Апостол) желал и постарался доказать, что (Христос) и теперь собственным Своим телом подвергает Себя опасности ради Церкви. К этому направлена его речь, то есть что вы не нами бываете приводимы, а Им, хотя делаем это мы, мы приняли на себя не свое дело, а Его. Это все равно, как если бы какой-нибудь отряд находился в битве под защитой военачальника, а потом, в отсутствии последнего, второстепенный военачальник стал бы принимать на себя направленные против него удары до окончания сражения. А что (апостол) действительно за Него (Христа) это делал, об

этом послушай, как он сам говорит: *за тело его,* желая этим сказать, что я не вам угождаю, а Христу, потому что терплю за Него то, что должно было терпеть Ему. Посмотри, как много он выказывает, обнаруживая сильную любовь. Как во втором послании к Коринфянам он писал: *в нас положи служение примирения* (2 Кор. V, 18), и еще: *во Христе посольствуем, яко Богу молящу нами* (ст. 20), — так и здесь, чтобы более привлечь их, говорит то же: *его ради стражду,* то есть хотя тот, кто должен вам, и удалился, но я отдаю Его долг. Вот и о *лишении* он говорит с целью показать, что, по его мнению, Христос еще не все претерпел. За вас, говорит, Он и по смерти страдает, если требует нужда. То же он представляет иначе и в послании к Римлянам, говоря: *иже и молится за ны* (VIII, 32), показывая, что Он не удовольствовался только смертью, а и после того делает за нас бесконечно многое. Таким образом он говорит это не для собственного превозношения, но желая показать, что Христос и доселе заботится об них, а для удостоверения в своих словах прибавляет: *за тело его.* Что это действительно так, что здесь нет никакой несообразности, видно из того самого, что это делается *за тело его.* Видишь, какая связь между нами и Им? Итак, зачем же вы вводите тут еще посредство ангелов? *Емуже,* говорит, *аз бых служитель.* Зачем еще вводите тут других — ангелов? *Аз* есмь *служитель.* Затем показывает, что сам он ничего не сделал, хотя и служитель. *Емуже бых,* говорит, *аз служитель по смотрению Божию, данному мне в вас, исполнити слово Божие* (ст. 25). *По смотрению.* Этим он или то сказал: так Он желал, чтобы, по отшествии Его, мы сделались преемниками служения в деле домостроительства, чтобы вы не остались покинутыми, сам же Он страдал, сам и посланником был, или выразил такую мысль: мне, жесточайшему из всех гонителю, для того и попустил (Бог) преследовать (Христа), чтобы

сделаться достойным вероятия при проповедании, — или он упомянул о домостроительстве в том смысле, что требовал не дел, или подвигов, или заслуг, а веры и крещения. Ведь иначе вы не приняли бы его учения. *В вас,* говорит, *исполнити слово Божие.* Слово: *исполнити* он употребляет по отношению к язычникам, показывая, что они доселе еще колеблются: то, что язычники могли воспринять столь высокие догматы, было делом не Павла, а домостроительства Божия: я, говорит сам не имел бы силы. Указавши же на более важное, то есть что страдания его — Христовы (страдания), он представляет за тем более понятное, то есть что и *исполнити слово Божие в вас* также дело Божие. Здесь он, хотя неясно, показывает, что и в том обнаружилось домостроительство, что вы теперь признаны способными слушать слово (Божие), и это не от небрежения, а с той целью, чтобы вы сделались способными и к принятию его. Бог не вдруг все делает, но, по великому человеколюбию Своему, приспособляется к нам; и вот причина, по которой Христос пришел ныне, а не в древнее время. Так и в Евангелии (Бог) показывает, что Он для того посылал прежде рабов, чтобы (иудеи) не подвиглись на убийство Сына. Если они не устыдились Сына, когда Он пришел после рабов, то тем более, если бы пришел прежде. Если уж они не послушались меньших приказаний, то как слушались бы больших? Итак, что же говорит он? Разве иудеи и язычники до сих пор не находятся еще в худшем состоянии, чем были прежде? Это наконец верх беспечности! После такого долгого времени, после стольких наставлений все еще оставаться несовершенными — это крайнее нерадение!

3. Итак, когда язычники будут спрашивать, почему только теперь пришел Христос, мы не позволим говорить им это, а сами спросим: а разве Он не исполнил своего дела. Как в том случае, если бы Он и с самого

начала пришел и не совершил Своего дела, недостаточно было бы, для оправдания Его, указать на время Его пришествия, так и теперь, когда Он совершил Свое дело, нам несправедливо было бы требовать отчета во времени Его пришествия. И у врача, который исцелил болезнь и возвратил больному здоровье, никто не станет требовать отчета касательно лечения; и у полководца, который одержал победу, никто не станет выпытывать, почему он сделал это в такое-то время и в таком-то месте. Спрашивать об этом можно было бы тогда, когда бы он не сделал этого; а если сделал, то нужно принимать. Скажи мне, что более достойно веры: твои ли выдумки и рассуждения, или выполнение самого дела? Ты мне вот что скажи: победил ли Он, или нет? Одержал ли верх, или нет? Привел ли к окончанию то, что говорил, или нет? Вот в чем должен состоять отчет. Скажи мне, ты конечно исповедуешь, что есть Бог, хотя и не признаешь Христа? Я спрашиваю тебя: ведь Бог безначален? Ты конечно подтвердишь это. Скажи же мне: почему Он не сотворил людей за тысячи лет прежде? Тогда бы они больше времени уже прожили; а если бытие составляет благо, то тем большее благо — существовать дольше. Но теперь разве они понесли какой-нибудь ущерб за то время, когда их не было? Нет, ущерба не понесли; почему, это знает тот, кто сотворил их. Опять спрашиваю тебя: почему Он не сотворил всех вдруг, а сделал так, что душа одного, который сотворен первым, существует уже столько лет, между тем как на долю другой, которая еще не произошла на свет, достается жить меньше. Зачем Он устроил так, что тот является на свет первым, а этот — последним? Подобные вещи действительно стоят того, чтобы исследовать их, но — не из праздного любопытства; последнее само по себе еще не составляет и исследования. Но я тебе покажу настоящую причину того, о чем начал говорить (то

есть почему Христос явился поздно). Согласись, что человеческая природа имеет свои возрасты, что в первые времена наш род находился в состоянии младенчества, в следующие затем времена — в положении юности, а в те времена, которые приближаются к старости, в положении старца; наконец, когда, по ослаблении телесных членов и по прекращении борьбы, душа окрепла, — мы достигли и до любомудрия. Ты скажешь: напротив, мы учим детей с малых лет. Правда, учим, но только неважным предметам, а разве тому, чтобы только правильно говорить, развивая в них дар слова; да и то уже тогда, когда они начнут подрастать. Посмотри, и Бог поступал точно таким же образом с иудеями; точь-в-точь как к детям, Он приставил к иудеям учителя грамоты Моисея, который возводил их, так же как мы детей, к постепенному изучению письменных знаков, изображая их на доске. *Сень бо имый закон грядущих благ, а не самый образ вещей* (Евр. X, 1). И как мы покупаем детям гостинцы и даем им денег, требуя от них только одного, чтобы они тотчас же шли в училище, так и Бог в то время посылал (иудеям) изобилие и довольство, желая получить от них, за такое внимание к ним, одно, чтобы только слушали Моисея. Для этого-то Он поручил их наставнику, чтобы они не пренебрегали им, а смотрели бы на него, как на нежного отца. И смотри, они и боялись только его одного, — не спрашивали: где Бог? А — где Моисей? Он наводил на них страх одним своим присутствием. Когда же они поступали худо, смотри, как он их наказывал. Бог хотел отвергнуть их, но Моисей не допустил; вернее же сказать, тут все было делом Божиим. Он изрекал угрозы так же, как отец; а Моисей, как учитель, умолял Его и говорил: предоставь мне, с этих пор я беру их на свои руки. Таким образом пустыня была настоящим училищем. И как дети, проведши несколько времени в занятиях, стараются уйти,

так и они в то время постоянно стремились в Египет, плакали, говорили: мы пропали, мы прожились, мы погибли. Моисей разбил и скрижаль, на которой написал было им как бы названия (вещей). Он поступил так же точно, как и учитель, который, взяв доску и увидев на ней худое письмо, бросает и доску, желая показать этим сильный гнев; и хоть и разобьет ее, отец не будет гневаться, потому что тот старался и писал, а они не смотрели на него, зевали только по сторонам и шалили. И как дети, во время занятий своих, бьют друг друга, так и он, в то время, повелевал одним бить и убивать других. И опять, он наказывал их, как (учитель), который давал уроки и, спросив, находил их неприготовленными. (Какие это уроки) представлю пример: были такие письмена, которые указывали на силу Божию, явленную в Египте. Да, говорит, но эти письмена объявляли о казнях (египетских), о том, что Бог наказывает врагов, и заключали в себе урок, весьма поучительный (для иудеев). Чем иным было наказание врагов для вас, как не благодеянием? Да и другими способами Он вам благодетельствовал. Это все равно, как если бы кто-нибудь стал бы уверять, что он знает буквы, а когда стали бы спрашивать его в разбивку, он не в состоянии был отвечать и за то был наказан: так и они говорили, что знают силу Божию, но когда требовалось показать это знание в различных случаях, они не находились отвечать и за то были наказываемы. Ты видишь воду? Должен вспомнить при этом о воде египетской: кто превратил воду в кровь, тот может сделать и это. Все равно как мы часто говорим детям: когда увидишь в книге букву: а, помни, что это тот самый знак, какой и у тебя на дощечке. Видишь голод? Вспомни, что он истребил (в Египте) все, что ни уродилось. Видишь войны? Вспомни о потопе. Видишь, что землю населяют сильные народы? Но они не

сильнее египтян, и тот, кто изъял тебя из среды их, не гораздо ли легче может спасти тебя, когда ты не в их руках? Но они не умели отвечать вперемешку на все вопросы, относящиеся до их азбуки, и за то были наказываемы. Они только и знали, что ели, пили и буйствовали. Испытавши вред от удовольствий, они не должны бы были искать их в манне. Они делали то же самое, как если бы сын свободных родителей, когда стали посылать его в училище, захотел жить вместе с рабами и служить у них; как если бы, получая все необходимое для содержания, приличного человеку свободному, занимая место за столом своего отца, он нашел для себя приятным беспорядочный и шумный стол рабов. Так и они все стремились в Египет, хотя говорили Моисею: ей, Господи, *вся елика* глаголеши, *сотворим и послушаем* (Исх. XXIV, 7). И как бывает с сильно распущенными детьми, что отец хотел бы иногда убить их, а учитель постоянно упрашивает его за них, так и в то время происходило то же самое.

4. Но почему об этом рассказано нам? Потому, что и мы ничем не отличаемся от детей. Хочешь ли еще слышать учение их, чтобы видеть, как много в нем детского? *Око за око,* говорит, *и зуб за зуб* (Лев. XXIV, 20). И это естественно. Нигде склонность к мщению не бывает так сильна, как в душе ребенка. Так как мстительность есть страсть самая безрассудная, а этому возрасту особенно свойственна нерассудительность и недостаток обдуманности, то понятно, почему гнев имеет неограниченную власть над детьми. И владычество гнева до такой степени сильно, что часто бросаются на землю и потом, вскочив, бьют себе от злости колена, или опрокидывают скамейки, и уже только после этого начинает утихать в них мучительная страсть и остывать их бешенство. В этом роде Бог действовал, когда позволил им исторгать око за око и зуб за зуб, или когда поражал

египтян и амаликитян за обиды, наносимые им (иудеям). Бог дает позволение поступать таким образом, как отец, который, когда какой-нибудь (малютка) скажет: отец, такой-то меня прибил, — отвечает: он злой человек, мы не будем его любить. В таком же смысле и Бог говорит: я буду врагом врагов твоих, и возненавижу ненавидящих тебя. И опять, когда молился Валаам, им оказано было такое же снисхождение, как детям. Подобно тому, как бывает с детьми, что, когда они увидят что-нибудь такое, что само по себе вовсе нестрашно, — например шерсть, или что-нибудь подобное, — вдруг начинают пугаться, а мы, чтобы эта вещь не наводила на них страха, подносим ее к ним и даем в руки, или заставляем кормилицу показать ее, так поступил и Бог. Так как прорицатель был для них страшен, Он превратил их страх в смелость. И как детям, отучаемым от груди, в утешение дается рожок, так и иудеям Бог не отказывал ни в чем, и посылал им полное довольство. Но дитя и после того все еще просит груди: и они также все искали Египта и египетского мяса.

Таким образом, тот не погрешит, кто назовет Моисея их учителем, воспитателем и руководителем. А это был человек весьма мудрый; ведь не одно и то же — руководить людьми, уже способными рассуждать зрело, и управлять неразумными детьми. Если угодно, можно сказать и еще что-нибудь. Как воспитатель говорит ребенку: когда пойдешь ты для естественной нужды, то будь осторожней, оберегай свое платье, пока будешь сидеть, — так поступал и Моисей. И как в детях, у которых еще нет возницы, господствуют все страсти: тщеславие, своенравие, безрассудство, гнев, зависть — так и над иудеями господствовали все эти (страсти): они плевали на Моисея, они его били. И как дитя поднимает на кого-нибудь камень, и все мы кричим: не бросай, так и они поднимали камни на своего отца, хотя впрочем он

и избегал их. И как дитя, если видит на отце какие-нибудь украшения, просит их себе, потому что они ему нравятся, так поступили и сообщники Дафана и Авирона, восставшие против священства. Они были завистливы, малодушны больше, чем всякий другой, и во всех отношениях (были люди) с недостатками. Итак, скажи мне, неужели надлежало Христу явиться в то время? Давать заповеди, имеющие такой глубокий смысл в такое время, когда они находились под властью неистовой страсти, когда, по своему сладострастию, это были настоящие кони, когда они были рабами корыстолюбия и чревоугодия? Он напрасно стал бы расточать уроки любомудрия и рассуждать с людьми безумными. Они не поняли бы ни того, ни другого. Как тот, кто начал бы учить чтению прежде, чем азбуке, никогда не научил бы даже и азбуке, так было бы и тогда. Но теперь не то: теперь, по благодати Божией, всюду насаждена великая кротость и великая добродетель. Будем же благодарны за все и не станем предаваться праздному любопытству. Не нам знать время, а тому, кто сотворил время и создал века. Предоставим же все Ему. Воздавать славу Богу значит не требовать у Него отчета в Его делах. Так воздал славу Богу и Авраам, *известен быв, яко, еже обеща, силен есть и сотворити* (Рим. IV, 21). Он даже и о будущем не спрашивал; а мы ищем причины тому, что уже прошло. Посмотри, какое тут неразумие, какая неблагодарность! Но оставим это наконец, потому что от этого не будет никакой пользы, а даже еще большой вред; будем питать в душе признательность к нашему Владыке и воссылать славу Богу, чтобы, вознося благодарение за все, удостоиться Его человеколюбия, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Тайну сокровенную от век и от родов, ныне же явися святым его, имже восхоте Бог сказати, кое богатство славы тайны сея во языцех, иже есть Христос в вас, упование славы, егоже мы проповедуем, наказующе всякого человека, и учаще всякого человека во всякой премудрости, да представим всякого человека совершенна о Христе Иисусе (Кол. 1, 26—28)

1. Сказав о том, что мы получили, и показав из величия дарованных нам (благ) человеколюбие и славу Божию, (Павел) присовокупляет еще другое дополнение, что прежде нас никто не знал этой (тайны). То же он делает и в послании к Эфесянам, когда говорит: ни ангелы, ни начала, ни иная какая-либо созданная сила, но один Сын Божий знает (Еф. III, 5). Потому и не сказал просто: скрытую, но: *сокровенную*, как потому, что, хотя она и ныне совершилась, однако она древняя, так и потому, что Бог издавна восхотел этого и так предначертал. Но почему, об этом еще не говорит. *От век*, говорит, *изначала*. И справедливо назвал тайной то, чего никто не знал, кроме Бога. Где же *сокровенную?* Во Христе, как говорит в послании к Эфесянам, или, как некогда сказал пророк: от *века и до века ты еси* (Пс. LXXXIX, 3). *Ныне же явися*, говорит, *святым его*. Итак, все это есть дело домостроительства Божия. *Ныне же*, говорит, *явися*. Не сказал: совершилась, но: *явися святым его*. Если явилась одним только святым, то значит еще и ныне скрывается. Пусть же они (еретики) не прельщают вас: не знают, почему (апостол) сказал: (только тем) *имже восхоте*. Смотри, как он везде предупреждает их вопросы. *Имже*, говорит, *восхоте Бог сказати;* а воля Его не неразумна. Он сказал это для того, чтобы они более покорялись благодати, и не превозносились своими добрыми делами. *Кое богатство славы*

тайны сея во языцех. Глубокомысленно сказал и усилил речь, приискивая от преизбытка чувства пояснения к пояснениям. Самая эта неопределенная речь: *богатство славы тайны сея во языцех* тоже содержит в себе пояснение, — потому что слава более всего является в язычниках, как и говорит в другом месте: *а языком по милости прославити Бога* (Рим. XV, 9). И в других является великая слава тайны; но в них гораздо более. Людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, — это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престоле. Смотри: они поклонялись камням и земле, считая их лучшими неба и солнца, думая, что весь мир служит им, были пленниками и узниками диавола, и вдруг наступили на главу его и стали повелевать им и бичевать его. Слуги и рабы демонов сделались телом Владыки ангелов и архангелов. Не знавшие даже что есть Бог вдруг стали сопрестольниками Бога. Хочешь видеть бесчисленные ступени, которые они перешагнули? Нужно было им, во-первых, узнать, что камни не боги, во-вторых, что они не только не боги, но и ниже людей, в-третьих, ниже бессловесных, в-четвертых, ниже растений, в-пятых, что они (язычники) смешали совершенно противоположные предметы, что не только камни, но ни земля, ни животные, ни растения, ни человек, ни небо, ни то, что выше неба (не есть Бог); опять, — что ни камням, ни животным, ни растениям, ни стихиям, ни горнему, ни дольнему, ни человеку, ни демонам, ни ангелам, ни архангелам, ни другой какой-либо из тех высших сил не должна поклоняться человеческая природа. Как бы черпая

из некоей глубины, им надлежало познать, что Владыка всего — Он есть Бог, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь — не жизнь, что тело восстает, делается нетленным, восходит на небеса, сподобляется бессмертия, водворяется с ангелами, преселяется. Человека, стоявшего так низко, после того, как он перешагнул все эти (ступени, Христос) посадил на небесах, на троне; того, который был ниже камней, поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств. Действительно, хорошо сказал: *кое богатство славы тайны, сея.* Дело подобно тому, как если бы кто-нибудь глупого вдруг сделал философом. А лучше сказать, что ни говори, ничего не объяснишь, потому что и Павловы слова неопределенны. *Кое,* говорит, *богатство славы тайны сея во языцех, иже есть Христос в вас?* Еще надлежало познать, что Тот, кто выше всех, кто господствует над ангелами и имеет власть над всеми прочими силами, нисшел долу, сделался человеком, претерпел бесчисленные мучения, воскрес и вознесся.

2. Все это было следствием тайны, и Павел торжественно возвещает это, когда говорит: *иже есть Христос в вас.* Если же Он в вас, то для чего вы ищете себе учителей из ангелов? *Тайны, сея.* Есть и другая тайна; но это, по преимуществу, тайна, которой никто не знал, которая досточудна, которой никто не ожидал, и она была сокрыта. *Иже есть Христос в вас,* говорит, *упование славы, Егоже мы проповедуем,* приняв Его свыше. *Егоже* (проповедуем) *мы,* а не ангелы, *учаще и наказующе,* а не повелевая и не принуждая: ведь и то, что люди приводятся к Богу не насильственно, есть дело человеколюбия Божия. Так как *учаще* — слово великое, то он прибавил: *и наказующе,* что более свойственно отцу, чем учителю. *Егоже,* говорит, *мы проповедуем, наказующе всякаго человека, и учаще* всякого человека во *всякой премудрости,*

то есть со всякой премудростью и разумом, или — все говоря в премудрости. Поэтому, здесь нужна вся премудрость, так как познать это не всякий может. *Да представим всякаго человека совершенна о Христе Иисусе.* Что ты говоришь — *всякаго человека?* Да, говорит, мы об этом заботимся. Что же, если бы это не исполнилось? Все-таки блаженный Павел старался сделать совершенным. Итак, это — совершенство, а то — несовершенно. Следовательно, кто имеет не всю мудрость, тот несовершен. *Совершенна о Христе Иисусе:* не о законе, и не об ангелах, потому что это несовершенно. *О Христе,* то есть в познании Христа. Кто знает, что сделал Христос, тот постиг более ангелов. *О Христе Иисусе: в немже и труждаюся и подвизаюся* (ст. 29). Не просто стараюсь, говорит, не как случилось; но *труждаюся и подвизаюся* с великим тщанием, то есть с великим бодрствованием. Если я так бодрствую для вашего блага, то сами вы должны (бодрствовать) гораздо более. Затем, чтобы показать, что это дело Божие, говорит: *по действу его действуемому во мне силою* (ст. 29). Показывает, что это — дело Божие. Дающий мне силы для этого, очевидно, этого желает. Потому и в начале сказал: *волею Божиею* (ст. 1). Итак (апостол) сказал так не только по смирению, но и по истине. *И подвизаюся.* Этим словом он показал, что против него воюют многие. Затем (выражает) великую любовь. *Хощу убо вас ведети, колик подвиг имам о вас и о сущих в Лаодикии* (II, 1). Чтобы не показалось, что причиной такого желания их слабость, он присовокупил и других, и еще не упрекает (их). *И елицы не видеша лица моего во плоти.* Здесь ясно показывает, что они постоянно видели его духом и свидетельствует им великую любовь свою. Потому и прибавил: *да утешатся сердца их, снемшихся в любви, и во всяком богатстве извещения разума, в познание тайны Бога Отца и Христа: в немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна*

(ст. 2, 3). Вот уже он спешит и заботится перейти к учению, и не обвиняя, и не освобождая их от обвинения. *Подвиг,* говорит, *имам.* С какой целью? Чтобы соединиться. Это значит: чтобы они твердо стояли в вере. Но он не говорит так, устраняя все, клонящееся к обвинению. Это для того, чтобы они соединились по любви, а не по необходимости, или насилию. Он, как я сказал, неутомимо и постоянно поучал их. Потому и говорит: *подвизаюся,* потому что я хочу, чтобы (это сделалось) по любви и добровольно. Я хочу не того только, чтобы было собрание, не уста только, но *да утешатся сердца их, снемшихся в любви, и во всяком богатстве извещения разума,* то есть, чтобы они ни в чем не сомневались, чтобы во всем были убеждены. Он говорит о том убеждении, которое происходит от веры. Бывает убеждение и вследствие умозаключений; но оно не имеет никакой цены. Я знаю, говорит, что вы веруете; но хочу, чтобы вы были убеждены не в одном богатстве, но *во всяком богатстве,* чтобы вы были убеждены и во всем и твердо. Смотри, какое благоразумие у блаженного Павла. Он не сказал им: вы худо делаете, что не имеете убеждения, – не обвинил их; но: вы не знаете, как забочусь я о том, чтобы вы были убеждены разумно, а не безотчетно. Так как сказал о вере, то и прибавляет: не думайте, что я сказал просто и необдуманно; нет, – разумно, с любовью. *В познание тайны Бога Отца и Христа.* Следовательно, привлечение (к Отцу) через Сына есть тайна Божия. *И Христа, в немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна.* Если же они в Нем, то Он премудро пришел ныне (на землю). За что же обвиняют нас некоторые неразумные? Смотри, как он говорит людям малосведущим: *в Немже вся сокровища:* Он все знает. *Сокровенна.* Не думайте же, что вы уже имеете все: *сокровенна* и от ангелов, не только от вас. Значит, у Него должно всего просить; Он дает премудрость и знание. Итак,

словом: *сокровища* показывает множество, словом: *вся* — что Он (все) знает, а словом: *сокровенна* — что Он один знает. *Сие же глаголю, да никтоже вас прелстит в словопрении* (ст. 4).

3. Видишь, говорит, я это сказал для того, чтобы вы не искали (знания) у людей. *Прелстит*, говорит, *в словопрении*. Что же, если (кто-нибудь) говорит убедительно? *Аще бо и плотию отстою, но духом с вами есмь* (ст. 5). Последовательность требовала бы сказать: хотя я и отстою плотью, тем не менее знаю обманщиков; но теперь он оканчивает похвалой. *Радуяся и видя ваш чин и утверждение вашея веры, яже во Христа* (ст. 5). Чином он называет благоустройство. *И утверждение вашея веры, яже во Христа*. Это величайшая похвала. И не сказал: веру, но: *утверждение*, как будто говорит воинам, стройно и твердо стоящим. Кто тверд, того не поколеблют ни обольщения, ни искушения. Вы, говорит, не только не пали; но у вас никто не расстроил и чина. Он поставил себя между ними, чтобы они боялись его, как бы он при них находился, потому что через это сохраняется чин (благоустройство). Сплоченность — от твердости. Твердость же происходит тогда, когда ты, собрав много (вещей), склеишь их плотно и неразрывно; тогда происходит твердость, как, например, в стене. То же делает любовь. Когда она плотно совокупит и соединит людей, живущих отдельно, она делает их твердыми. То же делает и вера, когда она не позволяет господствовать в нас размышлению, потому что как размышление разделяет и колеблет, так вера укрепляет и утверждает. Так как Бог даровал нам блага, превышающие человеческое разумение, то Он по справедливости требует веры, потому что не может быть твердым тот, кто ищет объяснений. Все наши важнейшие (догматы) чужды умствований и доступны только вере. Бог нигде и везде: что непонятнее этого для разума? И в том, и в другом содержится много

необъяснимого. Он не заключается в месте, и в Нем нет места. Он не произошел (ни от кого), ни сам себя не сотворил, и не начинал своего бытия. Какой разум принял бы это, если бы не было веры? И не показалось ли бы это смешным? А не иметь конца, — разве это не труднее всякой загадки? Он безначален, нерожден, неописуем и беспределен, — и это также непостижимо. Не можем ли мы, по крайней мере, объяснить умом бестелесность Его? Посмотрим. Бог бестелесен. Что такое — бестелесен? Одно голое слово; ум ничего не извлекает из него, и ничего себе не представляет. Если бы он представил себе что-нибудь такое, то перешел бы к вещественному, к тому, из чего образуется тело. Значит, когда уста говорят о бестелесном, ум не понимает, о чем они говорят, или понимает только то, что бестелесное — не тело. Да что я говорю о Боге? Что такое бестелесность нашей души, имеющей начало, заключенной (в теле), описуемой? Скажи, покажи! Но ты не можешь. Она воздух? Но воздух — тело, хотя и нетвердое; из многих явлений видно, что он есть жидкое тело. Она огонь? Но огонь — тело; а действие души бестелесно. Почему? Потому, что она всюду проникает. Если же она — не тело, то бестелесное в (определенном) месте; поэтому и описуема; описуемое же имеет фигуру; фигура же состоит из линий; линии же — принадлежность тел. Опять, что значит бесформенный? Не имеющий ни формы, ни вида, ни образа. Видишь, как путается мысль! Еще: природе (Божией) несвойственно зло; но добрым каждый бывает только по своей воле; следовательно, зло свойственно ей. Но этого сказать нельзя, да не будет! Еще: по воле (Бог) имеет бытие, или по неволе? Но и этого нельзя сказать. Еще: ограничивает (Он) вселенную, или нет? Если не ограничивает, то сам ограничивается ею; если же ограничивает, то Он беспределен по природе. Еще: ограничивает ли Он сам себя?

Если ограничивает, то, значит, Он и безначален не в отношении к самому себе, а в отношении к нам; следовательно безначален не по природе. Везде приходим к противоречивым заключениям. Видишь, какой мрак и как везде нужна вера! Одна она тверда. Но, если хотите, перейдем к меньшим предметам. Существо (Божие) действует. Что же такое в нем деятельность? Движение какое-нибудь? В таком случае оно не неизменяемо, потому что движущееся изменяется, из состояния неподвижности переходит в состояние движения. Однако же (существо Божие) движется и никогда не бывает в неподвижном состоянии. Какое же это движение, скажи мне? У нас есть семь различных движений: вниз, вверх, внутрь, наружу, вправо, влево и вокруг. Кроме этого бывает: увеличение, уменьшение, рождение, разрушение, изменение. Но то движение несходно ни с одним из этих движений, а совершается подобно движению ума? Вовсе не так, да не будет, потому что ум движется иногда глупо. Действие (Божие) есть желание? Но Он хочет, чтобы все люди были добродетельны и спаслись: почему же это не исполняется. Значит, желание — не то, что действие? В таком случае для действия недостаточно одного желания. А как же говорит Писание: *вся елика восхоте, сотвори* (Пс. CXIII, 11)? Как и прокаженный говорит Христу: *аще хощеши, можеши мя очистити* (Мф. VIII, 2)? Скажу и другое, если хотите. Каким образом сущее произошло из несущего? Каким образом оно обращается в ничто? Что выше неба? И опять: что выше того высшего? И что выше этого? И что за тем? И так до бесконечности. Что ниже земли? Море. А ниже его что? И ниже этого опять что? А вправо, влево, — разве не такая же неизвестность?

4. Но это — невидимое. Хотите, скажу о предметах видимых, о том, что было? Скажи мне, как Иона был во чреве зверя и не погиб? Разве это согласно с разумом?

Не напрасно ли (старание) объяснить это? Как (кит) пощадил праведника? Как не задушил его жар? Как не сгноил? Если трудно быть только в глубине моря, то гораздо труднее находиться во внутренностях (кита) и в таком жару. Как Иона дышал там? Как доставало вдыхаемого воздуха для двух живых существ? Как (кит) изверг пророка невредимым? Как говорил (Иона)? Как он сознавал себя и молился? Разве вероятно все это? Если будем исследовать разумом, невероятно; если же верой, то весьма вероятно. Скажу нечто более этого. Зерно в недрах земли гниет и восстает. Смотри, (тут два) противоположных чуда, и одно другого удивительнее. Удивительно и то, что зерно не истлевает, и то удивительно, что гниющее восстает.

Где неверующие воскресению и говорящие: как эта кость соединится с этой, и вводящие тому подобные басни? Скажи мне: как Илия вознесся на огненной колеснице (4 Цар. II, 11)? Огню свойственно жечь, а не возносить. Как (Илия) живет (на небе) столько времени? В каком находится месте? Для чего это случилось? Куда преселен Энох? Вкушает ли такую же пищу, как мы? Что мешает быть ему здесь? Но он не вкушает нашей пищи? Зачем он взят отсюда? Смотри, как Бог постепенно наставляет нас. Он преселил Эноха; это не очень важно: то же показал нам в вознесении Илии. Заключил Ноя в ковчеге; но и это не очень важно: тому же научил нас, заключив пророка в ките. Так и ветхозаветные события имели нужду в предтечах и прообразах. Как в лестнице первая ступень ведет ко второй, а нельзя с нее ступить на четвертую, и эта (имеет отношение) к той, чтобы та служила путем к этой, и прежде первой нельзя ступить на вторую, — так и здесь. Замечай знаки знаков и увидишь это в лестнице, которую видел Иаков. Вверху, говорится, утверждался Господь, а внизу восходили и нисходили ангелы. Это предвозвещало, что

Отец имеет Сына. Надлежало верить этому. Откуда показать тебе знаки этого? Как ты хочешь: сверху ли вниз, или снизу вверх? Нужно было показать, что (Отец) родит бесстрастно, и вот сначала родила неплодная. А лучше начнем сверху. Надлежало веровать, что (Сын рождается) от Отца. Что же? Было и это (предвозвещено), хотя неясно, как бы в образе и тени однако же было; а с течением времени становится несколько яснее. Жена (Евва) из одного человека, и он остается целым. Кроме того, надлежало быть какому-нибудь знамению рождения от Девы. Рождает неплодная, и не однажды, но дважды, трижды и многократно. Итак, неплодная была прообразом рождения от Девы и побуждает наш разум к вере. (Рождение от неплодной) было знамением и того, что Бог (Отец) один может рождать. Если человек, совершеннейшее существо, рождается и без него (бесстрастно), то тем более он рождается из существа, которое совершеннее (человека). Есть и другое рождение, которое есть образ истины, наше (рождение) от Духа. Неплодная была образом и этого рождения, потому что оно не из кровей. А это (рождение от Духа) есть образ высшего рождения (Сына от Отца). То рождение показало бесстрастие, а это — что может родиться от одного (Бога Отца). Христос есть Владыка, выше всех; надлежало веровать этому. Это показано в (образе) земли при (сотворении) человека: *сотворим*, сказано, *человека по образу и по подобию нашему и да обладает* всеми бессловесными (Быт. I, 26). Так (Бог) научил нас не словами, но делами. Рай показал различие в природе и превосходство человека перед всеми (тварями). Христу надлежало воскреснуть, — смотри же, сколько прообразов этого: Энох, Илия, Иона, отроки в пещи, потоп во дни Ноя, семена, растения, рождение, как наше, так и всех животных. Так как (сомнение) о воскресении все могло

подвергнуть опасности, то воскресение имело много прообразов, — гораздо более, чем все прочее. Что все происходит не без провидения, об этом можно заключать из того, как у нас бывает: у нас ничто не остается без надзора; и для стада и для всего другого нужно, чтобы кто-нибудь управлял. А что неслучайно все произошло, показывает геенна, показал потоп при Ное, огонь, потопление египтян, (чудеса), совершившиеся в пустыне. Нужно было многое, что служило бы предзнаменованием крещения; и (предзнаменования) были: то, что совершено в воде, и многое другое, что было в Ветхом Завете, что было в купели, очищение больного, самый потоп, крещение Иоанна. Надлежало веровать, что Бог предаст (на смерть) Сына своего: наперед сделал это человек. Кто же это? Патриарх Авраам. Таким образом, мы найдем прообразы всего этого, если захотим, если поищем в Писании. Но не будем утомлять себя; ограничимся этим; будем иметь твердую веру, и постараемся об исправлении своей жизни, чтобы, благодаря Бога о всем, удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Якоже убо приясте Христа Иисуса Господа, такожде в нем ходите, укоренени и наздани в нем, и извествовани верой, якоже научистеся, избыточествующе в ней благодарением (Кол. II, 6, 7)

1. Опять предваряет их собственным свидетельством, говоря: *якоже приясте.* Мы, говорит, не вводим ничего чуждого; поэтому и вы не должны вводить. *В нем ходите,* потому что Он есть путь, приводящий к Отцу.

Такой путь не в ангелах, — этот не ведет туда. *Укоренени,* то есть утверждены; не увлекаясь то на тот, то на другой путь, но *укоренени;* а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какие точные выражения употребляет (Павел)! *И наздани,* говорит, то есть возносясь к Нему умом. *И извествовани* в Нем, то есть держась на Нем, как устроенные на основании. Показывает, что они пали, — это видно из слова: *наздани.* Вера, действительно, есть здание, требующее крепкого основания и прочного построения. Оно колеблется, если кто построит его не на крепком основании; а если и на крепком построит, но не утвердит, не будет стоять. *Якоже научистеся.* Словом: *якоже* опять показывает, что он ничего не говорит нового. *Избыточествующе,* говорит, *в ней благодарением.* Так поступают благомыслящие люди: я не говорю просто: благодаря, но с великим избытком, более, чем научены, если можно, и с великим соревнованием. *Блюдитеся, да никтоже вас будет прелщая* (ст. 8). Видишь, как он показал татя, чуждого и тихо входящего! Он представил его уже входящим. И хорошо сказал: *прелстит* (обкрадет). Как иной, подкапывая снизу насыпь, не дает себя заметить, а насыпь ослабляет, так и он поступает. Итак, берегитесь: он всегда так делает, — не дает даже заметить себя. *Философиею.* Но так как философствование кажется делом похвальным, то прибавил: *и тщетною лестию.* Лесть (обман) бывает и добрая; такой были прельщены многие, и ее не должны называть лестью; о ней говорит Иеремия: *прелстил мя еси, Господи, и прелщен есмъ* (Иер. XX, 7). Этого не должно называть лестью. Так, когда Иаков прельстил отца, — это не была лесть, а (Божие) устроение. *Философиею,* говорит, *и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе* (ст. 8).

Теперь начинает обличение в наблюдении дней, называя стихиями мира солнце и луну, подобно тому,

как сказал в послании к галатам: *како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихии* (Гал. IV, 9)? И не сказал: в наблюдении дней, но: всего настоящего *мира,* чтобы показать ничтожество его. Действительно, если мир — ничто, то еще более ничтожны стихии его. Итак, показав сначала, сколь великие получили они благодеяния, какими великими благами насладились, потом начинает обвинение, чтобы дать ему больше силы и тронуть слушателей. Так всегда делают и пророки. Они показывают сначала благодеяния (Божии), и тем увеличивают силу обвинения, как говорит Исаия: *сыны родих и возвысих, тии же отвергошася мене* (Ис. I, 2); и опять: *людие мои, что сотворих вам, или чим оскорбих вас, или чим стужих вам* (Мих. VI, 3); и Давид говорит: *услышах тя втайне бурне,* и еще: *расшири уста моя, и исполню я* (Пс. LXXX, 8, 11). И везде найдешь это. Итак, что бы ни говорили они (обольщающие), не должно верить; ныне и без (напоминания) о благодеяниях должно избегать стихийных мудрований). *А не по Христе,* говорит. Если бы даже и так было, что вы могли бы служить пополам и тому и другому, и этого не должно бы быть, ныне же этого не позволяет вам то, что *по Христе,* оно удерживает вас от них (суеверий). Поколебав сначала эллинские суеверия, затем разрушает иудейские. У эллинов и иудеев было много суеверий, у первых они происходили от философии, а у последних от закона. (Павел) прежде обращается к тем, которые подлежат большему осуждению. Как же *не по Христе? Яко в том живет всяко исполнение божества телесне, и да будете в нем исполнени, иже есть глава всякому началу и власти* (ст. 9 и 10).

2. Смотри, как, обличая их, он опровергает сказанное (заблуждение): сначала предложил решение, а потом возражение. Такое решение устраняет подозрение, и слушатель скорее соглашается, когда говорящий не о

том заботится, чтобы опровергнуть возражение. В последнем случае, слушатель старается о том, чтобы не быть побежденным; а тут — не бывает этого. *Яко в том живет,* то есть, так как Бог живет в Нем. Но чтобы ты не подумал, будто Бог заключен в Нем, как в теле, говорит: *всяко исполнение божества телесне, и да будете в нем исполнени.* Некоторые говорят, что (апостол) называет здесь церковь исполненной божества Его, как в другом месте говорит: *исполняющаго всяческая во всех* (Еф. I, 23), а слово: телесне значит здесь: как в голове тело. Почему же в таком случае не прибавил он: яже есть церковь? Другие думают, что он говорит здесь об Отце, что полнота божества живет в Нем. Но это несправедливо: во-первых, потому, что слово: жить не в собственном смысле говорится о Боге, во-вторых, потому, что полнота не есть то, что принимается: *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. XXIII, 1), и апостол говорит: *дондеже исполнение языков внидет* (Рим. XI, 25); здесь исполнением называется целое. Потом, что значит слово: *телесне?* Как в главе. Для чего же опять говорить то же: *и да будете в нем исполнени?* Что значат эти слова? То, что вы имеете столько же, сколько и Он; как жило в Нем, так и в вас живет. Павел постоянно старается приблизить нас ко Христу, например, когда говорит: *с ним воскреси и спосади* нас (Еф. II, 9), и: *аще терпим, с ним и воцаримся* (2 Тим. VIII, 12), и: *како не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32), и называет (нас) *сонаследниками* (Рим. VIII, 17). Затем (говорит) о достоинстве: *иже есть глава всякому началу и власти* (ст. 10). Ужели Тот, кто выше всего, причина всего, не единосущен (Отцу)? Потом он прекрасно присовокупил здесь о благодеянии, даже лучше, чем в послании к римлянам: там он говорит: *обрезание сердца духом, не писанием* (Рим. II, 29); а здесь: во Христе. *О немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, во обрезании Христове* (ст. 11). Смотри, как он

приближается к делу. *В совлечении,* говорит, — не сказал: снятии. *Тела греховнаго,* — говорит о прежней жизни. Это он постоянно и различно выражает, как и выше сказал: *иже избави нас от власти темныя* (Кол. I, 13), *и сущих отчужденных примири представити нас святых и непорочных* (ст. 21, 22). Теперь, говорит, обрезание не от ножа, но от самого Христа; не рука, как там (в Ветхом Завете), совершает это обрезание, но дух; обрезывается не часть, но весь человек. Тело и это, тело и то; но то обрезывается плотью, а это духовно, — не так, как иудеи (обрезывали), — потому что вы совлеклись не плоти, но грехов. Когда и где? В крещении. Что (Павел) называет обрезанием, то называет и гробом. Смотри, как он опять переходит к оправданию. *Греховнаго,* говорит, *плоти,* то есть грехов, соделанных во плоти; говорит более, чем об обрезании, так как (иудеи) не отвергли того, что обрезано, но потеряли и повредили. *Спогребшеся ему,* говорит, *крещением, о немже и совостасте верою действия Бога воскресившаго его из мертвых* (ст. 12). Но (крещение) есть не гроб только: смотри, в самом деле, что говорит: *о немже совостасте верою действия Бога воскресившаго его из мертвых.* Хорошо сказал, — потому что все от веры. Вы поверили, что Бог может воскресить, — и через это воскресли. Затем (присовокупляет) достоверное: *воскресившаго,* говорит, *его из мертвых.* Уже показывает воскресение. *И вас мертвых сущих в прегрешениих и в необрезании плоти вашея, сооживил есть с ним* (ст. 13). Вы были повинны смерти. Но если вы и умирали, то не напрасно, — смерть была полезна вам. Смотри, как он опять показывает, чего они были достойны, в словах, которые присовокупляет: *даровав нам вся прегрешения. Истребив еже на нас рукописание ученми, еже бе сопротивно нам, и то взят от среды, пригвоздив е на кресте, совлек начала и власти, изведе в позор дерзновением, изобличив их в себе* (ст. 14–15). *Даровав нам,* говорит, *вся прегрешения.* Какие? Те, кото-

рые произвели смерть. И что же? Позволил им остаться? Нет; истребил их; не только даровал, но совсем истребил, чтобы они никогда не показывались. *Ученми* говорит. Какими учениями? Верой. Следовательно, (для спасения) достаточна вера. (Павел) присоединил не дела к делам, но дела к вере. Что же затем? К отпущению опять присоединяет истребление (грехов). *И то,* говорит, *взят от среды;* но не сохранил его, а разорвал, *пригвоздив е на кресте. Совлек начала и власти, изведе в позор дерзновением, победив их на нем.* Никогда он не говорил так сильно!

3. Видишь, как он заботился об уничтожении рукописания? Так как все мы были под грехом и наказанием, то Он, претерпев наказание, освободил нас и от греха, и от наказания. Наказание же Он претерпел на кресте. К нему-то и пригвоздил (рукописание), а потом, как имеющий власть, и совсем разорвал его. Какое рукописание? (Павел) говорит о том рукописании, которое (израильтяне) дали Моисею, говоря: *вся словеса, яже глагола Господь, сотворим, и послушаем* (Исх. XXIV, 3). Если же не об этом, так о том, что мы обязаны повиноваться Богу. Если же и не об этом, то о том рукописании, которое держал диавол, которое изрек Бог Адаму в словах: *в онъже аще день снеси от древа, смертию умреши* (Быт. II, 17). Это рукописание было у диавола. И Христос не отдал его нам; но сам разорвал его, как свойственно прощающему с радостью. *Совлек начала и власти.* (Апостол) говорит это о силах диавольских, или потому, что они были облечены человеческой природой, или потому, что (Христос) держал их как рукоятку меча, и, сделавшись человеком, обнажил их. Это и значит: *изведе в позор.* И хорошо это сказано, потому что диавол никогда так не бесчинствовал. Он надеялся овладеть Им (Христом), а лишился и тех, кого имел; в то время, когда тело (Христа) пригвождалось, мертвые

воскресали. Тогда диавол потерпел поражение, получив смертельный удар от мертвого тела. Как борец, считающий своего противника пораженным, сам получает от него смертельную рану, так и Он показал, что умереть со спокойным духом значит посрамить диавола. Если бы мог, диавол сделал бы все, чтобы уверить людей в том, что (Христос) не умирал. Но, так как доказательством воскресения служило все последовавшее затем время, а для доказательства смерти не было другого времени кроме этого, то Он и умер открыто, в виду всех, но воскрес не открыто, зная, что последующее затем время засвидетельствует истину. Что в виду всего мира, на высоте, на древе был умерщвлен змий, — это достойно удивления. И чего не сделал диавол, чтобы только (Христос) умер тайно? Послушай, что говорит Пилат: *поимите его вы, и распните: аз бо не обретаю в нем вины* (Ин. XIX, 6); и потом иудеи говорили Ему: *аще Сын еси Божий, сниди со креста* (Мф. XXVII, 40). Но Он уже получил смертельный удар; не сошел (со креста), и потому предан был гробу. Он мог тотчас же воскреснуть; но (не сделал этого), чтобы уверены были в смерти Его. И в смерти людей обыкновенных малодушие предосудительно; здесь нет его. Даже и воины *не пребиша Ему голений,* как другим, чтобы очевидно было, что Он умер. Известны и те, которые погребли тело Его; поэтому сами же иудеи, вместе с воинами, запечатывают камень. Здесь преимущественно старались о том, чтобы (смерть Его) не была сокрыта. Свидетели — из врагов, из иудеев. Послушай, что они говорят Пилату: *льстец он рече еще сый жив: по триех днех востану: повели убо* воинам стеречь *гроб* (Мф. XXVII, 63). Это и сделано было; они еще запечатали гроб. Послушай, как они и после говорят это апостолам: *хощете навести на ны кровь человека сего* (Деян. V, 28). Он не попустил, чтобы образ креста Его был посрамлен. Да и ангелы ничего такого

не перенесли бы. Он исполняет на кресте все, показывая, что смертью совершено великое дело. Это было похоже на единоборство: смерть поразила Христа; а Христос, пораженный ею, потом умертвил ее. Мертвым телом умерщвлен тот, кто казался бессмертным. Вселенная это видела. И, что удивительно, не поручил этого другому; дано новое рукописание, не такое, какое было прежде.

4. Смотрите, чтобы это рукописание не обвинило нас после того, как мы сказали: отрицаемся сатаны и сочетаваемся Тебе, Христе! Но лучше и не называть этого рукописанием, а договором. Рукописание дается в том случае, когда кто-нибудь признает себя должником; а это договор. Он не назначает наказаний; не сказано: если то, или: если не то. Так говорил Моисей, кропя кровью завета, и Бог обещал вечную жизнь. А это все — договор. Там раб с господином, здесь друг с другом; там: *в оньже аще день снеси,* говорится, *смертию умреши* (Быт. II, 17), — тотчас угроза; а здесь ничего такого нет. Здесь нагота и там нагота; но там (грешник) был обнажен, потому что согрешил; а здесь обнажается, чтобы освободиться (от греха). Тогда он совлекся славы, которую имел; а ныне совлекается ветхого человека, и, прежде чем выйдет (из купели), совлекает его так же легко, как одежду. Он помазывается как борцы, выступающие на поприще; в то же время и рождается, — и не мало-помалу, как тот первый, но вдруг; у него не голова только помазывается, как у ветхозаветных священников, но гораздо более. У тех для побуждения к послушанию и добрым делам, помазывались: голова, правое ухо и рука; а у него все, — потому что он приходит не для того только, чтобы поучаться, но чтобы посредством борьбы и подвигов сделаться новой тварью. Когда он исповедал вечную жизнь, то исповедал и новую тварь. *Взем персть от земли, созда человека;* а ныне уже не персть, но —

Святого Духа: Он создает, Он образует (человека), как и самого (Иисуса Христа) во чреве Девы. Не сказал: *в раю,* но *на небе,* чтобы ты, когда будет сказано земля, не подумал, что это происходит на земле. Ты перенесен туда – на небо; там это совершается, среди ангелов; Бог возносит твою душу на небо, пересоздает ее там, ставит тебя подле царского трона. Создается в воде, а получает дух, соответствующий душе. Когда создает (нового человека), не приводит к нему зверей, но демонов и князя их, и говорит: *наступайте на змию и на скорпию* (Лк. X, 19). Не говорит: *сотворим человека по образу нашему и по подобию;* но что? – *даде им чадом Божиим быти, иже не от крове, но от Бога,* говорит, *родишася* (Ин. I, 12, 13). Чтобы ты не слушал змия, сейчас же научаешься говорить: отрицаюся тебя (сатана), то есть, что бы ты ни сказал, не послушаю тебя. Но чтобы он не уловил тебя посредством других, говоришь: и гордыни его, и служения его, и ангелов его. Поставил его (возрожденного) не рай хранить, но жить на небе. Именно, восходя (от купели), он тотчас говорит следующие слова: *Отче наш, иже еси на небесех, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мф. VI, 9, 10). Перед тобой не дитя, ты видишь не дерево, не источник, но самого Владыку вдруг объемлешь, совокупляешься с телом, соединяешься с телом, находящимся горе, куда не может взойти диавол. Это не жена, чтобы он мог подойти и обольстить, как слабейшую: *несть бо,* говорит, *мужеский пол, ни женский* (Гал. III, 28). Если ты сам не снизойдешь к нему, он не сможет взойти туда, где ты; ты на небе, а небо недоступно диаволу. Там нет древа познания добра и зла, но только – древо жизни. Уже не от ребра твоего жена, но все мы едино от ребра Христова. Если помазанные людьми не получают никакого вреда от змей, то и тебе не приключится ничего, доколе ты сохранишь помазание, дающее тебе силы схватить и задушить змия, наступать на змей и скорпио-

нов. Но, как велики дары, так велико и наказание: изгнанному из рая нельзя жить противу рая и нельзя возвратиться туда, откуда изгнан. Что же будет? Геенна и червь неумирающий. Но, да не будет, чтобы кто-нибудь из нас подвергся этому наказанию. Будем, живя добродетельно, стараться делать угодное (Богу); будем угождать Богу, чтобы мы могли избежать наказания и сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Да никтоже убо вас осуждает о ядении или о питии, или о части праздника, или о новомесячиих, или о субботах, яже суть стень грядущих, тело же Христово. Никтоже вас да прелщает изволенным ему смиренномудрием и службой ангелов, яже не уведе ходя, без ума дмяся от ума плоти своея, а не держа главы, из неяже все тело составы и соузы подаемо и снемлемо, растит возращение Божие (Кол. II, 16—19)

1. Сказав сначала загадочно: *блюдитеся да никтоже вас будет прелщая по преданию человеческому* (ст. 8), и еще прежде: *сие же глаголю, да никтоже вас прелстит в словопрении* (ст. 4), и тем предрасположив душу их и сделав ее внимательной, упомянув потом о благодеяниях (Божиих) и тем еще более усилив внимание, наконец, (Павел) начинает обличение и говорит: *да никтоже убо вас осуждает о ядении, или о питии, или о части праздника, или о новомесячиих, или о субботах.* Видишь, как он разрушает это. Если, говорит, вы достигли такого (величия), то для чего подчиняете себя маловажному? Далее смягчает (обличение), говоря: *о части праздника,* так как они не

все прежнее удержали. *Или о новомесячиих, или о субботах.* Не сказал: не сохраняйте же, но: *да никтоже вас осуждает;* показал, что они преступают и разрешают, но вину сложил на других. Не подчиняйтесь, говорит, тем, которые вас осуждают. Нет, впрочем, и этого: он только рассуждает с ними, а не заграждает их уст, не запрещает им рассуждать. Он и не коснулся этого. Не сказал: (в различении) чистого и нечистого, не сказал: (в соблюдении праздника) кущей, или опресноков, или пятидесятницы, но: *о части праздника,* — так как они не дерзали сохранять все, а если и сохраняли, то не как праздники. *О части,* говорит, показывая тем, что большая часть уже оставлена. И если они и соблюдали субботу, то не вполне. *Яже суть стень грядущих,* Нового, говорит, Завета. *Тело же Христово.* Некоторые ставят знаки таким образом: *тело же Христово,* — истина же была во Христе; а другие так ставят: *тело же Христово никтоже вас да прелщает,* то есть лишит; слово: χαταβραβευφῆναι употребляется в том случае, когда один одержит победу, а другой получит награду, — когда победитель бывает обманут. Ты стал выше диавола и греха: зачем же опять подчиняешься греху. Потому-то и говорил: *яко должен есть весь закон творити* (Гал. V, 3), и еще: *Христос убо греху ли служитель* (Гал. II, 17)? Это сказал в послании к галатам. Возбудив в них словом: *да прелщает* чувство негодования, он затем начинает: *изволенным,* говорит, *ему смиренномудрием и службою ангелов, яже не уведе ходя, без ума дмяся от ума плоти своея.* Как — *смиренномудрием?* Как — *дмяся?* Показывает, что все это происходит от тщеславия. Что же означают все эти слова? Некоторые говорили, что мы должны быть приводимы (к Богу) не через Христа, но через ангелов, потому что приведение через Христа больше, чем сколько нужно для нас. Поэтому (Павел) объясняет со всех сторон сказанное о Христе: мы примирены *кровию креста Его* (Кол. I, 20),

зане пострада по нас (1 Петр. II, 21), *зане возлюби нас* (Еф. II, 4). Притом они погрешили еще в том самом, что (апостол) не сказал: приведением, но: *службою. Яже не уведе ходя.* Он (такой учитель) не знал ангелов, и однако же думал, что знает. Поэтому и говорит: *дмяся от ума плоти своея всуе.* Он надмевается не действительным чем-нибудь, а своим мнением, и прикрывается одеждой смирения. (Павел) сказал как бы так: человеческое рассуждение есть дело плотского, а не духовного ума. *А не держа главы,* говорит, *из неяже все тело,* то есть откуда (тело) получает бытие и здоровье. Каким же образом ты можешь иметь члены, отрешившись от главы? Как только ты отделился от ней, ты погиб. *Из неяже все тело.* Всякий, говорит, обязан главе не только жизнью, но и самым союзом своим с ней. Вся церковь, пока имеет главу, возрастает; это не есть действие безрассудства и тщеславия, не изобретение человеческого разума. Выражение — *из неяже* употреблено о Сыне. *Составы и союзы,* говорит, *подаемо и снемлемо, растит возращение Божие:* (возращение) по Богу, говорит, по наилучшему устройству жизни. *Аще убо умросте со Христом.* Это он ставит в средине; а что сильнее, то — впереди и позади. *Аще убо умросте со Христом от стихий мира,* говорит, *почто аки живуще в мире стязаетеся* (ст. 29)? Здесь нет последовательности. Следовало бы сказать: для чего подчиняетесь стихиям, как будто живые? Но, оставив это, что он говорит? *Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истление употреблением, по заповедем и учением человеческим* (ст. 21, 22).

2. Вы, говорит, не принадлежите к миру: зачем же покоряетесь стихиям? Зачем (подчиняетесь) тому, что соблюдает мир? И, смотри, как он осмеивает их; *не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи,* как будто он удерживает их от чего-то важного. *Яже суть вся во истление употреблением,* посрамил надменность многих и прибавил: *по запо-*

ведем и учением человеческим. Что говоришь ты? Если говоришь о законе, то с некоторого времени и он – учение человеческое. Павел сказал это или потому, что (иудеи) извратили закон, или намекает на (учение) эллинов. Все, говорит, есть учение человеческое. *Яже суть слово убо имуща премудрости в самовольней службе и смиренномудрии и непощадении тела, не в чести коей, к сытости плоти* (ст. 23). *Слово,* говорит, а не силу, следовательно не истину. Потому будем отвращаться того, кто имеет *слово* премудрости. Ведь иной кажется и благочестивым, и скромным, и презирающим тело; а в самом деле он не таков. *Не в чести коей, к сытости плоти.* Бог дал (телу) честь; но они пользовались им не в честь. Таким образом, когда было определение (Божие), он умел назвать честью. Они, говорит, бесчестят плоть, лишая ее (должного), отнимая у ней силу, не позволяя ей действовать без принуждения. Бог даровал честь плоти. *Аще убо воскреснусте со Христом.* Доказав прежде, что Он умер, теперь убеждает их, и потому говорит: *аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите* (III, 1). Там нет соблюдения. *Вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя.* О, куда он возвел ум наш! Какой великой мыслью он исполнил их! Не удовольствовался тем, что сказал: *вышних,* ни словами: *идеже есть Христос;* но прибавил: *одесную Бога седя,* – дал понять, что оттуда не должно смотреть на земное. *Горняя мудрствуйте, а не земная* (ст. 2). *Умросте бо и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (ст. 3). *Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с ним явитеся в славе* (ст. 4). Жизнь настоящая, говорит, не ваша; ваша жизнь иная некая. Он уже спешит перенести их (от земли), старается показать, что они находятся на небе, что уже умерли, давая из того и другого понять, что не должно искать здешнего (земного). Если вы умерли, то вам не должно искать (здешнего), если вы на небе, то не должны искать (земного). Не является

Христос, значит и жизнь ваша еще не наступила, – она в Боге, на небе. Итак, что же? Когда мы будем жить? Когда явится Христос – жизнь ваша, тогда ищите и славы, и жизни, и радости. Это сказано с той целью, чтобы удержать их от развлечений и праздности. (Павел) обыкновенно так делает, – доказывая одно, переходить к другому. Так, например, говоря о тех, которые предваряли трапезу, он вдруг перешел к соблюдению таинств. Ведь обличение бывает сильнее, когда оно неожиданно. *Сокровен,* говорит, от вас. *Тогда и вы с ним явитеся.* Стало быть ныне не являетесь. Смотри, как он перенес их в самое небо. Он, как я сказал, всегда старается показать, что они имеют то же, что и Христос. Во всех посланиях своих он говорит об этом, чтобы показать, что они (верующие) имеют во всем общение с Ним. Для этого он говорит и о главе, и о теле, и делает все, служащее к объяснению этого. Итак, если мы явимся тогда, то не будем скорбеть, если теперь не наслаждаемся славой. Если настоящая жизнь – не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь как мертвые. *Тогда,* говорит, *и вы с ним явитеся в славе.* Не без цели сказал: *в славе:* и жемчужина скрыта, пока она в раковине. Итак, оскорбляют ли нас другое ли что терпим, не будем скорбеть, так как настоящая жизнь – не наша жизнь: мы странники и пришельцы. *Умросте бо,* говорит. Кто настолько безрассуден, чтобы для мертвого и погребенного тела покупать рабов или строить дома, или приготовлять драгоценные одежды? Никто. Потому и мы не должны поступать так. Мы обыкновенно желаем только одного: не быть обнаженными, и здесь также будем искать только одного. Наш первый человек погребен; не в земле погребен, но в воде; не смерть победила его, но Победителем смерти он погребен; не по закону природы, но по повелению власти, более сильной, чем природа. Что бывает по законам

природы, то еще может разрушить кто-нибудь, но того, что происходит по Его повелению, – никто. Ничего нет блаженнее этого погребения. О нем радуются все: и ангелы, и люди, и Владыка ангелов. Для этого погребения не нужно ни одежд, ни гроба, и ничего подобного. Хочешь видеть прообраз? Я тебе покажу купель, в которой один был погребен, а другой восстал. В Чермном море египтяне потонули, а израильтяне вышли из него. От одного и того же может произойти погребение одного и рождение другого.

3. Не удивляйся, что в крещении бывает и рождение, и истление. Разве, скажи мне, разложение не противоположно соединению? Это очевидно для всякого. А огонь производит и то, и другое: воск он растопляет и уничтожает, а золотоносную руду сплавляет и делает золотом. Так и здесь (в крещении): огненная сила, расплавив восковую статую, обнаружила вместо нее золотую. В самом деле, до крещения мы были глиняные, после крещения – мы золотые. Откуда это видно? Послушай, что говорит сам (Павел): *первый человек от земли перстен, вторый человек* небесный *с небесе* (1 Кор. XV, 47). Я сказал, какое расстояние между глиняным и золотым; нахожу, что еще большее различие между небесным и земным; не столько отличается глина от золота, сколько земное от небесного. Мы были восковые и глиняные и от пламени пожелания мы таяли гораздо более, чем воск от огня, и встретившееся искушение сокрушало нас гораздо более, чем камень – глиняные вещи. Изобразим, если хотите, прежнюю жизнь. Не все ли в ней было земля, и вода, и ветер, и пыль, непостоянно и преходяще? Рассмотрим, если угодно, не прежнее, а настоящее. Не найдем ли, что все существующее – прах и вода? О чем еще желаешь – сказать тебе? О начальствах и властях? В настоящей жизни ничего, кажется, не домогаются с таким старанием, как этого. Но скорее

увидишь пыль, неподвижно стоящую в воздухе, чем постоянство в этом, особенно в наше время. Кому не подчинены (начальники)? Тем, которые любят их, евнухам, делающим все за деньги, злобе народа, гневу более сильных. Тот, кто вчера стоял на верхних ступенях трона, имел глашатаев, взывавших громким голосом, множество передовых слуг, гордо выступавших на площади, тот сегодня мал, низок и лишен всего этого; все исчезло, как пыль, поднятая ветром, как унесшаяся волна. И как наши ноги поднимают пыль, так властителей производят те, у которых деньги в руках; они во всю жизнь свою делают то же, что ноги наши (поднимая пыль). Поднявшаяся пыль занимает много места в воздухе, а сама невелика; такова и власть. Как пыль ослепляет глаза, так гордыня власти помрачает зрение ума.

Что же? Ты хочешь, чтобы я рассмотрел вожделенный предмет — богатство? Пожалуй, — рассмотрим его по частям. В нем есть удовольствия, есть почести, есть власть. Сначала, если хочешь, исследуем удовольствия. Разве они не пыль? Разве они проходят не скорее пыли? Сладость приятна, пока она на языке; а когда наполнен желудок, тогда и на языке нет ее. Зато почести приятны, говоришь ты. Но есть ли что-нибудь неприятнее той чести, которая приобретается посредством денег? Если честь приобретена не усилием воли, не доблестью душевной, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь делает богача бесчестнее всех. Если бы ты, имея друга, пользовался общим уважением, и все открыто говорили бы, что сам ты ничего не стоишь, что они принуждены уважать тебя из-за друга твоего, скажи мне: могли ли бы они чем-нибудь более бесчестить тебя? Следовательно, богатство, когда его чтут более чем обладателей его, есть причина бесчестия нашего, свидетельство слабости, а не могущества. Не глупо ли, в самом деле, если нас не считают достойны-

ми этой земли и пепла, а таково золото, получать нам почтение из-за него? Подлинно, лучше не пользоваться честью, чем приобретать ее таким способом. Но так не бывает с тем, кто презирает богатство. Если бы кто-нибудь сказал тебе: я не считаю тебя достойным никакой чести, но уважаю тебя за твоих слуг, – скажи, – какое бесчестье было бы для тебя хуже этого? Если постыдно приобретать честь через рабов, имеющих одинаковую с нами душу и природу, то еще постыднее (приобретать ее) посредством того, что гораздо ничтожнее, – я разумею стены домов, дворы, золотые сосуды, одежды. Это, действительно, смешно и постыдно! Лучше умереть, чем пользоваться такой честью. Скажи мне: если бы ты, гордящийся своим величием, подвергся опасности, и какой-нибудь незначительный и презренный человек захотел бы избавить тебя от ней, что могло бы быть для тебя хуже этого. Что вы рассказываете друг другу о городе (Антиохии), о том же я хочу сказать вам. Некогда наш город оскорбил императора, и император приказал уничтожить его весь до основания, и мужей, и детей, и жилища. Так цари гневаются! Они пользуются властью, как хотят. Таково-то зло власть! Итак, (город наш) был в крайней опасности. Соседний приморский город отправил к царю ходатаев за нас. А жители нашего города говорили, что это хуже, нежели истребление города. Такая честь хуже бесчестья. Смотри же, где честь имеет свой, корень. Нас делают почетными и руки поваров, которых мы обязаны благодарить за это, и свинопасы, доставляющие богатый стол, и ткачи, и поденщики, и делатели металлов, и пирожники, и устроители трапез.

4. Итак, не лучше ли не пользоваться честью, чем быть обязанным благодарностью за нее таким людям? Но и без этого я постараюсь ясно показать, что приобретение богатства соединено с великим бесчестием.

Оно душу делает гнусной, а что бесчестнее этого. Скажи мне: если бы к благообразному и красивейшему телу подошло богатство и объявило, что оно сделает его гнусным, вместо здорового – больным, вместо хорошо сложенного – опухшим, и, наполнив все его члены водяной болезнью, вздуло бы лицо, растянуло бы его во все стороны, раздуло бы ноги и сделало бы их тяжелее бревен, вспучило бы живот так, что он был бы больше всякой бочки, и затем объявило бы, что, если кто захочет исцелить его, оно не позволит, в этом его воля, если бы, наконец, дошло до такого своеволия, что подвергало бы наказанию всякого, приближающегося к телу для его исцеления, скажи мне: какая жестокость могла бы быть больше этой. Если же богатство поступает так с душой, какое же оно добро? Но власть его тяжелее болезни. Если больной не слушается предписаний врачей, это хуже болезни. А богатство именно это производит, отовсюду воспаляя душу и не позволяя врачам приблизиться к ней. Не будем же считать богачей блаженными за их власть, но пожалеем об них. Если я увижу одержимого водяной болезнью, употребляющего напитки и вредные мяса, какие хочет, и никто не может запретить ему, я не назову его счастливым за власть его. Власть, равно и почести, не всегда благо, потому что они надмевают душу. Ты, без сомнения, не согласишься, чтобы тело получило с богатством такую болезнь: как же ты нерадишь о душе, которая принимает (с богатством), кроме болезни, и другое наказание. Ее отовсюду жгут горячки и воспаления, и никто не может угасить этот жар; богатство не позволяет этого, считая приобретением то, что в самом деле есть потеря, то есть ничему не подчиняться и все делать по своему произволу. Ничья душа не наполнена столь многими и столь безрассудными пожеланиями, как (души) желающих обогащаться. Каких сумасбродств они не представляют себе?

Всякий согласится, что они измышляют гораздо более, чем те, которые измышляют иппокентавров, химер, зверей со змеями вместо ног, скилл и чудовищ. Если ты захочешь представить себе какое-нибудь из их пожеланий, увидишь, что это такое страшилище, в сравнении с которым и скилла, и химера, и иппокентавр – ничто; найдешь, что оно совмещает в себе всех зверей. Кто-нибудь, пожалуй, подумает, что я сам имел большие богатства, когда так верно изображаю жизнь богачей. Рассказывают, что какой-то, в подтверждение слов своих я сначала приведу нечто из эллинских песнопений, рассказывают, что какой-то царь их до того обезумел от роскоши, что приказал сделать из золота платановое дерево выше неба, и сидел под ним в то время, когда воевал с неприятелями, искусными в военном деле. Разве такая прихоть не стоит иппокентавров или скилл? Другой бросал людей внутрь деревянного быка. Разве это не скилла? А некоего из древнейших царей и воинов (богатство) сделало женщиной вместо мужчины, да что я говорю женщиной зверем бессмысленным, и еще хуже того, потому что звери, когда они находятся под деревьями, удерживают свои природные склонности и ничего больше не желают, а тот и природу зверей превзошел. Итак, не крайнее ли безумие собирать богатства? А всему причиной неумеренность пожеланий. Но, скажете, богачу многие удивляются, да за то они и подвергаются такому же смеху, как и он. Не богатство здесь представляется глазам, а безумие. Выросшее из земли платановое дерево не гораздо ли лучше того золотого? Все, согласное с природой, приятнее того, что противно природе. На что хотелось тебе золотого неба, безумец? Видишь, как большое богатство доводит людей до безумия? Как надмевает их? Я думаю, что оно еще не знает моря, и скоро захочет по нем ходить. Разве это не химера? Разве это не иппокентавр? Есть и ныне такие,

которые ничем не уступают, даже более безумствуют. Чем, скажи мне, отличаются по безумию от золотого платана те, которые делают золотые кувшины, горшки и сосуды? Чем отличаются от него те женщины, которые — стыдно, а необходимо сказать! — делают серебряные ночные горшки? Надлежало бы стыдиться вам, делающим это. Христос алчет, а ты так роскошничаешь, или, лучше сказать, безумствуешь. Какого наказания не заслуживают они? И ты еще спрашиваешь, отчего разбойники, отчего убийцы, отчего бедствия, когда диавол так овладел вами? И блюда серебряные иметь несвойственно любомудрой душе, все это роскошь, а делать из серебра нечистые сосуды — разве не роскошь. Не скажу: роскошь, а безумие, и не безумие, а бешенство, даже хуже бешенства.

5. Я знаю, что многие за это смеются надо мной. Но я не перестану говорить, лишь бы только принести пользу. Подлинно, богатство делает (людей) безумными и бешеными. Если бы у них была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стены золотые, а пожалуй, чтобы и небо и воздух были из золота. Какое сумасшествие! Какое беззаконие! Какая горячка! Другой, созданный по образу Божию, гибнет от холода, а ты заводишь такие (прихоти)! О, гордость! Может ли безумный сделать больше этого? Извержения свои ты так почитаешь, что собираешь их в серебро! Знаю, что вы приходите в ужас от моих слов; но должны ужасаться жены, которые так делают, и мужья, которые потворствуют таким недугам. Это необузданность, свирепость, бесчеловечие, зверство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой дракон или лучше какой демон, какой диавол стал бы поступать так? Какая польза тебе от Христа? Какая польза от веры, когда иной эллин (язычник) сноснее, даже не эллин, а демон? Если голову не должно украшать золотом и камня-

ми, то может ли ожидать прощения тот, кто употребляет серебро на такие грязные надобности? Разве не довольно того, что другие вещи, хотя и это несносно, стулья, скамейки — все из серебра? Безумно и это; и везде чрезмерная пышность, везде тщеславие; нигде (нет соответствия) нужде, всюду излишество. Я опасаюсь, чтобы женщины, продолжая такое сумасшествие, не сделались похожими на чудовищ. Можно ведь ожидать, что они захотят иметь и волоса золотые. Можете ли вы сказать, что нимало не сочувствуете ничему из сказанного, что оно не трогает вас, не возбуждает пожелания? Если бы не удерживал стыд, вы не отперлись бы. Если вы позволяете себе и поступки более нелепые, то тем более я могу думать, что появляется желание иметь золотые и волоса, и губы, и брови, и все (члены) обмазать растопленным золотом. Если вы этому не верите и думаете, что я шутя говорю это, то расскажу вам, что я слышал, что даже и теперь есть. У персидского царя золотая борода, искусные слуги вплетают в волоса ее, как в уток, золотые пластинки и он лежит точно чудовище. Слава Тебе, Христе! Каких великих благ исполнил Ты нас! Как все устроил Ты, чтобы сохранилось здравие (души) нашей! От какой чудовищности, от какого безумия избавил Ты нас! Теперь предуведомляю, уже не увещеваю, но приказываю и объявляю, кто хочет, пусть слушает, а кто не хочет, пусть не исполняет: если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю более, я не приму вас, не позволю переступить этот порог. Что мне до того, что больных много? Что же будет, если, уча вас, не воспрепятствую прихотям? Павел запретил и золото, и жемчуг. Эллины смеются над нами; наше учение им кажется басней. Внушаю это мужам. Ты вошел в училище, изучаешь духовную философию? Прекрати эту пышность. Внушаю это и мужам, и женам. Пусть кто-нибудь поступает иначе, я не стану

более терпеть. Двенадцать было учеников; а послушай, что говорит им Христос: *еда и вы хощете ити* (Ин. VI, 67)? Если мы будем все поблажать, когда же исправим вас. Когда принесем пользу? Но есть, говоришь, другие ереси; переходят и туда. Это слова пустые. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысяча беззаконников. А сам ты, скажи мне, чего бы хотел: иметь ли тысячу слуг беглецов и воров, или одного благоразумного? Итак, я увещеваю и приказываю: эти украшения для лиц и эти сосуды сокрушить и раздать бедным и не безумствовать так. Пусть кто хочет уходит (от меня), кто хочет осуждает, я никому не буду поблажать. Когда я буду судиться перед престолом Христовым, вы будете стоять в стороне; ваша любовь не поможет мне, когда я буду давать отчет. Все портят эти слова: лишь бы, говорят, не отступил, не перешел в другую ересь; он слаб; окажи ему снисхождение. Но до чего же? До какого времени? Один раз, два, три раза; но не всегда же. Итак, я опять объявляю и свидетельствуюсь словами блаженного Павла, что *аще прииду паки, не пощажду* (2 Кор. XIII, 2). Когда исправитесь, узнаете тогда, какое приобретение, какая польза (в этом). Да, советую вам, прошу вас, я не отказался бы обнять колена ваши и умолять об этом. Какая изнеженность! Какая роскошь! Какая наглость! Да, это не роскошь, — это именно наглость! Какое безумие! Какое неистовство! Так много нищих стоит около церкви; а церковь, имея столько чад и столько богатых чад, не может помочь ни одному бедному. Один голодает, а другой напивается; один употребляет серебро даже для нечистот своих, а у другого нет и хлеба. Что за неистовство, что за зверство такое! Пусть же мы не будем доведены до искушения наказывать непослушных и делать это с досадой, но пусть они все это выполнят добровольно и с терпением, чтобы жить нам в славе Божией, избежать будущего наказания, и сподобиться благ, обе-

щанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоимание, еже есть идолослужение, ихже ради грядет гнев Божий на сыны противления, в нихже и вы иногда ходисте, егда живясте в них (Кол. III, 5—7)

1. Знаю, что многие оскорбились предшествовавшей беседой. Но как мне быть? Слышали, что повелел Владыка? Виноват ли я? Что мне делать? Разве вы не видите, как заимодавцы ввергают в оковы несостоятельных должников? Вы слышали, что сегодня Павел возвестил? *Умертвите,* говорит, *уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоимание, еже есть идолослужение.* Что хуже этого лихоимания? Оно несноснее того, о чем я говорил, — того бешенства, того сумасбродства в употреблении серебра. *И лихоимание,* говорит, *еже есть идолослужение.* Видите, где оканчивается зло? Не огорчайтесь же! Я не хочу иметь врагов по своей воле и безрассудно; но я желаю вам достигнуть такой степени добродетели, чтобы мне слышать об вас, что должно. Не по самомнению, и не по власти (я говорил), но по скорби и печали. Простите мне, простите. Говоря о таких вещах, я не желаю нарушать приличие; но нужда заставляет. Не ради скорби бедных говорю это, но ради вашего спасения, потому что погибнут не напитавшие Христа, погибнут. Важное ли дело, если ты питаешь бедного? Но когда ты так нежишься, так роскошествуешь, — все это прихоти. Не того от тебя

требуют, чтобы ты дал много; но чтобы дал по своему состоянию, — кто дает менее, тот забавляется. *Умертвите убо уды ваша,* говорит, *яже на земли.* Что ты говоришь? Не ты ли сказал: вы погребены, спогребены, обрезаны, мы совлеклись тела греховного плоти? Как же ты опять говоришь: *умертвите?* Не шути ты говоришь так, как бы эти (уды) в нас были? Тут нет противоречия. Если бы кто-нибудь, очистив загрязненную статую, или даже перелив ее и сделав совершенно блестящей, сказал, что ее точит и губит ржавчина, и стал бы советовать снова постараться очистить ее от ржавчины, — он не противоречил бы себе, потому что он советовал бы очистить не от той ржавчины, которую уже счистил, но от той, которая показалась после. Так (и Павел) говорит не о прежнем умерщвлении, не о прежних блудодеяниях, но о последующих. Но вот, говорят еретики, Павел осуждает творение; прежде сказал: *горняя мудрствуйте, а не земная* (III, 2), и опять говорит: *умертвите уды ваша, яже на земли.* Но здесь выражением — *земная* указывается на грех, а не осуждается творение. Самые грехи он так называет: *яже на земли,* или потому, что они совершаются по земному мудрованию и на земле, или потому, что показывают земляность грешников. *Блуд, нечистоту,* говорит. Он не упомянул о тех делах, которые и назвать непристойно; но указал все словом: *нечистота. Страсть,* говорит, *похоть злую.* Вот он сказал вообще обо всем, потому что все похоть злая — зависть, гнев, уныние. *И лихоимание,* говорит, *еже есть идолослужение. Ихже ради грядет гнев Божий на сыны противления.* Разными способами он удерживал их (от греха): оказанными благодеяниями, будущими бедствиями, от которых мы, будучи такими, избавились, и почему, и — прочим всем, как-то: кто мы были, в каких (обстоятельствах), что мы от них избавились, как, каким способом и почему: этого достаточно, чтобы удержать от греха. Но это (гнев Бо-

жий) сильнее всего. Неприятно это говорить, но вовсе не бесполезно; напротив — полезно. *Ихже ради,* говорит, *грядет гнев Божий на сыны противления.* Не сказал: *на вас,* но: на *сыны противления. В нихже и вы иногда ходисте, егда живясте в них.* Для возбуждения в них стыда сказал: *егда живясте в них;* но тут же и похвала, — что ныне они не живут (в них), что это можно сказать только о прежнем. *Ныне же отложите и вы та вся* (ст. 8). Он всегда говорит и вообще и в частности; это происходит от расположенности: *гнев, ярость, злобу, хуление, срамословие от уст ваших. Не лжите друг на друга.* Выразительно говорит: *срамословие от уст ваших,* потому что оно грязнит (уста). *Совлекшеся ветхаго человека с деяньми его, и облекшеся в новаго, обновляемаго в разум по образу создавшаго его* (ст. 9 и 10). Здесь уместно спросить: почему он, назвав члены, и человека и тело, растленной жизнью, опять то же самое называет добродетельной? И, если грехи и человек — одно и то же, то как говорит он: *с деяньми его?* Он сказал однажды о ветхом человеке и показал, что не это человек, но другое, потому что свобода (в человеке) важнее сущности; первая более человек, нежели последняя. Не сущность ввергает в геенну, не она вводит в царство (Божие), но одна свобода. И мы любим, или ненавидим кого-нибудь не за то, что он человек, но за то, что он такой-то человек. Итак, если тело есть сущность, а сущность ни в том, ни в другом случае не подлежит ответственности, то как он тело называет злом?

2. О чем же он говорит: *с деяньми?* О свободе с делами. Ветхим же называет его, желая показать его гнусность, безобразие и слабость. В *новаго,* – как бы так говорит: не ожидайте, чтобы и с этим случилось то же; напротив, чем более он живет, тем более приближается не к старости, а к юности, которая лучше прежней. Чем больше он приобретает знания, тем большего удостаивается, и более цветет, и более имеет силы, не от

юности только, но и от образа, к которому приближается. Потому-то наилучшая жизнь называется тварью — по образу Христа; это и значит *по образу создавшаго его,* так как и Христос умер не в старости, а Он имел тогда такую красоту, что и выразить нельзя. *Идеже несть Еллин ни Иудей, обрезание* и *необрезание, варвар, Скиф, раб, свободь, но всяческая и во всех Христос* (ст. 11). Вот третья похвала этого мужа! Он не различает ни по племени, ни по достоинству, ни по предкам. Он не имеет ничего внешнего и не нуждается в нем. Обрезание и необрезание, раб и свободный, эллин, то есть пришлец, и иудей, то есть природный, — все это внешнее. Если ты имеешь только это, то и достигнешь того же, чего достигли другие имеющие это. *Но всяческая,* говорит, *и во всех Христос,* — то есть Христос да будет для вас все, — и достоинство, и род, и во всех вас — Он сам. Или же нечто другое говорит, именно: все вы сделались одним Христом, будучи телом Его. *Облецытеся убо якоже избраннии Божии святи и возлюбленни* (ст. 12). Показывает легкость добродетели, чтобы они непрестанно имели ее и пользовались ею, как величайшим украшением. Увещание (соединено) с похвалой, так как от этого оно получает больше силы. Они были святыми, но не были избранными; а ныне и избранные, и святые, и возлюбленные. *Во утробы щедрот.* Не сказал: в милосердие, но гораздо выразительнее, двумя словами. И не сказал: вы должны иметь расположение (друг к другу), как братья, но: как отцы к детям. Чтобы ты не сказал мне, что он ошибся, для этого он прибавил: *во утробы.* И не сказал: в щедроты, чтобы не унизить их, но: *во утробы щедрот. Благость, милосердие, кротость и долготерпение: приемлюще друг друга, и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы* (ст. 12 и 13). Опять говорит по частям; от благости смиренномудрие, а от смиренномудрия долготерпение.

Приемлюще, говорит, *друг друга,* то есть прощая друг другу. И смотри, как он показал ничтожность этого, назвав *поречением.* Затем прибавляет: *якоже и Христос простил есть вам.* Великий пример! (Павел) всегда так делает, убеждает их примером Христа. *Поречение,* говорит. Выше показал, что это ничтожно, но когда привел пример, утверждает, что если бы мы имели и важные обвинения, должны прощать. Слова: *якоже и Христос* означают это; и не это одно, но и то, что должно прощать от всего сердца; и даже не это только, но и то, что должно любить (оскорбляющих нас). Христос, представленный в пример, научает всему этому, и еще тому, что (должно прощать обиды), хотя бы они были велики, хотя бы мы ничем наперед не оскорбили обидевших нас, хотя бы мы были люди великие, а обидевшие нас — незначительны, хотя бы они и после прощения намеревались оскорбить нас, и наконец — что должно душу свою полагать за них. Слово: *якоже* требует этого; оно (показывает) еще, что должно стоять (за обидевших нас) не только до смерти, но, если возможно, и после смерти.

Над всеми же сими (стяжите) любовъ, яже естъ соуз совершенства (ст. 14). Видишь, он говорит это самое. Так как можно простить, но не любить, то он говорит: да, и любить (непременно должно), и показывает путь, который может привести к прощению. Путь этот — если кто бывает и добр, и кроток, и смиренномудр, и долготерпелив, и нераздражителен. Потому-то он и сказал прежде: *утробы щедрот,* и *любовъ,* и *милостъ. Над всеми же сими (стяжите) любовъ, яже естъ соуз совершенства.* Он вот что хочет сказать: те (качества) души бесполезны; все они ослабевают, если не соединены с любовью, все они только ею укрепляются. Все, что бы ты ни назвал благом, без любви не имеет никакой цены, скоро исчезает. Это подобно тому, как для корабля бесполезны были бы большие стены, если бы он не имел обшивки, равно

как и для дома, если бы не были положены перекладины, или как в теле бесполезны были бы большие кости, если бы они не имели связок. Какие бы ни были у кого добрые дела, без любви все они ничтожны. Не сказал, что она (любовь) есть вершина, но, что гораздо важнее — *соуз;* это более необходимо, чем то. Вершина означает предел совершенства; а связь, подобно корню, есть удержание того, что составляет совершенство. *И мир Божий да водворяется в сердцах ваших, в оньже и звани бысте в едином теле: и благодарни бывайте* (ст. 15).

3. Мир Божий — это твердый и прочный мир. Если ты имеешь мир от людей, то он скоро разрушится; но если от Бога, то — никогда. Он сказал о любви вообще, а теперь переходит опять к частностям. Есть и неумеренная любовь, как, например, если кто-нибудь по великой любви (к одному) напрасно обвиняет (другого), вступает в борьбу и отвращается. Не сказал: я не хочу этого, но как Бог примирился с вами, так и вы делайте. Как же Он примирился? Сам восхотел, не получив ничего от нас. Что значит: *мир Божий да водворяется в сердцах ваших?* Когда борются (в тебе) два помышления, не останавливайся на том, которое возбуждает гнев, или имеет целью возмездие; а на том, которое преклоняет к миру. Положим, например, что кого-нибудь несправедливо обидели. От обиды у него родились два помышления, из которых одно требует мщения, а другое терпения и борются они между собой. Если бы явился перед ними мир Божий с наградой, он дал бы ее тому, которое требовало терпения, а другое пристыдил бы. Каким образом? Уверив, что Бог есть мир, что Он примирился с нами. Не без намерения показывает великую борьбу в этом деле. Пусть, говорит, определяет награду не гнев, не соперничество, не человеческий мир, потому что человеческий мир происходит из того, что мы не мстим, из того, что ничего тяжелого не терпим. Ни

этого, говорит, мира я хочу, но того, который сам Христос оставил нам. В душе, в помыслах Он устроил поприще, и состязание, и борьбу, и раздаятеля наград. Затем опять побуждение: *в онъже и звани бысте,* говорит, то есть ради него вы и призваны были. Напомнил, сколько благ произошло от мира. Ради него (Бог) призвал тебя, призвал так, что, вероятно, ты получишь награду. Для чего Он устроил едино тело? Не для того ли, чтобы владычествовал мир? Не для того ли, чтобы мы имели возможность жить в мире? Для чего все мы — едино тело? И как мы — едино тело? Для мира мы — едино тело, и для того, чтобы было едино тело, мы находимся в мире. Почему же он не сказал: мир Божий да побеждает, но: *да водворяется?* Чтобы сделать его (мир) более достоверным. Он не позволил злому помышлению бороться с миром, но поставил его ниже; а именем награды (без борьбы) возбудил внимание слушателя. Если бы он дал награду доброму помышлению, когда то (злое) боролось со всей наглостью, это не принесло бы ему никакой пользы. А теперь то (злое) помышление, зная, что оно не получит награды, что бы ни делало, как бы ни усиливалось, как бы ни были стремительны его нападения, оставит бесполезные труды. Хорошо также прибавил: *и благодарни бывайте.* Быть благодарным и чувствительно благодарным, значит — поступать подобно сорабам: раб чтит господина, как Бога, во всем соглашается с ним, повинуется ему, за все благодарит, хоть бы оскорбил кто, хоть бы ударил. Кто благодарит Бога за понесенную обиду, тот не мстит обидящему; а мстящий не благодарит (Бога). Не будем же поступать по примеру того, который требовал ста динариев, чтобы и нам не услышать: *рабе лукавый.* Нет ничего хуже такой неблагодарности. Итак, те неблагодарны, которые мстят. Почему он опять начал говорить о блуде? Сказав: *умертвите уды ваша, яже на земли,* тотчас при-

бавляет: *блуд,* и это почти везде делает. Потому, что эта страсть более всего господствует. То же он сделал и в послании к фессалоникийцам, даже — что достойно удивления — когда и Тимофею говорит: *себе чиста соблюдай* (1 Тим. V, 22), и еще в другом месте: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 15). *Умертвите,* говорит, *уды ваша.* Вы знаете, каково мертвое: гнусно, отвратительно, гнило. Когда умертвишь, — мертвое уже не будет (жить); тотчас начнет тлеть, как тело. Итак, угаси похоть, — и будет мертва. Показывает, что он делает то же, что и Христос в крещении. Потому-то он и называет членами, как будто представляет какого-нибудь героя, и тем делает речь более выразительной. И хорошо сказал: *яже на земли.* Они (члены) здесь находятся, здесь и тлеют, гораздо более, чем эти (телесные) члены. Не столько тело из земли, сколько землян грех. Тело бывает иногда и красиво, а он — никогда. И возжелают эти члены всего, что на земле. Если таков глаз, то он не видит того, что на небе, также и слух, и рука, и все прочие члены. Глаз видит тела, красоту, формы земных вещей, — этим и наслаждается; а слух — нежным пением, цитрой, свирелью, сквернословием. Все это земное. Итак, поставив их (верующих) горе, перед престолом, (Павел) говорит: *умертвите уды ваша, яже на земли.* Нельзя с этими членами стоять горе; там нет предметов для них. Эта глина (из которой они состоят) хуже той. Та бывает золотом: *подобает бо,* сказано, *тленному сему облещися в нетление* (1 Кор. XV, 54): а эту глину нельзя и переплавить. Эти (члены) более на земле, нежели те. Потому-то он и не сказал: *от земли,* но: *яже на земли,* так как эти могут быть и не от земли. Этим необходимо быть на земле, а тем не необходимо. Если слух не внимает ничему здешнему (земному), но только небесным речам, если глаз не смотрит ни на что здешнее, но только на горнее, — они

не на земле; если уста не говорят ни о чем здешнем, — они не на земле; если руки не делают ничего худого, — они принадлежат не к тому, что на земле, но к тому, что на небе.

4. Это говорит и Христос: *аще око твое десное соблазняет тя,* то есть, если ты смотришь бесстыдно, *изми е,* то есть худую мысль (Мф. V, 29). Мне кажется, что слова: блуд, нечистота, страсть, похоть — означают одно и то же, именно блуд, что всеми этими названиями он отвращает нас от (скверного) дела. Это, действительно, страсть; и как тело страдает, безразлично — от лихорадки ли, или от раны, так и это. И не сказал: обуздывайте, но: *умертвите,* чтобы они и не могли восстать. *И отложите.* Мы отлагаем мертвое; если, например, на теле есть мозоли, мы срезываем их, как тело мертвое. Если ты обрежешь живое тело, тебе больно; если же мертвое, боли вовсе не чувствуешь. То же должно сказать и о страстях: они делают бессмертную душу нечистой, страстной. Мы не раз говорили, почему любостяжание называется идолослужением. Над родом человеческим более всего владычествуют: любостяжание, невоздержание и похоть злая. *Ихже ради, говорит, грядет гнев Божий на сыны противления* (ст. 6). Называет сынами противления, чтобы лишить их прощения и показать, что, по причине непослушания, они принадлежат к числу таковых. *В нихже,* говорит, *и вы иногда ходисте* и покорились: показывает, что они еще находятся в числе таковых. Говоря так, он и хвалит их: *ныне же отложите и вы та вся, гнев, ярость, злобу, хуление, срамословие* (ст. 8). Не к ним, но к другим обращает речь, чтобы не поразить их. Хулением он называет ругательства, также как яростью называет нечестие. А в другом месте, с целью пристыдить, говорит: *зане есмы друг другу удове* (Еф. IV, 25). Он представляет их как бы творцами людей, отвергающими одного и принимающими другого. Там сказал: *уды;*

здесь перечисляет все: сердце — ярость, уста — хуление, глаза — блуд, любостяжание, руки и ноги — ложь, самую мысль и ветхий ум. У него один царский образ — образ Христа. Показывая, что члены, велики ли они или малы, имеют один царский образ, он, мне кажется, имеет в виду преимущественно (христиан) из язычников. Как земля делается золотом, лишившись прежнего вида своего — вида песка, как шерсть, какая бы она ни была, принимает другую форму, потеряв прежнюю, так и верующий. *Приемлюще*, говорит, *друг друга*, — показал, в чем справедливость: прими ты его, и он тебя (примет), что и в послании к галатам говорит: *друг друга тяготы носите* (Гал. VI, 2). *И благодарни*, говорит, *бывайте*. Этого он везде требует, больше всего, так как это — верх добрых дел.

5. Итак, будем благодарить (Бога) во всех случаях: в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастии нетрудно, здесь самая природа вещей побуждает к тому; достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие злословят, от чего приходят в отчаяние, — смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога; во-вторых, посрамил диавола; в-третьих, показал, что случившееся (с тобой) ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и диавол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то диавол, как достигший того, чего хотел, становится возле тебя; а Бог, как оскорбленный хулой, оставляет тебя и увеличивает твое бедствие. Если же ты благодаришь, то диавол, как не получивший никакого успеха, отступает; а Бог, как приявший честь, в воздаяние награждает тебя большей честью. И не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастии, страдал. Душа его радуется, делая благое, имея чистую совесть, — она услаждается своими похвалами, а (душе) веселящейся

нельзя быть печальной. Там (в отчаянии), вместе с бедствием, еще наказывает совесть: а здесь она венчает и провозглашает. Нет ничего святее того языка, который в несчастиях благодарит Бога, он, поистине, ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ведь и у него стоит палач, принуждающий отречься от Бога богохульством, стоит диавол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий (душу) скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, например, болит дитя, а (мать) благодарит Бога, это — венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жесткое слово. Умирает дитя, (мать) опять благодарит (Бога). Она сделалась дщерью Авраама. Хотя она не заклала (дитяти) своей рукой, но радовалась над закланной жертвой; а это все равно; она не скорбела, когда брали у нее дар (Божий). Заболело другое (дитя)? Она не сделала волшебных повязок, и это вменено ей в мученичество, потому что мыслью она принесла сына в жертву. Что за дело до того, что эти (повязки) не приносят никакой пользы, что это — дело обмана и насмешки? Есть и такие, которые верят, что они полезны. Но она лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И, как эта (мать) есть мученица, с собой ли она, с дитятей ли поступила так, с мужем, или с кем бы то ни было из наиболее любимых, так другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сделала то, что составляет жертву. Ведь эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, а больше ничего не делаем, и тому подобное, что (повязывающая) старуха — христианка и верная, все же представляют собой идолослужение. Ты верная? Перекрестись; скажи: вот един-

ственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю. Скажи мне: если бы врач, придя (к больному), вместо того, чтобы употребить медицинские средства, начал напевать, — назвали ли бы мы его врачом? Нет, потому что мы не видели бы врачебных пособий. Так и здесь (в употреблении повязок) ничего нет христианского. Другие еще вешают (на шею) названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду более щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делал повязку или заклинание, или другое что, относящееся к этому искусству. Что же, скажешь, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло; а когда умрет без них, тогда ожило. Если бы ты увидела, что (сын твой) пошел к блудницам, ты скорее пожелала бы, чтобы он был погребен; ты сказала бы: какая польза, что он живет? А видя, что он находится в опасности лишиться спасения, ты хочешь, чтобы он жил? Разве ты не слышала, что сказал Христос: *погубивый душу свою, обрящет ю: а обретый погубит ю* (Мф. X, 39). Веришь ты сказанному, или оно тебе кажется басней? Скажи мне: если бы кто-нибудь сказал тебе: сведи меня в капище, я буду жив: согласилась ли бы ты? Нет, говоришь. Почему же? Потому что он заставляет служить идолам. Но здесь, скажешь, нет идолослужения, а просто — заклинание. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость — скрывать заблуждение и в меде подавать яд. Когда диавол увидел, что тем способом не убедил тебя, он пошел этим путем — повязками и бабьими баснями. И вот, крест пренебрегают, (суеверные) надписи предпочитают ему. Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попрано; а дьявольское заблуждение торжествует. Так почему же, говоришь, Бог не обличит? Он часто обличал (мнимую) помощь от этих средств; но ты не поверил. Наконец, Он оставил тебя

при твоем заблуждении: *предаде их,* сказано, *Бог в неискусен ум* (Рим. I, 28). Этим средствам не поверил бы и рассудительный эллин. Говорят, что в Афинах один демагог пользовался ими; но какой-то философ, учитель его, встретившись с ним, укорял его, бранил, язвил и осмеял. А мы, несчастные, верим этим (предрассудкам)!

Отчего же, скажешь, нет ныне таких, которые бы воскрешали мертвых и совершали исцеления? Отчего? – не скажу пока. А отчего нет ныне таких, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служим Богу из-за награды? Когда природа человеческая была слабее, когда вера только насаждалась, тогда много было и таких людей; ныне же (Бог) не хочет, чтобы мы зависели от этих знамений, но чтобы готовы были к смерти. Почему же ты дорожишь настоящей жизнью? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты решаешься на идолослужение, а для будущей и поскорбеть не хочешь? Потому-то и нет ныне таких людей, что мы презираем будущую жизнь и ничего для нее не делаем, а для настоящей на все решаемся. А что сказать о других смешных (суевериях) – о золе, саже, соли? И опять – эта старуха тут. Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погибло дитя.

6. Доколе же будут продолжаться эти сатанинские (дела)? Как не смеяться эллинам? Как не издеваться, когда мы говорим им: велика сила крестная? Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для этого Бог дал врачей и лекарства. Но что же, если они не помогают, а дитя отходит? Куда отходит, скажи мне, бедный ты и несчастный? К демонам что ли отходит? К тирану какому-нибудь отходит? Не на небо ли отходит? Не к Владыке ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Владыки своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же

ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем даровавшего? Но я слаб, говоришь, и не перенесу страха Божия. Но если в телесных болезнях большей (болью) подавляется меньшая, то тем более в душе; от страха, если бы он был в ней, рассеялся бы страх и от печали печаль. Дитя было красиво? Но каково бы оно ни было, оно не красивее Исаака; тот был к тому же единородный. Твое родилось в старости? И тот также. Прекрасно было дитя? Но каково бы оно ни было, оно не прекраснее Моисея, который даже в варварском взгляде возбудил любовь к себе, будучи в таком возрасте, когда красота еще не раскрывается. Однако же родители бросили в реку своего возлюбленного (сына). Ты и лежащее дитя видишь, и гробу предаешь, и ходишь к памятнику; а они не знали, чьею пищей он сделается — рыб ли, собак ли, или какого-нибудь из зверей, живущих в море, и это совершили, ничего еще не зная ни о царстве (Божием), ни о воскресении. Дитя твое не единородное; но оно умерло после смерти многих (других детей)? Все же это не было так ужасно и горестно, как бедствие Иова. Не падала храмина (твоя), не во время пиршества (детей это было), перед тем не получал ты известий о своих потерях. Твое любимое было (дитя)? Не более же, чем Иосиф, пожранный зверем; однако же отец перенес горе и в этом случае и в бывшем затем. Он плакал, но не поступил нечестиво; сетовал, но не предался отчаянию; был столько тверд, что говорил: *Иосифа несть, Симеона несть, и Вениамина ли поймете? на мя быша сия вся* (Быт. XLII, 36). Видишь, как сильный голод заставил его пожертвовать детьми! А на тебя страх Божий столько не действует, сколько голод. Плачь — я не запрещаю; но не богохульствуй — ни словом, ни делом. Каков бы ни был сын твой, все же нельзя сравнить его с Авелем; но Адам ничего такого не сказал, несмотря на то, что несчастие его было весьма

велико, — что, в самом деле, ужаснее братоубийства? Кстати, я вспомнил о других братоубийцах; например Авессалом убил первенца Амнона (2 Цар. XIII, 28, 29). Царь Давид любил отрока, сидел во вретище и пепле (во время его болезни); однако не позвал ни гадателей, ни заклинателей, — а они были тогда, как показывает Саул, — но молился Богу. Так и ты делай; что сделал праведник, то делай и ты; те же слова говори, когда умрет дитя (твое): *аз имам ити к нему, тоеже не возвратится ко мне* (2 Цар. XII, 23). Вот что свойственно любомудрию и нежной любви! Как ты ни любил бы свое дитя, ты не столько любишь, сколько он тогда, несмотря на то, что (отрок его) был плод беззакония. Блаженный Давид весьма любил мать его; а взаимная любовь родителей переходит, как вам известно, на детей. Он так любил отрока, что, хотя и худо о нем говорили, все же хотел, чтобы он остался жив. Однако же он благодарил Бога. Как, думаешь ты, страдала Ревекка, когда брат угрожал смертью Иакову? Однако же она не опечалила мужа, а велела (Иакову) бежать. Когда постигнет тебя какое-нибудь горе, думай о больших бедствиях и получишь достаточное утешение. Подумай: что, если бы пришлось умереть на войне? Что, если бы в огне? Если будем думать о несчастиях больших, чем те, которые мы терпим, то получим достаточное утешение. Будем размышлять или о тех более тяжких бедствиях, которые другие терпели во все времена, или о тех, которые мы сами терпели когда-нибудь прежде. Такое и Павел дает наставление, когда говорит: *не у до крове стасте, противу греха подвизающеся* (Евр. XII, 4); и в другом месте: *искушение вас не достиже точию человеческое* (1 Кор. X, 13). Итак, находясь в беде, будем размышлять о больших бедствиях, а найдем такие, и тогда будем благодарны. Но более всего будем усердно благодарить Бога за все. Таким образом и несчастия прекратятся, и жить мы будем в

славе Божией, и получим обещанные блага, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Слово Христово да вселяется в вас богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех, во псалмех и пениих и песнех духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви: и все еже аще что творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса, благодаряще Бога и Отца тем (Кол. III, 16, 17)

1. Убедив (колоссян) быть благодарными, (Павел) показывает им и способ к этому. Какой же именно? Тот, о котором мы уже беседовали с вами. Какими словами (показывает)? *Слово Христово да вселяется в вас богатно.* Или лучше — не этот только (способ), но и другой. Я сказал, что надобно представлять себе тех, которые претерпели более ужасные страдания, тех, которые перенесли более тяжелые, чем наши, бедствия, и благодарить, что не случилось того же с нами; а что говорит сам он? *Слово Христово да вселяется в вас богатно,* то есть (да вселяются) учение, догматы, убеждения, по силе которых, говорит, настоящая жизнь и ее блага — ничто. Если бы мы видели это, то никакой неприятности не поддались бы. *Да вселяется,* говорит, *в вас* — не просто, но — *богатно,* с великим изобилием. Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает (апостол) больше читать Писание, — и не просто, как случится, а с великим старанием. Ведь подобно тому, как богатый деньгами может перенести убыток и неудачу, так и имеющий достаточные познания в любо-

мудрии легко перенесет не только бедность, но и все несчастия. И последний еще легче, чем первый, потому что там, когда оказывается убыток, богатый необходимо становится беднее и это делается известным для других, и если он терпит это часто, то уже нелегко ему бывает переносить свои потери; а здесь не так: когда нам случается переносить, чего бы мы и не хотели, мы не теряем здравого рассудка, но сохраняем его постоянно. И заметь мудрость этого блаженного. Не сказал: *слово Христово* да будет в нас, просто, — но что? *да вселяется,* и — *богатно. Во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самех.* Премудростью называет добродетель. И справедливо, потому что действительно и смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость, так как от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. *Рече,* говорит, *безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс. XIII, 1); и опять: *возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. XXXVII, 6). Что, скажи мне, несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братий своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего несмысленнее такого (человека), так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, говорит, как он мудр: уделяет из своего имущества, является милосердым, человеколюбивым; он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть, что они ничего не стоят, что более должно беречь свои тела, чем деньги. Потому кто презирает почести, тот и любомудр, он знает дела человеческие, а в знании-то дел божеских и человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела — Божии и какие — человеческие, он от одних

воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарит Бога; настоящую жизнь он вменяет ни во что, и потому, как не радуется в счастии, так не скорбит и в несчастии. И не ожидай другого учителя; есть у тебя слово Божие, – никто не научит тебя так, как оно. Ведь другой учитель часто многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все привязанные к этой жизни, приобретайте книги – врачевство души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяние апостолов, Евангелие – постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних оттуда почерпай утешение в своем несчастии. Или лучше не приникай только к ним, но принимай их всецело и храни в своем уме. От незнания Писания – всякое зло. Мы выходим на войну без оружия, и как нам спастись? Легко спасаться с Писаниями, а без них невозможно. Не возлагайте всего на нас: вы, конечно, овцы, но не бессловесные, а разумные. Павел многое внушает и вам. Научаемые не всегда проводят время в приобретении познаний, потому что не всегда учатся; если всегда будешь только учиться, то никогда не выучишься; не с тем приходи сюда, что будто тебе самому всегда нужно только учиться, – иначе никогда не будешь знать, а с тем, что тебе нужно выучиться и потом учить другого. Скажи мне, не определенное ли время все посвящают наукам и всяким вообще искусствам? Все мы назначаем для этого известный срок. А если всегда учишься, это знак, что ты ничего не знаешь.

2. Укоряя за это иудеев, Бог сказал: *носимии от чрева и наказуеми даже до старости* (Ис. XLVI, 3). Если бы не всегда ожидали вы этого, не шло бы все так назад. Если бы оказывалось, что одни уже научились, а другие имеют научиться, то дело у нас простиралось бы вперед:

тогда вы приступили бы к другим и помогли бы нам. Скажи мне: те, которые ходят к учителю, но постоянно сидят над азбукой, не доставляют ли больших трудов для учителя? Доколе нам беседовать с вами об (этой) жизни? У апостолов так не бывало: они всегда миновали тех учеников, которые учились у них прежде, поставляя их учителями других желающих учиться. Потому-то они и могли обойти вселенную, что не были привязаны к одному месту. Подумайте, сколько нужно преподать учения братиям вашим по деревням и самим учителям их? А вы держите меня, приковав к себе, потому что прежде чем хорошо будет настроена голова, не следует идти к прочим членам. Вы все возлагаете на нас, тогда как только бы вам надлежало учиться у нас, а женам вашим у вас, детям тоже у вас; напротив, вы все оставляете нам. Оттого-то и много труда. *Учаще,* говорит, *и вразумляюще себе самех во псалмех и пениих и песнех духовных.* Смотри, как снисходителен Павел. Так как чтение утомительно и может наскучить, — он располагает не к повествованиям, а к псалмам, чтобы ты вместе и увеселял душу пением, и не замечал трудов. *В пениих,* говорит, *и песнех духовных.* А ныне ваши дети любят сатанинские песни и пляски, подражая поварам, пекарям и танцовщикам; псалма же никто ни одного не знает, ныне такое знание кажется неприличным, унизительным и смешным. В этом-то и все зло; на какой земле стоит растение, такой приносит и плод: на песчаной и сланцевой — такой, на доброй и тучной — другой. Итак, учение есть как бы какой благотворный источник. Научи сына петь те преисполненные любомудрия псалмы, например: сначала о воздержании, или прежде всего о несообщении с нечестивыми, то есть псалом в самом начале книги [с этою-то целью и пророк начал отсюда, говоря: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (Пс. I, 1); и опять: *не седох с сонмом суетных* (Пс. XXV, 4); и еще:

уничижен есть пред ним лукавнуяй: боящияжеся Господа славит (Пс. XIV, 4)], об обращении с добрыми [это тоже найдешь там, и многое другое], о воздержании чрева, об удержании рук, о нестяжательности, о том, что и деньги, и слава, и все подобное – ничто. Если научишь его этому с детства, то постепенно возведешь его и выше. Псалмы заключают в себе все, а затем гимны – ничего человеческого; когда он будет сведущ в псалмах, тогда узнает и гимны, представляющие собой дело более святое, так как вышние силы гимнословят, а не псалмословят: *не красна,* сказано, *похвала во устех грешника* (Сир. XV, 9); и опять: *очи мои на верныя земли, посаждати я со мною* (Пс. С, 6); и опять: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. С, 7); и опять: *ходяй по пути непорочну, сей ми служаше* (Пс. С, 6). Таким образом, вы должны опасаться, как бы они не завели связей не только с друзьями, но и со слугами: бесчисленное бывает зло для свободных, если приставляем к ним развратных рабов. Если едва спасаются они, пользуясь попечением и любомудрием отца, то что из них будет, когда вверим их беспечности слуг? Слуги будут смотреть на них, как на врагов, в той мысли, что господствование их будет кротче, если они сделают их бестолковыми, глупыми и ничего нестоящими. Итак, станем заботиться об этом более всего другого. Я возлюбил, говорит, возлюбивших закон твой (Пс. CXVIII): будем же, подражая ему, и мы любить их. А чтобы дети были воздержны, пусть послушают, что говорит пророк: *лядвия моя наполнишася поруганий* (Пс. XXXVII, 8); и опять: *потребил еси всякаго любодеющаго от тебе* (Пс. LXXII, 27). Также, чтобы они не были сластолюбивы, пусть опять послушают: *и уби,* говорит, *множайшая их, еще брашну сущу во устех их* (Пс. LXXVII, 30, 31). Равным образом, что они не должны быть побеждаемы дарами, научатся из следующего: *богатство,* говорит, *аще течет, не прила-*

гайте сердца (Пс. LXI, 11); что надобно стоять выше славы, найдут следующее: *ниже снидет с ним слава его* (Пс. XLVIII, 18); что не должно завидовать лукавым: *не ревнуй лукавнующим* (Пс. XXXVI, 1); что властвование надобно вменять ни во что: *видех нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанския, и мимоидох, и се не бе* (Пс. XXXVI, 35, 36); что настоящее должно почитать ничтожным: *ублажиша люди, имже сия суть: блажени людие, имже Господь Бог помощник их* (Пс. CXLIII, 15); что не безнаказанно грешим мы, но будет воздаяние: *ты воздаси комуждо по делом его* (Пс. LXI, 13); почему же не воздает ежедневно? – потому, говорит, что *Бог судитель праведен, и крепок и долготерпелив* (Пс. VII, 12); что смиренномудрие – благо: *Господи,* говорит, *не вознесеся сердце мое* (Пс. CXXX, 1); что высокомерие – зло: *сего ради,* говорит, *удержа я гордыня до конца* (Пс. LXXII, 6); и опять: *Господь гордым противится* (Иак. IV, 6); и опять: *изыдет, яко из тука, неправда их* (Пс. LXXII, 7); что милостыня – благо: *расточи, даде убогим: правда его пребывает в век века* (Пс. CXI, 9); что милосердие похвально: *благ муж щедря и дая* (Пс. CXI, 5). Найдешь там и много других догматов любомудрия, – например, что злословить не должно: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях* (Пс. C, 5). Верные знают, каков гимн вышних сил, что говорят херувимы, что говорили ангелы на земле. *Слава в вышних Богу.* Потому, после псалмопения, гимны – дело более совершенное. *Во псалмех,* говорит, *и пениих и песнех духовных во благодати поюще в сердцах ваших Господеви.* (Павел) этим говорит или что Бог даровал им это для благодати, или что песни их были благодатные, или что они должны были вразумлять себя и научать благодатью, или что в них благодатно были эти дары, или же это есть объяснение. От благодати Духа, говорит, *поюще в сердцах ваших Господеви:* не просто, говорит, устами, но со вниманием. Это последнее и значит петь

Богу, а то первое – воздуху, так как голос попросту разливается (в воздухе). Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть на торговой площади, – можешь сосредоточиться в себе и петь Богу, не будучи никем слышим. Ведь и Моисей так молился, и был услышан. Что взываешь ко мне, говорит ему Бог? А он ничего не высказал, но взывал мысленно, с сокрушенным сердцем. Потому и Бог слышал его один. Не мешает и во время пути молиться сердцем и быть горе. *И все,* говорит, *еже аще что творите словом или делом, вся во имя Господа нашего Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тем.* Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь все делай во имя Божие, то есть призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнести? Поставь это наперед. Потому-то и мы в своих письмах впереди поставляем имя Господа. Где – имя Господа, там все благополучно. Если имена консулов скрепляют грамоты, то тем более – имя Христово. Или же то разумеет Павел, что все говорите и делайте по-божески; не вводите ангелов. Ешь? Благодари Бога, с решимостью то же делать и после. Спишь? Благодари Бога, с решимостью то же делать и после. Идешь на площадь? То же делай. (Пусть не будет) ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение дел. И что значит – *творить словом или делом.* Этим указывает или на допускающего, или на делающего что-либо подобное. Послушай, как Авраам во имя Божие посылал раба. Давид во имя Божие умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его. Потом опять Иаков, посылая детей,

говорит: *Бог же мой да даст вам благодать пред мужем* (Быт. XLIII, 14). Кто делает это, тот помощником имеет Бога, без которого не дерзал ничего делать. Таким образом чествуемый призыванием (Бог) воздает обратно честь дарованием успеха в делах. Призывай Сына, благодари Отца; призывая Сына, ты призываешь и Отца, а благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами. Этому имени нет ничего равного; оно всегда дивно: *миро излиянное,* говорится, *имя твое* (Песн. I, 2). И кто произнес его, тот вдруг исполнился благоухания. *Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. XII, 3). Вот как столь много совершается этим именем! Если слово: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* ты произнес с верой, то ты все совершил. Смотри, сколько ты сделал: ты воссоздал человека, и произвел все прочее, в таинстве крещения. Таким же образом это страшное имя владычествует и над болезнями. Потому, завидуя нам в чести, диавол ввел подобающее ангелам. Таковы демонские напевы. Но будет ли то ангел, или архангел, или херувим, – не терпи этого, ведь и эти силы не примут тебя, но отвергнут, когда увидят, что Владыка бесчестится. Я почтил тебя, говорит, и сказал: призывай меня. А ты бесчестишь Его? Если бы ты пел этот напев с верой, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не по бессилию, а вследствие того, что (болезнь) полезна. По величию твоему, говорит, и хвала твоя. Этим именем обращена вселенная, разрушено тиранство, попран диавол, отверзлись небеса. Но что я говорю – небеса? Этим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников, и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугождать Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеко-

любием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Жены, повинуйтеся своим мужем, якоже подобает о Господе. Мужие, любите жены, и не огорчайтеся к ним. Чада, послушайте родителей во всем: сие бо угодно есть Господеви. Отцы, не раздражайте чад ваших, да не унывают. Раби, послушайте по всему плотских господей, не перед очима точию работающе, яко человекоугодницы, но в простоте сердца, боящеся Бога. Всяко еже аще что творите, от души делайте, якоже Господу, а не человеком, ведяще, яко от Господа приимете воздаяние достояния: Господу бо Христу работаете. А обидяй восприимет, еже обиде, и несть лицеприятия у Бога. Господие, правду и уравнение рабом подавайте, ведяще, яко и вы имате Господа на небесех (Кол. III, 18—25; IV, 1)

1. Почему (Павел) повелевает это не везде и не во всех посланиях, но здесь, и в посланиях к эфесянам, к Тимофею и Титу? Потому что в этих городах, вероятно, происходили несогласия, или потому, что иное в них, быть может, было исполняемо хорошо, а в этом они погрешили, — так что надлежало им слышать и об этом. Справедливее же будет сказать, что (апостол) говорит это сколько к ним, столько же и ко всем (христианам). Послание это весьма сходно с посланием к эфесянам. В других местах он не делает того же — или потому, что мужам, уже умиротворенным, которые, как не знавшие высоких догматов, должны были учиться им, писать об этом не следовало, или потому, что получившим утешение в искушениях излишне было слышать об этом. Эти

соображения позволяют мне догадываться, что здесь Церковь была уже тверда и что он говорит это при конце (своей жизни). *Жены, повинуйтеся своим мужем, якоже подобает о Господе,* вместо – повинуйтеся для Бога, так как это украшает вас, говорит, а не их. Повиновение же я разумею не (рабское) к господам и не то, которое зависит от природы, но которое бывает для Бога. *Мужие, любите жены, и не огорчайтеся к ним.* Смотри, как он увещевает соблюдать взаимные отношения. Как там внушает страх и любовь, так и здесь, потому что и любящему можно огорчаться. Итак, слова его значат: не враждуйте; нет ничего огорчительнее той вражды, которой подвергается жена от мужа; вражда, направляемая против любимых лиц, бывает самая горькая; она показывает, что огорчение велико, когда кто восстает против своего члена. Итак, любить – дело мужей, а уступать – дело жен. Потому, если всякий будет исполнять свой долг, то все будет крепко; видя себя любимой, жена бывает дружелюбна, а встречая повиновение, муж бывает кроток. Смотри, так устроено это и в природе, чтобы муж любил, а жена была послушна. Когда начальствующий любит подначальное, тогда все благоустроено. Любовь не столько требуется от подначального, сколько от начальствующего к подначальному, а от подначального (требуется) послушание. Да и то, что красота – в жене, а пожелание – в муже, показывает не иное что, как устроение для любви. Потому, когда подчиняется жена, – не величайся; и ты жена, когда тебя любит муж, – не надмевайся; ни дружба мужа пусть не возбуждает превозношения в жене, ни подчинение жены пусть не надмевает мужа. Бог подчинил ее тебе для того, чтобы она была более любима; а любить тебя, жена, внушил Он мужу для того, чтобы легче было тебе подчиняться. Не бойся подчинения; подчиняться любящему нисколько нетрудно. Не бойся любви; (жена твоя) ус-

тупчива перед тобой. Союз не иначе возможен. Ты имеешь власть, необходимую по природе; имей же и союз по любви, (этот же союз) позволяет терпеть слабейшую. *Чада, послушайте родителей во всем: сие бо угодно есть Господеви.* Опять полагает — *Господеви,* полагает законы послушания, усовещевает, смиряет. *Сие бо,* говорит, *угодно есть Господеви.* Смотри, как хочет, чтобы мы все делали не по одной природе, но сверх того и по воле Божией, чтобы нам получить награду. *Отцы, не раздражайте чад своих, да не унывают.* Вот и здесь опять — подчинение и любовь. Не сказал: любите детей, — потому что это было бы лишнее (слово), к этому влечет сама природа; а исправил то, что надлежало, именно, что любовь здесь бывает сильнее, насколько и послушание больше. Ведь нигде не полагает он примера мужа и жены, — но что? Послушай, что говорит пророк: *якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся его* (Пс. II, 13); и опять говорит Христос: *кто есть от вас человек, егоже аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? или аще рыбы просит, еда змию подает ему* (Мф. VII, 9, 10)? *Отцы не раздражайте чад ваших, да не унывают.* Что особенно, знал он, будет чувствительно для отцов, то и полагает и повеление дружелюбно преподает сам, нигде не приводя Бога; этим возбуждает он чувство родителей и смягчает сердце их. Выражение же: *не раздражайте* значит: не делайте их спорщиками. Есть случаи, в которых вы должны уступать им. Потом переходит к третьему (предмету) власти: *раби,* говорит, *послушайте плотских господей.* Здесь хотя и есть нечто, относящееся к любви, но эта любовь предписывается не природой, как было выше, а обычаем, и требуется с одной стороны властью, с другой делами. Здесь таким образом начало любви уменьшено, а начало послушания усилено, и этим выражается желание, чтобы то, что первые имеют по природе, последние воздавали им из послушания, — так что здесь

(Павел) беседует не за господ с одними рабами, но за самих (рабов), чтобы господам сделались они желанными. Впрочем, выражает это не явно; иначе привел бы их в недоумение. *Раби,* говорит, *послушайте по всему плотских господей.*

2. И смотри, как всегда ставит имена – жены, дети, рабы – в смысле обязанности повиноваться; а чтобы ты не скорбел, прибавляет: *плотских господей.* Лучшее твое, говорит, твоя душа свободна; рабство же временно. Подчини же ему свое тело, чтобы не рабствовать необходимости. *Не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы.* Сделай, говорит, так, чтобы рабство от закона было рабством от страха Христова. Если бы даже господин и не видел, что ты совершаешь должное и для его чести, – все же ты совершаешь ради недремлющего Ока. *Не пред очима точию,* говорит, *работающе, яко человекоугодницы,* так как (работая только перед очами) вы подвергаетесь вреду. Послушай, что говорит пророк: *разсыпа Господь кости человекоугодников* (Пс. LII, 6). Смотри, как он щадит их и упорядочивает. *Но в простоте сердца,* говорит, *боящеся Бога,* потому что одно иметь в сердце, а другое делать, иным казаться в присутствии господина, и иным в отсутствии, – это не простота, а притворство. Потому не просто сказал: *в простоте сердца,* но – *боящеся Бога.* Это именно и значит бояться Бога, когда мы не делаем ничего худого, хотя бы никто не видел нас; если же делаем, то боимся не Бога, а людей. Видишь ли, что он упорядочивает их? *Всяко еже аще что творите,* говорит, *от души делайте, якоже Господу, а не человеком.* Этим хочет избавить их не только от притворства, но и от лености. Если они не имеют нужды в надзоре со стороны господ, то через это он делает их вместо рабов свободными. *От души* – значит с благорасположением, не с рабской необходимостью, а свободно и добровольно. И какая награда? *Ведяще,* говорит,

яко от Господа приимете воздаяние достояния нашего: Господу бо работаете, следовательно от Него получите и награду. А что Господу работаете, видно из следующего: *обидяй,* говорит, *восприимет, еже обиде.* Здесь (Павел) подтверждает сказанное прежде: чтобы слова его не показались лестью, говорит: *восприимет, еже обиде,* то есть получит наказание, потому что у Бога нет лицеприятия. Что если ты и раб? Не стыдись. Однако же это следовало сказать господам, как и в послании к ефесянам, но здесь под именем господ, мне кажется, разумеются язычники. Что если он – язычник, а ты христианин? Испытываются не лица, а дела, так что и в этом случае должно работать с благорасположением и от души. *Господие, правду и уравнение рабом подавайте.* А что такое правда, что – уравнение? Доставлять им все в изобилии и не допускать, чтобы они в чем-либо нуждались, но вознаграждать их за труды, так как если я сказал, что они от Бога получат награду, то из этого не следует, чтобы ты лишал их мзды. И в другом месте сказал: *послабляюще прещения* (Еф. VI, 9), желая сделать более кроткими, так как те были совершенны. То есть: *в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. VII, 2). Да и слова: *несть лицеприятия* – к ним же относятся, приложены же они к тем, чтобы они приняли это, так как когда касающееся одного мы говорим другому, тогда исправляем не столько его, сколько виновного. *И вы* с ними, говорит. Здесь рабство делает он общим. *Ведяще,* говорит, *яко и вы имате Господа на небесех. В молитве терпите, бодрствующе в ней со благодарением.* Так как пребывание в молитвах часто бывает причиной нерадения, то и говорит – *бодрствующе,* то есть трезвясь, а не вертясь туда и сюда. Диавол знает, хорошо знает, какое великое благо – молитва, и потому тяжело налегает (на молящегося). Знает и Павел, насколько беспечны многие молящиеся, и потому говорит: *в молитве*

терпите, как в деле трудном, *бодрствующе в ней со благодарением.* Это, говорит, пусть будет вашим делом — в молитвах благодарить и за явное и за неявное, и за те блага, которые (Бог) совершил для вас по вашему желанию, и за те, которые дарованы вам против желания, и за царство, и за геенну, и за скорбь, и за облегчение ее. Так обыкновенно молятся святые и благодарят за общие благодеяния.

3. Знаю я одного святого мужа, который молился так, что прежде этого слова ничего не говорил, но прямо взывал: «благодарим за все твои благодеяния, оказанные нам недостойным с первого дня нашей жизни до настоящего, — благодарим за все, что знаем и чего не знаем, за все явное и неявное, обнаруживающееся делом и словом, совершившееся по воле и против нашей воли, за все с нами недостойными бывшее, за скорбь и ослабление скорби, за геенну, за мучение, за царство небесное. Молим Тебя сохранить нашу душу святой, чистой, совестливой и вполне достойной твоего человеколюбия. Возлюбивший нас до того, что предал за нас Единородного твоего, удостой нас быть достойными любви твоей. Даруй нам в слове твоем мудрость, и в страхе твоем, Единородный Христе, вдохни в нас исходящую от Тебя силу. Давший за нас Единородного и пославший Духа твоего Святого во отпущение наших грехов, прости нас и не осуди, если в чем согрешили мы волей или неволей. Помяни всех, призывающих имя твое в истине. Помяни всех, хотящих и не хотящих нам добра, потому что все мы человеки». Потом, присоединив молитву верных и вознесши моление, как бы некое возглавие и общий голос всех, он замолкал. В самом деле, Бог творит для нас много благ вопреки нашей воле, а много и еще больше совершает их помимо нашего сознания. Когда мы молим Его о чем-нибудь, а Он делает противное тому, — тогда, очевидно,

Он делает блага помимо нашего сознания. *Молящеся и о нас вкупе.* Смотри, каково смиренномудрие: себя полагает после их. *Да Бог отверзет нам двери слова, проглаголати тайну Христову.* (Молитву) называет входом и основанием дерзновения. О, такой подвижник не сказал: да избавлюсь от уз, но, находясь в узах, просил других, и просил о деле великом, чтобы получить дерзновение! Здесь две великие вещи: качество лица и качество дела. О, какое достоинство! *Тайну,* говорит, *Христову,* показывая, что для него нет ничего желательнее проповеди о ней. *Еяже ради и связан есмь, да явлю ю, якоже подобает ми глаголати.* С великим, говорит, дерзновением и ничего не умалчивая. Видишь ли, узы проявляют его, а не скрывают. С великим, говорит, дерзновением. Скажи мне: ты связан и просишь других? Да, говорит; но узы дают мне большее дерзновение, и я требую только Божией помощи, потому что слышал слово Христово: *егда предают вы, не пецытеся, како или что возглаголете* (Мф. X, 19). И смотри, как иносказательно говорит: *да Бог отверзет нам двери слова.* Смотри, как он чужд надменности, как смиренно провещевает в узах, чтобы, то есть смягчить сердца их. И сказал так не для себя, так смиренномудренно выразился, чтобы внушить дерзновение нам; он просит себе того, что уже имел. Называя в этом послании (Ветхий Завет) тенью, он этим самым показывает, почему Христос пришел не тогда: *тело же Христово* (Кол. II, 17), говорит он, так что к тени надлежало привыкнуть. Вместе с этим он обнаруживает и величайшее доказательство любви своей к ним. Чтобы вы, говорит, слышали о моих узах. Опять поставляет на вид узы, которые я очень люблю, которые возбуждают мое сердце и всегда приводят к желанию видеть Павла связанным и в узах пишущим, проповедующим, крещающим, оглашающим. Ему связанному доносилось о всех Церквах, и он связанный назидал тысячи (христиан). Тогда

скорее был он отрешен (от уз). Слушай, что он говорит: *множайшии братия надеявшиися о узах моих паче дерзают без страха слово глаголати* (Флп. I, 14). Он же опять свидетельствует об этом, говоря: *егда бо немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. XII, 10). Потому и сказал: *но слово Божие не вяжется* (2 Тим. II, 9). Он был в узах со злодеями, с заключенными, с человекоубийцами, был связан учитель вселенной, всходивший на третье небо, слышавший глаголы неизреченные. Но тогда бег его был тем быстрее. Связанный тогда был разрешен, а несвязанный – связан; тот, что хотел, делал, а этот и ему не помешал и собственного намерения не исполнил. Что ты делаешь, безумный? Разве это плотской гонец? Разве на нашем поприще подвизается он? Он обитает на небе. Бегущего на небе не может связать и удержать земное. Разве не видишь этого солнца? Наложи узы на его лучи и останови его бег. Но ты не можешь. Так (не сможешь удержать) и Павла, и еще менее, чем солнце, потому что он охраняется большим промыслом, чем последнее, – ведь и свет он приносит нам не такой (вещественный), но истинный. Где теперь те, которые ничего не хотели потерпеть ради Христа, – но что я говорю, потерпеть? – не хотели даже и жертвовать деньгами? Вязал некогда и Павел и ввергал в темницу: но как скоро сделался рабом Христовым, стал хвалиться уже не действованием, а страданием. И таково чудо проповеди, что она была возбуждаема и возрастала не от (деятельности) злодействующих, а от (страдания) терпящих. Где виданы такие подвиги? Злостраждущий побеждает, а злодействующий испытывает поражение. Первый выходит славнее последнего и проповедует посредством уз. Не стыжусь, а напротив хвалюсь, говорит, проповедуя Распятого. Подумай только: вся вселенная оставляет несвязанных и приходит к узникам, отвращается от

вяжущих и чтит заключенных в оковы, ненавидит распинателей и поклоняется Распятому.

4. Не то только дивно, что проповедниками были рыбари, люди простые, но и то, что встретились и другие препятствия, препятствия по природе, и однако же дело шло успешно. Простота не только не мешала, но она-то особенно и делала проповедь заметной. Послушай, что говорит Лука: *и разумевше, яко человека некнижна еста и проста, дивляхуся* (Деян. IV, 13). И узы также не только не мешали, но еще делали (апостолов) более дерзновенными. Не столько дерзали ученики, когда Павел был свободен, как тогда, когда он находился в узах: *паче дерзают,* говорит, *без страха слово Божие глаголати.* Где возражатели, говорящие, что эта проповедь была не божественная? Разве простота оказалась недостаточной для обличения их? Разве в этом состоянии они не должны были испугаться? Ведь вы знаете, что простой народ водится двумя чувствованиями: тщеславием и робостью. Простота не позволяла им стыдиться; опасности же, конечно, должны были внушить им робость. Но они, говорят, творили чудеса. Так вы верите, что они творили чудеса. А если не творили? Вот чудо больше тех, какие творили, — что без чудес приводимы были (люди ко Христу).

Связан был и Сократ эллинами. Что же? Не тотчас ли ученики его ушли в Мегару? Конечно, потому что не принимали учения о бессмертии. Но смотри, как здесь. Связан был Павел, и ученики его стали тем дерзновеннее. Так и следовало, потому что они видели, что это не препятствует проповеди, языка связать нельзя, а язык особенно и ускоряет ее. Как не помешаешь ты бежать гонцу, если не свяжешь ему ног, так не помешаешь и бегу благовестника, если не свяжешь ему языка; и как тот быстрее бежит и мчится, когда подвяжешь ему бедра, так и этот больше проповедует и с большим дерзно-

вением, когда на нем узы. Боится узник, если смотрит только на узы; а кто презирает смерть, того как связать. Они сделали то же, как если бы, например, связали тень Павла и заградили ей уста. Это была борьба с тенью. Имея на себе узы, как воздаяние за мужество, (Павел) и для своих стал вожделеннее, и для врагов почтеннее. Венец украшает главу и делает ее славнее, а не посрамляет. Узами своими они нехотя увенчали его. Скажи мне: железо может ли устрашить того, кому не страшны были адамантовые врата смерти?

Поревнуем этим узам, возлюбленные. Все вы, жены, украшающиеся золотыми ожерельями, возжелайте уз Павловых. Не столько сияют эти украшения на ваших шеях, сколько блистает красота железных уз на его душе. И кто желает последних, пусть возненавидит первые, потому что какое общение малодушия с мужеством, телесного украшения с любомудрием? Эти узы уважаются ангелами, а на те смотрят они, как на детские игрушки. Эти узы обыкновенно влекут от земли на небо, а те – с неба низводят на землю. Поистине, эти узы не то, что те: эти – украшение, а те – узы; те вместе с телом сокрушают и душу, а эти вместе с телом украшают и душу. Хочешь ли узнать, что эти – действительно украшение? Скажи мне, кто больше привлекал зрителей, – ты или Павел. Но что я говорю – ты? Сама царица, вся покрытая золотом, не может привлечь к себе более зрителей. Если бы случилось в одно и то же время войти в церковь и Павлу в узах, и царице, – все направили бы свои глаза от последней на первого. Да так и следовало бы, потому что видеть мужа, стоящего выше человеческой природы, не имеющего ничего человеческого, но являющегося ангелом на земле, любопытнее, чем видеть наряженную женщину. Последнюю можно видеть и в театрах, и в торжественных собраниях, и в банях, и в других местах, а человека заключенно-

го в узы, почитающего их величайшим украшением и не страшащегося уз, — такого человека видеть — значит быть на зрелище не земном, но достойном неба. Душа, которой тело увешано драгоценностями, наблюдает, кто смотрит на них, кто не смотрит, исполняется надменностью, обнаруживает беспокойство и волнуется множеством других чувств; напротив, отягощенный узами не надмевается, душа его покойна, свободна от всякой заботливости, весела и смотрит на небо, как окрыленная. Если бы кто отдал мне на волю видеть Павла сходящим с неба и изрекающим слово, или выходящим из темницы, то я предпочел бы исхождение его из темницы, потому что, когда он был в темнице, — с неба к нему нисходили. Узы Павла — это союз проповеди; его кандалы — это основание. Пожелаем и мы этих уз.

5. Но как это возможно, скажешь? Если сокрушим и переломаем (те украшения). От этих уз нет никакой пользы, а скорее — вред. Они сделают нас узниками там; а узы Павловы разрешат нас там от уз. Душа, связанная этими узами здесь, будет связана по рукам и ногам нетленными узами там; а связанная узами Павла будет иметь их на себе тогда, как украшение. Разреши же и себя от уз, и бедного от голода. Что ты вяжешь цепи грехов? Как, скажешь? Так, что ты накопляешь золото, а другой погибает; ты для приобретения суетной славы бережешь массу золота, а другому и есть нечего. Этим разве не грехи вяжешь ты? Облекайся во Христа, а не в золото. Где мамона, там нет Христа, а где Христос, там нет мамоны. Ужели ты не хочешь облечься в Царя всяческих? Если бы кто дал тебе порфиру и диадему, не принял ли бы ты этого вместо всякого золота. Я даю тебе не царское украшение, а предлагаю облечься в самого Царя. Но как облечься во Христа, скажешь? Послушай, что говорит Павел: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27);

Послушай и увещания апостольского: *плоти угодия,* говорит, *не творите в похоти* (Рим. XIII, 14). Итак, облекается во Христа тот, кто не угождает плоти до похотения. Если облечешься во Христа, то и демоны будут бояться тебя; а если в золото, то и люди станут смеяться над тобой; если облечешься во Христа, то и люди будут уважать тебя.

Хочешь ли казаться прекрасной и благопристойной? Довольствуйся тем образом, какой дал тебе Творец. Что привешиваешь золото, как бы поправляя образ Божий? Хочешь ли казаться благопристойной? Облекись в милосердие, облекись в человеколюбие, облекитесь в целомудрие, в смирение. Все это дороже золота; все это и красивую делает еще благопристойнее, и некрасивую благообразной. Кто взглянет на лицо, выражающее доброту, тот произнесет свое мнение от любви, а злое (лицо), хотя бы оно было и красиво, никто не может назвать прекрасным: возмущенное сердце правильного мнения не произносит. Украшена была та египтянка, украшен был и Иосиф; но кто красивее? Не говорю о том времени, когда первая была в царском дворце, а последний – в темнице. Этот был наг, но облекался одеждой целомудрия; а та была одета, но оказалась постыднее обнаженной, потому что не имела целомудрия. Когда ты, женщина, слишком украшаешься, тогда бываешь постыднее обнаженной, потому что снимаешь с себя благоприличие. Была нага и Ева; но она стала постыднее, когда оделась, потому что, будучи нагой, украшалась славой Божией, а облекшись в одежду греха, сделалась постыдной. Так и ты, надев на себя принадлежности щегольства, являешься более постыдной, потому что роскошная одежда не в состоянии обнаружить благообразие; напротив, одетая в нее может быть срамнее обнаженной. Спрашиваю: если бы ты надела когда-нибудь принадлежности флейтщицы

или танцовщицы, — не стыдно ли было бы тебе? Хотя эти одежды и золотые, но оттого-то тебе и стыдно, что золотые, так как сценическая роскошь приличествует трагикам, комикам, мимикам, танцовщикам и гладиаторам; а жене верной дана от Бога иная одежда, — сам единородный Сын Божий. *Елицы*, говорит, *во Христа креститеся, во Христа облекостеся.* Скажи мне: если бы кто дал тебе царскую одежду, а ты взяла бы и сверх ее надела рубище илота, — не понесла ли бы за это, кроме срама, и наказание? Ты облеклась во Владыку неба и ангелов, и еще вращаешься около земли. Это сказано мной с целью — показать, что щегольство и само по себе великое зло, хотя бы из него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно. Но оно располагает к тщеславию и надменности, а потом из прикрас рождается и многое другое, — явные подозрения, неблаговременные издержки, порицания, поводы к лихоимству. Для чего ты украшаешься, скажи мне? Чтобы нравиться мужу? Так делай это дома. А здесь выходит противное. Если хочешь нравиться своему мужу, другим не нравься; а когда нравишься другим, не можешь нравиться своему. Итак, выходя на площадь, или вступая в церковь, ты должна была отложить всякое украшение. Притом, не тем нравься мужу, чем нравятся и блудницы, но особенно тем, чем нравятся жены честные. Чем, скажи мне, отличается жена от блудницы? Тем, что эта смотрит только на одно, как бы красотой тела привлечь любимого; а та и управляет домом, и обращается с детьми, и (заведовает) всем другим. Имеешь ты дочурку: смотри, как бы не позаимствовала она от тебя чего вредного: дети любят подделываться под нравы воспитателей и подражать нравам матерей. Будь для твоей дочери примером целомудрия; украшайся этим украшением, а тем, смотри, пренебрегай. Это ведь и есть действительное украше-

ние, а то — безобразие. Довольно сказанного. Бог, создавший красоту и давший нам украшение души, да украсит нас и облечет своей славой, чтобы все мы сияли добрыми делами и, живя во славу Его, воссылали славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСЕДА XI

В премудрости ходите ко внешним, время искупующе. Слово ваше (да бывает) всегда во благодати, солию растворено, ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати (Кол. IV, 5, 6).

1. То, что Христос говорил ученикам, внушает теперь и Павел. Что же говорил Христос? *Се Аз посылаю вас яко овцы посреде волков. Будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. X, 16), то есть бывайте осторожны, не подавая им никакого повода уловить вас. Ведь для того и прибавлено: ко *внешним,* чтобы мы знали, что по отношению к своим членам нам не столько нужно осторожности, как по отношению к чужим. Где братья, там бывает больше и снисходительности и любви. Но и здесь нужна осторожность, а тем более между чужими, потому что жить между неприятелями и врагами не то, что между друзьями. Так как (своими словами апостол) устрашил, то посмотри, как он потом снова ободряет. *Время,* говорит, *искупующе,* то есть настоящее время непродолжительно. Это он сказал, не того желая, чтобы они были переменчивы и лицемерны, — такие качества свойственны не мудрости, а безумию, — но что? Вы не давайте, говорит он, уловлять себя в таких делах, которые не наносят вреда. Это он говорит и в послании к римлянам: *воздадите всем должная: емуже урок, урок емуже дань дань, емуже честь честь* (Рим. XIII, 7). Пусть, говорит, только из-за проповеди будет у тебя борьба с ними; ни

от какой другой причины она не должна происходить, потому что если у нас будет с ними вражда и из-за чего-нибудь еще другого, например, если не станем платить податей, если не будем воздавать приличных почестей, если не будем смиренны, то и нам не будет награды, и они сами (враги наши) сделаются хуже, и их обвинения против нас будут казаться справедливыми. Не видишь ли ты, как был уступчив Павел, когда это нисколько не вредило проповеди? Послушай его слов, сказанных Агриппе: *непщую себе блаженна быти, яко пред тобою отвещати днесь имам, паче же ведца тя суща сведый иудейских обычаев и взысканий* (Деян. XXVI, 2, 3). А если бы он считал необходимым говорить начальнику оскорбительные слова, то испортил бы все дело. Послушай также, с какой умеренностью отвечают иудеям те, которые были с блаженным Петром: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (Деян. V, 29). Хотя люди, решившиеся положить свою душу, могли бы и говорить дерзости и делать все, что угодно, но ведь они решились жертвовать жизнью не по тщеславию (это именно было бы тщеславием!), а для того, чтобы проповедовать и чтобы о всем говорить смело, тщеславие же показывает недостаток скромности. *Слово ваше (да бывает) всегда во благодати солию растворено,* то есть ваша любезность пусть не доходит до того, чтобы она употреблялась без разбора: можно говорить любезно, но нужно делать это с должным приличием. *Ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати.* Итак, не со всеми должно говорить одинаковым образом, то есть с эллинами и с братьями, нет, — это было бы большим безрассудством. *Яже о мне вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель и соработник о Господе* (ст. 7). О, каково благоразумие Павлово! Он помещает в своих посланиях не все, а что необходимо, в чем настоятельная нужда. Это потому, во-первых, что не хотел слишком распространять (по-

слания); во-вторых, с целью предоставить больше чести лицу, отходившему (с посланием), чтобы ему было что рассказать; в-третьих, показывая, как сам он к нему расположен, потому что в противном случае не поручил бы ему этого. Наконец, было что-нибудь и такое, чего нельзя было объявлять письменно. *Возлюбленный брат,* говорит он. Если возлюбленный, то он знал все, и (Павел) ничего не скрывал от него. *И верен служитель и соработник о Господе.* Если он верен, то ни в чем не солжет; если сотрудник, то участвовал в искушениях. Таким образом, (апостол) изобразил все то, что делало его достойным доверия. *Егоже послах вам на сие истое* (ст. 8). Здесь (апостол) показывает сильную любовь, так как по этому побуждению он и послал его и это было причиной его отправления в путь. То же говорил он, когда писал и к фессалоникийцам: *темже уже не терпяще, благоволихом остатися во Афинех едини, и послахом Тимофея, брата нашего* (1 Сол. III, 12). Того же самого и по той же причине он посылает и к ефесянам (Еф. VI, 22). *Да разумеет,* говорит он, *яже о вас, и утешит сердца ваша* (ст. 8). Смотри, что он говорит: не говорит: чтобы узнать вам о моих делах, но чтобы мне узнать о ваших; и вообще он нигде не выставляет на вид то, что касается собственно его. Он указывает также и на то, что они находятся в искушениях, говоря: *да утешит сердца ваша. Со Онисимом верным и возлюбленным братом, иже есть от вас. Вся вам скажут, яже зде* (ст. 9). Это тот Онисим, о котором он говорил в послании к Филимону: *егоже аз хотех у себе держати, да вместо тебе служит ми во узах благовествования: без твоея, же воли ничтоже восхотех сотворити* (Флм. 13–14). Он присовокупляет нечто и в похвалу городу, чтобы они не только не стыдились, но и ставили себе это в честь: *иже есть от вас,* говорит он. *Вся вам скажут, яже зде. Целует вы Аристарх, спленник мой* (ст. 9, 10).

2. Нет ничего выше такой похвалы. Это тот человек, который был вместе с ним уведен из Иерусалима. (Апостол) сказал более, чем пророки: те называли себя странниками и пришельцами, а он (называет себя) даже пленником, потому что его, как пленника, водили и волочили, и всякий мог наносить ему оскорбления. А лучше сказать – ему было даже хуже (чем пленникам), потому что, когда враги захватят, то прилагают затем большое попечение, заботясь как о своей собственности; а его, как врага и неприятеля, все гнали и преследовали – побоями, мучениями, оскорблениями, клеветами. А для них (его учеников) это служило утешением; когда и учитель находится в подобных же обстоятельствах, то для учеников получается более утешения. *Марко, анепсий Варнавин* (ст. 10). Он хвалит и этого (Марка) за его родство, так как Варнава был великий муж. *О немже прияспе заповеди: аще приидет к вам, приимите его* (ст. 10). Что же? Ужели без этого они и не приняли бы его? Конечно (приняли бы); но (апостол) выражает желание, чтобы они сделали это с большим усердием, и тем показывает, что этот человек был великий муж. Но откуда они приняли заповеди, он не говорит. *И Иисус, нареченный Иуст* (ст. 11). Может быть, это был коринфянин. Высказавши приличное каждому в отдельности одобрение, (апостол) наконец воздает общую всем хвалу: *сущии от обрезания: сии едини спопешницы во царство Божие, иже быша мне утешение* (ст. 11). Смотри, как он выставляет это на вид и ободряет их, чтобы, сказавши – *спленник,* не ослабить духа в слушателях: *спопешницы во царство Божие,* говорит он; таким образом участвующие (с ним) в искушениях участвуют и в царстве (Божием). *Иже быша мне утешение.* Отсюда видно, что это были великие люди, как скоро они служили утешением для Павла. Но обратим внимание на благоразумие Павла. *В премудрости,* говорит он, *ходите ко внешним, время иску-*

пующе, то есть время это – не ваше, а их; поэтому вы не ищите владычества, а искупайте время. И он не сказал просто покупайте, но искупайте время, давая понять, что таким поведением вы иначе приобретаете его себе. Ведь крайне безрассудно выдумывать различные предлоги к ссорам и вражде. Кроме того, что вы без нужды и без пользы подвергаете себя опасностям, от этого происходит и другой вред, что эллины не присоединяются к нам. Когда ты находишься между братьями, то справедливо не имеешь опасений; но между чужими не так должно быть. Видишь, как он повсюду эллинов называет чужими. Поэтому и в послании к Тимофею он говорил: *подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних* (1 Тим. III, 7); и опять: *что бо ми и внешних судити? В премудрости,* говорит, *ходите по внешним.* Они – внешние потому, что, хотя живут в одном и том же с нами мире, но находятся вне царствия и отеческого дома. Называя их внешними, (апостол) через это выражает вместе и ободрение для своих, как высказал он это выше: *живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. III, 3). Тогда, говорит, вы ищите славы, почестей, и всего другого, а теперь не ищите, но все им предоставляйте. Затем, чтобы ты не подумал, будто он говорит о деньгах, он прибавляет: *слово ваше всегда во благодати (да бывает), солию растворено, ведети како подобает вам единому комуждо отвещавати.* Пусть, говорит, в нем не будет притворства, потому что это не будет благодать и не будет растворено солью. Например: если тебе приходится оказать кому-нибудь услугу, и это будет безопасно (для спасения), то не отказывайся; если обстоятельства требуют вежливого разговора, то не считай этого дела за льстивость. Делай все, относящееся к чести, без вреда для благочестия. Не видишь ли ты, как служил нечестивому человеку Даниил? Не видишь ли, с каким благоразумием обращались с царем три отрока, показывая

мужество и дерзновение, но ничего дерзкого и оскорбительного? Последнее происходит не от дерзновения, а от тщеславия. *Ведети,* говорит, *како подобает вам единому комуждо отвещавати,* потому что иначе (должно отвечать) начальнику и иначе подчиненному, иначе богатому и иначе бедному. Почему так? Потому что у людей богатых и у начальников души бывают слабее, вспыльчивее и раздражительнее, так что здесь требуется сдержанность; а у людей бедных и находящихся под властью душа крепче и сосредоточеннее, так что здесь можно допустить и более свободы (в речи), имея в виду одну цель – назидание. Нужно уважать одного более, другого менее – не потому, что один богат, а другой беден, но по причине немощи с первым должно обращаться терпеливо, а с последним не так. Например: когда ты не имеешь повода, то не называй эллина нечестивым и не делайся обидчиком; но если тебя спросят об учении веры, то отвечай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашивает и не заставляет говорить, то не следует без причины поднимать вражду. Да и какая необходимость напрасно вооружать против себя? Опять: если ты наставляешь кого-нибудь вере, то говори, что относится к предмету, потом молчи. Если слово твое будет растворено солию, то хотя бы оно попало и в раздражительную душу, произведет в ней нежную привязанность, и хотя бы в жестокую, умягчит ее суровость. Будь обходителен и не будь груб, но опять – и не слишком слаб, а имей твердость, соединенную с приятностью. Если будешь без меры строг, то сделаешь более вреда, чем пользы; если будешь чрезмерно любезен, то доставишь более печали, чем радости. Так должна быть мера во всем. Не будь суровым и угрюмым, потому что это неприятно; не будь и излишне веселым, потому что через это можно подпасть пренебрежению и презрению; но усвояя то, что составляет совершен-

ство в том и другом, избегай недостатков, подобно пчеле заимствуя от одного веселость, а от другого — важность. Если врач неодинаково обходится с телом каждого, то тем более учитель. Но тело еще легче выдержит негодное для него лекарство, чем душа — слово. Например: приходит эллин и становится тебе другом. Ты не говори ему об этом ничего, доколе он не сделается твоим другом окончательно; а когда сделается, то (веди речь) постепенно.

3. Посмотри, с какой речью обратился к ним (то есть к эллинам) сам Павел, когда прибыл в Афины. Он не говорил им: о, беззаконники и нечестивцы! Но что (сказал)? *Мужие Афинейстии, по всему зрю вы аки благочестивыя* (Деян. XVII, 22). Но опять он не отказался и упрекнуть, когда это было нужно, и с большим жаром говорил Елиму: *о исполненне всякия льсти и всякия злобы, сыне диаволь, враже всякия правды* (Деян. XIII, 10). Ведь как порицать (афинян) было безрассудно, так точно оставить без упрека (Елима) было бы малодушием. Опять, являешься ли ты к начальнику по какому-нибудь делу? Окажи ему приличную почесть. *Вся вам скажут, яже зде,* говорит он. Для чего, спросишь, они не пришли вместе? А что значит: *вся вам скажут яже зде?* Это значит: (скажут) об узах и о всем другом, что меня удерживает. Итак, при моем желании видеть вас, я, отправляя других, и сам не замедлил бы (к вам), если бы важная необходимость не удерживала меня. И это разве не должно было утешить их? И очень должно было утешить известие о том, что он подвергся искушениям и мужественно перенес их, должно было успокоить их и ободрить их души.

Со Онисимом, говорит, *возлюбленным и верным братом.* Раба Павел называет братом, и справедливо, потому что и себя он называет рабом верных. Отложим же все гордость и подавим в себе высокомерие. Павел, кото-

рый стоит вселенной и тысячи небес, называет себя рабом, и ты ли много о себе думаешь. Тот, кто всем распоряжался и действовал, как хотел, кто имеет преимущества в царстве небесном, кто был увенчан, кто взошел на третье небо, называет рабов братьями и сорабами. Где безумная гордость? Где высокомерие? Вот сколько достоин был доверия Онисим, что ему и это было поверено. *И Марко,* говорит, *анепсий Варнавин, о немже приясте заповеди: приимите его.* Может быть, они от Варнавы приняли заповеди. *Сущии от обрезания.* Он укрощает гордость иудеев, а их ободряет тем, что *сущих от обрезания* немного, а большая часть (верных) — из язычников. *Иже быша ми утешение,* говорит. Он показывает, что находится в великих искушениях. Итак, это немалое дело, когда мы утешаем святых и присутствием, и словом, и постоянной заботливостью об них, когда вместе с ними переносим несчастья (с узниками, говорит он, как бы узники); если мы принимаем на себя их страдания, то будем участниками их и в венцах. Ты не приведен на поприще? Ты не вышел на борьбу? Другой сражается; но если захочешь, будешь участником и ты: ободряй его в борьбе, будь ему друг и сотрудник, провозглашай о его подвигах, возбуждай его силы, укрепляй дух. Так следует поступать в отношении ко всем другим: ведь сам Павел не имел нужды (в таком участии), а говорил об этом (о своих искушениях) с целью их ободрить. Так и ты относись ко всем другим: заграждай уста тем, кто захотел бы злословить (находящегося в искушениях брата), приобретай ему друзей и, если он выйдет, принимай его с особенным усердием: таким образом ты будешь участником и венцов, и славы. Хотя бы ты ничего больше не сделал, а только стал бы радоваться о том, что делается, и то уже ты принял участие и не какое-нибудь, потому что оказал любовь, которая есть главнейшее из всех благ. Если плачущие,

представившись разделяющими чужую скорбь, одними своими слезами много утешают и значительно облегчают горесть, то тем более удовольствия должен доставлять другим тот, кто радуется с ними. А как велико несчастие не видеть к себе сострадания, об этом послушай пророка, который говорит: *ждах соскорбящаго, и не бе* (Пс. LXVIII, 21). Поэтому и Павел говорит: *радоватися с радующимися и плакати с плачущими* (Рим. XII, 15). Усиливай радость, если видишь, что брат твой пользуется доброй славой, не говори: «ведь слава принадлежит ему, из-за чего же мне-то радоваться?» Так говорить может не брат, а враг. Если угодно, эта слава — не его, а твоя; от тебя зависит увеличить ее, как скоро ты от этого не сделаешься угрюмым, а будешь радоваться, веселиться и торжествовать. А что это действительно так, видно из следующего. Завистники завидуют не только тем людям, которые пользуются добрым мнением, но и тем, которые радуются их доброй славе; значит они понимают, что и эти последние тоже заслуживают доброго мнения, как и действительно, их-то особенно и стоит уважать. Один даже краснеет, когда выслушивает большие себе похвалы, а другой получает от этого особенное удовольствие и возвышается в собственных глазах. Разве не знаете, как бывает у борцов: один удостаивается венка, другой его не удостаивается, а печаль и радость от этого бывает их друзьям и врагам: они скачут и прыгают. Видишь, что значит не иметь зависти: иной трудится, а ты получаешь удовольствие; иному надевают венок, а ты прыгаешь и ликуешь. Скажи мне: победу иной одержал, — зачем же ты торжествуешь? Но и они (завистники) хорошо понимают, что это дело общее. Потому завистники не восстают против того (человека, который одержал победу), а стараются унизить его победу, и ты слышишь от них такие слова: я уничтожил тебя, или: я посрамил тебя, — хотя

дело не твое, а похвала тебе. Если же в отношении к внешним так хорошо бывает не иметь зависти и близко принимать к сердцу блага другого, то тем более в отношении победы над диаволом, потому что тогда именно он большей яростью дышит против нас, когда очевидно, что мы больше веселимся. Хотя он и погряз во зле, ясно однако же видит, что эта радость больше. Хочешь ли заставить его печалиться? Веселись и радуйся. Хочешь ли порадовать его? Будь уныл; своим унынием ты облегчаешь скорбь, которую причинила ему победа твоего брата; вместе с ним становишься противником твоего брата; делаешь зло большее, чем он. Не все ведь равно, будучи врагом, действовать по-вражески, и, будучи приятелем, стоять за врагов; этот (последний) и есть самый ненавистный враг. Если брат твой приобрел себе добрую славу своим ли словом, уменьем ли держать себя, или своими поступками, ты разделяй с ним его добрую славу, покажи, что он — часть твоя.

4. Но как же? — скажешь ты; ведь не обо мне идет хорошая слава? Не говори никогда так, закрой уста. Если бы ты был подле меня и стал говорить так, я закрыл бы тебе уста рукой, чтобы не услышал враг. Часто мы враждуем друг с другом, но не подаем виду перед врагами; а ты обнаруживаешь это диаволу. Не говори так, не имей даже и такой мысли; напротив (говори): он часть моя, слава от него переносится и на все тело. Но скажешь: зачем же внешние не имеют таких расположений? Этому виной — ты. Когда они видят, что ты чуждаешься их радости, то и сами чуждаются. Если бы они видели, что ты считаешь (их радость) своей, то не посмели бы (вести себя так). Но впрочем и ты так же славен, (как и брат твой). Ты не приобрел славы красноречием, зато участием в чужой радости ты заслужил ее в большей степени, чем тот. Если любовь есть дело важное и вершина всего, то ты приобрел венец за лю-

бовь: он — за искусство красноречия, а ты — за сильную любовь; он выказал силу слова, а ты делом победил зависть, подавил недоброжелательство, и за это по справедливости увенчан более, чем он. Твой подвиг славнее; ты не только подавил зависть, но сделал и нечто другое; он имеет один только венец, а ты — два, и оба они блистательнее, чем (его) один. Какие же это (венцы)? Один, который ты приобрел (в борьбе) против зависти, другой, которым увенчался за любовь. Сорадование служит доказательством не только того, что ты чист от зависти, но и того, что в сердце твоем укоренилась любовь. Его часто отягощает и человеческая страсть тщеславия, а ты свободен от всякой страсти, потому что, если бы в тебе было тщеславие, ты не радовался бы счастью другого. Скажи мне: он возвысил Церковь, увеличил собрание (церковное)? Опять похвали его: ты имеешь двойное право на венец, потому что победил зависть и украсился любовью. Да, я прошу и умоляю. Хочешь ли услышать и о третьем венце? Ему рукоплещут люди на земле, а тебе ангелы — на небе. Ведь не все равно отличаться красноречием, и побеждать страсти. За первое похвала временная, за последнее — вечная; за первое — от людей, за последнее — от Бога. Тот (кто славится красноречием) увенчивается явно, а ты увенчиваешься втайне, где видит тебя Отец твой. Если б можно было, отрешившись от тела, видеть душу каждого, то я показал бы тебе, что этот последний почтеннее, чем первый, и сияет больше против него. Будем же, возлюбленные, подавлять в себе завистливые побуждения; воспользуемся выгодами, отсюда происходящими; возложим венец сами на себя.

Завистник идет против Бога, а не против того (кому он завидует). Когда он видит, что кто-нибудь пользуется добрым расположением (у людей), и огорчается этим, и желает разорить Церковь, он идет не против этого

человека, а против Бога. Скажи, в самом деле, если бы кто стал украшать царскую дочь, чтобы этим убранством сделать ее почтеннее и доставить ей возможность пользоваться между людьми уважением, а другой кто-нибудь захотел бы обезобразить ее и его лишить возможности украсить ее, то против кого он восстал бы, против него ли, или против нее и отца ее. Так и ты, завистник, идешь против Церкви, восстаешь против Бога; как скоро с доброй славой твоего брата соединена польза самой Церкви, то с уничтожением первой необходимо разрушается и последняя, так что через это, действуя во вред телу Христову, ты совершаешь сатанинское дело. Ты досадуешь на того, кто не причинил тебе никакого оскорбления, а еще более – на самого Христа. Что Он сделал тебе, что ты не даешь Его телу процвести красотой, не даешь Его невесте явиться в своем убранстве? Но посмотри, какое и наказание. Ты радуешь врагов своих, и даже того, кто приобрел добрую славу и кому ты, по зависти, стараешься причинить огорчение, заставляешь напротив радоваться, потому что своей завистью еще очевиднее доказываешь, что он действительно возбудил хорошее о себе мнение (иначе тебе нечему было бы и завидовать), еще яснее обнаруживаешь, что для тебя это сущее наказание. Мне стыдно представлять вам такие доводы; но, так как мы находимся в таком опасном положении, то хотя бы после таких вразумлений избавиться нам от этой пагубной страсти. Ты досадуешь, что он приобрел добрую славу? Зачем же ты еще увеличиваешь славу его своей завистью? Ты желаешь отомстить ему? Зачем же показываешь, что сам ты мучишься? Зачем вызываешь наказание скорее на себя, чем на того, чьей славы ты не терпишь? Наконец, для него будет двойная радость, а для тебя – (двойное) наказание: прежде всего ты своей завистью не только свидетельствуешь о его больших достоинствах, но и доставляешь ему другое удовольствие,

потому что караешь сам себя; а потом еще он радуется тому, что тебе причиняет досаду, и радуется именно вследствие твоей зависти. Видишь, какие жестокие удары наносим мы сами себе и не чувствуем. Но он враг. А почему враг? Какую обиду он нанес? Однако же славе врага мы придаем новый блеск, а самих себя более мучим. Опять мы находим сами себе наказание в том, когда чувствуем, что ему это известно. Он ведь, может быть, и не радуется; а мы, думая, что он радуется, этим тоже мучимся. Итак, перестань завидовать. Зачем наносить раны себе самому? Возлюбленные! Будем иметь в виду все это, – и двоякий венец для людей независтливых, то есть похвалу от людей и от Бога, и то зло, какое происходит от зависти, – и тогда мы в состоянии будем умертвить этого зверя, приобрести славу у Бога, и получить то же самое, чего достигают люди, удостоившиеся славы. Быть может, и получим; а если и не получим, то для нашей же пользы не получим; ведь и без того нам можно будет пожить во славу Божию и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Целует вы Епафрас, иже от вас раб Христа, всегда подвизаяйся о вас в молитвах, да будете совершенни и исполнени во всякой воли Божией. Свидетельствую бо о нем, яко имать ревность многу о вас и о сущих в Лаодикии и во Иераполи (Кол. IV, 12, 13)

1. И в начале послания (апостол) рекомендует этого человека со стороны любви; а о любви свидетельствует и то, что, в похвалу ему, сказал он сначала: *иже и яви,*

говорит, *нам вашу любовь в дусе* (I, 8). О любви также свидетельствует и любовь к нему возбуждает и то еще, что он молится за них. А рекомендует его он с целью споспешествовать его проповеди, потому что, когда наставник человек почтенный, то это полезно и для учеников, и опять же словами: *от вас* внушается им то, что они должны гордиться таким человеком, тем, что из них выходят такие люди. *И всегда,* говорит, *подвизаяйся о вас в молитвах.* Не просто сказал: который молится, но *подвизаяйся* с трепетом и страхом. *Свидетельствую бо о нем,* говорит, *яко имать ревность многу о вас.* Достоверный свидетель! *Яко имать,* говорит, *ревность многу о вас,* то есть, что он вас пламенно любит, что имеет к вам сильную привязанность. *И о сущих в Лаодикии,* говорит, *и в Иераполи.* И этим его рекомендует. Но откуда они могли это знать? Конечно они могли слышать, но достоверно узнали, когда стали читать это послание: *сотворите,* говорит он, *да и в Лаодикийстей церкви прочтено будет* (ст. 16). *Да будете,* говорит, *совершенни.* Здесь он в одно и то же время и обличает их, и слегка убеждает, и подает им совет. Ведь возможно и быть совершенным, и не стоять, когда кто знает все, а между тем еще колеблется. Возможно и не быть совершенным и стоять, когда кто знает только часть, а стоит, хоть и нетвердо. Но он желает и того и другого, *да будете,* говорит, *совершенни.* Посмотри, как он снова напомнил им слово об ангелах и о жизни. *И исполнени,* говорит, *во всякой воли Божией.* Недостаточно — исполнять лишь волю (Божию). Вполне узнавший (волю Божию) не допустит, чтобы у него была другая воля; иначе он не вполне узнал ее. *Свидетельстую бо,* говорит, *о нем, яко имать ревность многу. Ревность,* да еще *многу;* тут каждое слово имеет вес; так и о себе в послании к коринфянам он говорит: *ревную бо по вас Божиею ревностию* (2 Кор. XI, 2). *Целует вы Лука врач возлюбленный* (ст. 14).

Это – евангелист. Он ставит его после (Епафраса), не унижая его этим, а только возвышает Епафраса. Конечно, были ведь и другие, которые носили это же имя. *И Димас.* Сказав: *целует вы Лука врач,* прибавил: *возлюбленный.* И это – немаловажная похвала, а напротив слишком большая – быть возлюбленным Павла. *Целуйте братию, сущую в Лаодикии, и Нимфана и домашнюю его церковь* (ст. 15). Посмотри, как он их сближает, как привязывает их друг к другу: он не только посылает им с этой целью свой привет, но и ведет с ними переписку. А потом еще он показывает расположение свое (к Нимфану) тем, что обращается к нему особо. Делает же это не без намерения, но чтобы и в других пробудить соревнование: ведь что-нибудь да значит, когда отличают кого от других. Между тем посмотри, – из слов его видно, что это был человек знаменитый, так как дом его служил церковью. *И егда причтется послание сие у вас, сотворите, да и в Лаодикийстей церкви прочтено будет* (ст. 16). Мне кажется, что здесь было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и этим (лаодикийцам) и для них отсюда проистекала тем большая польза, когда из обличения, направленного против других, они узнавали свои собственные недостатки. *И написанное от Лаодикии да и вы прочтете* (ст. 16). Некоторые утверждают, что (здесь разумеется) не послание Павла к ним (лаодикийцам), а их послание к Павлу; в самом деле, он не сказал: написанное к лаодикийцам, а говорит: *написанное от Лаодикии. И рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси о Господе, да довершиши е* (ст. 17). Зачем он не пишет к нему? Вероятно в этом не было нужды, а нужно было только одно легкое напоминание, чтобы он был ревностнее. *Целование моею рукою Павлею* (ст. 18). Вот доказательство близости и приязни, что они, видя его письма, питали к ним какое-то особенное чувство. *Поминайте мои узы* (ст. 18). О, какое утешение!

Этого было довольно, чтобы заставить их делать все, что угодно, чтобы вдохнуть в них благородную решимость на все подвиги; и не только это придавало им мужества, но и теснее соединяло их между собой. *Благодать со всеми вами. Аминь.*

2. Большая похвала, — даже больше всякой другой похвалы, что он об Епафрасе выражается таким образом: *иже от вас раб Иисуса Христа.* Он называет его еще служителем их, подобно тому, как и самого себя называет служителем Церкви, когда говорит: *ейже бых аз служитель* (I, 25). В это же достоинство он возводит и этого человека: выше он называл его сорабом, здесь — рабом. *Иже от вас,* говорит. Как будто он беседует с матерью и говорит ей: ведь от твоей утробы! Но эта похвала могла породить зависть. Поэтому он рекомендует его не с этой только стороны, а и со стороны того, что относилось уже собственно к ним. И там он устраняет зависть, и здесь. *Всегда,* говорит, *подвизаяйся о вас:* не теперь только у нас — чтобы показать себя, и не у́ вас только — чтобы показать себя вам. Сказав: *подвизаяйся,* он выразил этим особенное усердие (Епафраса). Затем, чтобы не показалось кому, будто он им льстит, — он присовокупил: *яко имать ревность многу о вас, и о сущих в Лаодикии, и в Иераполи.* Равным образом и слова: *да будете совершенни* также не заключают в себе нисколько лести, а напротив, как нельзя более естественны в устах достопочтенного наставника. *Исполнени,* говорит, и *совершенни.* Первое он дал им (то есть исполнил их познаниями веры), а последнего (совершенства), по его словам, у них недостает еще. И не сказал: чтобы вы не колебались, но: чтобы стояли. Между тем приветствия, получаемые ими от многих, успокаивали их уверенностью, что об них помнят не только свои люди, из числа их же самих, но и другие. *И рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси о Господе.* Он подчиняет их ему. Они

уже не могли более жаловаться на него, зачем он обличает их, когда сами все приняли: ведь это неправильно, если ученики судят о своем учителе. Чтобы заградить им уста, он и пишет это. *Рцыте,* говорит, *Архиппу: блюди* (смотри). Это слово всегда заключает в себе предостережение, — как например говорится: *блюдитеся от псов* (Флп. III, 2); *блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая* (Кол. II, 8); *блюдите, да не како власть ваша сия преткновение будет немощным* (1 Кор. VIII, 9); и вообще всегда так говорят, когда предостерегают. *Блюди,* говорит, *служение, еже приял еси о Господе, да довершиши е.* Не позволяет ему быть господином, как и о себе сказал: *аще убо волею сие творю, мзду имам: аще же неволею, строение ми есть предано* (1 Кор. IX, 17). *Да довершиши е,* постоянно прилагая свое старание. *Еже приял еси о Господе.* Вот опять — *о (Господе)* значит то же, что через Господа. Он, то есть возложил на тебя эту обязанность, а не мы. И их он подчиняет ему, показывая, что он дан им самим Богом. *Поминайте моя узы. Благодать с вами. Аминь.* Он уничтожил страх. Если учитель и в узах, за то благодать его разрешает. И это дело благодати, что она попустила ему сделаться узником. Послушай, как говорит Лука: апостолы возвратились *от лица собора радующеся, яко за имя Его сподобишася безчестие прияти* (Деян. V, 41). И действительно, чтобы принять (за Христа) бесчестие и узы, этого нужно еще сподобиться. Если тот, у кого есть любимый человек, считает находкой для себя потерпеть что-нибудь из-за него, то тем большее (счастие страдать) за Христа.

Не будем же досадовать на оскорбления за Христа, но будем и мы вспоминать узы Павловы, — пусть это (воспоминание) будет служить для нас ободрением. Положим, например, ты убеждаешь кого-нибудь подавать бедным Христа ради: напомни этим (людям) узы Павловы, скажи им, что вот мы с тобой — люди несча-

стные, если он предал свое тело узам ради Его (Христа), а ты не хочешь поделиться и пищей. Или ты уже стал велик по своим делам? Вспомни узы Павловы, вспомни, что ты не потерпел еще ничего подобного, и ты перестанешь превозноситься. Тебе захотелось того, что имеет твой ближний? Вспомни узы Павловы, и ты увидишь, какая тут несообразность, когда он в несчастии, а ты живешь в свое удовольствие. Но все-таки тебе сильно хочется удовольствий? Так приведи же себе на память темницу Павлову. Ты ученик его, ты – соратник его. Есть ли тут здравый смысл, когда твой соратник в узах, а ты наслаждаешься удовольствиями? Или тебя постигло огорчение, ты считаешь себя покинутым? Послушай слов Павловых, и ты увидишь, что терпеть огорчения еще не значит быть покинутым. Тебе желательно носить шелковое платье? Вспомни узы Павловы, и все это тебе покажется презреннее самого грязного рубища. Ты хочешь надеть золотые украшения? Приведи на память узы Павловы, и тогда покажется тебе, что все это нисколько не лучше старой веревки. Или ты захотела убрать свои волосы и казаться красавицей? Подумай о том, какой жалкий вид имел Павел в темнице, и поверь, ты воспламенишься (любовью) к той красоте, а эту будешь считать крайним безобразием, и тяжело будешь вздыхать об этих вожделенных узах. Хочешь подкрасить себя притираниями, румянами и еще чем-нибудь в этом роде? Подумай об его слезах: три года, день и ноль, он плакал беспрестанно. Вот этим украшением лучше укрась свои щеки; эти слезы придадут им блестящую красоту. Я не требую, чтобы ты плакала о других, хотелось бы правда и этого, но это превышает твои силы, по крайней мере прошу тебя плакать о своих грехах. Ты приказала связать своего слугу, ты разгневалась, разгорячилась? Вспомни об узах Павловых, и у тебя в ту же минуту пройдет гнев. Припомни

только, что мы сами принадлежим к числу связанных, а не тех, которые вяжут, — к числу сокрушенных сердцем, а не тех, которые приводят в сокрушение. Ты слишком развеселилась, расхохоталась? Приведи себе на мысль его рыдания и вздохни; эти слезы сделают тебя несравненно прекраснее. Увидала пирующих и пляшущих? Вспомни его слезы: какой источник выпустил из себя столько потоков, сколько эти глаза — слез? Помните, говорит он (Деян. XX, 31), мои слезы, подобно тому, как здесь — узы. И справедливо он сказал им это, когда призвал их из Эфеса в Милет. Он говорил с наставниками: от тех требовал он того, чтобы они собирали (верующих), а от этих только, чтобы переносили опасности.

3. Какой источник ты хотел бы сравнить с этими слезами? Тот, который был в раю и орошал всю землю? Но между тем и другим нет никакого сравнения, потому что этот источник слез напоял души, а не землю. Если бы кто показал нам Павла плачущего и вздыхающего, то не правда ли, что гораздо приятнее было бы смотреть на него, чем на бесчисленный сонм (людей), украшенных блестящими венцами? Не говорю уже о вас, но если бы даже кто привел из театра, прямо со сцены какого-нибудь самого необузданного человека, воспламененного до безумия плотской любовью, и показал ему непорочную девицу в самом цвете лет, которая превосходит своих сверстниц и красотой лица, и стройностью прочих частей, и другими достоинствами, которая имеет взор нежный и томный, слегка углубленный, слегка рассеянный, взор влажный, кроткий, ясный, улыбающийся, полный робкой стыдливости и вместе великой прелести, взор, увенчанный сверху и снизу темными ресницами, показал бы девицу что называется с душой, у которой ясное чело, а ланита под челом с розовым оттенком, которая стройна, точно вытесанная из мра-

мора, — а потом показал бы мне Павла в слезах, — я оставил бы ее и бросился бы смотреть на него, так как в его глазах сияла бы духовная красота. Та красота приводит души молодых людей в восторг, воспламеняет их, сжигает, а эта напротив укрощает; кто смотрит в глаза этого человека, тот делает глаз своей души прекраснее, укрощает чрево, исполняется любомудрия, становится человеком в высшей степени сострадательным, и может смягчить даже адамантовое сердце. Этими слезами орошается Церковь, ими возращаются души. Будь огонь, даже чувственный и плотской, эти слезы могут погасить его, эти слезы погашают разжженные стрелы лукавого. Так будем же вспоминать об его слезах, и тогда все в настоящей жизни покажется нам смешным. Эти слезы ублажал Христос, когда говорил: блаженны плачущие, блаженны рыдающие, потому что они будут смеяться. Эти слезы проливал Исаия, проливал и Иеремия; один говорил: *оставите мене, да горце восплачуся* (Ис. XXII, 4), а другой взывал: *кто даст главе моей воду и очесе́м моим источник слез* (Иер. IX, 1) — как будто естественного (источника) было мало. Нет ничего сладостнее этих слез; они приятнее всякого смеха. Пусть же будет известно тем, которые проливают слезы, как много утешения в них заключается. Мы не должны считать их чем-нибудь для себя неприятным, а напротив крайне желательным. Будем же вспоминать эти слезы, эти узы, не для того, чтобы другие грешили, а для того, чтобы нам чувствовать сокрушение при виде их грехов. Может быть, эти слезы текли отчасти и вследствие уз: чувствовать удовольствие от уз ему не позволяла смерть тех погибших (людей), которые наложили на него эти узы. И о них он соболезновал: ведь это был ученик Того, Кто оплакивал иудейских священников не потому, что они имели Его распять, но потому, что они сами погибали. А этот (Учитель) не сам только поступает таким

образом, но убеждает к тому и других словами: *не плачитеся о мне, дщери Иерусалимския* (Лк. XXIII, 28). Эти глаза видели рай, видели третье небо; но я называю их блаженными не столько потому, что они это видели, сколько — за эти слезы, за которые они узрели Христа, а это — действительно блаженство! Он и сам ставит это для себя за большую честь, когда говорит: *не Иисуса Христа ли Господа нашего видех* (1 Кор. IX, 1)? Но еще большее блаженство заключается в этом плаче. Того видения удостаивались многие, да и тех, которые не сподобились его, Христос все же называет блаженными, когда говорит: *блажени невидевшии и веровавше* (Ин. XX, 29); а это (плакать ради Христа) доставалось не многим. Если оставаться ради Христа здесь нужнее для спасения других, чем разрешиться, чтобы потом быть с Ним, то естественно, что и видеть Его — дело не такой важности, как соболезновать о других. Если даже быть в геенне ради Него — большее благо, чем быть с Ним, и отделиться от Него ради Него — гораздо привлекательнее, чем быть постоянно с Ним, — это самое и разумел (Павел), когда говорил: *молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа* (Рим. IX, 3), — то тем более (желал он) проливать ради Него слезы. *Не престаях,* говорит он, *уча со слезами единаго когождо вас* (Деян. XX, 31). Почему? Не потому, что боялся опасностей, но — подобно тому, кто сидит при больном и, не зная исхода болезни, плачет вследствие сильной привязанности к нему, из опасения, чтобы он не умер и он, когда видел больного (духовно) и не имел возможности вразумить его, начинал плакать. Так и Христос поступал для того, чтобы по крайней мере постыдились Его слез. Например, если кто согрешал, Он сначала вразумлял его, но если вразумляемый плевал на Него и отходил прочь, тогда Он плакал, чтобы хоть этим способом привлечь его к себе.

4. Будем вспоминать эти слезы. Будем воспитывать таким образом своих дочерей и своих сыновей, проливая слезы, когда видим их дурное поведение. Которые хотят, чтобы их любили, пусть вспоминают слезы Павловы и сокрушаются сердцем. Если вы считаетесь счастливыми, если живете в чертогах, если пользуетесь удовольствиями вспоминайте эти слезы. Если вы испытываете горе, прогоняйте слезы слезами; он плакал не об умерших, а об живых, которые шли на погибель. Укажу вам еще и на другие слезы. И Тимофей проливал слезы, потому что он был ученик его (Павла). Потому (Павел) и писал ему: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4). Многие плачут навзрыд и от радости; следовательно слезы бывают и следствием радости, и при том самой сильной радости. После этого, конечно, не бывают тяжелы и слезы, если они происходят от такой радости; но и эти слезы, происходящие от мирской радости, далеко не так сладостны, как те. Послушай, что говорит пророк: *услыша Господь глас плача моего* (Пс. VI, 9). И могут ли быть такие случаи, чтобы слезы не были полезны – во время молитвы и при увещаниях? Мы порицаем их; но это потому, что они у нас идут не на то, для чего даны. Когда мы уговариваем брата, живущего в грехе, следует плакать, если только мы соболезнуем и вздыхаем об нем. Когда кого убеждаем, а тот не слушает и идет на погибель, нужно плакать. Это слезы разумные. Но если кто сделается беден, или заболит телесно, или умрет, плакать не следует, потому что это не стоит слез. Так, подобно тому, как порицаем мы смех, если он бывает не ко времени, мы порицаем и слезы, когда они являются не ко времени. Тогда только ведь и открывается истинное достоинство каждого, когда он стремится к соответствующим действиям; а когда – не к соответствующим, то совсем напротив. Например вино дано для увеселения, а не для пьянства;

хлеб для питания; супружеская жизнь для деторождения. И как это подвергается порицанию вследствие злоупотреблений, так бывает и со слезами. Будь такой закон, чтобы слезы проливались только на молитве и при увещаниях, посмотри, как привлекательна сделалась бы тогда эта вещь. Ничто так хорошо не может загладить грехи, как слезы; и даже самый телесный облик представляется от слез привлекательным; они располагают зрителя к милосердию и придают человеку вид, внушающий нам уважение. Ничто так сильно не располагает, как глаза, проливающие слезы. Это у нас благороднейший и прекраснейший член, это (орган) души. Нас трогают они до такой степени, что как будто мы видим самую душу в слезах. Все это говорится вам не без цели, но для того, чтобы вы не присутствовали при свадебных увеселениях, плясках и сатанинских сборищах. Ведь посмотри, что выдумал диавол! Так как от сцены и от тех гнусностей, какие там бывают, женщины удалены самой природой, он проник с театральными (мерзостями) в жилище женщины, – я говорю об изнеженных и развратных женщинах. Эту язву принес с собой закон супружества, или лучше не супружества, – да не будет! – а нашей беспечности. Что делаешь ты, человек? Ты сам не знаешь, что делаешь. Жена предназначается для целомудренной жизни и для чадородия: для чего же тут развратные женщины? Для того, говоришь ты, чтобы веселее было. Разве же это не безумие? Ты оскорбляешь невесту, оскорбляешь приглашенных. Если в этих (вещах) они находят для себя удовольствие, то – это оскорбление. Если это придает несколько блеску, когда смотрят на бесчинства развратниц, так зачем уж ты не тащишь сюда и невесту, чтобы и она посмотрела. Во всяком случае срам и позор приводить в дом распущенных мужчин и плясунов со всей их сатанинской пышностью. *Поминайте,* говорит он, *моя узы.* Брак

есть узы, и узы, установленные Богом; развратная женщина разрывает и уничтожает эти узы; иным способом можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселее, — например: приготовлять богатый стол и роскошное платье: я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишком строгим. Правда, Ревекке было довольно одного покрывала; но я не возбраняю. Можно для торжества надеть лучшее платье, могут явиться на это торжество почтенные люди — мужчины и женщины. Но зачем заводишь ты эти забавы, эти причуды? Ну, скажи же, что от них выслушиваешь? Тебе стыдно сказать? Если стыдно, так зачем же заставляешь их это делать? Если это хорошо, так почему и сам ты не делаешь того; а если это скверно, зачем другого заставляешь делать? Все должно быть проникнуто скромностью, благопристойностью и хорошим вкусом. Между тем я вижу теперь совершенно противное: скачут, как верблюды или как мулы. Для девицы нужна лишь одна спальня. Ты скажешь, она бедна? Но потому уже самому, что бедна, должно вести себя благоприлично. Пусть вместо богатства у нее будет добрый нрав. Она не имеет приданого? Но зачем же ты отнимаешь у нее и другие достоинства, развращая ее душу? По-моему хорошо, что приходят девицы почтить свою сверстницу, приходят также и женщины почтить ту, которая вступает в их общество. Это хороший обычай. Тут два кружка: один состоит из девиц, другой из женщин; те отдают, эти принимают; невеста между ними — не девица и не женщина. Оттуда она выходит, а в это общество поступает.

Но для чего же тут распутные женщины? Вместо того, чтобы укрываться и спасаться от них, когда случится брак, потому что распутство есть порча брака, мы приводим их на брак. Ведь когда что-нибудь другое вы делаете, вы даже и на словах остерегаетесь того, что вредит делу. Например, когда у тебя посев, или когда

ты переливаешь вино, только что выжатое, ты, даже не скажешь, что значит закваска. А тут, где совершается такое целомудренное дело, (брак), у тебя является закваска, потому что развратная женщина — настоящая закваска. Когда вы приготовляете благовонную мазь, вы заботитесь о том, чтобы даже и вблизи не было ничего такого, что издает дурной запах. А брак — благовонная мазь. Как же ты туда, где приготовляешь благовонную мазь, приносишь смрадную грязь? Что ты говоришь? Девица веселится и ей не до того, чтобы стыдиться своей сверстницы? Да ей-то и нужно быть почтеннее, чем последняя. Но ведь она вышла из рук (родительских), а не из палестры (школы борцов). Лучше уже девице вовсе и не показываться на брачном торжестве.

5. Разве не знаешь ты, как бывает в царском дворце, как допускаются там внутрь и окружают царя только те, кто заслужил эту честь, а кто не заслужил, тот стоит на дворе. И ты будь внутри — около невесты; но будь чистой в доме; не бесславь девства. Здесь присутствуют родные с обеих сторон: одни показывают, какую отдают, а другие — имеют соблюдать ее: зачем же ты наносишь бесчестие девству? Ведь если ты такая, — жених вправе думать так же точно и об невесте. Если ты хочешь быть любимой, то и торговка, и зеленщица, и ремесленница того же (хотят). И это не срам? Конечно срам, если ты ведешь себя беспорядочно, хотя бы ты была царская дочь. Не скажешь ли ты, что мешает бедность, или ремесло? Но будь девица даже рабой, — все же должна жить в целомудрии: *о Христе бо Иисусе ни раб, ни свободь* (Гал. III, 28). Ведь брак не зрелище. Это — таинство и образ великой вещи. Если тебе не стыдно перед ним самим, постыдись хоть того, образом чего он служит. *Тайна сия,* говорит (апостол), *велика есть, аз же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. V, 31). Это — образ Церкви и Христа, а ты приводишь развратных жен-

щин? Но если, скажешь, не будут танцевать ни девицы, ни женщины, так кто ж будет танцевать? Никто. Что за необходимость — танцы? Пляска (уместна) в таинствах эллинов, а в наших тишина и благопристойность, скромность и сдержанность. Великое таинство совершается: вон развратных женщин, вон нечистых! Какое же таинство? Соединяются два человека и делается из них один. И почему в то время, как входит (невеста) не бывает ни пляски, ни кимвалов, а наблюдается глубокая тишина и спокойствие, а когда соединятся они, составляя не бездушный образ, не образ чего-нибудь земного, а самого Бога, ты поднимаешь такой шум, нарушаешь спокойствие присутствующих, срамишь и возмущаешь душу? Приходят те, которые будут единым телом. Вот опять таинство любви! Если двое не будут одно, они, пока останутся двоими, не произведут многих; а когда достигнут соединения, тогда только и начинают производить. Какое отсюда вытекает заключение? То, что единство имеет большую силу. Творческая премудрость Божия с самого начала разделила одного на два и, желая показать, что и по разделении остается одно, устроила так, что одного недостаточно бывает для рождения. Ведь кто еще не объединился (узами брака), тот не составляет и целого, а половину. Это видно из того, что он не производит детей, по-прежнему. Видишь ли тайну брака? Из одного Он сделал двоих, а потом из двоих сделал и до сих пор делает одного, так что и теперь человек рождается от одного, — потому что жена и муж — не два человека, а один человек. И в этом можно убедиться из многих мест, как-то из примера Иакова, Марии, матери Христовой, из слов: *мужа и жену сотворил их* (Быт. I, 27). И если он глава, а она тело, так каким же образом их двое? Поэтому-то ей предназначено быть ученицей, а ему учителем; он должен быть начальником, она — подчиненной. И из самого образо-

вания тела видно, что они – одно, – потому что (жена) произошла от ребра мужа и оба они составляют как бы две части одного целого. Для того-то Он называет ее и помощницей, чтобы показать, что они одно. Для того-то Он супружеское сожительство поставляет выше отца и матери, чтобы показать, что они одно. И отец одинаково радуется, выходит ли замуж дочь, или женится сын, точно одно тело влечется к другому, как своей части; нужды нет, что тут бывают такие большие издержки, такая трата денег, – все же для него невыносимо видеть их безбрачными. Каждый из них в отдельности неполон, как будто бы у него отнята какая-нибудь часть тела, и не в состоянии ни рождать детей, ни устроить, как следует, настоящую жизнь. Потому-то и пророк говорит: *останок духа твоего* (Мал. II, 15). А каким образом они бывают в плоть едину? Все равно, как если бы ты отделил самое чистое золото и смешал его с другим золотом, – и здесь происходит нечто подобное: жена принимает плодотворное вещество в то самое мгновение, как жар наслаждения приводит его как бы в расплавленное состояние, и, приняв, питает и согревает его, привносит к нему, что нужно, и со своей стороны, – и производит человека. И ребенок служит чем-то вроде мостика, так что тут уже трое составляют одну плоть, потому что дитя соединяет обе стороны одну с другой. Все равно как два города, разделенные рекой, составляют один город, если есть мост, который поддерживает между ними взаимное сообщение, – и здесь то же, или еще больше, так как этот мостик устроен из существа их обоих. В этом отношении они одно так же, как голова и туловище составляют одно тело; они, правда, отделяются шеей, но не столько отделяются, сколько соединяются; это средина, которая связывает их друг с другом. Это все равно, как если хоровод, разделенный (на две части), составит одно, взяв одну часть свою

отсюда, а другую — с другой стороны. Или еще это подобно тому, как если люди, которые стоят, опустив руки, потом их протянут, и все же каждый составляет одно лицо, потому что протянутые руки еще не делают из одного (человека) двух. Потому-то он и выразился точно, — не сказал: будут одна плоть, а — *в плоть едину*, то есть соединятся в плоть младенца. Что же, если младенца не будет, — и тогда они не будут составлять два лица? Конечно. Ведь это (единство) происходит от совокупления, которое соединяет и смешивает тела обоих. Все равно, как если ты в масло вольешь благовонные капли, у тебя изо всего выйдет одно, — так бывает и здесь.

6. Знаю, что многие стыдятся того, о чем я говорю; причиной тому неумеренность и невоздержность. Это дело унижено оттого, что браки совершаются у нас таким образом, — оттого, что их портят, между тем как *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4). Что за стыд — дело честное? Зачем краснеть оттого, что чисто? Это свойственно только еретикам, да тем еще, которые приводят распутных женщин. Потому-то мне и хочется очистить (брак), возвести его на ту степень благородства, какая ему приличествует, и этим заградить уста еретикам. Осрамлен дар Божий, корень нашего бытия! А все оттого, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистим же его своим разумом. Потерпите немного, — ведь и тот, у кого есть грязь, терпит ее зловоние. Мне хочется показать вам, что этого не нужно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы делаете. А ты между тем не думаешь стыдиться последнего, а стыдишься первого, и таким образом осуждаешь Бога, который так устроил. Скажу и то еще, что это — таинственное изображение Церкви. Христос пришел к Церкви, из нее произошел, и с ней соединился духовным общением. *Обручих вы*, говорит (апостол), *единому мужу деву чисту* (2 Кор. XI, 2). А что мы от Него происходим,

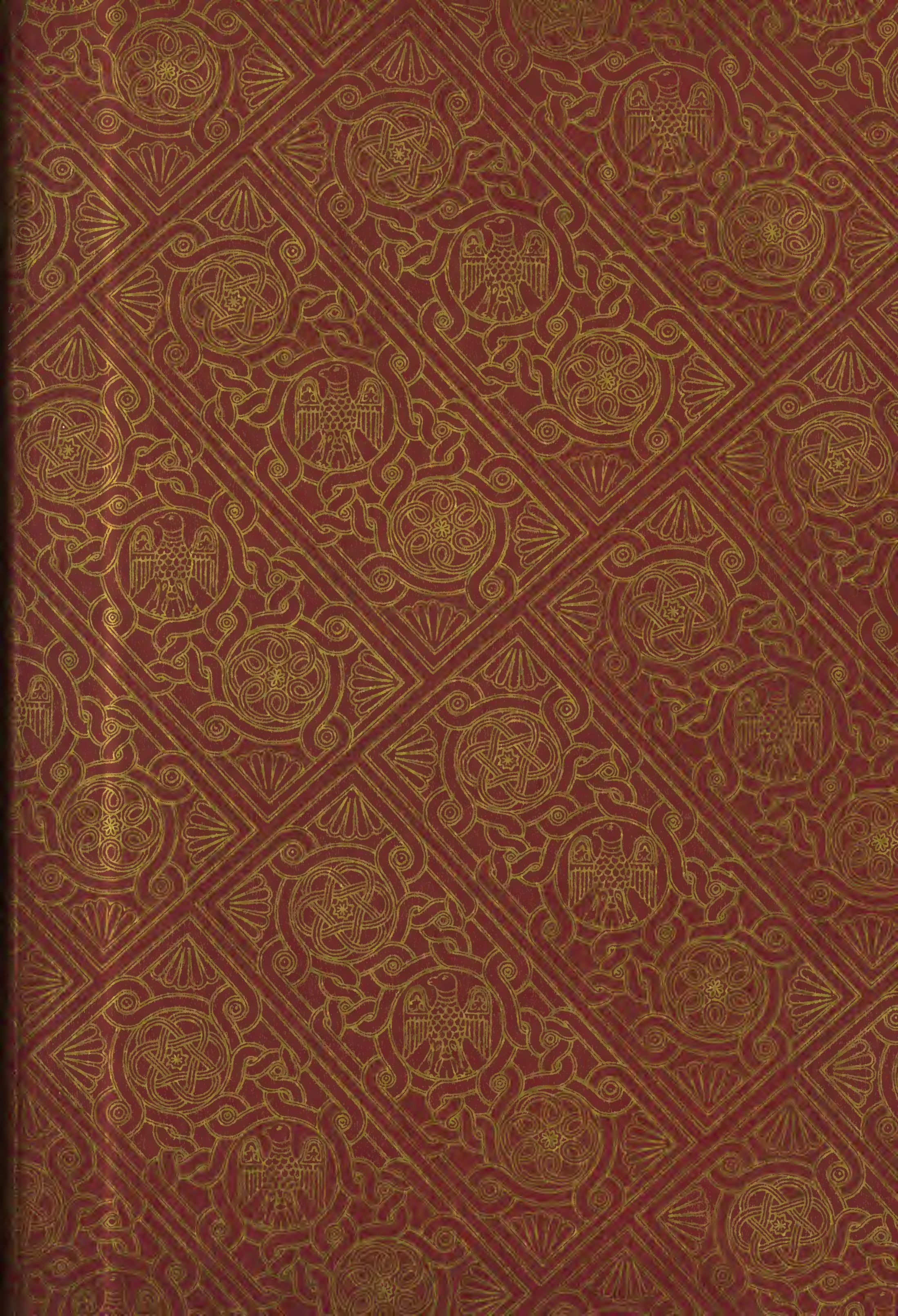
послушай, как об этом он говорит: мы все от удов его и от плоти его (Еф. V, 30). Подумаем же обо всем этом и не станем стыдиться такого таинства. Брак есть образ того, как Христос присутствует (в Церкви), а ты напиваешься? Скажи мне: если бы ты увидал образ царя, стал ли бы ты его стыдиться? Конечно, нет. То, что делается у нас при совершении брака, кажется делом безразличным, а между тем служит виной больших зол. Тут все – нарушение закона. *Сквернословие,* говорит (апостол), *и буесловие, или кощуны* не должны исходить из уст ваших (Еф. V, 4). А все это (что делается на браках) и есть сквернословие, и буесловие, и кощунство, да еще в высшей степени, потому что это сделалось искусством и большую славу доставляет тем, кто упражняется в нем. Пороки сделались искусством! Мы не как-нибудь (ненамеренно) впадаем в них, а с особенным старанием и уменьем; тут есть и предводитель – диавол, управляющий своим воинством. Действительно, где пьянство, где бесчинство, где сквернословие, там непременно присутствует диавол, который присовокупляет нечто и от себя. Скажи же мне: ты пируешь с ними, совершаешь таинство Христово и призываешь диавола? Вероятно, вы считаете меня человеком тяжелым. Ведь и то бывает от крайнего развращения, что, если кто станет вразумлять (других), он подвергается осмеянию, как человек суровый. Разве не слышите, что говорит Павел: что ни делаете вы, *аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. X, 31)? А вы напротив – (делаете все) к бесславию и к посрамлению. Не слышите ли, что говорит пророк: *работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. II, 11). А вы совершенно забываетесь. Разве нельзя и повеселиться, но без вреда для себя? Ты хочешь послушать приятных песен? Но лучше бы не слушать. Впрочем, если угодно, я уступаю тебе; но слушай не сатанинские, а духовные

(песни). Хочешь посмотреть ликующих, — смотри на лик ангелов. Ты скажешь: как возможно их видеть? Если ты удалишь эти (беспорядки), то придет к тебе на такое брачное торжество и сам Христос; а если где присутствует Христос, там, конечно, является и лик ангелов. Если хочешь, и ныне Он совершит чудо, как тогда (в Кане Галилейской), и ныне претворит воду в вино, а что еще гораздо удивительнее — остановит нескромную веселость, обуздает холодную страсть и обратит ее на предметы духовные: это значит сделать из воды вино. Но где флейтщики, там решительно нет Христа; если же Он и придет, то сначала выгонит их, а потом уже совершит чудо. Что может быть ненавистнее сатанинской роскоши, где все как-то нескладно, все без толку, а если и есть в чем-нибудь стройность, так зато все гнусно, все отвратительно.

7. Нет ничего приятнее добродетели; нет ничего сладостнее благопристойности, нет ничего привлекательнее скромности. Начни кто-нибудь устроять брак так, как я говорю, — он увидит, как это будет приятно. А как устроять брак, послушайте. Прежде всего ищи для девицы мужа, настоящего мужа и покровителя, — ведь ты хочешь приставить к телу голову, ведь хочешь отдать ему не рабыню, а дочь свою. Не ищи денег, ни знатности по роду, ни высокого происхождения, — все это неважно, — а ищи душевного расположения, кротости, истинного благоразумия и страха Божия, если хочешь, чтобы твоей дочке приятно было жить с ним. Если ты (мать) будешь искать побогаче, ты не только не принесешь ей никакой пользы, но причинишь еще вред, потому что сделаешь ее из свободной рабой. От золотых украшений она не получит столько удовольствий, сколько огорчений доставит ей ее рабское положение. Нет, ты не этого ищи, а всего лучше ищи ровню; если же нельзя, скорее ищи беднее себя, чем бога-

че, если только не хочешь отдать свою дочь господину, а хочешь отдать мужу. Когда достоверно разузнаешь о нравственных достоинствах человека и порешишь отдать, – призови Христа, чтобы Он присутствовал при этом деле. Он не почтет этого для себя унизительным, если брак таинственно изображает Его присутствие (в Церкви). И тут-то всего больше проси Его, чтобы Он дал тебе именно такого жениха. Не будь хуже Авраамова раба: хотя того отправили в такое дальнее путешествие, он знал однако же, куда нужно было ему обратиться, и потому-то нашел все. И ты, когда начинаешь хлопотать и искать мужа, молись; скажи Богу: кого Ты хочешь, того и определи мне; поручи Ему это дело, и Он наградит тебя за то, что ты предоставишь Ему такую честь. Двух правил тут надобно держаться: доверить это дело Ему и искать такого, какого желает Он, – скромного и честного. Итак, ты (мать), когда выдаешь замуж (дочь), не ходи по домам и не бери зеркал и платьев; ведь не на показ делается это дело, и не на выставку ты выводишь свою дочку; но украсивши дом тем, что есть, позови соседей, друзей, родных. Зови тех, которые известны тебе, как люди кроткого нрава: проси быть довольными тем, что есть. Музыкантов пусть не будет ни одного, потому что с ними лишние и пустые издержки. Но прежде всех позови Христа. Знаешь ли, как Его позвать? Если кто сотворит, говорит Он, *единому сих меньших, мне* сотворит (Мф. XXV, 45). Не думай, что звать нищих ради Христа – дело неприятное. Неприятно только звать распутных женщин. Если звать бедных, – это ведет к богатству, а то – к распутству. Украшай невесту не этими украшениями из золота, но кротостью, скромностью и обычными платьями, – вместо всякого золотого украшения и плетений пусть украшением для нее будут стыдливость, застенчивость и совершенное равнодушие к украшениям первого рода. Пусть не будет тут

ни малейшего шума и никакой тревоги. Пусть позовут жениха, и он возьмет девицу. Обеды и ужины не должны изобиловать пьянством, а духовным веселием. От такого брака будет весьма много добра и житейские дела будут упрочены. А от нынешних браков (если только можно назвать их браками, а не церемонией) смотри — сколько происходит зла? Через них в столовых — разгром, сейчас же забота и опасение, как бы из вещей, взятых на подержание, что-нибудь не пропало, и веселье сменяется несносной тоской. Это — мученье для родных, но нельзя сказать, чтобы и невеста была от него свободна; что следует после того, все падает на саму невесту. Видеть, как все рушится, — тут есть о чем пожалеть; смотреть на запустение дома, — тут есть отчего прийти в уныние. Там Христос, здесь сатана; там веселье, а здесь заботы; там удовольствие, здесь печаль; здесь издержки, там их отсутствие; здесь беспорядок, там благоприличие; здесь зависть, там радушие; здесь пьянство, там воздержность, там спасенье, там благоразумие. Подумаем же обо всем этом и поставим предел злу, чтобы нам угодить Богу и удостоиться получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



СВТ. ИОАНН
ЗЛАТОУСТ
VI